Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

9

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

* * *

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМА I—XVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · ЛЕНИНГРАД
1974

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

ИДИОТ

Рукописные редакции

ВЕЧНЫЙ МУЖ

НАБРОСКИ 1867—1870

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1974

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

*

Текст подготовили и примечания составили
И. А. БИТЮГОВА, Т. П. ГОЛОВАНОВА, В. В. ДУДКИН,
Т. А. ЛАПИЦКАЯ, И. З. СЕРМАН, Н. Н. СОЛОМИНА,
Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

Редакторы IX тома Т. П. ГОЛОВАНОВА
и Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

Д $\frac{70301}{042(01)-74}$ Подписное

ВЕЧНЫЙ МУЖ

РАССКАЗ

I

ВЕЛЬЧАНИНОВ

Пришло лето — и Вельчанинов, сверх ожидания, остался в Петербурге. Поездка его на юг России расстроилась, а делу и конца не предвиделось. Это дело — тяжба по имению — принимало предурной оборот. Еще три месяца тому назад оно имело вид весьма несложный, чуть не бесспорный; но как-то вдруг всё изменилось. «Да и вообще всё стало изменяться к худшему!» — эту фразу Вельчанинов с злорадством и часто стал повторять про себя. Он употреблял адвоката ловкого, дорогого, известного и денег не жалел; но в нетерпении и от мнительности повадился заниматься делом и сам: читал и писал бумаги, которые сплошь браковал адвокат, бегал по присутственным местам, наводил справки и, вероятно, очень мешал всему; по крайней мере адвокат жаловался и гнал его на дачу. Но он даже и на дачу выехать не решился. Пыль, духота, белые петербургские ночи, раздражающие нервы, — вот чем наслаждался он в Петербурге. Квартира его была где-то у Большого театра, недавно нанятая им, и тоже не удалась; «всё не удавалось!» Ипохондрия его росла с каждым днем; но к ипохондрии он уже был склонен давно.

Это был человек много и широко поживший, уже далеко не молодой, лет тридцати восьми или даже тридцати девяти, и вся эта «старость» — как он сам выражался — пришла к нему «совсем почти неожиданно»; но он сам понимал, что состарелся скорее не количеством, а, так сказать, качеством лет и что если уж и начались его немощи, то скорее изнутри, чем снаружи. На взгляд он и до сих пор смотрел молодцом. Это был парень высокий и плотный, светло-рус, густоволос и без единой сединки в голове и в длинной, чуть не до половины груди, русой бороде; с первого взгляда как бы несколько неуклюжий и опустившийся; но, вглядевшись пристальнее, вы тотчас же отличили бы в нем господина, выдер-

жанного отлично и когда-то получившего воспитание самое великосветское. Приемы Вельчанинова и теперь были свободны, смелы и даже грациозны, несмотря на всю благоприобретенную им брюзгливость и мешковатость. И даже до сих пор он был полон самой непоколебимой, самой великосветски нахальной самоуверенности, которой размера, может быть, и сам не подозревал в себе, несмотря на то что был человек не только умный, но даже иногда толковый, почти образованный и с несомненными дарованиями. Цвет лица его, открытого и румяного, отличался в старину женственною нежностью и обращал на него внимание женщин; да и теперь иной, взглянув на него, говорил: «Экой здоровенный, кровь с молоком!» И, однако ж, этот «здоровенный» был жестоко поражен ипохондрией. Глаза его, большие и голубые, лет десять назад имели тоже много в себе победительного; это были такие светлые, такие веселые и беззаботные глаза, что невольно влекли к себе каждого, с кем только он ни сходился. Теперь, к сороковым годам, ясность и доброта почти погасли в этих глазах, уже окружившихся легкими морщинками; в них появились, напротив, цинизм не совсем нравственного и уставшего человека, хитрость, всего чаще насмешка и еще новый оттенок, которого не было прежде: оттенок грусти и боли, — какой-то рассеянной грусти, как бы беспредметной, но сильной. Особенно проявлялась эта грусть, когда он оставался один. И странно, этот шумливый, веселый и рассеянный всего еще года два тому назад человек, так славно рассказывавший такие смешные рассказы, ничего так не любил теперь, как оставаться совершенно один. Он намеренно оставил множество знакомств, которых даже и теперь мог бы не оставлять, несмотря на окончательное расстройство своих денежных обстоятельств. Правда, тут помогло тщеславие: с его мнительностию и тщеславием нельзя было вынести прежних знакомств. Но и тщеславие его мало-помалу стало изменяться в уединении. Оно не уменьшилось, даже — напротив; но оно стало вырождаться в какое-то особого рода тщеславие, которого прежде не было: стало иногда страдать уже совсем от других причин, чем обыкновенно прежде, — от причин неожиданных и совершенно прежде немыслимых, от причин «более высших», чем до сих пор, — «если только можно так выразиться, если действительно есть причины высшие и низшие...» Это уже прибавлял он сам.

Да, он дошел и до этого; он бился теперь с какими-то причинами *высшими*, о которых прежде и не задумался бы. В сознании своем и по совести он называл высшими все «причины», над которыми (к удивлению своему) никак не мог про себя засмеяться, — чего до сих пор еще не бывало, — про себя, разумеется; о, в обществе дело другое! Он превосходно знал, что сойдись только обстоятельства — и назавтра же он, вслух, несмотря на все таинственные и благоговейные решения своей совести, преспокойно отречется от всех этих «высших причин» и сам, первый, подымет их на смех, разумеется не признаваясь ни в чем. И это было дей-

ствительно так, несмотря на некоторую, весьма даже значительную долю независимости мысли, отвоеванную им в последнее время у обладавших им до сих пор «низших причин». Да и сколько раз сам он, вставая наутро с постели, начинал стыдиться своих мыслей и чувств, пережитых в ночную бессонницу! (А он сплошь всё последнее время страдал бессонницей.) Давно уже он заметил, что становится чрезвычайно мнителен во всем, и в важном и в мелочах, а потому и положил было доверять себе как можно меньше. Но выдавались, однако же, факты, которых уж никак нельзя было не признать действительно существующими. В последнее время, иногда по ночам, его мысли и ощущения почти совсем переменялись в сравнении с всегдашними и большею частию отнюдь не походили на те, которые выпадали ему на первую половину дня. Это его поразило — и он даже посоветовался с известным доктором, правда, человеком ему знакомым; разумеется, заговорил с ним шутя. Он получил в ответ, что факт изменения и даже раздвоения мыслей и ощущений по ночам во время бессонницы, и вообще по ночам, есть факт всеобщий между людьми, «сильно мыслящими и сильно чувствующими», что убеждения всей жизни иногда внезапно менялись под меланхолическим влиянием ночи и бессонницы; вдруг ни с того ни с сего самые роковые решения предпринимались; но что, конечно, всё до известной меры — и если, наконец, субъект уже слишком ощущает на себе эту раздвоимость, так что дело доходит до страдания, то бесспорно это признак, что уже образовалась болезнь; а стало быть, надо немедленно что-нибудь предпринять. Лучше же всего изменить радикально образ жизни, изменить диету или даже предпринять путешествие. Полезно, конечно, слабительное.

Вельчанинов дальше слушать не стал; но болезнь была ему совершенно доказана.

«Итак, всё это только болезнь, всё это „высшее“ одна болезнь, и больше ничего!» — язвительно восклицал он иногда про себя. Очень уж ему не хотелось с этим согласиться.

Скоро, впрочем, и по утрам стало повторяться то же, что происходило в исключительные ночные часы, но только с большею желчью, чем по ночам, со злостью вместо раскаяния, с насмешкой вместо умиления. В сущности, это были всё чаще и чаще приходившие ему на память, «внезапно и бог знает почему», иные происшествия из его прошедшей и давно прошедшей жизни, но приходившие каким-то особенным образом. Вельчанинов давно уже, например, жаловался на потерю памяти: он забывал лица знакомых людей, которые, при встречах, за это на него обижались; книга, прочитанная им полгода назад, забывалась в этот срок иногда совершенно. И что же? — несмотря на эту очевидную ежедневную утрату памяти (о чем он очень беспокоился) — всё, что касалось давно прошедшего, всё, что по десяти, по пятнадцати лет бывало даже совсем забыто, — всё это вдруг иногда приходило теперь на память, но с такою изумительною точностию впечатлений и подробностей,

что как будто бы он вновь их переживал. Некоторые из припоминавшихся фактов были до того забыты, что ему уже одно то казалось чудом, что они могли припомниться. Но это еще было не всё; да и у кого из широко поживших людей нет своего рода воспоминаний? Но дело в том, что всё это припоминавшееся возвращалось теперь как бы с заготовленной кем-то, совершенно новой, неожиданной и прежде совсем немыслимой точкой зрения на факт. Почему иные воспоминания казались ему теперь совсем преступлениями? И не в одних приговорах его ума было дело: своему мрачному, одиночному и больному уму он бы и не поверил; но доходило до проклятий и чуть ли не до слез, если и не наружных, так внутренних. Да он еще два года тому назад и не поверил бы, если б ему сказали, что он когда-нибудь заплачет! Сначала, впрочем, припоминалось больше не из чувствительного, а из язвительного: припоминались иные светские неудачи, унижения; вспоминалось о том, например, как его «оклеветал один интриган», вследствие чего его перестали принимать в одном доме, — как, например, и даже не так давно, он был положительно и публично обижен, а на дуэль не вызвал, — как осадили его раз одной преостроумной эпиграммой в кругу самых хорошеньких женщин, а он не нашелся, что отвечать. Припомнились даже два-три неуплаченные долга, правда, пустяшные, но долги чести и таким людям, с которыми он перестал водиться и об которых уже говорил дурно. Мучило его тоже (но только в самые злые минуты) воспоминание о двух глупейшим образом промотанных состояниях, из которых каждое было значительное. Но скоро стало припоминаться и из «высшего».

Вдруг, например, «ни с того ни с сего» припомнилась ему забытая — и в высочайшей степени забытая им — фигура добренького одного старичка чиновника, седенького и смешного, оскорбленного им когда-то, давным-давно, публично и безнаказанно и единственно из одного фанфаронства: из-за того только, чтоб не пропал даром один смешной и удачный каламбур, доставивший ему славу и который потом повторяли. Факт был до того им забыт, что даже фамилии этого старичка он не мог припомнить, хотя сразу представилась вся обстановка приключения в непостижимой ясности. Он ярко припомнил, что старик тогда заступался за дочь, жившую с ним вместе и засидевшуюся в девках и про которую в городе стали ходить какие-то слухи. Старичок стал было отвечать и сердиться, но вдруг заплакал навзрыд при всем обществе, что произвело даже некоторое впечатление. Кончили тем, что для смеха его напоили тогда шампанским и вдоволь насмеялись. И когда теперь припомнил «ни с того ни с сего» Вельчанинов о том, как старикашка рыдал и закрывался руками как ребенок, то ему вдруг показалось, что как будто он никогда и не забывал этого. И странно: ему всё это казалось тогда очень смешным; теперь же — напротив, и именно подробности, именно закрывание лица руками. Потом он припомнил, как, единственно для шутки, оклеветал

одну прехорошенькую жену одного школьного учителя и клевета дошла до мужа. Вельчанинов скоро уехал из этого городка и не знал, чем тогда кончились следствия его клеветы, но теперь он стал вдруг воображать, чем кончились эти следствия, — и бог знает до чего бы дошло его воображение, если б вдруг не представилось ему одно гораздо ближайшее воспоминание об одной девушке, из простых мещанок, которая даже и не нравилась ему и которой, признаться, он и стыдился, но с которой, сам не зная для чего, прижил ребенка, да так и бросил ее вместе с ребенком, даже не простившись (правда, некогда было), когда уехал из Петербурга. Эту девушку он разыскивал потом целый год, но уже никак не мог отыскать. Впрочем, таких воспоминаний оказывались чуть не сотни — и так даже, что как будто каждое воспоминание тащило за собою десятки других. Мало-помалу стало страдать и его тщеславие.

Мы сказали уже, что тщеславие его выродилось в какое-то особенное. Это было справедливо. Минутами (редкими, впрочем) он доходил иногда до такого самозабвения, что не стыдился даже того, что не имеет своего экипажа, что слоняется пешком по присутственным местам, что стал несколько небрежен в костюме, — и случись, что кто-нибудь из старых знакомых обмерил бы его насмешливым взглядом на улице или просто вздумал бы не узнать, то, право, у него достало бы настолько высокомерия, чтоб даже и не поморщиться. Серьезно не поморщиться, вправду, а не то что для одного виду. Разумеется, это бывало редко, это были только минуты самозабвения и раздражения, но все-таки тщеславие его стало мало-помалу удаляться от прежних поводов и сосредоточиваться около одного вопроса, беспрерывно приходившего ему на ум.

«Вот ведь, — начинал он думать иногда сатирически (а он всегда почти, думая о себе, начинал с сатирического), — вот ведь кто-то там заботится же об исправлении моей нравственности и посылает мне эти проклятые воспоминания и „слезы раскаяния“. Пусть, да ведь попусту! ведь всё стрельба холостыми зарядами! Ну не знаю ли я наверно, вернее чем наверно, что, несмотря на все эти слезные раскаяния и самоосуждения, во мне нет ни капельки самостоятельности, несмотря на все мои глупейшие сорок лет! Ведь случись завтра же такое же искушение, ну сойдись, например, опять обстоятельства так, что мне выгодно будет слух распустить, будто бы учительша от меня подарки принимала, — и я ведь наверное распущу, не дрогну, — и еще хуже, пакостнее, чем в первый раз, дело выйдет, потому что этот раз будет уже второй раз, а не первый. Ну оскорби меня опять, сейчас, этот князек, единственный сын у матери и которому я одиннадцать лет тому назад ногу отстрелил, — и я тотчас же его вызову и посажу опять на деревяшку. Ну не холостые ли, стало быть, заряды, и что в них толку! и для чего напоминать, когда я хоть сколько-нибудь развязаться с собой прилично не умею!»

И хоть не повторялось опять факта с учительшей, хоть не сажал он никого на деревяшку, но одна мысль о том, что это непременно должно было бы повториться, если б сошлись обстоятельства, почти убивала его... иногда. Не всегда же в самом деле страдать воспоминаниями; можно отдохнуть и погулять — в антрактах.

Так Вельчанинов и делал: он готов был погулять в антрактах; но все-таки чем дальше, тем неприятнее становилось его житье в Петербурге. Подходит уж и июль. Мелькала в нем иногда решимость бросить всё и самую тяжбу и уехать куда-нибудь, не оглядываясь, как-нибудь вдруг, нечаянно, хоть туда же в Крым например. Но через час, обыкновенно, он уже презирал свою мысль и смеялся над ней: «Эти скверные мысли ни на каком юге не прекратятся, если уж раз начались и если я хоть сколько-нибудь порядочный человек, а стало быть, нечего и бежать от них, да и незачем».

«Да и к чему бежать, — продолжал он философствовать с горя, — здесь так пыльно, так душно, в этом доме так всё запачкано; в этих присутствиях, по которым я слоняюсь, между всеми этими деловыми людьми — столько самой мышиной суеты, столько самой толкучей заботы; во всем этом народе, оставшемся в городе, на всех этих лицах, мелькающих с утра до вечера, — так наивно и откровенно рассказано всё их себялюбие, всё их простодушное нахальство, вся трусливость их душонок, вся куриность их сердчишек, — что, право, тут рай ипохондрику, самым серьезным образом говоря! Всё откровенно, всё ясно, всё не считает даже нужным и прикрываться, как где-нибудь у наших барынь на дачах или на водах за границей; а стало быть, всё гораздо достойнее полнейшего уважения за одну только откровенность и простоту... Никуда не уеду! Лопну здесь, а никуда не уеду!..»

II

ГОСПОДИН С КРЕПОМ НА ШЛЯПЕ

Было третье июля. Духота и жар стояли нестерпимые. День для Вельчанинова выдался самый хлопотливый: всё утро пришлось ходить и разъезжать, а в перспективе предстояла непременная надобность сегодня же вечером посетить одного нужного господина, одного дельца и статского советника, на его даче, где-то на Черной речке, и захватить его неожиданно дома. Часу в шестом Вельчанинов вошел наконец в один ресторан (весьма сомнительный, но французский) на Невском проспекте, у Полицейского моста, сел в своем обычном углу за свой столик и спросил свой ежедневный обед.

Он съедал ежедневно обед в рубль и за вино платил особенно, что и считал жертвой, благоразумно им приносимой расстроенным своим обстоятельствам. Удивляясь, как можно есть такую дрянь,

он уничтожал, однако же, всё до последней крошки — и каждый раз с таким аппетитом, как будто перед тем не ел трое суток. «Это что-то болезненное», — бормотал он про себя, замечая иногда свой аппетит. Но в этот раз он уселся за свой столик в самом скверном расположении духа, с сердцем отбросил куда-то шляпу, облокотился и задумался. Завозись теперь как-нибудь обедавший с ним рядом сосед или не пойми его с первого слова прислуживавший ему мальчишка — и он, так умевший быть вежливым и, когда надо, так свысока невозмутимым, наверно бы расшумелся, как юнкер, и, пожалуй, сделал бы историю.

Подали ему суп, он взял ложку, но вдруг, не успев зачерпнуть, бросил ложку на стол и чуть не вскочил со стула. Одна неожиданная мысль внезапно осенила его: в это мгновение он — и бог знает каким процессом — вдруг вполне осмыслил причину своей тоски, своей особенной отдельной тоски, которая мучила его уже несколько дней сряду, всё последнее время, бог знает как привязалась и бог знает почему не хотела никак отвязаться; теперь же он сразу всё разглядел и понял, как свои пять пальцев.

— Это всё эта шляпа! — пробормотал он как бы вдохновенный, — единственно одна только эта проклятая круглая шляпа, с этим мерзким траурным крепом, *всему* причиною!

Он стал думать — и чем далее вдумывался, тем становился угрюмее и тем удивительнее становилось в его глазах «всё происшествие».

«Но... но какое же тут, однако, происшествие? — протестовал было он, не доверяя себе, — есть ли тут хоть что-нибудь похожее на происшествие?»

Всё дело состояло вот в чем: почти уже тому две недели (по-настоящему он не помнил, но, кажется, было две недели), как встретил он в первый раз, на улице, где-то на углу Подьяческой и Мещанской, одного господина с крепом на шляпе. Господин был, как и все, ничего в нем не было такого особенного, прошел он скоро, но посмотрел на Вельчанинова как-то слишком уж пристально и почему-то сразу обратил на себя его внимание до чрезвычайности. По крайней мере физиономия его показалась знакомою Вельчанинову. Он, очевидно, когда-то и где-то встречал ее. «А впрочем, мало ли тысяч физиономий встречал я в жизни — всех не упомнишь!» Пройдя шагов двадцать, он уже, казалось, и забыл про встречу, несмотря на всё первое впечатление. А впечатление, однако, осталось на целый день — и довольно оригинальное: в виде какой-то беспредметной, особенной злобы. Он теперь, через две недели, всё это припоминал ясно; припоминал тоже, что совершенно не понимал тогда, откуда в нем эта злоба, — и не понимал до того, что ни разу даже не сблизил и не сопоставил свое скверное расположение духа во весь тот вечер с утренней встречей. Но господин сам поспешил о себе напомнить и на другой день опять столкнулся с Вельчаниновым на Невском проспекте и опять как-то странно посмотрел на него. Вельчанинов плюнул, но, плюнув, тотчас же

удивился своему плевку. Правда, есть физиономии, возбуждающие сразу беспредметное и бесцельное отвращение. «Да, я действительно его где-то встречал», — пробормотал он задумчиво, уже полчаса спустя после встречи. Затем опять весь вечер пробыл в сквернейшем расположении духа; даже дурной сон какой-то приснился ночью, и все-таки не пришло ему в голову, что вся причина этой новой и особенной хандры его — один только давешний траурный господин, хотя в этот вечер он не раз вспоминал его. Даже разозлился мимоходом, что «такая дрянь» смеет так долго ему вспоминаться; приписать же ему всё свое волнение, наверно, почел бы даже унизительным, если б только мысль об том пришла ему в голову. Два дня спустя опять встретились, в толпе, при выходе с одного невского парохода. В этот, третий, раз Вельчанинов готов был поклясться, что господин в траурной шляпе узнал его и рванулся к нему, отвлекаемый и теснимый толпой; кажется, даже «осмелился» протянуть к нему руку; может быть, даже вскрикнул и окликнул его по имени. Последнего, впрочем, Вельчанинов не расслышал ясно, но... «кто же, однако, эта каналья и почему он не подходит ко мне, если в самом деле узнаёт и если так ему хочется подойти?» — злобно подумал он, садясь на извозчика и отправляясь к Смольному монастырю. Через полчаса он уже спорил и шумел с своим адвокатом, но вечером и ночью был опять в мерзейшей и самой фантастической тоске. «Уж не разливается ли желчь?» — мнительно спрашивал он себя, глядясь в зеркало.

Это была третья встреча. Потом дней пять сряду решительно «никто» не встречался, а об «каналье» и слух замер. А между тем нет-нет да и вспомнится господин с крепом на шляпе. С некоторым удивлением ловил себя на этом Вельчанинов: «Что мне тошно по нем, что ли? Гм!.. А тоже, должно быть, у него много дела в Петербурге, — и по ком это у него креп? Он, очевидно, узнавал меня, а я его не узнаю. И зачем эти люди надевают креп? К ним как-то нейдет... Мне кажется, если я поближе всмотрюсь в него, я его узна́ю...»

И что-то как будто начинало шевелиться в его воспоминаниях, как какое-нибудь известное, но вдруг почему-то забытое слово, которое из всех сил стараешься припомнить: знаешь его очень хорошо — и знаешь про то, что именно оно означает, около того ходишь; но вот никак не хочет слово припомниться, как ни бейся над ним!

«Это было... Это было давно... и это было где-то... Тут было... тут было... — ну, да черт с ним совсем, что тут было и не было!.. — злобно вскричал он вдруг. — И стоит ли об эту каналью так пакоститься и унижаться!..»

Он рассердился ужасно; но вечером, когда ему вдруг припомнилось, что он давеча рассердился и «ужасно», — ему стало чрезвычайно неприятно: кто-то как будто поймал его в чем-нибудь. Он смутился и удивился:

«Есть же, стало быть, причины, по которым я так злюсь... ни с того ни с сего... при одном воспоминании...» Он не докончил своей мысли.

А на другой день рассердился еще пуще, но в этот раз ему показалось, что есть за что и что он совершенно прав; «дерзость была неслыханная»: дело в том, что произошла четвертая встреча. Господин с крепом явился опять, как будто из-под земли. Вельчанинов только что поймал на улице того самого статского советника и нужного господина, которого он и теперь ловил, чтобы захватить хоть на даче нечаянно, потому что этот чиновник, едва знакомый Вельчанинову, но нужный по делу, и тогда, как и теперь, не давался в руки и, очевидно, прятался, всеми силами не желая с своей стороны встретиться с Вельчаниновым; обрадовавшись, что наконец-таки с ним столкнулся, Вельчанинов пошел с ним рядом, спеша, заглядывая ему в глаза и напрягая все силы, чтобы навести седого хитреца на одну тему, на один разговор, в котором тот, может быть, и проговорился бы и выронил бы как-нибудь одно искомое и давно ожидаемое словечко; но седой хитрец был тоже себе на уме, отсмеивался и отмалчивался, — и вот именно в эту чрезвычайно хлопотливую минуту взгляд Вельчанинова вдруг отличил на противуположном тротуаре улицы господина с крепом на шляпе. Он стоял и пристально смотрел оттуда на них обоих; он следил за ними — это было очевидно — и, кажется, даже подсмеивался.

«Черт возьми! — взбесился Вельчанинов, уже проводив чиновника и приписывая всю свою с ним неудачу внезапному появлению этого „нахала“, — черт возьми, шпионит он, что ли, за мной! Он, очевидно, следит за мной! Нанят, что ли, кем-нибудь и... и... и, ей-богу же, он подсмеивался! Я, ей-богу, исколочу его... Жаль только, что я хожу без палки! Я куплю палку! Я этого так не оставлю! Кто он такой? Я непременно хочу знать, кто он такой?»

Наконец, — ровно три дня спустя после этой (четвертой) встречи, — мы застаем Вельчанинова в его ресторане, как мы и описывали, уже совершенно и серьезно взволнованного и даже несколько потерявшегося. Не сознаться в этом не мог даже и сам он, несмотря на всю гордость свою. Принужден же был он наконец догадаться, сопоставив все обстоятельства, что всей хандры его, всей этой *особенной* тоски его и всех его двухнедельных волнений — причиною был не кто иной, как этот самый траурный господин, «несмотря на всю его ничтожность».

«Пусть я ипохондрик, — думал Вельчанинов, — и, стало быть, из мухи готов слона сделать, но, однако же, легче ль мне оттого, что всё это, *может быть,* только одна фантазия? Ведь если каждая подобная шельма в состоянии будет совершенно перевернуть человека, то ведь это... ведь это...»

Действительно, в этой сегодняшней (пятой) встрече, которая так взволновала Вельчанинова, слон явился совсем почти мухой:

господин этот, как и прежде, юркнул мимо, но в этот раз уже не разглядывая Вельчанинова и не показывая, как прежде, вида, что его узнаёт, — а, напротив, опустив глаза и, кажется, очень желая, чтоб его самого не заметили. Вельчанинов оборотился и закричал ему во всё горло:

— Эй, вы! креп на шляпе! Теперь прятаться! Стойте: кто вы такой?

Вопрос (и весь крик) был очень бестолков. Но Вельчанинов догадался об этом, уже прокричав. На крик этот — господин оборотился, на минуту приостановился, потерялся, улыбнулся, хотел было что-то проговорить, что-то сделать, с минуту, очевидно, был в ужаснейшей нерешимости и вдруг — повернулся и побежал прочь без оглядки. Вельчанинов с удивлением смотрел ему вслед.

«А что? — подумал он, — что, если и в самом деле не он ко мне, а я, напротив, к нему пристаю, и вся штука в этом?»

Пообедав, он поскорее отправился на дачу к чиновнику. Чиновника не застал; ответили, что «с утра не возвращались, да вряд ли и возвратятся сегодня раньше третьего или четвертого часу ночи, потому что остались в городе у именинника». Уж это было до того «обидно», что, в первой ярости, Вельчанинов положил было отправиться к имениннику и даже в самом деле поехал; но, сообразив на пути, что заходит далеко, отпустил середи дороги извозчика и потащился к себе пешком, к Большому театру. Он чувствовал потребность моциона. Чтоб успокоить взволнованные нервы, надо было ночью выспаться во что бы то ни стало, несмотря на бессонницу; а чтоб заснуть, надо было по крайней мере хоть устать. Таким образом, он добрался к себе уже в половине одиннадцатого, ибо путь был очень не малый, — и действительно очень устал.

Нанятая им в марте месяце квартира его, которую он так злорадно браковал и ругал, извиняясь сам перед собою, что «всё это на походе» и что он «застрял» в Петербурге нечаянно, через эту «проклятую тяжбу», — эта квартира его была вовсе не так дурна и не неприлична, как он сам отзывался об ней. Вход был действительно несколько темноват и «запачкан», из-под ворот; но самая квартира, во втором этаже, состояла из двух больших, светлых и высоких комнат, отделенных одна от другой темною переднею и выходивших, таким образом, одна на улицу, другая во двор. К той, которая выходила окнами во двор, прилегал сбоку небольшой кабинет, назначавшийся служить спальней; но у Вельчанинова валялись в нем в беспорядке книги и бумаги; спал же он в одной из больших комнат, той самой, которая окнами выходила на улицу. Стлали ему на диване. Мебель у него стояла порядочная, хотя и подержанная, и находились, кроме того, некоторые даже дорогие вещи — осколки прежнего благосостояния: фарфоровые и бронзовые игрушки, большие и настоящие бухарские ковры; уцелели даже две недурные картины; но всё было в явном беспорядке, не на своем месте и даже запылено, с тех пор как прислу-

живавшая ему девушка, Пелагея, уехала на побывку к своим родным в Новгород и оставила его одного. Этот странный факт одиночной и девичьей прислуги у холостого и светского человека, всё еще желавшего соблюдать джентльменство, заставлял почти краснеть Вельчанинова, хотя этой Пелагеей он был очень доволен. Эта девушка определилась к нему в ту минуту, как он занял эту квартиру весной, из знакомого семейного дома, отбывшего за границу, и завела у него порядок. Но с отъездом ее он уже другой женской прислуги нанять не решился; нанимать же лакея на короткий срок не стоило, да он и не любил лакеев. Таким образом и устроилось, что комнаты его приходила убирать каждое утро дворничихина сестра Мавра, которой он и ключ оставлял, выходя со двора, и которая ровно ничего не делала, деньги брала и, кажется, воровала. Но он уже на всё махнул рукой и даже был тем доволен, что дома остается теперь совершенно один. Но всё до известной меры — и нервы его решительно не соглашались иногда, в иные желчные минуты, выносить всю эту «пакость», и, возвращаясь к себе домой, он почти каждый раз с отвращением входил в свои комнаты.

Но в этот раз он едва дал себе время раздеться, бросился на кровать и раздражительно решил ни о чем не думать и во что бы то ни стало «сию же минуту» заснуть. И странно, он вдруг заснул, только что голова успела дотронуться до подушки; этого не бывало с ним почти уже с месяц.

Он проспал около трех часов, но сном тревожным; ему снились какие-то странные сны, какие снятся в лихорадке. Дело шло об каком-то преступлении, которое он будто бы совершил и утаил и в котором обвиняли его в один голос беспрерывно входившие к нему откудова-то люди. Толпа собралась ужасная, но люди всё еще не переставали входить, так что и дверь уже не затворялась, а стояла настежь. Но весь интерес сосредоточился наконец на одном странном человеке, каком-то очень ему когда-то близком и знакомом, который уже умер, а теперь почему-то вдруг тоже вошел к нему. Всего мучительнее было то, что Вельчанинов не знал, что это за человек, позабыл его имя и никак не мог вспомнить; он знал только, что когда-то его очень любил. От этого человека как будто и все прочие вошедшие люди ждали самого главного слова: или обвинения, или оправдания Вельчанинова, и все были в нетерпении. Но он сидел неподвижно за столом, молчал и не хотел говорить. Шум не умолкал, раздражение усиливалось, и вдруг Вельчанинов, в бешенстве, ударил этого человека за то, что он не хотел говорить, и почувствовал от этого странное наслаждение. Сердце его замерло от ужаса и от страдания за свой поступок, но в этом-то замиранье и заключалось наслаждение. Совсем остервенясь, он ударил в другой и в третий раз, и в каком-то опьянении от ярости и от страху, дошедшем до помешательства, но заключавшем тоже в себе бесконечное наслаждение, он уже не считал своих ударов, но бил не останавливаясь. Он хотел всё, всё *это* разру-

шить. Вдруг что-то случилось; все страшно закричали и обратились, выжидая, к дверям, и в это мгновение раздались звонкие три удара в колокольчик, но с такой силой, как будто его хотели сорвать с дверей. Вельчанинов проснулся, очнулся в один миг, стремглав вскочил с постели и бросился к дверям; он был совершенно убежден, что удар в колокольчик — не сон и что действительно кто-то позвонил к нему сию минуту. «Было бы слишком неестественно, если бы такой ясный, такой действительный, осязательный звон приснился мне только во сне!»

Но, к удивлению его, и звон колокольчика оказался тоже сном. Он отворил дверь и вышел в сени, заглянул даже на лестницу — никого решительно не было. Колокольчик висел неподвижно. Подивившись, но и обрадовавшись, он воротился в комнату. Зажигая свечу, он вспомнил, что дверь стояла только припертая, а не запертая на замок и на крюк. Он и прежде, возвращаясь домой, часто забывал запирать дверь на ночь, не придавая делу особенной важности. Пелагея несколько раз за это ему выговаривала. Он воротился в переднюю запереть двери, еще раз отворил их и посмотрел в сенях и наложил только изнутри крючок, а ключ в дверях повернуть все-таки поленился. Часы ударили половину третьего; стало быть, он спал три часа.

Сон до того взволновал его, что он уже не захотел лечь сию минуту опять и решил с полчаса походить по комнате — «время выкурить сигару». Наскоро одевшись, он подошел к окну, приподнял толстую штофную гардину, а за ней белую стору. На улице уже совсем рассвело. Светлые летние петербургские ночи всегда производили в нем нервное раздражение и в последнее время только помогали его бессоннице, так что он, недели две назад, нарочно завел у себя на окнах эти толстые штофные гардины, не пропускавшие свету, когда их совсем опускали. Впустив свет и забыв на столе зажженную свечку, он стал расхаживать взад и вперед всё еще с каким-то тяжелым и больным чувством. Впечатление сна еще действовало. Серьезное страдание о том, что он мог поднять руку на этого человека и бить его, продолжалось.

— А ведь этого и человека-то нет и никогда не бывало, всё сон, чего же я ною?

С ожесточением, и как будто в этом совокуплялись все заботы его, он стал думать о том, что решительно становится болен, «больным человеком».

Ему всегда было тяжело сознаваться, что он стареет или хилеет, и со злости он в дурные минуты преувеличивал и то и другое, нарочно, чтоб подразнить себя.

— Старчество! совсем старею, — бормотал он, прохаживаясь, — память теряю, привидения вижу, сны, звенят колокольчики... Черт возьми! я по опыту знаю, что такие сны всегда лихорадку во мне означали... Я убежден, что и вся эта «история» с этим крепом — тоже, может быть, сон. Решительно я вчера правду подумал: я, я к нему пристаю, а не он ко мне! Я поэму

из него сочинил, а сам под стол от страху залез. И почему я его канальей зову? Человек, может быть, очень порядочный. Лицо, правда, неприятное, хотя ничего особенно некрасивого нет; одет, как и все. Взгляд только какой-то... Опять я за свое! я опять об нем!! и какого черта мне в его взгляде? Жить, что ли, я не могу без этого... висельника?

Между прочими вскакивавшими в его голову мыслями одна тоже больно уязвила его: он вдруг как бы убедился, что этот господин с крепом был когда-то с ним знаком по-приятельски и теперь, встречая его, над ним смеется, потому что знает какой-нибудь его прежний большой секрет и видит его теперь в таком унизительном положении. Машинально подошел он к окну, чтоб отворить его и дохнуть ночным воздухом, и — и вдруг весь вздрогнул: ему показалось, что перед ним внезапно совершилось что-то неслыханное и необычайное.

Окна он еще не успел отворить, но поскорей скользнул за угол оконного откоса и притаился: на пустынном противуположном тротуаре он вдруг увидел, прямо перед домом, господина с крепом на шляпе. Господин стоял на тротуаре лицом к его окнам, но, очевидно, не замечая его, и любопытно, как бы что-то соображая, выглядывал дом. Казалось, он что-то обдумывал и как бы на что-то решался; приподнял руку и как будто приставил палец ко лбу. Наконец решился: бегло огляделся кругом и, на цыпочках, крадучись, стал поспешно переходить через улицу. Так и есть: он прошел в их ворота, в калитку (которая летом иной раз до трех часов не запиралась засовом). «Он ко мне идет», — быстро промелькнуло у Вельчанинова, и вдруг, стремглав и точно так же на цыпочках, пробежал он в переднюю к дверям и — затих перед ними, замер в ожидании, чуть-чуть наложив вздрагивавшую правую руку на заложенный им давеча дверной крюк и прислушиваясь изо всей силы к шороху ожидаемых шагов на лестнице.

Сердце его до того билось, что он боялся прослушать, когда взойдет на цыпочках незнакомец. Факта он не понимал, но ощущал всё в какой-то удесятеренной полноте. Как будто давешний сон слился с действительностию. Вельчанинов от природы был смел. Он любил иногда доводить до какого-то щегольства свое бесстрашие в ожидании опасности — даже если на него и никто не глядел, а только любуясь сам собою. Но теперь было еще и что-то другое. Давешний ипохондрик и мнительный нытик преобразился совершенно; это был уже вовсе не тот человек. Нервный, неслышный смех порывался из его груди. Из-за затворенной двери он угадывал каждое движение незнакомца.

«А! вот он всходит, взошел, осматривается, прислушивается вниз на лестницу; чуть дышит, крадется... а! взялся за ручку, тянет, пробует! рассчитывал, что у меня не заперто! Значит, знал, что я иногда запереть забываю! Опять за ручку тянет; что ж он думает, что крючок соскочит? Расстаться жаль! Уйти жаль попусту?»

И действительно, всё так, наверно, и должно было происходить, как ему представлялось: кто-то действительно стоял за дверьми и тихо, неслышно пробовал замок и потягивал за ручку и, — «уж разумеется, имел свою цель». Но у Вельчанинова уже было готово решение задачи, и он с каким-то восторгом выжидал мгновения, изловчался и примеривался: ему неотразимо захотелось вдруг снять крюк, вдруг отворить настежь дверь и очутиться глаз на глаз с «страшилищем». «А что, дескать, вы здесь делаете, милостивый государь?»

Так и случилось; улучив мгновение, он вдруг снял крюк, толкнул дверь и — почти наткнулся на господина с крепом на шляпе.

III

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ ТРУСОЦКИЙ

Тот как бы онемел на месте. Оба стояли друг против друга, на пороге, и оба неподвижно смотрели друг другу в глаза. Так прошло несколько мгновений, и вдруг — Вельчанинов узнал своего гостя!

В то же время и гость, видимо, догадался, что Вельчанинов совершенно узнал его: это блеснуло в его взгляде. В один миг всё лицо его как бы растаяло в сладчайшей улыбке.

— Я, наверное, имею удовольствие говорить с Алексеем Ивановичем? — почти пропел он нежнейшим и до комизма не подходящим к обстоятельствам голосом.

— Да неужели же вы Павел Павлович Трусоцкий? — выговорил наконец и Вельчанинов с озадаченным видом.

— Мы были с вами знакомы лет девять назад в Т., и — если только позволите мне припомнить — были знакомы дружески.

— Да-с... положим-с... но — теперь три часа, и вы целых десять минут пробовали, заперто у меня или нет...

— Три часа! — вскрикнул гость, вынимая часы и даже горестно удивившись, — так точно: три! Извините, Алексей Иванович, я бы должен был, входя, сообразить; даже стыжусь. Зайду и объяснюсь на днях, а теперь...

— Э, нет! уж если объясняться, так не угодно ли сию же минуту! — спохватился Вельчанинов. — Милости просим сюда, через порог; в комнаты-с. Вы ведь, конечно, сами в комнаты намеревались войти, а не для того только явились ночью, чтоб замки пробовать...

Он был и взволнован и вместе с тем как бы опешен и чувствовал, что не может сообразиться. Даже стыдно стало: ни тайны, ни опасности — ничего не оказалось из всей фантасмагории; явилась только глупая фигура какого-то Павла Павловича. Но, впрочем, ему совсем не верилось, что это так просто; он что-то смутно и со страхом предчувствовал. Усадив гостя в кресла, он нетерпеливо уселся на своей постели, на шаг от кресел, принагнулся, уперся ладонями

в свои колени и раздражительно ждал, когда тот заговорит. Он жадно его разглядывал и припоминал. Но странно: тот молчал, совсем, кажется, и не понимая, что немедленно «обязан» заговорить; напротив того, сам как бы выжидавшим чего-то взглядом смотрел на хозяина. Могло быть, что он просто робел, ощущая спервоначалу некоторую неловкость, как мышь в мышеловке; но Вельчанинов разозлился.

— Что ж вы! — вскричал он. — Ведь вы, я думаю, не фантазия и не сон! В мертвецы, что ли, вы играть пожаловали? Объяснитесь, батюшка!

Гость зашевелился, улыбнулся и начал осторожно: «Сколько я вижу, вас, прежде всего, даже поражает, что я пришел в такой час и — при особенных таких обстоятельствах-с... Так что, помня всё прежнее и то, как мы расстались-с, — мне даже теперь странно-с... А впрочем, я даже и не намерен был заходить-с, и если уж так вышло, то — нечаянно-с...»

— Как нечаянно! да я вас из окна видел, как вы на цыпочках через улицу перебегали!

— Ах, вы видели! — ну так вы, пожалуй, теперь больше моего про всё это знаете-с! Но я вас только раздражаю... Вот тут что-с: я приехал сюда уже недели с три, по своему делу... Я ведь Павел Павлович Трусоцкий, вы ведь меня сами признали-с. Дело мое в том, что я хлопочу о моем перемещении в другую губернию и в другую службу-с и на место с значительным повышением... Но, впрочем, всё это тоже не то-с!.. Главное, если хотите, в том, что я здесь слоняюсь вот уже третью неделю и, кажется, сам затягиваю мое дело нарочно, то есть о перемещении-то-с, и, право, если даже оно и выйдет, то я, чего доброго, и сам забуду, что оно вышло-с, и не выеду из вашего Петербурга в моем настроении. Слоняюсь, как бы потеряв свою цель и как бы даже радуясь, что ее потерял — в моем настроении-с...

— В каком это настроении? — хмурился Вельчанинов.

Гость поднял на него глаза, поднял шляпу и уже с твердым достоинством указал на креп.

— Да — вот-с в каком настроении!

Вельчанинов тупо смотрел то на креп, то в лицо гостю. Вдруг румянец залил мгновенно его щеки, и он заволновался ужасно.

— Неужели Наталья Васильевна!

— Она-с! Наталья Васильевна! В нынешнем марте... Чахотка и почти вдруг-с, в какие-нибудь два-три месяца! И я остался — как вы видите!

Проговорив это, гость в сильном чувстве развел руки в обе стороны, держа в левой на отлете свою шляпу с крепом, и глубоко наклонил свою лысую голову, секунд по крайней мере на десять.

Этот вид и этот жест вдруг как бы освежили Вельчанинова; насмешливая и даже задирающая улыбка скользнула по его губам, — но покамест на одно только мгновение: известие о смерти этой дамы (с которой он был так давно знаком и так давно уже успел

позабыть ее) произвело на него теперь до неожиданности потрясающее впечатление.

— Возможно ли это! — бормотал он первые попавшиеся на язык слова. — И почему же вы прямо не зашли и не объявили?

— Благодарю вас за участие, вижу и ценю его, несмотря...

— Несмотря?

— Несмотря на столько лет разлуки, вы отнеслись сейчас к моему горю, и даже ко мне, с таким совершенным участием, что я, разумеется, ощущаю благодарность. Вот это только я и хотел заявить-с. И не то чтобы я сомневался в друзьях моих, я и здесь, даже сейчас, могу отыскать самых искренних друзей-с (взять только одного Степана Михайловича Багаутова), но ведь нашему с вами, Алексей Иванович, знакомству (пожалуй, дружбе — ибо с признательностию вспоминаю) прошло девять лет-с, к нам вы не возвращались, писем обоюдно не было...

Гость пел, как по нотам, но всё время, пока изъяснялся, глядел в землю, хотя, конечно, всё видел и вверху. Но и хозяин уже успел немного сообразиться.

С некоторым весьма странным впечатлением, всё более и более усиливавшимся, прислушивался и приглядывался он к Павлу Павловичу, и вдруг, когда тот приостановился, — самые пестрые и неожиданные мысли неожиданно хлынули в его голову.

— Да отчего же я вас всё не узнавал до сих пор? — вскричал он оживляясь. — Ведь мы раз пять на улице сталкивались!

— Да; и я это помню; вы мне всё попадались-с, — раза два, даже, пожалуй, и три...

— То есть — это *вы* мне *всё* попадались, а не я вам!

Вельчанинов встал и вдруг громко и совсем неожиданно засмеялся. Павел Павлович приостановился, посмотрел внимательно, но тотчас же опять стал продолжать:

— А что вы меня не признали, то, во-первых, могли позабыть-с, и, наконец, у меня даже оспа была в этот срок и оставила некоторые следы на лице.

— Оспа? Да ведь и в самом же деле у него оспа была! да как это вас...

— Угораздило? Мало ли чего не бывает, Алексей Иванович; нет-нет да и угораздит!

— Только все-таки это ужасно смешно. Ну, продолжайте, продолжайте, — друг дорогой!

— Я же хоть и встречал тоже вас-с...

— Стойте! Почему вы сказали сейчас «угораздило»? Я хотел гораздо вежливей выразиться. Ну, продолжайте, продолжайте!

Почему-то ему всё веселее и веселее становилось. Потрясающее впечатление совсем заменилось другим.

Он быстрыми шагами ходил по комнате взад и вперед.

— Я же хоть и встречал тоже вас-с и даже, отправляясь сюда, в Петербург, намерен был непременно вас здесь поискать, но,

повторяю, я теперь в таком настроении духа... и так умственно разбит с самого с марта месяца...

— Ах да! разбит с марта месяца... Постойте, вы не курите?

— Я ведь, вы знаете, при Наталье Васильевне...

— Ну да, ну да; а с марта-то месяца?

— Папиросочку разве.

— Вот папироска; закуривайте и — продолжайте! продолжайте, вы ужасно меня...

И, закурив сигару, Вельчанинов быстро уселся опять на постель. Павел Павлович приостановился.

— Но в каком вы сами-то, однако же, волнении, здоровы ли вы-с?

— Э, к черту об моем здоровье! — обозлился вдруг Вельчанинов. — Продолжайте!

С своей стороны гость, смотря на волнение хозяина, становился довольнее и самоувереннее.

— Да что продолжать-то-с? — начал он опять. — Представьте вы себе, Алексей Иванович, во-первых, человека убитого, то есть не просто убитого, а, так сказать, радикально; человека, после двадцатилетнего супружества переменяющего жизнь и слоняющегося по пыльным улицам без соответственной цели, как бы в степи, чуть не в самозабвении, и в этом самозабвении находящего даже некоторое упоение. Естественно после того, что я и встречу иной раз знакомого или даже истинного друга, да и обойду нарочно, чтоб не подходить к нему в такую минуту, самозабвения-то то есть. А в другую минуту — так всё припомнишь и так возжаждешь видеть хоть какого-нибудь свидетеля и соучастника того недавнего, но невозвратимого прошлого, и так забьется при этом сердце, что не только днем, но и ночью рискнешь броситься в объятия друга, хотя бы даже и нарочно пришлось его для этого разбудить в четвертом часу-с. Я вот только в часе ошибся, но не в дружбе; ибо в сию минуту слишком вознагражден-с. А насчет часу, право, думал, что лишь только двенадцатый, будучи в настроении. Пьешь собственную грусть и как бы упиваешься ею. И даже не грусть, а именно новосостояние-то это и бьет по мне...

— Как вы, однако же, выражаетесь! — как-то мрачно заметил Вельчанинов, ставший вдруг опять ужасно серьезным.

— Да-с, странно и выражаюсь-с...

— А вы... не шутите?

— Шучу! — воскликнул Павел Павлович в скорбном недоумении, — и в ту минуту, когда возвещаю...

— Ах, замолчите об этом, прошу вас!

Вельчанинов встал и опять зашагал по комнате.

Так и прошло минут пять. Гость тоже хотел было привстать, но Вельчанинов крикнул: «Сидите, сидите!» — и тот тотчас же послушно опустился в кресла.

— А как, однако же, вы переменились! — заговорил опять Вельчанинов, вдруг останавливаясь перед ним — точно как бы

внезапно пораженный этою мыслию. — Ужасно переменились! Чрезвычайно! Совсем другой человек!

— Не мудрено-с: девять лет-с.

— Нет-нет-нет, не в годах дело! вы наружностию еще не бог знает как изменились; вы другим изменились!

— Тоже, может быть, девять лет-с.

— Или с марта месяца!

— Хе-хе, — лукаво усмехнулся Павел Павлович, — у вас игривая мысль какая-то... Но, если осмелюсь, — в чем же собственно изменение-то?

— Да чего тут! Прежде был такой солидный и приличный Павел Павлович, такой умник Павел Павлович, а теперь — совсем vaurien [1] Павел Павлович!

Он был в той степени раздражения, в которой самые выдержанные люди начинают иногда говорить лишнее.

— Vaurien! вы находите? И уж больше не умник? Не умник? — с наслаждением хихикал Павел Павлович.

— Какой черт умник! Теперь, пожалуй, и совсем *умный*.

«Я нагл, а эта каналья еще наглее! И... и какая у него цель?» — всё думал Вельчанинов.

— Ах, дражайший, ах, бесценнейший Алексей Иванович! — заволновался вдруг чрезвычайно гость и заворочался в креслах. — Да ведь нам что? Ведь не в свете мы теперь, не в великосветском блистательном обществе! Мы — два бывшие искреннейшие и стариннейшие приятеля и, так сказать, в полнейшей искренности сошлись и вспоминаем обоюдно ту драгоценную связь, в которой покойница составляла такое драгоценнейшее звено нашей дружбы!

И он как бы до того увлекся восторгом своих чувств, что склонил опять, по-давешнему, голову, лицо же закрыл теперь шляпой. Вельчанинов с отвращением и с беспокойством приглядывался.

«А что, если это просто шут? — мелькнуло в его голове. — Но н-нет, н-нет! кажется, он не пьян, — впрочем, может быть, и пьян; красное лицо. Да хотя бы и пьян, — всё на одно выйдет. С чем он подъезжает? Чего хочется этой канальe?»

— Помните, помните, — выкрикивал Павел Павлович, помаленьку отнимая шляпу и как бы всё сильнее и сильнее увлекаясь воспоминаниями, — помните ли вы наши загородные поездки, наши вечера и вечеринки с танцами и невинными играми у его превосходительства гостеприимнейшего Семена Семеновича? А наши вечерние чтения втроем? А наше первое с вами знакомство, когда вы вошли ко мне утром, для справок по вашему делу, и стали даже кричать-с, и вдруг вышла Наталья Васильевна, и через десять минут вы уже стали нашим искреннейшим другом дома ровно на целый год-с — точь-в-точь как в «Провинциалке», пиесе господина Тургенева...

---

[1] *Здесь:* повеса (*франц.*).

Вельчанинов медленно прохаживался, смотрел в землю, слушал с нетерпением и отвращением, но — сильно слушал.

— Мне и в голову не приходила «Провинциалка», — перебил он, несколько теряясь, — и никогда вы прежде не говорили таким пискливым голосом и таким... не своим слогом. К чему это?

— Я действительно прежде больше молчал-с, то есть был молчаливее-с, — поспешно подхватил Павел Павлович, — вы знаете, я прежде больше любил слушать, когда заговаривала покойница. Вы помните, как она разговаривала, с каким остроумием-с... А насчет «Провинциалки» и собственно насчет Ступендьева, — то вы и тут правы, потому что мы это сами потом, с бесценной покойницей в иные тихие минуты вспоминая о вас-с, когда вы уже уехали, — приравнивали к этой театральной пиесе нашу первую встречу... потому что ведь и в самом деле было похоже-с. А собственно уж насчет Ступендьева...

— Какого это Ступендьева, черт возьми! — закричал Вельчанинов и даже топнул ногой, совершенно уже смутившись при слове «Ступендьев», по поводу некоторого беспокойного воспоминания, замелькавшего в нем при этом слове.

— А Ступендьев — это роль-с, театральная роль, роль мужа в пиесе «Провинциалка», — пропищал сладчайшим голоском Павел Павлович, — но это уже относится к другому разряду дорогих и прекрасных наших воспоминаний, уже после вашего отъезда, когда Степан Михайлович Багаутов подарил нас своею дружбою, совершенно как вы-с, и уже на целых пять лет.

— Багаутов? Что такое? Какой Багаутов? — как вкопанный остановился вдруг Вельчанинов.

— Багаутов, Степан Михайлович, подаривший нас своею дружбою ровно через год после вас и... подобно вам-с.

— Ах, боже мой, ведь я же это знаю! — вскричал Вельчанинов, сообразив наконец. — Багаутов! да ведь он же служил у вас...

— Служил, служил! при губернаторе! Из Петербурга, самого высшего общества изящнейший молодой человек! — в решительном восторге выкрикивал Павел Павлович.

— Да-да-да! Что ж я! ведь и он тоже...

— И он тоже, и он тоже! — в том же восторге вторил Павел Павлович, подхватив неосторожное словцо хозяина, — и он тоже! И вот тут-то мы и играли «Провинциалку», на домашнем театре, у его превосходительства гостеприимнейшего Семена Семеновича, — Степан Михайлович — графа, я — мужа, а покойница — провинциалку, — но только у меня отняли роль мужа по настоянию покойницы, так что я и не играл мужа, будто бы по неспособности-с...

— Да какой черт вы Ступендьев! Вы прежде всего Павел Павлович Трусоцкий, а не Ступендьев! — грубо, не церемонясь и чуть не дрожа от раздражения, проговорил Вельчанинов. — Только

позвольте: этот Багаутов здесь, в Петербурге; я сам его видел, весной видел! Что ж вы к нему-то тоже не идете?

— Каждый божий день захожу, вот уже три недели-с. Не принимают! Болен, не может принять! И представьте, из первейших источников узнал, что ведь и вправду чрезвычайно опасно болен! Этакой-то шестилетний друг! Ах, Алексей Иванович, говорю же вам и повторяю, что в таком настроении иногда провалиться сквозь землю желаешь, даже взаправду-с; а в другую минуту так бы, кажется, взял да и обнял, и именно кого-нибудь вот из прежних-то этих, так сказать, очевидцев и соучастников, и единственно для того только, чтоб заплакать, то есть совершенно больше ни для чего, как чтоб только заплакать!..

— Ну, однако же, довольно с вас на сегодня, ведь так? — резко проговорил Вельчанинов.

— Слишком, слишком довольно! — тотчас же поднялся с места Павел Павлович. — Четыре часа, и, главное, я вас так эгоистически потревожил...

— Слушайте же: я к вам сам зайду, непременно, и тогда уж надеюсь... Скажите мне прямо, откровенно скажите: вы не пьяны сегодня?

— Пьян? Ни в одном глазу...

— Не пили перед приходом или раньше?

— Знаете, Алексей Иванович, у вас совершенная лихорадка-с.

— Завтра же зайду, утром, до часу...

— И давно уже замечаю, что вы почти как в бреду-с, — с наслаждением перебивал и налегал на эту тему Павел Павлович. — Мне так, право, совестно, что я моею неловкостию... но иду, иду! А вы лягте-ка и засните-ка!

— А что ж вы не сказали, где живете? — спохватился и закричал ему вдогонку Вельчанинов.

— А разве не сказал-с? в Покровской гостинице...

— В какой еще Покровской гостинице?

— Да у самого Покрова, тут, в переулке-с, — вот забыл, в каком переулке, да и номер забыл, только близ самого Покрова...

— Отыщу!

— Милости просим дорогого гостя.

Он уже выходил на лестницу.

— Стойте! — крикнул опять Вельчанинов. — Вы не удерете?

— То есть как «удерете»? — вытаращил глаза Павел Павлович, поворачиваясь и улыбаясь с третьей ступеньки.

Вместо ответа Вельчанинов шумно захлопнул дверь, тщательно запер ее и насадил в петлю крюк. Воротясь в комнату, он плюнул, как бы чем-нибудь опоганившись.

Простояв минут пять неподвижно среди комнаты, он бросился на постель, совсем уже не раздеваясь, и в один миг заснул. Забытая свечка так и догорела до конца на столе.

IV

ЖЕНА, МУЖ И ЛЮБОВНИК

Он спал очень крепко и проснулся ровно в половине десятого; мигом приподнялся, сел на постель и тотчас же начал думать о смерти «этой женщины».

Потрясающее вчерашнее впечатление при внезапном известии об этой смерти оставило в нем какое-то смятение и даже боль. Это смятение и боль были только заглушены в нем на время одной странной идеей вчера, при Павле Павловиче. Но теперь, при пробуждении, всё, что было девять лет назад, предстало вдруг перед ним с чрезвычайною яркостью.

Эту женщину, покойную Наталью Васильевну, жену «этого Трусоцкого», он любил и был ее любовником, когда по своему делу (и тоже по поводу процесса об одном наследстве) он оставался в Т. целый год, — хотя собственно дело и не требовало такого долгого срока его присутствия; настоящей же причиной была эта связь. Связь и любовь эта до того сильно владели им, что он был как бы в рабстве у Натальи Васильевны и, наверно, решился бы тотчас на что-нибудь даже из самого чудовищного и бессмысленного, если б этого потребовал один только малейший каприз этой женщины. Ни прежде, ни потом никогда не было с ним ничего подобного. В конце года, когда разлука была уже неминуема, Вельчанинов был в таком отчаянии при приближении рокового срока, — в отчаянии, несмотря на то что разлука предполагалась на самое короткое время, — что предложил Наталье Васильевне похитить ее, увезти от мужа, бросить всё и уехать с ним за границу навсегда. Только насмешки и твердая настойчивость этой дамы (вполне одобрявшей этот проект вначале, но, вероятно, только от скуки или чтобы посмеяться) могли остановить его и понудить уехать одного. И что же? Не прошло еще двух месяцев после разлуки, как он в Петербурге уже задавал себе тот вопрос, который так и остался для него навсегда не разрешенным: любил ли в самом деле он эту женщину, или всё это было только одним «наваждением»? И вовсе не от легкомыслия или под влиянием начавшейся в нем новой страсти зародился в нем этот вопрос: в эти первые два месяца в Петербурге он был в каком-то исступлении и вряд ли заметил хоть одну женщину, хотя тотчас же пристал к прежнему обществу и успел увидеть сотню женщин. Впрочем, он отлично хорошо знал, что очутись он тотчас опять в Т., то немедленно подпадет снова под всё гнетущее обаяние этой женщины, несмотря на все зародившиеся вопросы. Даже пять лет спустя он был в том же самом убеждении. Но пять лет спустя он уже признавался в этом себе с негодованием и даже об самой «женщине этой» вспоминал с ненавистью. Он стыдился своего т-ского года; он не мог понять даже возможности такой «глупой» страсти для него, Вельчанинова! Все воспоминания об этой страсти обратились для него в позор; он краснел до слез и

мучился угрызениями. Правда, еще через несколько лет он уже несколько успел себя успокоить; он постарался всё это забыть — и почти успел. И вот вдруг, девять лет спустя, всё это так внезапно и странно воскресает перед ним опять после вчерашнего известия о смерти Натальи Васильевны.

Теперь, сидя на своей постели, с смутными мыслями, беспорядочно толпившимися в его голове, он чувствовал и сознавал ясно только одно, — что, несмотря на всё вчерашнее «потрясающее впечатление» при этом известии, он все-таки очень спокоен насчет того, что она умерла. «Неужели я о ней даже и не пожалею?» — спрашивал он себя. Правда, он уже не ощущал к ней теперь ненависти и мог беспристрастнее, справедливее судить о ней. По его мнению, уже давно, впрочем, сформировавшемуся в этот девятилетний срок разлуки, Наталья Васильевна принадлежала к числу самых обыкновенных провинциальных дам из «хорошего» провинциального общества, и — «кто знает, может, так оно и было, и только я один составил из нее такую фантазию?» Он, впрочем, всегда подозревал, что в этом мнении могла быть и ошибка; почувствовал это и теперь. Да и факты противоречили; этот Багаутов был несколько лет тоже с нею в связи и, кажется, тоже «под всем обаянием». Багаутов, действительно, был молодой человек из лучшего петербургского общества и, так как он «человек пустейший» (говорил об нем Вельчанинов), то, стало быть, мог сделать свою карьеру только в одном Петербурге. Но вот, однако же, он пренебрег Петербургом, то есть главнейшею своею выгодою, и потерял же пять лет в Т. единственно для этой женщины! Да и воротился наконец в Петербург, может, потому только, что и его тоже выбросили, как «старый, изношенный башмак». Значит, было же в этой женщине что-то такое необыкновенное — дар привлечения, порабощения и владычества!

А между тем, казалось бы, она и средств не имела, чтобы привлекать и порабощать: «собой была даже и не так чтобы хороша; а может быть, и просто нехороша». Вельчанинов застал ее уже двадцати восьми лет. Не совсем красивое ее лицо могло иногда приятно оживляться, но глаза были нехороши: какая-то излишняя твердость была в ее взгляде. Она была очень худа. Умственное образование ее было слабое; ум был бесспорный и проницательный, но почти всегда односторонний. Манеры светской провинциальной дамы и при этом, правда, много такту; изящный вкус, но преимущественно в одном только уменье одеться. Характер решительный и владычествующий; примирения наполовину с нею быть не могло ни в чем: «или всё, или ничего». В делах затруднительных твердость и стойкость удивительные. Дар великодушия и почти всегда с ним же рядом — безмерная несправедливость. Спорить с этой барыней было невозможно: дважды два для нее никогда ничего не значили. Никогда ни в чем не считала она себя несправедливою или виноватою. Постоянные и бесчисленные измены ее мужу нисколько не тяготили ее совести. По

сравнению самого Вельчанинова, она была как «хлыстовская богородица», которая в высшей степени сама верует в то, что она и в самом деле богородица, — в высшей степени веровала и Наталья Васильевна в каждый из своих поступков. Любовнику она была верна — впрочем, только до тех пор, пока он не наскучил. Она любила мучить любовника, но любила и награждать. Тип был страстный, жестокий и чувственный. Она ненавидела разврат, осуждала его с неимоверным ожесточением и — сама была развратна. Никакие факты не могли бы никогда привести ее к сознанию в своем собственном разврате. «Она, наверно, *искренно* не знает об этом», — думал Вельчанинов об ней еще в Т. (Заметим мимоходом, сам участвуя в ее разврате.) «Это одна из тех женщин, — думал он, — которые как будто для того и родятся, чтобы быть неверными женами. Эти женщины никогда не падают в девицах; закон природы их — непременно быть для этого замужем. Муж — первый любовник, но не иначе, как после венца. Никто ловче и легче их не выходит замуж. В первом любовнике всегда муж виноват. И всё происходит в высшей степени искренно; они до конца чувствуют себя в высшей степени справедливыми и, конечно, совершенно невинными».

Вельчанинов был убежден, что действительно существует такой тип таких женщин; но зато был убежден, что существует и соответственный этим женщинам тип мужей, которых единое назначение заключается только в том, чтобы соответствовать этому женскому типу. По его мнению, сущность таких мужей состоит в том, чтоб быть, так сказать, «вечными мужьями» или, лучше сказать, быть в жизни *только* мужьями и более уж ничем. «Такой человек рождается и развивается единственно для того, чтобы жениться, а женившись, немедленно обратиться в придаточное своей жены, даже и в том случае, если б у него случился и свой собственный, неоспоримый характер. Главный признак такого мужа — известное украшение. Не быть рогоносцем он не может, точно так же как не может солнце не светить; но он об этом не только никогда не знает, но даже и никогда не может узнать по самым законам природы». Вельчанинов глубоко верил, что существуют эти два типа и что Павел Павлович Трусоцкий в Т. был совершенным представителем одного из них. Вчерашний Павел Павлович, разумеется, был не тот Павел Павлович, который был ему известен в Т. Он нашел, что он до невероятности изменился, но Вельчанинов знал, что он и не мог не измениться и что всё это было совершенно естественно; господин Трусоцкий мог быть всем тем, чем был прежде, только при жизни жены, а теперь это была только часть целого, выпущенная вдруг на волю, то есть что-то удивительное и ни на что не похожее.

Что же касается до т-ского Павла Павловича, то вот что упомнил о нем и припомнил теперь Вельчанинов:

«Конечно, Павел Павлович в Т. был только муж», и ничего более. Если, например, он был, сверх того, и чиновник, то един-

ственно потому, что для него и служба обращалась, так сказать, в одну из обязанностей его супружества; он служил для жены и для ее светского положения в Т., хотя и сам по себе был весьма усердным чиновником. Ему было тогда тридцать пять лет и обладал он некоторым состоянием, даже и не совсем маленьким. На службе особенных способностей не выказывал, но не выказывал и неспособности. Водился со всем, что было высшего в губернии, и слыл на прекрасной ноге. Наталью Васильевну в Т. совершенно уважали; она, впрочем, и не очень это ценила, принимая как должное, но у себя умела всегда принять превосходно, причем Павел Павлович был так ею вышколен, что мог иметь облагороженные манеры даже и при приеме самых высших губернских властей. Может быть (казалось Вельчанинову), у него был и ум; но так как Наталья Васильевна не очень любила, когда супруг ее много говорил, то ума и нельзя было очень заметить. Может быть, он имел много прирожденных хороших качеств, равно как и дурных. Но хорошие качества были как бы под чехлом, а дурные поползновения были заглушены почти окончательно. Вельчанинов помнил, например, что у господина Трусоцкого рождалось иногда поползновение посмеяться над своим ближним; но это было ему строго запрещено. Любил он тоже иногда что-нибудь рассказать; но и над этим наблюдалось: рассказать позволялось только что-нибудь понезначительнее и покороче. Он склонен был к приятельскому кружку вне дома и даже — выпить с приятелем; но последнее даже в корень было истреблено. И при этом черта: взглянув снаружи, никто не мог бы сказать, что это муж под башмаком; Наталья Васильевна казалась совершенно послушною женой и даже, может быть, сама была в этом уверена. Могло быть, что Павел Павлович любил Наталью Васильевну без памяти; но заметить этого не мог никто, и даже было невозможно, вероятно, тоже по домашнему распоряжению самой Натальи Васильевны. Несколько раз в продолжение своей т-ской жизни спрашивал себя Вельчанинов: подозревает ли его этот муж хоть сколько-нибудь в связи с своей женой? Несколько раз он спрашивал об этом серьезно Наталью Васильевну и всегда получал в ответ, высказанный с некоторой досадой, что муж ничего не знает, и никогда ничего не может узнать, и что «всё, что есть, совсем не его дело». Еще черта с ее стороны: над Павлом Павловичем она никогда не смеялась и ни в чем не находила его ни смешным, ни очень дурным, и даже очень бы заступилась за него, если бы кто осмелился оказать ему какую-нибудь неучтивость. Не имея детей, она, естественно, должна была обратиться преимущественно в светскую женщину; но и свой дом был ей необходим. Светские удовольствия никогда не царили над нею вполне, и дома она очень любила заниматься хозяйством и рукодельями. Павел Павлович вспомнил вчера об их семейных чтениях в Т. по вечерам; это бывало: читал Вельчанинов, читал и Павел Павлович; к удивлению Вельчанинова, он очень хорошо умел читать вслух. Наталья Васильевна

при этом что-нибудь вышивала и выслушивала чтение всегда спокойно и ровно. Читались романы Диккенса, что-нибудь из русских журналов, а иногда что-нибудь и из «серьезного». Наталья Васильевна высоко ценила образованность Вельчанинова, но молчаливо, как дело поконченное и решенное, о котором уже нечего больше и говорить; вообще же ко всему книжному и ученому относилась равнодушно, как совершенно к чему-то постороннему, хотя, может бы, и полезному; Павел же Павлович иногда с некоторым жаром.

Т-ская связь порвалась вдруг, достигнув со стороны Вельчанинова самого полного верха и даже почти безумия. Его просто и вдруг прогнали, хотя всё устроилось так, что он уехал совершенно не ведая, что уже выброшен, «как старый, негодный башмак». Тут в Т., месяца за полтора до его отбытия, появился один молоденький артиллерийский офицерик, только что выпущенный из корпуса, и повадился ездить к Трусоцким; вместо троих очутилось четверо. Наталья Васильевна принимала мальчика благосклонно, но обращалась с ним как с мальчиком. Вельчанинову было решительно ничего невдомек, да и не до того ему было тогда, так как ему вдруг объявили о необходимости разлуки. Одною из сотни причин для непременного и скорейшего его отъезда, выставленных Натальей Васильевной, была и та, что ей показалось, будто она беременна; а потому и естественно, что ему надо непременно и сейчас же скрыться хоть месяца на три или на четыре, чтобы через девять месяцев мужу труднее было в чем-нибудь усумниться, если б и вышла потом какая-нибудь клевета. Аргумент был довольно натянутый. После бурного предложения Вельчанинова бежать в Париж или в Америку он уехал один в Петербург, «без сомнения, на одну только минутку», то есть не более как на три месяца, иначе он не уехал бы ни за что, несмотря ни на какие причины и аргументы. Ровно через два месяца он получил в Петербурге от Натальи Васильевны письмо с просьбою не приезжать никогда, потому что она уже любила другого; про беременность же свою уведомляла, что она ошиблась. Уведомление об ошибке было лишнее, ему всё уже было ясно: он вспомнил про офицерика. Тем дело и кончилось навсегда. Слышал как-то он потом, уже несколько лет спустя, что там очутился Багаутов и пробыл целые пять лет. Такую безмерную продолжительность связи он объяснил себе, между прочим, и тем, что Наталья Васильевна, верно, уже сильно постарела, а потому и сама стала привязчивее.

Он просидел на своей кровати почти час; наконец опомнился, позвонил Мавру с кофеем, выпил наскоро, оделся и ровно в одиннадцать часов отправился к Покрову отыскивать Покровскую гостиницу. Насчет собственно Покровской гостиницы в нем сформировалось теперь особое, уже утрешнее впечатление. Между прочим, ему было даже несколько совестно за вчерашнее свое обращение с Павлом Павловичем, и это надо было теперь разрешить.

Всю вчерашнюю фантасмагорию с замком у дверей он объяснял случайностию, пьяным видом Павла Павловича и, пожалуй, еще кое-чем, но, в сущности, не совсем точно знал, зачем он идет теперь завязывать какие-то новые отношения с прежним мужем, тогда как всё так естественно и само собою между ними покончилось. Его что-то влекло; было тут какое-то особое впечатление, и вследствие этого впечатления его влекло...

V

ЛИЗА

Павел Павлович «удирать» и не думал, да и бог знает для чего Вельчанинов ему сделал вчера этот вопрос; подлинно сам был в затмении. По первому спросу в мелочной лавочке у Покрова ему указали Покровскую гостиницу, в двух шагах в переулке. В гостинице объяснили, что господин Трусоцкий «стали» теперь тут же на дворе, во флигеле, в меблированных комнатах у Марьи Сысоевны. Поднимаясь по узкой, залитой и очень нечистой каменной лестнице флигеля во второй этаж, где были эти комнаты, он вдруг услышал плач. Плакал как будто ребенок, лет семи-восьми; плач был тяжелый, слышались заглушаемые, но прорывающиеся рыдания, а вместе с ними топанье ногами и тоже как бы заглушаемые, но яростные окрики, какой-то сиплой фистулой, но уже взрослого человека. Этот взрослый человек, казалось, унимал ребенка и очень не желал, чтобы плач слышали, но шумел больше его. Окрики были безжалостные, а ребенок точно как бы умолял о прощении. Вступив в небольшой коридор, по обеим сторонам которого было по две двери, Вельчанинов встретил одну очень толстую и рослую бабу, растрепанную по-домашнему, и спросил ее о Павле Павловиче. Она ткнула пальцем на дверь, из-за которой слышен был плач. Толстое и багровое лицо этой сорокалетней бабы было в некотором негодовании.

— Вишь, ведь потеха ему! — пробасила она вполголоса и прошла на лестницу. Вельчанинов хотел было постучаться, но раздумал и прямо отворил дверь к Павлу Павловичу. В небольшой комнате, грубо, но обильно меблированной простой крашеной мебелью, посредине стоял Павел Павлович, одетый лишь до половины, без сюртука и без жилета, и с раздраженным красным лицом унимал криком, жестами, а может быть (показалось Вельчанинову) и пинками, маленькую девочку, лет восьми, одетую бедно, хотя и барышней, в черном шерстяном коротеньком платьице. Она, казалось, была в настоящей истерике, истерически всхлипывала и тянулась руками к Павлу Павловичу, как бы желая охватить его, обнять его, умолить и упросить о чем-то. В одно мгновение всё изменилось: увидев гостя, девочка вскрикнула и стрельнула в соседнюю крошечную комнатку, а Павел Павлович, на мгновение озадаченный, тотчас же весь растаял в улыбке, точь-в-

точь как вчера, когда Вельчанинов вдруг отворил дверь к нему на лестницу.

— Алексей Иванович! — вскричал он в решительном удивлении. — Никоим образом не мог ожидать... но вот сюда, сюда! Вот здесь, на диван, или сюда, в кресла, а я... — И он бросился одевать сюртук, забыв надеть жилет.

— Не церемоньтесь, оставайтесь в чем вы есть, — Вельчанинов уселся на стул.

— Нет, уж позвольте-с поцеремониться; вот я теперь и поприличнее. Да куда ж вы уселись в углу? Вот сюда, в кресла, к столу бы... Ну, не ожидал, не ожидал!

Он тоже уселся на краешке плетеного стула, но не рядом с «неожиданным» гостем, а поворотив стул углом, чтобы сесть более лицом к Вельчанинову.

— Почему ж не ожидали? Ведь я именно назначил вчера, что приду к вам в это время?

— Думал, что не придете-с; и как сообразил всё вчерашнее проснувшись, так решительно уж отчаялся вас увидеть, даже навсегда-с.

Вельчанинов меж тем осмотрелся кругом. Комната была в беспорядке, кровать не убрана, платье раскидано, на столе стаканы с выпитым кофеем, крошки хлеба и бутылка шампанского, до половины не допитая, без пробки и со стаканом подле. Он накосился взглядом в соседнюю комнату, но там всё было тихо; девочка притаилась и замерла.

— Неужто вы пьете это теперь? — указал Вельчанинов на шампанское.

— Остатки-с... — сконфузился Павел Павлович.

— Ну переменились же вы!

— Дурные привычки и вдруг-с. Право, с того срока; не лгу-с! Удержать себя не могу. Теперь не беспокойтесь, Алексей Иванович, я теперь не пьян и не стану нести околесины, как вчера у вас-с, но верно вам говорю: всё с того срока-с! И скажи мне кто-нибудь еще полгода назад, что я вдруг так расшатаюсь, как вот теперь-с, покажи мне тогда меня самого в зеркале — не поверил бы!

— Стало быть, вы были же вчера пьяны?

— Был-с, — вполголоса признался Павел Павлович, конфузливо опуская глаза, — и видите ли-с: не то что пьян, а уж несколько позже-с. Я это для того объяснить желаю, что позже у меня хуже-с: хмелю уж немного, а жестокость какая-то и безрассудство остаются, да и горе сильнее ощущаю. Для горя-то, может, и пью-с. Тут-то я и накуролесить могу совсем даже глупо-с и обидеть лезу. Должно быть, себя очень странно вам представил вчера?

— Вы разве не помните?

— Как не помнить, всё помню-с...

— Видите, Павел Павлович, я совершенно так же подумал и объяснил себе, — примирительно сказал Вельчанинов, — сверх

того, я сам вчера был с вами несколько раздражителен и... излишне нетерпелив, в чем сознаюсь охотно. Я не совсем иногда хорошо себя чувствую, и нечаянный приход ваш ночью...

— Да, ночью, ночью! — закачал головой Павел Павлович, как бы удивляясь и осуждая. — И как это меня натолкнуло! Ни за что бы я к вам не зашел, если б вы только сами не отворили-с; от дверей бы ушел-с. Я к вам, Алексей Иванович, с неделю тому назад заходил и вас не застал, но потом, может быть, и никогда не зашел бы в другой раз-с. Все-таки и я немножко горд тоже, Алексей Иванович, хоть и сознаю себя... в таком состоянии. Мы и на улице встречались, да всё думаю: а ну как не узнает, а ну как отвернется, девять лет не шутка, — и не решался подойти. А вчера с Петербургской стороны брел, да и час забыл-с. Всё от этого (он указал на бутылку), да от чувства-с. Глупо! очень-с! и будь человек не таков, как вы, — потому что ведь пришли же вы ко мне даже после вчерашнего, вспомня старое, — так я бы даже надежду потерял знакомство возобновить.

Вельчанинов слушал со вниманием. Человек этот говорил, кажется, искренно и с некоторым даже достоинством; а между тем он ничему не верил с самой той минуты, как вошел к нему.

— Скажите, Павел Павлович, вы здесь, стало быть, не один? Чья это девочка, которую я застал при вас давеча?

Павел Павлович даже удивился и поднял брови, но ясно и приятно посмотрел на Вельчанинова.

— Как чья девочка? да ведь это Лиза! — проговорил он, приветливо улыбаясь.

— Какая Лиза? — пробормотал Вельчанинов, и что-то вдруг как бы дрогнуло в нем. Впечатление было слишком внезапное. Давеча, войдя и увидев Лизу, он хоть и подивился, но не ощутил в себе решительно никакого предчувствия, никакой особенной мысли.

— Да наша Лиза, дочь наша Лиза! — улыбался Павел Павлович.

— Как дочь? Да разве у вас с Натальей... с покойной Натальей Васильевной были дети? — недоверчиво и робко спросил Вельчанинов каким-то уж очень тихим голосом.

— Да как же-с? Ах, боже мой, да ведь и в самом деле от кого же вы могли знать? Что ж это я! это уже после вас нам бог даровал! Павел Павлович привскочил даже со стула от некоторого волнения, впрочем тоже как бы приятного.

— Я ничего не слыхал, — сказал Вельчанинов и — побледнел.

— Действительно, действительно, от кого же вам было и узнать-с! — повторил Павел Павлович расслабленно-умиленным голосом. — Мы ведь и надежду с покойницей потеряли, сами ведь вы помните, и вдруг благословляет господь, и что со мной тогда было, — это ему только одному известно! ровно, кажется, через год после вас! или нет, не через год, далеко нет, постойте-с: вы

ведь от нас тогда, если не ошибаюсь памятью, в октябре или даже в ноябре выехали?

— Я уехал из Т. в начале сентября, двенадцатого сентября; я хорошо помню...

— Неужели в сентябре? гм... что ж это я? — очень удивился Павел Павлович. — Ну, так если так, то позвольте же: вы выехали сентября двенадцатого-с, а Лиза родилась мая восьмого, это, стало быть, сентябрь — октябрь — ноябрь — декабрь — январь — февраль — март — апрель, — через восемь месяцев с чем-то-с, вот-с! и если б вы только знали, как покойница...

— Покажите же мне... позовите же ее... — каким-то срывавшимся голосом пролепетал Вельчанинов.

— Непременно-с! — захлопотал Павел Павлович, тотчас же прерывая то, что хотел сказать, как вовсе ненужное, — сейчас, сейчас вам представлю-с! — и торопливо отправился в комнату к Лизе.

Прошло, может быть, целых три или четыре минуты, в комнатке скоро и быстро шептались, и чуть-чуть послышались звуки голоса Лизы; «она просит, чтобы ее не выводили», — думал Вельчанинов. Наконец вышли.

— Вот-с, всё конфузится, — сказал Павел Павлович, — стыдливая такая, гордая-с... и вся-то в покойницу!

Лиза вышла уже без слез, с опущенными глазами; отец вел ее за руку. Это была высоконькая, тоненькая и очень хорошенькая девочка. Она быстро подняла свои большие голубые глаза на гостя, с любопытством, но угрюмо посмотрела на него и тотчас же опять опустила глаза. Во взгляде ее была та детская важность, когда дети, оставшись одни с незнакомым, уйдут в угол и оттуда важно и недоверчиво поглядывают на нового, никогда еще и не бывшего гостя; но была, может быть, и другая, как бы уж и не детская мысль, — так показалось Вельчанинову. Отец подвел ее к нему вплоть.

— Вот этот дяденька мамашу знал прежде, друг наш был, ты не дичись, протяни руку-то.

Девочка слегка наклонилась и робко протянула руку.

— У нас Наталья Васильевна-с не хотела учить ее приседать в знак приветствия, а так на английский манер слегка наклониться и протянуть гостю руку, — прибавил он в объяснение Вельчанинову, пристально в него всматриваясь.

Вельчанинов знал, что он всматривается, но совсем уже не заботился скрывать свое волнение; он сидел на стуле не шевелясь, держал руку Лизы в своей руке и пристально вглядывался в ребенка. Но Лиза была чем-то очень озабочена и, забыв свою руку в руке гостя, не сводила глаз с отца. Она боязливо прислушивалась ко всему, что он говорил. Вельчанинов тотчас же признал эти большие голубые глаза, но всего более поразили его удивительная, необычайно нежная белизна ее лица и цвет волос; эти признаки были слишком для него значительны. Оклад лица и

склад губ, напротив того, резко напоминал Наталью Васильевну. Павел Павлович между тем давно уже начал что-то рассказывать, казалось с чрезвычайным жаром и чувством, но Вельчанинов совсем не слыхал его. Он захватил только одну последнюю фразу:

— ...так что вы, Алексей Иванович, даже и вообразить не можете нашей радости при этом даре господнем-с! Для меня она всё составила своим появлением, так что если б и исчезло по воле божьей мое тихое счастье, — так вот, думаю, останется мне Лиза; вот что по крайней мере я твердо знал-с!

— А Наталья Васильевна? — спросил Вельчанинов.

— Наталья Васильевна? — покривился Павел Павлович. — Ведь вы ее знаете, помните-с, она много высказывать не любила, но зато как прощалась с нею на смертном одре... тут-то вот всё и высказалось-с! И вот я вам сказал сейчас «на смертном одре-с»; а меж тем вдруг, за день уже до смерти, волнуется, сердится, — говорит, что ее лекарствами залечить хотят, что у ней одна только простая лихорадка, и оба наши доктора ничего не смыслят, и как только вернется Кох (помните, штаб-лекарь-то наш, старичок), так она через две недели встанет с постели! Да куда, уже за пять только часов до отхода вспоминала, что через три недели непременно надо тетку, именинницу, посетить, в имении ее, Лизину крестную мать-с...

Вельчанинов вдруг поднялся со стула, всё еще не выпуская ручку Лизы. Ему, между прочим, показалось, что в горячем взгляде девочки, устремленном на отца, было что-то укорительное.

— Она не больна? — как-то странно, торопливо спросил он.

— Кажется бы, нет-с, но... обстоятельства-то вот наши так здесь сошлись, — проговорил Павел Павлович с горестною заботливостью, — ребенок странный и без того-с нервный, после смерти матери больна была две недели, истерическая-с. Давеча ведь какой у нас плач был, как вы вошли-с, — слышишь, Лиза, слышишь? — а ведь из-за чего-с? Всё в том, что я ухожу и ее оставляю, значит, дескать, что уж и не люблю больше так, как ее при мамаше любил, — вот в чем обвиняет меня. И забредет же в голову такая фантазия такому еще ребенку-с, которому бы только в игрушки играть. А здесь и поиграть-то ей не с кем.

— Так как же вы... вы здесь разве совсем только вдвоем?

— Совсем одинокие-с; служанка только разве прислужить придет, раз на дню.

— А уходите, ее одну так и оставляете?

— А то как же-с? А вчера уходил, так даже запер ее, вот в той комнатке, из-за того у нас и слезы вышли сегодня. Да ведь что же было делать, посудите сами: третьего дня сошла она вниз без меня, а мальчик ей в голову камнем пустил. А то заплачет да и бросится у всех на дворе расспрашивать: куда я ушел? а ведь это нехорошо-с. Да и я-то хорош: уйду на час, а приду на другой день поутру, так и вчера сошлось. Хорошо еще, что хозяйка без меня отперла

ей, слесаря призывала замок отворить, — даже срам-с, — подлинно сам себя извергом чувствую-с. Всё от затмения-с...

— Папаша! — робко и беспокойно проговорила девочка.

— Ну, вот и опять! опять ты за то же! что я давеча говорил?

— Я не буду, я не буду, — в страхе, торопливо складывая перед ним руки, повторила Лиза.

— Так не может продолжаться у вас, при такой обстановке, — нетерпеливо заговорил вдруг Вельчанинов голосом власть имеющего. — Ведь вы... ведь вы человек с состоянием же; как же вы так — во-первых, в этом флигеле и при такой обстановке?

— Во флигеле-то-с? да ведь через неделю, может, уже и уедем-с, а денег и без того много потратили, хотя бы и с состоянием-с...

— Ну, довольно, довольно, — прервал его Вельчанинов всё с более и более возраставшим нетерпением, как бы явно говоря: «Нечего говорить, всё знаю, что ты скажешь, и знаю, с каким намерением ты говоришь!» — Слушайте, я вам делаю предложение: вы сейчас сказали, что останетесь неделю, пожалуй, может, и две. У меня здесь есть один дом, то есть такое семейство, где я как в родном своем углу, — вот уже двадцать лет. Это семейство одних Погорельцевых. Погорельцев Александр Павлович, тайный советник; даже вам, пожалуй, пригодится по вашему делу. Они теперь на даче. У них богатейшая своя дача. Клавдия Петровна Погорельцева мне как сестра, как мать. У них восемь человек детей. Дайте я сейчас же свезу к ним Лизу... я для того, чтоб времени не терять. Они с радостью примут, на всё это время, обласкают, как родную дочь, как родную дочь!

Он был в ужасном нетерпении и не скрывал этого.

— Это как-то уж невозможно-с, — проговорил Павел Павлович, с ужимкою и хитро, как показалось Вельчанинову, засматривая ему в глаза.

— Почему? Почему невозможно?

— Да как же-с, отпустить так ребенка, и вдруг-с — положим, с таким искренним благоприятелем, как вы, я не про то-с, но все-таки в дом незнакомый, и такого уж высшего общества-с, где я еще и не знаю, как примут.

— Да я же сказал вам, что я у них как родной,— почти в гневе закричал Вельчанинов. — Клавдия Петровна за счастье почтет по одному моему слову. Как бы мою дочь... да черт возьми, ведь вы сами же знаете, что вы только так, чтобы болтать... чего же уж тут говорить!

Он даже топнул ногой.

— Я к тому, что не странно ли очень уж будет-с? Все-таки надо бы и мне хоть раз-другой к ней наведаться, а то как же совсем без отца-то-с? хе-хе... и в такой важный дом-с.

— Да это простейший дом, а вовсе не «важный»! — кричал Вельчанинов, — говорю вам, там детей много. Она там воскреснет, всё для этого... А вас я сам завтра же отрекомендую, коли хотите.

Да и непременно даже нужно будет вам съездить поблагодарить; каждый день будем ездить, если хотите...

— Всё как-то-с...

— Вздор! Главное в том, что вы сами это знаете! Слушайте, заходите ко мне сегодня с вечера и ночуйте, пожалуй, а поутру пораньше и поедем, чтобы в двенадцать там быть.

— Благодетель вы мой! Даже и ночевать у вас... — с умилением согласился вдруг Павел Павлович, — подлинно благодеяние оказываете... а где ихняя дача-с?

— Дача их в Лесном.

— Только вот как же ее костюм-с? Потому-с в такой знатный дом, да еще на даче-с, сами знаете... Сердце отца-с!

— А какой ее костюм? Она в трауре. Разве может быть у ней другой костюм? Самый приличный, какой только можно вообразить! Только вот белье бы почище, косыночку... (Косыночка и выглядывавшее белье были действительно очень грязны.)

— Сейчас же, непременно переодеться, — захлопотал Павел Павлович, — а прочее необходимое белье мы ей тоже сейчас соберем; оно у Марьи Сысоевны в стирке-с.

— Так велеть бы послать за коляской, — перебил Вельчанинов, — и скорей, если б возможно.

Но оказалось препятствие: Лиза решительно воспротивилась, всё время она со страхом прислушивалась, и если бы Вельчанинов, уговаривая Павла Павловича, имел время пристально к ней приглядеться, то увидел бы совершенное отчаяние на ее личике.

— Я не поеду, — сказала она твердо и тихо.

— Вот, вот видите-с, вся в мамашу!

— Я не в мамашу, я не в мамашу! — выкрикивала Лиза, в отчаянии ломая свои маленькие руки и как бы оправдываясь перед отцом в страшном упреке, что она в мамашу. — Папаша, папаша, если вы меня кинете...

Она вдруг накинулась на испугавшегося Вельчанинова.

— Если вы возьмете меня, так я...

Но она не успела ничего выговорить далее; Павел Павлович схватил ее за руку, чуть не за шиворот, и уже с нескрываемым озлоблением потащил ее в маленькую комнатку. Там опять несколько минут происходило шептанье, слышался заглушенный плач. Вельчанинов хотел было уже идти туда сам, но Павел Павлович вышел к нему и с искривленной улыбкой объявил, что сейчас она выйдет-с. Вельчанинов старался не глядеть на него и смотрел в сторону.

Явилась и Марья Сысоевна, та самая баба, которую встретил он, входя давеча в коридор, и стала укладывать в хорошенький маленький сак, принадлежавший Лизе, принесенное для нее белье.

— Вы, что ли, батюшка, девочку-то отвезете? — обратилась она к Вельчанинову, — семейство, что ли, у вас? Хорошо, батюшка, сделаете: ребенок смирный, от содома избавите.

— Уж вы, Марья Сысоевна, — пробормотал было Павел Павлович.

— Что Марья Сысоевна! Меня и все так величают. Аль у тебя не содом? Прилично ли робеночку с понятием на такой срам смотреть? Коляску-то привели вам, батюшка, — до Лесного, что ли?

— Да, да.

— Ну и в добрый час!

Лиза вышла бледненькая, с потупленными глазками, и взяла сак. Ни одного взгляда в сторону Вельчанинова; она сдержала себя и не бросилась, как давеча, обнимать отца, даже при прощанье; видимо, даже не хотела поглядеть на него. Отец прилично поцеловал ее в головку и погладил; у ней закривилась при этом губка и задрожал подбородок, но глаз она на отца все-таки не подняла. Павел Павлович был как будто бледен, и руки у него дрожали — это ясно заметил Вельчанинов, хотя всеми силами старался не смотреть на него. Одного ему хотелось: поскорей уж уехать. «А там что ж, чем же я виноват? — думал он. — Так должно было быть». Сошли вниз, тут расцеловалась с Лизой Марья Сысоевна, и, только уже усевшись в коляску, Лиза подняла глаза на отца — и вдруг всплеснула руками и вскрикнула; еще миг, и она бы бросилась к нему из коляски, но лошади уже тронулись.

VI

НОВАЯ ФАНТАЗИЯ ПРАЗДНОГО ЧЕЛОВЕКА

— Уж не дурно ли вам? — испугался Вельчанинов. — Я велю остановить, я велю вынести воды...

Она вскинула на него глазами и горячо, укорительно поглядела.

— Куда вы меня везете? — проговорила она резко и отрывисто.

— Это прекрасный дом, Лиза. Они теперь на прекрасной даче; там много детей, они вас там будут любить, они добрые... Не сердитесь на меня, Лиза, я вам добра хочу...

Странен бы показался он в эту минуту кому-нибудь из знавших его, если бы кто из них мог его видеть.

— Как вы, — как вы, — как вы... у, какие вы злые! — сказала Лиза, задыхаясь от подавляемых слез и засверкав на него озлобленными прекрасными глазами.

— Лиза, я...

— Вы злые, злые, злые! — Она ломала свои руки. Вельчанинов совсем потерялся.

— Лиза, милая, если б вы знали, в какое отчаяние вы меня приводите!

— Это правда, что он завтра приедет? Правда? — спросила она повелительно.

— Правда, правда! Я его сам привезу; я его возьму и привезу.

— Он обманет, — прошептала Лиза, опуская глаза в землю.

— Разве он вас не любит, Лиза?

— Не любит.

— Он вас обижал? Обижал?

Лиза мрачно посмотрела на него и промолчала. Она опять отвернулась от него и сидела, упорно потупившись. Он начал ее уговаривать, он говорил ей с жаром, он был сам в лихорадке. Лиза слушала недоверчиво, враждебно, но слушала. Внимание ее обрадовало его чрезвычайно: он даже стал объяснять ей, что такое пьющий человек. Он говорил, что сам ее любит и будет наблюдать за отцом. Лиза подняла наконец глаза и пристально на него поглядела. Он стал рассказывать, как он знал еще ее мамашу, и видел, что завлекает ее рассказами. Мало-помалу она начала понемногу отвечать на его вопросы, — но осторожно и односложно, с упорством. На главные вопросы она все-таки ничего не ответила: она упорно молчала обо всем, что касалось прежних ее отношений к отцу. Говоря с нею, Вельчанинов взял ее ручку в свою, как давеча, и не выпускал ее; она не отнимала. Девочка, впрочем, не всё молчала; она все-таки проговорилась в неясных ответах, что отца она больше любила, чем мамашу, потому что он всегда прежде ее больше любил, а мамаша прежде ее меньше любила; но что когда мамаша умирала, то очень ее целовала и плакала, когда все вышли из комнаты и они остались вдвоем... и что она теперь ее больше всех любит, больше всех, всех на свете, и каждую ночь больше всех любит ее. Но девочка была действительно гордая: спохватившись о том, что она проговорилась, она вдруг опять замкнулась и примолкла; даже с ненавистью взглянула на Вельчанинова, заставившего ее проговориться. Под конец пути истерическое состояние ее почти прошло, но она стала ужасно задумчива и смотрела как дикарка, угрюмо, с мрачным, предрешенным упорством. Что же касается до того, что ее везут теперь в незнакомый дом, в котором она никогда не бывала, то это, кажется, мало ее покамест смущало. Мучило ее другое, это видел Вельчанинов; он угадывал, что ей стыдно *его*, что ей именно стыдно того, что отец так легко ее с ним отпустил, как будто бросил ее ему на руки.

«Она больна, — думал он, — может быть, очень; ее измучили... О пьяная, подлая тварь! Я теперь понимаю его!» Он торопил кучера; он надеялся на дачу, на воздух, на сад, на детей, на новую, незнакомую ей жизнь, а там, потом... Но в том, что будет после, он уже не сомневался нисколько; там были полные, ясные надежды. Об одном только он знал совершенно: что никогда еще он не испытывал того, что ощущает теперь, и что это останется при нем на всю его жизнь! «Вот цель, вот жизнь!» — думал он восторженно.

Много мелькало в нем теперь мыслей, но он не останавливался на них и упорно избегал подробностей: без подробностей всё становилось ясно, всё было нерушимо. Главный план его сложился

сам собою: «Можно будет подействовать на этого мерзавца, — мечтал он, — соединенными силами, и он оставит в Петербурге у Погорельцевых Лизу, хотя сначала только на время, на срок, и уедет один; а Лиза останется мне; вот и всё, чего же тут более? И... и, конечно, он сам этого желает; иначе зачем бы ему ее мучить». Наконец приехали. Дача Погорельцевых была действительно прелестное местечко; встретила их прежде всех шумная ватага детей, высыпавшая на крыльцо дачи. Вельчанинов уже слишком давно тут не был, и радость детей была неистовая: его любили. Постарше тотчас же закричали ему, прежде чем он вышел из коляски:

— А что процесс, что ваш процесс? — Это подхватили и самые маленькие и со смехом визжали вслед за старшими. Его здесь дразнили процессом. Но, увидев Лизу, тотчас же окружили ее и стали ее рассматривать с молчаливым и пристальным детским любопытством. Вышла Клавдия Петровна, а за нею ее муж. И она и муж ее тоже начали, с первого слова и смеясь, вопросом о процессе.

Клавдия Петровна была дама лет тридцати семи, полная и еще красивая брюнетка, с свежим и румяным лицом. Муж ее был лет пятидесяти пяти, человек умный и хитрый, но добряк прежде всего. Их дом был в полном смысле «родной угол» для Вельчанинова, как сам он выражался. Но тут скрывалось еще особое обстоятельство: лет двадцать назад эта Клавдия Петровна чуть было не вышла замуж за Вельчанинова, тогда еще почти мальчика, еще студента. Любовь была первая, пылкая, смешная и прекрасная. Кончилось, однако же, тем, что она вышла за Погорельцева. Лет через пять опять встретились, и всё кончилось ясной и тихою дружбой. Осталась навсегда какая-то теплота в их отношениях, какой-то особенный свет, озарявший эти отношения. Тут всё было чисто и безупречно в воспоминаниях Вельчанинова и тем дороже для него, что, может быть, единственно только тут это и было. Здесь, в этой семье, он был прост, наивен, добр, нянчил детей, не ломался никогда, сознавался во всем и исповедовался во всем. Он клялся не раз Погорельцевым, что поживет еще немного в свете, а там переедет к ним совсем и станет жить с ними, уже не разлучаясь. Про себя он думал об этом намерении вовсе не шутя.

Он довольно подробно изложил им о Лизе всё, что было надо; но достаточно было одной его просьбы, безо всяких особенных изложений. Клавдия Петровна расцеловала «сиротку» и обещала сделать всё с своей стороны. Дети подхватили Лизу и увели играть в сад. Через полчаса живого разговора Вельчанинов встал и стал прощаться. Он был в таком нетерпении, что всем это стало заметно. Все удивились: не был три недели и теперь уезжает через полчаса. Он смеялся и клялся, что приедет завтра. Ему заметили, что он в слишком сильном волнении; он вдруг взял за руки Клавдию Петровну и под предлогом, что забыл сказать что-то очень важное, отвел ее в другую комнату.

— Помните вы, что я вам говорил, — вам одной, и чего даже муж ваш не знает, — о т-ском годе моей жизни?

— Слишком помню; вы часто об этом говорили.

— Я не говорил, а я исповедовался, и вам одной, вам одной! Я никогда не называл вам фамилии этой женщины; она — Трусоцкая, жена этого Трусоцкого. Это она умерла, а Лиза, ее дочь, — моя дочь!

— Это наверно? Вы не ошибаетесь? — спросила Клавдия Петровна с некоторым волнением.

— Совершенно, совершенно не ошибаюсь! — восторженно проговорил Вельчанинов.

И он рассказал сколько мог вкратце, спеша и волнуясь ужасно, — всё. Клавдия Петровна и прежде знала это всё, но фамилии этой дамы не знала. Вельчанинову до того становилось всегда страшно при одной мысли, что кто-нибудь из знающих его встретит когда-нибудь m-me Трусоцкую и подумает, что *он* мог *так* любить эту женщину, что даже Клавдии Петровне, единственному своему другу, он не посмел открыть до сих пор имени «этой женщины».

— И отец ничего не знает? — спросила та, выслушав рассказ.

— Н-нет, он знает... Это-то меня и мучит, что я еще не разглядел тут всего! — горячо продолжал Вельчанинов. — Он знает, знает; я это заметил сегодня и вчера. Но мне надо знать, сколько именно он тут знает? Я потому и спешу теперь. Сегодня вечером он придет. Недоумеваю, впрочем, откуда бы ему знать, — то есть *всё-то* знать? Про Багаутова он знает всё, в этом нет сомнения. Но про меня? Вы знаете, как в этом случае жены умеют заверить своих мужей! Сойди сам ангел с небеси — муж и тому не поверит, а поверит ей! Не качайте головой, не осуждайте меня, я сам себя осуждаю и осудил во всем давно, давно!.. Видите, давеча у него я до того был уверен, что он знает всё, что компрометировал перед ним себя сам. Верите ли: мне так стыдно и тяжело, что я его вчера так грубо встретил. (Я вам потом всё еще подробнее расскажу!) Он и зашел вчера ко мне из непобедимого злобного желания дать мне знать, что он знает свою обиду и что ему известен обидчик! Вот вся причина его глупого прихода в пьяном виде. Но это так естественно с его стороны! Он именно зашел укорить! Вообще я слишком горячо вел это давеча и вчера! Неосторожно, глупо! Сам себя ему выдал! Зачем он в такую расстроенную минуту подъехал? Говорю же вам, что он даже Лизу мучил, мучил ребенка, и, наверно, тоже, чтоб укорить, чтоб зло сорвать хоть на ребенке! Да, он озлоблен, — как он ни ничтожен, но он озлоблен; очень даже. Само собою, это не более как шут, хотя прежде, ей-богу, он имел вид порядочного человека, насколько мог, но ведь это так естественно, что он пошел беспутничать! Тут, друг мой, по-христиански надо взглянуть! И знаете, милая, добрая моя, — я хочу к нему совсем перемениться: я хочу обласкать его. Это будет даже «доброе дело» с моей стороны. Потому что ведь все-таки я же перед ним виноват! Послушайте,

знаете, я вам еще скажу: мне раз в Т. вдруг четыре тысячи рублей понадобились, и он мне выдал их в одну минуту, безо всякого документа, с искреннею радостью, что мог угодить, и ведь я же взял тогда, я ведь из рук его взял, я деньги брал от него, слышите, брал как у друга!

— Только будьте осторожнее, — с беспокойством заметила на всё это Клавдия Петровна, — и как вы восторженны, я, право, боюсь за вас! Конечно, Лиза теперь и моя дочь, но тут так много, так много еще неразрешенного! А главное, будьте теперь осмотрительнее; вам непременно надо быть осмотрительнее, когда вы в счастье или в таком восторге; вы слишком великодушны, когда вы в счастье, — прибавила она с улыбкою.

Все вышли провожать Вельчанинова; дети привели Лизу, с которой играли в саду. Они смотрели на нее теперь, казалось, еще с большим недоумением, чем давеча. Лиза задичилась совсем, когда Вельчанинов поцеловал ее при всех, прощаясь, и с жаром повторил обещание приехать завтра с отцом. До последней минуты она молчала и на него не смотрела, но тут вдруг схватила его за рукав и потянула куда-то в сторону, устремив на него умоляющий взгляд; ей хотелось что-то сказать ему. Он тотчас отвел ее в другую комнату.

— Что такое, Лиза? — нежно и ободрительно спросил он, но она, всё еще боязливо оглядываясь, потащила его дальше в угол; ей хотелось совсем от всех спрятаться.

— Что такое, Лиза, что такое?

Она молчала и не решалась; неподвижно глядела в его глаза своими голубыми глазами, и во всех чертах ее личика выражался один только безумный страх.

— Он... повесится! — прошептала она как в бреду.

— Кто повесится? — спросил Вельчанинов в испуге.

— Он, он! Он ночью хотел на петле повеситься! — торопясь и задыхаясь говорила девочка. — Я сама видела! Он давеча хотел на петле повеситься, он мне говорил, говорил! Он и прежде хотел, всегда хотел... Я видела ночью...

— Не может быть! — прошептал Вельчанинов в недоумении. Она вдруг бросилась целовать ему руки; она плакала, едва переводя дыхание от рыданий, просила и умоляла его, но он ничего не мог понять из ее истерического лепета. И навсегда потом остался ему памятен, мерещился наяву и снился во сне этот измученный взгляд замученного ребенка, в безумном страхе и с последней надеждой смотревший на него.

«И неужели, неужели она так его любит? — ревниво и завистливо думал он, с лихорадочным нетерпением возвращаясь в город. — Она давеча сама сказала, что мать больше любит... может быть, она его ненавидит, а вовсе не любит!..»

«И что такое „повесится“? Что такое она говорила? Ему, дураку, повеситься?.. Надо узнать; надо непременно узнать! Надо всё как можно скорее решить, — решить окончательно!»

VII

МУЖ И ЛЮБОВНИК ЦЕЛУЮТСЯ

Он ужасно спешил «узнать». «Давеча меня ошеломило; давеча некогда было соображать, — думал он, вспоминая первую встречу свою с Лизой, — ну а теперь — надо узнать». Чтобы поскорее узнать, он в нетерпении велел было прямо везти себя к Трусоцкому, но тотчас одумался: «Нет, пусть лучше он сам ко мне придет, а я тем временем поскорее с этими проклятыми делами покончу».

За дела он принялся лихорадочно; но в этот раз сам почувствовал, что очень рассеян и что ему нельзя сегодня заниматься делами. В пять часов, когда уже он отправился обедать, вдруг, в первый раз, пришла ему в голову смешная мысль: что ведь и в самом деле он, может быть, только мешает дело делать, вмешиваясь сам в эту тяжбу, сам суетясь и толкаясь по присутственным местам и ловя своего адвоката, который стал от него прятаться. Он весело рассмеялся над своим предположением. «А ведь приди вчера мне в голову эта мысль, я бы ужасно огорчился», — прибавил он еще веселее. Несмотря на веселость, он становился всё рассеяннее и нетерпеливее: стал, наконец, задумчив; и хоть за многое цеплялась его беспокойная мысль, в целом ничего не выходило из того, что ему было нужно.

«Мне его нужно, этого человека! — решил он наконец. — Его надо разгадать, а уж потом и решать. Тут — дуэль!»

Воротясь домой в семь часов, он Павла Павловича у себя не застал и пришел от того в крайнее удивление, потом в гнев, потом даже в уныние; наконец, стал и бояться. «Бог знает, бог знает, чем это кончится!» — повторял он, то расхаживая по комнате, то протягиваясь на диване и всё смотря на часы. Наконец, уже около девяти часов, появился и Павел Павлович. «Если бы этот человек хитрил, то никогда бы лучше не подсидел меня, как теперь, — до того я в эту минуту расстроен», — подумал он, вдруг совершенно ободрившись и ужасно повеселев.

На бойкий и веселый вопрос: зачем долго не приходил, — Павел Павлович криво улыбнулся, развязно, не по-вчерашнему, уселся и как-то небрежно отбросил на другой стул свою шляпу с крепом. Вельчанинов тотчас заметил эту развязность и принял к сведенью.

Спокойно и без лишних слов, без давешнего волнения, рассказал он, в виде отчета, как он отвез Лизу, как ее мило там приняли, как это ей будет полезно, и мало-помалу, как бы совсем и забыв о Лизе, незаметно свел речь исключительно только на Погорельцевых, — то есть какие это милые люди, как он с ними давно знаком, какой хороший и даже влиятельный человек Погорельцев и тому подобное. Павел Павлович слушал рассеянно и изредка исподлобья с брюзгливой и плутоватой усмешкой поглядывал на рассказчика.

— Пылкий вы человек, — пробормотал он, как-то особенно скверно улыбаясь.

— Однако вы сегодня какой-то злой, — с досадой заметил Вельчанинов.

— А отчего же бы мне злым не быть-с, подобно всем другим? — вскинулся вдруг Павел Павлович, точно выскочил из-за угла; даже точно того только и ждал, чтобы выскочить.

— Полная ваша воля, — усмехнулся Вельчанинов, — я подумал, не случилось ли с вами чего?

— И случилось-с! — воскликнул тот, точно хвастаясь, что случилось.

— Что ж это такое?

Павел Павлович несколько подождал отвечать:

— Да вот-с всё наш Степан Михайлович чудасит... Багаутов, изящнейший петербургский молодой человек, высшего общества-с.

— Не приняли вас опять, что ли?

— Н-нет, именно в этот-то раз и приняли, в первый раз допустили-с, и черты созерцал... только уж у покойника!..

— Что-о-о! Багаутов умер? — ужасно удивился Вельчанинов, хотя, казалось, и нечему было ему-то так удивиться.

— Он-с! Неизменный и шестилетний друг! Еще вчера чуть не в полдень помер, а я и не знал! Я, может, в самую-то эту минуту и заходил тогда о здоровье наведаться. Завтра вынос и погребение, уж в гробике лежит-с. Гроб обит бархатом цвету масака, позумент золотой... от нервной горячки помер-с. Допустили, допустили, созерцал черты! Объявил при входе, что истинным другом считался, потому и допустили. Что ж он со мной изволил теперь сотворить, истинный-то и шестилетний друг, — я вас спрашиваю? Я, может, единственно для него одного и в Петербург ехал!

— Да за что же вы на него-то сердитесь, — засмеялся Вельчанинов, — ведь он не нарочно же умер!

— Да ведь я и сожалея говорю; друг-то драгоценный; ведь он вот что для меня значил-с.

И Павел Павлович вдруг, совсем неожиданно, сделал двумя пальцами рога над своим лысым лбом и тихо, продолжительно захихикал. Он просидел так, с рогами и хихикая, целые полминуты, с каким-то упоением самой ехидной наглости смотря в глаза Вельчанинову. Тот остолбенел как бы при виде какого-то призрака. Но столбняк его продолжался лишь одно только самое маленькое мгновение; насмешливая и до наглости спокойная улыбка неторопливо появилась на его губах.

— Это что ж такое означало? — спросил он небрежно, растягивая слова.

— Это означало рога-с, — отрезал Павел Павлович, отнимая наконец свои пальцы от лба.

— То есть... ваши рога?

— Мои собственные, благоприобретенные! — ужасно скверно скривился опять Павел Павлович.

Оба помолчали.

— Храбрый вы, однако же, человек! — проговорил Вельчанинов.

— Это оттого, что я рога-то вам показал? Знаете ли что, Алексей Иванович, вы бы меня лучше чем-нибудь угостили! Ведь угощал же я вас в Т., целый год-с, каждый божий день-с... Пошлите-ка за бутылочкой, в горле пересохло.

— С удовольствием; вы бы давно сказали. Вам чего?

— Да что *вам*, говорите *нам*; вместе ведь выпьем, неужто нет? — с вызовом, но в то же время и с странным каким-то беспокойством засматривал ему в глаза Павел Павлович.

— Шампанского?

— А то чего же? До водки еще черед не дошел-с...

Вельчанинов неторопливо встал, позвонил вниз Мавру и распорядился.

— На радость веселой встречи-с, после девятилетней разлуки, — ненужно и неудачно подхихикивал Павел Павлович, — теперь вы, и один уж только вы, у меня и остались истинным другом-с! Нет Степана Михайловича Багаутова! Это как у поэта:

Нет великого Патрокла,
Жив презрительный Ферсит!

И при слове «Ферсит» он пальцем ткнул себе в грудь.

«Да ты, свинья, объяснился бы скорее, а намеков я не люблю», — думал про себя Вельчанинов. Злоба кипела в нем, и он давно уже едва себя сдерживал.

— Вы мне вот что скажите, — начал он досадливо, — если вы так прямо обвиняете Степана Михайловича (он уже теперь не назвал его просто Багаутовым), то ведь вам же, кажется, радость, что обидчик ваш умер; чего ж вы злитесь?

— Какая же радость-с? Почему же радость?

— Я по вашим чувствам сужу.

— Хе-хе, на этот счет вы в моих чувствах ошибаетесь-с, по изречению одного мудреца: «Хорош враг мертвый, но еще лучше живой», хи-хи!

— Да вы живого-то лет пять, я думаю, каждый день видели, было время наглядеться, — злобно и нагло заметил Вельчанинов.

— А разве тогда... разве я тогда знал-с? — вскинулся вдруг Павел Павлович, опять точно из-за угла выскочил, даже как бы с какою-то радостью, что ему наконец сделали вопрос, которого он так давно ожидал. — За кого же вы меня, Алексей Иванович, стало быть, почитаете?

И во взгляде его блеснуло вдруг какое-то совершенно новое и неожиданное выражение, как бы преобразившее совсем в другой вид злобное и доселе только подло кривлявшееся его лицо.

— Так неужели же вы ничего не знали! — проговорил озадаченный Вельчанинов с самым внезапным удивлением.

— Так неужто же знал-с? Неужто знал! О, порода — Юпитеров наших! У вас человек всё равно, что собака, и вы всех по своей собственной натуришке судите! Вот вам-с! Проглотите-ка! — и он с бешенством стукнул по столу кулаком, но тотчас же сам испугался своего стука и уже поглядел боязливо.

Вельчанинов приосанился.

— Послушайте, Павел Павлович, мне решительно ведь всё равно, согласитесь сами, знали вы там или не знали? Если вы не знали, то это делает вам во всяком случае честь, хотя... впрочем, я даже не понимаю, почему вы меня выбрали своим конфидентом?..

— Я не об вас... не сердитесь, не об вас... — бормотал Павел Павлович, смотря в землю.

Мавра вошла с шампанским.

— Вот и оно! — закричал Павел Павлович, видимо обрадовавшись исходу. — Стаканчиков, матушка, стаканчиков; чудесно! Больше ничего от вас, милая, не потребуется. И уж откупорено? Честь вам и слава, милое существо! Ну, отправляйтесь!

И, вновь ободрившись, он опять с дерзостью посмотрел на Вельчанинова.

— А признайтесь, — хихикнул он вдруг, — что вам ужасно всё это любопытно-с, а вовсе не «решительно всё равно», как вы изволили выговорить, так что вы даже и огорчились бы, если бы я сию минуту встал и ушел-с, ничего вам не объяснивши.

— Право, не огорчился бы.

«Ой, лжешь!» — говорила улыбка Павла Павловича.

— Ну-с, приступим! — и он розлил вино в стаканы.

— Выпьем тост, — провозгласил он, поднимая стакан, — за здоровье в бозе почившего друга Степана Михайловича!

Он поднял стакан и выпил.

— Я такого тоста не стану пить, — поставил свой стакан Вельчанинов.

— Почему же? Тостик приятный.

— Вот что: вы, войдя теперь, пьяны не были?

— Пил немного. А что-с?

— Ничего особенного, но мне показалось, что вчера и особенно сегодня утром вы искренно сожалели о покойной Наталье Васильевне.

— А кто вам сказал, что я не искренно сожалею о ней и теперь? — тотчас же выскочил опять Павел Павлович, точно опять дернули его за пружинку.

— Я и не к тому; но согласитесь сами, вы могли ошибиться насчет Степана Михайловича, а это — дело важное.

Павел Павлович хитро улыбнулся и подмигнул.

— А уж как бы вам хотелось узнать про то, как сам-то я узнал про Степана Михайловича!

Вельчанинов покраснел:

— Повторяю вам опять, что мне всё равно. «А не вышвырнуть ли его сейчас вон, вместе с бутылкой?» — яростно подумал он и покраснел еще больше.

— Ничего-с! — как бы ободряя его, проговорил Павел Павлович и налил себе еще стакан.

— Я вам сейчас объясню, как я «всё» узнал-с, и тем удовлетворю ваши пламенные желания... потому что пламенный вы человек, Алексей Иванович, страшно пламенный человек-с! хе-хе! дайте только мне папиросочку, потому что я с марта месяца...

— Вот вам папироска.

— Развратился я с марта месяца, Алексей Иванович, и вот как всё это произошло-с, прислушайте-ка-с. Чахотка, как вы сами знаете, милейший друг, — фамильярничал он всё больше и больше, — есть болезнь любопытная-с. Сплошь да рядом чахоточный человек умирает, почти и не подозревая, что он завтра умрет-с. Говорю вам, что за пять еще часов Наталья Васильевна располагалась недели через две к своей тетеньке верст за сорок отправиться. Кроме того, вероятно, известна вам привычка, или, лучше сказать, повадка, общая многим дамам, а может, и кавалерам-с: сохранять у себя старый хлам по части переписки любовной-с. Всего вернее бы в печь, не так ли-с? Нет, всякий-то лоскуточек бумажки у них в ящичках и в несессерах бережно сохраняется; даже поднумеровано по годам, по числам и по разрядам. Утешает это, что ли, уж очень — не знаю-с; а должно быть, для приятных воспоминаний. Располагаясь за пять часов до кончины ехать на праздник к тетеньке, Наталья Васильевна, естественно, и мысли о смерти не имела, даже до самого последнего часу-с, и всё Коха ждала. Так и случилось-с, что померла Наталья Васильевна, а ящичек черного дерева, с перламутровой инкрустацией и с серебром-с, остался у ней в бюро. И красивенький такой ящичек, с ключом-с, фамильный, от бабушки ей достался. Ну-с — в этом вот ящичке всё и открылось-с, то есть всё-с, безо всякого исключения, по дням и по годам, за всё двадцатилетие. А так как Степан Михайлович решительную склонность к литературе имел, даже страстную повесть одну в журнал отослал, то его произведений в шкатулочке чуть не до сотни нумеров оказалось, — правда, что за пять лет-с. Иные нумера так с собственноручными пометками Натальи Васильевны. Приятно супругу, как вы думаете-с?

Вельчанинов быстро сообразил и припомнил, что он никогда ни одного письма, ни одной записки не написал к Наталье Васильевне. А из Петербурга хотя и написал два письма, но на имя обоих супругов, как и было условлено. На последнее же письмо Натальи Васильевны, в котором ему предписывалась отставка, он и не отвечал.

Кончив рассказ, Павел Павлович молчал целую минуту, назойливо улыбаясь и напрашиваясь.

— Что же вы ничего мне не ответили на вопросик-то-с? — проговорил он наконец с явным мучением.

— На какой это вопросик?

— Да вот о приятных-то чувствах супруга-с, открывающего шкатулочку.

— Э, какое мне дело! — желчно махнул рукой Вельчанинов, встал и начал ходить по комнате.

— И бьюсь об заклад, вы теперь думаете: «Свинья же ты, что сам на рога свои указал», хе-хе! Брезгливейший человек... вы-с.

— Ничего я про это не думаю. Напротив, вы слишком раздражены смертью вашего оскорбителя и к тому же вина много выпили. Ничего я не вижу во всем этом необыкновенного; слишком понимаю, для чего вам нужен был живой Багаутов, и готов уважать вашу досаду; но...

— А для чего нужен был мне Багаутов, по вашему мнению-с?

— Это ваше дело.

— Бьюсь об заклад, что вы дуэль подразумевали-с?

— Черт возьми! — всё более и более не сдерживался Вельчанинов. — Я думал, что как всякий порядочный человек... в подобных случаях — не унижается до комической болтовни, до глупых кривляний, до смешных жалоб и гадких намеков, которыми сам себя еще больше марает, а действует явно, прямо, открыто, как порядочный человек!

— Хе-хе, да, может, я и не порядочный человек-с?

— Это опять-таки ваше дело... а, впрочем, на какой же черт после этого надо было вам живого Багаутова?

— Да хоть бы только поглядеть на дружка-с. Вот бы взяли с ним бутылочку да и выпили вместе.

— Он бы с вами и пить не стал.

— Почему? Noblesse oblige? [1] Ведь вот пьете же вы со мной-с; чем он вас лучше?

— Я с вами не пил.

— Почему же такая вдруг гордость-с?

Вельчанинов вдруг нервно и раздражительно расхохотался:

— Фу, черт! да вы решительно «хищный тип» какой-то! Я думал, что вы только «вечный муж», и больше ничего!

— Это как же так «вечный муж», что такое? — насторожил вдруг уши Павел Павлович.

— Так, один тип мужей... долго рассказывать. Убирайтесь-ка лучше, да и пора вам; надоели вы мне!

— А хищно-то что ж? Вы сказали хищно?

— Я сказал, что вы «хищный тип», — в насмешку вам сказал.

— Какой такой «хищный тип-с»? Расскажите, пожалуйста, Алексей Иванович, ради бога-с, или ради Христа-с.

— Ну да довольно же, довольно! — ужасно вдруг опять рассердился и закричал Вельчанинов — пора вам, убирайтесь!

— Нет, не довольно-с! — вскочил и Павел Павлович, — даже хоть и надоел я вам, так и тут не довольно, потому что мы еще

---

[1] *Здесь:* Честь не позволяет? *(франц.)*

прежде должны с вами выпить и чокнуться! Выпьем, тогда я уйду-с, а теперь не довольно!

— Павел Павлович, можете вы сегодня убраться к черту или нет?

— Я могу убраться к черту-с, но сперва мы выпьем! Вы сказали, что не хотите пить именно *со мной*; ну, а *я хочу*, чтобы вы именно со мной-то и выпили!

Он уже не кривлялся более, он уже не подхихикивал. Всё в нем опять вдруг как бы преобразилось и до того стало противоположно всей фигуре и всему тону еще сейчашнего Павла Павловича, что Вельчанинов был решительно озадачен.

— Эй, выпьем, Алексей Иванович, эй, не отказывайте! — продолжал Павел Павлович, схватив крепко его за руку и странно смотря ему в лицо. Очевидно, дело шло не об одной только выпивке.

— Да, пожалуй, — пробормотал тот, — где же... тут бурда...

— Ровно на два стакана осталось, бурда чистая-с, но мы выпьем и чокнемся-с! Вот-с, извольте принять ваш стакан.

Они чокнулись и выпили.

— Ну, а коли так, коли так... ах! — Павел Павлович вдруг схватился за лоб рукой и несколько мгновений оставался в таком положении. Вельчанинову померещилось, что он вот-вот да и выговорит сейчас самое *последнее* слово. Но Павел Павлович ничего ему не выговорил; он только посмотрел на него и тихо, во весь рот, улыбнулся опять давешней хитрой и подмигивающей улыбкой.

— Чего вы от меня хотите, пьяный вы человек! Дурачите вы меня! — неистово закричал Вельчанинов, затопав ногами.

— Не кричите, не кричите, зачем кричать? — торопливо замахал рукой Павел Павлович. — Не дурачу, не дурачу! Вы знаете ли, что вы теперь — вот чем для меня стали.

И вдруг он схватил его руку и поцеловал. Вельчанинов не успел опомниться.

— Вот вы мне теперь кто-с! А теперь — я ко всем чертям!

— Подождите, постойте! — закричал опомнившийся Вельчанинов. — Я забыл вам сказать...

Павел Павлович повернулся от дверей.

— Видите, — забормотал Вельчанинов чрезвычайно скоро, краснея и смотря совсем в сторону, — вам бы следовало завтра непременно быть у Погорельцевых... познакомиться и поблагодарить, — непременно...

— Непременно, непременно, уж как и не понять-с! — с чрезвычайною готовностью подхватил Павел Павлович, быстро махая рукой в знак того, что и напоминать бы не надо.

— И к тому же вас и Лиза очень ждет. Я обещал...

— Лиза, — вернулся вдруг опять Павел Павлович, — Лиза? Знаете ли вы, что такое была для меня Лиза-с, была и есть-с? Была и есть! — закричал он вдруг почти в исступлении, — но... Хе! Это после-с; всё будет после-с... а теперь — мне мало уж того, что

мы с вами выпили, Алексей Иванович, мне другое удовлетворение необходимо-с!..

Он положил на стул шляпу и, как давеча, задыхаясь немного, смотрел на него.

— Поцелуйте меня, Алексей Иванович, — предложил он вдруг.

— Вы пьяны? — закричал тот и отшатнулся.

— Пьян-с, а вы всё-таки поцелуйте меня, Алексей Иванович, эй, поцелуйте! Ведь поцеловал же я вам сейчас ручку!

Алексей Иванович несколько мгновений молчал, как будто от удару дубиной по лбу. Но вдруг он наклонился к бывшему ему по плечо Павлу Павловичу и поцеловал его в губы, от которых очень пахло вином. Он не совсем, впрочем, был уверен, что поцеловал его.

— Ну уж теперь, теперь... — опять в пьяном исступлении крикнул Павел Павлович, засверкав своими пьяными глазами, — теперь вот что-с: я тогда подумал — «неужто и этот? уж если этот, думаю, если уж и он тоже, так кому же после этого верить!»

Павел Павлович вдруг залился слезами.

— Так понимаете ли, какой вы теперь друг для меня остались?!

И он выбежал с своей шляпой из комнаты. Вельчанинов опять простоял несколько минут на одном месте, как и после первого посещения Павла Павловича.

«Э, пьяный шут, и больше ничего!» — махнул он рукой.

«Решительно больше ничего!» — энергически подтвердил он, когда уже разделся и лег в постель.

VIII

ЛИЗА БОЛЬНА

На другой день поутру, в ожидании Павла Павловича, обещавшего не запоздать, чтобы ехать к Погорельцевым, Вельчанинов ходил по комнате, прихлебывал свой кофе, курил и каждую минуту сознавался себе, что он похож на человека, проснувшегося утром и каждый миг вспоминающего о том, как он получил накануне пощечину. «Гм... он слишком понимает, в чем дело, и отмстит мне Лизой!» — думал он в страхе.

Милый образ бедного ребенка грустно мелькнул перед ним. Сердце его забилось сильнее от мысли, что он сегодня же, скоро, через два часа, опять увидит *свою* Лизу. «Э, что тут говорить! — решил он с жаром, — теперь в этом вся жизнь и вся моя цель! Что там все эти пощечины и воспоминания!.. И для чего я только жил до сих пор? Беспорядок и грусть... а теперь — всё другое, всё по-другому!»

Но, несмотря на свой восторг, он задумывался всё более и более.

«Он замучает меня Лизой, — это ясно! И Лизу замучает. Вот на этом-то он меня и доедет, за *всё*. Гм... без сомнения, я не могу

же позволить вчерашних выходок с его стороны, — покраснел он вдруг, — и... и вот, однако же, он не идет, а уж двенадцатый час!»

Он ждал долго, до половины первого, и тоска его возрастала всё более и более. Павел Павлович не являлся. Наконец давно уж шевелившаяся мысль о том, что тот не придет нарочно, единственно для того, чтобы выкинуть еще выходку по-вчерашнему, раздражила его вконец: «Он знает, что я от него завишу, и что́ будет теперь с Лизой! И как я явлюсь к ней без него!»

Наконец он не выдержал и ровно в час пополудни поскакал сам к Покрову. В номерах ему объявили, что Павел Павлович дома и не ночевал, а пришел лишь поутру в девятом часу, побыл всего четверть часика да и опять отправился. Вельчанинов стоял у двери Павла Павловичева номера, слушал говорившую ему служанку и машинально вертел ручку запертой двери и потягивал ее взад и вперед. Опомнившись, он плюнул, оставил замок и попросил сводить его к Марье Сысоевне. Но та, услыхав о нем, и сама охотно вышла.

Это была добрая баба, «баба с благородными чувствами», как выразился о ней Вельчанинов, когда передавал потом свой разговор с нею Клавдии Петровне. Расспросив коротко о том, как он отвез вчера «дево́чку», Марья Сысоевна тотчас же пустилась в рассказы о Павле Павловиче. По ее словам, не будь только робеночка, давно бы она его выжила. Его и из гостиницы сюда выжили, потому что очень уж безобразничал. Ну, не грех ли, с собой девку ночью привел, когда тут же робеночек с понятием! Кричит: «Это вот тебе будет мать, коли я того захочу!» Так верите ли, чего уж девка, а и та ему плюнула в харю. Кричит: «Ты, говорит, мне не дочь, а в...док».

— Что вы? — испугался Вельчанинов.

— Сама слышала. Оно хоть и пьяный человек, ровно как в бесчувствии, да всё же при робенке не годится; хоть и малолеток, а всё умом про себя дойдет! Плачет дево́чка, совсем, вижу, замучилась. А намедни тут на дворе у нас грех вышел: комиссар, что ли, люди сказывали, номер в гостинице с вечера занял, а к утру и повесился. Сказывали, деньги прогулял. Народ сбежался, Павла-то Павловича самого дома нет, а робенок без призору ходит, гляжу, и она там в коридоре меж народом, да из-за других и выглядывает, чудно́ так на висельника-то глядит. Я ее поскорей сюда отвела. Что ж ты думаешь, — вся дрожью дрожит, почернела вся, и только что привела — она и грохнулась. Билась-билась, насилу очнулась. Родимчик, что ли, а с того часу и хворать начала. Узнал он, пришел — исщипал ее всю — потому он не то чтобы драться, а всё больше щипится, а потом нахлестался винища-то, пришел да и пужает ее: «Я, говорит, тоже повешусь, от тебя повешусь; вот на этом самом, говорит, шнурке, на сторе повешусь»; и петлю при ней делает. А та-то себя не помнит — кричит, ручонками его обхватила: «Не буду, кричит, никогда не буду». Жалость!

Вельчанинов хотя и ожидал кой-чего очень странного, но эти рассказы его так поразили, что он даже и не поверил. Марья Сы-

соевна много еще рассказывала; был, например, один случай, что если бы не Марья Сысоевна, то Лиза из окна бы, может, выбросилась. Он вышел из номера сам точно пьяный. «Я убью его палкой, как собаку, по голове!» — мерещилось ему. И он долго повторял это про себя.

Он нанял коляску и отправился к Погорельцевым. Еще не выезжая из города, коляска принуждена была остановиться на перекрестке, у мостика через канаву, через который пробиралась большая похоронная процессия. И с той и с другой стороны моста стеснилось несколько поджидавших экипажей; останавливался и народ. Похороны были богатые, и поезд провожавших карет был очень длинен, и вот в окошке одной из этих провожавших карет мелькнуло вдруг перед Вельчаниновым лицо Павла Павловича. Он не поверил бы, если бы Павел Павлович не выставился сам из окна и не закивал ему улыбаясь. По-видимому, он ужасно был рад, что узнал Вельчанинова; даже начал делать из кареты ручкой. Вельчанинов выскочил из коляски и, несмотря на тесноту, на городовых и на то что карета Павла Павловича въезжала уже на мост, подбежал к самому окошку. Павел Павлович сидел один.

— Что с вами, — закричал Вельчанинов, — зачем вы не пришли? как вы здесь?

— Долг отдаю-с, — не кричите, не кричите, — долг отдаю, — захихикал Павел Павлович, весело прищуриваясь, — бренные останки истинного друга провожаю, Степана Михайловича.

— Нелепость это всё, пьяный вы, безумный человек! — еще сильнее прокричал озадаченный было на миг Вельчанинов. — Выходите сейчас и садитесь со мной; сейчас!

— Не могу-с, долг-с...

— Я вас вытащу! — вопил Вельчанинов.

— А я закричу-с! А я закричу-с! — всё так же весело подхихикивал Павел Павлович — точно с ним играют, — прячась, впрочем, в задний угол кареты.

— Берегись, берегись, задавят! — закричал городовой. Действительно, при спуске с моста чья-то посторонняя карета, прорвавшая поезд, наделала тревоги. Вельчанинов принужден был отскочить; другие экипажи и народ тотчас же оттеснили его далее. Он плюнул и пробрался к своей коляске.

«Всё равно, такого и без того нельзя с собой везти!» — подумал он с продолжавшимся тревожным изумлением.

Когда он передал Клавдии Петровне рассказ Марьи Сысоевны и странную встречу на похоронах, та сильно задумалась: «Я за вас боюсь, — сказала она ему, — вы должны прервать с ним всякие отношения, и чем скорее, тем лучше».

— Шут он пьяный, и больше ничего! — запальчиво вскричал Вельчанинов, — стану я его бояться! И как я прерву отношения, когда тут Лиза. Вспомните про Лизу!

Между тем Лиза лежала больная; вчера вечером с нею началась лихорадка, и из города ждали одного известного доктора, за кото-

рым чем свет послали нарочного. Всё это окончательно расстроило Вельчанинова. Клавдия Петровна повела его к больной.

— Я вчера к ней очень присматривалась, — заметила она, остановившись перед комнатой Лизы, — это гордый и угрюмый ребенок; ей стыдно, что она у нас и что отец ее так бросил; вот в чем вся болезнь, по-моему.

— Как бросил? Почему вы думаете, что бросил?

— Уж одно то, как он отпустил ее сюда, совсем в незнакомый дом, и с человеком... тоже почти незнакомым или в таких отношениях...

— Да я ее сам взял, силой взял; я не нахожу...

— Ах, боже мой, это уж Лиза, ребенок, находит! По-моему, он просто никогда не приедет.

Увидев Вельчанинова одного, Лиза не изумилась; она только скорбно улыбнулась и отвернула свою горевшую в жару головку к стене. Она ничего не отвечала на робкие утешения и на горячие обещания Вельчанинова завтра же наверно привезти ей отца. Выйдя от нее, он вдруг заплакал.

Доктор приехал только к вечеру. Осмотрев больную, он с первого слова всех напугал, заметив, что напрасно его не призвали раньше. Когда ему объявили, что больная заболела всего только вчера вечером, он сначала не поверил. «Всё зависит от того, как пройдет эта ночь», — решил он наконец и, сделав свои распоряжения, уехал, обещав прибыть завтра как можно раньше. Вельчанинов хотел было непременно остаться ночевать; но Клавдия Петровна сама упросила его еще раз «попробовать привезти сюда этого изверга».

— Еще раз? — в исступлении переговорил Вельчанинов. — Да я его теперь свяжу и в своих руках привезу!

Мысль связать и привезти Павла Павловича в руках овладела им вдруг до крайнего нетерпения. «Ничем, ничем не чувствую я теперь себя пред ним виноватым! — говорил он Клавдии Петровне, прощаясь с нею. — Отрекаюсь от всех моих вчерашних низких, плаксивых слов, которые здесь говорил!» — прибавил он в негодовании.

Лиза лежала с закрытыми глазами и, по-видимому, спала; казалось, ей стало лучше. Когда Вельчанинов нагнулся осторожно к ее головке, чтобы, прощаясь, поцеловать хоть краешек ее платья, — она вдруг открыла глаза, точно поджидала его, и прошептала: «Увезите меня».

Это была тихая, скорбная просьба, безо всякого оттенка вчерашней раздражительности, но вместе с тем послышалось и что-то такое, как будто она и сама была вполне уверена, что просьбу ее ни за что не исполнят. Чуть только Вельчанинов, совсем в отчаянии, стал уверять ее, что это невозможно, она молча закрыла глаза и ни слова более не проговорила, как будто и не слушала и не видела его.

Въехав в город, он прямо велел везти себя к Покрову. Было уже десять часов; Павла Павловича в номерах не было. Вельчани-

нов прождал его целые полчаса, расхаживая по коридору в болезненном нетерпении. Марья Сысоевна уверила его, наконец, что Павел Павлович вернется разве только к утру чем свет. «Ну так и я приеду чем свет», — решил Вельчанинов и вне себя отправился домой.

Но каково же было его изумление, когда он, еще не входя к себе, услышал от Мавры, что вчерашний гость уже с десятого часу его ожидает.

«И чай изволили у нас кушать, и за вином опять посылали, за тем самым, синюю бумажку выдали».

IX

ПРИВИДЕНИЕ

Павел Павлович расположился чрезвычайно комфортно. Он сидел на вчерашнем стуле, курил папироски и только что налил себе четвертый, последний стакан из бутылки. Чайник и стакан с недопитым чаем стояли тут же подле него на столе. Раскрасневшееся лицо его сияло благодушием. Он даже снял с себя фрак, по-летнему, и сидел в жилете.

— Извините, вернейший друг! — вскричал он, завидев Вельчанинова и схватываясь с места, чтоб надеть фрак, — снял для пущего наслаждения минутой...

Вельчанинов грозно к нему приблизился.

— Вы не совершенно еще пьяны? Можно еще с вами поговорить?

Павел Павлович несколько оторопел.

— Нет, не совершенно... Помянул усопшего, но — не совершенно-с...

— Поймете вы меня?

— С тем и явился, чтобы вас понимать-с.

— Ну так я же вам прямо начинаю с того, что вы — негодяй! — закричал Вельчанинов сорвавшимся голосом.

— Если с этого начинаете-с, то чем кончите-с? — чуть-чуть протестовал было Павел Павлович, видимо сильно струсивший, но Вельчанинов кричал не слушая:

— Ваша дочь умирает, она больна; бросили вы ее или нет?

— Неужто уж умирает-с?

— Она больна, больна, чрезвычайно опасно больна!

— Может, припадочки-с...

— Не говорите вздору! Она чрез-вы-чайно опасно больна! Вам следовало ехать уж из того одного...

— Чтоб возблагодарить-с, за гостеприимство возблагодарить! Слишком понимаю-с! Алексей Иванович, дорогой, совершенный, — ухватил он его вдруг за руку обеими своими руками и с пьяным чувством, чуть не со слезами, как бы испрашивая прощения, выкрикивал: — Алексей Иванович, не кричите, не кричите! Умри я, провались я сейчас пьяный в Неву — что ж из того-с, при настоя-

щем значении дел-с? А к господину Погорельцеву и всегда поспеем-с...

Вельчанинов спохватился и капельку сдержал себя.

— Вы пьяны, а потому я не понимаю, в каком смысле вы говорите, — заметил он строго, — я объясниться всегда с вами готов; даже рад поскорей... Я и ехал... Но прежде всего знайте, что я принимаю меры: вы сегодня должны у меня ночевать! Завтра утром я вас беру, и мы едем. Я вас не выпущу! — завопил он опять, — я вас скручу и в руках привезу!.. Удобен вам этот диван? — указал он ему, задыхаясь, на широкий и мягкий диван, стоявший напротив того дивана, на котором спал он сам, у другой стены.

— Помилуйте, да я и везде-с...

— Не везде, а на этом диване! Берите, вот вам простыня, одеяло, подушка (всё это Вельчанинов вытащил из шкафа и, торопясь, выбрасывал Павлу Павловичу, покорно подставившему руку) — стелите сейчас, сте-ли-те же!

Навьюченный Павел Павлович стоял среди комнаты как бы в нерешимости, с длинной, пьяной улыбкой на пьяном лице; но при вторичном грозном окрике Вельчанинова вдруг, со всех ног, бросился хлопотать, отставил стол и пыхтя стал расправлять и настилать простыню. Вельчанинов подошел ему помочь; он был отчасти доволен покорностию и испугом своего гостя.

— Допивайте ваш стакан и ложитесь, — скомандовал он опять; он чувствовал, что не мог не командовать, — это вы сами за вином распорядились послать?

— Сам-с, за вином... Я, Алексей Иванович, знал, что вы уже более не пошлете-с.

— Это хорошо, что вы знали, но нужно, чтоб вы еще больше узнали. Объявляю вам еще раз, что я теперь принял меры: кривляний ваших больше не потерплю, пьяных вчерашних поцелуев не потерплю!

— Я ведь и сам, Алексей Иванович, понимаю, что это всего один только раз было возможно-с, — ухмыльнулся Павел Павлович.

Услышав ответ, Вельчанинов, шагавший по комнате, почти торжественно остановился вдруг перед Павлом Павловичем:

— Павел Павлович, говорите прямо! Вы умны, я опять сознаюсь в этом, но уверяю вас, что вы на ложной дороге! Говорите прямо, действуйте прямо, и, честное слово даю вам, — я отвечу на всё, что угодно!

Павел Павлович ухмыльнулся снова своей длинной улыбкой, которая одна уже так бесила Вельчанинова.

— Стойте! — закричал тот опять. — Не прикидывайтесь, я насквозь вас вижу! Повторяю: даю вам честное слово, что я готов вам ответить на *всё*, и вы получите всякое возможное удовлетворение, то есть всякое, даже и невозможное! О, как бы я желал, чтоб вы меня поняли!..

— Если уж вы так добры-с, — осторожно придвинулся к нему Павел Павлович, — то вот-с очень меня заинтересовало то, что вы вчера упомянули про хищный тип-с!..

Вельчанинов плюнул и пустился опять, еще скорее, шагать по комнате.

— Нет-с, Алексей Иванович, вы не плюйтесь, потому что я очень заинтересован и именно пришел проверить-с... У меня язык плохо вяжется, но вы простите-с. Я ведь об «хищном» этом типе и об «смирном-с» сам в журнале читал, в отделении критики-с, — припомнил сегодня поутру... только забыл-с, а по правде, тогда и не понял-с. Я вот именно желал разъяснить: Степан Михайлович Багаутов, покойник-с, — что он, «хищный» был или «смирный-с»? Как причислить-с?

Вельчанинов всё еще молчал, не переставая шагать.

— Хищный тип это тот, — остановился он вдруг в ярости, — это тот человек, который скорей бы отравил в стакане Багаутова, когда стал бы с ним «шампанское пить» во имя приятной с ним встречи, как вы со мной вчера пили, — а не поехал бы его гроб на кладбище провожать, как вы давеча поехали, черт знает из каких ваших сокрытых, подпольных, гадких стремлений и марающих вас самих кривляний! Ва́с самих!

— Это точно, что не поехал бы-с, — подтвердил Павел Павлович, — только как уж вы, однако, на меня-то-с...

— Это не тот человек, — горячился и кричал Вельчанинов не слушая, — не тот, который напредставит сам себе бог знает чего, итоги справедливости и юстиции подведет, обиду свою как урок заучит, ноет, кривляется, ломается, на шее у людей виснет — и глядь — на то всё и время свое употреби́л! Правда, что вы хотели повеситься? Правда?

— В хмелю, может, сбредил что, — не помню-с. Нам, Алексей Иванович, как-то и неприлично уж яд-то подсыпать. Кроме того, что чиновник на хорошем счету, — у меня и капитал ведь найдется-с, а может, к тому жениться опять захочу-с.

— Да и в каторгу сошлют.

— Ну да-с, и эта вот неприятность тоже-с, хотя нынче, в судах, много облегчающих обстоятельств подводят. А я вам, Алексей Иванович, один анекдотик преуморительный, давеча в карете вспо́мнил-с, хотел сообщить-с. Вот вы сказали сейчас: «У людей на шее виснет». Семена Петровича Ливцова, может, припомните-с, к нам в Т. при вас заезжал; ну, так брат его младший, тоже петербургский молодой человек считается, в В—ом при губернаторе служил и тоже блистал-с разными качествами-с. Поспорил он раз с Голубенко, полковником, в собрании, в присутствии дам и дамы его сердца, и счел себя оскорбленным, но обиду скушал и затаил; а Голубенко тем временем даму сердца его отбил и руку ей предложил. Что ж вы думаете? Этот Ливцов — даже искренно ведь в дружбу с Голубенкой вошел, совсем помирился, да мало того-с — в шафера к нему сам напросился, венец держал, а как приехали

из-под венца, он подошел поздравлять и целовать Голубенку да при всем-то благородном обществе и при губернаторе, сам во фраке и завитой-с, — как пырнет его в живот ножом — так Голубенко и покатился! Это собственный-то шафер, стыд-то какой-с! Да это еще что-с! Главное, что ножом-то пырнул да и бросился кругом: «Ах, что я сделал! Ах, что такое я сделал!» — слезы льются, трясется, всем на шею кидается, даже к дамам-с: «Ах, что я сделал! Ах, что, дескать, такое я теперь сделал!» — хе-хе-хе! уморил-с. Вот только разве жаль Голубенку; да и то выздоровел-с.

— Я не вижу, для чего вы мне рассказали, — строго нахмурился Вельчанинов.

— Да всё к тому же-с, что пырнул же ведь ножом-с, — захихикал Павел Павлович, — ведь уж видно, что не тип-с, а сопля-человек, когда уж самое приличие от страху забыл и к дамам на шею кидается в присутствии губернатора-с, — а ведь пырнул же-с, достиг своего! Вот я только про это-с.

— Убир-райтесь вы к черту, — завопил вдруг не своим голосом Вельчанинов, точно как бы что сорвалось в нем, — убир-райтесь с вашею подпольною дрянью, сам вы подпольная дрянь — пугать меня вздумал — мучитель ребенка, — низкий человек, — подлец, подлец, подлец! — выкрикивал он, себя не помня и задыхаясь на каждом слове.

Павла Павловича всего передернуло, даже хмель соскочил; губы его задрожали:

— Это меня-то вы, Алексей Иванович, подлецом называете, *вы-с* и *меня-с?*

Но Вельчанинов уже очнулся.

— Я готов извиниться, — ответил он, помолчав и в мрачном раздумье, — но в таком только случае, если вы сами и сейчас же захотите действовать прямо.

— А я бы и во всяком случае извинился на вашем месте, Алексей Иванович.

— Хорошо, пусть так, — помолчал еще немного Вельчанинов, — извиняюсь перед вами; но согласитесь сами, Павел Павлович, что после всего этого я уже ничем более не считаю себя перед вами обязанным, то есть я в отношении *всего* дела говорю, а не про один теперешний случай.

— Ничего-с, что считаться? — ухмыльнулся Павел Павлович, смотря, впрочем, в землю.

— А если так, то тем лучше, тем лучше! Допивайте ваше вино и ложитесь, потому что я все-таки вас не пущу...

— Да что ж вино-с... — немного как бы смутился Павел Павлович, однако подошел к столу и стал допивать свой давно уже налитый последний стакан. Может, он уже и много пил перед этим, так что теперь рука его дрожала, и он расплескал часть вина на пол, на рубашку и на жилет, но все-таки допил до дна, — точно как будто и не мог оставить невыпитым, и, почтительно поставив

опорожненный стакан на стол, покорно пошел к своей постели раздеваться.

— А не лучше ли... не ночевать? — проговорил он вдруг с чего-то, уже сняв один сапог и держа его в руках.

— Нет, не лучше! — гневливо ответил Вельчанинов, неустанно шагавший по комнате, не взглядывая на него.

Тот разделся и лег. Чрез четверть часа улегся и Вельчанинов и потушил свечу.

Он засыпал беспокойно. Что-то новое, еще более спутавшее *дело*, вдруг откудова-то появившееся, тревожило его теперь, и он чувствовал в то же время, что ему почему-то стыдно было этой тревоги. Он уже стал было забываться, но какой-то шорох вдруг его разбудил. Он тотчас же оглянулся на постель Павла Павловича. В комнате было темно (гардины были совсем спущены), но ему показалось, что Павел Павлович не лежит, а привстал и сидит на постели.

— Чего вы? — окликнул Вельчанинов.

— Тень-с, — подождав немного, чуть слышно выговорил Павел Павлович.

— Что такое, какая тень?

— Там, в той комнате, в дверь, как бы тень видел-с.

— Чью тень? — спросил, помолчав немного, Вельчанинов.

— Натальи Васильевны-с.

Вельчанинов привстал на ковер и сам заглянул через переднюю в ту комнату, двери в которую всегда стояли отперты. Там на окнах гардин не было, а были только сторы, и потому было гораздо светлее.

— В той комнате нет ничего, а вы пьяны, ложитесь! — сказал Вельчанинов, лег и завернулся в одеяло. Павел Павлович не сказал ни слова и улегся тоже.

— А прежде вы никогда не видали тени? — спросил вдруг Вельчанинов, минут уж десять спустя.

— Однажды как бы и видел-с, — слабо и тоже помедлив откликнулся Павел Павлович. Затем опять наступило молчание.

Вельчанинов не мог бы сказать наверно, спал ли он или нет, но прошло уже с час — и вдруг он опять обернулся: шорох ли какой его опять разбудил — он тоже не знал, но ему показалось, что среди совершенной темноты что-то стояло над ним, белое, еще не доходя до него, но уже посредине комнаты. Он присел на постели и целую минуту всматривался.

— Это вы, Павел Павлович? — проговорил он ослабевшим голосом. Этот собственный голос его, раздавшийся вдруг в тишине и в темноте, показался ему как-то странным.

Ответа не последовало, но в том, что стоял кто-то, уже не было никакого сомнения.

— Это вы... Павел Павлович? — повторил он громче и даже так громко, что если б Павел Павлович спокойно спал на своей постели, то непременно бы проснулся и дал ответ.

Но ответа опять не последовало, зато показалось ему, что эта белая и чуть различаемая фигура еще ближе к нему придвинулась. Затем произошло нечто странное: что-то вдруг в нем как бы сорвалось, точь-в-точь как давеча, и он закричал из всех сил самым нелепым, бешеным голосом, задыхаясь чуть не на каждом слове:

— Если вы, пьяный шут, осмелитесь только подумать — что вы можете — меня испугать, — то я обернусь к стене, завернусь с головой и ни разу не обернусь во всю ночь, — чтобы тебе доказать, во что я ценю — хоть бы вы простояли до утра... шутом... и на вас плюю!

И он, яростно плюнув в сторону предполагаемого Павла Павловича, вдруг обернулся к стене, завернулся, как сказал, в одеяло и как бы замер в этом положении не шевелясь. Настала мертвая тишина. Придвигалась ли тень или стояла на месте — он не мог узнать, но сердце его билось — билось — билось... Прошло по крайней мере полных минут пять; и вдруг, в двух шагах от него, раздался слабый, совсем жалобный голос Павла Павловича:

— Я, Алексей Иванович, встал поискать... — (и он назвал один необходимейший домашний предмет) — я там не нашел у себя-с... хотел потихоньку подле вас посмотреть-с, у постели-с.

— Что же вы молчали... когда я кричал? — прерывающимся голосом спросил Вельчанинов, переждав с полминуты.

— Испугался-с. Вы так закричали... я и испугался-с.

— Там в углу налево, к дверям, в шкапике, зажгите свечу...

— Да я и без свечки-с... — смиренно промолвил Павел Павлович, направляясь в угол, — вы уж простите, Алексей Иванович, что вас так потревожил-с... совсем вдруг так охмелел-с...

Но тот уже ничего не ответил. Он всё продолжал лежать лицом к стене и пролежал так всю ночь, ни разу не обернувшись. Уж хотелось ли ему так исполнить слово и показать презрение? Он сам не знал, что с ним делается; нервное расстройство его перешло, наконец, почти в бред, и он долго не засыпал. Проснувшись на другое утро, в десятом часу, он вдруг вскочил и присел на постели, точно его подтолкнули, — но Павла Павловича уже не было в комнате! Оставалась одна только пустая, неубранная постель, а сам он улизнул чем свет.

— Я так и знал! — хлопнул себя Вельчанинов ладонью по лбу.

X

НА КЛАДБИЩЕ

Опасения доктора оправдались, и Лизе вдруг сделалось хуже, — так худо, как и не воображали накануне Вельчанинов и Клавдия Петровна. Вельчанинов поутру застал больную еще в памяти, хотя вся она горела в жару; он уверял потом, что она ему улыбнулась и даже протянула ему свою горячую ручку. Правда ли это было, или только он сам выдумал себе это невольно, в утешение, — про-

верить ему было некогда; к ночи больная была уже без памяти, и так продолжалось во всё время болезни. На десятый день своего переезда на дачу она умерла.

Это было скорбное время для Вельчанинова; Погорельцевы даже боялись за него. Бо́льшую часть этих тяжелых дней он прожил у них. В самые последние дни болезни Лизы он по целым часам просиживал один, где-нибудь в углу, и, по-видимому, ни об чем не думал; Клавдия Петровна подходила его развлекать, но он отвечал мало, иногда видимо тяготясь с нею разговаривать. Клавдия Петровна даже не ожидала, что на него «всё это произведет такое впечатление». Всего больше развлекали его дети; он с ними даже иногда смеялся; но каждый почти час вставал со стула и на цыпочках шел взглянуть на больную. Иногда ему казалось, что она его узнает. Надежды на выздоровление он не имел никакой, как и все, но от комнаты, в которой умирала Лиза, не отходил и обыкновенно сидел в комнате рядом.

Раза два, впрочем, и в эти дни он вдруг обнаруживал чрезвычайную деятельность: вдруг подымался, бросался в Петербург к докторам, приглашал самых известнейших и составлял консилиумы. Второй, последний консилиум был накануне смерти больной. Дня за три до этого Клавдия Петровна заговорила с Вельчаниновым настойчиво о необходимости отыскать где-нибудь наконец господина Трусоцкого: «в случае несчастия Лизу и похоронить без него нельзя было». Вельчанинов промямлил, что он ему напишет. Тогда старик Погорельцев объявил, что он сам разыщет его через полицию. Вельчанинов написал наконец уведомление в двух строчках и отвез его в Покровскую гостиницу. Павла Павловича по обыкновению не было дома, и он вручил письмо для передачи Марье Сысоевне.

Наконец, умерла Лиза, в прекрасный летний вечер, вместе с закатом солнца, и тут только как бы очнулся Вельчанинов. Когда мертвую убрали, нарядив ее в праздничное белое платьице одной из дочерей Клавдии Петровны, и положили в зале на столе, с цветами в сложенных ручках, — он подошел к Клавдии Петровне и, сверкая глазами, объявил ей, что он сейчас же привезет и «убийцу». Не слушая советов повременить до завтра, он немедленно отправился в город.

Он знал, где застать Павла Павловича; не за одними докторами отправлялся он в Петербург. Иногда в эти дни ему казалось, что привези он к умиравшей Лизе отца, и она, услыхав его голос, очнется; тогда он как отчаянный пускался его разыскивать. Павел Павлович квартировал по-прежнему в номерах, но в номерах и спрашивать было нечего: «по три дня не ночует и не приходит, — рапортовала Марья Сысоевна, — а придет невзначай пьяный, часу не пробудет и опять потащится; совсем растрепался». Половой из Покровской гостиницы сообщил Вельчанинову, между прочим, что Павел Павлович, еще прежде, посещал каких-то девиц на Вознесенском проспекте. Вельчанинов немедленно разыскал девиц. Задаренные и угощенные особы припомнили тотчас своего гостя,

главное, по его шляпе с крепом, причем тут же его обругали, конечно, за то, что он к ним больше не ходил. Одна из них, Катя, взялась «во всякое время Павла Павловича разыскать, потому что он от Машки Простаковой теперь не выходит, а денег у него и дна нет, а Машка эта — не Простакова, а Прохвостова, и в больнице лежала, и захоти только она, Катя, так сейчас же ее в Сибирь упрячет, всего одно слово скажет». Катя, однако же, не разыскала в тот раз, но зато крепко обещалась в другой. Вот на ее-то содействие и надеялся теперь Вельчанинов.

Прибыв в город уже в десять часов, он немедленно ее вытребовал, заплатив кому следовало за ее отсутствие, и отправился с нею на поиски. Он еще и сам не знал, что собственно он теперь сделает с Павлом Павловичем: убьет ли его за что-то или просто ищет его, чтобы сообщить о смерти дочери и о необходимости его содействия при погребении? На первый раз вышла неудача: оказалось, что Машка Прохвостова разодралась с Павлом Павловичем еще третьего дня и что какой-то казначей «Павлу Павловичу голову скамейкой прошиб». Одним словом, долго он не отыскивался, и наконец уже только в два часа пополуночи Вельчанинов, при выходе из одного указанного ему заведения, вдруг и неожиданно сам на него натолкнулся.

Павла Павловича подводили к этому заведению две дамы совершенно пьяного; одна из дам придерживала его под руку, а сзади сопутствовал им один рослый и размашистый претендент, кричавший во всё горло и страшно грозивший Павлу Павловичу какими-то ужасами. Он кричал, между прочим, что тот его «эксплуатировал и отравил ему жизнь». Дело, кажется, шло о каких-то деньгах; дамы очень трусили и спешили. Завидев Вельчанинова, Павел Павлович кинулся к нему с распростертыми руками и закричал, точно его резали:

— Братец родной, защити!

При виде атлетической фигуры Вельчанинова претендент мигом стушевался; торжествующий Павел Павлович простер ему вслед свой кулак и завопил в знак победы; тут Вельчанинов яростно схватил его за плечи и, сам не зная для чего, стал трясти обеими руками, так что у того зубы застучали. Павел Павлович тотчас же перестал кричать и с тупоумным пьяным испугом смотрел на своего истязателя. Вероятно не зная, что с ним делать далее, Вельчанинов крепко нагнул его и посадил на тротуарную тумбу.

— Лиза умерла! — проговорил он ему.

Павел Павлович, всё еще не спуская с него глаз, сидел на тумбе, поддерживаемый одною из дам. Он понял наконец, и лицо его как-то вдруг осунулось.

— Умерла... — как-то странно прошептал он. Усмехнулся ли он спьяна своею скверною длинною улыбкой, или у него скривилось что-то в лице, — Вельчанинов не мог разобрать, но мгновение спустя Павел Павлович поднял с усилием свою дрожавшую правую руку, чтоб перекреститься; крест, однако ж, не сложился, и дрожавшая рука опустилась. Немного погодя он медленно при-

встал с тумбы, схватился за свою даму и, опираясь на нее, пошел своей дорогой далее, как бы в забытьи, — точно и не было тут Вельчанинова. Но тот ухватил его опять за плечо.

— Понимаешь ли ты, пьяный изверг, что без тебя ее и похоронить нельзя будет! — прокричал он задыхаясь.

Тот повернул к нему голову.

— Артиллерии... прапорщика... помните? — промямлил он тупо ворочавшимся языком.

— Что-о-о? — завопил Вельчанинов, болезненно вздрогнув.

— Вот тебе и отец! Ищи его... хоронить...

— Лжешь! — закричал Вельчанинов как потерянный. — Ты со злости... я так и знал, что ты это мне приготовишь!

Не помня себя, он занес свой страшный кулак над головою Павла Павловича. Еще мгновение — и он, может быть, убил бы его одним ударом; дамы взвизгнули и отлетели прочь, но Павел Павлович не смигнул даже глазом. Какое-то исступление самой зверской злобы исказило ему всё лицо.

— А знаешь ты, — произнес он гораздо тверже, почти как не пьяный, — нашу русскую ....? (И он проговорил самое невозможное в печати ругательство.) Ну так и убирайся к ней! — Затем с силою рванулся из рук Вельчанинова, оступился и чуть не упал. Дамы подхватили его и в этот раз уже побежали, визжа и почти волоча Павла Павловича за собою. Вельчанинов не преследовал.

Назавтра, в час пополудни, на дачу Погорельцевых явился один весьма приличный чиновник средних лет, в вицмундире и вежливо вручил Клавдии Петровне адресованный на ее имя пакет от имени Павла Павловича Трусоцкого. В пакете заключалось письмо со вложением трехсот рублей и с необходимыми свидетельствами о Лизе. Павел Павлович писал коротко, чрезвычайно почтительно и весьма прилично. Он весьма благодарил ее превосходительство Клавдию Петровну за ее добродетельное участие к сироте, за которое может ей воздать только один бог. Неясно упоминал, что крайнее нездоровье не позволит ему явиться лично похоронить нежно им любимую и несчастную дочь, и возлагал в этом все надежды на ангельскую доброту души ее превосходительства. Триста же рублей назначались, как разъяснил он далее в письме, — на похороны и вообще на расходы, причиненные болезнию. Если же бы и осталось что из этой суммы, то покорнейше и почтительнейше просит употребить их на вечное поминовение за упокой души усопшей Лизы. Чиновник, доставивший письмо, не мог ничего более объяснить; даже оказалось из некоторых его слов, что он только по усиленной просьбе Павла Павловича взялся доставить лично пакет ее превосходительству. Погорельцев почти обиделся выражением «о расходах, причиненных болезнию», и определил, оставив пятьдесят рублей на погребение, — так как нельзя же было воспретить отцу хоронить свое дитя, — остальные двести пятьдесят рублей возвратить немедленно господину Трусоцкому. Клавдия Петровна решила окончательно возвратить не двести пятьдесят рублей,

а расписку из кладбищенской церкви в получении этих денег на вечное поминовение души усопшей отроковицы Елизаветы. Расписка была выдана потом Вельчанинову для вручения немедленно; он отослал ее по почте в номер.

После похорон он исчез с дачи. Целые две недели слонялся он по городу, безо всякой цели, один, и натыкался на людей в задумчивости. Иногда же по целым дням лежал, протянувшись у себя на диване, забывая о самых обыкновенных вещах. Погорельцевы много раз присылали звать его к себе; он обещал и тотчас же забывал. Клавдия Петровна даже приезжала к нему сама, но не заставала его дома. То же случилось и с его адвокатом; а между тем адвокату было что сообщить: тяжебное дело было им весьма ловко улажено, и противники соглашались на мировую с вознаграждением весьма незначительной долею оспариваемого ими наследства. Оставалось получить только согласие самого Вельчанинова. Застав его наконец у себя, адвокат был удивлен чрезвычайною вялостью и равнодушием, с которыми он, еще недавно такой беспокойный клиент, его выслушал.

Настали самые жаркие июльские дни, но Вельчанинов забывал самое время. Его горе наболело в его душе, как созревший нарыв, и выяснялось ему поминутно в мучительно-сознательной мысли. Главное страдание его состояло в том, что Лиза не успела узнать его и умерла, не зная, как он мучительно любил ее! Вся цель его жизни, мелькнувшая перед ним в таком радостном свете, вдруг померкла в вечной тьме. Эта цель состояла бы именно в том, — поминутно думал он об этом теперь, — чтобы Лиза каждый день, каждый час и всю жизнь беспрерывно ощущала его любовь на себе. «Выше нет никакой цели ни у кого из людей и не может быть! — задумывался он иногда в мрачном восторге. — Если и есть другие цели, то ни одна из них не может быть святее этой!» «Любовью Лизы, — мечтал он, — очистилась и искупилась бы вся моя прежняя смрадная и бесполезная жизнь; взамен меня, праздного, порочного и отжившего, — я взлелеял бы для жизни чистое и прекрасное существо, и за это существо всё было бы мне прощено, и всё бы я сам простил себе».

Все эти *сознательные* мысли представлялись ему всегда нераздельно с ярким, всегда близким и всегда поражавшим его душу воспоминанием об умершем ребенке. Он воссоздавал себе ее бледное личико, припоминал каждое выражение его; он вспоминал ее и в гробу, в цветах, и прежде бесчувственную, в жару, с открытыми и неподвижными глазами. Он вспомнил вдруг, что, когда она лежала уже на столе, он заметил у ней один бог знает от чего почерневший в болезни пальчик; это так его поразило тогда, и так жалко ему стало этот бедный пальчик, что тут и вошло ему тогда в голову, в первый раз, отыскать сейчас же и убить Павла Павловича, — до того же времени он «был как бесчувственный». Гордость ли оскорбленная замучила это детское сердечко, три ли месяца страданий от отца, переменившего вдруг любовь на нена-

вистъ и оскорбившего ее позорным словом, смеявшегося над ее испугом и выбросившего ее, наконец, к чужим людям? Всё это он представлял себе беспрерывно и варьировал на тысячу ладов. «Знаете ли, что такое была для меня Лиза?» — припомнил он вдруг восклицание пьяного Трусоцкого и чувствовал, что это восклицание было уже не кривлянье, а правда и что тут была любовь. «Как же мог быть так жесток этот изверг к ребенку, которого так любил, и вероятно ли это?» Но каждый раз он поскорее бросал этот вопрос и как бы отмахивался от него; что-то ужасное было в этом вопросе, что-то невыносимое для него и — нерешенное.

В один день, и почти сам не помня как, он забрел на кладбище, на котором похоронили Лизу, и отыскал ее могилку. Ни разу с самых похорон он не был на кладбище; ему всё казалось, что будет уже слишком много муки, и он не смел пойти. Но странно, когда он приник на ее могилку и поцеловал ее, ему вдруг стало легче. Был ясный вечер, солнце закатывалось; кругом, около могил, росла сочная, зеленая трава; недалеко в шиповнике жужжала пчела; цветы и венки, оставленные на могилке Лизы после погребения детьми и Клавдией Петровной, лежали тут же, с облетевшими наполовину листочками. Какая-то даже надежда в первый раз после долгого времени освежила ему сердце. «Как легко!» — подумал он, чувствуя эту тишину кладбища и глядя на ясное, спокойное небо. Прилив какой-то чистой безмятежной веры во что-то наполнил ему душу. «Это Лиза послала мне, это она говорит со мной», — подумалось ему.

Совсем уже смеркалось, когда он пошел с кладбища обратно домой. Не так далеко от кладбищенских ворот, по дороге, в низеньком деревянном домике, помещалось что-то вроде харчевни или распивочной; в отворенных окнах виднелись посетители, сидевшие за столами. Ему вдруг показалось, что один из них, помещавшийся у самого окна, — Павел Павлович и что он тоже видит его и любопытно его высматривает из окошка. Он пошел далее и вскоре услышал, что его догоняют; за ним бежал и в самом деле Павел Павлович; должно быть, примирительное выражение в лице Вельчанинова привлекло и ободрило его, когда он наблюдал из окошка. Поравнявшись, он, робея, улыбнулся, но уже не прежней пьяной улыбкой; он даже и совсем не был пьян.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Здравствуйте, — отвечал Вельчанинов.

XI

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ ЖЕНИТСЯ

Ответив это «здравствуйте», он сам себе удивился. Ужасно странно показалось ему, что встречает теперь этого человека вовсе без злобы и что в его чувствах к нему в эту минуту что-то совсем другое и даже какой-то позыв к чему-то новому.

— Вечер какой приятный, — проговорил, засматривая ему в глаза, Павел Павлович.

— Вы еще не уехали, — промолвил Вельчанинов, как бы не спрашивая, а только обдумывая и продолжая идти.

— Затянулось у меня, но — место я получил-с, с повышением-с. Отъезжаю послезавтра наверно.

— Получили место? — на этот раз уже спросил он.

— Почему же бы и нет-с? — покривился вдруг Павел Павлович.

— Я только так сказал... — отговорился Вельчанинов и, нахмурившись, покосился на Павла Павловича. К его удивлению, одежда, шляпа с крепом и весь вид г-на Трусоцкого были несравненно приличнее, чем две недели назад. «Зачем он сидел в этой распивочной?» — всё думалось ему.

— Я вам, Алексей Иванович, намеревался и про другую мою радость сообщить, — начал опять Павел Павлович.

— Радость?

— Я женюсь-с.

— Как?

— После скорби и радость-с, так всегда в жизни-с; я, Алексей Иванович, очень бы желал-с... но — не знаю, может, вы теперь спешите, потому что у вас такой вид-с...

— Да, я спешу и... да, я нездоров.

Ему ужасно вдруг захотелось отделаться; готовность к какому-то новому чувству вмиг исчезла.

— А я бы желал-с...

Павел Павлович не договорил, чего он желал; Вельчанинов промолчал.

— В таком случае уже после-с, если только повстречаемся...

— Да, да, после, после, — скороговоркой бормотал Вельчанинов, не глядя на него и не останавливаясь. Еще помолчали с минуту; Павел Павлович всё еще продолжал идти подле.

— В таком случае до свиданья-с, — вымолвил он наконец.

— До свиданья; желаю...

Вельчанинов воротился домой опять совсем расстроенный. Столкновение с «этим человеком» было ему не под силу. Ложась спать, он опять подумал: «Зачем он был у кладбища?»

На другой день поутру он решился наконец съездить к Погорельцевым, решился неохотно; ему слишком тяжело было теперь чье-нибудь участие, даже и от Погорельцевых. Но они так о нем беспокоились, что непременно надо было поехать. Ему вдруг представилось, что ему станет почему-то очень стыдно при первой с ними встрече. «Ехать или не ехать?» — думал он, спеша окончить завтрак, как вдруг, к чрезвычайному его изумлению, к нему вошел Павел Павлович.

Несмотря на вчерашнюю встречу, Вельчанинов и представить не мог, что этот человек когда-нибудь опять зайдет к нему, и был так озадачен, что глядел на него и не знал, что сказать. Но Павел Павлович распорядился сам, поздоровался и уселся на том же

самом стуле, на котором сидел три недели назад в последнее свое посещение. Вельчанинову вдруг особенно ярко припомнилось то посещение. Беспокойно и с отвращением смотрел он на гостя.

— Удивляетесь-с? — начал Павел Павлович, угадавший взгляд Вельчанинова.

Вообще он казался гораздо развязнее, чем вчера, и в то же время проглядывало, что он и робел еще больше вчерашнего. Наружный вид его был особенно любопытен. Г-н Трусоцкий был не только прилично, но и франтовски одет — в легком летнем пиджаке, в светлых брюках в обтяжку, в светлом жилете; перчатки, золотой лорнет, для чего-то вдруг появившийся, белье — были безукоризненны; от него даже пахло духами. Во всей фигуре его было что-то и смешное и в то же время наводившее на какую-то странную и неприятную мысль.

— Конечно, Алексей Иванович, — продолжал он коробясь, — я вас удивил приходом-с, и — чувствую-с. Но между людьми, я так думаю-с, всегда сохраняется, — а по-моему, так и должно храниться-с, — нечто высшее, так ли-с? То есть высшее относительно всех условий и даже самых неприятностей, могущих выйти... так ли-с?

— Павел Павлович, скажите всё поскорее и без церемоний, — нахмурился Вельчанинов.

— В двух словах-с, — заспешил Павел Павлович, — я женюсь и отправляюсь теперь к невесте, сейчас-с. Они тоже на даче-с. Я желал бы получить глубокую честь, чтобы осмелиться познакомить вас с этим домом-с, и пришел-с с необычайною просьбою (Павел Павлович покорно нагнул голову) просить вас, чтобы мне сопутствовать-с...

— Куда сопутствовать? — Вельчанинов вытаращил глаза.

— К ним-с, то есть на дачу-с. Простите, я как в лихорадке говорю и, может, спутал; но я так уж вашего отказа боюсь-с...

И он плачевно посмотрел на Вельчанинова.

— Вы хотите, чтобы я с вами ехал теперь к вашей невесте? — переговорил Вельчанинов, быстро его оглядывая и не веря ни ушам, ни глазам своим.

— Да-с, — ужасно оробел вдруг Павел Павлович. — Вы не рассердитесь, Алексей Иванович, тут не дерзость-с; я только покорнейше и необычайно прошу. Я помечтал, что, может быть, вы и не захотели бы при этом отказать...

— Во-первых, это вовсе невозможно, — беспокойно заворочался Вельчанинов.

— Это только мое чрезмерное желание и не более-с, — продолжал тот умолять, — я не скрою тоже, что есть тут и причина-с. Но о причине этой хотел бы открыть лишь после-с, а теперь лишь необычайно прошу-с...

И он даже встал со стула от почтения.

— Но во всяком случае это невозможно же, согласитесь сами... — Вельчанинов тоже встал с места.

— Это очень возможно-с, Алексей Иванович, — я при этом вас располагал познакомить-с, так, как приятеля-с; а во-вторых, вы ведь и без того там знакомы-с; ведь это к Захлебинину, на дачу. Статский советник Захлебинин-с.

— Как так? — вскричал Вельчанинов. Это был тот самый статский советник, которого он с месяц назад всё искал и не заставал дома, действовавший, как оказалось, в пользу противной стороны в его тяжбе.

— Ну да, ну да, — улыбался Павел Павлович, как бы ободренный чрезвычайным удивлением Вельчанинова, — тот самый, вот еще помните, когда вы тогда шли с ним и разговаривали, а я глядел на вас и стоял напротив; я тогда выжидал, чтобы к нему подойти после вас. Назад лет двадцать вместе даже служили-с, а тогда, когда я подойти хотел после вас-с, у меня еще не было мысли. Теперь только внезапно пришла, с неделю назад-с.

— Но послушайте, ведь это, кажется, весьма порядочное семейство? — наивно удивился Вельчанинов.

— Так почему же-с, если порядочное? — покривился Павел Павлович.

— Нет, разумеется, я не про то... но сколько я заметил, там бывши...

— Они помнят, они помнят-с, как вы были, — радостно подхватил Павел Павлович, — только вы семейства не могли тогда увидеть-с; а сам он помнит-с и вас уважает. Я им почтительно об вас говорил.

— Но как же, если вы только три месяца вдовеете?

— Да ведь не сейчас свадьба-то-с; свадьба через девять или через десять месяцев будет, так что ровно год траура и пройдет-с. Поверьте, что всё хорошо-с. Во-первых, Федосей Петрович меня даже с малолетства знает, знал покойную супругу мою, знает, как я жил, на каком счету-с, и, наконец, у меня есть состояние, а теперь вот и место с повышением получаю, — так это всё и на весу-с.

— Что ж, это дочь его?

— Я вам всё это расскажу в подробности-с, — приятно съежился Павел Павлович, — позвольте папиросочку закурю. К тому же вы сами сегодня увидите. Во-первых, такие дельцы, как Федосей Петрович, здесь, в Петербурге, иногда очень на службе ценятся, если успеют обратить внимание-с. Но ведь кроме жалованья и пуще того — прибавочных, наградных, дополнительных, столовых или там единовременных пособий-с — ничего ведь и нет-с, то есть основного-то-с, составляющего капитал. Живут хорошо, а скопить никак невозможно, если при семействе-с. Сообразите сами: восемь девиц у Федосея Петровича и один только сын малолеток. Умри он сейчас — останется ведь только пенсия жиденькая-с. А тут восемь девиц, — нет, вы только сообразите-с, сообразите-с: ведь это если каждой по башмакам, так и тут что составит! Из восьми девиц пять уж невест-с, старшей-то двадцать четыре года (прелестнейшая девица, сами увидите-с!), а шестой — пятнадцать лет, еще в гимна-

зии учится. Ведь для пяти-то старших девиц надо женихов приискать, что по возможности заблаговременнее делать следует, отцу-с надо, стало быть, вывозить-с, — чего же это стоит, я вас спрошу-с? И вдруг я появляюсь, еще первый жених у них в доме-с, и им известен заведомо, то есть в том смысле, что при действительном состоянии-с. Ну вот и всё-с.

Павел Павлович объяснял с упоением.

— Вы к старшей посватались?

— Н-нет-с, я... не к старшей; я вот к этой шестой посватался, вот которая еще продолжает учение в гимназии.

— Как? — невольно усмехнулся Вельчанинов. — Да ведь вы же говорите, ей пятнадцать лет!

— Пятнадцать-с теперь; но через девять месяцев ей будет шестнадцать, шестнадцать лет и три месяца, так почему же-с? А так как теперь всё это неприлично-с, то гласного покамест и нет ничего, а только с родителями... Поверьте, что всё хорошо-с!

— Стало быть, еще не решено?

— Нет, решено, всё решено-с. Поверьте, что всё хорошо-с.

— А она знает?

— То есть это только вид такой, для приличия, что будто и не говорят; а ведь как же не знать-с? — приятно прищурился Павел Павлович. — Что же, осчастливите, Алексей Иванович? — ужасно робко закончил он.

— Да зачем мне-то туда? Впрочем, — прибавил он торопливо, — так как я во всяком случае не поеду, то и не выставляйте мне никаких причин.

— Алексей Иванович...

— Да неужели же я с вами рядом сяду и поеду, подумайте!

Отвратительное и неприязненное ощущение возвратилось опять к нему после минутного развлечения болтовней Павла Павловича о невесте. Еще бы, кажется, минута, и он прогнал бы его вовсе. Он злился даже на себя за что-то.

— Сядьте, Алексей Иванович, сядьте рядом и не раскаетесь! — проникнутым голосом умолял Павел Павлович. — Нет-нет-нет! — замахал он руками, поймав нетерпеливый и решительный жест Вельчанинова. — Алексей Иванович, Алексей Иванович, подождите предрешать-с! Я вижу, что вы, может быть, превратно меня поняли: ведь я слишком хорошо понимаю, что ни вы мне, ни я вам — мы не товарищи-с; я ведь не до того уж нелеп-с, чтобы уж этого не понять-с. И что теперешняя услуга, о которой прошу, ни к чему в дальнейшем вам не вменяется. Да и сам я послезавтра уеду совсем-с, совершенно-с; значит, как бы и не было ничего. Пусть этот день будет один только случай-с. Я к вам шел и надежду основал на благородстве особенных чувств вашего сердца, Алексей Иванович, — именно на тех самых чувствах, которые в последнее время могли быть в вашем сердце возбуждены-с... Ясно ведь, кажется, я говорю или еще нет-с?

Волнение Павла Павловича возросло до чрезвычайности. Вельчанинов странно глядел на него.

— Вы просите о какой-то услуге с моей стороны, — спросил он задумываясь, — и ужасно настаиваете, — это мне подозрительно; я хочу больше знать.

— Вся услуга лишь в том, что вы со мной поедете. А потом, когда приедем обратно, я всё разверну перед вами как на исповеди. Алексей Иванович, доверьтесь!

Но Вельчанинов всё еще отказывался, и тем упорнее, что ощущал в себе одну какую-то тяжелую, злобную мысль. Эта злая мысль уже давно зашевелилась в нем, с самого начала, как только Павел Павлович возвестил о невесте: простое ли это было любопытство, или какое-то совершенно еще неясное влечение, но его тянуло — согласиться. И чем больше тянуло, тем более он оборонялся. Он сидел, облокотясь на руку, и раздумывал. Павел Павлович юлил около него и упрашивал.

— Хорошо, поеду, — согласился он вдруг беспокойно и почти тревожно, вставая с места. Павел Павлович обрадовался чрезмерно.

— Нет уж вы, Алексей Иванович, теперь приоденьтесь, — юлил он радостно вокруг одевавшегося Вельчанинова, — получше, по-вашему оденьтесь.

«И чего он сам туда лезет, странный человек?» — думал про себя Вельчанинов.

— А ведь я не одной этой услуги от вас, Алексей Иванович, ожидаю-с. Уж коли дали согласие, так уж будьте и руководителем-с.

— Например?

— Например, большой вопрос-с: креп-с? Что приличнее: снять или с крепом остаться?

— Как хотите.

— Нет, я вашего решения желаю-с, как бы вы поступили сами, то есть если бы имели креп-с? Моя собственная мысль была, что если сохранить, так это на постоянство чувств-с укажет-с, а стало быть, лестно отрекомендует.

— Разумеется, снимите.

— Неужто уж и разумеется? — Павел Павлович задумался. — Нет, уж я бы лучше сохранил-с...

— Как хотите. «Однако он мне не доверяет, это хорошо», — подумал Вельчанинов.

Они вышли; Павел Павлович с довольством приглядывался к принарядившемуся Вельчанинову; даже как будто больше почтения и важности проявилось в его лице. Вельчанинов дивился на него и еще больше на себя самого. У ворот стояла поджидавшая их превосходная коляска.

— А у вас уже и коляска была готова? Стало быть, вы были уверены, что я поеду?

— Коляску я взял для себя-с, но почти уверен был, что вы согласитесь поехать, — ответил Павел Павлович с видом совершенно счастливого человека.

— Эй, Павел Павлович, — как-то раздражительно засмеялся Вельчанинов, когда уже уселись и тронулись, — не слишком ли вы во мне уверены?

— Но ведь не вам же, Алексей Иванович, не вам же сказать мне за это, что я дурак? — твердо и проникнутым голосом ответил Павел Павлович.

«А Лиза?» — подумал Вельчанинов и тотчас же бросил об этом думать, как бы испугавшись какого-то кощунства. И вдруг ему показалось, что он сам так мелок, так ничтожен в эту минуту; показалось, что мысль, его соблазнявшая, — такая маленькая, такая скверненькая мысль... и во что бы то ни стало захотелось ему опять всё бросить и хоть сейчас выйти из коляски, даже если б надо было для этого прибить Павла Павловича. Но тот заговорил, и соблазн опять охватил его сердце.

— Алексей Иванович, знаете вы толк в драгоценных вещах-с?

— В каких драгоценных вещах?

— В бриллиантовых-с.

— Знаю.

— Я бы хотел подарочек свезти. Руководите: надо или нет?

— По-моему — не надо.

— А я так бы очень хотел-с, — заворочался Павел Павлович, — только вот что же бы купить-с? Весь ли прибор, то есть брошь, серьги, браслет, или одну только вещицу?

— Вы сколько хотите заплатить?

— Да уж рублей четыреста или пятьсот-с.

— Ух!

— Много, что ли? — встрепенулся Павел Павлович.

— Купите один браслет, во сто рублей.

Павел Павлович даже огорчился. Ему ужасно как хотелось заплатить дороже и купить «весь» прибор. Он настаивал. Заехали в магазин. Кончилось тем, однако же, что купили только один браслет и не тот, который хотелось Павлу Павловичу, а тот, на который указал Вельчанинов. Павлу Павловичу хотелось взять оба. Когда купец, запросивший сто семьдесят пять рублей за браслет, спустил за сто пятьдесят, — то ему стало даже досадно; он с приятностию заплатил бы и двести, если бы с него запросили, так уж хотелось ему заплатить подороже.

— Это ничего, что я так подарками спешу, — изливался он в упоении, когда опять поехали, — там ведь не высший свет, там просто-с. Невинность любит подарочки, — хитро и весело улыбнулся он. — Вы вот усмехнулись давеча, Алексей Иванович, на то, что пятнадцать лет; а ведь мне это-то и в голову стукнуло, — именно, что вот в гимназию еще ходит, с мешочком на руке, в котором тетрадки и перушки, хе-хе! Мешочек-то и пленил мои мысли! Я, собственно, для невинности, Алексей Иванович. Дело для меня не столько в красоте лица, сколько в этом-с. Хихикают там с подружкой в уголку, и как смеются, и боже мой! А чему-с: весь-то смех из того, что кошечка с комода на постельку соскочила

и клубочком свернулась... Так тут ведь свежим яблочком пахнет-с! Аль снять уж креп?

— Как хотите.

— Сниму! — Он снял шляпу, сорвал креп и выбросил на дорогу. Вельчанинов видел, что лицо его засияло самой ясной надеждой, когда он надел опять шляпу на свою лысую голову.

«Да неужто он и в самом деле такой? — подумал он в настоящей уже злобе, — неужто тут нет никакой *штуки* в том, что он меня пригласил? Неужто и в самом деле на благородство мое рассчитывает? — продолжал он, почти обидевшись последним предположением. — Что это, шут, дурак или „вечный муж“? Да невозможно же, наконец!..»

XII

У ЗАХЛЕБИНИНЫХ

Захлебинины были действительно «очень порядочное семейство», как выразился давеча Вельчанинов, а сам Захлебинин был весьма солидный чиновник и на виду. Правда была и всё то, что говорил Павел Павлович насчет их доходов: «Живут, кажется, хорошо, а умри человек, и ничего не останется».

Старик Захлебинин прекрасно и дружески встретил Вельчанинова и из прежнего «врага» совершенно обратился в приятеля.

— Поздравляю, так-то лучше, — заговорил он с первого слова, с приятным и осанистым видом, — я сам на мировой настаивал, а Петр Карлович (адвокат Вельчанинова) золотой на этот счет человек. Что ж? Тысяч шестьдесят получите и без хлопот, без проволочек, без ссор! А на три года могло затянуться дело!

Вельчанинов тотчас был представлен и m-me Захлебининой, весьма расплывшейся пожилой даме, с простоватым и усталым лицом. Стали выплывать и девицы, одна за другой или парами. Но что-то очень уж много явилось девиц; мало-помалу собралось их до десяти или до двенадцати, — Вельчанинов и сосчитать не мог; одни входили, другие выходили. Но в числе их было много дачных соседок-подружек. Дача Захлебининых — большой деревянный дом, в неизвестном, но причудливом вкусе, с разновременными пристройками — пользовалась большим садом; но в этот сад выходили еще три или четыре другие дачи с разных сторон, так что большой сад был общий, что, естественно, и способствовало сближению девиц с дачными соседками. Вельчанинов с первых же слов разговора заметил, что его уже здесь ожидали и что приезд его в качестве Павла Павловичева друга, желающего познакомиться, был чуть ли не торжественно возвещен. Зоркий и опытный в этих делах его взгляд скоро отличил тут даже нечто особенное: по слишком любезному приему родителей, по некоторому особенному виду девиц и их наряду (хотя, впрочем, день

был праздничный) у него замелькало подозрение, что Павел Павлович схитрил и очень могло быть, что внушил здесь, не говоря, разумеется, прямых слов, нечто вроде предположения об нем как о скучающем холостяке, «хорошего общества», с состоянием и который, очень и очень может быть, наконец вдруг решится «положить предел» и устроиться, — «тем более что и наследство получил». Кажется, старшая m-lle Захлебинина, Катерина Федосеевна, именно та, которой было двадцать четыре года и о которой Павел Павлович выразился как о прелестной особе, была несколько настроена на этот тон. Она особенно выдавалась перед сестрами своим костюмом и какою-то оригинальною уборкою своих пышных волос. Сестры же и все другие девицы глядели так, как будто и им уже было твердо известно, что Вельчанинов знакомится «для Кати» и приехал ее «посмотреть». Их взгляды и некоторые даже словечки, промелькнувшие невзначай в продолжение дня, подтвердили ему потом эту догадку. Катерина Федосеевна была высокая, полная до роскоши блондинка, с чрезвычайно милым лицом, характера, очевидно, тихого и непредприимчивого, даже сонливого. «Странно, что такая засиделась, — невольно подумал Вельчанинов, с удовольствием к ней приглядываясь, — пусть без приданого и скоро совсем расплывется, но покамест на это столько любителей...» Все остальные сестры были тоже не совсем дурны собой, а между подружками мелькало несколько забавных и даже хорошеньких личик. Это стало его забавлять; а впрочем, он и вошел с особенными мыслями.

Надежда Федосеевна, шестая, гимназистка и предполагаемая невеста Павла Павловича, заставила себя подождать. Вельчанинов ждал ее с нетерпением, чему сам дивился, и усмехался про себя. Наконец она показалась, и не без эффекта, в сопровождении одной бойкой и вострой подружки, Марьи Никитишны, брюнетки с смешным лицом и которой, как оказалось сейчас же, чрезвычайно боялся Павел Павлович. Эта Марья Никитишна, девушка лет уже двадцати трех, зубоскалка и даже умница, была гувернанткой маленьких детей в одном соседнем и знакомом семействе и давно уже считалась как родная у Захлебининых, а девицами ценилась ужасно. Видно было, что она особенно необходима теперь и Наде. С первого взгляда разглядел Вельчанинов, что девицы были все против Павла Павловича, даже и подружки, а во вторую минуту после выхода Нади он решил, что и она его *ненавидит*. Заметил тоже, что Павел Павлович совершенно этого не примечает или не хочет примечать. Бесспорно, Надя была лучше всех сестер — маленькая брюнетка, с видом дикарки и с смелостью нигилистки; вороватый бесенок с огненными глазками, с прелестной улыбкой, хотя часто и злой, с удивительными губками и зубками, тоненькая, стройненькая, с зачинавшеюся мыслью в горячем выражении лица, в то же время почти совсем еще детского. Пятнадцать лет сказывались в каждом ее шаге, в каждом слове. Оказалось потом, что и действительно Павел

Павлович увидал ее в первый раз с клеенчатым мешочком в руках; но теперь уже она его не носила.

Подарок браслета совершенно не удался и произвел впечатление даже неприятное. Павел Павлович, только лишь завидел вошедшую невесту, тотчас же подошел к ней ухмыляясь. Дарил он под предлогом «приятного удовольствия, ощущенного им в предыдущий раз по поводу спетого Надеждой Федосеевной приятного романса за фортепьянами...» Он сбился, не докончил и стоял как потерянный, протягивая и втыкая в руку Надежды Федосеевны футляр с браслетом, который та не хотела брать, и, покраснев от стыда и гнева, отводила свои руки назад. Дерзко оборотилась она к мамаше, на лице которой выражалось замешательство, и громко сказала:

— Я не хочу брать, maman!

— Возьми и поблагодари, — промолвил отец с покойною строгостью, но и он был тоже недоволен. — Лишнее, лишнее! — пробормотал он назидательно Павлу Павловичу. Надя, нечего делать, футляр взяла и, опустив глазки, присела, как приседают маленькие девочки, то есть вдруг бултыхнулась вниз и вдруг тотчас же привскочила, как на пружинке. Одна из сестер подошла посмотреть, и Надя передала ей футляр, еще и не раскрытый, тем показывая, что сама и глядеть не хочет. Браслет вынули, и он стал обходить всех из рук в руки; но все смотрели молча, а иные так и насмешливо. Одна только мамаша промямлила, что браслет очень мил. Павел Павлович готов был провалиться сквозь землю.

Выручил Вельчанинов.

Он вдруг громко и охотно заговорил, схватив первую попавшуюся мысль, и не прошло еще пяти минут, как он уже овладел вниманием всех бывших в гостиной. Он великолепно изучил искусство болтать в светском обществе, то есть искусство казаться совершенно простодушным и показывать в то же время вид, что и слушателей своих считает за таких же простодушных, как сам, людей. Чрезвычайно натурально мог прикинуться он, когда надо, веселейшим и счастливейшим человеком. Очень ловко умел тоже вставить между словами острое и задирающее словцо, веселый намек, смешной каламбур, но совершенно как бы невзначай, как бы и не замечая, — тогда как и острота, и каламбур, и самый-то разговор, может быть, давным-давно уже были заготовлены и заучены и уже не раз употреблялись. Но в настоящую минуту к его искусству присоединилась и сама природа: он чувствовал, что настроен, что его что-то влечет; чувствовал в себе полнейшую и победительную уверенность, что через несколько минут все эти глаза будут обращены на него, все эти люди будут слушать только его одного, говорить только с ним, смеяться только тому, что он скажет. И действительно, вскоре послышался смех, мало-помалу в разговор ввязались и другие, — а он в совершенстве овладел умением затягивать в разговор и других, — раздавались уже по три и по четыре говорившие голоса разом.

Скучное и усталое лицо госпожи Захлебининой озарилось почти радостью; то же было и с Катериной Федосеевной, которая слушала и смотрела как очарованная. Надя зорко вглядывалась в него исподлобья; заметно было, что она против него уже предубеждена. Это еще более подожгло Вельчанинова. «Злая» Марья Никитишна сумела-таки ввернуть в разговор одну довольно чувствительную колкость на его счет; она выдумала и утверждала, что будто бы Павел Павлович отрекомендовал его здесь вчера своим другом детства, и таким образом прибавляла к его годам, ясно намекнув на это, целых семь лет лишних. Но и злой Марье Никитишне он понравился. Павел Павлович решительно был озадачен. Он, конечно, имел понятие о средствах, которыми обладает его друг, и вначале даже был рад его успеху, сам подхихикивал и вмешивался в разговор; но почему-то он мало-помалу стал впадать как бы в раздумье, даже, наконец, в уныние, что ясно выражалось в его встревоженной физиономии.

— Ну, вы такой гость, которого и занимать не надо, — весело порешил наконец старик Захлебинин, вставая со стула, чтобы отправиться к себе наверх, где у него, несмотря на праздничный день, уже приготовлено было несколько деловых бумаг для просмотру, — а ведь, представьте, я вас считал самым мрачным ипохондриком из всех молодых людей. Вот как ошибаешься!

В зале стоял рояль; Вельчанинов спросил, кто занимается музыкой, и вдруг обратился к Наде.

— А вы, кажется, поете?

— Кто вам сказал? — отрезала Надя.

— Павел Павлович говорил давеча.

— Неправда; я только на смех пою; у меня и голосу нет.

— Да и у меня голосу нет, а пою же.

— Так вы споете нам? Ну так и я вам спою, — сверкнула глазками Надя, — только не теперь, а после обеда. Я терпеть не могу музыки, — прибавила она, — надоели эти фортопьяны; у нас ведь с утра до ночи все играют и поют — одна Катя чего стоит.

Вельчанинов тотчас привязался к слову, и оказалось, что Катерина Федосеевна одна из всех серьезно занимается на фортепьяно. Он тотчас к ней обратился с просьбой сыграть. Всем, видимо, стало приятно, что он обратился к Кате, а maman так даже покраснела от удовольствия. Катерина Федосеевна встала улыбаясь, и пошла к роялю, и вдруг, себе неожиданно, тоже вся закраснелась, и ужасно ей вдруг стало стыдно, что вот она такая большая, и уже двадцати четырех лет, и такая полная, а краснеет как девочка, — и всё это было написано на ее лице, когда она садилась играть. Сыграла она что-то из Гайдна и сыграла отчетливо, хотя и без выражения; но она оробела. Когда она кончила, Вельчанинов стал ужасно хвалить ей не ее, а Гайдна и особенно ту маленькую вещицу, которую она сыграла, — и ей, видимо, стало так приятно, и она так благодарно и счастливо слушала

похвалы не себе, а Гайдну, что Вельчанинов невольно посмотрел на нее и ласковее и внимательнее. «Э, да ты славная?» — засветилось в его взгляде — и все как бы разом поняли этот взгляд, а особенно сама Катерина Федосеевна.

— У вас славный сад, — обратился он вдруг ко всем, смотря на стеклянные двери балкона, — знаете, пойдемте-ка все в сад!

— Пойдемте, пойдемте! — раздались радостные взвизги, точно он угадал самое главное всеобщее желание.

В саду прогуляли до обеда. Госпожа Захлебинина, которой давно уже хотелось пойти заснуть, тоже не удержалась и вышла погулять со всеми, но благоразумно осталась посидеть и отдохнуть на балконе, где тотчас и задремала. В саду взаимные отношения Вельчанинова и всех девиц стали еще дружественнее. Он заметил, что с соседних дач присоединилось два-три очень молодых человека; один был студент, а другой и просто гимназист. Эти тотчас же подскочили каждый к *своей* девице, и видно было, что и пришли для них; третий же «молодой человек», очень мрачный и взъерошенный двадцатилетний мальчик, в огромных синих очках, стал торопливо и нахмуренно шептаться о чем-то с Марьей Никитишной и Надей. Он строго осматривал Вельчанинова и, казалось, считал себя обязанным относиться к нему с необыкновенным презрением. Некоторые девицы предлагали поскорее начать играть. На вопрос Вельчанинова, во что они играют, отвечали, что во все игры и в горелки, но что вечером будут играть в пословицы, то есть все садятся и один на время отходит; все же сидящие выбирают пословицу, например: «Тише едешь, дальше будешь», и когда того призовут, то каждый или каждая по порядку должны приготовить и сказать ему по одной фразе. Первый непременно говорит такую фразу, в которой есть слово «тише», второй — такую, в которой есть слово «едешь», и т. д. А тот должен непременно подхватить все эти словечки и по ним угадать пословицу.

— Это должно быть очень забавно, — заметил Вельчанинов.

— Ах нет, прескучно, — ответили два-три голоса разом.

— А то мы в театр тоже играем, — заметила Надя, обращаясь к нему. — Вот видите это толстое дерево, около которого скамьей обведено: там, за деревом, будто бы кулисы и там актеры сидят, ну там король, королева, принцесса, молодой человек — как кто захочет; каждый выходит, когда ему вздумается, и говорит, что́ на ум придет, ну что-нибудь и выходит.

— Да это славно! — похвалил еще раз Вельчанинов.

— Ах нет, прескучно! Сначала каждый раз весело выходит, а под конец каждый раз бестолково, потому что никто не умеет кончить; разве вот с вами будет занимательнее. А то мы думали про вас, что вы друг Павла Павловича, а выходит, что он просто нахвастал. Я очень рада, что вы приехали... по одному случаю, — весьма серьезно и внушительно посмотрела она на Вельчанинова и тотчас же отошла к Марье Никитишне.

— В пословицы вечером будут играть, — вдруг конфиденциально шепнула Вельчанинову одна подружка, которую он до сих пор едва даже заметил и ни слова еще с нею не выговорил, — вечером над Павлом Павловичем все станут смеяться, так и вы тоже.

— Ах, как хорошо, что вы приехали, а то у нас всё так скучно, — дружески проговорила ему другая подружка, которую он уже и совсем до сих пор не заметил, бог знает вдруг откуда явившаяся, рыженькая, с веснушками и с ужасно смешно разгоревшимся от ходьбы и от жару лицом.

Беспокойство Павла Павловича возрастало всё более и более. В саду под конец Вельчанинов совершенно уже успел сойтись с Надей; она уже не выглядывала, как давеча, исподлобья и отложила, кажется, мысль его осматривать подробнее, а хохотала, прыгала, взвизгивала и раза два даже схватила его за руку; она была счастлива ужасно, на Павла же Павловича продолжала не обращать ни малейшего внимания, как бы не замечая его. Вельчанинов убедился, что существует положительный заговор против Павла Павловича; Надя с толпой девушек отвлекала Вельчанинова в одну сторону, а другие подружки под разными предлогами заманивали Павла Павловича в другую; но тот вырывался и тотчас же опрометью прибегал прямо к ним, то есть к Вельчанинову и Наде, и вдруг вставлял свою лысую и беспокойно подслушивающую голову между ними. Под конец он уже даже и не стеснялся; наивность его жестов и движений была иногда удивительная. Не мог не обратить еще раз особенного внимания Вельчанинов и на Катерину Федосеевну; ей, конечно, уже стало ясно теперь, что он вовсе не для нее приехал, а слишком уже заинтересовался Надей; но лицо ее было так же мило и благодушно, как давеча. Она, казалось, уже тем одним была счастлива, что находится тоже подле них и слушает то, что говорит новый гость; сама же, бедненькая, никак не умела ловко вмешаться в разговор.

— А какая славная у вас сестрица Катерина Федосеевна! — сказал Вельчанинов вдруг потихоньку Наде.

— Катя-то! Да добрее разве может быть душа, как у ней? Наш общий ангел, я в нее влюблена, — отвечала та восторженно.

Настал наконец и обед в пять часов, и тоже очень заметно было, что обед устроен не по-обыкновенному, а нарочно для гостя. Явилось два-три кушанья, очевидно прибавочные к обычному столу, довольно мудреные, а одно из них так и совсем какое-то странное, так что его и назвать никто бы не мог. Кроме обыкновенных столовых вин, появилась тоже, очевидно, придуманная для гостя бутылка токайского; под конец обеда для чего-то подали и шампанское. Старик Захлебинин, выпив лишнюю рюмку, был в самом благодушном настроении и готов был смеяться всему, что говорил Вельчанинов. Кончилось тем, что Павел Павлович наконец не выдержал: увлекшись соревнованием, он вдруг заду-

мал тоже сказать какой-нибудь каламбур и сказал: на конце стола, где он сидел подле m-me Захлебининой, послышался вдруг громкий смех обрадовавшихся девиц.

— Папаша, папаша! Павел Павлович тоже каламбур сказал, — кричали две средние Захлебинины в один голос, — он говорит, что мы «девицы, на которых нужно дивиться...»

— А, и он каламбурит! Ну, какой же он сказал каламбур? — степенным голосом отозвался старик, покровительственно обращаясь к Павлу Павловичу и заранее улыбаясь ожидаемому каламбуру.

— Да вот же он и говорит, что мы «девицы, на которых нужно дивиться».

— Д-да! Ну так что ж? — старик всё еще не понимал и еще добродушнее улыбался в ожидании.

— Ах, папаша, какой вы, не понимаете! Ну девицы и потом дивиться; девицы похоже на дивиться, девицы, на которых нужно дивиться...

— А-а-а! — озадаченно протянул старик. — Гм! Ну, — он в другой раз получше скажет! — и старик весело рассмеялся.

— Павел Павлович, нельзя же иметь все совершенства разом! — громко поддразнила Марья Никитишна. — Ах, боже мой, он костью подавился! — воскликнула она и вскочила со стула.

Поднялась даже суматоха, но Марье Никитишне только того и хотелось. Павел Павлович только захлебнулся вином, за которое он схватился, чтобы скрыть свой конфуз, но Марья Никитишна уверяла и клялась на все стороны, что это «рыбья кость, что она сама видела и что от этого умирают».

— Постукать по затылку! — крикнул кто-то.

— В самом деле и самое лучшее! — громко одобрил Захлебинин, но уже явились и охотницы: Марья Никитишна, рыженькая подружка (тоже приглашенная к обеду) и, наконец, сама мать семейства, ужасно перепугавшаяся, — все хотели стукать Павла Павловича по затылку. Выскочивший из-за стола Павел Павлович отвертывался и целую минуту должен был уверять, что он только поперхнулся вином и что кашель сейчас пройдет, — пока наконец-то догадались, что всё это — проказы Марьи Никитишны.

— Ну, однако, уж ты, забияка!.. — строго заметила m-me Захлебинина Марье Никитишне, — но тотчас не выдержала и расхохоталась так, как с нею редко случалось, что тоже произвело своего рода эффект. После обеда все вышли на балкон пить кофе.

— И какие славные стоят дни! — благосклонно похвалил природу старик, с удовольствием смотря в сад, — только бы вот дождя... Ну, а я пойду отдохнуть. С богом, с богом, веселитесь! И ты веселись! — стукнул он, выходя, по плечу Павла Павловича.

Когда все опять сошли в сад, Павел Павлович вдруг подбежал к Вельчанинову и дернул его за рукав.

— На одну минутку-с, — прошептал он в нетерпении.

Они вышли в боковую, уединенную дорожку сада.

— Нет, уж здесь извините-с, нет, уж здесь я не дам-с... — яростно захлебываясь, прошептал он, ухватив Вельчанинова за рукав.

— Что? Чего? — спрашивал Вельчанинов, сделав большие глаза. Павел Павлович молча смотрел на него, шевелил губами и яростно улыбнулся.

— Куда же вы? Где же вы тут? Всё уж готово! — послышались зовущие и нетерпеливые голоса девиц. Вельчанинов пожал плечами и воротился к обществу. Павел Павлович тоже бежал за ним.

— Бьюсь об заклад, что он у вас платка носового просил, — сказала Марья Никитишна, — прошлый раз он тоже забыл.

— Вечно забудет! — подхватила средняя Захлебинина.

— Платок забыл! Павел Павлович платок забыл! Maman, Павел Павлович опять платок носовой забыл, maman, у Павла Павловича опять насморк! — раздавались голоса.

— Так чего же он не скажет! Какой вы, Павел Павлович, щепетильный! — нараспев протянула m-me Захлебинина; с насморком опасно шутить; я вам сейчас пришлю платок. И с чего у него всё насморк! — прибавила она уходя, обрадовавшись случаю воротиться домой.

— У меня два платка-с и нет насморка-с! — прокричал ей вслед Павел Павлович, но та, видно, не разобрала, и через минуту, когда Павел Павлович трусил вслед за всеми и всё поближе к Наде и Вельчанинову, запыхавшаяся горничная догнала его и принесла-таки ему платок.

— Играть, играть, в пословицы играть! — кричали со всех сторон, точно и бог знает чего ждали от «пословиц».

Выбрали место и уселись на скамейках; досталось отгадывать Марье Никитишне; потребовали, чтоб она ушла как можно дальше и не подслушивала; в отсутствие ее выбрали пословицу и роздали слова. Марья Никитишна воротилась и мигом отгадала. Пословица была: «Страшен сон, да милостив бог».

За Марьей Никитишной последовал взъерошенный молодой человек в синих очках. От него потребовали еще больше предосторожности, — чтоб он стал у беседки и оборотился лицом совсем к забору. Мрачный молодой человек исполнял свою должность с презрением и даже как будто ощущал некоторое нравственное унижение. Когда его кликнули, он ничего не мог угадать, обошел всех и выслушал, что ему говорили по два раза, долго и мрачно соображал, но ничего не выходило. Его пристыдили. Пословица была: «За богом молитва, а за царем служба не пропадают!»

— И пословица-то мерзость! — с негодованием проворчал уязвленный юноша, ретируясь на свое место.

— Ах, как скучно! — послышались голоса.

Пошел Вельчанинов; его спрятали еще дальше всех; он тоже не угадал.

— Ах, как скучно! — послышалось еще больше голосов.

— Ну теперь я пойду, — сказала Надя.

— Нет, нет, теперь Павел Павлович пойдет, очередь Павлу Павловичу, — закричали все и оживились немножко.

Павла Павловича отвели к самому забору, в угол, и поставили туда лицом, а чтобы он не оглянулся, приставили за ним смотреть рыженькую. Павел Павлович, уже ободрившийся и почти снова развеселившийся, намерен был свято исполнить свой долг и стоял как пень, смотря на забор и не смея обернуться. Рыженькая сторожила его в двадцати шагах позади, ближе к обществу, у беседки, и о чем-то перемигивалась в волнении с девицами; видно было, что и все чего-то ожидали с некоторым даже беспокойством; что-то приготовлялось. Вдруг рыженькая замахала из-за беседки руками. Мигом все вскочили и бросились бежать куда-то сломя голову.

— Бегите, бегите и вы! — шептали Вельчанинову десять голосов чуть не в ужасе оттого, что он не бежит.

— Что такое? Что случилось? — спрашивал он, поспевая за всеми.

— Тише, не кричите! Пусть он там стоит и смотрит на забор, а мы все убежим. Вот и Настя бежит.

Рыженькая (Настя) бежала сломя голову, точно бог знает что случилось, и махала руками. Прибежали наконец все за пруд, совсем на другой конец сада. Когда дошел сюда и Вельчанинов, то увидел, что Катерина Федосеевна сильно спорила со всеми девицами и особенно с Надей и с Марьей Никитишной.

— Катя, голубчик, не сердись! — целовала ее Надя.

— Ну хорошо, я мамаше не скажу, но сама уйду, потому что это очень нехорошо. Что он, бедный, должен там у забора почувствовать.

Она ушла — из жалости, но все остальные пребыли неумолимы и безжалостны по-прежнему. От Вельчанинова строго потребовали, чтобы и он, когда воротится Павел Павлович, не обращал на него внимания, как будто ничего и не случилось. «А мы все давайте играть в горелки!» — прокричала в упоении рыженькая.

Павел Павлович присоединился к обществу по крайней мере только через четверть часа. Две трети этого времени он, наверно, простоял у забора. Горелки были в полном ходу и удались отлично, — все кричали и веселились. Обезумев от ярости, Павел Павлович прямо подскочил к Вельчанинову и опять схватил его за рукав.

— На одну минуточку-с!

— О господи, что он всё с своими минуточками!

— Опять платок просит, — прокричали им вслед.

— Ну уж этот раз это вы-с; тут уж теперь вы-с, вы причиной-с!.. — Павел Павлович даже стучал зубами, выговаривая это.

Вельчанинов прервал его и мирно посоветовал ему быть веселее, а то его совсем задразнят: «Оттого вас и дразнят, что вы злитесь, когда всем весело». К его удивлению, слова и совет ужасно

поразили Павла Павловича; он тотчас притих, до того даже, что воротился к обществу как виноватый и покорно принял участие в общих играх; затем его несколько времени не беспокоили и играли с ним, как со всеми, — и не прошло получасу, как он опять почти что развеселился. Во всех играх он ангажировал себе в пару, когда надо было, преимущественно изменницу рыженькую или одну из сестер Захлебининых. Но, к еще пущему своему удивлению, Вельчанинов заметил, что Павел Павлович ни разу почти не осмелился сам заговорить с Надей, хотя беспрерывно юлил подле или невдалеке от нее; по крайней мере свое положение не примечаемого и презираемого ею он принимал как бы так и должное, натуральное. Но под конец с ним все-таки опять сыграли штучку.

Игра была «прятаться». Спрятавшийся мог, впрочем, перебегать по всему тому месту, где позволено было ему спрятаться. Павлу Павловичу, которому удалось схоронить себя, влезши в густой куст, вдруг вздумалось, перебегая, вскочить в дом. Раздались крики, его увидели; он по лестнице поспешно улизнул в антресоли, зная там одно местечко за комодом, где хотел притаиться. Но рыженькая взлетела вслед за ним, подкралась на цыпочках к двери и защелкнула ее на замок. Все тотчас, как давеча, перестали играть и опять убежали за пруд, на другой конец сада. Минут через десять Павел Павлович, почувствовав, что его никто не ищет, выглянул из окошка. Никого не было. Кричать он не смел, чтобы не разбудить родителей; горничной и служанке дано было строгое приказание не являться и не отзываться на зов Павла Павловича. Могла бы отпереть ему Катерина Федосеевна, но она, возвратясь в свою комнатку и сев помечтать, неожиданно тоже заснула. Он просидел таким образом около часу. Наконец стали появляться, как бы невзначай, проходя, по две и по три девицы.

— Павел Павлович, что вы к нам нейдете? Ах, как там весело! Мы в театр играем. Алексей Иванович «молодого человека» представлял.

— Павел Павлович, что же вы нейдете, на вас нужно дивиться! — замечали проходившие другие девицы.

— Чему опять дивиться? — раздался вдруг голос m-me Захлебининой, только что проснувшейся и решившейся наконец пройтись по саду и взглянуть на «детские» игры в ожидании чаю.

— Да вот Павел Павлович, — указали ей на окно, в которое выглядывало, искаженно улыбаясь, лицо, побледневшее от злости, — лицо Павла Павловича.

— И охота человеку сидеть одному, когда всем так весело! — покачала головою мать семейства.

Тем временем Вельчанинов удостоился наконец получить от Нади объяснение ее давешних слов о том, что она «рада его приезду по одному случаю». Объяснение произошло в уединенной аллее. Марья Никитишна нарочно вызвала Вельчанинова, участвовав-

шего в каких-то играх и уже начинавшего сильно тосковать, и привела его в эту аллею, где и оставила его одного с Надей.

— Я совершенно убедилась, — затрещала она смелой и быстрой скороговоркой, — что вы вовсе не такой друг Павла Павловича, как он об вас нахвастал. Я рассчитала, что только вы один можете оказать мне одну чрезвычайно важную услугу; вот его давешний скверный браслет, — вынула она футляр из кармашка, — я вас покорнейше буду просить возвратить ему немедленно, потому что сама я ни за что и никогда не заговорю с ним теперь во всю жизнь. Впрочем, можете сказать ему это от моего имени и прибавьте, чтоб он не смел вперед соваться с подарками. Об остальном я уже дам ему знать через других. Угодно вам сделать мне удовольствие, исполнить мое желание?

— Ах, ради бога, избавьте! — почти вскричал Вельчанинов, замахав руками.

— Как! Как избавьте? — неимоверно удивилась Надя его отказу и вытаращила на него глаза. Весь подготовленный тон ее порвался в один миг, и она чуть уж не плакала. Вельчанинов рассмеялся.

— Я не то чтобы... я очень бы рад... но у меня с ним свои счеты...

— Я знала, что вы ему не друг и что он налгал! — пылко и скоро перебила его Надя. — Я никогда не выйду за него замуж, знайте это! Никогда! Я не понимаю даже, как он осмелился... Только вы все-таки должны передать ему его гадкий браслет, а то как же мне быть? Я непременно, непременно хочу, чтоб он сегодня же, в тот же день, получил обратно и гриб съел. А если он нафискалит папаше, то увидит, как ему достанется.

Из-за куста вдруг и совсем неожиданно выскочил взъерошенный молодой человек в синих очках.

— Вы должны передать браслет, — неистово накинулся он на Вельчанинова, — уже во имя одних только прав женщины, если вы сами стоите на высоте вопроса...

Но он не успел докончить; Надя рванула его изо всей силы за рукав и оттащила от Вельчанинова.

— Господи, как вы глупы, Предпосылов! — закричала она. — Ступайте вон! Ступайте вон, ступайте вон и не смейте подслушивать, я вам приказала далеко стоять!.. — затопала она на него ножками, и когда уже тот улизнул опять в свои кусты, она все-таки продолжала ходить поперек дорожки, как бы вне себя, взад и вперед, сверкая глазками и сложив перед собою обе руки ладошками.

— Вы не поверите, как они глупы! — остановилась она вдруг перед Вельчаниновым. — Вам вот смешно, а мне-то каково!

— Это ведь не *он*, не *он?* — смеялся Вельчанинов.

— Разумеется, не *он*, и как только вы могли это подумать! — улыбнулась и закраснелась Надя. — Это только его друг. Но каких он выбирает друзей, я не понимаю, они все там говорят,

что это «будущий двигатель», а я ничего не понимаю... Алексей Иванович, мне не к кому обратиться; последнее слово, отдадите вы или нет?

— Ну хорошо, отдам, давайте.

— Ах, вы милый, ах, вы добрый! — обрадовалась вдруг она, передавая ему футляр. — Я вам за это целый вечер петь буду, потому что я прекрасно пою, знайте это, а я давеча налгала, что музыки не люблю. Ах, кабы вы еще хоть разочек приехали, как бы я была рада, я бы вам всё, всё, всё рассказала, и много бы кроме того, потому что вы такой добрый, такой добрый, как — как Катя!

И действительно, когда воротились домой, к чаю, она ему спела два романса голосом совсем еще не обработанным и только что начинавшимся, но довольно приятным и с силой. Павел Павлович, когда все воротились из саду, солидно сидел с родителями за чайным столом, на котором уже кипел большой семейный самовар и расставлены были фамильные чайные чашки севрского фарфора. Вероятно, он рассуждал с стариками о весьма серьезных вещах, — так как послезавтра он уезжал на целые девять месяцев. На вошедших из сада, и преимущественно на Вельчанинова, он даже и не поглядел; очевидно было тоже, что он не «нафискалил» и что всё покамест было спокойно.

Но когда Надя стала петь, явился тотчас и он. Надя нарочно не ответила на один его прямой вопрос, но Павла Павловича это не смутило и не поколебало; он стал за спинкой ее стула, и весь вид его показывал, что это его место и что он его никому не уступит.

— Алексею Ивановичу петь, maman, Алексей Иванович хочет спеть! — закричали почти все девицы, теснясь к роялю, за который самоуверенно усаживался Вельчанинов, располагаясь сам себе аккомпанировать. Вышли и старики и Катерина Федосеевна, сидевшая с ними и разливавшая чай.

Вельчанинов выбрал один, почти никому теперь не известный романс Глинки:

Когда в час веселый откроешь ты губки
И мне заворкуешь нежнее голубки...

Он спел его, обращаясь к одной только Наде, стоявшей у самого его локтя и всех к нему ближе. Голосу у него давно уже не было, но видно было по остаткам, что прежде был недурной. Этот романс Вельчанинову удалось слышать в первый раз лет двадцать перед этим, когда он был еще студентом, от самого Глинки, в доме одного приятеля покойного композитора, на литературно-артистической холостой вечеринке. Расходившийся Глинка сыграл и спел все свои любимые вещи из своих сочинений, в том числе этот романс. У него тоже не оставалось тогда голосу, но Вельчанинов помнил чрезвычайное впечатление, произведенное тогда именно этим романсом. Какой-нибудь искусник, салонный певец, никогда бы не достиг такого эффекта. В этом романсе напря-

жение страсти идет, возвышаясь и увеличиваясь с каждым стихом, с каждым словом; именно от силы этого необычайного напряжения малейшая фальшь, малейшая утрировка и неправда, которые так легко сходят с рук в опере, — тут погубили и исказили бы весь смысл. Чтобы пропеть эту маленькую, но необыкновенную вещицу, нужна была непременно — правда, непременно настоящее, полное вдохновение, настоящая страсть или полное поэтическое ее усвоение. Иначе романс не только совсем бы не удался, но мог даже показаться безобразным и чуть ли не каким-то бесстыдным: невозможно было бы выказать такую силу напряжения страстного чувства, не возбудив отвращения, а правда и *простодушие* спасали всё. Вельчанинов помнил, что этот романс ему и самому когда-то удавался. Он почти усвоил манеру пения Глинки; но теперь с первого же звука, с первого стиха и настоящее вдохновение зажглось в его душе и дрогнуло в голосе. С каждым словом романса всё сильнее и смелее прорывалось и обнажалось чувство, в последних стихах послышались крики страсти, и когда он допел, сверкающим взглядом обращаясь к Наде, последние слова романса:

Теперь я смелее гляжу тебе в очи,
Уста приближаю и слушать нет мочи,
Хочу целовать, целовать, целовать!
Хочу целовать, целовать, целовать! —

то Надя вздрогнула почти от испуга, даже капельку отшатнулась назад; румянец залил ее щеки, и в то же мгновение как бы что-то отзывчивое промелькнуло Вельчанинову в застыдившемся и почти оробевшем ее личике. Очарование, а в то же время и недоумение проглядывали и на лицах всех слушательниц; всем как бы казалось, что невозможно и стыдно так петь, а в то же время все эти личики и глазки горели и сверкали и как будто ждали и еще чего-то. Особенно между этими лицами промелькнуло перед Вельчаниновым лицо Катерины Федосеевны, сделавшееся чуть не прекрасным.

— Ну романс! — пробормотал несколько опешенный старик Захлебинин. — Но... не слишком ли сильно? Приятно, но сильно...

— Сильно... — отозвалась было и m-me Захлебинина, но Павел Павлович ей не дал докончить: он вдруг выскочил вперед и, как помешанный, забывшись до того, что сам своей рукой схватил за руку Надю и отвел ее от Вельчанинова, подскочил к нему и потерянно смотрел на него, шевеля трясущимися губами.

— На одну минутку-с, — едва выговорил он наконец.

Вельчанинов ясно видел, что еще минута, и этот господин может решиться на что-нибудь в десять раз еще нелепее; он взял его поскорее за руку и, не обращая внимания на всеобщее недоумение, вывел на балкон и даже сошел с ним несколько шагов в сад, в котором уже почти совсем стемнело.

— Понимаете ли, что вы должны сейчас же, сию же минуту со мною уехать! — проговорил Павел Павлович.

— Нет, не понимаю...

— Помните ли, — продолжал Павел Павлович своим исступленным шепотом, — помните, как вы потребовали от меня тогда, чтобы я сказал вам всё, *всё-с*, откровенно-с, «самое последнее слово...», помните ли-с? Ну, так пришло время сказать это слово-с... поедемте-с!

Вельчанинов подумал, взглянул еще раз на Павла Павловича и согласился уехать.

Внезапно возвещенный их отъезд взволновал родителей и возмутил всех девиц ужасно.

— Хотя бы по другой чашке чаю... — жалобно простонала m-me Захлебинина.

— Ну уж ты, чего взволновался? — с строгим и недовольным тоном обратился старик к ухмылявшемуся и отмалчивавшемуся Павлу Павловичу.

— Павел Павлович, зачем вы увозите Алексея Ивановича? — жалобно заворковали девицы, в то же время ожесточенно на него посматривая. Надя же так злобно на него поглядела, что он весь покривился, но — не сдался.

— А ведь и в самом деле Павел Павлович — спасибо ему — напомнил мне о чрезвычайно важном деле, которое я мог упустить, — смеялся Вельчанинов, пожимая руку хозяину, откланиваясь хозяйке и девицам и как бы особенно перед всеми ими Катерине Федосеевне, что было опять всеми замечено.

— Мы вам благодарны за посещение и вам всегда рады, все, — веско заключил Захлебинин.

— Ах, мы так рады... — с чувством подхватила мать семейства.

— Приезжайте, Алексей Иванович! приезжайте! — слышались многочисленные голоса с балкона, когда он уже уселся с Павлом Павловичем в коляску; чуть ли не было одного голоска, проговорившего потише других: «Приезжайте, милый, милый Алексей Иванович!»

«Это рыженькая!» — подумал Вельчанинов.

XIII

НА ЧЬЕМ КРАЮ БОЛЬШЕ

Он мог подумать о рыженькой, а между тем досада и раскаяние давно уже томили его душу. Да и во весь этот день, казалось бы так забавно проведенный, — тоска почти не оставляла его. Перед тем как петь романс, он уже не знал, куда от нее деваться; может, оттого и пропел с таким увлечением.

«И я мог так унизиться... оторваться от всего!» — начал было он упрекать себя, но поспешно прервал свои мысли. Да и унизи-

тельно показалось ему плакаться; гораздо приятнее было на кого-нибудь поскорей рассердиться.

— Дур-рак! — злобно прошептал он, накосившись на сидевшего с ним рядом в коляске и примолкшего Павла Павловича.

Павел Павлович упорно молчал, может быть сосредоточиваясь и приготовляясь. С нетерпеливым жестом снимал он иногда с себя шляпу и вытирал себе лоб платком.

— Потеет! — злобился Вельчанинов.

Однажды только Павел Павлович отнесся с вопросом к кучеру: «Будет гроза или нет?»

— И-и какая! Непременно будет; весь день парило. — Действительно, небо темнело и вспыхивали отдаленные молнии. В город въехали уже в половине одиннадцатого.

— Я ведь к вам-с, — предупредительно обратился Павел Павлович к Вельчанинову уже неподалеку от дома.

— Понимаю; но я вас уведомляю, что чувствую себя серьезно нездоровым...

— Не засижусь, не засижусь!

Когда стали входить в ворота, Павел Павлович забежал на минутку в дворницкую к Мавре.

— Чего вы туда забегали? — строго спросил Вельчанинов, когда тот догнал его и вошли в комнаты.

— Ничего-с, так-с... извозчик-с...

— Я вам пить не дам!

Ответа не последовало. Вельчанинов зажег свечи, а Павел Павлович тотчас же уселся в кресло. Вельчанинов нахмуренно остановился перед ним.

— Я вам тоже обещал сказать и мое «последнее» слово, — начал он с внутренним, еще подавляемым раздражением, — вот оно, это слово: считаю по совести, что все дела между нами обоюдно покончены, так что нам не об чем даже и говорить; слышите — не об чем; а потому не лучше ли вам сейчас уйти, а я за вами дверь запру.

— Поквитаемтесь, Алексей Иванович! — проговорил Павел Павлович, но как-то особенно кротко смотря ему в глаза.

— По-кви-таемтесь? — удивился ужасно Вельчанинов. — Странное слово вы выговорили! В чем же «поквитаемтесь»? Ба! Да это уж не то ли ваше «последнее слово», которое вы мне давеча обещали... открыть?

— Оно самое-с.

— Не в чем нам более сквитываться, мы — давно сквитались! — гордо произнес Вельчанинов.

— Неужели вы так думаете-с? — проникнутым голосом проговорил Павел Павлович, как-то странно сложив перед собою руки, пальцы в пальцы, и держа их перед грудью. Вельчанинов не ответил ему и пошел шагать по комнате. «Лиза? Лиза?» — стонало в его сердце.

— А впрочем, чем же вы хотели сквитаться? — нахмуренно обратился он к нему после довольно продолжительного молчания. Тот всё это время провожал его по комнате глазами, держа перед собою по-прежнему сложенные руки.

— Не ездите туда более-с, — почти прошептал он умоляющим голосом и вдруг встал со стула.

— Как? Так вы только про это? — Вельчанинов злобно рассмеялся. — Однако ж дивили вы меня целый день сегодня! — начал было он ядовито, но вдруг всё лицо его изменилось: — Слушайте меня, — грустно и с глубоким откровенным чувством проговорил он, — я считаю, что никогда и ничем я не унижал себя так, как сегодня, — во-первых, согласившись ехать с вами, и потом — тем, что было там... Это было так мелочно, так жалко... я опоганил и оподлил себя, связавшись... и позабыв... Ну да что! — спохватился он вдруг, — слушайте: вы напали на меня сегодня невзначай, на раздраженного и больного... ну да нечего оправдываться! Туда я более не поеду и уверяю вас, что не имею никаких там интересов, — заключил он решительно.

— Неужели, неужели? — не скрывая своего радостного волнения, вскричал Павел Павлович. Вельчанинов с презрением посмотрел на него и опять пошел расхаживать по комнате.

— Вы, кажется, во что бы то ни стало решились быть счастливым? — не утерпел он наконец не заметить.

— Да-с, — тихо и наивно подтвердил Павел Павлович.

«Что мне в том, — думал Вельчанинов, — что он шут и зол только по глупости? Я его все-таки не могу не ненавидеть, — хотя бы он и не стоил того!»

— Я «вечный муж-с»! — проговорил Павел Павлович с приниженно-покорною усмешкой над самим собой. — Я это словечко давно уже знал от вас, Алексей Иванович, еще когда вы жили с нами там-с. Я много ваших слов тогда запомнил, в тот год. В прошлый раз, когда вы сказали здесь «вечный муж», я и сообразил-с.

Мавра вошла с бутылкой шампанского и с двумя стаканами.

— Простите, Алексей Иванович, вы знаете, что без этого я не могу-с. Не сочтите за дерзость; посмотрите как на постороннего и вас не стоящего-с...

— Да... — с отвращением позволил Вельчанинов, — но уверяю вас, что я чувствую себя нездоровым...

— Скоро, скоро, сейчас, в одну минуту! — захлопотал Павел Павлович. — Всего один только стаканчик, потому что горло...

Он с жадностию и залпом выпил стакан и сел, — чуть не с нежностью посматривая на Вельчанинова. Мавра ушла.

— Экая мерзость! — шептал Вельчанинов.

— Это только подружки-с, — бодро проговорил вдруг Павел Павлович, совершенно оживившись.

— Как! Что? Ах да, вы всё про то...

— Только подружки-с! И притом так еще молодо; из грациозности куражимся, вот-с! Даже прелестно. А там — там вы знаете: рабом ее стану; увидит почет, общество... совершенно перевоспитается-с.

«Однако ж ему надо браслет отдать!» — нахмурился Вельчанинов, ощупывая футляр в кармане своего пальто.

— Вы вот говорите-с, что вот я решился быть счастливым? Мне надо жениться, Алексей Иванович, — конфиденциально и почти трогательно продолжал Павел Павлович, — иначе что же из меня выйдет? Сами видите-с! — указал он на бутылку. — А это лишь одна сотая — качеств-с. Я совсем не могу без женитьбы-с и — без новой веры-с; уверую и воскресну-с.

— Да мне-то для чего вы это сообщаете? — чуть не фыркнул со смеха Вельчанинов. Дико, впрочем, всё это казалось ему.

— Да скажите же мне наконец, — вскричал он, — для чего вы меня туда таскали? Я-то на что вам там надобился?

— Чтобы испытать-с... — как-то вдруг смутился Павел Павлович.

— Что испытать?

— Эффект-с... Я, вот видите ли, Алексей Иванович, всего только неделю как... там ищу-с (он конфузился всё более и более). Вчера встретил вас и подумал: «Я ведь никогда еще ее не видал в постороннем, так сказать, обществе-с, то есть мужском-с, кроме моего-с...» Глупая мысль-с, сам теперь чувствую; излишняя-с. Слишком уж захотелось-с, от скверного моего характера-с... — Он вдруг поднял голову и покраснел.

«Неужели он всю правду говорит?» — дивился Вельчанинов до столбняка.

— Ну и что ж? — спросил он.

Павел Павлович сладко и как-то хитро улыбнулся.

— Одно лишь прелестное детство-с! Всё подружки-с! Простите меня только за мое глупое поведение сегодня перед вами, Алексей Иванович; никогда не буду-с; да и более никогда этого не будет.

— Да и меня там не будет, — усмехнулся Вельчанинов.

— Я отчасти на этот счет и говорю-с.

Вельчанинов немножко покоробился.

— Однако ж ведь не один я на свете, — раздражительно заметил он.

Павел Павлович опять покраснел.

— Мне это грустно слышать, Алексей Иванович, и я так, поверьте, уважаю Надежду Федосеевну...

— Извините, извините, я ничего не хотел, — мне вот только странно немного, что вы так преувеличенно оценили мои средства... — и... так искренно на меня понадеялись...

— Именно потому и понадеялся-с, что это было после всего-с... что уже было-с.

— Стало быть, вы и теперь считаете меня, коли так, за благороднейшего человека? — остановился вдруг Вельчанинов. Он бы

сам в другую минуту ужаснулся наивности своего внезапного вопроса.

— Всегда и считал-с, — опустил глаза Павел Павлович.

— Ну да, разумеется... я не про то, то есть не в том смысле, — я хотел только сказать, что, несмотря нп на какие... предубеждения...

— Да-с, несмотря и на предубеждения-с.

— А когда в Петербург ехали? — не мог уже сдержаться Вельчанинов, сам чувствуя всю чудовищность своего любопытства.

— И когда в Петербург ехал, за наиблагороднейшего человека считал вас-с. Я всегда уважал вас, Алексей Иванович, — Павел Павлович поднял глаза и ясно, уже нисколько не конфузясь, глядел на своего противника. Вельчанинов вдруг струсил: ему решительно не хотелось, чтобы что-нибудь случилось или чтобы что-нибудь перешло за черту, тем более что сам вызвал.

— Я вас любил, Алексей Иванович, — произнес Павел Павлович, как бы вдруг решившись, — и весь тот год в Т. любил-с. Вы не заметили-с, — продолжал он немного вздрагивавшим голосом, к решительному ужасу Вельчанинова, — я стоял слишком мелко в сравнении с вами-с, чтобы дать вам заметить. Да и не нужно, может быть, было-с. И во все эти девять лет я об вас запомнил-с, потому что я такого года не знал в моей жизни, как тот. (Глаза Павла Павловича как-то особенно заблистали.) Я многие ваши слова и изречения запомнил-с, ваши мысли-с. Я об вас как об пылком к доброму чувству и образованном человеке всегда вспоминал-с, высокообразованном-с и с мыслями-с. «Великие мысли происходят не столько от великого ума, сколько от великого чувства-с» — вы сами это сказали, может, забыли, а я запомнил-с. Я на вас всегда как на человека с великим чувством, стало быть, и рассчитывал-с... а стало быть, и верил-с — несмотря ни на что-с... — Подбородок его вдруг затрясся. Вельчанинов был в совершенном испуге; этот неожиданный тон надо было прекратить во что бы ни стало.

— Довольно, пожалуйста, Павел Павлович, — пробормотал он, краснея и в раздраженном нетерпении, — и зачем, зачем, — вскричал он вдруг, — зачем привязываетесь вы к больному, раздраженному человеку, чуть не в бреду человеку, и тащите его в эту тьму... тогда как — всё призрак, и мираж, и ложь, и стыд, и неестественность, и — не в меру, — а это главное, это всего стыднее, что не в меру! И всё вздор: оба мы порочные, подпольные, гадкие люди... И хотите, хотите, я сейчас докажу вам, что вы меня не только не любите, а ненавидите, изо всех сил, и что вы лжете, сами не зная того: вы взяли меня и повезли туда вовсе не для смешной этой цели, чтобы невесту испытать (придет же в голову!), — а просто увидели меня вчера и *озлились* и повезли меня, чтобы мне показать и сказать: «Видишь какая! Моя будет; ну-ка попробуй тут теперь!» Вы вызов мне сделали! Вы, может быть, сами не знали, а это было так, потому что вы всё это чувствовали...

А без ненависти такого вызова сделать нельзя; стало быть, вы меня ненавидели! — Он бегал по комнате, выкрикивая это, и всего более мучило и обижало его унизительное сознание, что он сам до такой степени снисходит до Павла Павловича.

— Я помириться с вами желал, Алексей Иванович! — вдруг решительно произнес тот скорым шепотом, и подбородок его снова запрыгал. Неистовая ярость овладела Вельчаниновым, как будто никогда и никто еще не наносил ему подобной обиды!

— Говорю же вам еще раз, — завопил он, — что вы на больного и раздраженного человека... повисли, чтобы вырвать у него какое-нибудь несбыточное слово, в бреду! Мы... да мы люди разных миров, поймите же это, и... и... между нами одна могила легла! — неистово прошептал он — и вдруг опомнился...

— А почем вы знаете, — исказилось вдруг и побледнело лицо Павла Павловича, — почем вы знаете, что значит эта могилка здесь... у меня-с! — вскричал он, подступая к Вельчанинову и с смешным, но ужасным жестом ударяя себя кулаком в сердце. — Я знаю эту здешнюю могилку-с, и мы оба по краям этой могилы стоим, только на моем краю больше, чем на вашем, больше-с... — шептал он как в бреду, всё продолжая себя бить в сердце, — больше-с, больше-с — больше-с...— Вдруг необыкновенный удар в дверной колокольчик заставил очнуться обоих. Позвонили так сильно, что, казалось, кто-то дал себе слово сорвать с первого удара звонок.

— Ко мне так не звонят, — в замешательстве проговорил Вельчанинов.

— Да ведь и не ко мне же-с, — робко прошептал Павел Павлович, тоже очнувшийся и мигом обратившийся в прежнего Павла Павловича. Вельчанинов нахмурился и пошел отворить дверь.

— Господин Вельчанинов, если не ошибаюсь? — послышался молодой, звонкий и необыкновенно самоуверенный голос из передней.

— Чего вам?

— Я имею точное сведение, — продолжал звонкий голос, — что некто Трусоцкий находится в настоящую минуту у вас. Я должен непременно его сейчас видеть. — Вельчанинову, конечно, было бы приятно — сейчас же выпихнуть хорошим пинком этого самоуверенного господина на лестницу. Но он подумал, посторонился и пропустил его.

— Вот господин Трусоцкий, войдите...

XIV

САШЕНЬКА И НАДЕНЬКА

В комнату вошел очень молодой человек, лет девятнадцати, даже, может быть, и несколько менее, — так уж моложаво казалось его красивое, самоуверенно вздернутое лицо. Он был недурно

одет, по крайней мере всё на нем хорошо сидело; ростом повыше среднего; черные, густые, разбитые космами волосы и большие, смелые, темные глаза — особенно выдавались в его физиономии. Только нос был немного широк и вздернут кверху; не будь этого, был бы совсем красавчик. Вошел он важно.

— Я, кажется, имею — случай — говорить с господином Трусоцким, — произнес он размеренно и с особенным удовольствием отмечая слово «случай», то есть тем давая знать, что никакой чести и никакого удовольствия в разговоре с господином Трусоцким для него быть не может.

Вельчанинов начинал понимать; кажется, и Павлу Павловичу что-то уже мерещилось. В лице его выразилось беспокойство; он, впрочем, себя поддержал.

— Не имея чести вас знать, — осанисто отвечал он, — полагаю, что не могу иметь с вами и никакого дела-с.

— Вы сперва выслушаете, а потом уже скажете ваше мнение, — самоуверенно и назидательно произнес молодой человек и, вынув черепаховый лорнет, висевший у него на шнурке, стал разглядывать в него бутылку шампанского, стоявшую на столе. Спокойно кончив осмотр бутылки, он сложил лорнет и, обращаясь снова к Павлу Павловичу, произнес:

— Александр Лобов.

— А что такое это Александр Лобов-с?

— Это я. Не слыхали?

— Нет-с.

— Впрочем, где же вам знать. Я с важным делом, собственно до вас касающимся; позвольте, однако ж, сесть, я устал...

— Садитесь, — пригласил Вельчанинов, — но молодой человек успел усесться еще и до приглашения. Несмотря на возраставшую боль в груди, Вельчанинов интересовался этим маленьким нахалом. В хорошеньком, детском и румяном его личике померещилось ему какое-то отдаленное сходство с Надей.

— Садитесь и вы, — предложил юноша Павлу Павловичу, указывая ему небрежным кивком головы место напротив.

— Ничего-с, постою.

— Устанете. Вы, господин Вельчанинов, можете, пожалуй, и не уходить.

— Мне и некуда уходить, я у себя.

— Как хотите. Я, признаюсь, даже желаю, чтобы вы присутствовали при моем объяснении с этим господином. Надежда Федосеевна довольно лестно вас мне отрекомендовала.

— Ба! Когда это она успела?

— Да сейчас после вас же, я ведь тоже оттуда. Вот что, господин Трусоцкий, — повернулся он к стоявшему Павлу Павловичу, — мы, то есть я и Надежда Федосеевна, — цедил он сквозь зубы, небрежно разваливаясь в креслах, — давно уже любим друг друга и дали друг другу слово. Вы теперь между нами помеха;

я пришел вам предложить, чтобы вы очистили место. Угодно вам будет согласиться на мое предложение?

Павел Павлович даже покачнулся; он побледнел, но ехидная улыбка тотчас же выдавилась на его губах.

— Нет-с, нимало не угодно-с, — отрезал он лаконически.

— Вот как! — повернулся в креслах юноша, заломив нога за ногу.

— Даже не знаю, с кем и говорю-с, — прибавил Павел Павлович, — думаю даже, что не об чем нам и продолжать.

Высказав это, он тоже нашел нужным присесть.

— Я сказал, что устанете, — небрежно заметил юноша, — я имел сейчас случай известить вас, что мое имя Лобов и что я и Надежда Федосеевна, мы дали друг другу слово, — следовательно, вы не можете говорить, как сейчас сказали, что не знаете, с кем имеете дело; не можете тоже думать, что нам не об чем с вами продолжать разговор: не говоря уже обо мне, — дело касается Надежды Федосеевны, к которой вы так нагло пристаете. А уж одно это составляет достаточную причину для объяснений.

Всё это он процедил сквозь зубы, как фат, чуть-чуть даже удостоивая выговаривать слова; даже опять вынул лорнет и на минутку на что-то направил его, пока говорил.

— Позвольте, молодой человек... — раздражительно воскликнул было Павел Павлович, но «молодой человек» тотчас же осадил его.

— Во всякое другое время я, конечно бы, запретил вам называть меня «молодым человеком», но теперь, сами согласитесь, что моя молодость есть мое главное перед вами преимущество и что вам и очень бы хотелось, например, сегодня, когда вы дарили ваш браслет, быть при этом хоть капельку помоложе.

— Ах ты пескарь! — прошептал Вельчанинов.

— Во всяком случае, милостивый государь, — с достоинством поправился Павел Павлович, — я все-таки не нахожу выставленных вами причин, — причин неприличных и весьма сомнительных, — достаточными, чтобы продолжать об них прение-с. Вижу, что всё это дело детское и пустое; завтра же справлюсь у почтеннейшего Федосея Семеновича, а теперь прошу вас уволить-с.

— Видите ли вы склад этого человека! — вскричал тотчас же, не выдержав тона, юноша, горячо обращаясь к Вельчанинову. — Мало того, что его оттуда гонят, выставляя ему язык, — он еще хочет завтра на нас доносить старику! Не доказываете ли вы этим, упрямый человек, что вы хотите взять девушку насильно, покупаете ее у выживших из ума людей, которые вследствие общественного варварства сохраняют над нею власть? Ведь уж достаточно, кажется, она показала вам, что вас презирает; ведь вам возвратили же ваш сегодняшний неприличный подарок, ваш браслет? Чего же вам больше?

— Никакого браслета никто мне не возвращал, да и не может этого быть, — вздрогнул Павел Павлович.

— Как не может? Разве господин Вельчанинов вам не передал?

«Ах, черт бы тебя взял!» — подумал Вельчанинов.

— Мне действительно, — проговорил он хмурясь, — Надежда Федосеевна поручила давеча передать вам, Павел Павлович, этот футляр. Я не брал, но она — просила... вот он... мне досадно...

Он вынул футляр и положил его в смущении перед оцепеневшим Павлом Павловичем.

— Почему же вы до сих пор не передали? — строго обратился молодой человек к Вельчанинову.

— Не успел, стало быть, — нахмурился тот.

— Это странно.

— Что-о-о?

— Уж по крайней мере странно, согласитесь сами. Впрочем, я согласен признать, что тут — недоразумение.

Вельчанинову ужасно захотелось сейчас же встать и выдрать мальчишку за уши, но он не мог удержаться и вдруг фыркнул на него от смеха; мальчик тотчас же и сам засмеялся. Не то было с Павлом Павловичем; если бы Вельчанинов мог заметить его ужасный взгляд на себе, когда он расхохотался над Лобовым, — то он понял бы, что этот человек в это мгновение переходит за одну роковую черту... Но Вельчанинов, хотя взгляда и не видал, но понял, что надо поддержать Павла Павловича.

— Послушайте, господин Лобов, — начал он дружественным тоном, — не входя в рассуждение о прочих причинах, которых я не хочу касаться, я бы заметил вам только то, что Павел Павлович все-таки приносит с собою, сватаясь к Надежде Федосеевне, — во-первых, полную о себе известность в этом почтенном семействе; во-вторых, отличное и почтенное свое положение; наконец, состояние, а следовательно, он естественно должен удивляться, смотря на такого соперника, как вы, — человека, может быть, и с большими достоинствами, но до того уже молодого, что вас он никак не может принять за соперника серьезного... а потому и прав, прося вас окончить.

— Что это такое значит «до того молодого»? Мне уж месяц, как минуло девятнадцать лет. По закону я давно могу жениться. Вот вам и всё.

— Но какой же отец решится отдать за вас свою дочь теперь — будь вы хоть размиллионер в будущем или там какой-нибудь будущий благодетель человечества? Человек девятнадцати лет даже и за себя самого — отвечать не может, а вы решаетесь еще брать на совесть чужую будущность, то есть будущность такого же ребенка, как вы! Ведь это не совсем тоже благородно, как вы думаете? Я позволил себе высказать потому, что вы сами давеча обратились ко мне как к посреднику между вами и Павлом Павловичем.

— Ах да, кстати, ведь его зовут Павлом Павловичем! — заметил юноша. — Как же это мне всё мерещилось, что Васильем Петровичем? Вот что-с, — оборотился он к Вельчанинову, — вы

меня не удивили нисколько; я знал, что вы все такие! Странно, однако ж, что об вас мне говорили как об человеке даже несколько новом. Впрочем, это всё пустяки, а дело в том, что тут не только нет ничего неблагородного с моей стороны, как вы позволили себе выразиться, но даже совершенно напротив, что и надеюсь вам растолковать: мы, во-первых, дали друг другу слово, и, кроме того, я прямо ей обещался, при двух свидетелях, в том, что если она когда полюбит другого или просто раскается, что за меня вышла, и захочет со мной развестись, то я тотчас же выдаю ей акт в моем прелюбодеянии, — и тем поддержу, стало быть, где следует, ее просьбу о разводе. Мало того: в случае, если бы я впоследствии захотел на попятный двор и отказался бы выдать этот акт, то, для ее обеспечения, в самый день нашей свадьбы, я выдам ей вексель в сто тысяч рублей на себя, так что в случае моего упорства насчет выдачи акта она сейчас же может передать мой вексель — и меня под сюркуп! Таким образом всё обеспечено, и ничьей будущностью я не рискую. Ну-с, это, во-первых.

— Бьюсь об заклад, что это тот — как его — Предпосылов вам выдумал? — вскричал Вельчанинов.

— Хи-хи-хи! — ядовито захихикал Павел Павлович.

— Чего этот господин хихикает? Вы угадали, — это мысль Предпосылова; и согласитесь, что хитро. Нелепый закон совершенно парализирован. Разумеется, я намерен любить ее всегда, а она ужасно хохочет, — но ведь все-таки ловко, и согласитесь, что уж благородно, что этак не всякий решится сделать?

— По-моему, не только не благородно, но даже гадко.

Молодой человек вскинул плечами.

— Опять-таки вы меня не удивляете, — заметил он после некоторого молчания, — всё это слишком давно перестало меня удивлять. Предпосылов, так тот прямо бы вам отрезал, что подобное ваше непонимание вещей самых естественных происходит от извращения самых обыкновенных чувств и понятий ваших — во-первых, долгою нелепою жизнию, а во-вторых, долгою праздностью. Впрочем, мы, может быть, еще не понимаем друг друга; мне все-таки об вас говорили хорошо... Лет пятьдесят вам, однако, уже есть?

— Перейдите, пожалуйста, к делу.

— Извините за нескромность и не досадуйте; я без намерения. Продолжаю: я вовсе не будущий размиллионер, как вы изволили выразиться (и что у вас за идея была!). Я весь тут, как видите, но зато в будущности моей я совершенно уверен. Героем и благодетелем ничьим не буду, а себя и жену обеспечу. Конечно, у меня теперь ничего нет, я даже воспитывался в их доме, с самого детства...

— Как так?

— А так, что я сын одного отдаленного родственника жены этого Захлебинина, и когда все мои померли и оставили меня восьми

лет, то старик меня взял к себе и потом отдал в гимназию. Этот человек даже добрый, если хотите знать...

— Я это знаю-с...

— Да; но слишком уж древняя голова. Впрочем, добрый. Теперь, конечно, я давно уже вышел из-под его опеки, желая сам заработывать жизнь и быть одному себе обязанным.

— А когда вы вышли? — полюбопытствовал Вельчанинов.

— Да уж месяца с четыре будет.

— А, ну так это всё теперь и понятно: друзья с детства! Что же, вы место имеете?

— Да, частное, в конторе одного нотариуса, на двадцати пяти в месяц. Конечно, только покамест, но когда я делал там предложение, то и того не имел. Я тогда служил на железной дороге, на десяти рублях, но всё это только покамест.

— А разве вы делали и предложение?

— Формальное предложение, и давно уже, недели с три.

— Ну и что ж?

— Старик очень рассмеялся, а потом очень рассердился, а ее так заперли наверху в антресолях. Но Надя геройски выдержала. Впрочем, вся неудача была оттого, что он еще прежде на меня зуб точил за то, что я в департаменте место бросил, куда он меня определил четыре месяца назад, еще до железной дороги. Он старик славный, я опять повторю, дома простой и веселый, но чуть в департаменте, вы и представить не можете! Это Юпитер какой-то сидит! Я, естественно, дал ему знать, что его манеры мне перестают нравиться, но тут главное всё вышло из-за помощника столоначальника: этот господин вздумал нажаловаться, что я будто бы ему «нагрубил», а я ему всего только и сказал, что он неразвит. Я бросил их всех и теперь у нотариуса.

— А в департаменте много получали?

— Э, сверхштатным! Старик же и давал на содержание, — я говорю вам, он добрый; но мы все-таки не уступим. Конечно, двадцать пять рублей не обеспечение, но я вскорости надеюсь принять участие в управлении расстроенными имениями графа Завилейского, тогда прямо на три тысячи; не то в присяжные поверенные. Нынче людей ищут... Ба! какой гром, гроза будет, хорошо, что я до грозы успел; я ведь пешком оттуда, почти всё бежал.

— Но позвольте, когда же вы успели, коли так, переговорить с Надеждой Федосеевной, — если к тому же вас и не принимают?

— Ах, да ведь через забор можно! рыженькую-то заметили давеча? — засмеялся он. — Ну вот и она тут хлопочет и Марья Никитишна; только змея эта Марья Никитишна!.. чего морщитесь? Не боитесь ли грому?

— Нет, я нездоров, очень нездоров... — Вельчанинов действительно, мучаясь от своей внезапной боли в груди, привстал с кресла и попробовал походить по комнате.

— Ах, так я вам, разумеется, мешаю, — не беспокойтесь, сейчас! — и юноша вскочил с места.

— Не мешаете, ничего, — поделикатничал Вельчанинов.

— Какое ничего, когда «у Кобыльникова живот болит», — помните у Щедрина? Вы любите Щедрина?

— Да...

— И я тоже. Ну-с, Василий... ах да, бишь, Павел Павлович, кончимте-с! — почти смеясь, обратился он к Павлу Павловичу. — Формулирую для вашего понимания еще раз вопрос: согласны ли вы завтра же отказаться официально перед стариками и в моем присутствии от всяких претензий ваших насчет Надежды Федосеевны?

— Не согласен нимало-с, — с нетерпеливым и ожесточенным видом поднялся и Павел Павлович, — и к тому же еще раз прошу меня избавить-с... потому что всё это детство и глупости-с.

— Смотрите! — погрозил ему пальцем юноша с высокомерной улыбкой, — не ошибитесь в расчете! Знаете ли, к чему ведет подобная ошибка в расчете? А я так предупреждаю вас, что через девять месяцев, когда вы уже там израсходуетесь, измучаетесь и сюда воротитесь, — вы здесь сами от Надежды Федосеевны принуждены будете отказаться, а не откажетесь, — так вам же хуже будет; вот до чего вы дело доведете! Я вас должен предуведомить, что вы теперь как собака на сене, — извините, это только сравнение, — ни себе, ни другим. По гуманности повторяю: размыслите, принудьте себя хоть раз в жизни основательно размыслить.

— Прошу вас избавить меня от морали, — яростно вскричал Павел Павлович, — а насчет ваших скверных намеков я завтра же приму свои меры-с, строгие меры-с!

— Скверных намеков? Да вы про что ж это? Сами вы скверный, если это у вас в голове. Впрочем, я согласен подождать до завтра, но если... Ах, опять этот гром! До свиданья, очень рад знакомству, — кивнул он Вельчанинову и побежал, видимо спеша предупредить грозу и не попасть под дождь.

XV

СКВИТАЛИСЬ

— Видели-с? видели-с? — подскочил Павел Павлович к Вельчанинову, едва только вышел юноша.

— Да, не везет вам! — невзначай проговорился Вельчанинов. Он бы не сказал этих слов, если б не мучила и не злила его так эта возраставшая боль в груди. Павел Павлович вздрогнул, как от обжога.

— Ну-с, а вы-с — знать меня жалеючи браслета не возвращали — хе?

— Я не успел...

— От сердца жалеючи, как истинный друг истинного друга?

— Ну да, жалел, — озлобился Вельчанинов.

Он, однако же, рассказал ему вкратце о том, как получил давеча браслет обратно и как Надежда Федосеевна почти насильно заставила его принять участие...

— Понимаете, что я ни за что бы не взял; столько и без того неприятностей!

— Увлеклись и взялись! — прохихикал Павел Павлович.

— Глупо это с вашей стороны; впрочем, вас извинить надо. Сами ведь видели сейчас, что не я в деле главный, а другие!

— Все-таки увлеклись-с.

Павел Павлович сел и налил свой стакан.

— Вы полагаете, что я мальчишке-то уступлю-с? В бараний рог согну, вот что-с! Завтра же поеду и всё согну. Мы душок этот выкурим, из детской-то-с...

Он выпил почти залпом стакан и налил еще; вообще стал действовать с необычной до сих пор развязностью.

— Ишь, Наденька с Сашенькой, милые деточки, — хи-хи-хи!

Он не помнил себя от злобы. Раздался опять сильнейший удар грома; ослепительно сверкнула молния, и дождь пролился как из ведра. Павел Павлович встал и запер отворенное окно.

— Давеча он вас спрашивает: «Не боитесь ли грому» — хи-хи! Вельчанинов грому боится! У Кобыльникова — как это — у Кобыльникова... А про пятьдесят-то лет — а? Помните-с? — ехидничал Павел Павлович.

— Вы, однако же, здесь расположились, — заметил Вельчанинов, едва выговаривая от боли слова, — я лягу... вы как хотите.

— Да и собаку в такую погоду не выгонят! — обидчиво подхватил Павел Павлович, впрочем почти радуясь, что имеет право обидеться.

— Ну да, сидите, пейте... хоть ночуйте! — промямлил Вельчанинов, протянулся на диване и слегка застонал.

— Ночевать-с? А вы — не побоитесь-с?

— Чего? — приподнял вдруг голову Вельчанинов.

— Ничего-с, так-с. В прошлый раз вы как бы испугались-с, али мне только померещилось...

— Вы глупы! — не выдержал Вельчанинов и злобно повернулся к стене.

— Ничего-с, — отозвался Павел Павлович.

Больной как-то вдруг заснул, через минуту как лег. Всё неестественное напряжение его в этот день, и без того уже при сильном расстройстве здоровья за последнее время, как-то вдруг порвалось, и он обессилел, как ребенок. Но боль взяла-таки свое и победила усталость и сон; через час он проснулся и с страданием приподнялся с дивана. Гроза утихла; в комнате было накурено, бутылка стояла пустая, а Павел Павлович спал на другом диване. Он лежал навзничь, головой на диванной подушке, совсем не раздетый и в сапогах. Его давешний лорнет, выскользнув из кармана, тянулся на снурке чуть не до полу. Шляпа валялась подле, на полу

же. Вельчанинов угрюмо поглядел на него и не стал будить. Скрючившись и шагая по комнате, потому что лежать сил уже не было, он стонал и раздумывал о своей боли.

Он боялся этой боли в груди, и не без причины. Припадки эти зародились в нем уже давно, но посещали его очень редко, — через год, через два. Он знал, что это от печени. Сначала как бы скоплялось в какой-нибудь точке груди, под ложечкой или выше, еще тупое, не сильное, но раздражающее вдавление. Непрестанно увеличиваясь в продолжение иногда десяти часов сряду, боль доходила наконец до такой силы, давление становилось до того невыносимым, что больному начинала мерещиться смерть. В последний бывший с ним назад тому с год припадок, после десятичасовой и наконец унявшейся боли, он до того вдруг обессилел, что, лежа в постели, едва мог двигать рукой, и доктор позволил ему в целый день всего только несколько чайных ложек слабого чаю и щепоточку размоченного в бульоне хлеба, как грудному ребенку. Появлялась эта боль от разных случайностей, но всегда при расстроенных уже прежде нервах. Странно тоже и проходила; иногда случалось захватывать ее в самом начале, в первые полчаса, простыми припарками, и всё проходило разом; иногда же, как в последний припадок, ничто не помогало, и боль унялась от многочисленных и постепенных приемов рвотного. Доктор признался потом, что был уверен в отраве. Теперь до утра еще было далеко, за доктором ему не хотелось посылать ночью; да и не любил он докторов. Наконец он не выдержал и стал громко стонать. Стоны разбудили Павла Павловича: он приподнялся на диване и некоторое время сидел, прислушиваясь со страхом и в недоумении следя глазами за Вельчаниновым, чуть не бегавшим по обеим комнатам. Выпитая бутылка, видно тоже не по-всегдашнему, сильно на него подействовала, и долго он не мог сообразиться; наконец понял и бросился к Вельчанинову; тот что-то промямлил ему в ответ.

— Это у вас от печени-с, я это знаю! — оживился вдруг ужасно Павел Павлович, — это у Петра Кузьмича у Полосухина-с точно так же бывало, от печени-с. Это припарками бы-с. Петр Кузьмич всегда припарками... Умереть ведь можно-с! Сбегаю-ка я к Мавре, — а?

— Не надо, не надо, — раздражительно отмахивался Вельчанинов, — ничего не надо.

Но Павел Павлович, бог знает почему, был почти вне себя, как будто дело шло о спасении родного сына. Он не слушался и изо всех сил настаивал на необходимости припарок и, сверх того, двух-трех чашек слабого чаю, выпитых вдруг, — «но не просто горячих-с, а кипятку-с!» — Он побежал-таки к Мавре, не дождавшись позволения, вместе с нею разложил в кухне, всегда стоявшей пустою, огонь, вздул самовар; тем временем успел и уложить больного, снял с него верхнее платье, укутал в одеяло и всего в каких-нибудь двадцать минут состряпал и чай и первую припарку.

— Это гретые тарелки-с, раскаленные-с! — говорил он чуть не в восторге, накладывая разгоряченную и обернутую в салфетку тарелку на больную грудь Вельчанинова. — Других припарок нет-с, и доставать долго-с, а тарелки, честью клянусь вам-с, даже и всего лучше будут-с; испытано на Петре Кузьмиче-с, собственными глазами и руками-с. Умереть ведь можно-с. Пейте чай, глотайте, — нужды нет, что обожжетесь; жизнь дороже... щегольства-с...

Он затормошил совсем полусонную Мавру; тарелки переменялись каждые три-четыре минуты. После третьей тарелки и второй чашки чаю-кипятка, выпитого залпом, Вельчанинов вдруг почувствовал облегчение.

— А уж если раз пошатнули боль, то и слава богу-с, и добрый знак-с! — вскричал Павел Павлович и радостно побежал за новой тарелкой и за новым чаем.

— Только бы боль-то сломить! Боль-то бы нам только назад повернуть! — повторял он поминутно.

Через полчаса боль совсем ослабела, но больной был уже до того измучен, что, как ни умолял Павел Павлович, — не согласился выдержать «еще талелочку-с». Глаза его смыкались от слабости.

— Спать, спать, — повторил он слабым голосом.

— И то! — согласился Павел Павлович.

— Вы ночуйте... который час?

— Скоро два, без четверти-с.

— Ночуйте.

— Ночую, ночую.

Через минуту больной опять кликнул Павла Павловича.

— Вы, вы, — пробормотал он, когда тот подбежал и наклонился над ним, — вы — лучше меня! Я понимаю всё, всё... благодарю.

— Спите, спите, — прошептал Павел Павлович и поскорей, на цыпочках, отправился к своему дивану.

Больной, засыпая, слышал еще, как Павел Павлович потихоньку стлал себе наскоро постель, снимал с себя платье и наконец, загасив свечи и чуть дыша, чтоб не зашуметь, протянулся на своем диване.

Без сомнения, Вельчанинов спал и заснул очень скоро после того, как потушили свечи; он ясно припомнил это потом. Но во всё время своего сна, до самой той минуты, когда он проснулся, он видел во сне, что он не спал и что будто бы никак не может заснуть, несмотря на всю свою слабость. Наконец, приснилось ему, что с ним будто бы начинается бред наяву и что он никак не может разогнать толпящихся около него видений, несмотря на полное сознание, что это один только бред, а не действительность. Видения всё были знакомые; комната его была будто бы вся наполнена людьми, а дверь в сени стояла отпертою; люди входили толпами и теснились на лестнице. За столом, выставленным на средину комнаты,

сидел один человек — точь-в-точь как тогда, в приснившемся ему с месяц назад таком же сне. Как и тогда, этот человек сидел, облокотясь на стол, и не хотел говорить; но теперь он был в круглой шляпе с крепом. «Как? неужели это был и тогда Павел Павлович?» — подумал Вельчанинов, — но, заглянув в лицо молчавшего человека, он убедился, что этот кто-то совсем другой. «Зачем же у него креп?» — недоумевал Вельчанинов. Шум, говор и крик людей, теснившихся у стола, были ужасны. Казалось, эти люди еще сильнее были озлоблены на Вельчанинова, чем тогда в том сне; они грозили ему руками и об чем-то изо всех сил кричали ему, но об чем именно — он никак не мог разобрать. «Да ведь это бред, ведь я знаю! — думалось ему, — я знаю, что я не мог заснуть и встал теперь, потому что не мог лежать от тоски!..» Но, однако же, крики, и люди, и жесты их, и всё — было так явственно, так действительно, что иногда его брало сомнение: «Неужели же это и в самом деле бред? Чего хотят от меня эти люди, боже мой! Но если б это был не бред, то возможно ли, чтоб такой крик не разбудил до сих пор Павла Павловича? ведь вот он спит же вот тут на диване?» Наконец, вдруг что-то случилось, опять как и тогда, в том сне; все устремились на лестницу и ужасно стеснились в дверях, потому что с лестницы валила в комнату новая толпа. Эти люди что-то с собой несли, что-то большое и тяжелое; слышно было, как тяжело отдавались шаги носильщиков по ступенькам лестницы и торопливо перекликались их запыхавшиеся голоса. В комнате все закричали: «Несут, несут!», все глаза засверкали и устремились на Вельчанинова; все, грозя и торжествуя, указывали ему на лестницу. Уже нисколько не сомневаясь более в том, что всё это не бред, а правда, он стал на цыпочки, чтоб разглядеть поскорее, через головы людей, — что они такое несут? Сердце его билось — билось — билось, и вдруг — точь-в-точь, как тогда, в том сне, — раздались три сильнейшие удара в колокольчик. И опять-таки это был до того ясный, до того действительный до осязания звон, что, уж конечно, такой звон не мог присниться только во сне!.. Он закричал и проснулся.

Но он не бросился, как тогда, бежать к дверям. Какая мысль направила его первое движение и была ли у него в то мгновение хоть какая-нибудь мысль, — но как будто кто-то подсказал ему, что надо делать: он схватился с постели, бросился с простертыми вперед руками, как бы обороняясь и останавливая нападение, прямо в ту сторону, где спал Павел Павлович. Руки его разом столкнулись с другими, уже распростертыми над ним руками, и он крепко схватил их; кто-то, стало быть, уже стоял над ним, нагнувшись. Гардины были спущены, но было не совершенно темно, потому что из другой комнаты, в которой не было таких гардин, уже проходил слабый свет. Вдруг что-то ужасно больно обрезало ему ладонь и пальцы левой руки, и он мгновенно понял, что схватился за лезвие ножа или бритвы и крепко сжал его рукой... В тот же миг что-то веско и однозвучно шлепнулось на пол.

Вельчанинов был, может быть, втрое сильнее Павла Павловича, но борьба между ними продолжалась долго, минуты три полных. Он скоро пригнул его к полу и вывернул ему назад руки, но для чего-то ему непременно захотелось связать эти вывернутые назад руки. Он стал искать ощупью, правой рукой, — придерживая раненой левой убийцу, — шнура с оконной занавески и долго не мог найти, но наконец захватил и сорвал с окна. Сам он удивлялся потом неестественной силе, которая для того потребовалась. Во все эти три минуты ни тот, ни другой не проговорили ни слова; только слышно было их тяжелое дыхание и глухие звуки борьбы. Наконец, скрутив и связав Павлу Павловичу руки назад, Вельчанинов бросил его на полу, встал, отдернул с окна занавеску и приподнял стору. На уединенной улице было уже светло. Отворив окно, он простоял несколько мгновений, глубоко вдыхая воздух. Был уже пятый час в начале. Затворив окно, он неторопливо пошел к шкафу, достал чистое полотенце и туго-натуго обвил им свою левую руку, чтоб унять текущую из нее кровь. Под ноги ему попалась развернутая бритва, лежавшая на ковре; он поднял ее, свернул, уложил в бритвенный ящик, забытый с утра на маленьком столике, подле самого дивана, на котором спал Павел Павлович, и запер ящик в бюро на ключ. И уже исполнив всё это, он подошел к Павлу Павловичу и стал его рассматривать.

Тем временем тот успел уже привстать с усилием с ковра и усесться в кресло. Он был не одет, в одном белье, даже без сапог. Рубашка его на спине и на рукавах была смочена кровью; но кровь была не его, а из порезанной руки Вельчанинова. Конечно, это был Павел Павлович, но почти можно было не узнать его в первую минуту, если б встретить такого нечаянно, — до того изменилась его физиономия. Он сидел, неловко выпрямляясь в креслах от связанных назад рук, с исказившимся и измученным, позеленевшим лицом, и изредка вздрагивал. Пристально, но каким-то темным, как бы еще не различающим всего взглядом посмотрел он на Вельчанинова. Вдруг он тупо улыбнулся и, кивнув на графин с водой, стоявший на столе, проговорил коротким полушепотом:

— Водицы бы-с.

Вельчанинов налил ему и стал его поить из своих рук. Павел Павлович накинулся с жадностию на воду; глотнув раза три, он приподнял голову, очень пристально посмотрел в лицо стоявшему перед ним со стаканом в руке Вельчанинову, но не сказал ничего и принялся допивать. Напившись, он глубоко вздохнул. Вельчанинов взял свою подушку, захватил свое верхнее платье и отправился в другую комнату, заперев Павла Павловича в первой комнате на замок.

Давешняя его боль прошла совсем, но слабость он вновь ощутил чрезвычайную после теперешнего, мгновенного напряжения бог знает откуда пришедшей к нему силы. Он попытался было сообразить происшествие, но мысли его еще плохо вязались; толчок был слишком силен. Глаза его то смыкались, иногда даже минут

на десять, то вдруг он вздрагивал, просыпался, вспоминал всё, приподнимал свою болевшую и обернутую в мокрое от крови полотенце руку и принимался жадно и лихорадочно думать. Он решил ясно только одно: что Павел Павлович действительно хотел его зарезать, но что, может быть, еще за четверть часа сам не знал, что зарежет. Бритвенный ящик, может, только с вечера скользнул мимо его глаз, не возбудив никакой при этом мысли, и остался лишь у него в памяти. (Бритвы же и всегда лежали в бюро, на замке, и только в вчерашнее утро Вельчанинов их вынул, чтоб подбрить лишние волосы около усов и бакенбард, что иногда делывал.)

«Если б он давно уже намеревался меня убить, то наверно бы приготовил заранее нож или пистолет, а не рассчитывал бы на мои бритвы, которых никогда и не видал, до вчерашнего вечера», — придумалось ему между прочим.

Пробило наконец шесть часов утра. Вельчанинов очнулся, оделся и пошел к Павлу Павловичу. Отпирая двери, он не мог понять: для чего он запирал Павла Павловича и зачем не выпустил его тогда же из дому? К удивлению его, арестант был уже совсем одет; вероятно, нашел как-нибудь случай распутаться. Он сидел в креслах, но тотчас же встал, как вошел Вельчанинов. Шляпа была уже у него в руках. Тревожный взгляд его, как бы спеша, проговорил:

«Не начинай говорить; нечего начинать; не за чем говорить...»

— Ступайте! — сказал Вельчанинов. — Возьмите ваш футляр, — прибавил он ему вслед.

Павел Павлович воротился уже от дверей, захватил со стола футляр с браслетом, сунул его в карман и вышел на лестницу. Вельчанинов стоял в дверях, чтоб запереть за ним. Взгляды их в последний раз встретились; Павел Павлович вдруг приостановился, оба секунд с пять поглядели друг другу в глаза — точно колебались; наконец, Вельчанинов слабо махнул на него рукой.

— Ну ступайте! — сказал он вполголоса и запер дверь на замок.

XVI

АНАЛИЗ

Чувство необычайной, огромной радости овладело им; что-то кончилось, развязалось; какая-то ужасная тоска отошла и рассеялась совсем. Так ему казалось. Пять недель продолжалась она. Он поднимал руку, смотрел на смоченное кровью полотенце и бормотал про себя: «Нет, уж теперь совершенно всё кончилось!» И во всё это утро, в первый раз в эти три недели, он почти и не подумал о Лизе, — как будто эта кровь из порезанных пальцев могла «поквитать» его даже и с этой тоской.

Он сознал ясно, что миновал страшную опасность. «Эти люди, — думалось ему, — вот эти-то самые люди, которые еще за минуту

не знают, зарежут они или нет, — уж как возьмут раз нож в свои дрожащие руки и как почувствуют первый брызг горячей крови на своих пальцах, то мало того что зарежут, — голову совсем отрежут „напрочь“, как выражаются каторжные. Это так».

Он не мог оставаться дома и вышел на улицу в убеждении, что необходимо сейчас что-то сделать или что непременно сейчас что-то с ним само собой сделается; он ходил по улицам и ждал. Ужасно захотелось ему с кем-нибудь встретиться, с кем-нибудь заговорить, хоть с незнакомым, и только это навело его наконец на мысль о докторе и о том, что руку надо бы перевязать как следует. Доктор, прежний его знакомый, осмотрев рану, с любопытством спросил: «Как это могло случиться?» Вельчанинов отшучивался, хохотал и чуть-чуть не рассказал всего, но удержался. Доктор принужден был пощупать ему пульс и, узнав о вчерашнем припадке ночью, уговорил его принять теперь же какого-то бывшего под рукой успокоительного лекарства. Насчет пореза он тоже его успокоил: «Особенно дурных последствий быть не может». Вельчанинов захохотал и стал уверять его, что уже оказались превосходные последствия. Неудержимое желание рассказать *всё* повторилось с ним в этот день еще раза два, — однажды даже с совсем незнакомым человеком, с которым сам он первый завел разговор в кондитерской. Он терпеть не мог до сих пор заводить разговоры с людьми незнакомыми в публичных местах.

Он заходил в магазины, купил газету, зашел к своему портному и заказал себе платье. Мысль посетить Погорельцевых продолжала быть ему неприятною, и он не думал о них, да и не мог он ехать на дачу: он как бы всё чего-то ожидал здесь в городе. Обедал с наслаждением, заговорил с слугой и с обедавшим соседом и выпил полбутылки вина. О возможности возвращения вчерашнего припадка он и не думал; он был убежден, что болезнь прошла совершенно в ту самую минуту, когда он, заснув вчера в таком бессилии, через полтора часа вскочил с постели и с такою силою бросил своего убийцу об пол. К вечеру, однако же, голова его стала кружиться и как будто что-то похожее на вчерашний бред во сне стало овладевать им мгновениями. Он воротился домой уже в сумерки и почти испугался своей комнаты, войдя в нее. Страшно и жутко показалось ему в его квартире. Несколько раз прошелся он по ней и даже зашел в свою кухню, куда никогда почти не заходил. «Здесь они вчера грели тарелки», — подумалось ему. Двери он накрепко запер и раньше обыкновенного зажег свечи. Запирая двери, он вспомнил, что полчаса тому, проходя мимо дворницкой, он вызвал Мавру и спросил ее: «Не заходил ли без него Павел Павлович?» — точно и в самом деле тот мог зайти.

Запершись тщательно, он отпер бюро, вынул ящик с бритвами и развернул «вчерашнюю» бритву, чтоб посмотреть на нее. На белом костяном черенке остались чутошные следы крови. Он положил бритву опять в ящик и опять запер его в бюро. Ему хотелось

спать; он чувствовал, что необходимо сейчас же лечь, — иначе он назавтра никуда не будет годиться. Завтрашний день представлялся ему почему-то как роковой и «окончательный» день. Но всё те же мысли, которые его и на улице, весь день, ни на мгновение не покидали, толпились и стучали в его больной голове и теперь, неустанно и неотразимо, и он всё думал — думал — думал, и долго еще ему не пришлось заснуть...

«Если уж решено, что он встал меня резать *нечаянно,* — всё думал и думал он, — то вспадала ли ему эта мысль на ум хоть раз прежде, хотя бы только в виде мечты в злобную минуту?»

Он решил вопрос странно, — тем, что Павел Павлович хотел его убить, но что мысль об убийстве ни разу не вспадала будущему убийце на ум. Короче: «Павел Павлович хотел убить, но не знал, что хочет убить. Это бессмысленно, но это так, — думал Вельчанинов. — Не места искать и не для Багаутова он приехал сюда — хотя и искал здесь места, и забегал к Багаутову, и взбесился, когда тот помер; Багаутова он презирал как щепку. Он для меня сюда поехал, и приехал с Лизой...»

«А ожидал ли я сам, что он... зарежет меня?» Он решил, что да, ожидал, именно с той самой минуты, как увидел его в карете, за гробом Багаутова, «я чего-то как бы стал ожидать... но, разумеется, не этого, разумеется, не того, что зарежет!..»

«И неужели, неужели правда была всё то, — восклицал он опять, вдруг подымая голову с подушки и раскрывая глаза, — всё то, что этот... сумасшедший натолковал мне вчера о своей ко мне любви, когда задрожал у него подбородок и он стукал в грудь кулаком?

Совершенная правда! — решал он, неустанно углубляясь и анализируя. — Этот Квазимодо из Т. слишком достаточно был глуп и благороден для того, чтоб влюбиться в любовника своей жены, в которой он в двадцать лет *ничего* не приметил! Он уважал меня девять лет, чтил память мою и мои „изречения“ запомнил, — господи, а я-то не ведал ни о чем! Не мог он лгать вчера! Но любил ли он меня вчера, когда изъяснялся в любви и сказал: „поквитаемтесь“? Да, *со злобы* любил, эта любовь самая сильная...

А ведь могло быть, а ведь было наверно так, что я произвел на него колоссальное впечатление в Т., именно колоссальное и „отрадное“, и именно с таким Шиллером в образе Квазимодо и могло это произойти! Он преувеличил меня во сто раз, потому что я слишком уж поразил его в его философском уединении... Любопытно бы знать, чем именно поразил? Право, может быть, свежими перчатками и умением их надевать. Квазимоды любят эстетику, ух любят! Перчаток слишком достаточно для иной благороднейшей души, да еще из „вечных мужей“. Остальное они сами дополнят раз в тысячу и подерутся даже за вас, если вы того захотите. Средства-то обольщения мои как высоко он ставит! Может быть, именно средства обольщения и поразили его всего более. А крик-то

его тогда: „Если уж и этот, так в кого же после этого верить!“ После этакого крика зверем сделаешься!..

Гм! Он приехал сюда, чтоб „обняться со мной и заплакать“, как он сам подлейшим образом выразился, то есть он ехал, чтоб зарезать меня, а думал, что едет „обняться и заплакать“... Он и Лизу привез. А что: если б я с ним заплакал, он, может, и в самом бы деле простил меня, потому что ужасно ему хотелось простить!.. Всё это обратилось при первом столкновении в пьяное ломание и в карикатуру и в гадкое бабье вытье об обиде. (Рога-то, рога-то над лбом себе сделал!) Для того и пьяный приходил, чтоб хоть ломаясь, да высказать; непьяный он бы не смог... А любил-таки поломаться, ух любил! Ух как был рад, когда заставил поцеловаться с собой! Только не знал тогда, чем он кончит: обнимется или зарежет? Вышло, конечно, что всего лучше и то и другое, вместе. Самое естественное решение! Да-с, природа не любит уродов и добивает их „естественными решеньями“. Самый уродливый урод — это урод с благородными чувствами: я это по собственному опыту знаю, Павел Павлович! Природа для урода не нежная мать, а мачеха. Природа родит урода, да вместо того чтоб пожалеть его, его ж и казнит, — да и дельно. Объятия и слезы всепрощения даже и порядочным людям в наш век даром с рук не сходят, а не то что уж таким, как мы с вами, Павел Павлович!

Да, он был достаточно глуп, чтоб повезти меня и к невесте, — господи! Невеста! Только у такого Квазимодо и могла зародиться мысль о „воскресении в новую жизнь“ — посредством невинности мадемуазель Захлебининой! Но вы не виноваты, Павел Павлович, не виноваты: вы урод, а потому и всё у вас должно быть уродливо — и мечты и надежды ваши. Но хоть и урод, а усумнился же в мечте, почему и потребовалась высокая санкция Вельчанинова, с благоговением уважаемого. Надо было одобрение Вельчанинова, подтверждение от него, что мечта не мечта, а настоящая вещь. Он меня из благоговейного уважения ко мне повез и в благородство чувств моих веруя, — веруя, может быть, что мы там под кустом обнимемся и заплачем, неподалеку от невинности. Да! должен же был, обязан же был, наконец, этот „вечный муж“ хоть когда-нибудь да наказать себя за всё окончательно, и чтоб наказать себя, он и схватился за бритву, — правда, нечаянно, но все-таки схватился! „Все-таки пырнул же ножом, все-таки ведь кончил же тем, что пырнул, в присутствии губернатора!“ А кстати, была ли у него хоть какая-нибудь мысль в этом роде, когда он мне рассказывал свой анекдот про шафера? А было ли в самом деле что-нибудь тогда ночью, когда он вставал с постели и стоял среди комнаты? Гм. Нет, он *в шутку* тогда стоял. Он встал за своим делом, а как увидел, что я его струсил, он и не отвечал мне десять минут, потому что очень уж приятно было ему, что я струсил его... Тут-то, может быть, ему и в самом деле что-нибудь в первый раз померещилось, когда он стоял тогда в темноте...

А все-таки не забудь я вчера на столе эти бритвы — ничего бы, пожалуй, и не было. Так ли? Так ли? Ведь избегал же он меня прежде, ведь не ходил же ко мне по две недели; ведь прятался же он от меня, меня *жалеючи!* Ведь выбрал же вначале Багаутова, а не меня! Ведь вскочил же ночью тарелки греть, думая сделать диверсию — от ножа к умилению!.. И себя и меня спасти хотел — гретыми тарелками!..»

И долго еще работала в этом роде больная голова этого бывшего «светского человека», пересыпая из пустого в порожнее, пока он успокоился. Он проснулся на другой день с тою же больною головою, но с совершенно *новым* и уже совершенно неожиданным ужасом.

Этот новый ужас происходил от непременного убеждения, в нем неожиданно укрепившегося, в том, что он, Вельчанинов (и светский человек), сегодня же сам, своей волей, кончит всё тем, что пойдет к Павлу Павловичу, — зачем? для чего? — ничего он этого не знал и с отвращением знать не хотел, а знал только то, что зачем-то потащится.

Сумасшествие это — иначе он и назвать не мог — развилось, однако же, до того, что получило, насколько можно, разумный вид и довольно законный предлог: ему еще как бы грезилось, что Павел Павлович воротится в свой номер, запрется накрепко и — повесится, как тот казначей, про которого рассказывала Марья Сысоевна. Эта вчерашняя мечта перешла в нем мало-помалу в бессмысленное, но неотразимое убеждение. «Зачем этому дураку вешаться?» — перебивал он себя поминутно. Ему вспоминались давнишние слова Лизы... «А впрочем, я на его месте, может, и повесился бы...» — придумалось ему один раз.

Кончилось тем, что он, вместо того чтоб идти обедать, направился-таки к Павлу Павловичу. «Я только у Марьи Сысоевны спрошу», — решил он. Но, еще не успев выйти на улицу, он вдруг остановился под воротами.

— Неужели ж, неужели ж, — вскрикнул он, побагровев от стыда, — неужели ж я плетусь туда, чтоб «обняться и заплакать»? Неужели только этой бессмысленной мерзости недоставало ко всему сраму?

Но от «бессмысленной мерзости» спасло его провидение всех порядочных и приличных людей. Только что он вышел на улицу, с ним вдруг столкнулся Александр Лобов. Юноша был впопыхах и в волнении.

— А я к вам! Приятель-то ваш, Павел Павлович, каково?

— Повесился? — дико пробормотал Вельчанинов.

— Кто повесился? Зачем? — вытаращил глаза Лобов.

— Ничего... я так; продолжайте!

— Фу, черт, какой, однако же, у вас смешной оборот мыслей! Совсем-таки не повесился (почему повесился?). Напротив — уехал. Я только что сейчас его в вагон посадил и отправил. Фу, как он пьет, я вам скажу! Мы три бутылки выпили, Предпосылов

тоже, — но как он пьет, как он пьет! Песни пел в вагоне, об вас вспоминал, ручкой делал, кланяться вам велел. А подлец он, как вы думаете, — а?

Молодой человек был действительно хмелен; раскрасневшееся лицо, блиставшие глаза и плохо слушавшийся язык сильно об этом свидетельствовали. Вельчанинов захохотал во всё горло:

— Так они кончили-таки, наконец, брудершафтом! — ха-ха! Обнялись и заплакали! Ах вы, Шиллеры-поэты!

— Не ругайтесь, пожалуйста. Знаете, он *там* совсем отказался. Вчера там был и сегодня был. Нафискалил ужасно. Надю заперли, — сидит в антресолях. Крик, слезы, но мы не уступим! Но как он пьет, я вам скажу, как он пьет! И знаете, какой он моветон, то есть не моветон, а как это?.. И всё про вас вспоминал, но какое сравнение с вами! Вы все-таки порядочный человек и в самом деле принадлежали когда-то к высшему обществу и только теперь принуждены уклониться, — по бедности, что ли... Черт знает, я его плохо разобрал.

— А, так это он вам в таких выражениях про меня рассказывал?

— Он, он, не сердитесь. Быть гражданином — лучше высшего общества. Я к тому, что в наш век в России не знаешь, кого уважать. Согласитесь, что это сильная болезнь века, когда не знаешь, кого уважать, — не правда ли?

— Правда, правда, что ж он?

— Он? Кто? Ах, да! Почему он всё говорил «пятидесятилетний, *но* промотавшийся Вельчанинов»? почему «*но* промотавшийся», а не «*и* промотавшийся»! Смеется, тысячу раз повторил. В вагон сел, песню запел и заплакал — просто отвратительно; так даже жалко, — спьяну. Ах, не люблю дураков! Нищим пустился деньги раскидывать, за упокой души Лизаветы — жена, что ль, его?

— Дочь.

— Что это у вас рука?

— Порезал.

— Ничего, пройдет. Знаете, черт с ним, хорошо, что уехал, но бьюсь об заклад, что он там, куда приедет, тотчас же опять женится, — не правда ли?

— Да ведь и вы хотите жениться?

— Я? Я другое дело, — какой вы, право! Если вы пятидесятилетний, так уж он, наверно, шестидесятилетний; тут нужна логика, батюшка! И знаете, прежде, давно уже, я был чистый славянофил по убеждениям, но теперь мы ждем зари с запада... Ну, до свидания; хорошо, что столкнулся с вами не заходя; не зайду, не просите, некогда!..

И он бросился было бежать.

— Ах, да что ж я, — воротился он вдруг, — ведь он меня с письмом к вам прислал! Вот письмо. Зачем вы не пришли провожать?

Вельчанинов воротился домой и распечатал адресованный на его имя конверт.

В конверте ни одной строчки не было от Павла Павловича, но находилось какое-то другое письмо. Вельчанинов узнал эту руку. Письмо было старое, на пожелтевшей от времени бумаге, с выцветшими чернилами, писанное лет десять назад к нему в Петербург, два месяца спустя после того, как он выехал тогда из Т. Но письмо это не пошло к нему; вместо него он получил тогда другое; это ясно было по смыслу пожелтевшего письма. В этом письме Наталья Васильевна, прощаясь с ним навеки — точно так же как и в полученном тогда письме — и признаваясь ему, что любит другого, не скрывала, однако же, о своей беременности. Напротив, в утешение ему сулила, что она найдет случай передать ему будущего ребенка, уверяла, что отныне у них другие обязанности, что дружба их теперь навеки закреплена, — одним словом, логики было мало, но цель была всё та же: чтоб он избавил ее от любви своей. Она даже позволяла ему заехать в Т. через год — взглянуть на дитя. Бог знает почему она раздумала и выслала другое письмо вместо этого.

Вельчанинов, читая, был бледен, но представил себе и Павла Павловича, нашедшего это письмо и читавшего его в первый раз перед раскрытым фамильным ящичком черного дерева с перламутровой инкрустацией.

«Должно быть, тоже побледнел, как мертвец, — подумал он, заметив свое лицо нечаянно в зеркале, — должно быть, читал, и закрывал глаза, и вдруг опять открывал в надежде, что письмо обратится в простую белую бумагу... Наверно, раза три повторил опыт!..»

XVII

ВЕЧНЫЙ МУЖ

Прошло почти ровно два года после описанного нами приключения. Мы встречаем господина Вельчанинова в один прекрасный летний день в вагоне одной из вновь открывшихся наших железных дорог. Он ехал в Одессу, чтоб повидаться, для развлечения, с одним приятелем, а вместе с тем и по другому, тоже довольно приятному обстоятельству; через этого приятеля он надеялся уладить себе встречу с одною из чрезвычайно интересных женщин, с которою ему давно уже желалось познакомиться. Не вдаваясь в подробности, ограничимся лишь замечанием, что он сильно переродился, или, лучше сказать, исправился, в эти последние два года. От прежней ипохондрии почти и следов не осталось. От разных «воспоминаний» и тревог — последствий болезни, — начавших было осаждать его два года назад в Петербурге, во время неудававшегося процесса, — уцелел в нем лишь некоторый потаенный стыд от сознания бывшего малодушия. Его вознаграждала отчасти уверенность, что этого уже больше не будет и что об этом никто и ни-

когда не узнает. Правда, он тогда бросил общество, стал даже плохо одеваться, куда-то от всех спрятался, — и это, конечно, было *всеми* замечено. Но он так скоро явился с повинною, а вместе с тем и с таким вновь возрожденным и самоуверенным видом, что «все» тотчас же ему простили его минутное отпадение; даже те из них, с которыми он перестал было кланяться, первые же и узнали его и протянули ему руку, и притом без всяких докучных вопросов, — как будто он всё время был где-то далеко в отлучке по своим домашним делам, до которых никому из них нет дела, и только что сейчас воротился. Причиною всех этих выгодных и здравых перемен к лучшему был, разумеется, выигранный процесс. Вельчанинову досталось всего шестьдесят тысяч рублей, — дело бесспорно невеликое, но для него очень важное: во-первых, он тотчас же почувствовал себя опять на твердой почве, — стало быть, утолился нравственно; он знал теперь уже наверно, что этих последних денег своих не промотает «как дурак», как промотал свои первые два состояния, и что ему хватит на всю жизнь. «Как бы там ни трещало у них общественное здание и что бы они там ни трубили, — думал он иногда, приглядываясь и прислушиваясь ко всему чудесному и невероятному, совершающемуся кругом него и по всей России, — во что бы там ни перерождались люди и мысли, у меня все-таки всегда будет хоть этот тонкий и вкусный обед, за который я теперь сажусь, а стало быть, я ко всему приготовлен». Эта нежная до сладострастия мысль мало-помалу овладевала им совершенно и произвела в нем переворот даже физический, не говоря уже о нравственном: он смотрел теперь совсем другим человеком в сравнении с тем «хомяком», которого мы описывали за два года назад и с которым уже начинали случаться такие неприличные истории, — смотрел весело, ясно, важно. Даже злокачественные морщинки, начинавшие скопляться около его глаз и на лбу, почти разгладились; даже цвет его лица изменился, — он стал белее, румянее. В настоящую минуту он сидел на комфортном месте в вагоне первого класса, и в уме его наклевывалась одна милая мысль: на следующей станции предстояло разветвление пути, и шла новая дорога вправо. «Если б бросить, на минутку, прямую дорогу и увлечься вправо, то не более как через две станции можно бы было посетить еще одну знакомую даму, только что возвратившуюся из-за границы и находящуюся теперь в приятном для него, но весьма скучном для нее уездном уединении; а стало быть, являлась возможность употребить время не менее интересно, чем и в Одессе, тем более что и там не уйдет...» Но он всё еще колебался и не решался окончательно; он «ждал толчка». Между тем станция приближалась; толчок тоже не замедлил.

На этой станции поезд останавливался на сорок минут и предлагался обед пассажирам. У самого входа в залу для пассажиров первого и второго классов столпилось, как водится, множество нетерпеливой и торопившейся публики и, — может быть, тоже как водится, — произошел скандал. Одна дама, вышедшая из вагона

второго класса и замечательно хорошенькая, но что-то уж слишком пышно разодетая для путешественницы, почти тащила обеими руками за собою улана, очень молоденького и красивого офицерика, который вырывался у нее из рук. Молоденький офицерик был сильно хмелен, а дама, по всей вероятности его старшая родственница, не отпускала его от себя, должно быть из опасения, что он прямо так и бросится к буфету с напитками. Между тем с уланом, в тесноте, столкнулся купчик, тоже закутивший, и даже до безобразия. Этот купчик застрял на станции второй уже день, пил и сыпал деньгами, окруженный разным товариществом, и всё не успевал попасть в поезд, чтоб отправиться далее. Вышла ссора, офицер кричал, купчик бранился, дама была в отчаянии и, увлекая улана от ссоры, восклицала ему умоляющим голосом: «Митенька! Митенька!» Купчику показалось это слишком уже скандальным; правда, и все смеялись, но купчик обиделся уже более за оскорбленную, как показалось ему почему-то, нравственность.

— Вишь, «Митенька!» — произнес он укорительно, передразнив тоненький голосок барыни. — И в публике уже не стыдятся!

И подойдя качаясь к бросившейся на первый стул даме, успевшей усадить рядом с собой и улана, он презрительно осмотрел обоих и протянул нараспев:

— Шлюха ты, шлюха, хвост отшлепала!

Дама взвизгнула и жалостно осматривалась, ожидая избавления. Ей и стыдно-то было, и боялась-то она, а к довершению всего офицер сорвался со стула и, завопив, ринулся было на купчика, но поскользнулся и шлепнулся назад на стул. Хохот кругом усиливался, а помочь никто и не думал; но помог Вельчанинов: он вдруг схватил купчика за шиворот и, повернув, оттолкнул его шагов на пять от испуганной женщины. Тем скандал и кончился; купчик был сильно опешен и толчком и внушительной фигурой Вельчанинова; его тотчас же увели товарищи. Осанистая физиономия изящно одетого барина возымела внушительное влияние и на насмешников: смех прекратился. Дама, краснея и чуть не со слезами, начала изливаться в уверениях о своей благодарности. Улан бормотал: «Балдарю, балдарю!» — и хотел было протянуть Вельчанинову руку, но вместо того вдруг вздумал улечься на стульях и протянулся на них с ногами.

— Митенька! — укоризненно простонала дама, всплеснув руками.

Вельчанинов был доволен и приключением и его обстановкой. Дама интересовала его; это была, как видно, богатенькая провинциалочка, хотя и пышно, но безвкусно одетая и с манерами несколько смешными, — именно соединяла в себе всё, гарантирующее успех столичному фату при известных целях на женщину. Завязался разговор; дама горячо рассказывала и жаловалась на своего мужа, который «вдруг из вагона куда-то скрылся, и от этого всё и произошло, потому что он вечно, когда надо тут быть, куда-то и скроется...»

— По надобности... — пробормотал улан.

— Ах, Митенька! — всплеснула опять она руками.

«Ну достанется же мужу!» — подумал Вельчанинов.

— Как его зовут? я пойду и отыщу его, — предложил он.

— Пал Палыч, — отозвался улан.

— Вашего супруга зовут Павлом Павловичем? — с любопытством спросил Вельчанинов, и вдруг знакомая ему лысая голова просунулась между ним и дамой. В одно мгновение представился ему сад у Захлебининых, невинные игры и докучливая лысая голова, беспрерывно просовывавшаяся между ним и Надеждой Федосеевной.

— Вот вы, наконец! — истерически вскричала супруга.

Это был сам Павел Павлович; в удивлении и страхе глядел он на Вельчанинова, оторопев перед ним, как перед привидением. Столбняк его был таков, что некоторое время он, по-видимому, не понимал ничего из того, что толковала ему раздражительной и быстрой скороговоркой оскорбленная супруга. Наконец, он вздрогнул и сообразил разом весь свой ужас: и свою вину, и о Митеньке, и об том, что этот «мсьё» — дама почему-то так назвала Вельчанинова — «был для нас ангелом-хранителем и спасителем, а вы — вы вечно уйдете, когда вам надо тут быть...»

Вельчанинов вдруг захохотал.

— Да ведь мы с ним друзья, друзья с детства! — восклицал он удивленной даме, фамильярно и покровительственно обхватив правой рукой плечи улыбавшегося бледной улыбкой Павла Павловича. — Не говорил он вам об Вельчанинове?

— Нет, никогда не говорил, — оторопела несколько супруга.

— Так представьте же меня, вероломный друг, вашей супруге!

— Это, Липочка, действительно господин Вельчанинов-с, вот-с... — начал было и постыдно оборвался Павел Павлович. Супруга вспыхнула и злобно сверкнула на него глазами, очевидно за «Липочку».

— И представьте, и не уведомил, что женился, и на свадьбу не позвал, но вы, Олимпиада...

— Семеновна, — подсказал Павел Павлович.

— Семеновна! — отозвался вдруг заснувший было улан.

— Вы уж простите его, Олимпиада Семеновна, для меня, ради встречи друзей... Он — добрый муж!

И Вельчанинов дружески хлопнул Павла Павловича по плечу.

— Я, душенька, я только на минутку... отстал... — начал было оправдываться Павел Павлович.

— И бросили жену на позор! — тотчас же подхватила Липочка. — Когда надо, вас нет, где не надо — вы тут...

— Где не надо — тут, где не надо... где не надо... — поддакивал улан.

Липочка почти задыхалась от волнения; она и сама знала, что это нехорошо при Вельчанинове, и краснела, но не могла совладать.

— Где не надо, вы слишком уж осторожны, слишком осторожны! — вырвалось у ней.

— Под кроватью... любовников ищет... под кроватью — где не надо... где не надо... — ужасно разгорячился вдруг и Митенька.

Но с Митенькой уже нечего было делать. Всё кончилось, впрочем, приятно; последовало полное знакомство. Павла Павловича услали за кофеем и за бульоном. Олимпиада Семеновна объяснила Вельчанинову, что они едут теперь из О., где служит ее муж, на два месяца в их деревню, что это недалеко, от этой станции всего сорок верст, что у них там прекрасный дом и сад, что к ним приедут гости, что у них есть и соседи, и если б Алексей Иванович был так добр и захотел их посетить «в их уединении», то она бы встретила его «как ангела-хранителя», потому что она не может вспомнить без ужасу, что бы было, если б... и так далее, и так далее, — одним словом, «как ангела-хранителя...»

— И спасителя, и спасителя, — с жаром настаивал улан.

Вельчанинов вежливо поблагодарил и ответил, что он всегда готов, что он совершенно праздный и незанятой человек и что приглашение Олимпиады Семеновны ему слишком лестно. Затем тотчас же завел веселенький разговор, в который удачно вставил два или три комплимента. Липочка покраснела от удовольствия и, только что воротился Павел Павлович, восторженно объявила ему, что Алексей Иванович так добр, что принял ее приглашение прогостить у них в деревне весь месяц и обещался приехать через неделю. Павел Павлович улыбнулся потерянно и промолчал. Олимпиада Семеновна вскинула на него плечиками и возвела глаза к небу. Наконец, расстались: еще раз благодарность, опять «ангел-хранитель», опять «Митенька», и Павел Павлович увел наконец усаживать супругу и улана в вагон. Вельчанинов закурил сигару и стал прохаживаться по галерее перед воксалом; он знал, что Павел Павлович сейчас опять прибежит к нему поговорить до звонка. Так и случилось. Павел Павлович немедленно явился перед ним с тревожным вопросом в глазах и во всей физиономии. Вельчанинов засмеялся: «дружески» взял его за локоть и, притянув к ближайшей скамейке, сел и усадил его с собою рядом. Сам он молчал; ему хотелось, чтоб заговорил Павел Павлович первый.

— Так вы к нам-с? — пролепетал тот, совершенно откровенно приступая к делу.

— Так я и знал! Не переменился нисколько! — расхохотался Вельчанинов. — Ну неужели же вы, — хлопнул он его опять по плечу, — неужели же вы хоть минуту могли подумать серьезно, что я в самом деле могу к вам приехать в гости, да еще на месяц — ха-ха!

Павел Павлович весь так и встрепенулся.

— Так вы — не приедете-с! — вскричал он, нисколько не скрывая своей радости.

— Не приеду, не приеду! — самодовольно смеялся Вельчанинов. Впрочем, он и сам не понимал, почему ему так уж особенно смешно, но чем дальше, тем ему становилось смешнее.

— Неужели... неужели вы в самом деле говорите-с? — И, сказав это, Павел Павлович даже привскочил с места, в трепетном ожидании.

— Да уж сказал, что не приеду, — ну чудак же вы человек!

— Как же мне... если так-с, как же сказать-то Олимпиаде Семеновне, когда вы через неделю не пожалуете, а она будет ждать-с?

— Экая трудность! Скажите, что я ногу сломал или в этом роде.

— Не поверят-с, — жалостным голоском протянул Павел Павлович.

— И вам достанется? — всё смеялся Вельчанинов. — Но я замечаю, мой бедный друг, что вы-таки трепещете перед вашей прекрасной супругой, — а?

Павел Павлович попробовал улыбнуться, но не вышло. Что Вельчанинов отказывался приехать — это, конечно, было хорошо, но что он фамильярничает насчет супруги — это было уже дурно. Павел Павлович покоробился; Вельчанинов это заметил. Между тем прозвонил уже второй звонок; в отдалении послышался тонкий голосок из вагона, тревожно вызывавший Павла Павловича. Тот засуетился на месте, но не побежал на призыв, видимо ожидая еще чего-то от Вельчанинова, — конечно, еще раз заверения, что он к ним не приедет.

— Как бывшая фамилия вашей супруги? — осведомился Вельчанинов, как бы не замечая совсем тревоги Павла Павловича.

— У нашего благочинного взял-с, — ответил тот, в смятении посматривая на вагоны и прислушиваясь.

— А, понимаю, за красоту.

Павел Павлович опять покоробился.

— А кто же у вас этот Митенька?

— А это так-с; дальний наш родственник один, то есть мой-с, сын двоюродной моей сестры, покойницы-с, Голубчиков-с, за непорядки разжаловали, а теперь опять произведен; мы его и экипировали... Несчастный молодой человек-с...

«Ну так-так, всё в порядке; полная обстановка!» — подумал Вельчанинов.

— Павел Павлович! — раздался опять отдаленный призыв из вагона и уже с слишком раздражительной ноткой в голосе.

— Пал Палыч! — послышался другой, сиплый, голос.

Павел Павлович опять засуетился и заметался, но Вельчанинов крепко прихватил его за локоть и остановил.

— А хотите, я сейчас пойду и расскажу вашей супруге, как вы меня зарезать хотели, — а?

— Что вы, что вы-с! — испугался ужасно Павел Павлович. — Да боже вас сохрани-с.

— Павел Павлович! Павел Павлович! — послышались опять голоса.

— Ну уж ступайте! — выпустил его наконец Вельчанинов, продолжая благодушно смеяться.

— Так не приедете-с? — чуть не в отчаянии в последний раз шептал Павел Павлович и даже руки сложил перед ним, как в старину, ладошками.

— Да клянусь же вам, не приеду! Бегите, беда ведь будет!

И он размашисто протянул ему руку, — протянул и вздрогнул: Павел Павлович не взял руки, даже отдернул свою.

Раздался третий звонок.

В одно мгновение произошло что-то странное с обоими; оба точно преобразились. Что-то как бы дрогнуло и вдруг порвалось в Вельчанинове, еще только за минуту так смеявшемся. Он крепко и яростно схватил Павла Павловича за плечо.

— Уж если я, *я* протягиваю вам вот эту руку, — показал он ему ладонь своей левой руки, на которой явственно остался крупный шрам от пореза, — так уж вы-то могли бы взять ее! — прошептал он дрожавшими и побледневшими губами.

Павел Павлович тоже побледнел, и у него тоже губы дрогнули. Какие-то конвульсии вдруг пробежали по лицу его.

— А Лиза-то-с? — пролепетал он быстрым шепотом, — и вдруг запрыгали его губы, щеки и подбородок, и слезы хлынули из глаз. Вельчанинов стоял перед ним как столб.

— Павел Павлович! Павел Павлович! — вопили из вагона, точно там кого резали, — и вдруг раздался свисток.

Павел Павлович очнулся, всплеснул руками и бросился бежать сломя голову; поезд уже тронулся, но он как-то успел уцепиться и вскочил-таки в свой вагон на лету. Вельчанинов остался на станции и только к вечеру отправился в дорогу, дождавшись нового поезда и по прежнему пути. Вправо, к уездной знакомке, он не поехал, — слишком уж был не в духе. И как жалел потом!

НАБРОСКИ И ПЛАНЫ
1867—1870

ОДНА МЫСЛЬ (ПОЭМА)

ТЕМА ПОД НАЗВАНИЕМ «*ИМПЕРАТОР*»

Подполье, мрак, юноша, не умеет говорить, Иван Антонович, почти двадцать лет. Описание *природы* этого человека. Его развитие. Развивается сам собой, фантастические картины и образы, сны, дева (во сне) — выдумал, увидал в окно. Понятия о всех предметах. Ужасная фантазия, мыши, кот,[1] собака.

Молодой офицер, адъютант Коменданта, задумал переворот, чтоб провозгласить его императором.

Он знакомится с ним,[2] подкупает старого инвалида, прислуживающего арестанту, проходит к нему.

Встреча двух человеческих лиц. Изумление его. И радость и страх, дружба.

Он развивает узника, учит его, толкует ему, показывает ему деву.[3] (Дочь Коменданта, через которую[4] всё делается.) Дочь Коменданта соблазнена быть императрицей.

Наконец объявляет ему, что он император, что ему всё возможно. Картины могущества («оттого-то я так и почтителен перед вами; я вам не равен»).

(Узник так его полюбил, что однажды говорит: «Если ты мне не равен, я не хочу быть императором» — т. е. чувство, чтоб не потерять его дружбу.)

Показывает ему мир, с чердака (Нева и проч.).

Наконец бунт, Комендант закалывает Императора шпагой. Тот умирает величаво и грустно.

---

[1] *Далее было начато:* живо⟨тные?⟩
[2] *Далее было:* Встреча
[3] *Далее было:* (свою невесту)
[4] *В рукописи ошибочно:* которого

Показывает божий мир.[1] «Всё твое, только захоти. Пойдем!»

Нельзя; при неудаче — смерть, что такое смерть?..[2] Он убивает кошку, чтоб показать ему; кровь.

На того страшное впечатление. «Я не хочу жить».

«Коли так, если за меня кто умрет, если ты умрешь, она умрет...»

Мирович в энтузиазме показывает ему оборотную сторону медали и толкует, сколько, став императором, он ⟨с. 85⟩ может сделать добра. Тот воспламенен.

Мирович энтузиаст. Передает ему понятие о боге, о Христе.

NB. (Он показывает ему свою невесту, дочь Коменданта, условившись с ней (отца не пробуют соблазнить: суровый старик, служака, и не пойдет на безумный подвиг). Невеста согласна: выходит, чтоб показаться, великолепно, по-бальному одетая, с цветами. Энтузиазм Императора. Невеста поражена впечатлением, которое она произвела. У нее мечты: стать императрицей. Мирович замечает это, ревнует. Император замечает его ненависть и ревность, ненавистные взгляды, не понимает, но чувствует, в чем дело.)

Мирович едет в Петербург, картина Петербурга.

При виде Коменданта Иван Антонович смущается: «Я его видел в детстве!» ⟨с. 86⟩

ИДЕЯ

ЮРОДИВЫЙ (ПРИСЯЖНЫЙ ПОВЕРЕННЫЙ)

Любитель старого платья. Добрый и благороднейший человек. Берет в дом сирот (девочка с собачкой). Благодетель многих. Облагодетельствованные его же обвиняют; он ходит к ним просить прощения и их мирит. Полная квартира детей, кормилиц и нянек. Мирит детей. (Женится. Жена изменяет и бросает. История за детей. Потом опять приходит к нему; заставляет его драться за себя на дуэли. Рыцарские поступки. Умирает жена.) Старое платье. Vielle vétille.[3] Портные, домашние смеются, что у него старое. Он уверяет, что у него совсем новое. Дуэль из-за платья. Не выстрелил и одумался на шаге расстояния. После дуэли примирение. Большой спор, зачем не выстрелил с шагу расстояния? После бутылок: «А неужели, неужели мое сукно не отливает в синий?» (Уже после дуэли. Ему сказали наконец, что отливает.) (Связался с убийцей.[4] Защищал его в суде; речь.)

---

[1] *Далее было начато:* Пой⟨дем⟩

[2] *Текст:* Показывает божий мир. ∾ что такое смерть?.. — *отчеркнут и отмечен знаком NB.*

[3] Ветошь, отрепье *(франц.).*

[4] *Незачеркнутый вариант:* преступником

⟨РОМАН О ПОМЕЩИКЕ⟩

Роман. Помещик. Отца убили. Спорное поле. С помещиком. Куплено с уступкой. Чтение Апокалипсиса. Аягузский священник. Образование детей. Воля. Мировые посредники поспорили. Умер помещик. Крестьяне хоронили. ⟨с. 45⟩

⟨РОМАН О ХРИСТИАНИНЕ⟩

Роман. Христианин. ⟨с. 45⟩

ПЛАН ДЛЯ РАССКАЗА (В «ЗАРЮ»)

Рассказ вроде пушкинского (краткий и без объяснений, психологически откровенный и простодушный).[1]

Умирает богатая Барыня. У ней Воспитанница (в институте). Потом подле Барыни. У Воспитанницы темное семейство, мать пьет, так что при жизни Барыни ей велено чуждаться. Ей обещаны в таком случае 20 000 или в приданое, или по завещанию. Но старуха умирает, не сделав завещания, и 20 000 лопнули. Оказывается законным наследником старший Племянник, о котором и не слыхивала прежде *она* и о котором покойная Барыня относилась как о бесчестившем род. Но ему досталось. В доме остались старые старухи, родственницы-дамы (одна из них держит сторону Племянника, ибо ближе к нему сродни и рада за него. Она приживалка и добродушно заважничала над другими приживалками. Он же ее потом первую и погнал и взял в тиски). Старухи и тетка уговаривают Воспитанницу не возвращаться покамест в семейство, а подождать приезда наследника (может-де, он и спечалуется и *наградит* ее (20 000)). Всего более уговаривает старуха, родственница Племянника, расхваливая его, другие же не расхваливают, а, напротив, качают головами и боятся его прибытия: много уж слишком об нем дурных слухов идет. NB. Странно то, что в этих дурных слухах нет ничего определенного. *Чем именно* дурен? Скупец, мститель, ростовщик, и вдруг слухи совсем противные. В гусарах бывши, имение прокутил и проч. Слух о трусовстве.[2]

Впрочем, Воспитаннице оставаться в дому довольно прилично: она ходит за одной сильно прихворнувшей старой теткой-приживалкой. (NB,NB. Отец у ней *изящный* человек, приживальщик за границей. *Дуров.*)[3]

Но является и он: странный, озирающийся, подозрительный, смотрящий на ночь за шкапами и за постелями (трус), недоверчивый, язвительный. Язвительно и недоверчиво принимает наследство, считает. Огорошил старуху родственницу, сдававшую ему

---

[1] Рассказ ∾ простодушный). *вписано.*
[2] Слух о трусовстве. *вписано.*
[3] *Дуров.) приписано сбоку.*

дом, и взял в *ключницы*[1] другую, бойкую, задорную и ему с виду противуречившую (но льстивую). Родственница[2] оттого стала больна. Задорная насплетничала ему на Воспитанницу и что та ожидает *награды*. «А вот мы посмотрим; теперь еще ⟨с. 65⟩ некогда». Он, впрочем, *ее* видел мельком; она его поразила. Отнесся двусмысленно, подозрительно и с насмешкой. Но оставил объяснение и знакомство (что именно оставил? *не определил*; какое-то как будто решение судьбы Воспитанницы, так что старухи удивляются). Дело — в бесконечности долгов, документов и заемных писем. Покойная Барыня всё прощала (кстати: любила *выдавать* замуж), но сохраняла документы. Наследник решает преследовать, горячо, горько и язвительно обращается с умоляющими кредиторами, посещает их семейства (до́ма бука, неразговорчив, боится, когда кто к нему входит нечаянно, отделал сарказмами доктора,— иногда вдруг очень остроумен. Встреча с калекой (?), девочкой 12 лет швейцара. Враждебность отношений к девочке). Несколько возмутительных сцен недоверия, жадности и жестокосердия к кредиторам. Воспитанница замечает, что[3] в нем как бы оскорблено тщеславие. Однажды только в антрактах послал за ней и попросил спеть (и то по поводу оценки дорогого фортепиано, купленного для Воспитанницы). Несколько колких слов его по поводу покупки и легкий, короткий, остроумно-язвительный и загадочный разговор с Воспитанницей.

Между тем он вдруг идет в дом Воспитанницы и знакомится (или эстетик Дуров, или артиллерийск⟨ий⟩ полковник, или полная гадость с эстетиком). Призывает наконец Воспитанницу вечером. Разговор с его стороны недоверчивый, даже обидный, и о 20 000-х. Но поражен *явно* неподклонностию с ее стороны, нельстивостию, хотя и робостию, мало-помалу вдруг доверяется.

Вообще это *тип*. Главная черта — мизантроп, но с подпольем. Это сущность, но главная черта: потребность довериться, выглядывающая из страшной мизантропии и из-за враждебной оскорбительной недоверчивости. (NB. Он наивен и угловат, резок от какого-то *намеренного распущения*, но, странно, когда надо — чрезвычайно развязен и светский (гусар), так что даже весь переменяется. Но это только минуты.) Эта потребность — судорожна и нетерпелива, так что он с страшною наивностью ⟨с. 66⟩ (горькою, сожаления достойною, даже трогательною наивностью) бросается вдруг на людей и, разумеется, получает щелчки, но, получив щелчок раз, не прощает, ничего не забывает, страдает, обращает в трагедию.

Она его мало-помалу пленяет, доверяет (и вдруг опять отпор, мизантропическая злоба и насмешки), но наконец почти совсем прояснел. Обещает 20 000 (но осторожно, скуп) и говорит: «Будет, будет и на нашей улице праздник».

---

[1] *Слово:* ключницы *— отмечено крестом.*

[2] *В рукописи ошибочно:* Родственницу

[3] *Далее было:* он

Рассказывает ей жизнь свою, бия себя в грудь, отучает ее от доверчивости, рассказывает, как с ним поступили.

Но наконец прояснел; эпизоды: прогулка в одиночку, испугался и заподозрил ребенка (эпизод, ее удививший), боится, чтоб его не отравили.[1]

Она с ним робка, он ее поразил трагичностью своих приемов, но возбудил симпатию, прогулки (сон Обломова, полная доверчивость). Она доверяется, ободряется и говорит ему о должниках,[2] чтоб их защитить.

К удивлению, узнает, что он многим кредиторам простил, многим облагодетельствовал, но «вот как они со мной поступили».

Сцена любви между ними, и вдруг недоверчивость.

Он ее испытывает.

Он даже подслушивает.

Прежние проченные ей женихи. Чиновник солидный (его испытывает), *Молодой человек.*

Молодого человека ревнует. Между ними почти разрыв.

N3. (N3. *Мимоходом.* Тут множество эпизодов с семействами кредиторов и с ее семейством, эстетик, брат.)[3]

(Являются разные лица из его прежней жизни, гости к нему, один Граф, он ревнует *ее.* И наивен в подозрениях и благородно горд — всё вместе.)

Прекрасен, правдив, чист до крайности — и не может высказаться, чтоб быть понятным и любимым, не понимает этого и страдает.

Слишком грубо смотрит на мир, потому что требует от ⟨с. 67⟩ него чрезвычайной чистоты и не прощает ничего.

Христианин, но нетерпим христиански.

«Я всё прощаю, но оставьте меня в покое, я в подполье».

Наконец он ее надорвал, ей тяжело, между ними слезы и проч.

NB. Главное. Он совершенно влюблен, и как бы решено жениться, но ни разу он не был настолько доверчив, чтоб сделать предложение.

На *нее* наговаривают даже ее родные,[4] и он так подл, что слушает, идет исследовать разные фантастичные эпизоды, верит ужасным подлостям и глубоко страдает за свою подлость, когда видит, что вздор.

Но насколько подозрителен, настолько и доверчив.

Кается во грехах. «Грешен, многогрешен». Ей рассказывает. Раз она заговорила о трусости (о пощечине), он заподозрил и замолк — и затем страдание, мрак и холодность.

Затем они как бы сходятся и мирятся.

Является вдруг в Москву, знатный дом — барыня,[5] друг

---

[1] боится, чтоб его не отравили. *вписано.*
[2] *Незачеркнутый вариант:* кредиторах
[3] *Далее было начато:* Рев⟨нует⟩
[4] даже ее родные *вписано.*
[5] *Было начато:* родн⟨я⟩

(но не родня) покойной Барыне (мать крестная Воспитаннице).

Дела у них с ним. Требуют Воспитанницу; та с радостью пошла к ним. ((Варя) с отцом).

Новый для нее мир, балы, светскость.

Он является (прежде у него о высшем обществе часто юмор) в общество во фраке, его страдания.

У него мысль, что она хочет его ревностию заставить высказаться.

Эпизод с пощечиной. Он переносит пощечину (или перенес еще прежде).

Она[1] влюбляется в Графа, или только так. С ней ⟨с. 68⟩ делают у барыни светской подлость ужасную.

Он за нее заступился, получил плюху, стрелялся, но пе стрелял (сам был вызван).

Но девушка ушла в семейство. Его отвергла, не вынесла, хотя бесконечно любит (или он не может простить, а она знает, что он не может простить).

Вообще как-нибудь трагически, но и беспрерывный комизм, веселый, разнообразный и тонкий.

N3. (Можно так: что когда она его оставила и перешла к светской барыне, он к хромой девчонке, чтоб любить,[2] вышла история, ему глубокий щелчок. Вообще ему со всех сторон щелчки.)

(Может быть, застрелился.)

(Можно так, что хромоногая не выдержала в ненависти, ревности (тщеславной и эгоистической), что он всё еще любит ее и хочет возвратить, и бежала от него из дому. Ночью преследование по улицам.[3] Мертвая девочка, из злобы сама себя довела до смерти. Искалеченная от избитости.)

N3

N3. Или милый тип à la O-ff, или убийца серьезный из подполья.

N3

Когда у них были радостные и спознававшиеся[4] минуты, *он ей* рассказывает удивительно веселые и милые истории, где он герой, комизм и двойственность (Марья Степановна). ⟨с. 69⟩

N3) Есть одна Княжна (великосветская кокетка), которая *еще прежде* имела на него права! Теперь, как он получил наследство, она к нему. (Этого-то он боится и ждет.)

Княжна приехала с знатным домом. Она оскорбляет Воспитанницу. *Он* за нее заступается; ему дают пощечину. Дуэль. И, однако, Воспитанницу все-таки изобличают с любовником.

---

[1] *Было начато:* С ней
[2] чтоб любить *вписано*.
[3] по улицам *вписано*.
[4] *Было начато:* сходивш⟨иеся⟩

NB. Или так: *она* им пленилась, и характером и даже состраданием. Молодому человеку отказывает. Того берет под покровительство Княжна. Молодой человек на нее же клевещет.[1] Между тем Княжна заставляет-*таки* его на себе жениться. Он дошел до того, что предлагает Воспитаннице даже деньги. Та не берет и бежит к себе. М⟨олодой⟩ ч⟨еловек⟩, клеветавший на нее,[2] топится. Тот в отчаянии; но один из домашних, брат, уговаривает его повенчаться увозом. Венчаются. Он в восторге, что теперь можно не бояться Княжны.

Как только умерла *Барыня*, к Воспитаннице, ждущей наследства с приживалками, мимоходом и совершенно нечаянно заезжает брат, пьяный гусар. Считает деньги, мало. Она выносит ему последние свои 150 р. Тот вытаращил глаза: «Правда? Правда? Даешь? Ну жди ж теперь, отплачу!»

И отплачивает потом тем, что, во-1-х, у него в секундантах и заставляет его драться,

2) на ее признание: люблю его — сначала говорит ей: есть во что, а потом заставляет его жениться увозом. ⟨с. 70⟩

⟨NB. ПОСЛЕ БИБЛИИ ЗАРЕЗАЛ⟩[3]

NB. После Библии зарезал. (Тип подпольный, не перенесший ревности.) NB. Вдовец, 1-я жена умерла. Нашел и выбрал сиротку, нарочно, чтоб было спокойнее. Сам[4] настоящий подпольный, в жизни щелчки. Озлился. Безмерное тщеславие. Зарезал виновную Жену. Долго приготовлялся и пережевывал, как настоящий подпольный. Пасынок или девочка от 1-й жены сдружились с Женой. Бегство ребенка, преследование по улицам ночью.[5] Жена не может не заметить, что он образован, потом увидала, что не очень; всякая насмешка (а он всё принимает за насмешку) раздражает его, мнителен. Как увидит, что она и не думала смеяться, ужасно рад. В театр и в собрание по разу. Пригласил общество для разнообразия Жены. Вынес муки. Поссорился с гостем, обращавшимся с ним свысока. Любовник, в доме на дворе, из окна в окошко, выследил. Подслушивает свидание. Выносит при Жене пощечину.

NB важное: у Жены вдруг и внезапно являются покровители. Ее отыскивают, крестная мать, важная барыня, берет даже гостить. Он *должен* уступить.

NB. Одно время даже затеялась у него с Женой настоящая любовь. Но он надорвал ее сердце.

---

[1] *Далее было:* Но

[2] клеветавший на нее *вписано.*

[3] *В верхней части страницы запись:* Для «Русского вестника».

[4] Сам *вписано.*

[5] по улицам ночью *вписано.*

⟨ПОИСКИ, ПОВЕСТЬ⟩

1) *Поиски,* повесть. 21/9 ноября 1869 года, 11 часов вечера.

2) Глубоко распадающееся существование. Постепенность обеднения. Человек, дающий беспрерывно клятву отмстить гонителям и, когда счастье улыбается ему, отдающий свое последнее. «Что, дескать, отмщать!» ⟨с. 58⟩

ИЗ ПОВЕСТИ О МОЛОДОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Нашли 3000, снесли. Тот обругал и дал 25 р. По бедности взял. Не мог *отказаться*. В страшной нужде решают с женой[1] отнести назад. Смял бумажку и бросил в харю. ⟨с. 19⟩

СМЕРТЬ ПОЭТА (ИДЕЯ)[2]

Очень вкратце.

⟨1⟩

Углы. Поэт, 26 лет, бедность, заработался, воспаление в крови и нервы, чистый сердцем, не ропщет, умирает, брюхатая Жена и двое детей. Бегает и кормит, любит. Отец — эстетит. (Найденный бумажник.) Попик, Атеист и Доктор-нигилист. Попик — чистый Аввакум en herbe[3] — за православие. Поэт заступился за него против Атеиста — Попик чувствует дружбу. Попик бедный, только что поставленный, и без места, из остзейской земли, по сборам с другим, Мать-попадья. Раскольник раз вступился и связывается с Атеистом о свободе и о свободном человеке (N3. по апостолу Павлу), — ввязывается, когда уже Попик спасовал, и доказывает, что он понимает лучше свободы. Поэт про обоготворение природы, язычник. Исповедь Поэта вслух — вместо предложенной Попиком по просьбе Жены — милая, изящная и восторженная — кончилось питьем шампанского за всё — выпил и Раскольник. За всё, за Христа, за цветок, за Жену. Восторженные слова о Жене. Раскольник Попику: «А ты не пей вина» или «Легкомыслен ты и не тверд, млад еще — да сердцем чист — бог тебя и взыщет». Бред, последние мгновения, «Götter Griechenlands».[4] Смерть, Раскольник хвалит и обнадеживает Жену, хвалит и Попика.

Подсочинить повесть (будет как «Бедные люди», только

---

[1] с женой *вписано.*

[2] *В верхней части страницы запись:* Очень заметить для «Р⟨усского⟩ в⟨естни⟩ка».

[3] в зародыше *(франц.)*.

[4] «Боги Греции» *(нем.)*.

больше энтузиазма) — в углах совершилась кража, или преступление, или что-нибудь, а может, и нет.

Жена может Раскольнику быть родня — и т. д.

Всего 12 листов maximum.[1]

9 сентября н⟨ового⟩ с⟨тиля⟩. ⟨с. 103⟩

⟨2⟩

Возвратившийся из-за границы Господин. 6 лет. (Виноват, что не выдержал и воротился.)

Племянник его завел в углы. С содержателем (№3?) углов и дома у приезжего из-за границы дело.

Нечаев. Кулишов донес на Нечаева. (А может, и сам Хозяин.)

Хозяин поддержал Попика и потом — «ничему не верю».

С Хозяином Жена Поэта в ладах, но не в связи, Хозяин добивается, но любит Племянника приезжего и ждет. *Он* (т. е. Племянник) ревнует к Хозяину, наблюдает за ним и удивлен, когда дядя сообщил ему, что он, кажется, видел ее у Хозяина.

Последняя исповедь вслух надорвавшегося Поэта (застрелился) — трогательный юмор и высокое художество.

Доктор-нигилист.

Пан Пшепярдовский.

И Б-нов.[2]

Полиция входит и берет.

№3. (У Поэта отчасти[3] стыд, что Жена знает о его потворствах к Хозяину, из-за слабости, за деньги. Поэт должен Хозяину.) Дырочкин. ⟨с. 104⟩

⟨3⟩

— Откуда взялась фамилья?
— Это уж вопросы нескромные.
— Генерал-фельдмаршал Дырочк⟨ин⟩.
— Нельзя не сознаться.
— Лучше всего пойти в разбойники.
— Будьте добродетельны.
— Да что добродетельны. Добродетель не скрасит.
— Оно правда, что не скрасит.

Если б спасти Россию взяли бы Дырочк⟨ина⟩.

— Э ну чего; конечно! Тогда бы всякий снимал шляпу — «Это, дескать, Дырочкин».
— Э, нет, чтоб не знали.

Дырочкин.
Никчорыдов.

---

[1] самое большое *(лат.)*.
[2] *Против текста:* Доктор-нигилист. ∾ И Б-нов. — *знак вопроса*
[3] *Над словом:* отчасти — *помета:* Главное

— Предки брали делами, а вы благозвучностью.
— Послушайте, да ведь это всё в старину говорилось.
— А самые люди умные... ⟨с. 59⟩[1]

⟨РОМАН О КНЯЗЕ И РОСТОВЩИКЕ⟩

⟨1⟩

Мысль

Ат⟨еист⟩ женат. Неизвестно зачем женился, но страшно ревнив и мучает Жену. №. Описывается жизнь предварительная, так что и вообразить никто не мог, что он женится, и вдруг он привез Жену и запер. Увидать невозможно.[2]

Семейство сначала Жену возненавидели, но потом калека в нее влюбился (хотят переманить ее).

Жена невинная и молоденькая, как дитя; страшно его боится; «убьет». Ей наговорили, что убьет.[3] Наконец решилась и перебежала к ним сверху.

Они действительно ее не хотят выдать (тем и показывается, что они вовсе у него не в рабстве).

Изнасилование влюбленной в него и живущей на дворе Хромоножки.[4] Образованная, дочь пьяного просящего Поручика.[5] Она его ревновала к Жене и ненавидела Жену его, когда он жил с ней и когда привез Жену.[6] Анонимные письма устроила Хромоножка. Вошла в сношения с Кулишовым. Утверждала, что видела, как он бил отца, при свидетелях. А между тем она действительно видела, только не *его*, а Кулишова и Князя.[7] Кулишов же ее и изнасильничал и убил. Опять к воротам. (А с нею, до ее убийства, у него была ссора.) Кулишов тем вывертывается. (Свидетель убийства старика есть.) Жена тоже показывает, что он часто ходил и тосковал. Кулишов не по фальшивому паспорту, но знает острожников и *старика* Раскольника, доносит.

№. Кулишов знает виды всего семейства, и что все ему должны (стало быть, будут поддакивать), и что Жена тоже расположена донести.

Кулишов с него денег взять хочет. Сцена торга?

Он, видя, что не оправдаешься, — идет. (Сознается?)[8] Даже рад всё бросить. Жена. Есть один татарский Князек, был должен

---

[1] *Текст вписан, очевидно, после заполнения страницы рисунками готического окна и пробами пера:* «Житие великого грешника», «Житие величай⟨шего грешника»⟩, «Повесть», «Житие», «Живоедов» — *и др.*

[2] №. Описывается ∾ невозможно. *вписано.*

[3] Ей ∾ убьет. *вписано на полях.*

[4] *Было:* Горбушки

[5] Образованная ∾ Поручика. *вписано.*

[6] и когда привез Жену *вписано на полях.*

[7] А между тем ∾ Князя. *вписано на полях.*

[8] *Над словом:* (Сознается?) — *еще один знак вопроса.*

убитому Капитану; по его-то наущению и убил.[1] Кулишов. (Но Князь исчез. У *него* векселя на Князе не все.)

? №3. (Смерть Кулишова, через Князя)?

Поручик, просящий благородной милостыни, отец Хромоножки, был друг покойному убитому Капитану, одной роты, вместе пьянствовали, поклялся, что найдет убийц. Фразер. Принимаем семейством. Разносит просительные письма.[2] ⟨с. 7⟩

2)[3] Он думал спастись от отчаяния женитьбой.

Но у него была только ревность и не было страсти.

Рад бы делать преступления.

Так жить нельзя, но куда пойти?

Помешался на самообладании, после мук ревности, и потому не берет Жену, когда та уходит.

Князь ходил к *нему* и в преступлении давно уже признался, чего Кулишов не знает.

А когда Кулишов доказывает, Князь вдруг трусит и не является. Князь в это время получает наследство и хочет жениться.

Мысль о постепенном самосовершенствовании в подвигах святых поражает его (веры нет). Он хочет совершенствоваться. (Берется за подвиг и падает разом.) Самосовершенствование помаленьку. ⟨с. 8⟩

⟨2⟩

Переменить роман мальчика (побочный сын семейства[4]).

Ростовщик — товарищ Князя по университету (переменить и думать об этом романе).

Пересочинить Картузова, Графа выгнали (скандальная дуэль).

Ростовщик и Князь знают один за другим какое-то дело.[5] (Какое именно?)[6]

И Князь и он от него зависят. Он побочный сын.

Князь относится гордо.[7] ⟨с. 1⟩

Попытка идеи

1) Лизав⟨ета⟩ Кузьминич⟨на?⟩ и ⟨*1 нрзб.*⟩
2) Картузов.
3) *Три человека.*[8]

---

[1] *Было:* убит

[2] Поручик ∾ письма. *вписано.*

[3] *Так в рукописи.*

[4] *Было:* в семействе

[5] *Далее было начато:* и оба

[6] *Рядом с этой фразой написано:* «Заря»

[7] *Текст под № ⟨2⟩ написан в верхней части страницы, остальную ее часть занимают цифровые подсчеты.*

[8] *Текст под № 1 зачеркнут; написанное под №№ 2 и 3 осталось невычеркнутым. Текст:* 1) Лизав⟨ета⟩ ∾ Картузов. — *вписан в верхней части страницы.*

Убит не Отец, а Жена (толстая, на которой женился из-за денег).[1]

В углах муж — «я не верю».

У закладчика — отказался от чужой жены.

Князю намекал о сестре его (из яду).

После объяснений с Невестой и после искренней и глубокой мысли идет на ночь к Максиму Иванову — оргия и убийство.

Хочет застрелиться.

Прощание Поэта с жизнию и «не верю» (блестящая глава).

О боге, природе и жизни Ростовщик.

Невеста — пришла навестить подругу, жену умирающего Поэта-труженика.

Ростовщик говорит Невесте: бросить имение и идти искушаться в страдании, ибо я не атеист, а верую.

Она ему: «Если пойдете, и я с вами».

Тогда он, не веря в награду, если пойдет (ибо атеист), решает расстаться с имением иначе, т. е. застрелиться. Суд за Жену спасает его, и он идет на страдание, в Сибирь, с радостию. (NB. Даже знал, что другой виноват, а не он.)

2-й человек. Князь — завистливый, желающий высокого человеческого достоинства даром, гордый без права на то, лицо страдальческое; влюблен в Невесту, которую и отбивает у него Ростовщик. NB. Он сделал брюхо и девушку с брюхом передал Учителю.

Невеста. Усталая, тоскующая и скучающая страдалица, жаждет живой жизни и верит в нее.

3-й человек. Учитель, подкидывание детей, простой, живой и великий подвиг. ⟨с. 2⟩

— Я признаю существование матерьи, но я совершенно не знаю, материальна ли матерья? ⟨с. 3⟩

⟨3⟩

Последняя попытка мысли

2 февраля/21 генваря.[2]

Рос⟨товщик⟩ — сын первой жены Отца, из бедного семейства, воспитан *aparté*[3] (не родственн⟨ик⟩).

Князь сошелся с ним за границей (очень молоденькая Сестра, Мать и Воспитанница).

В Москве у Рос⟨товщика⟩ дом.

Князь является (во-1-х, потому, что сошелся за границей, как товарищ по университету и по некоторым как бы родственным

---

[1] *Перед этой фразой было:* Отец его был ростовщик, а *не он.*

[2] *В верхней части страницы помета:* Badergasse, 19.

[3] на стороне *(франц.).*

связям, во-2-х, поражен наклоном ума Рос⟨товщик⟩а,[1] в-3-х, необъяснимою связью Рос⟨товщик⟩а за границей с Красавицей. «Между ними секрет», — думает он, но, думая, ни за что не может допустить,[2] чтоб между ними могла быть серьезная связь).

Князь делает брюхо Воспитаннице, поручает Рос⟨товщик⟩у, который и помещает её в углах.

(Идея Рос⟨товщик⟩а и секрет: «Нужен упорный труд для самовоспитания. Тогда полюбишь природу и найдешь бога». Но Рос⟨товщик⟩ не любит и покамест ростовщик (но прорывает⟨ся⟩ благодеяниями). Пост — и вдруг у Максима Иванова.)

— Нужен труд ужасный, ибо я[3] страстный ростовщик и сребролюбец.

? ? ?

Красавица исследует и узнает, что он делает добрые дела втайне.

— В $2^1/_2$ часа застрелюсь.

Подбрасывают младенца.

Меж тем Князь и брюхатая Невеста за него.

Выскочил из вагона.

Выпихнул Отца, видел Князь (а может быть, Красавица).

Сам Ростовщик.

С тех пор Красави⟨ца⟩[4] следит за ним, и он знает, что она следит.

Но она думает, что ей померещилось. ⟨с. 5⟩

⟨ЖИТИЕ ВЕЛИКОГО ГРЕШНИКА⟩

⟨1⟩

31-е июля. Флоренция.

Детство.

Дети и отцы, интрига, заговоры детей, поступление в пансион и проч. ⟨с. 131⟩

⟨2⟩

Подпольная идея для «Русского вестника»

14/2 ноября.

Я ⟨?⟩, семейство, с детских лет, Москва, всё ему обязано. Рост. Чермак, первый — последний, обвинение во всем. Молчит и угрюм, кормит семью. Все от него зависят. Молчит. Все тяготятся. Та, которую он полюбил (раз поговорила с ним по душе),

---

[1] *В рукописи:* Рос'а. *Далее в большинстве случаев написание сходное.*
[2] *Было:* постичь
[3] *Далее было начато:* рост⟨овщик⟩
[4] *Было:* Невеста

вышла за его брата. Брат вдруг лишился здоровья. Все на него глядят с трепетом. Он молчит и благодетельствует. Ему, например, дали пощечину. Он не вызвал. В семействе не смеют смеяться. Кончить трагедией. ⟨с. 3⟩

⟨3⟩

Житие великого грешника

20/8 декабря.

Накопление богатства.

Зарождающиеся сильные страсти.

Усиление воли и внутренней силы.

Гордость безмерная и борьба с тщеславием.

Проза жизни и страстная вера, беспрерывно ее побеждающая.

«Чтоб все поклонились, а я прощу».

Чтоб ничего не бояться. Жертвы жизнию.

Действие разврата; ужас и холод от него. Желание всех марать.

Поэзия детских лет.

Обучение и первые идеалы.

Тайно выучивается всему.

Один, ко всему приготовиться.

(Всё приготовляется беспрерывно к чему-то; хотя и не знает к чему — и странно — об этом мало заботится *к чему*, как будто совершенно уверен, что само найдется.)[1]

Или рабство, или владычество.

Верует. И только. Неверие в первый раз странным эпизодом и только в монастыре организуется.[2]

Хроменькая. Катя. Брат Миша. Украденные деньги. Претерпел наказание. Бесстрашие. Нива. «Не режь меня, дяденька». Любовь к Куликову. Иоган. Брутилов. Француз Пуго. Ругает Брутилова. Учится. Водолаз, Albert. Шибо. Причащение. Albert в бога не верит. Старички. Любит втайне многое и держит про себя. Его называют извергом и держит себя извергом. N3. Страстное желание удивлять всех неожиданно наглыми выходками? Но не из самолюбия. Наедине.[3] Старички. Песни. «Thérèse-philosophe». Иоган. Брин, Брутилов, брат, Albert. Друзья, и мучает друга, отталкивает. Друг, смирный, добрый и чистый, перед которым он краснеет. Воспитание себя мучениями и накопление денег. Humboldt.

Ему тотчас объявляют, что он им не брат. Сходится с Куликовым. Докторша. Представляется ему в каком-то сиянии. Страстное желание огадиться, опакоститься в ее глазах, а не понравиться. Случилось воровство. Его винят, он не оправдывается, но дело становится ясным. Сведенный брат украл. ⟨с. 8⟩

---

[1] (Всё приготовляется ∾ само найдется.) *вписано*.
[2] Верует. ∾ организуется. *вписано*.
[3] Но не из самолюбия. Наедине. *вписано*.

Неуважение к окружающим людям, но еще не по рассудку, а *единственно по гадливости к ним*. Сильная и всегдашняя черта.[1] Много гадливости. Ем виноград. Его бьют и секут за гадливость. Он только заключается в себя и ненавидит еще более. Высокомерное презрение к гонителям и скорость приговоров. Необыкновенная скорость приговоров обозначает сильную страстную исключительность. Начинает чувствовать, что не надо скорых приговоров и что для этого нужно усиление воли.[2]

Начало широкости.[3]

Ложь, mon[4] мушвар.

Аркашка и французские разговоры.

Аркашка, Брутилов и он особняком.

Матушкины дети у Сушара и у Чермака (их гадливость от глупости).[5]

№3. У Сушара только Брутилов и его история; всего две главы. Кончено, что побил Сушара. Начало Albert'а.[6]

Пансион. В доме — несправедливое наказание. Экзамен.

В деревне. Самоотвержение. Катя.

В городе и в пансионе удивляет своим зверством. Lambert.[7]

Подвиги — бежать с Катей. Куликов, с ним. Убийство.

Не прощает ничего ложного и фальшивого и бессмысленно, тотчас же пускается бить.

Долго не верил Кате, потом испытывал ее и наконец испугал срамом.

Сила воли — главное себе поставил.

После Куликова идет тотчас же спрашивать о Хроменькой. Тут-то его и поймали.

В деревне Докторша в него влюбляется.

Поймал ее с любовником.

Докторша, Альфонский — характеры. ⟨с. 7⟩

Ничего авторитетного.

Зародыши сильнейших страстей телесных.

Наклонность к безграничному владычеству и вера непоколебимая в свой авторитет. Горы сдвигать. И рад испытывать свою мощь.

Борьба — вторая природа — но спокойная, не бурливая.

Презирает ложь от своей силы. ⟨с. 6⟩

У старичков. С стариком чтение Карамзина. Арабские сказки. О Суворове и проч., о процентах. Оскорбил молодую старуху. «Проси прощения». — «Не хочу». Запирал их. Смерть. Анна

---

[1] Сильная и всегдашняя черта. *вписано на полях.*
[2] Начинает чувствовать ∾ усиление воли. *вписано.*
[3] Начало широкости. *вписано на полях и заключено в рамку.*
[4] мой *(франц.)*.
[5] Матушкины дети ∾ от глупости). *вписано на полях.*
[6] Начало Albert'а. *вписано. Далее было:* В деревне.
[7] *Было:* Куликов

и Василиса бежали. Продали Василису. Последнее причащение. Первая исповедь. Гадливость: есть ли бог. Библия и чтение. ⟨с. 9⟩

1 января 1870.

№3. Совершенно обратный тип, чем измельчившийся[1] до свинства[2] отпрыск того благородного графского дома, которого изобразил Т⟨олстой⟩ в «Детстве» и «Отрочестве». Это просто тип из коренника, бессознательно беспокойный собственною типическою своею силою, совершенно непосредственною и не знающею, на чем основаться. Такие типы из коренника бывают часто или Стеньки Разины, или Данилы Филипповичи, или доходят до всей хлыстовщины и скопчества. Это необычайная, для них[3] самих тяжелая непосредственная сила, требующая и ищущая, на чем устояться и что взять в руководство, требующая до страдания спокою от бурь и не могущая пока не буревать до времени успокоения.[4] Он уставляется наконец на Христе, но вся жизнь — буря и беспорядок. (Масса народа живет непосредственно и складно,[5] коренником, но — чуть покажется в ней движение, т. е. простое жизненное отправление,[6] — всегда выставляет[7] эти типы.) Необъятная сила непосредственная, ищущая спокою, волнующаяся до страдания и с радостию бросающаяся — во время исканий и странствий — в чудовищные уклонения и эксперименты, до тех пор пока не установится на такой сильной идее, которая вполне пропорциональна их непосредственной животной силе, — идее, которая[8] до того сильна, что может[9] наконец организовать эту силу и успокоить ее до елейной тишины. ⟨с. 22⟩

2 янв⟨аря⟩.

Расшиб нарочно зеркало.

Решается молчать и не говорить ни слова.[10]

Св⟨ятая⟩ мать: «К чему вы из себя выказываете жертву?» (идеальное и странное создание).

Отец Аль⟨фонски⟩й. (Речи его сыну и запросы.)[11]

Чувство разруш⟨ения⟩.

Сладострастие (хочет на этом ждать до денег).[12]

---

1 *Было:* прогнивший

2 измельчившийся до свинства *вписано.*

3 них *вписано.*

4 *Вместо:* не могущая ∾ до времени успокоения. — *было:* не могущая не буревать

5 *Незачеркнутый вариант:* тихо

6 *Вместо:* покажется ∾ жизненное отправление — *было:* покажется брожение и движение

7 *Было:* выставляющая

8 *Вместо:* идее, которая — *было:* и которая

9 *Далее было:* успокоить

10 Расшиб ∾ ни слова. *вписано на полях.*

11 (Речи его сыну и запросы.) *вписано*

12 (хочет на этом ждать до денег) *вписано.*

И огромный замысел владычества (непосредств⟨енность⟩ чувств) сказывается в нем так сильно, что он чувствует себя не в состоянии сам подладиться под этих людей.[1]

Сам дивится себе, сам испытывает себя и любит опускаться в бездну.

NB. Бегство с девочкой и разбойник Куликов сейчас по переходе от Сушара к Чермаку. Факт, производящий на него потрясающее действие и несколько сбивший его самого с толку, так что он чувствует естественную необходимость сжаться внутри себя и пообдумать, чтоб на чем-нибудь установиться. (NB. Устанавливается все-таки на деньгах.)

О боге пока *не думает.*[2]

После Куликова он и в семействе и в пансионе *как бы* смирен (чтоб обдумать и найти себя,[3] установиться).

Но нелюдим и необщителен, молчание кончается через полтора года признанием о Куликове,[4] да и не может быть иначе, помня и зная за собой такой ужас и смотря на всех остальных детей, например, как нечто совершенно себе чуждое и от которого [5] он далеко отлетел в сторону, в худую или хорошую. Кровь иногда его мучает. Но и *главное:* не одно это уединяет его от всех, а именно мечты о власти и непомерной высоте над всем.[6]

NB. Сбивают его с этой высоты науки, поэзия и проч., т. е. в том ⟨с. 9⟩ смысле, что это выше и лучше и что надо, стало быть, чтоб и в этом он был выше и лучше. ⟨с. 11⟩

ГЛАВНОЕ. Смысл первой части. Колебание, ненасытимость замысла, только готовит себя, но странно *уверен,* что всё само придет: ⟨де⟩ньги разрешают *все* вопросы,[7] инстинктивное сознание превосходства, власти и силы. Искание точки твердой опоры. Но во всяком случае человек необыкновенный.[8] ⟨с. 9⟩

Картины (коровы, тигры, лошади и проч.).[9]

Или лучше: ни одна мечта о том, чем быть и к чему он призван, не мешала накоплению богатств.[10]

Но сомнение разрешает всегда исход денег и накопление богатств.

Насчет взбесившейся лошади или пожара. [11]

(Продает лакеям.)

---

[1] *На полях рядом с текстом:* И огромный замысел владычества ∾ подладиться под этих людей. — *запись:* Сколько надо знать наук (разговаривает с Ванькой).

[2] О боге пока *не думает. вписано на полях.*

[3] *Слова:* найти себя — *заключены в рамку.*

[4] молчание кончается ∾ о Куликове *вписано на полях.*

[5] *Было:* над которым

[6] *На полях рядом с текстом:* Но и *главное* ∾ над всем. — *записи:* (Увлекается чем-нибудь ужасно, «Гамлетом» н⟨а⟩прим.); «Жители луны».

[7] только готовит себя ∾ *все* вопросы *вписано на полях.*

[8] *ГЛАВНОЕ.* ∾ человек необыкновенный. *вписано.*

[9] Картины ∾ и проч.). *вписано на полях.*

[10] Или лучше ∾ богатств. *вписано.*

[11] Насчет ∾ или пожара. *вписано на полях,*

Отец высек его — разрыв: «Я вас не считаю своим отцом».[1]

Продает лакеям — за это в общем презрении, но находит бумажник — уважение, которое и приобретается окончательно экзаменом, — он было поддается.

Но после этого история со срамом Кати и потом адский разгул с Albert'ом, злодейство и кощунство и донос о себе в убийстве с Куликовым — *прямо в бездну*. Монастырь.

Хотя деньги и страшно его устанавливают на известной *твердой* точке и решают *все* вопросы, но иногда *точка* колеблется[2] (поэзия и много другого), и он не может найти выхода. Это-то состояние *колебания* и составляет роман.

Усиление воли, раны и сожигания — гордость его питают. Ко всему быть готовым хочет.

Деньги положил наживать честным путем. Колебание над бумажником.

№3. Так как многое его иногда *трогает* сердечно, то он в страшном припадке злости и гордости бросается в разгул. (ЭТО ГЛАВНОЕ.)

Отчужденности помогало и то, что и все на него смотрели как на эксцентрика с насмешками или со страхом.

Пробитая голова (pantalons en haut),[3] болен. Потом Чермак оставил его. (Манго.)

№3. Достиг, например, процессом мысли, что потому не надо *нечестно,* что, действуя и *честно,* он еще *даже лучше* наживет деньги, потому что богатым все льготы на всякое зло и без того даны.

Albert и он срывают звезду с венца и бегут удачно (подбил *он*), но когда Albert стал кощунствовать, он стал его бить. А потом сам провозгласил себя перед судом атеистом.

Мысль: что можно еще выше достигнуть власти, льстя, как фон Брин.

«Но нет, — думает он, — хочу достигнуть того же не льстя».[4] ⟨с. 11⟩

«Я сам бог» — и заставляет Катю себе поклоняться.

Бог знает что с ней делает. «Тогда полюблю, когда всё сделаешь».[5]

В отклонениях фантазии мечты бесконечные, до ниспровержения бога и постановления себя на место его (Кулишов сильно влиял).

Задача, memento.[6]

1-й акт. Первое де⟨т⟩ство. Старик и старуха.

2-й) Семейство, Сушар,[7] бегство и Куликов.

3) Чермак — экзамен.

---

[1] Отец ∾ своим отцом». *вписано.*

[2] *Далее было:* и он

[3] засученные брюки (*франц.*).

[4] *Далее было начато:* Я сам

[5] Бог знает ∾ всё сделаешь». *вписано.*

[6] помни (*лат.*).

[7] Сушар *вписано.*

4) Деревня и Катя, разгул с Albert'ом.[1]

20 — дет⟨ство⟩,

20 — монаст⟨ырь⟩,

40 — до ссылки,

20 — ссылка и сатана,

40 — подвиги.

Гадливость к людям с самого первого детского сознания (из страстности гордой и владычествующей натуры). Из презрения же: «Возьму нахрапом, не стану унижаться до бринской лести и ловкости».

И это тоже от гадливости к людям и от презрения к ним с самых детских лет.

«О, если б я взял на себя роль такого льстеца, как Брин, — чего бы я не достиг!»

И начинает иногда рассуждать: «Не сделаться ли льстецом (об этом с Хроменькой советуется). Это тоже сила духа — *выдержать себя льстецом*. Но нет, не хочу, гадко — к тому же у меня будет оружие — деньги,[2] так что они волей-неволей и хочешь не хочешь подойдут все ко мне и преклонятся».

С Куликовым силу духа выказывает. Тот его не режет, а отпускает, а беглого солдата,[3] разбойника, зарезали вместе.[4]

Если б кто подслушал его мечты, то он бы, кажется, умер; но Хромоножке во всем открывается.

Что ни прочтет, то передает своеобразно Хроменькой.

«Пощечина есть величайшая обида». Кровью.

Первая организовавшаяся мечта и значение денег.

Хроменькая хранит тайну из всего, что *он* говорит ей, и странно — это делает она сама собою, без его приказания, деликатно[5] поняв, так что он в большей части случаев и не напоминает ей о необходимости хранить тайну.

Хроменькая не соглашается быть атеисткой. Он ее за это не бьет. ⟨с. 12⟩

Один, но подробный психологический анализ, как действуют на ребенка произведения писателей, н⟨а⟩п⟨ример⟩ «Герой нашего времени».

---

[1] *На полях вдоль текста: Задача, memento.* ∾ разгул с Albert'ом. — *запись:* Найти общий пропорционал.

[2] деньги *вписано.*

[3] *Было:* Орлова

[4] *На полях рядом с текстом:* С Куликовым ∾ зарезали вместе, — *запись:*

13
2
[27]
12
3
5
———
35 лет назад — родился в 1835 году.

[5] *Далее было начато:* поняв, что

Негодование ребенка на приезжающих гостей, на те откровенности и дерзости, которые они себе позволяют (Увар). «Как они смеют?» — думает ребенок.

Падение стариков.

Театр. «Сядь ко мне на колени».

Секут за гадливость.

Когда переходит с Хроменькой к Ал⟨ьфонски⟩м, говорит ей, чтоб об Гоголе и из нашего, о путешествиях, ничего.

Он ужасно много читал (Вальтер Скотт и проч.)

У Альфонск⟨ого⟩ — не братья. Ему дают знать.

Представляется грубым, неразвитым и дураком.

С лакеями.

А⟨льфонска⟩я возбуждает мысль, чтоб не вместе с детьми.[1]

У Сушара. Альф⟨онски⟩й сечет его. Оказывается, напрасно. А⟨льфонска⟩я выдумала, бегство. С Куликовым. Поймали.

Гость: позвать его. Экзаменует его. Мысли откровенные. Гость удивляется.

Дом горит или что-нибудь — болезнь.[2]

А⟨льфонски⟩й говорит речи.

У Чермака. Развитие, чтение, экзамен.

После экзамена Альфонск⟨ий⟩ влюбляет. Альфонский допрашивает. За Хроменькую. С Катей. Нива. Семейные сцены.

Альфонский, его друг, пощечина.[3]

В Москве, Lambert.

О классическом образовании у Чермака. (Гер Тайдер.) ⟨с. 13⟩

24/12 января.

Не от себя ли рассказ? ⟨с. 23⟩

27 января.

Его поражает, что все эти люди (большие) совершенно верят в свою чепуху и гораздо глупее и ничтожнее, чем кажутся снаружи (один из *ученых* гостей падает, запивается и с цыганками в Марьиной роще).

Полоса неверия в бога. *NB*. Непременно о том, как действовало на него Евангелие. Согласен с Евангелием.

Главное покамест свое *я* и свои интересы. Философические же вопросы занимают его, насколько его касаются. ⟨с. 13⟩

ПЕРВЫЕ СТРАНИЦЫ: 1) тон, 2) втиснуть мысли художественно и сжато.

NB. *Тон* (рассказ-*житие* — т. е. хоть и от автора, но сжато, не скупясь на изъяснения, но и представляя сценами. Тут надо гармонию). Сухость рассказа, иногда до «Жиль Блаза». На эффектных и сценических местах — как бы вовсе этим нечего дорожить.

---

[1] А⟨льфонска⟩я ∾ с детьми. *вписано.*

[2] Дом горит ∾ болезнь. *вписано.*

[3] Альфонский ∾ пощечина. *вписано.*

Но и владычествующая идея жития чтоб видна была — т. е. хотя и не объяснять словами всю владычествующую идею и всегда оставлять ее в загадке, но чтоб читатель всегда видел, что идея эта благочестива, что житие — вещь до того важная, что стоило начинать даже с ребяческих лет. Тоже — подбором того, об чем пойдет рассказ, всех фактов как бы беспрерывно выставляется что-то[1] и беспрерывно постановляется на вид и на пьедестал будущий человек.

Чтоб в каждой строчке было слышно: я знаю, что́ я пишу, и не напрасно пишу.[2]

1) Поймали мышь.

Хроменькая.

Старики.

Няня, мытье, орден на шее — и на покой.

Анна и Василиса бежали.

Последнее причащение (итальянец из кармана деньги) — первая мысль.

Учитель (пьяный).

Первая исповедь: что у него там в ящичках и в чаше. Есть ли бог?

Черта обратить.[3]

Битье Хроменькой.[4]

Мертвый у забора. Кильян.[5]

Василису продали.

Проценты и разговоры с гостем.

Чтения. О Суворове. Арабские сказки. Мечты. Умнов и Гоголь (Хроменькая смеется).

Старик и старуха всё больше и больше слабеют. Запирал их. Напился пьян. Украли вместе с мальчиком.[6] Избил его. *Драться с старшими мальчиками.* Хроменькую бьет, чтоб дралась с мальчиками. Та и выскочила бы, но ее отколотили, и она плакала.[7] Полный разврат.[8]

Мечты о силе воли. Умнов (подглядывает голых, посягает на Хроменькую).

№3) Когда старики умерли — ему 11 лет, а Хроменькой десять.

Альфонский. Старик и старуха. Смерть. Он к Хроменькой речь, как держать себя.

---

[1] *Слово заключено в рамку.*

[2] Чтоб в каждой строчке ∾ не напрасно пишу. *вписано.*

[3] *Текст:* Няня ∾ Черта обратить. — *объединен фигурной скобкой, против которой написано:* Когда я буду большой

[4] Битье Хроменькой. *вписано.*

[5] Кильян. *вписано.*

[6] вместе с мальчиком. *вписано.*

[7] Хроменькую бьет ∾ и она плакала. *вписано.*

[8] *Далее было начато:* Дразнили барыню, их

Прежде того: дразнили барыню — напали, их затащили в дом высечь.

Жаловаться. Струсил. (Струсил сам, а мальчика избил.)[1]

Первое столкновение, бросился бить господина с орденом.

«Я никогда не струшу».

«Я выучусь не трусить».

Порезал себя для пробы.

Преподавание от мальчика ⟨---⟩. («Thérèse-philosophe» — избил его за это, а книжку удержал у себя.)

Начал собирать деньги.

Копить (сообщает Хроменькой).

Хроменькую взяли в дом А⟨льфонс⟩ких раньше. Тот, как пришел, сейчас ее допрашивает. (Наставление ей: об Гоголе не рассказывай и ничего из *нашего*.)

1-я часть. Мальчик дикий, но ужасно много о себе думающий.

Главное нотабене: деньги он стал собирать с идеей неясной, но идея эта всё утверждалась и доказывалась ему дальнейшим ходом дела. Главнейший же толчок был — переселенье к Альфонскому. ⟨с. 16⟩[2]

Об чем он говорит с Хроменькой? Обо всех своих мечтах. «Когда я буду большой». «*Я женюсь не на тебе*».[3] Так что не надо говорить: он мечтал о том-то, но он шел к Хроменькой и говорил ей то-то.

Об том, чем он будет, и о деньгах. *Бил ее за то, что не нарастали деньги.*

О чтениях Карамзина, сказок и прочее ей говорил.[4] По-французски и по-немецки учили молодая, старушка и проч. Ходили учиться к другим детям (там над ним смеялись).

Что Хроменькая не воспламенялась Карамзиным — он ее бил.

Всю Библию знал — ей говорил.

Всемирная история — из географии плохо.

(Мечты о путешествиях, Кук с Хроменькой.)

Читали романы.

(NB. Он сильно развит и много кой-чего знает. Гоголя знает и Пушкина.)

Встречается Умнов и доказывает ему, что больше его знает. Воротясь домой, он говорит Хроменькой, что Умнов дурак и ничего не знает, и прибил Хроменькую, а затем увивается за Умновым.[5]

Никогда не нежничает с Хроменькой до самого того времени, как нес ее на руках.

---

[1] Жаловаться. ∾ избил.) *вписано.*

[2] *С. 16 помещаем ранее с. 15 на основании нумерации Достоевского (с. 16 — «I», с. 15—«II»). Главное* нотабене∾к Альфонскому. *вписано. Вдоль полей запись:* Всё это втискать в 4 листа (maximum).

[3] «Когда я буду большой» ∾ *не на тебе». вписано.*

[4] ей говорил. *вписано.*

[5] Встречается Умнов ∾ за Умновым. *вписано.*

Хроменькая: а я расскажу, как ты говорил, что будешь королем (или что-нибудь смешное) — режет ее за это.[1]

«Сделайте это — обрежьте, я не желаю, чтоб вы учились с моими детьми».

Когда старички очень напивались и валялись, то Хроменькая над ними плакала. Он сначала ее бил, но потом перестал.

Зарезали гуся.

Библия. Иаков поклонился три раза. Сливает с Библией. Хроменькая смеется.

Привычка ее бить; не хотел поцеловать ее.

(NB. Хроменькая не замерзла. Ее нашли. Но она исчезла из дома Альфонских.)

Беспрерывная мысль его, как стал себя помнить: чем я буду и как это всё сделаю.

Потом сомнение: одна ли власть всего стоит и нельзя ли быть рабом всех сильнее.

Стал упражнять силу воли.

Укусили страсти.[2]

Lambert и *он* — полная картина разврата. Но Lambert упивается им и не находит ничего выше. Национальное легкомыслие.

А *он* входит в разврат хотя и с неотразимым желанием, но и со страхом. Пустота, грязь и нелепость разврата поражают его. Он бросает всё и после ужасных преступлений с горечью предает себя сам. ⟨с. 15⟩

Лакей Осип — сначала взят в дом, тешит их рассказами, веселым характером. Засек А⟨льфонски⟩й брата Осипова, потом взял Осипа и свез в рекрутское присутствие. Тотчас же Осип бежал (он же и Кулишов). Убили Орлова. Расстаются. Кулишов (Осип) отпустил его.

Через $1^1/_2$ года мачеха плачет об измене А⟨льфонско⟩го. Открыто держит любовницу. Осипова сестра. (Тут-то и засек брата Осипова.) А⟨льфонско⟩го убивают крестьяне. (?)

КАНВА РОМАНА. У великосветской жены А⟨льфонско⟩го (мачехи героя), еще когда она изнывала, засидевшись в девках, был жених (офицер или кто-то (учитель)). Но она вышла за Аль⟨фонс⟩кого. Недовольная и оскорбленная А⟨льфонски⟩м[3] (била его[4] любовницу по лицу), она завязала сношения с подвернувшимся прежним любовником. Мальчик видел, как она целовалась с ним. «Можете донести отцу» — и потом просила его не говорить. Мальчик смолчал; но А⟨льфонски⟩й знает, что сын знает, что у него рога и что у мачехи любовник. В деревне поднял шум за Хроменькую. Натешился над Катей. Мать за Катю вышла из себя. В городе с Lambert'ом — и т. д.

---

[1] Хроменькая ∾ за это. *написано в верхней части страницы.*
[2] Укусили страсти. *вписано.*
[3] *Далее было:* она
[4] *В рукописи описка:* свою

Тут NB, NB. (А⟨льфонско⟩го,[1] задурившего в деревне, *могли* убить крестьяне, чему мальчик мог быть свидетелем, и — [2]

(Можно еще подсочинить о мачехе с любовником и в какой мере и степени мальчик *ввязан* в этот роман.)

У А⟨льфонско⟩го есть благодетель — и именно первый враг, потому что благодетель. Все благодеяния его унижают его гордость. Тот же не может жить без роли благодетеля, но за вершок благодеяния требует на три сажени благодарности. Оба унижают себя, унижают друг друга и ненавидят друг друга до болезни. ⟨с. 18⟩[3]

Необычайная гордость мальчика делает то, что он не может ни жалеть, ни презирать этих людей. Он на них и негодовать очень не может. Не может ни отцу, ни матери симпатизировать. На экзамене он нечаянно отличился, — он хотел показаться идиотом. Он глубоко презирает себя за то, что не утерпел и отличился.

Опасная и чрезвычайная мысль, что он[4] будущий человек необыкновенный, охватила им еще с детства. Он беспрерывно думает об этом. Ум, хитрость, образование — всё это он хочет приобресть как будущие средства к необыкновенности. Опять-таки деньги кажутся ему во всяком случае не лишними, везде пригодною силою, и он останавливается на них.

Науки кажутся ужасно трудны.[5]

То опять, кажется ему, что если он и не будет необыкновенным, а самый обыкновенный, то деньги дадут ему всё — т. е. власть и право презрения.

И наконец, он кается и мучается совестью в том, что ему так *низко* хочется быть необыкновенным. Впрочем, он сам не знает, чем он будет.[6]

Чистый идеал свободного человека мелькает перед ним иногда; всё это в пансионе.

Подружился с Осипом, о хлыстах, вместе чуть не спят.

Умнов; знает наизусть Гоголя. ⟨с. 17⟩

⟨4⟩

Монастырь. «Дай бог доброй ночи нам и всем диким зверям».

(NB. Хорошенько прочесть описания зверей: Гумбольдта, Бюффона, русских.)

Науки — богослужение.

---

[1] *Далее было:* могли

[2] *Фраза не закончена.*

[3] *С. 18 помещаем ранее с. 17 на основании нумерации Достоевского (с. 18 — «1», с. 17 — «2»).*

[4] *Далее было начато:* чело⟨век⟩

[5] Науки кажутся ужасно трудны. *вписано.*

[6] Впрочем ∾ он будет. *вписано.*

3/15 Мая, Главная мысль.

После Монастыря и Тихона великій грѣшникъ съ тѣмъ и выходитъ вновь на свѣтъ чтобъ быть величайшимъ изъ людей. Онъ увѣренъ, что онъ будетъ величайшимъ изъ людей. Онъ такъ и ведетъ себя: онъ гордѣйшій изъ гордецовъ и съ величайшею надменностію относится къ людямъ. При этомъ неопредѣленность формы будущаго величія, что совершенно совпадаетъ съ молодостію. Но онъ (и это главное) черезъ Тихона овладѣлъ мыслью (убѣжденіемъ): что чтобъ побѣдить весь міръ надо побѣдить только себя. Побѣди себя и побѣдишь міръ. Карьера не избрана, но и некогда: онъ глубоко начинаетъ слѣдить за собою. Но рядомъ съ тѣмъ и противорѣчія. 1) Золото (накопленіе) (семейство на рукахъ) накопленіе внушилъ ростовщикъ, цвѣтокъ учитель [illegible] 2) Образованіе (Контъ, Атеизмъ, товарищи). Образованіе — лучшего и идеи и фразы, но онъ овладѣваетъ тѣмъ въ чемъ своевольство. Вдругъ юношество и развратъ. Подвиги и страшныя злодѣйства. Самоотверженіе. Безумная гордость. Но отъ гордости идетъ

«Житие великого грешника». Страница чернового автографа. 1869—1870 гг.
Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

О медведе.

О первой любви и как он в монахи пошел (целомудрие).

О том, что такое сатана?

Аникита идет к Чаадаеву усовещевать. Зовет Тихона, тот идет, спорит и потом прощения просит.

О букашках и о вселенской радости *живой жизни:* вдохновенные рассказы Тихона.

Дружба с мальчиком, который позволяет себе мучить Тихона выходками. (Бес в нем.)

Узнал о «Thérèse-philosophe» Тихон.

Благословляет на падение и на восстание.

Ясные рассказы Тихона о жизни и земной радости. О семье, отце, матери, братьях. Чрезвычайно наивные, а потому трогательные рассказы Тихона о своих прегрешениях против домашних, относительно гордости, тщеславия, насмешек. («Так бы всё переделал это теперь», — говорит Тихон.) NB. Уж одно то трогательно, что он с мальчиком связался.

Рассказ Тихона о своей первой любви, о детях. Монахом жить ниже, надо иметь детей, и выше, когда призвание имеешь. «Thérèse-philosophe» смутила Тихона. «А я думал, что уже закалился». Пошел в послушание к мальчику; слушается его.

NB. (Высоко, сильно и трогательно.)

Тихон говорит одной барыне, что она и России изменница и детям злодейка. Как они детских образов еще с детства лишаются. Их изучения, хоть и точные (Лев Толстой, Тургенев), как бы чуждую жизнь открывают. Один Пушкин настоящий русский.

Про Тихона у мальчика иногда низкие мысли: он так смешон, он так ничего не знает, он так слаб и беспомощен, ко мне лезет за советами, но под конец он догадывается, что Тихон коренником крепок, как ребенок чист, мысли дурной иметь не может, смущаться не может и потому все поступки его ясные и прекрасные. ⟨с. 70⟩

Тихон. О смирении (как могуче смирение). Всё о смирении и о свободной воле.

О прощении непростимого преступника (что это мучение всего мучит сильнее). ⟨с. 71⟩

⟨5⟩

3/15 мая.

Главная мысль

После монастыря и Тихона Великий грешник с тем и выходит вновь на свет, чтоб быть *величайшим из людей.* Он уверен, что он будет величайшим из людей. Он так и ведет себя: он гордейший из всех гордецов и с величайшею надменностию относится к людям. При этом неопределенность формы будущего величия, что совер-

іменно совпадает с молодостью. Но он (и это главное) *через Тихона* овладел мыслью (убеждением): что, чтоб победить весь мир, надо победить только себя. Победи себя и победишь мир. Карьера не избрана, но и некогда: он глубоко начинает глядеть за собою. Но рядом с тем и противоречия: 1) золото (накопление) (семейство на руках), накопление внушил Ростовщик, человек ужасный, антитез Тихону;[1] 2) образование (Конт. Атеизм. Товарищи). Образование мучит его, и идеи, и философия, но он овладевает тем, в чем главное дело. Вдруг юношество и разврат. Подвиг и страшные злодейства. Самоотвержение. Безумная гордость.[2] От гордости идет ⟨с. 19⟩ в схимники и в странники. Путешествие по России. (Роман, любовь, жажда смирения) и проч., и т. д., и т. д.

Падание и восставание.

№3. (Канва богатая.)[3]

Человек необычайный — но что же он сделал и совершил.

Черты. От гордости и от безмерной надменности к людям он становится до всех кроток и милостив — именно потому, что уже безмерно выше всех.

№3) Застрелиться хотел (подкинули младенца).

Кончает воспитательным домом у себя и Гасом становится. Всё яснеет.

Умирает, признаваясь в преступлении. ⟨с. 20⟩

---

[1] антитез Тихону *вписано.*
[2] *Далее было начато:* Ид⟨ет⟩
[3] №3. (Канва богатая.) *вписано.*

РУКОПИСНЫЕ РЕДАКЦИИ

ИДИОТ

(Том VIII, стр. 5)

Подготовительные материалы ($ПМ_1$)

14 сентября 67. Женева.
14 сентября.
22 октября.[1]

Разорившееся помещичье семейство (порядочной фамилии) очутилось в Петербурге. Несмотря на бедность — форс. Главный форс у Матери — особа достойная уважения и благородная, но взбалмошная. Семейство состоит из Сына (молодой человек, балованный Матерью, обожаемый, красавец, но умевший понять свое положение). Ищет места, благороден, из самых буржуазных натур, но имеющий претензию на самобытность и даже поэзию. Есть манера. Свысока — насмешливость. Нежного сложения. *Влюблен* в одну молодую особу, дальнюю родственницу, и жених ее.[2] Та в семейство ходит. Резка и насмешлива. Сестра (М⟨аша⟩) сыскала сама себе жениха, дает уроки на фортепиано, что Жених сносит. Глупа, жестока и буржуазна. Мать взяла в руки. Жених — офицер, дающий ⟨с. 26⟩[3] под залог деньги. Пишет письма, уединил себя от семейства (груши и виноград). («Сварите мне кофе».) Наконец, Отец семейства, бросил его, путешествует за границей, где, однако ж, его притиснули за долги. Возвращается в семейство с последними отчаянными и ужасно глупыми расчетами достать денег, сначала форс, потом быстро падает. N3. У этих людей, покамест деньги, то если не *умны,* то по крайней мере они предста-

---

[1] *Две последние даты написаны позднее другими чернилами.*
[2] *На полях рядом с текстом: Влюблен* ∾ ее. — *заметка:* Совсем не влюблен. Перед свадьбою говорит, что не знает, как отвязаться.
[3] *Здесь и далее в ломаных скобках указаны страницы тетради Достоевского: ЦГАЛИ, ф. 212.1.5.*

вительны, в числе человеков. Без денег же быстро падают.[1] В семейство ходит двоюродная сестра Жениха (Героиня), хороша чрезвычайно, высокомерна. (Семейство Жениха, Мать — в дружбе с матерью другого семейства. 2 старухи, одна тип помещицы, другая петербургской чиновницы.[2] Старик отец — потаскун, в дружбе с тем старичком, товарищи по школе. 2 старичка, вместе таскаются.[3] Сестра Жениха — старая девушка, двоюродная сестра и проч.). В главном семействе еще приемыш — падчерица сестры Матери семейства — озлобленная Миньона[4] и Клеопатра. И, наконец, *Идиот*. Прослыл идиотом от Матери, ненавидящей его. Кормит семейство, а считается, что ничего не делает. У него падучая и нервные припадки. Курса не докончил. Живет в семействе. Влюблен в двоюродную сестру Жениха — тайно. ⟨с. 27⟩ Та ненавидит и презирает его хуже, чем идиота и лакея. (*Целует ее на улице, провожая.*) (Она, видя, что он влюблен в нее, шалит с ним от нечего делать, доводит его до бешенства. *24 года ей.*[5] *В один из этих разов* он насилует Миньону. *Зажигает дом.* Сжег палец по ее приказу.) Страсти у *Идиота* сильные, потребность любви жгучая, гордость непомерная, из гордости хочет совладать с собой и победить себя. В унижениях находит наслаждение. Кто не знает его — смеется над ним, кто знает — начинает бояться.

Мать ненавидит его и всё на него жалуется. Жених и Сестра обидели Мать. Любимый сын, его невеста и проч. сговариваются на семейном совете, чтоб положить в отношениях какое-нибудь приличие.[6] Двоюродн⟨ая⟩ сестра и мать Жениха держат их же сторону. (Миньону страшно притесняют, держат хуже служанки — это подлая черта в Матери.) Миньона влюблена в Красавца ⟨с. 28⟩, брата, и ненавидит его невесту.[7] (NB. Когда тот ее изнасиловал — она не сказала ни слова, ни упрека, а когда Отец семейства начал было — то приколотила.) На семейном совете (где много, и *еще прежде,* говорилось *о Дяде*) только было что-то решили, как Идиот приколол ярлычки. Громадная история. Жених пишет письма, требует, чтоб Идиота выгнали, иначе не станет давать содержания: дает 15 руб. в месяц. А Идиоту только что перед тем Жених нашел место в канцелярии; тот походил три дня, поругался и вышел. (Описание, как поругался, как долго сидел, переписывал — *почерк хорош* — соблазнился, что все трепещут директора, и вот бы плюнуть-то ему в харю.) В семействе говорят: с ним это случается — то смирен и послушен, то вдруг взбунтуется. NB. Всё

---

[1] NB. У этих людей ∾ падают. *вписано на полях.*

[2] 2 старухи ∾ чиновницы. *вписано на полях.*

[3] в дружбе ∾ таскаются. *вписано под строкой.*

[4] *От слов:* озлобленная Миньона — *проведена черта и на полях написано: Ольга Умецкая.*

[5] *24 года ей. — заметка на полях.*

[6] *На полях против текста:* Жених и Сестра ∾ приличие. — *заметка:* NB. Этим *начинается роман.*

[7] *Над словами:* и ненавидит его невесту. — *помета: всё из зависти.*

идиотство его есть, в сущности, выдумка Мамаши (характер Мамаши), так что, когда, по вопросам Дяди, стали давать себе отчет: да идиот ли он? — то, к удивлению своему, понять не могли, откуда это взялось и как так установилось. Старший брат, наприм. (Красавец), совершенно того же мнения, что идиот: «Да, он такой странный».[1] NB, NB. (Миньона ужасно забита, ужасно робка и страшно как ехидна про себя, дерзка и мстительна: ненавидит невесту Красавца.) История Миньоны всё равно, что история Ольги Умецкой. ⟨с. 29⟩ Отца семейства еще совсем не ожидают из-за границы. Но в Петербурге наконец-то добились сведений (от прежних поверенных, соседей и деловых людей), что имение их всё потеряно и промотано и что Отец семейства не только всё промотал за границей, но еще многие чрезвычайные долги его поданы наконец за границей из России ко взысканию (на вопрос Красавца: «Неужели и за границей можно?» — Дядя отвечает: «Еще бы»).

Решаются наконец обратиться к Дяде.[2] Приглашают его[3] приказчика (прежний крепостной человек семейства; теперь зажиточный конторщик; встреча Матери семейства с прежним крепостным человеком; Мать сначала не сажала, и он пил чай стоя; но пришел Красавец и ужаснулся, посадил). Разговор и сведения об Идиоте и об Миньоне. Наконец Дядя дает знать, что будет, и назначает вечер. Общее смятение. Чай. С Миньоной даже припадок. Жениху с гордостию дают знать ⟨с. 30⟩, что будет Дядя, и что вот, дескать, у них у самих поддержка и покровительство, и что с Идиотом решат окончательно.[4] Жених холодно отвечает, что у него с этим Дядей даже дела и что они приятели (что, впрочем, вздор).

Дядя — лицо капитальное всего романа. Ипохондрик, самопогребенное тщеславие, гордость. Всех подозревает. Образован. С великодушными даже началами, но всё извращено и испорчено. Много наболевших ран. Уединившийся ростовщик, но ростовщик с поэзией. В детстве гадко воспитан и развит. Нелюбимое дитя. Пожертвован брату первенцу. Мать семейства была сначала его невестой; но выдана была за старшего. Очутился на петербургских улицах, наживал поденной работой и по копейке. Мильона $1^1/_2$, наверно. Никому не дает. (Граф и он.) Рассеян и невнимателен; чудак; посягал на самоубийство. Иногда сплин. Некого любить. Боится быть с людьми, чтоб не переродиться и не привязаться ⟨с. 31⟩ к кому любовью.

Сущность свидания прошла в том, что Дядя согласился давать крошечную помесячную помощь (25 р.). Жених, наприм., фанфаронивший знакомством с ним, наскоро раскланялся и потом сконфузился и не вышел. Оба, с Машей, стояли у двери и подслушивали

---

[1] NB. Всё идиотство ∾ странный». *вписано на полях.*

[2] *На полях написано:* Первые сведения об *Сыне Дяди.* Жена Дяди давным-давно померла. Жили *«в раздоре».*

[3] *Далее было:* вроде

[4] и что с Идиотом решат окончательно. *вписано.*

(Рябцев душит). (Очень комично, но они совершенно сошлись.) Дядя, собираясь на этот час (ровно час) свидания, был в большом волнении, хотя с виду лед и камень и высокомерно рассеян: он боялся, что увидит прежнюю любовь свою. Но впечатление очутилось комическое, и он вышел угрюмый, досадный и свысока презирая себя. Мать семейства разливалась — ораторствовала. Об Отце семейства (брате) он, оказалось, очень мало знал. Многие подробности семейства первый раз в жизни узнал: до того уединился от семейства. Обратил внимание на Миньону; ему рассказали ее биографию, *при ней*: дочь помещика ⟨с. 32⟩, не кормили, хотела повеситься, с веревки сняли. Пришла Красавица (Героиня). Он обратил внимание на Идиота. Впрочем, ему и без того об нем рассказать поспешили. Рассеянно слушал. (Почерк. Конторщик говорил.) «А вот я его; у меня плетка; почему ж он идиот?» И никто не знает. Невеста Красавца. Все издеваются над Идиотом. Уходит.

Миньона влюблена в Красавца и ненавидит его невесту. Она ненавидит и Героиню, потому что Героиня льнет к Красавцу, но так как та ужасно хороша, то Миньона, оставшись наедине, целует ей руки и ноги (и тем сильнее ненависть). (Она даже нарочно ноги целует, чтоб за это ненавидеть еще сильнее. «За это я еще сильнее ненавидеть буду».) Завистница и гордячка. Зарежьте ее, а прощения не попросит, а трепещет, как трусиха (нервна). Удавится, а есть не попросит, коли не дают. Наивна в желаниях своих: всем отмстит, захлебнется в золоте. С ⟨с. 35⟩ Идиотом они сошлись. Дружба страшная, до рабства, но наравне.Миньона перед ним благоговеет. (Когда Красавец, уже жених, хотел под хмельком ее раз *попробовать,* то Миньона чуть не убила его. Приняла за насмешку. Бешенство гордости, несмотря на то что влюблена в Красавца; а когда Идиот ее изнасиловал, то она сама дала (без любви) и даже не помянула потом. Так между ними и прошло, ни тот ни другой не вспомнили.) Иногда Идиот и она сходятся и говорят, наивные мечты ее, он угрюм и несообщителен; Миньона ему все свои мечты пересказывает. Она беспрерывно мечтает. Она ненавидит семейство. Она ужасно умна и всё примечает. Обыкновенно сходятся и об дне говорят. Потом она начинает воображать, как она отмстит. Идиот говорит, смотрит и чувствует как властелин. Он уходит и шатается по Петербургу. У него много знакомых мест. Перекупщик, капитал. Миньона прячет и сторожит капитал. ⟨с. 36⟩ Он поступает к Дяде в писаря. Дядя его почти забыл. Почерк, проходит неделя, встречаясь, говорит про плетку. Тот глядит на него насмешливо. (Представляется идиотом, с насмешкой.)[1] Письма по конторе. Это он сочинял. Дядя поражен. Призывает его к обеду. Тот говорит свысока, скупо; опровергает Дядю; выказывает начитанность. «Да я никогда и не выдавал себя за идиота. Я курса не кончил; был вольным слушателем».

---

[1] (Представляется ∾ с насмешкой.) *вписано на полях.*

Между тем неожиданно прибыл Отец семейства, рябой, брыластый, бабистый. Сначала с форсом. N3. Не похвалил кухарку. От нее дурно пахнет. Кухарка ему нагрубила. Он к ней же впоследствии подъехал.[1] Приехал в надежде склонить брата и выманить что-нибудь у жены, у которой он предполагает деньги. Сначала даже galant homme.[2] С Миньоной сначала как с барышней, потом строго. Разуть башмаки. Жених свысока. Объяснения о деньгах; «Желаю быть в стороне, чтобы к Жениху и Маша не входила». Маша, по наущению Жениха, утром нагрубила Матери: кофей. N3, N3. Отцу семейства говорят про Жениха.— «Милая моя, я, конечно, с ветру, но надо бы посмотреть». — «Ну, уж вы... — рассказывает про ссоры (тут же и кофе). — Всё это надо ловко, с манерой, так сказать, поразить его благородством». Приникает перед деньгами окончательно. *Занимает.* Жених ставит это в преступление. По разным комнатам.[3] ⟨с. 37⟩

Отец было с расправой, но Жених сказал резкое *veto*,[4] Красавец отделался невнимательностью. Мать принялась плакать и распекать его. Он отправился к брату. (Брат отказал в деньгах и насмеялся над аферой; обнаружил даже мошенничество.) Тот просто начал просить на коленях 4000 р.; *Дядя* не дал. Дома (невзначай было к Миньоне, та рожу выцарапала). Остались одни с Миньоной: «Я знал Вашего родителя». — «Ну так что ж, что знали». Прелестная особа, глаза выцарапала. Он потом просил английского пластырю. Кухарка видела и рассказала вслух, всем, при Миньоне. Мать семейства Миньоне: «Правда это?» Та нагрубила. Бить ее, Отец кидается разнимать. Мать семейства: «Неужто вы думаете, что из-за вас?»

Когда старик приехал, у Матери признаки туалета. Перед другими даже гордится им; втихомолку только распекает.[5]

Между тем, с приездом Отца семейства[6] (совпадает), раз униженный Идиот, провожая Героиню, бросился целовать ее. Та, однако, не пожаловалась. Но начала иногда кокетничать: «Вы меня очень любите?» Палец сжег и в тот же вечер изнасиловал Миньону. (Когда Дядя обещал плетку и тот, провожая, целовал Героиню, то после зажег, в ту же ночь.)

Жених, обиженный преимуществами Дяди, принес показать деньги. Потерянный портфель. Обвинили Идиота в краже денег. ⟨с. 38⟩ Дядя выгоняет его: «Где у тебя взялись деньги?» Красавец видел в мезонине его; он уже и деньги нашел. А меж тем Отец семейства положил, служанка и Миньона видели.

Жених потребовал, чтоб были найдены деньги. Красавец нашел и отдал. Ускорили сватание. Красавец вступился за сестру

[1] N3. Не похвалил ∾ подъехал. *вписано на полях.*
[2] благородный, порядочный человек (*франц.*).
[3] N3, N3. Отцу семейства ∾ По разным комнатам. *вписано на полях.*
[4] *Здесь:* нет (*лат.*).
[5] Остались одни ∾ распекает. *вписано,*
[6] *Было:* Дяди

по-своему. Грубые и чиновничьи — характерные объяснения. На свадьбе, чтоб только не было Идиота. N3. Идиота выгоняют, и Дядя *выгоняет.*[1]

На улицах Петербурга день и ночь он и Миньона. Три дня скитания. Миньона тоже взбунтовалась и сбежала: «Я совершеннолетняя». В дождь, в холод, ночью, толкуют о золоте, о богатстве — Миньона хочет скорей быть скверной женщиной. Тот ее кормил, ей свои золотые планы показал. Наконец Красавец улаживает дело: Дяде говорит, что не Идиот, Идиоту говорит, чтоб замолчал. Мать знает, трагедия, ужасно плакала; Идиот говорит, что его ⟨с. 39⟩ надо пожалеть, и *останавливает Красавца,* который всем хотел рассказать, что Отец украл. Мать удивляется. Он гордо не примечает ее удивления. Героиня задумывается. Миньона воротиться не хочет. Идиот ей квартиру нанимает.[2] *Первый* серьезный и гордый разговор с Дядей. Дядя видит, что Идиот, которого он плеткой хотел бить, неизмеримо глубже и выше его.[3] Дядя[4] спрашивает про Миньону, которую он видел с ним на улице. Идет поглядеть на Миньону один. *NB*. Фантастическая встреча. Говорит с Миньоной. Та ему говорит, что, как только всем отмстит, тотчас себя убьет.[5] Дядя ее скоро оставляет. Идиот смело спрашивает жалование. Дядя дает на Миньону. Дядя в крайнем припадке ипохондрии. Повеситься или жениться? Жениться, на Героине. (Слышал и знает, что Идиот влюблен в нее.) ⟨с. 40⟩

Nota bene

Нотабене

1) Когда Идиот с Миньоной ходят по городу ночью, к ним привязывается отставной солдат-бродяга, полячишка, и не хочет отвязаться.[6]

2) Героиня его пожалела и не поверила, что он украл.

3) Сцена, как *Отец* пришел занять у него 5 руб.

4) Отец понимает, что знают, что он украл. Жена (Мать семейства) дала знать, что знает и знают. Сцена с ней. Заняв эти 5 руб.,[7] он соблазняет было кухарку. Та, с простонародною и простодушною бесцеремонностью, насмеялась над ним, вяжа шерстяной чулок. Тот пожевал губами, отошел, хотел было напиться, но воротился и слег в постель. Смерть его. *Почти* признается.[8]

---

[1] N3 Идиота ∾ *выгоняет. вписано.*
[2] *Над словом:* нанимает — *знак* N3.
[3] *Было:* их
[4] *Было:* Он
[5] *На полях слева и справа от этой фразы знак* N3.
[6] *На полях рядом с записью под цифрой 1) знак NB*.
[7] *Далее было начато:* и про⟨пив⟩
[8] *На полях рядом с записью: Почти* признается. — *знак NB*.

Умирает хорошо. *NB*. От него, дома, всегда прятали и запирали. Это ⟨...⟩[1] ⟨с. 15⟩

Обобрал, и «надобно воротиться». «Какой странный случай, sacré nom d'un caniche».[2] Возвращается. Ложится. Умирает хорошо. Признается в покраже.

(А 5 р. заем и с чулком прежде было. У камелий — это последнее.) ⟨с. 16⟩

NB.[3] *Главный характер Идиота.* Самовладение от гордости (а не от нравственности) и бешеное саморазрешение всего. Но саморазрешение еще мечта, а покамест еще только судорожные попытки. Таким образом он бы мог дойти до чудовищности, но любовь спасает его. Он проникается глубочайшим состраданием и прощает ошибки. (Это уже было, когда он простил Отцу. *Смерть Отца.*) Взамен получает высокое нравственное чувство в развитии и делает подвиг.[4]

NB, NB, NB

(*Главное*)

1) Безумная любовь Дяди к Идиоту, начинающаяся с отвращения. (Когда он его поймал на улице после покражи, уж он любил его.) Завещание на его имя и на имя невесты Миньоны.[5] Им двоим. Сыну 25 000.

2) В это время приезд Сына. Характер. Нелюбим и не признан Отцом.

3) Одна из выходок характера Героини: еще в невестах влюбила назло[6] в себя Идиота (так что тот бесился и ревновал, а когда приехал Сын, вдруг *назло* им бежала с Сыном накануне свадьбы и осрамила[7] Дядю). ⟨с. 41⟩

или (NB, NB, NB)

NB. Героиня наконец отбивает невесту у старшего брата Красавца (характеры, *роман*) и становится его невестой.

В это время прельщается Дядя и подкупает Красавца, покупает у него (по одобрению Идиота), отступным, невесту (Героиню). Героиня, понуждаемая деспотизмом брата, *Жениха,* попреками

---

[1] *Окончание записи утрачено.*

[2] черт побери (*франц.*).

[3] *Перед знаком NB было:* Героиня ненавидит жену Красавца (NB. Подделать характеры) и связывается, будучи невестой, с Красавцем. Переманивает его. Дядя узнает. Ревность и скандал. Отказывается. Жених за сестру заступается. «Вот за Идиота не угодно ли?» А та с досады: «Почему ж нет?»

[4] Таким образом ∾ подвиг. *вписано под строкой.*

[5] *На полях заметка:* (Свадьба Миньоны.)

[6] назло *вписано.*

[7] *Было начато:* обесч⟨естила⟩

«Идиот». Страница подготовительных материалов к первой редакции. 1867 г.

Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

в хлебе и проч. и страшной досадой, доходящей до отчаяния, за то, что *Красавец* продал ее, соглашается, но мало-помалу замышляет отмстить и, узнав, что Идиот одобрял Дядю и с насмешкой советовал подкупить Красавца, уверяя в успехе, решается отмстить Идиоту, доводит его до исступления (и так как носятся *слухи*[1] в семействе, что Идиот ползает перед Дядей и завладел им, ожидая от него больших благ) — то ⟨с. 42⟩ намерена их окончательно рассорить, а потому бежит с сумасшедшим Идиотом накануне свадьбы и тем срамит Дядю.

Потом она смеется в глаза и Идиоту и Дяде.

Сделано без большой обдуманности с ее стороны, а так, по характеру.

Жених и семейство встречают ее ужасно. Дядя требует, чтоб она вышла замуж за Идиота. Она: «Ну что ж, лучше, чем за вас». Три дня в исступлении: то ругает, отталкивает и смеется над Идиотом, то плачет, умоляет его, чтоб он любил ее, будущую жену его, *льстит ему, ласкает его.*[2] Наконец, заболевает серьезно. Между тем бешенство Дяди, женитьба его на Миньоне, которая окончательно ⟨с. 43⟩ сходит с ума.

Идиот слушает и читает Дяде то, что надо. А между тем Дядя в разлитии желчи[3] умирает.

NB, NB, NB, NB

NB. Можно и так

Хоть она и насмеялась над Идиотом сейчас после побега, но до того дошла в исступлении, что хоть сейчас в церковь с Идиотом. Их и венчают. Тот начинает было деспотизмом, но наконец подчиняется. Между тем Дядя женится или хочет жениться. Героиня в исступлении (то насмехается, то ласкает). Дядя приходит, тот его провожает. У Дяди разливается желчь. (Она бежит куда-то и с кем-то) и проч. ⟨с. 44⟩

Оконч⟨ательно⟩ NB, NB, NB, NB, NB

Или так (окончательно)

Есть Сын, приехавший из Москвы. Ее продают (Жених), а Сын только что хотел признаться отцу (Дяде), как отец сам делает предложение. (Сын — благороднейшая фигура.) Не желая поразить отца, Сын медлит и потом отказывается. Между тем домашний деспот Жених* принуждает ее, и *она, со злобы* и по ветреному от-

---

[1] *На полях помета: О слухах.*

[2] *На полях против выделенных слов знак NB.*

[3] *Было:* в сумасшествии

* Провести в романе картину домашнего деспотизма; жена его Маша; комичнее.

мщению, говорит: «*Да!*» — *Дяде*. NB. Зла на *Сына* — зачем он *отказывается*.[1] Ее чисто продали. Но, бывши невестой еще, сходится с *Сыном* и требует, чтоб он увез ее. Сын не решается убить отца и бросает ее. Идиот между тем ⟨с. 45⟩ тут ей подвертывается: она в два дня кружит ему голову, и он увозит ее накануне брака. Затем она смеется над ними двумя.

Тут-то Дядя требует мщения и затевает свадьбу Идиота. (За Сына ей выйти уж никак нельзя.) Она, в исступлении и в *вызове*, говорит: «Ну, да». На Сына вдвойне уже зла.[2] (*NB*. Но еще их *не* венчают.) Тут-то она заболевает, ругательства и привлечения. Между тем [3] свадьба Дяди, чтоб не были приготовления даром. Миньона. Всё это фантастично и поражает воображение. Она впадает в болезнь. У Дяди разливается желчь. Идиот и Дядя сходятся у смерти. Дядя умирает. Имение Идиоту и Миньоне. Миньона, вместо того чтоб мстить (как тогда, когда она кипела злобой), всем *раздает* и становится *ниже* ⟨с. 46⟩ всех. Одно изящное ей нравится. Дядя умирает. Всё состояние ему и Миньоне. Вместе они отдают всё состояние Сыну и Героине. А он с Миньоной удаляются, и это гордее и выше.

Продолжение. В то время, когда Дядя сводит Идиота с Сыном, Идиот узнает, что Сын влюблен в Геро. Следит за ним. Между ними объяснение. Сын сокрушается об легкомыслии Геро.[4] Идиот говорит, что ему не надо никаких гарантий, что, как бы она ни была легкомысленна, неверна, ему всё равно.

Геро полюбила Миньону. Между ними странная дружба. Сын готовится в адвокаты. Предчувствуется, что Идиот умрет, а не отдаст.

NB. Геро любезна с Дядей (чтоб облегчить просьбу Сыну). А Дядя воспламеняется сам, приняв любезность на свой счет. Он не знает, что Сын его соперник.

Выдумать для Идиота у Дяди ужасные эпизоды. ⟨с. 47⟩

Продолжение. Выдумать для Идиота у Дяди ужасные эпизоды. (Промежуток после оправдания Идиота в краже и перед женитьбой Дяди.)

Дядя просто привязывается к Идиоту, страстно, ипохондрически, до бешенства. Предлагает ему даже свое состояние. Тот *деспотирует* его и грубо отталкивает. *Психологические отношения*. Сладострастное чувство наслаждения оттолкнуть богатство. «Я выше, гордее». Дядей движет не любовь, а чувство деспотического тщеславия, подчинить себе, настоять на своем. «Вы сами не знаете, чего требуете, — говорит ему Идиот. — Подчинись я вам хоть чуть-чуть, вы тотчас меня бросите...» Идиот ужасно при этом его

---

[1] NB. Зла ∾ *отказывается. вписано на полях.*
[2] На Сына ∾ зла. *вписано на полях.*
[3] *Было:* Након⟨ец⟩
[4] Сын сокрушается ∾ Геро. *вписано.*

осмеивает, анализирует, критикует всю его жизнь. Дядя в один из припадков хочет повеситься и вдруг женится. ⟨с. 48⟩ NB. Между тем во весь роман постоянная борьба с Сыном.

NB. Женитьба как мания, как выход; во что бы то ни стало.

Продолжение.

С воровства и изгнания по самое время женитьбы Дяди Идиот влюблен в Геро. Эта любовь — и любовь и высочайшее удовлетворение гордости, тщеславия. Это последняя степень *Я,* это царство его. Между тем Геро хотя и унижена и деспотирована в семействе, но вдруг особенно и удивительно себя выставила: ее красотой увлекся богач, Сенатор, граф, еще не старый человек, влюбился и предложил руку. Свадьба почти была решена, Жених и семейство трубили победу и торжество, и вдруг она отказала под странным предлогом. ⟨с. 49⟩

В семействе ее чуть не растерзали, Жених хотел выгнать; она на своем настояла. В это время сцены ее с Идиотом, разговоры ее с Идиотом, высокомерный и презрительный хохот ее над его любовью, пренебрежение к нему, доходящее в ней до гадливости, удивительное невнимание и считание *ни во что* его мучений. Между тем, случалось, она требовала от него услуг капитальных (NB, NB), он решался на ужасы, на злодеяния и на подлости.[1] Раз зашел к Миньоне: «Отмщу же я ей» — и вдруг узнает, что у ней тайная любовь с Сыном. Хотел убить их. Тут всё романично и эпизодно.[2]

Любовь его странная: она одно только непосредственное чувство, безо всяких рассуждений. Он не мечтает и не ⟨с. 50⟩ рассчитывает, например: будет ли она женой его, возможно ль это и проч.? Ему только бы любить. Если б она за другого вышла, его, пожалуй, иначе поразило бы это, чем следовало бы: «Пусть она выходит, а я все-таки буду любить». Если б она была ⟨---⟩, ему бы всё равно отчасти: «А я всё буду любить». Наконец, он начал не замечать действительности: он даже зашел к Сыну и говорил об ней, не скрывая своей любви и как бы помогая Сыну, так что удивил его и заставил думать, что он не в рассудке. Гордость его доходит даже до того, что он не замечает, что она его ни во что не считает: «Мне всё равно, я ведь люблю для себя». Последняя степень проявления гордости и эгоизма. В это время Дядя, слышавший об Сенаторе и принявший к ⟨с. 51⟩ себе ее любезности, сделал предложение — перед самым тем временем, как Сын хотел объявить ему.

NB. Сын не хотел, говорил, что он независим от отца и с отцом поссорился, но она пожелала помирить их.

Назначен вечер; Дядя[3] с предложением, а она адвокатом за Сына. И вдруг Дядя предупредил, сделал предложение.

Ей вредить Сыну нельзя. В семействе настаивают на Дяде.

---

[1] *На полях против этой фразы знаки NB, NB.*

[2] Тут ∾ эпизодно. *вписано.*

[3] *Далее было начато:* хоче⟨т⟩

Главное, что Сын назад.

Они *не нашлись,* и слово осталось за Дядей. Но она вдруг потребовала от Сына решимости: но теперь нельзя убивать отца, срамить родного отца. Тогда она к Идиоту с увозом. ⟨с. 52⟩ Идиот не то чтоб раб ее; напротив. (Отношения в высшей степени романичнее.)

Продолжение. Она *инстинктивно* не верит его любви, а потому и считает *ее ни во что.* В сущности, она если не понимает, то как будто чувствует, что это *самость* бесконечная и что ему *она* нужна, чтоб усилить свое собственное самоопределение. Когда она предлагает ему увезти себя, тогда она без ума. Но потом она боится его.

Главное *Nota bene*[1]

Он ее пугал и сначала, и *до такого ужаса,* что у ней вдруг потребность бежать от него, прятаться; то вдруг потребность поиграть с огнем или слететь с башни; в замирании —наслаждение. Она раздражает его до исступления и тогда как бы отскакивает, становится в отдалении, жадно присматриваясь ⟨с. 53⟩ и боясь подойти. *Рисуется характер.* Она, удивительно гордая, вся на приличиях и тонная, даже *поэтому* не скандализуется и не удивляется иным ужаснейшим его выходкам. (Раз он чуть ее не убил; в другой раз обломал руки.) Но кончались эти минуты, и она убегала с отвращением. Эти минуты вызывались отчасти и ужасно ненормальным и несоответственным ее положением в семействе. Вообще, при бесспорной оригинальности и пуантливости капризно-*вызывательного* и поэтического характера, она выше своей среды. Она понимает, наприм., что можно зажечь дом. Но *СЫН* производит на нее чрезвычайное впечатление.

NB, NB. (*О СЫНЕ,* его характер.) ⟨с. 54⟩

Продолжение. Nota bene

NB. *ПРОЕКТ ХАРАКТЕРА СЫНА*

1) Сын, может быть, ее мало любит.

2) Дядя, в разговорах с Идиотом, рекомендует Сына *социалистом.*

3) Но он не социалист; *напротив*; он находит в социализме, кроме неосуществимости,[2] мало идеала. Экономическое распределение, хлебный вопрос.

4) Он говорит, что жалеет Дядю, и что надо жалеть Дядю, и что ему многое надо простить. Идиот ему замечает, что за это-то Дядя его и ненавидит.

5) Дядя ненавидит его еще и за то, что он отказался от денег.

---

[1] *На полях против этого заголовка знак* NB*.*

[2] кроме неосуществимости *вписано.*

Сын проповедует, что в жизни много счастия, каждая минута — счастье; самозаявление и самоощущение. (У других людей долгая растяжимость и вдруг концентрирование.) ⟨с. 55⟩

6) Миньона-невеста поражает Сына. Когда Дядя умирает, Сын остается у Миньоны. (Сострадание. Сын быстро сходится с Миньоной. Сцену великолепнее.)

7) Христос. Сын отчасти поражает Идиота еще прежде. Тот с ним вдруг становится откровенен. Но тот (Идиот) тогда в бешенстве страсти.

8) Сын признается, что он еще не человек, что он готовится быть человеком. (Сострадание к Миньоне увлекает его.)

Он даже удивляется прежде любви Геро. Геро же пленилась, и его равнодушие ее [1] тем сильнее распалило. Раз она бежит к нему, а Идиот ждет на лестнице. У ней в душе трагедия, а она на лестнице с Идиотом острит и шутит. ⟨с. 56⟩

9) Вот отчего в крайний момент у Сына мало решимости отбить Геро у отца. Она бросается к Идиоту, не поняв, в чем дело. Выйти замуж за Идиота.

10) Потом в ней всё кризисом и болезнию прошло. Идиот побеждает ее. А мачеха (Миньона) Сына.

Главное Nota bene

Она, *может быть,* уже и обвенчана с Идиотом.

Сначала тот ее деспотирует, а потом она полюбила его.

Миньона всё раздает и сходит с ума. Фантазии одна другой чуднее. Дядя подчиняется всем ее фантазиям. Сын благоговеет и *сошелся с отцом* у Миньоны. Отец умирает и завещает ему Миньону.

ИЛИ: Геро оставляет Сына и прилепляется к Идиоту, хотя Идиот и уступил было ее Сыну.[2] ⟨с. 57⟩

Женева. 4/16 октяб⟨ря⟩.

ПРИМЕЧАНИЯ КО ВТОРОМУ *ПЛАНУ* РОМАНА [3] ⟨с. 72⟩

ВТОРОЙ ПЛАН РОМАНА

ПОСТРОЙКА ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ

Всё начало как и в прежнем изложении:

1) Семейный совет. *NB*. Разница только в том, что, под секретом, сообщается старухой чиновницей Матери семейства, что Геро

---

[1] *В рукописи ошибочно:* его

[2] *На полях вдоль всей страницы заметка:* На свете одно: сострадание непосредственное. А справедливость — дело второе. *Возможно, что она относится к пункту 8 на предшествующей странице.*

[3] *Эти «Примечания» см. на с. 85 (стр. 154). Далее на с. 72 заглавие «Отметки припадков» и под цифрой «1» описание припадка, случившегося в ночь с 17 на 18 октября 1867 г. в Женеве.*

сделала какую-то победу над Сенатором. Конторщик;[1] вопросы Геро и проч.

Является на вечер Геро, после победы. Эта победа — какая-то комическая история *(придумать),*[2] рисующая Геро.[3] Идиота эта история поразила.[4] Ей смех. Красавец хотел было провожать ее: «У вас ваша невеста, а у меня мой обожатель». Идет с Идиотом. На вечере ⟨с. 73⟩ история с Миньоной, удивившая Геро. Геро дорогой с Идиотом об этом заговорила. Съехали на любовь; она всю дорогу дразнила Идиота. Сжег палец, спички есть.[5] Он действительно сжег. Геро в страхе убежала.

2) Подробности об Идиоте. Письмо[6] Отца семейства. Приглашение Дяди формальное, ходит Красавчик.[7] С Миньоной поступили дурно, заступился Идиот. История с директором. Письма Жениха. Ярлычки. Жених тем более в форсе, что Сенатор действительно с предложением.

3) Вечер с Дядей. Всё как прежде; видел Геро (уже невесту Сенатора). Поражен. Жених и Маша не вышли. Письмо Отца семейства. Плетка. Миньона наделала историю. Идиот ⟨с. 74⟩ опять провожает Геро. «Посоветуйте, выходить мне или нет?»

4) Геро вдруг отказывает Сенатору. Приезд Отца семейства. Гвалт. Жених. Вся история с Отцом. Идиот ходит к Дяде; Дядя поражен. Дядя с Сыном. Дядя один. Дядя хочет делать предложение (вследствие разговора с нею). Делает предложение.

5) История покражи. Скитание по городу, насилование, дело о покраже улажено. Дядя принимает Идиота. Тот удивляет и поражает его. Свадьба Жениха и Маши.

6) Между тем Геро невеста. Чудасит. Позвать Сына. Сын поражает ее. После неприятной сцены ревности Дяди к Сыну, она, чуть не накануне свадьбы, Идиоту: «Увезите меня». Сумасшедший ⟨с. 75⟩ побег. Она всё время в истерическом припадке, плачет и хохочет.

7) Страшное потрясение всюду. В семействе от этой выходки ужас. (Стали говорить, что она отца с сыном поссорила.) Даже Мать отступилась. Жених и Маша положительно выгоняют. Дядя поражен и обижен. Наделав [8] беды, она струсила, но храбрится и истерически хохочет: «Что ж, я за Идиота выйду. Выйду! Выйду! Подал мысль Дядя!» Свадьба.

8) Идиот. Выйдя замуж, она почувствовала и страх и отвращение к нему (10 000 р.). Оба характера рисуются. Идиот в исступлении. Он и Дядя. Она зовет Сына. Объявляет мужу, что любит

---

[1] *Над словом:* Конторщик — *помета:* Об Сыне
[2] *На полях еще раз написано:* придумать
[3] *На полях прибавлено:* Переезжали с дачи.
[4] *Далее ошибочно повторено:* Идиота
[5] *На полях против этой фразы запись:* «Постойте у меня».
[6] *Над словом:* Письмо — *знак* N3?
[7] *В рукописи:* Красавщик
[8] *Было:* Сделав

Сына. Наконец бежит к Сыну и объявляет, что не выйдет. Сын и Идиот. (Она было и с Красавцем.) NB) В это время роман всех остальных лиц романа. ⟨с. 76⟩

9) Между тем Миньона у них живет. Сошлась с Миньоной. Встреча Миньоны с Дядей. Советы ее. Дядя к ней привязывается.

10) Вдруг объявляется свадьба Дяди и Миньоны. Миньона всё раздает.

11) Геро возвращается к нему. Дядя умирает. Сын и Миньона сходятся. ⟨с. 77⟩

ПРИМЕЧАНИЯ КО ВТОРОМУ ПЛАНУ РОМАНА

1) *Отношения к Матери.* Прежде он плакал. Мать помнила, как когда-то он бросился обнимать ее. А теперь *еще до покражи* Мать *вдруг было сама к нему.* Он с насмешкой остановил ее.

2) Отношения с братом. (Более ласковые.)

3) Невесты у брата нет. Он подлезает к Геро. Есть не невеста положительно, а одна девица, с капиталом. Красавец ее хоть и ругает, но все-таки бережет на всякий случай. Мать ее очень чествует.

4) Идиот, провожая, спрашивает Геро (которая на вечере отделала Красавца и заставила его провожать *Невесту* (с Матерью)) — что она, любит брата?

5) Красавчик впоследствии женится на Невесте и получает капитал. ⟨с. 85⟩

НОВЫЙ И *ПОСЛЕДНИЙ* ПЛАН

NB bene.[1] Генеральское семейство в Петербурге (Генерал в отставке). Старуха Мать, обожающая Генерала, напыщенная и вздорная жена (еще кокетничает и рядится), не без характера и не без достоинств; два сына — Красавчик и Идиот, дочь Маша и О⟨льга⟩ У⟨мецкая⟩, гувернантка и проч. Форс. По поводу процесса. В процессе уверены. У дочери Жених — Инженер, хоть и с невольным припадением, но и с беспрерывною обидчивостию. Потом еще Генерал-лейтенант и его семейство — лица, считающие себя важными. У них 2 сына, старший подает надежды, младший — убийца, и дочь 25 лет. (Отец же Инженера — помещик, отстав⟨ной⟩ корнет, за границей, старичок, друг отставного Генерала.) Есть еще характерная мать и дочь, 50 000 чистых и надежды, влюблена в Красавчика. Но отставн⟨ой⟩ Генерал надеется на процесс, и потому, по страстной любви к Красавчику, ему позволяется искать руки Геро. (Если не деньги, то ⟨с. 78⟩ связи.) Вообще форсят ужасно.

NB bene. Дядя. Брат Генерала. (*Известная история.*) Принимается с принижением, но приличен и образован и *выжидает.*

[1] *Так в рукописи.*

Его третируют свысока, однако ж 10 000 заняли. Дядя, впрочем, себе на уме. Идиот поразил его и О⟨льга⟩ У⟨мецкая⟩.[1]

NB bene. (О ДЯДЕ ПОДРОБНЕЕ, ПРЯМО ВЫСТАВИТЬ КАК ГЛАВНЫЙ ХАРАКТЕР.)

NB bene. А теперь ПРИКЛЮЧЕНИЯ С ИДИОТОМ. Гордость. Унижение. Из гордости не оправдывается. *Ножички на Толкучем. Какой-то* [2] подлый и скандальный поступок (воровство). Сначала обвиняют Идиота, но выходит виноват Красавчик. Для избежания скандала жертвуют Идиотом. Идиот втайне и страстно влюблен в Геро. *NB.* МЕЖДУ НИМИ СТРАННЫЕ РАЗГОВОРЫ. *ПАЛЕЦ.* (Отношение к О⟨льге⟩ У⟨мецкой⟩. Целует ноги.) Дядя интересуется Идиотом. *Отношения и сношения.* При подлом поступке (когда Идиот выгоняется и на улице с О⟨льгой⟩ У⟨мецкой⟩) Дядя отталкивает, но ⟨с. 79⟩ потом привлекает его. Семейство, впрочем, радо, что Дядя берет его хоть в приказчики.

NB bene. Сенатор и граф сватается к Геро. Rumeur.[3] В семействе даже обижены, потому что прочили Красавчику, особенно Бабушка и Мамаша.[4] Семейное объяснение с Дядей, чтоб он помог. Полунасмешливый ответ. Ссора. Почти выгоняют из дома.

NB bene. Ссора, но ненадолго. Вдруг удар: проиграли процесс. Все к Дяде. (Характерная мать с дочерью начинает объяснение: «Я предчувствовала, что вы проиграете, и этого ждала».) Геро тотчас же отказывает Сенатору (зная, что теперь Красавчику полный отказ) и ждет и требует, чтоб Красавчик *взял ее.* Все к Дяде: 100 р. Негодование,[5] но принимают. (NB. Затем постепенное и быстрое падение.) Красавчик к Дяде: смеется и отказывает. Красавчик поступает благоразумно и женится на дочери характерной мамаши в 50 000.

NB. (Идиот сначала не принял от Дяди денег под условием. Романические отношения.)

NB bene. Дядя, измученный Идиотом, хотел застрелиться. Вдруг жениться. К Геро. «А посмотрим-ка, как они ⟨с. 80⟩ не отдадут». Дядя не знает про страсть Идиота. *Геро* в полной тирании дома за то, что отказала Сенатору. Полтора миллиона. Дяде обещают. Геро, выведенная из себя, в нервном припадке соглашается.

NB bene. Кутеж в невестах. Истощает терпение Дяди. Накануне свадьбы, *со зла и в нервах,* бежит с Идиотом. Бежала и пропала; исступление и бред.

NB bene. В семействе говорят: «Выходи за Идиота». «300 000 — приму». Идиот в своем семействе. Идиот с Геро. Дядя и О⟨льга⟩ У⟨мецкая⟩. Невеста. (О⟨льга⟩ У⟨мецкая⟩ и ее превращение.) У Дяди — желчь, смерть.

---

1 *На полях рядом с текстом: NB bene.* Дядя. ∞ О⟨льга⟩ У⟨мецкая⟩. — *написано:* (Молитвы Дяди.)

2 *Это слово отчеркнуто, сверху и под ним знак* NB.

3 Волнение (*франц.*).

4 *Далее было начато:* Генера⟨л⟩

5 *Перед:* Негодование — *было начато:* Край⟨нее⟩

Идиот отказывается от Геро.

NB bene. Можно и так, что Геро, испуганная Идиотом, бежит к Дяде (ею обиженному и уже женпху О⟨льги⟩ У⟨мецкой⟩: «Простите меня, защитите меня, возьмите к себе». Дядя прощает. Идиот отказывается от Геро и идет с О⟨льгой⟩ У⟨мецкой⟩).

(НЕ ДОКОНЧЕНО.) ⟨с. 81⟩

NB bene. Сначала он говорит Дяде, оскаля зубы: «Что ж, возьму 300 000» (но не берет при условиях). Но когда Геро бежала — не берет 300 000. Колеблется: насмеяться ли над Дядей — взять или нет?

Геро дома не берут, и она помещена в семействе (уже сильно разлагающемся и смотрящем с изумлением и страхом на Идиота). Она бежит к Дяде: «Спасите». (Может быть, убьет, но, пожалуй, и борьба, и не убьет.) Но в семействе, еще до побега к Дяде, он молчалив, услужлив, но так, что его все трепещут. Геро пробует с ним то смеяться, то в исступлении и бешенстве кричать. Что она никогда не будет его женой, — в сущности, он согласен. Он готов на бешенство и зверство. Она *пугается и бежит к Дяде*.

NB bene и главное: надо, чтоб читатель и *все лица* романа понимали, что *он может убить Геро*, и чтоб все ждали, что убьет.[1]

NB bene. Он, может быть, говорит Дяде, когда Геро бежала: «Что ж, покажите, что любите бесконечно, я показываю — отказываюсь и не убиваю. Женитесь и вы, простите ее». NB bene. Тут Дядя отдает ему Геро. Геро побеждена и влюбляется. Миньона умирает. Дядя уже слишком влюблен в Миньону. Все сходятся.

NB bene. Капитальнее характер Геро. ⟨с. 82⟩

НОВЫЙ ПЛАН

Забитый.

1) Всех и всего стыдится, своих затаенных чувствований, дик, забит. Делает подлости со зла и думает, что так и надо. (NB, NB, NB. В гордости ищет выхода и спасения.) Кончает божественным поступком. (NB. Провести нить характера, то будет занимательно.)

2) *NB*. Просто забитый — ничего не будет, кроме забитого. Старая тема, изношенная, и пропадет вся главная и новая мысль романа.

NB. Но сделать так: (NB. 1-е) забитый, а 2-е) показать, какой человек был забит.)[2] Во-1-х) Забитый. 2) Непосредственная жажда жизни и самоопределения в самонаслаждении, и всё непосредственно, *без взгляда*. Для спокойствия, т. е. чтоб не рассуждать и не колебаться, он ищет выхода в гордости и тщеславии, а за неимением действительных наслаждений, которых он так

---

[1] NB bene ∾ убьет. — *заметка на полях.*

[2] (NB. 1-е) ∾ забит.) *вписано.*

жаждет, и возможности наслаждаться, он самую гордость обратил в поэзию и наслаждение, довел до апофеозы. Любовь первый раз выталкивает его на новую дорогу; но любовь долго борется с гордостию и наконец сама обращается в гордость. Эта дикая гордость увлекает Геро (хотя она и видит, что, при случае и в дальнейшем развитии, он готов и на преступление. Геро увлекается и в то же время пугается). И, наконец, *третье* (3), — непосредственная сила развития выводит его наконец *на взгляд* и на дорогу. ⟨с. 84⟩

НОВЫЙ ПЛАН

№. Из господства и барчества падение. Проиграли процесс, добивать и мучить должников. Потом быстрое падение. *Должники.* (У Полковника мания рассказывать, кого он одолжил и всю подноготную, так что секрет, обнаруженный, выходит дороже денег.)

№. *К новому плану*. Одна колоссальная ссора Идиота и борьба, уже при Геро, где он оказывает *беспредельную* твердость характера.

№. В детстве он плакал при брани, но потом укрепился и *насмешничает*. Случай с директором был. ⟨с. 83⟩

17 окт⟨ября⟩.

ОТМЕТКИ К ГЛАВНОМУ ПЛАНУ

№ bene

1) №. С Идиотом вначале обходятся как с помешанным, физически, чуть не плеткой. Его ни во что не считают. При нем обо всем говорят. При нем хоть нужду сделать.

Он сам себя держит в этом роде; молчит;[1] смотрит исподлобья. Много накипело. (Он много читал; это видели, но, по глупости, не взяли в толк.)

2) №. *Потом,* когда Дядя спрашивал его, как он позволял так обращаться с собой, он *ответил неясно,* но *дал знать,* что в этом усиленном унижении и в чувстве мести про себя он даже ощущал наслаждение. «Себя побеждал» — вот в чем наслаждение.[2] Ждал же случая с расчетом; в Петербурге ему показалось возможно. Случай с директором...

3) Идиота наказали. Он сломал палку и отвел руку. Не хотел сесть под арест. Мышьяк, сабур. ⟨с. 19⟩

Или пасынок.

---

[1] Было: молчалив

[2] «Себя побеждал» ∾ наслаждение. *вписано.*

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПЛАН РОМАНА

Геро любит (или воображает, что любит) Красавчика. У ней был прежде Инженер. При Дяде сватался Сенатор. Отказала. Дядя и не совался.[1] На Дядю она злилась, потому что Дядя отбивал Красавчика; Красавчик боялся раздражить его.[2]

№. На Геро злятся, что ее нельзя держать, как всех других гувернанток.

Лопнул процесс, Геро надеялась, что Красавчик посватается. Но тут характерная мать и все вдруг начали пилить Геро: зачем отказала Сенатору. «Чего бы им-то, кажется?» Стало быть, сердятся, что хлеб у них ест. Тут-то и сватается Дядя. Несмотря на защиту Генерала, Геро принуждена была принять предложение.

Идиот с самого начала отбивает невесту у Отца. В семействе Генерала он вдруг является не идиотом. (День его рождения.) С Умецкой он сходится нечаянно.

С Геро — палец. *СТАРИЧКИ*. Сенатор. Дядя рад, что он осмеял Сенатора. Отец Инженера.[3]

Дядя, как воротился с вечера, затеял с ним историю: как мог он скрываться?

Романические отношения с Дядей.

Идиот и Петербург.[4] Убеждения Идиота. Дядя сулит деньги, берет с пренебрежением. Дядя и Умецкая. (Молитвы, похороны и проч.)

Лопнул процесс. (У Дяди меж тем катастрофа с Идиотом.) Дядя с предложением.

Геро в негодовании на Красавчика. Генерал. Обвинение Генерала в любви. Нечего делать, надо взять Дядю.

Кутеж Геро. Побег Геро с Идиотом (с пасынком).

Гнев Дяди, пусть выходит за Идиота.

№. Геро *смеялась* первоначально над Идиотом. Он не надеется, что она полюбит его. Он бесил Дядю и Красавчика, вначале, что она с Генералом. Потом подбил Дядю свататься. Потом сам стал властелином: «Она смеялась надо мной».

? Геро больна, бежит перед свадьбой: «Спасите меня». Генерал и Дядя заступаются и принимают. ⟨с. 20⟩

18 октября.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПЛАН РОМАНА

А меж тем Дядя и Умецкая.

? Хочет убить Геро. Но отступается. Дядя умирает *в желчи. Теория счастия на земле.*

---

[1] *Далее было начато:* Но Кра⟨савчик⟩

[2] *Далее было начато:* Лопну⟨л⟩. *На полях против этого абзаца знаки* № *и* ?

[3] *На полях против этого абзаца знак* №.

[4] *Над словом:* Петербург — *помета:* Умецкая.

Дядя. 2 сына. Идиот побочный, а другого не признает за законного и живет врозь; к нему ходит. Ипохондрик и перед приездом брата хотел застрелиться.

У Генерала жена молодая. Дети — петербургский дипломат, потом еще сын и дочь. Похаживает Инженер, который похаживает и к другой.

У них воспитанница. Ждет 200 000. Генералу трудно ввязать[1] Сына-дипломата, подумают, что деньги. Она покамест — гувернанткой. Кутеж. Инженер у них был в провинции. *К ней.* Отказано. Но он опять втерся. Сенатор (готовятся отказать) и Дядя (еще только пробует).

До появления Идиота ей хорошо.

Идиот ненавидит Сына и готовится на него наговорить Дяде, но очень ловко.

Все вместе у Генерала встречаются.

Идиот говорит Генералу и всем, что Генеральша к Сыну (они прежде знали Сына).

Генералу тоже, что он влюблен в Геро.

Генеральше, что Генерал влюблен в Геро.

Ее вооружает противу всех.

Всех в доме против нее.

Ссорит их с Генеральшей.

Когда процесс лопнул, Генерал заставляет Дипломата. Тут-то ему и объявляют, что он сам влюблен в Геро.

Идиот объявляет Геро, что предмет ее (Дипломат) взял отступного, и к характерной дочери.

Отступного дал *сам* Дядя (собственная инициатива, не спросясь Идиота).

Идиот увозит у Дяди.

Потом Геро умирает.

У Идиота Тетка замужем за старичком Прыгунчиком? (? N3. Покража.) У ней дочь. Инженер. Запираются. Еще *Сын.* Картав.[2] Под секретом сообщает, что он побочный сын Дяди. Это очень трудно доказать. Картавенькому ⟨с. 21⟩ хочется добиться до Дяди. У Инженера мать, сестра и бедный отец, майор, без ног.

Ольга Умецкая.

С мужем Тетки, Прыгунчиком, к камелиям.

Свои деньги у Идиота.

Прыгунчик у Генерала.

Ольга У⟨мецкая⟩ — сестра Инженера.

Идиот перевел О⟨льгу⟩ У⟨мецкую⟩ к Генералу.

N3. Как семейство Генерала приехало, так О⟨льгу⟩ У⟨мецкую⟩ и взяли *гостить* к себе. Ее в провинции знали.

N3. О⟨льга⟩ У⟨мецкая⟩. Вошла в генеральск⟨ое⟩ семейство с мщением против своих. Но потом возненавидела и приготовилась

---

[1] *Было:* ввязаться

[2] Картав. *вписано.*

мстить и генеральскому семейству. Над ней будто бы смеялись и замуж прочили ее Идиоту. «Жених! Жених!» Она влюблена в Дипломата.

О⟨льга⟩ У⟨мецкая⟩ как поступила к Генералу, так и наговорила об Идиоте. Тотчас: «К нам его, к нам его!» Они переписываются.

Пасынок или родной, *но не побочный.*

18 октября.

Nota bene (к окон⟨чательному⟩ плану)[1]

NB bene. 1) *Идиот* (Дяде): «Я предчувствовал, что вам нужен для того, чтоб вам было кому рассказывать о том, как вы несчастны».

2) Дядя чем-то жестоко обижает[2] его; винится; мучается. «Вам я нужен, чтоб на мне вашу гордость удовлетворить». Дядя спрашивает: «Что такое Умецкая?» Он начал с того, что трогательно рассказал историю О⟨льги⟩ У⟨мецкой⟩.[3]

В молодости, лет 20 назад, уморил жену.

Одно происшествие Дядю с Идиотом трагически расстраивает. В это время Геро проигрывает процесс и отказывает. С семейством в отношениях очень холодных.

Генерал ничего не смеет сказать против варварского содержания О⟨льги⟩ У⟨мецкой⟩ в доме, потому что его уже раз приревновали.

NB. Генерал приходит к Дяде *жаловаться,* что его и Мать и Сын обвиняют в любви к Геро. Дядя и делает предложение. И когда Генерал пугается, Дядя и говорит: «А ведь, может быть, и сам ты влюблен».

NB bene. (Главное.) Дядя раньше увоза Геро и раньше своего сватовства дал Идиоту 300 тысяч. Тот взял и только насмеялся над ним. ⟨с. 22⟩

18 октября.

Nota bene (к окон⟨чательному⟩ плану)

2-е и *главное*

Идиот — сын Дяди.

Дядя отпускает ту, с которой жил.

Идиот спознается с Умецкой нечаянно.

«Если я *не ваш сын,* то нам обоим лучше».

---

[1] *Заголовок написан дважды.*

[2] *Над словом:* обижает — *помета:* Происшествие.

[3] Он начал ∾ О⟨льги⟩ У⟨мецкой⟩. — *заметка вдоль полей.*

№3 *главное. НАЧИНАЕТСЯ РОМАН:* «Тебе уже 22 года», — и ведет его в дом к брату.

Как увез Геро: «Я смеялся, вот ваши деньги», — и отдает назад 300 тысяч.

P. S. Может быть, *пасынок.*

ПЛАН НА *ЯГО*

ПРИ ХАРАКТЕРЕ ИДИОТА — *ЯГО.* Но кончает божеств⟨енно⟩. Отступается и проч.

№3. Всех оклеветал, перед всеми интриговал, добился, деньги взял и невесту и отступился.

ОПЯТЬ НОВЫЙ ПЛАН

№3. Он Дядю учит: «Неужели вы не видите, какой у них план». *Птицын.*[1]

22 октября.

II

Холодный всегда Идиот вдруг пугает Геро силою своей страсти. Страсть стальная, холодная бритва, безумная из безумных.

Эта страсть не любовь, а страсть удовлетворенного тщеславия. №3. *Когда же действительно он почувствовал и увидал любовь, то отказывается и отсылает Геро тотчас к брату.* Дуэль с Генералом, себя компрометировавшим очень своим негодованием и заступлением за Геро.[2]

№3. Дядя, делая предложение Геро, не только не подозревал истинных чувств Идиота, но даже советовался с ним. ⟨с. 23⟩

22 октября.

Он принимает всякое слово Геро за постоянную насмешку над ним. В доме Генерала над ней и над ним шутят *самым невинным образом,* что он в нее влюблен и что она его невеста. Он сам делает вид, что принимает шутку. (Он действительно поставил себя человеком необыкновенным, и когда это раз высказывают вслух при нем, то это ему льстит.) Но он действительно, в самом деле влюблен, но затаил про себя и, однако же, сжег палец и ужасно испугал. А между тем он поклялся в непримиримой ненависти.

---

[1] *Эта фамилия обведена рамкой и дважды повторена в виде проб пера. Рядом зачеркнуто:* О, нет.

[2] *На полях рядом с текстом:* Холодный ∾ за Геро. — *заметка:* Разговоры об отрезанных головах — *нет бога.*

Дядя женится (делает предложение), в сущности считая ни во что общие шутки насчет влюбленности Идиота в Геро. Он первый принимает это за шутку.

Идиота он обожает.

NB. Можно и так, что Идиот еще в невестах возбудил Геро против Дяди (и Генерала), а Дяде наговорил на Геро. Накануне свадьбы Геро бежит с Идиотом. Идиот выставляет свой капитал. Софья Федоровна. Дядя дает 300 000. Пусть Идиот женится. Идиот гордо отсылает ему. Геро ласкается. Полупобеждает.

Идиот признается ей, что он ненавидел ее и мстил ей, поставив ее в такое положение. Но что теперь, так как он видит, что она, может быть, полюбит его, то он готов ей жизнь отдать, но и ее жизнь возьмет, если она обманет его. Она трусит, она бросает всё и бежит к Генералу. Дядя женился на Умецкой (из дома Инженера). Генерал предлагает руку и женится.

Финал Идиота.

У Идиота мать или тетка Софья Федоровна. Свидания. Похороны Софьи Федоровны. Он наследник.

NB. Сын Генерала (брат), еще за границей сошлись (не говоря) с Геро. Он не увез от отца, Геро бежала с Идиотом. Генерал в исступлении предлагает Идиоту дуэль. Тот осмеивает его и отказывается. (Или дал в себя стрелять, а в него не хочет.) Уступает брату Геро, потому что *презирает* неполную любовь. Остается один. Умецкая с ним.

Вызывает Сына (брата): «Женись теперь, если хочешь». Дядя, узнав о поступке Сына, признает его и завещает (просит) ему [1] жениться на Геро. Тот берется. Идиот удивляется, что тот не побрезговал. Совет семейный у Дяди. Исповедь его. Дядя умирает. Идиот берет Умецкую: «Одна только любит меня». ⟨с. 24⟩

Разработать: отношения двух братьев.

Он и Ольга Умецкая. *Отрезанные головы.*

22 октября.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ NOTA BENE

Под осень.

22 окт⟨ября⟩. NB. Вагон. Генерал, семья (невеста или молодая жена), Красавица. Сын. Встретились 1-й раз в жизни. Признание. Понравился Генералу. Познакомились. Просили быть знакомым впредь. Обещались быть в Петербурге к осени. Генерал рассказал историю *о брате.* (На станции. Сигары.) С своей точки зрения. И передал характер и выказал характер. $1^1/_2$ миллиона.[2]

---

[1] *Было:* его

[2] *На полях запись:* Красавица.

Побочный. Ехал с Сыном. Сошлись. Побочный знает, что это Сын. Сын только слыхал, что есть Побочный. Застенчив и мрачен при встрече с генеральск⟨им⟩ семейством. Случай. Стукнулся головой. Спрятался. Исчез. Все: «Какой он странный». Сын: «Да, но он мне не показался глупым. Странен, правда. Совсем юродивый». Опять сходятся в вагонах Сын с Побочным. Побочный не признался, но от Сына выведал.[1] У Дяди встречаются: «Скрытны же вы». Однако Побочному надо было очаровать Сына, и он очаровал.

Затем Дядя. Отвращение. Петербург. Софья Федоровна. Инженер. Тетка Сына. Умецкая.[2]

Слегка обрисовка Побочного.

Отношения Дяди с Сыном. (Происшествие.) Наблюдения Сына.

Генерал и семейство. Дядя. Сын. (Происшествие с Идиотом.) Дядя ведет Идиота к брату. Успех у Генерала. Сцена дома с Дядей.[3]

Идиот задолго до своего появления у Генерала помещает в генеральском доме Умецкую. (Процесс. По поводу процесса Сыну.)

Через Сына Идиот сам входит к Генералу, не торопясь; Сын говорит: «Помните вы того молодого человека на станции?» Те и пристали к Дяде: «Приведите, приведите!»

Умецкая еще и прежде всё *ему* передает. (Наивна и слаба умом. Великое сердце.)

Идиот во всех подозрениях и ошибках вполне искренен. Он вполне уверен, что и Дядя и все его ненавидят. Софья Федоровна.

? N3 ? Хоть Идиот и оклеветал Сына, но, странно, Сын *простоват* (Федя) и этой простоватостью всё более и более очаровывает Идиота. Наконец, тем, что так кротко прощает ему. Идиот *влюбляется* в Сына, хоть и смеется над собой. В *Сына* влюблена *Геро,* не замечает. (Идиот оклеветал.) Интрига. Идиот уступает ему Геро. (Борьба великодушия, страсть дружбы чуть не *сильнее любви.*) ⟨с. 25⟩

ОСНОВНЫЕ ТОЧКИ 1-Й ЧАСТИ

N3, N3. Вагон. Знакомство. (*Происшествие.*) Разговор. Сошлись было. Встреча с генеральским семейством. Романические предположения 2-х молодых людей 22 лет. Столкновение с Генералами. (Шалость.) При встрече с Генералом узнает, кто его товарищ. От Сына же узнает и про Софью Федоровну. Затаился и молчит. Сын довольно откровенен. (Про молодежь и про общество новое и проч.)

---

[1] *Было:* выгадал

[2] *Рядом приписано:* Достает Умецкую у Соф⟨ьи⟩ Фед⟨оровны⟩. *Зажгли дом.*

[3] *На полях рядом с текстом:* (Происшествие с Идиотом.) ∾ дома с Дядей. — *заметка: Он* загадочен *очень.*

Кроме того: Идиот *уязвился* Красавицей и Генералами. Что-то прошло по нем. Сын говорит про него Генералу: «Он такой странный».[1]

Петербург. Дядя. Их вторичная взаимная встреча. Костенькиныч, его жена. О Софье Федоровне. Совсем озлоблен. «Он совсем идиот». Дядя. Дядя и Сын. Идиот уже обедает на другом столе. Дядя и Идиот. Опять Дядя и Сын. Странные сцены.

Идиот и Софья Федоровна. Идиот к Сыну. «Хитрый же вы». Но Сын с ним такой же. «Или он гордится очень, так что презирает, или очень глуп, т. е. искрен⟨ен⟩». Сын ведет его к Тетке. Знакомит с Инженером. Прыгунчик. Умецкая. С Умецкой пожар. Про Софью: «Не уважаю себя». Картины, ножички.[2]

Сын грустен. Идиот выпытывает у него, что он рассорился с Дядей. «Мне не надо его денег, если он мою мать...» Серьезен sans que cela paraisse.[3] Начинает любить Сына. (Дядя узнает об этом; расспрашивает, как всё началось.)

Генерал в Петербурге. Сын о Генерале и о Красавице. (Уязвился.) Сын с Дядей у Генерала: «Совсем не идиот». Дядя удивлен. «Приведите к нам его». К Генералу. Готовится. Хочет показаться идиотом. Прием у Генерала. Дядя удивлен. Сцены после и так д. Идиоту кажется, что все смеются. Зависть, богатство и мщепие и проч.

Тема 1-й части: Разоблачающееся сердце Идиота. Накопляющаяся ненависть.

Вся интрига: Дядя рад, что после 4-х[4] — сын, его родной сын. На него накидывается. Но Идиот *видимо* прикидывается идиотом. Отчаяние Дяди. У Генерала же Идиот с *торжеством* оказывается не идиотом, как будто ждал того, и этим беспредметным торжеством над Дядей даже *тщеславится*.

Кроме того: отношения Идиота к Сыну. Видимая борьба сердца и горячность чувств. Тускнут чувства.

Иронические отношения ко всем, кроме Умецкой.

Отношения к Софье Федоровне и к собственному позору. Принял деньги и под заклад отдал. *Ненависть*.

Мечты о Генерале и Красавице, беспредметные, но ставшие капитальной точкой в его жизни, как сравнение отношений со-

---

[1] *К сцене встречи Идиота в вагоне с генеральским семейством примыкает набросок, сделанный среди записей к «Преступлению и наказанию» на полях с. 3:* Про Генерала. Самодовольство Генерала. «Это мне решительно всё равно». Отдавил ногу, стукнулся головой. «Я не рассердился».

Любовь, мало видел, но глубок примечать. [Эти люди] Ненавистное чувство, зачем он так смотрит, и вид Генерала — всё возбуждает в нем ненависть. *Потом пришло в голову,* что вот этакие-то люди всегда на равной ноге, завис⁻ь.

Смолчал. Генерала уже он ненавидел.

Красавица. Разбил посуду, заплатить нечем.

[2] С Умецкой ∾ ножички. *вписано на полях.*

[3] не нарочито (*франц.*).

[4] *Так в рукописи; по-видимому, пропущено слово:* лет

циальных его с остальным обществом. Гордость. Ходит смотреть генеральскую семью исподтишка.

Мертвые.

Красавица, накануне свадьбы с Дядей, предлагает Сыну (по совету Идиота) увезти себя. Тот с ужасом отказывается.

Вначале старался подживить себя ненавистью, подживить интригой усиленной. Но опадает. *Тоска:* в любовь Геро он не верит. Воспламеняется только под концом.

Про Дядю говорит: «Какой смешной человек».

Но уступает брату. Кончает отчаянием и *тоской.*

Final. Уступает ее Сыну, когда уже Дядя женился на Умецкой. ⟨с. 34⟩

27 октября.[1]

ПУНКТЫ

ЕДИНИЧНЫЙ ХАРАКТЕР. ЕДИНИЧНЫЙ ПЛАН[2]

Генеральский сын от 1-го брака. Ненавидим всем семейством. Рос *вне.* Является в семейство. Всех ненавидит и, главное, Геро.

Эпизод с Генеральшей, выслан несправедливо (повесть).

Дядя отмечает его. Никакого уважения к Дяде. Дядя зовет к себе. Знакомство. Генерал предлагает Идиоту знатное место — тот не соглашается и идет в писаря. Негодование.

Идиот дружится с Сыном Дяди. Сын Дяди влюблен в Геро. Идиот конфидент. Карикатура на Генеральшу. Выходит из дома. Ганечка.

Идиот всё более и более поражает Дядю. Не берет денег. Посылает к Сыну мириться и вместе с тем возбуждает одного против другого.

Отца поражает. Отец ходит к нему.

Геро и Дипломат. Дипломат и к той и другой. Идиот открывает глаза Геро. Процесс проигран.

Ей подготовляют Сенатора. Сенатор лопает⟨ся⟩.[3] Она влюблена в Сына Дяди. Дипломату отказывает. Дипломат продает ее Дяде.[4]

Сватается Дядя. Сын не мог посвататься, потому что Идиот наговорил ему, что Дядя влюблен в нее.

(Вся штука между Сыном и Дядей, что Сын требует, чтобы[5] он признал его мать справедливой; пикировка в гордостях, но, главное, мешает им, под видом дружбы, сойтись Идиот.)

Когда Генерал потребовал от Дипломата исполнения обеща-

---

[1] *Было:* ноября. *В верхней части страницы помета:* Единичный план. Листик 1.

[2] *На полях против этой строки каллиграфическая запись:* Ганечка.

[3] *Далее было начато:* Сыну

[4] *Далее между строками каллиграфическая запись:* Ганечка.

[5] *В рукописи ошибочно:* что

ния, Идиот научил говорить, что Генерал сам влюблен. Семейная сцена.

Сын, узнав, что Дядя посватался, прячется.

Геро в бешенстве и в руках Идиота. (Давно уже сожжен палец.) Обещает Дяде. Грусть, тоска, бешенство. Накануне свадьбы бежит с Идиотом.

Генерал Идиоту: «Женись!» Дядя дает денег. Прочь деньги. Один. Мучает Геро своею бешеною, страстною любовью.

Глав⟨ное⟩ NЗ. Дядя давно еще сходится с Умецкой. С Идиотом сожгла дом. Идиот ее опозорил. Дядя хочет жениться на Умецкой. Разливается желчь, умирает.

Он отпускает Геро, узнав, что она не любит его. Берет Умецкую, отдает Дядины деньги.

$NЗ_2$. Всё время он не любил ее, всё время ненавидел и только отмстить желал. Как похитил, так и полюбил.

Отпустил из великодушия (гордости и презрения). Отпустил к Сыну. Умецкая отдает Сыну состояние.

Главный пункт романа: он, видя, что для него невозможна Геро, всех на нее распаляет: Дядю, Сына, Отца. Мщение, но в виде водевиля, и *вдруг* страсть.

18-летний брат предается ему.[1] ⟨с. 135⟩

Идиот, отдавая Сыну, не требует благодарности. Гордо отступается от всех.[2]

$NЗ_3$. Сына он ужасно любит. Странная страсть.

$NЗ_4$. Но, что всего страннее, и Дядю тоже.

$NЗ_5$. Весь роман: борьба любви с ненавистью.

Молодой экземпляр, формирующийся человек.

Глав⟨ное⟩ $NЗ_6$. В финале он говорит: «Я перед всеми злодей, но мне не у кого просить прощения».

NЗ. БЕСПРЕДЕЛЬНАЯ ГОРДОСТЬ И БЕСПРЕДЕЛЬНАЯ НЕНАВИСТЬ.

Но вот теперь новая дорога: Что же теперь? (Это в разговоры с Дядей и с Сыном.)

NЗ, NЗ. *Главная мысль романа:* Столько силы, столько страсти в современном поколении, и ни во что не веруют. Беспредельный идеализм с беспредельным сенсуализмом.[3]

ЗАМЕТКИ

1) Он хитрит и интригует и в продолжение всего романа считает это всё мелочью и низостию с своей стороны. Минутами отвлеченно рассуждает, что *простить было бы выше, но недорого бы стоило*[4] и нечем гордиться, а след⟨овательно⟩, всё равно, и,

---

[1] Главный ∾ ему. *вписано на полях.*
[2] *Над этим абзацем помета:* Лпстик 2-й.
[3] NЗ, NЗ. *Главная мысль* ∾ сенсуализмом. *вписано.*
[4] *Далее было начато:* а сле⟨довательно⟩

стало быть, можно и продолжать *водевиль* (он сам всё это называет водевилем, тоскует и устает).

Палец-то сжег, а потом говорит: «Заплатишь ты мне за это: le jeu ne valait pas la chandelle».[1] NB. Основание страсти, стало быть, было, но он еще не любил.[2]

Задает себе сам вопросы: «Что он, неужели из мщения? Как это глупо, если так! И чего ему мстить? Особенно с ним вовсе не так уж трагически поступали, да и люди слишком обыкновенны. Дядя вот разве; смешной человек, забавен по крайней мере. Пойти к нему».

С Дядей о многом рассуждает: застрелиться вместе, о Христе. От тоски зажигает дом и бесчестит Умецкую. Дядя и Умецкая.

Ergo.[3] Вся задача в том, что на такую огромную и тоскующую (склонную к любви и мщению) натуру — нужна жизнь, страсть, задача и цель соответственная: *и вот почему,* в финале, кончив водевиль, т. е. *увезя Геро* с ненавистью, вдруг видит, что Геро бросается к нему, ласкается и обещает любовь. Он вдруг воспаляется,[4] прогоняет всех, и деньги. Но Геро пугается его страсти, развязка. В тоске передает ее,[5] но разочарование.

Надо было с детства более красоты, более прекрасных ощущений, более окружающей любви, *более воспитания.* А теперь: жажда *красоты и идеала и в то же время 40% неверие в него,* или вера, но нет любви к нему. «И беси веруют и трепещут».

Memento.[6] Главный пункт романа: Дядя и Идиот, два характера.

Memento. Идиота принимают у Тетки, потому что он фаворит Дяди. ⟨с. 134⟩

Генерал всех погубил, всех винит, а сам ⟨?⟩ разорил, все сознают его деспотизм, один Идиот проник ⟨?⟩ любовь.[7]

Об искушении Христа диаволом в пустыне (рассуждения).[8] ⟨с. 9⟩

---

[1] Игра не стоила свеч (*франц.*).
[2] Палец-то сжег ∾ не любил. *вписано на полях.*
[3] Следовательно (*лат.*).
[4] *Далее было:* обещает
[5] *В рукописи ошибочно:* его
[6] Для памяти (*лат.*).
[7] Генерал ∾ любовь. — *заметка в верхней части страницы, занятой рисунком; по своему содержанию она связана с записью на первой странице следующей тетради Достоевского (см. стр. 168, примеч. 2) и предваряет характеристику Генерала в новом плане (см. стр. 170).*
[8] Об искушении ∾ (рассуждения). — *заметка другими чернилами; возможно, она относится к последним наброскам данной тетради (с. 134), а именно к фразе:* С Дядей о многом рассуждает: застрелиться вместе, о Христе.

29 октября 1867 года.

ЗАМЕТКИ.[1] ⟨с. 1⟩[2]

29 октяб⟨ря⟩ 67.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПУНКТЫ И РАЗДЕЛЫ РОМАНА

Первоначально. Идиот представляется в ожидании и в тревоге; как будто есть какое-то дело. Он движется усиленно и тем как бы себя обманывает и разгоняет тоску. (N3. Как будто есть цель, а цели-то и нет.)

Он уязвляется Генералами и Геро — не карьерными целями и не любовью к Геро, а чувством combativité.[3] Принимает в усиленное внимание и выпытывает Сына (хотя Сын производит на него впечатление) и, приехав домой, тотчас надувает Дядю — безотчетно, становится ему врагом — еще не имея определенной цели. Софья Федоров⟨на⟩ и проч.

У Генералов происходит его торжество (от которого ему тотчас становится *стыдно*).[4] Потом торжественные разговоры с Дядей, потом *выходка* и *поступок*, потом жженый палец Геро, потом волнение, потом сожженный дом и растление Умецкой.

Потом вдруг полная апатия: для чего, зачем? Про Геро он и *не мечтает* и даже *не желает* ее. Le jeu ne vaut pas la chandelle.[5] Он затворяется от всех и шатается даром. Дядя ищет его. Самоубийство.[6]

И вот он затевает всю бурду от нечего делать. *Мучает* Дядю, покоряет Генеральшу и *опутывает Геро из игры.* Но игра [7] не дается даром. Вдруг ревность. Чтоб не доставалась Сыну, к Дяде. Любовь.[8]

И затем вдруг Геро — любит его. Безумие и исступление.

Финал великой души.

Любовь — 3 фазиса: мщение и самолюбие, страсть, высшая любовь — очищается человек. ⟨с. 3⟩

---

[1] *В нижнем углу страницы заметка:* Запущение семейства. Генерал преследует свою.

[2] *Здесь и далее в ломаных скобках указаны страницы тетради Достоевского: ЦГАЛИ, ф. 212.1.6.*

[3] воинственности (*франц.*).

[4] (от которого ∾ *стыдно*). *вписано.*

[5] Игра не стоит свеч (*франц.*).

[6] Он затворяется ∾ Самоубийство. *вписано.*

[7] *Далее было начато:* пре⟨вращается⟩

[8] *На полях против текста:* Он уязвляется ∾ Любовь. — *заметки:*

N3. Покоряет Дядю до рабства и до безумного фанатизма. Мучает Левеньку. Овладевает Генералом и измучивает его тем, что влюблен. Управляет всей Генеральшей. Инженер, Дипломат — все в руках его.

N3. Сына тверже очертить. [Сын к нему холоднее. А он к нему жарче.]

N3. У Дяди, главное, с *Сыном*. Он всё жалуется и советуется с Идиотом. Сын тоже не берет денег. Он мучил Сына воспитанием.

Или: все очень добродетельные, высокие и великодушные, но к нему несправедливые. Он побочный. Его усиленно ласкают. Это возбуждает в нем ненависть. ⟨с. 4⟩

ТОЧКИ

Генерал — известный характер. Надежда на Дядю.

Жена его — хорошей родни. Старшего Сына к брату Сенатору и проч. Строить карьеру. Идиот, всегда считавшийся идиотом. Зависть и гордость.

Дядя.

Воспитанница.

Дочь Маша.

Инженер.

Долги Генерала.

Откуда взялся Идиот? (Все ему, что он падает на плечи.)

«Здесь у нас даром хлеба не едят». Идиота присылают откудова-то с письмом наследники крестной матери, взявшей его к себе в деревню старухи, за то, что его не любят, умершей без завещания, — жившего в праздности, читавшего. Родственники после смерти держали его некоторое время и прислали (требуя денег), описав его *достоинства*; дрался.

Генерала ждали откудова-то; бунт, в доме приготовлявшийся.

Характер старшего Сына: благоразумен, эгоист, с поэтическими наклонностями, маменькин сынок, тщеславен.

У Воспитанницы 200 000.

Характерная мать и маменькина дочка.

№3. Начало романа уже с полгода по приезде Идиота. Уже всё положение обозначилось, уже все ненависти... (в драматической форме).

Идиот всё молчит. Как он служил — в рассказе.

Обидел Мать. Обидел братнину невесту.

Ждут Дядю — последняя надежда. Дядя решает навестить. Штуки Инженера.

«А вот у меня плетка». У Дяди. Пишет бумаги Костенькиныч.

№3? (Инженера обокрал Левенька. У Идиота свои деньги, торгует.) [1]

Когда его выгнали за Воспитанницу — он ей признается в любви и сжег палец.

Начало. Поминутно готовящийся бунт, все в волнении, все один другим недовольны. По поводу истории Инженера.

Идиот готовит обвинение, что Генерал влюблен в нее. Ей говорит, что ее берегут для наследства. Проигран процесс. ⟨с.5⟩

---

[1] *На полях против текста:* №3? ∾ торгует.) — *помета: Не надо.*

30 октября.

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ТЕМА

Семейство.

Генерал. Характер строгий, деспотический, мрачный, страстный. Из-под суда. Всё потерял по своей вине и самодурству, которое, чем хуже обстоятельства — тем более усиливается, а не уменьшается.[1] Справляется с кредиторами. Хочет держать семью в прежнем деспотизме и порабощении. *Фигура старого времени.* Сам видит, что нельзя по-старому. Зависит материально от семьи, и это ему мука: потому что усиленно суров, чтоб не показаться благодарным, тогда как *действительно* любит и благодарен. Покровительствует Воспитанницу и только под конец, когда лопнул процесс, подозреваем с ужасом и Матерью и Сыном. Сам, наконец, в ужасе, что влюблен в Воспитанницу. С братом в известных отношениях.

Генеральша. Характер такой же деспотический, но подчинившийся под немыми условиями. Не без великодушия. Всё для Ганечки. Сбивает его другим браком и соблазняет (Ганечка не таков). Ждет процесса. Бывшая гонительница Идиота, ненавидит его. (Особенно за участие Дяди.) Ухаживает за Дядей, по-своему.

Ганечка. Чистый, прекрасный, достойный, строгий, очень нервный и глубоко христиански, сострадательно любящий. От этого мука, потому что при таком *страстном сострадании* разумен, предан долгу и непоколебим в убеждениях.

Глубины и заносчивости в идеях нет, хотя умен, образован и мыслил. Но *чувство* преобладает в натуре. Живет чувством. Живет сильно и страстно. Одним словом, натура христианская.

Идиота любит и прощает, но не соглашается с ним. Идиот, *порывами,* страстно любит его, но *вообще* злобно насмешлив, не сдается и отвергает его.[2] Идея, что Генерал влюблен, — главное, остановила его. *Еще неофициальный жених.* В припадке бешенства[3] Геро *сама* ему отказывает. Бежит с Идиотом от Дяди и проч. Очаровательно-весело-великодушно-легкомысленный и увлекающийся характер.

Идиот. От первого брака. Из деревни. Образован — всё скрывает. Нарушает деспотизм неповиновением. Укалывает сердце Генерала; оскорбляет Генеральшу. Любит Геро, но считает себя недостойным и за это ненавидит Геро. NB. Ненависть его даже и не объяснять. Он интригует и клевещет. Он раскрыл глаза Ганечке о Генерале и любви его, Генеральше тоже. Он, войдя в семью ничтожеством, стал над всеми. Геро поражена его любовью. Великодушие его в деле с Левенькой поражает ее.[4] Потом она его пугается.

---

[1] и самодурству ∾ не уменьшается. *вписано.*

[2] очень нервный ∾ отвергает его. *вписано.*

[3] *Было:* страсти

[4] *На полях против этой фразы помета:* ? Выдумать.

N3. Сначала Идиот производит в семье бунт. Когда он приезжает, он только видит начало и желание бунта, но затевает бунт сам, на свой счет. Потом входит во всеобщую доверенность. Овладевает Ганечкой. N3. Он хочет только погубить ⟨с. 7⟩ Геро; узнает же, что влюблен в нее, совершенно нечаянно, после побега.

Дядя. Известное лицо. Женится на Умецкой.

Идиот отдает Геро брату. Сходится с Умецкой. N3. *Знал ее прежде в деревне. Генерал* умирает. (N3. Если же сделать его счастливым, то сделать его великим лицом, с великодушнейшими и симпатичнейшими наклонностями.) (Ганечка тоже должен быть самое симпатичнейшее, кроткое и сильное лицо из всего романа.)

Инженер, Маша, Левенька, старуха Мать, родня Идиота,[1] начальство Ганечки, Сенатор, Дипломат. *И происшествие????*

Главная тема романа:[2]

Все эти характеры, но над всеми Идиот, тоскующий, себя презирающий и до бесконечности гордый характер, всеми овладевающий, чтоб насладиться своей высотою, а их ничтожеством, ненавидит и не уважает[3] до отвращения свой успех и свои наслаждения,[4] *тоскующий, наконец, от своей роли*; вдруг увидевший исход в любви.

Сначала:[5]

1) Мщение и самолюбие (мщение *ни за что,* сам признает это, и это *черта*).

Потом:

2) Бешеная, безжалостная страсть.[6]

3) Высшая любовь и обновление.

N3. (Помещает Геро после побега у своей родни. *Родня Идиота? NB.*) ⟨с. 8⟩

30 октября.

ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ

1) Когда Дядя приходит к Идиоту и говорит, что он напоминает ему многое и что, верно, мщение... Идиот отвечает, что ему *не за что* и *некому* мстить (черта).

Сам, впрочем, был воспитан безобразно и у тиранов. Узнал Умецкую. *Его родня.*[7] (Воспитан у своей родни?)

2) Генерал — есть пораженное в сердце самолюбие. Уязвлен во всем своем лучшем внутри. Деспот, парадоксален, несправедлив, стоек, рыцарски честен, мрачен и порывист. Ни с чем в себе

---

[1] *Над словами:* родня Идиота — *помета:* Умецкие.

[2] *Текст:* (Ганечка ∾ тема романа — *объединен фигурной скобкой и отмечен знаком вопроса.*

[3] *Далее было начато:* свое

[4] ненавидит ∾ наслаждения *вписано.*

[5] *Далее было:* безжалостно страстный

[6] Потом: 2) Бешеная, безжалостная *вписано.*

[7] *На полях рядом со словами: Его родня. — знак вопроса.*

не умеет справиться, чувствует это и во всем через край, от этого страдает всю жизнь.[1] Идея, что он влюблен в Геро, *посеянная и развитая* Идиотом, убивает его.

3) Сначала, прежде, *Генерал и все* жили в блеске и славе. Тогда-то мучили (?) и отвергали Идиота. Теперь же, *в начале романа,* он сходится с ними, когда они унижены.

4) Роман начинается затруднениями семейными и прибытием Идиота.

5) Генерал и семейство *тянутся из последнего,* чтоб жить и *принимать.* Маша *хочет* давать уроки, против желания всего семейства.

5) Идиот сходится с Дипломатом (сводничает Геро). Является на вечера в grand monde,[2] где и[3] Генерал и Генеральша. Замечательный вечер, блеск Идиота, удивление всех и особенно Геро. А Генерал обижается и выгоняет Идиота.[4] Он из мщения, *главное из ревности,*[5] сует ей Дипломата. (Или из разведки: потому что Геро приласкана у Сенатора и кокетничает с Дипломатом. Ревность за это Генерала. Всю эту интригу ведет Идиот.)

7) Генерал и Сенатор старинные враги по службе и пикируются.

8) К Дипломату сует Геро из *сокрытой* ревности. Он бы желал (пароксизмами) опозорить Геро, сделать ее распутной.

9) Высокое уважение к нему Дяди, у которого он вначале состоял писарем. Дядю он покоряет и подчиняет и царит над ним из *наслаждения царить над ним.* Но Дядя и сам пронимает его любовью. Встреча и борьба характеров. Дружба безумная, ревнивая и сумасшедшая. (Объяснить и поставить *точнее* и *яснее.*)

10) Эпизод пожара, пальца и растления — всё вдруг и как бы нечаянно. И в романе чтоб показать, на что способен Идиот.

NB. Без объясненья. ⟨с. 9⟩

Ганечка на очень хорошей службе, надо дорожить.

Генерал ездил в губернию. Возвратился недавно. Без него признаки бунта.

Долги (4000 р.), найти где хочешь, к брату.

Дядя не дает 4000 р. Но 100 р. в месяц дает. Обида Генерала. Не принимает. Из-за этого история в семействе. Подвернулся Идиот. Пропажа 4000 — Левенькой. Идиота выгоняют. История (непочтительность к Генеральше). Генерал, по настоянию семейства, соглашается принять 100 р.

Особые отношения Генеральши к Дяде. Вечная пикировка.

Отношения с Инженером у Генерала. Бешенство Генерала.

Генерал возвращается и *сам* привозит Идиота. Тем начинается роман. Прежде было письмо, что вернется с Идиотом.

---

[1] Ни с чем ∾ всю жизнь. *вписано.*

[2] высшем свете (*франц.*).

[3] *Далее было начато:* Отец яв⟨ляется⟩

[4] А Генерал ∾ Идиота. *вписано.*

[5] *Выделенный текст вписан.*

Генеральша без него затеяла сношения с Дядей. (Процесс Геро.)

При приезде Генерала решили скрыть, что получают от Дяди 100 р. Дядя бывает. Генерал решился утром навестить его и просит 15 000, потом 4000 р. ⟨с. 10⟩

1 ноября.

Ход дела. С горы.

Impromptu.[1]

Вечер у Генеральши. Ганечка и Мать. «Не женись, не объявляй». Экзаменует: не было ли объяснений? Благородные ответы Ганечки. Мать плачет. Он ее утешает, об Отце и о бунте. О Маше и Инженере вскользь.[2] Идиот в углу слушает. Письмо Инженера об ярлычке и требование удалить Идиота (Левенька). И Костенька, пришедший и приведший Геро, волочится за ней и говорит, что Сенатор влюблен в нее. Уходит, его ждет у ворот Левенька. Молодой разговор. Сговариваются. Идиоту грозят Дядей. Ганечка ему два слова (почтительных) с упреком, что он прикидывается идиотом. Мать хоть и говорит, что прикидывается, для обвинения, но в то же время и дразнит его идиотом — embarras de richesses [3] в упреках и поддразниваниях. Грубость Маши, прошедшей мимо в комнате. Маша и Инженер у себя. Фрукты.

Все в особенном волнении, что Генерал скоро будет. Об этом возвещают Геро.

Является Дядя. Откровенность Матери для обмана. Излияния и слезы. 100 руб. в месяц тихонько от Генерала. О скором приезде Генерала; о его неуспехах и деспотизме. Мать так и льется перед Дядей. Особенный шик генеральского достоинства. (Вскользь récapitulation[4] истории отношений семейных с Дядей.) Об Инженере и Идиоте. Полный рассказ. Инженера просит явиться заявить почтение (как он, не письмом?). Инженер является и жалуется. Рассказы об Идиоте. «*А вот у меня плетка*». Геро уходит. Инженер уходит с усиленною учтивостью и негодованием и в глубоком уважении к Дяде. Дядя поражен — о Геро, разговор о Геро. История Геро и семейных отношений. Дядя сбирается домой, вдруг Генерал.

№3. *Interim.*[5] (Идиот провожает Геро. Разговор. Встреча с Умецкой и с Левенькой. Возвращается домой.)

Является Генерал. Внезапная встреча с братом. О 100 р. скрыто. Солидно и важно, но польщен. Дядя спешит уходить. Инженер

---

[1] *Экспромт* (*франц.*).
[2] «Не женись ∾ вскользь. *вписано*.
[3] нет недостатка (*франц.*).
[4] краткое повторение (*франц.*).
[5] Между тем (*лат.*).

прощается. Маша, Сын и Идиот. Всё семейство в сборе. Генерал: «Да, я всё потерял». Кормить. «Но не хочу потерять авторитет». В коротких словах свои дела. Достать денег. Долги.[1] Наконец, расспросы семейные: о Дяде наскоро (скрыто о 100 р.), об Инженере и Маше. Бешенство Генерала. Отказать. Бунт Маши. Мать молчит. Ганечка заступается. Фортепьянные уроки. Машенька говорит: «Я и сама выйду». Генерал кричит, что он поддержит свой авторитет, что он нищий, но владыка. Саркастические выходки о власти детей. «Я повивальную бабку позову». Об Идиоте. (P. S. У Генерала идея, что он неправ перед Идиотом.) ⟨с. 17⟩ Для Идиота и Дядю требовали. (Выходка Идиота при бунте Идиота.) Полный отчет об Идиоте и об Инженере. О том, что Идиот непочтителен. Идиот есть идиот. О Маше и об Инженере.

Наконец, о Геро, и это главное. Зачем она поступила в гувернантки. Сама не захотела. Ложится спать. О плачевном положении своем. Нельзя ли достать денег?

Наутро мирятся с Машей. От Инженера письмо.[2]

Об Генерале (подробности).

Ганечка и Геро. Идиот и Ганечка (яд начинается). Идиот и его родня. Умецкая. Деньги у Умецкой Идиотовы. Наивность Умецкой. Мечты.[3] Костенька и Левенька.

Идиот у Дяди. Дядя. (Странная фигура.) Отношения с Идиотом. О том, что Дядя видел Идиота на улице с картиной.[4] Костенькиныч о том, что он не идиот.

Толкотня с 4000 тыс. Покража. У Идиота деньги.

Генерал [5] изгоняет Идиота. Дядя тоже.

Сцены Идиота и Дяди.

Идиот и Генерал.

Идиот и Ганечка.

Процесс проигран. Гром в доме. Сам влюблен. Смута...

1 ноября.

Нехорошо. Главной мысли не выходит об Идиоте.

Надо: Идиот — сын Дяди.[6] ⟨с. 18⟩

Идиот — сын Дяди (смотри № 1).[7] Заметки на всякий случай.

Главнейшая сцена: Идиот у Генералов. Идиот пленяет всех детскою наивностью.

№3. (Происшествие, родня[8] и проч.)

---

[1] Долги. *вписано.*
[2] *Далее было:* Идиот и Ганеч⟨ка⟩
[3] Деньги у Умецкой ∾ Мечты. *вписано на полях.*
[4] О том ∾ с картиной. *вписано.*
[5] *Было начато:* Дяд⟨я⟩
[6] *1 ноября.* Нехорошо. ∾ Дяди. — *заметка на полях.*
[7] *Т. е. с. 9, Заметки к теме, № 1 (стр. 171).*
[8] родня *вписано.*

Ноября 2.

Идиот приезжает довольно апатичный, бесцельный, с грустию, вошедшею внутрь. Первое время *бродит.* Правда, внутри что-то вроде тревоги, но сокрыто и *неясно* даже для самого себя. *Недоверчивые предосторожности* в вагоне с Сыном и *коверканье* с Дядей показывают, впрочем, что он, в уединении, долго и много думал о своем положении и вообще, *отвлеченно,* взял меры на будущее. Но после первых шагов тоска, язвительное чувство самости, жажда проявления и гордости показываются. Ему хочется *шагов, карьеры.* Он завидует Сыну. Об Генерале с ненавистью с Сыном и *едва мечтает,* что может протереться туда. *Сын его уведомляет об этом.*

Прежних родственников (от Костенькиныча узнал, что они в Петербурге, и *встретился*) посещает. (Умецкая — старый друг.)

Побочные дети. Сын с Отцом о побочности.

N3? Фигура Дяди над всем. *Это главное.*[1] ⟨с. 11⟩

Софья Федоровна: его мать повесилась.

Несколько раз Вл⟨адимир⟩ Умец⟨кий⟩ покушается на Умецкую. Сын тоже. ⟨с. 12⟩

Так себе:

N3. *Разговоры Отца с Сыном.* Откровенности о роли ростовщика, о Графе и проч. Сыну всегда были неприятны подобные откровенности, ибо за ними всегда спешило в Дяде проглянуть чувство гордости уязвленной и требование благодарности за откровенность.

Разговоры Сына с Идиотом. Про Отца Сын: «Это была мрачная и сильная фигура. Теперь он и более мрачен и более экспансивен». «Бабья чувствительность одолела», — говорит Идиот. Сын защищает Дядю — с достоинством.

Сын спрашивает Идиота о карьере. Разговор о ростовщичестве.

Разговоры Идиота с Дядей. Дядя хоть и считает его идиотом, но несколько раз, *еще до Генерала,* сомневается и с насмешливым, ядовитым упреком экзаменует Идиота.

Идиот на вопросы Сына о карьере: «Вы, верно, интересуетесь, на какую часть наследства я претендую. Вы знаете, что ни на какую. А впрочем, мне приятно думать, что Дядя думает, будто я в нем нуждаюсь, *живу у него* и так от него завишу. Пусть, пусть думает».

Идиот с Сыном о карьере. Сын: «Как же вы можете оставить Дядю? С чем? Как?»

Идиот: «Меня это не пугает. Не знаю. Ведь Дядя очутился же один *на тротуаре».* (Это Сын еще прежде передал *ему* историю Дяди.)

---

[1] *Фразы:* N3? Фигура Дяди ∾ *главное, — вписаны на полях.*

О Дяде и ростовщичестве.

???? Попытки Идиота[1] *на Толкучем.*

Загадочное свидание Идиота с Умецкой. *Умецкая:* «У меня свои деньги». (Обокрали Инженера. Нашли у Умецкой. Умецкую взял Идиот. *Идиот свою квартиру нанимает еще перед Генералом.*)

Торжество Идиота у Генералов было для него самого нечаянно. Он пошел по беспокойству.[2] А там — вдохновение. После того сейчас сцена с Генералом. С Умецкой. Опозорил. Зажгли.[3] ⟨с. 13⟩

На другой день после Генералов Дядя у него. О царе иудейском. Дядя предлагает ему всё и плачет. Тот смеется.[4] (Об Умецкой.) После этого, недолго спустя, разговор о самоубийстве и женитьбе. (Инженер обокраденный.) *Лопнувший процесс.*

NB. Тут во второй части непременно как-нибудь столкновение Генерала с Идиотом, встреча у Сына? (и история кражи Левеньки) — сходится с Генеральшей.

Он втерся к Генералу.

А между тем, *interim:*

Идиот заперся к себе. Тоска. Мука. Бред. Встречи с жильцами и проч. (Истории.) Смерть Софьи Федоровны (у Идиота капитал).

Последняя заметка

Прыгунчик — родня Сына.

А семейство Инженера (старик Вл⟨адимир⟩) — дальнейшая родня Идиота. Умецкая — сестра его (но от другого отца).[5] ⟨с. 14⟩

ВОПРОСЫ И ЗАГАДКИ

Не сделать ли так, что Мать Идиота жива (характер).

NB. Дядя же всегда пренебрегал Идиотом. Он думает, что Мать потаскушка где-то в губернии. От купца Идиот узнает, что Мать в Петербурге.

Идиот отыскивает Мать, грязь, ужас и характер.

Или: Мать его замужем. Странная семья. Бедные.

Мать действительно бежала от Дяди с купцом, оставив ему Идиота. (А потом за чиновника-старичка. За старичком и ходит.) А от Дяди прячется. У ней дочка. С дочкой разговор про науки. *Причина, почему они в Петербурге?*

---

[1] *Было:* *Сына*

[2] *Было:* по вдохновению

[3] Торжество ∾ Зажгли. *вписано на полях.*

[4] *Далее было начато:* После этого

[5] *Было:* (но от другой матери)

— А вот этот купеческий.

— А чуть было, чуть я за Князя не вышла замуж.

NB. ГЛАВНОЕ.

Муж — старичок пьяненький. *А к Матери* ходит Прыгунчик[1] и ее содержит: это, где Инженер, родня Сына. (Умецкая же тоже у них.) (А если Прыгунчик, то он протежирует Идиота. Обкрадывает[2] Инженера и свое семейство. Но к Матери, главное, ходит Купец (и Купец, и Прыгунчик). Да еще узнает он, что Дядя, через Костенькиныча, делает вспоможение.)

NB. Без Прыгунчика, просто Купец, а Дядя вспоможение, но Прыгунчик является, по старой памяти.

Тут и Софья Федоровна.

Но Умецкая? Это,[3] где он воспитывался.

Инженер — сын Вл⟨адимира⟩ У⟨мецкого⟩. У них Умецкая и Побочный сын. Они знакомые Дяди. А родня Сына — Прыгунчик. (Инженер-жених у Прыгунчика.) Левенька[4] тоже у них, и чахоточный старший чиновник.

Идиот — законный Дяди и родной брат Сыну, но отверженный с детства и никогда не видал *Сына*. (Интересный молодой человек.) Воспитывался у Умецких. А у Сына своя родня. (Сын — старший. Идиот — младший.)[5] ⟨с. 15⟩

2 ноября.

Наскоро.

Он законный, но непризнанный сын Дяди. Идиот. У Умецких его обвенчали. Потом Дядя послал его в Швейцарию. Дядя всю жизнь боролся с сомнением: *его ли*[6] это сын или нет? Умецкие это знали. Он женился в особом расположении духа.

У Умецких он жил особенным образом: вечно в битве с ними и любя, как они подличали иногда перед ним.

Швейцария — темно и грустно. Читал. Зависть и злость. Вагон и проч. по-прежнему; два брата.

NB (впоследствии): «Пожалуй, будем говорить „ты" друг другу».

Старший Сын, измученный Дядей, с ним в раздоре за Мать.

Уезжая в Швейцарию и из Швейцарии, Идиот велел Умецким, под страхом потерять всё (NB. «Содержания ей даже не дам и награждения вам никакого»), не сметь извещать Дядю, чтоб шито-крыто. К его возвращению переехали и они (и по своим делам). (Инженер) (под судом). Жена и Умецкая ушли к старухе родственнице.

---

[1] *Было начато:* Кн⟨язь⟩

[2] *Далее было:* семейство

[3] *Далее было начато:* род⟨ственница⟩ ⟨?⟩

[4] *Было:* Побочный

[5] *На полях рядом с этим абзацем каллиграфическая запись:* Маша.

[6] *Было начато:* законн⟨ый⟩

Юродивая Умецкая, мстительница и ангел. Жена училась...

Он приехал и распорядился молчать. Жене дал 15 р. (Сказал брату?) С Женой не живет.

Всё колебание первой части, тоска, мщение. Сцены с Женой по-прежнему.[1] Объяснительные для всего романа разговоры и сцены с братом и с Дядей — по-прежнему.

Упоение при удаче у Генералов.

Потом мрачное заключение в себя. Мучение Жены. То с ней близок, то отталкивает. Ненавидит и ревнует (черта).

Затем поддразнивает Дядю, что женат.

(Дядя к Жене и Умецкой.) Он уходит от них и вдруг как с цепи срывается, бросается к Генералу, к Геро, Геро он не любит. Но так... Овладеть всеми, восторжествовать ⟨над⟩ всеми и отмстить всем (а за что — неизвестно). (Он побочный сын.)

Он доводит дело до того, что Геро бежала. Жена у Геро и у Умецкой. Он открыто любит Геро и *потом* уступает. (Странно как-то.)

№3? Или: *никому* о его жене неизвестно, и Геро, и Дядя, и брат не знают. Уже под *конец* Умецкая объявляет Дяде.

Главное. Всех покорить под себя — сначала брата и Дядю (Жену деспотирует и Умецкую), потом Генералов, потом Геро. ⟨с. 21⟩

Идиот рассказывает Сыну, почему он прослыл идиотом. Смолоду была болезнь. «Умецкие всё писали, что я идиот, тянули деньги за докторов. *Никогда, должно быть, никто не надоедал Дяде, как я тогда.* Он обещал даже послать узнать, но он не справлялся лично и не посылал». Перед поездкой в Швейцарию женили пьяного. (Потом оказалось, что он женился из сострадания, он их кормил.)

Никто не знает, что он женатый, до последнего времени. *Он законный сын.*

Его отправлял из Петербурга в Швейцарию Костенькиныч с оказией. Дядя был в отсутствии.

Он считает, что Жена не портила его карьеру. Но ему приятно ее помучить. Он боится всех от самолюбия. Он хочет 1-го места. У Дяди не хочет брать.

№3. Геро язвит его насмешками всё время и кокетством.[2] Любит Сына, сама не зная, проблематически. И вдруг, в последнее только время, объявляет ему, что любит его.

Он гнал Геро и мстил ей *за насмешки ее* и за то, что она не могла ему достаться. Он не верит, чтоб она могла полюбить его.

Он воображает, что лицо и фигура его ужасны, и не верит, когда ему говорят, что он даже [3] хорош, приятен собой.[4]

---

[1] по-прежнему *вписано.*

[2] и кокетством *вписано.*

[3] даже *вписано.*

[4] *Далее между строками, а также на полях каллиграфические записи:* Victor, Victor-Emmanuel, Tiers — *и др.*

В Швейцарии только 2 года.

Обнимает, целует Жену, поверяет ей тоску свою и потом отталкивает, укоряет ее, зачем он любит Геро. Та до страсти его любит. Он ей с насмешкой: «Я урод».

Прыгунчик — кандидат в отцы его.

N3 (обдумать) N3? ⟨с. 22⟩

Умецкие, по *частному письму,* знали, как Дядя ценит Идиота; может быть, признает его и сделает наследником.

Уговорились и они с ним, что как он войдет в милость Дяди, то и признается ему, что женат.

Когда же похитил Геро к себе, он сказал Геро и Умецкой: «Не говорите ей» — и сидел на⟨д⟩ ней, когда она терзалась и была в бреду.

«Я слышал ее признание».

Геро — княжна. У ней знатная родня. А он просто Птицын.[1]

Идиот — в канцелярии у Генерала место.

N3. На станции с Геро у *него* вышла смешная сцена. Она вспомнила и просила Дядю привести его.

Он Дяде: «Вы отвергли меня и мать; отвергаю и я вас».

У него потом оказался в руках документ, что он *законный,*[2] но он не хотел его показать Дяде и поддразнивал его, что он незаконный.

Его мать повесилась.

Ему только казалось, что Геро любит Сына. Она любила его. Сын уведомил Дядю, когда уж тот сделал предложение.[3]

Умецкая не сестра.

Его женили на девушке, прижившей ребенка.[4] Ее привезли тогда из Саратова.[5] Очень били и выдали за него. Думали, что он не знает. Но он знал, что ребенок есть, спрятан тихонько. Умецкая ходила. Он ходил и ласкал ребенка.

Он Дяде сказал, что Сын любит Умецкую.[6]

Оказалось, что Геро его любит, но он всегда отвергал Геро, а отвязаться не мог, был влюблен, тщеславие беспредельное. ⟨с. 23⟩

Ребенок втайне. Мать не знает. Умецкая знает. Он его содержал втайне.[7]

---

[1] *На полях заметка:* Птицын ли?

[2] *На полях еще раз написано:* Законный.

[3] *Далее было начато:* Впосле⟨дствии⟩. *На полях против этого абзаца поставлен знак вопроса.*

[4] *Далее было начато:* Думали, что он

[5] Ее привезли ∾ Саратова. *вписано.*

[6] *Текст:* Ему только казалось ∾ любит Умецкую. — *объединен фигурной скобкой. На полях рядом с ним запись:* Дядя, чтоб Сын женился, женится на Умецкой.

[7] *Текст:* Ребенок ∾ содержал втайне. — *объединен фигурной скобкой и отмечен знаком вопроса.*

Геро давно сказала Сыну, на признание его, что любит Идиота. Когда Дядя хотел свататься,[1] Сын сказал Дяде, что Геро любит Идиота. «Пусть женится». Дядя на Умецкой (которую знает).

Идиот говорит, что нельзя — женат. Он любил Геро, но отвергал. Боролся сам с собою. Борьба мщения с любовью.

Сводит Геро с Сыном.

Дядя умирает.

Сначала волочился и привлекал Геро (равно как и карикатурил с Дядей) — потом отказал Геро, потому что полюбил Жену высоким состраданием. *Но мучает ее.* Борьба с самим собою. Мучает Геро за то, что она не может быть его.

Разговор Идиота с Сыном *о полезной деятельности:* безмолвное, внимательное, но равнодушное выслушивание Идиота, как будто не об том и речь.

ГЛАВНАЯ И ОСНОВНАЯ МЫСЛЬ РОМАНА, ДЛЯ КОТОРОЙ ВСЁ: та, что он до такой степени болезненно[2] горд,[3] что не может не считать себя богом, и до того, *вместе с тем,* себя не уважает (до того ясно себя анализирует), что не может бесконечно и до неправды усиленно не презирать себя. (Он чувствует, что тупое мщение всем за себя — низость, и в то же время делает, злодействует и мстит.) [4] Он чувствует, что ему не за что мстить, что он, *как и все,* и должен быть доволен. Но так как, из ⟨с. 24⟩ безмерного тщеславия и самолюбия и в то же время жажды правды, он требует больше всех, то ему всего этого мало.

В развитии и в окружающей среде он почерпнул все эти яды и начала, которые в кровь вошли. Великодушие и требование любви у кругом оскорбленного сердца безмерные. *Их он не имел,* и потому он тем, которых бы он хотел бесконечно любить и за них кровь отдать, всем *дорогим* ему, он мстит и злодействует.

Вместо полезной деятельности — зло.

На будущее — расчет: буду банкиром, царем иудейским и буду всех держать под ногами в цепях. «Или властвовать тирански, или умереть за всех на кресте — вот что только и можно, по-моему, по моей натуре, а так, просто износиться я не хочу». (*Отрывочное* замечание его Сыну.)

Или он раз сел и написал свое завещание. Хотел убить себя, но не убил, а начал интригу.

Сожгли дом.

№3. «Для чего я обязан любить женщину, которую не люблю?» И за обиду ее вступился до бесконечности.

Зависть к Геро.

№3. «Если б вы знали, во что ценю я эту людскую славу! Но если б вы знали, как я *дрожал, являясь к Генералам* или много

---

[1] *Было:* посватался

[2] болезненно *вписано.*

[3] *Далее было:* и зрело видит всё ничтожество окружающего

[4] *На полях заметка:* Всё это анализы с Дядей, с Сыном, с Женой и с собой.

раз, от мысли: ну, как узнают, что я женат! Что мне в карьере? А я мучил жену за карьеру».

Получил торжество и признание от Геро, и, *первый раз,* обладал Женой — и потом оттолкнул.

Страдальческая и наивная (характерная — *действительная*) фигура Жены. ⟨с. 25⟩

Драгоценный вопрос и ответ:

— Вы кончите или великим преступлением, или великим подвигом, — говорит ему Сын.

— Дай бог! — отвечает он совершенно серьезно и неприметно.

— Но, наверно, ничем.

(Жажда подвига и что-нибудь сделать, чтоб выдаться и стать выше всех: зажгли дом, и палец.)

«Не могу взять деньги ростовщика».

(Ребенка любит страстно, ребенок умер.) У ног Жены, сидящей у гробика ребенка.

Он ей поверяет *всё* о Геро (исступление), но поверяет одни ругательства на Геро, поверяет одну бешеную злость, одно то, что он ее ненавидит,[1] как она его оскорбляет (Жена с мучением понимает, что он влюблен).

А тут вдруг Геро становится богачкой и аристократкой (и отвергла Дипломата, за *продажу* Дяде, устроенную Идиотом).

Геро кокетничала со всеми — и с Дядей и с Сыном — и всем отказала. Идиот подозревает, что она Генерала любит, и распространил. Она к Дяде пошла, потом вдруг к нему...

Он всегда *ненавидел* ее, но иногда бросал и запирался один. Растлил Умецкую. Оказалось, что Умецкая любила его всегда и жертвовала *ему и Жене* вся собой.

Это грубое растление было для нее громовым счастьем и смертию.

Она помешалась на всеобщем братстве. Увлекла Дядю.[2]

Для того чтобы Геро не отдаться Идиоту и объявить, что за него идет, — нужно так много ей удивить всех и каждого, что она просто, в исступлении и истерике, бежала к нему, и вдруг он женат. ⟨с. 26⟩

Идиот отдает ее, убитую, Сыну. Дядя умирает.

N3. Драгоценные вопросы и ответы — Идиота с Сыном:

Сын: «Но почему вы себя[3] так низко ставите и цените, так презираете? Я всегда это замечал с удивлением. Почему Геро не может полюбить вас и выйти за вас?»

Идиот с удивлением: «Меня? Урода, неловкого, не их общества, не их понятий, сына ростовщика, отверженного, всеми ненавидимого?»

---

[1] *Далее было:* [Жена] И тут вд⟨руг⟩

[2] *Далее было начато:* Дядя ж⟨енится⟩

[3] *Далее было начато:* как я всегда

Сын: «Кто вас ненавидит? Вы сын миллионера. Вы можете быть всем».[1]

Идиот: «Меня ненавидят все, которые не понимают. Я это знаю. Я верую не так, как они. Я не миллионер, а нищий. Я не могу быть не ненавидим, потому что я хочу быть выше их, а так как это нельзя, то я их ненавижу, а стало быть,[2] и они должны за это меня ненавидеть. Наконец...[3] — смотря в глубь Сына, — я не могу не сознаться, что я низкое и гадкое существо, а потому и знаю, что достоин ненависти».[4]

Сын (про себя [5] или потом, говоря с Геро): «Он слишком много любит и слишком много требует от любви. Не видя и окруженный *другим,* ненавидит. Вместо подвигов *любви* (ежедневных, стало быть, по его мнению, слишком мелких) лучше решается делать злодейства, мучить и мстить. За это сам себя презирает. Ему надо геройства».

Идиот (выходя, подумал): «Странно: при этих вопросах и ответах Сына и дебатах — почему Геро не может быть моя — я ни разу не подумал о том, что я женат».

№3. Дядя вначале говорит ему: «Ты должен служить у Генерала. Ты *Птицын* и должен заслужить чин».

Он идет. Генерал удивляется: «Как это вы?»

Дядя: «Он идиот».

Разговор Дяди с Генеральшей. Вследствие этого разговора: «Приведите к нам».

— Как же, Дядя говорит, идиот?

Сын говорит, что он таинствен.

— Приведите.

Уводя его к Генералам, Дядя говорит: «Я предупредил, что ты идиот».

После вечера Генерал тотчас же принимает его на службу. Сын тоже способствует, рассказывая, что это чрезвычайно странный человек и мыслитель.[6] ⟨с. 27⟩

ИЛИ МЫСЛЬ

Когда он похитил Геро, Жене велел молчать (уж гробик ребенка только что был). Жена хворала очень и вдруг умирает. Признаки яда. Геро и Дядя *на него.* Он прямо объявляет: «Да, я убил». Умецкая молчит, но наконец показывает письмо ее. «*А все-таки я убил*», — говорит Идиот.

---

[1] *На полях каллиграфическая запись:* Птицын.

[2] *Было:* а за это

[3] *Далее было начато:* смотря не на *Сына,* — эта гордость и в то же

[4] *На полях рядом с текстом:* Я не миллионер ∾ достоин ненависти». — *запись:* Или Птицын, или законный? (последнее решение). Но к развязке подвиг непременно.

[5] *Далее скобка закрывалась и было начато:* Слишком

[6] Как же, Дядя говорит, идиот? ∾ странный человек и мыслитель, *вписано на полях.*

Он от Дяди уходит. С ним Умецкая. Геро у Сына. У Дяди разлилась желчь. Наследство всё Идиоту[1] и часть Сыну. Идиот от всего отказывается.

Идиот с Умецкой.[2]

«Было счастье — не узнал его».

Ночью в ветр на могиле с Умецкой.[3]

Прежде этого бродил по городу. Умецкая за ним, на всех перекрестках.

— Надо[4] быть лучше, — сказал он, не понимая, что говорит, и странно улыбнулся.

— Да, — сказала Умецкая благочестиво.

— *Пойдем!* — сказал он Умецкой.

И оба пошли неизвестно куда (другое счастье).

N3. (Вл⟨адимир⟩ Умецкий настроил Дядю, что он отравил.)

Умецкая некоторое время придержала было письмо.

Письмо (слог Гольбейновой Мадонны).[5]

Прежде — страшная тирада Дяде *о царе иудейском.*

Восторженные разговоры с Женой, Жена в вдохновении благоговения перед ним.

Раз у него вырвалось: «Говорю тебе, потому что, кажется, ты одна меня понимаешь».

N3. Он попадает к современным юношам на проповедь о полезной деятельности. Весь вечер. Он промолчал и даже не подумал об этом.

Умецкая. Зачиталась Евангелия. В сумасшествии проповедует. Дядю сбивает с толку. *(Наивность Умецкой бесконечная. Это главная черта в ее характере.)* Об отрубленных головках, об оторванных ногтях, вначале зажгла.

Слишком забита, настоящая юродивая. ⟨с. 28⟩

«В Швейцарии — мы там часто Евангелие читали, и я после книги Ренана доктора спросил про *крест*. (Странно сошлись мы об оторванных ногтях и иголках.) Я сам именно этот вопрос в Швейцарии доктору сделал».[6]

Мечтания Умецкой о том, что думает оторванная голова. Картина.

«У ней всё такие картины, — говорит Жена. — Что она по городу видит, так это чудо! другим и в голову не придет. О том, *как* кладбище ходит по городу!»

---

[1] *Далее было начато:* Он о⟨тказывается⟩
[2] *Было:* с Геро
[3] Ночью ∾ с Умецкой. *вписано.*
[4] *Было начато:* — Пой⟨дем⟩
[5] *Вместо:* (слог Гольбейновой Мадонны) — *было:* (Гольбейнова Мадонна)
[6] Я сам ∾ сделал». *вписано.*

— Но что казнь на кресте рассудок расстраивает. А он и рассудок победил.

— Что ж, это чудо?

— Конечно чудо, а впрочем...

— Что?

— Был, впрочем, ужасный крик.

— Какой?

— Элой! Элой!

— Так это затмение.

— Не знаю — но это ужасный крик.

Рассказ о базельском Holbein Христе.

Как мученики землянки рыли.

О революции.

Об искушении Христа диаволом.[1]

Язык в зеркале.[2]

N3. Он любит Умецкую. Странная и *полнейшая* детская дружба к юродивой. Он всегда с ней толкует обо всем этаком.

Об обязанностях к Жене она никогда его не учит; она только делает.

Она в деревне *два раза* сарай зажгла. Чтоб было похоже и напоминало Ольгу Умецкую. Зажгла и в Петербурге.

МОЖЕТ БЫТЬ, ГОРАЗДО ЛУЧШЕ ЗАКОННЫЙ СЫН.

Еще с детства мысль: «Я буду человек *выше* всех».

Умецкая говорит ему потом: «Ты будешь человек выше всех. Ты должен ни перед каким подвигом не останавливаться».

Или в разговоре с Сыном: «То же самое я бы мыслил, если б я был и законный. Я бы всё отверг, и 1 000 000 руб.»[3]

Главное.

Он себя беспрерывно ценит и говорит, что он совсем не несчастен и совсем не обижен. ⟨с. 29⟩

Он совсем не несчастен, совсем не обижен, но ему всё не по мерке, всё теснит.[4]

Тоже может быть:

Сын знает тайну его, но не говорит Дяде, не предупреждает[5] и Геро — *не зная* и *не подозревая,* насколько[6] та его любит.

Идиот, тоже не подозревая и ревнуя к Сыну («Пусть же не достается»), сватает Дяде. Та, изъявив Дяде согласие, вдруг объяв-

---

[1] *Далее было:* В нем начало глубокого христианства.

[2] *Текст:* — Что ж, это чудо? ∾ в зеркале. — *вписан на полях вместо оставшихся незачеркнутыми фраз:* — Был, впрочем, ужасный крик. — Какой?

[3] *Было начато:* и богатс⟨тво⟩

[4] Он совсем ∾ теснит. *вписано.*

[5] *Незачеркнутый вариант:* не говорит

[6] *Было:* что

ляет Идиоту, что любит его, и бежит к нему. Тот в исступлении принимает ее.

Сначала бешенство страсти, потом раздумья («Вот весь подвиг моего дела!»), потом любви. Идет к Сыну, идет к Дяде, говорит ему о Сыне и любви его.

Генерал, Дядя и Вл⟨адимир⟩ Умецкий свидетельствуют об отраве. А он действительно у *Побочного* (знакомого с одним аптекарем) яду взял когда-то. У него и нашли.

Христианин и в то же время не верит. *Двойственность глубокой натуры.*

Язык в зеркале.

Разговоры и вечера у Жены, Идиота, Умецкой и Сына.

«Как можно после этаких разговоров *не верить*!»

Он приревновал Сына к Жене.

Была, кроме своей, и еще квартира.

№3. (Подумать о комическом [1] происшествии на чугунке.) Весь в дрожи сел в вагон и удивил Сына. ⟨с. 30⟩

3 ноября.

ИЗ ПОСЛЕДНЕГО

Главное: Он с самого начала и не воображает, что *может полюбить* Геро; да и незачем; этого и в возможности не считает. №3. №3. *Сын* же прямо влюбляется в Геро и сообщает об этом Идиоту, которого, самонеприметно и ненавистно, кусает зависть. И во весь роман он воображает, что ему тут и мечтать нечего. Не к рылу.

И даже в разговоре Сыну (с которым, по своей привычке, сначала кокетничала Геро, но которому, при одном таинственном свидании потом, с внезапным градом слез объявила, что любит, кажется, другого, но *не объявила кого,* — может быть, сама стыдилась; Сыну же и в ум не пришло, что Идиота, а пришли в ум другие) и в ум не пришло, когда он спрашивал Идиота на тему: «Почему вы себя так низко ставите?» — приравнять его Геро; и когда Идиот вдруг спросил: «Ну что, если б я влюбился в Геро, пошла бы она за меня?» — тот отвечал[2] замявшись:

— Да ведь ты женат?

— Не в том дело: если б я был свободен?

— Не знаю. — (Еще больше замявшись; а Идиот искал тайной усмешки, но ее не было.) — Не знаю — тут... тут дело... во всяком случае... будь принц-королевич, так и то нравится только милый... Впрочем, — поспешно прибавил он поправляясь, — почему ж? почему ж и нет?

---

[1] комическом *вписано.*

[2] *Далее было:* Не знаю

— Ну уж это ты поправляешься, а сначала и сам сконфузился, —сказал[1] вдруг Идиот, и оба вдруг замолчали.

Идиот, выходя, хотя и *вполне ждал* сам вышеприведенного ответа, на то и вызывал,[2] но как-то оскорбительно и злобно принял ответ, как будто и не ожидал его: «Стало быть, и вправду, что во мне что-то есть, — подумал он... — А может, он и ревнует!.. Он и не знает, что если б во власти моей была Геро и в возможности, так я бы и сам не женился».

NВ. *Может быть.* А что если так: Геро вдруг узнала, что он женат; слегла, потом отчаянная любовь, выходит за Дядю, осмеяла Сына, и вдруг к Идиоту: «Возьми меня, бежим, я люблю тебя...»

Из этого следует, что надо эту страсть и разжигающую любовь объяснить в *продолжение романа* эпизодами. Мучает Жену. (Ее усиленные насмешки вначале. Сжег палец и мстил за это.)

NВ. *После пальца* зажгли и растлил Умецкую. ⟨с. 31⟩

А в случае Матери: Ганечку *для связей женить* — «Княжна *бедная,* да нам денег не надо, а у ней родня знатная».

Идиота ненавидит. Узнает про то, что Идиот женат: едет к Жене Идиота и оскорбляет ее. Идиот заступается.

Потом окончательная ссора с Дядей.

Потом после ссоры Матери с Идиотом за Жену — Прыгунчик. Ласкает Прыгунчика (чтоб Дяде в голову вошла опять мысль, что Идиот сын Прыгунчика). Быть сыном Прыгунчика кажется Идиоту оскорбительным и комическим. Дядю он сам поддразнивает тем, что он сын Прыгунчика.

Все эти оскорбления накопляются ему на сердце. «Может быть, я еще слишком зелен и так обидчив», — думает он иногда...

Мать мирится с Дядей без условий, чтоб не поминать. Оправдываться считает для себя низким и немыслимым. Возвращается к Дяде, как делая милость... Дядя неизвестно для чего вздумал чрез 25 лет помириться.

Мать ревнует Дядю к Геро (насмешки).

Идиот (по-прежнему) восстановил Генеральшу против Генерала, что Генерал влюблен, и Дипломата, отказавшегося от Геро (и сказавшего Генералу, что он влюблен, — вся интрига по-прежнему), а Геро сказал, что ее продали. Сыну же Геро сама только что призналась, что любит другого; а тут Идиот женат — отчаяние Геро.

NВ. Без Матери — «Иду за Дядю».

Если же *она* мать Идиота, то при переходе Идиота от Дяди на квартиру, во весь роман, из-за него борьба и горе в доме Матери с Дядею.

---

[1] *Было:* подум⟨ал⟩

[2] на то и вызывал *вписано.*

ВОПРОС КАПИТАЛЬНЫЙ: В чем фигура Идиота интереснее, романичнее и выпуклее выражает мысль? При законности или незаконности?

NB. *Главнейшее*. В случае законности — вечером речь ему, при Дяде и Сыне, Матери: «Я не понимаю, что значит любить или не любить, — если мы сойдемся... Я слишком много перенесла из-за вас. Вам, может быть, известна история. (Дядя потом: «Не из-за этого».) Согласна: может быть, я худо сделала, что оставила вас; понимаете вы, что я вам говорю?» Может, он и не понимает. Он молчит: она *высшая дама*.[1] Идиот отделывается двумя словами. ⟨с. 32⟩

Если незаконный.

Приезжает — и вдруг некстати: примирение с Матерью Дяди. Дядя сконфужен, Мать говорит: «Я хочу его видеть». Идиот.[2]

Объяснение Дяди с Сыном.

Объяснения Идиота с Сыном: он недоверчив, осторожен, странен. Но Сын его несколько поднимает и интересует. Сношения с Сыном частые. Мать думает [3] всё более и более, что это идиот, но разговаривает с ним.

У Генералов неосторожно помянули про Идиота. Мать тотчас подхватила, приняла, что это ей в пику, и просила ввести в дом. Дядя хмурится.

Но Идиот отличается. Дядя сначала в восторге[4] от его успеха, а потом, в отчаянии и раздавленный, расстается с ним. Мать тоже в бешенстве.

В таком случае, если незаконный, — мечты о Геро, о высшем обществе и о карьере и в голову не входят Идиоту сначала. Потом всё оживляется.

NB. Ссоры за ссорами. Но Мать не расстается еще с Дядей, для того чтоб сначала устроить брак Геро с Сыном. ⟨с. 33⟩

Законный.

Гордости больше.

Гордость доказать, что он один и без помощи богатства или кого-нибудь одолеет всем.

NB. От Дяди он не к Жене пошел, а имеет особую квартиру, где ждала его Умецкая. Лихорадочный разговор с Умецкой.

Сын незнаком был до станции с Генералами. Генерал ему: «Почему вы в ссоре? Странный человек ваш Дядя»; и о примирении и проч.

ВПОСЛЕДСТВИИ. У Матери с Идиотом капитальное объяснение, где она доказывает, что она ни в чем перед ним не обязана.

---

[1] *На полях заметка:* Дядя не баба прежде всего.

[2] *На полях рядом с текстом:* Приезжает ∾ Идиот. — *заметка:* NB. Дядя Идиота, без ведома Жены, помещает к Генералу на службу.

[3] *Было:* твердит

[4] *Над словами:* Дядя сначала в восторге — *помета: Черта*

И спрашивает: «Вы, может быть, отказываетесь из досады какой-нибудь? *Возьмите просто тысяч 100*. Не то не вступайте со мной в борьбу...»

— Возьмите 300 000.

— Он мне 500 давал.

— Как?

Идиот ей: «Я ни в чем вас не считаю виновною. Я хочу один».

Она: «Гм. Еще гордость. La comedia!»[1]

Главнейшее из главных. И когда уж она, после отказа Сыну, вдруг опять идет за Сына — и вдруг опять к Идиоту: «Возьми меня!»

№3. (У Идиота в доме бедность. Работу достать. А Вл⟨адимир⟩ Умецк⟨ий⟩ думает: «Подождет! Это он хитрит, ловкая каналья! Он хочет всю половину наследства еще при жизни себе».)[2]

Главное примечание

Она всегда была с ним насмешлива и презрительна, и *никогда* у него и в мысли не было, что она может полюбить его. Он ее ненавидел.

Она делает ему эксцентрическ⟨ое⟩ предложение: «Брось всё, Жену, я — Сына, беги».

Он отвечает: «Разве это может быть?» Пожимает плечами и уходит с торжеством и гордостью. Яд в груди. И вдруг страсть. Он в исступлении и болезни. Вдруг она является перед венцом, в венчальном платье. ⟨с. 34⟩

Вопрос и сомнение: оправдать, что вся его деятельность ушла на любовь к Геро.

ЛУЧШЕ ОН ЗАКОННЫЙ (БЕЗ МАТЕРИ).

Отбив Геро от Сына — и уговорив не выходить,[3] он идет и говорит Сыну, что это он сделал нарочно, чтоб она не была за ним счастлива (а за Дядей).

— Вы ее любите?

— Я ненавижу ее.

НЕОБХОДИМЕЙШЕЕ. SINE QUA NON.[4]

Она *не знает*, что он женат. Сын не говорил никому.

---

[1] Комедия! (*итал.*)

[2] *Далее было:* №3. Сперва он отынтриговал Геро от Дипломата, потом от Сына (проклиная себя за низость). Геро укоряет его в низости. Он говорит ей: «Ну да, это правда; это для того, что я вас люблю».

Он (про себя) хотел отравить ее. А она вдруг: «Да я вас люблю!»

[3] *Вместо:* уговорив не выходить — *было:* отговорив

[4] Обязательное условие (*лат.*).

Он взял Жену за плечи и говорит: «Ты только, разве, одна» — и говорит ей о Геро. Она тихо слушала. ОНА ТИХА, КАК ГОЛЬБЕЙНОВА МАДОННА, — и говорит: «Не сердись только на меня, что ты мне это сказал». И после брака она: «Кабы не было ненависти!»

— Ведь ей было только 18 лет!

Ревновал зверски к прежнему насильщику своей жены (отцу ребенка).

Последнее примечание: при Матери.

Бежала от Сына.

Геро была у его Жены: «Я его люблю». После того Жена умерла.

Там свадьбы еще нет. Геро еще не дала слова, только прервала, взяла слово назад и сказала, что любит другого. Потом виделась с ним. Он ушел, отвергнув ее.

Но потом страсть и проклятие, вдруг Жена умерла.

Вдруг Жена умерла. Вл⟨адимир⟩ Умецкий отравил.

Геро отравила.[1] ⟨с. 35⟩[2]

При Матери и при законности: всё от зависти к Сыну.

Незаконный лучше: всё объясняется.

Все протежирования ему ненавистны. И любовь к нему Сына, которого он любит. И угрозы Матери потом. И отвергает Дядю.

И зависть к Сыну за Геро, и удивление его о любви Геро (и посещение Геро, и бедность). Величавость фигуры и бедность поразили Геро.[3]

И замучил Жену.

И Геро у него последний раз с признанием.

Смерть Жены.

P. S. «Мне не на что жаловаться: Вы посылали меня в Швейцарию. Вы даете мне 100 000 и потом 500».

N3. (Законность того Сына была причиною.)

Незаконный: страшно гордое и трагическое лицо.

NB. А не так ли: законный, но отверженный, он сам себя отверг. Величавая роль.

Но среди искреннего великодушия — месть и зависть. Из зависти к Сыну[4] (бедность). Но чувствует, что не выдерживает, обращается к Жене.[5]

Ему кажется, что он смешон за брак и за Прыгунчика.[6]

Любовь Геро. Замучил Жену.

---

[1] *Написано нечетко; может быть:* отравил

[2] *На этой странице несколько каллиграфических записей:* Victor Hugo, Виктор Гюго, Жорж Занд, Lamartine — *и др.*

[3] Величавость ∾ Геро. *вписано.*

[4] *Незачеркнутый вариант:* к Геро

[5] *На полях рядом с текстом:* Но среди искреннего ∾ к Жене. — *помета:* Борьба.

[6] *Было:* Птицына

«Вы меня отвергли — так я вас всех *к ногам* хочу». ⟨с. 36⟩

Совсем другое: величавая, но раздраженная фигура, и не вынес.[1]

Никакой карьерой не укоряет Жену.

Всех сам отвергает, так как его отвергли.

Боится брака;[2] при объявлении брака Геро (после сожжения пальца) написала ему: «Вы искали меня, и вы женаты, вы были смешны, вы носили свою величавую фигуру, вы боялись объявления вашего смешного брака, вы не вынесли».

Он ей: «Да, вы правы, я вас ненавидел, но я ненавижу и брак мой» — всё справедливо, и полная искренность.

А она в отчаянии. Геро еще более любит его: «Простите меня».

Потом была у его Жены. Потом: «Люблю».

Мщение всем.

Затем Геро, уже сговоренная за Сына, объявляет, что любит *Идиота*. Бежит к нему. (Он: «Не хочу» или «Хочу».)

Смерть Жены.

«Это я умертвил!» «Это *он* убил!»

Байроновское отчаяние.

Любовь к Жене и наивная даже встреча: сначала всё разузнал, потом Умецкая, потом сурово, потом мало-помалу — но любовь, перемежающаяся безотчетной ненавистью.

От Геро письмо. «Не была б неравнодушна, не написала бы письма».

Он ей пишет в ответ:[3]

«Я вас возненавидел с 1-го взгляда больше всех, вас первую из всех их. Почему вас? потому что вы там были как какое-то солнце; все вас тогда искали, все обожали, а я их всех ненавидел... И вы, солнце, вы засмеялись надо мной с 1-й встречи. Я сравнил наше положение: могу ли я, я претендовать стать с вами рядом, возбудить любовь вашу, обратить внимание ваше?.. И вот я возненавидел вас и *пожелал вас,* и тем сильнее, чем явственнее была невозможность обладать вами и чем ниже вас я казался себе.

Но все эти ваши упреки и насмешки — ничто сравнительно с насмешками и упреками, которыми я сам себя осыпаю. Всё, что вы написали, — это какая-нибудь 10-я доля того, что я про себя знаю. Довольно, оставьте меня. Я залез теперь в свою берлогу и не покажусь долго, а что с вами долго не встречусь, то тем лучше... О, я понимаю, сколько низости во всем этом великодушии. А я не хотел одного парада... Я был сначала искренен. Но я не вынес: слишком наболело. Вас я никогда не любил... разве любовью ненависти. Понимаете вы это? Нет. Тем лучше. До свидания. За письмо благодарю. Вы мне показали неравнодушие ваше.

---

[1] *На полях против текста:* Совсем другое ∾ не вынес. — *помета: Это прекрасно!*

[2] *На полях написано:* Сначала скрывал брак, потом все узнали.

[3] *Далее было:* «Мне пришло на мысль: не была б ⟨не⟩равнодушна, не было бы и письма».

Мне пришло в ум:[1] не была б ⟨не⟩равнодушна,[2] не было бы и письма».

Она приняла за сарказм — под видом наивности. ⟨с. 37⟩

Сначала ему самому чудно́, что он с ними со всеми так враждебно? Потом он сам себе выясняет свою роль. Ему тяжелы вопросы: почему он чуждается и отвергает?

№3. *Замечание:* Чтоб не подумали, что это он всё тоскует из-за Жены (т. е. читатели; чтоб яснее было, в чем его отчаяние).

Черта. Он болезненно-трусливо боится сначала (при всех, впрочем, выходках и разрывах) объявления того, что он женат. Но уж как узнали, вдруг подымает голову и *гордится,* что он так женат и тем, что он иначе и выше сознает назначение... И в эту же минуту гонит и мучает Жену наиболее.

4 ноября.

Он всех отвергает, и ему это льстило, еще когда он ехал, но *при всей, впрочем, искренности.*

Он сделал *глупое* (?) дело, женившись, и хочет выставить это как великое дело. (Осуждает себя в несправедливости, а то, что женился *из сострадания, из высокого чувства,* это, даже и *про себя,* ни во что не ставит. Почему? А потому, что в обществе этого не поймут, не оценят, станут смеяться над этим, а потому и он ни во что не считает и даже стыдится, — до того он, внутри себя, раб перед всеми.)

Он отказывается от предложений Дяди, от *денег. Это доставляет ему ужасную честь и почет в обществе Генералов,* хотя он не ⟨с. 38⟩ для них это сделал.

Наступает интрига, узнают его историю всю. Величавость его фигуры.

Сын страдал от Дяди тоже. Он было холоднее к нему; но потом ближе. Тут объяснение с Дядею; и потом с Матерью.

Тут узнают, что женат, двусмысленные взгляды, насмешки. Мать ласкает Прыгунчика, Геро больна, и письмо. Ответ его, отчаяние. Он было обратился к Жене, к Сыну, но вдруг опять к Генералам и стал их âme damnée.[3] Геро потеряла процесс; отынтриговал Дипломата, Сенатора ——— и.[4]

Хотел было отынтриговать и Сына, но поступил ловче, стал хвалить Сына Геро и интриговать в его пользу (зная противудейственный характер Геро.) Геро бросила Сына в решительную минуту, а он замучил и Геро, и Жену, и Дядю, и Мать, и Сына.

---

[1] *Текст:* «Я вас возненавидел ∾ пришло в ум — *вписан на полях и сначала был отнесен к словам:* «Да, вы правы, я вас ненавидел» *(см. стр. 190), но затем Достоевский указал чертой, что он должен быть помещен после сообщения о письме Геро.*

[2] *В рукописи описка:* равнодушна

[3] верным рабом (*франц.*).

[4] *Так в рукописи.*

Замечание

Внутри его страшная борьба: мстить или не мстить? Его порывы истинны, благородны, и вот он делает злое. Величавая роль, *приобретенная в обществе,* стыдит его самого. Но когда начинается смешная история о браке, и о том, что он действительно сын Прыгунчика, и о том, стало быть, что *не он* отверг Дядю, а *Дядя* отверг его, — ему становится злобно и досадно.

Не оправдывается. Великодушные поступки его (они были, *приделать*) делаются им без огласки — но он все-таки недоволен собой, судит себя и мучает за то, что не чиста, а *тщеславна* ⟨с. 39⟩ его гордость.

«Простить их всех было бы лучше, — думает он. — А моя Мадонна Гольбейнова — как она чиста, как прекрасна» (как сознает ее он!) — и вот кризис, и он ее мучает, интригует из последних сил у Генералов и, *после искреннего обвинения себя в письме к Геро, мстит за это Геро.*

Геро же с ним уже не весело, а язвительно насмешлива, а иногда до того презрительно свысока горда, что даже не примечает его. Он в мрачном, молчаливом бешенстве. (Жене не мстит, молчит, но ревнует и молчанием мстит.)[1]

В это время Геро дает слово Сыну, но вдруг посещает Жену.

Это дает ему мысль. Он покачнулся: «Или насмешки, или...» Он бродит как в бреду.

Внезапные слезы и объяснение Геро с Сыном.

Геро требует свидания. Признание в любви. Он отвергает.

Страсть. Гробик, и Жена отравляется.

Геро не знает, что отравляется, и бежит к нему. Гроб и страсть. Объяснения у гроба. «Я не пущу тебя...» Вл⟨адимир⟩ Умецкий является с обвинением, а Генерал за Геро. Геро в беспамятстве бросается к Генералу: «Это я ее отравила». Признаки отравы, у аптекаря.

«Я отравил» — Идиот. ⟨с. 40⟩

Свидетельство Умецкой. Письмо. Сначала по письму выпустили, но уж потом чтение письма.

Дядя, Сын, объяснение, его *письмо к Геро,* полная исповедь. «У меня затаились страсти, вошли внутрь. Первый шаг в жизни сделан».[2]

Идет на кладбище: «Пойдем!»

Умецкая говорит ему дорогой: «Землю копать» — и рассказывает всю жизнь Жены, разные случаи, которые при воспоминании режут по сердцу.

ВСТУПЛЕНИЕ НА ПОПРИЩЕ. *Первый шаг.*

---

[1] (Жене ∾ молчанием мстит.) *вписано.*

[2] «У меня ∾ сделан». *вписано.*

Он действительно благороден, может быть, даже велик и настоящим образом горд, но не может удержать себя, быть настоящим образом великим и гордым, *хотя и вполне сознает настоящую гордость и величие*. (Исповедью всё окупает потом.) Мстит и любит Геро, *не любя*. Жену стыдился любить, хотя и высоко ценил ее и знал, что она всё в себе заключала, но, и зная, при жизни, когда владел, не ценил.

Внутрь вошло, выходу требовало.

Nota bene. Он сам, своей волей, без требования Дяди и не написав ему, выехал из Фрибурга. (Было письмо к нему от Жены; адрес узнали от Костенькиныча.) Удивил Дядю — сконфузил и раздосадовал.

Мать ему: «За вами, конечно, посылали?» — «Нет».

Брата он никогда не видал, а когда 2 года назад Костенькиныч отправлял его в Швейцарию, то брат был в отлучке, для свидания с Матерью. Мать жила где-то в Калужской губернии. [1] ⟨с. 41⟩

Объяснение с Дядей при встрече.

И вдруг Дядя с иронией: «Ты знаешь по крайней мере, кто царствует над нами, кто наш император?»

— А кто?

— Александр II.

Вы не слыхали ли каких-нибудь подробностей, самых капитальных, об этом царствовании? Что совершил Александр?

— Крестьян освободил.

— Гм. Вот умеет же отвечать...

(Вопрос был уже сложный: много совершилось в царствование и, чтоб отличить, надо было ума.) Но в то же время он увидал, до какой степени низко считает его Дядя.

2 $^1/_2$ милл. Он говорил: $1^1/_2$. «Я никогда вас не спрашивал. Вы сами объявили. Характерная черта, — до вас относится».

4 дня как дома. Сын успел прежде явиться к Матери, как доложили об Идиоте, удивление Сына.

Мать: «Что, что, как, позвольте, позвольте — что такое? Как было дело, я хочу знать».

Приехал в 9 часов утра.

Мать была с Генералами; через Мать и с Дядею сошлись.

ПОСЛЕ РАСТЛЕНИЯ У УМЕЦКОЙ НИ ОДНОГО СЛОВА ЕМУ.

СТРАННИК [2] (всякий цветик радуется).

СЕСТРА — ЭКСЦЕНТРИЧНАЯ ДЕВУШКА и жених ее, камергер А-в. Несколько расстроенные дела дают 300 тыс. Он хочет

---

[1] Мать ∾ губернии. — *заметка на полях.*

[2] *Далее было начато:* (Жену убил, дочь

(и надеется) 400. Мать настоять хочет. Дочь воспитывалась при Матери. [1] ⟨с. 42⟩

Программа Матери. Наставление Дочери:

«Старайся исполнять свой долг. Во всем бери пример с меня; знаешь мою жизнь: так и ты живи. Я старалась тебя во всем устроить по моему примеру. Я замуж вышла двадцати пяти лет. И тебя держала в девках до 25 лет. А главное — долг. Кроме этого, ничего не слушай. В свете не противуречь и никого не суди. Ты видела, судила ли я кого-нибудь. Из-за пустяков со светом щипаться нечего; коли слышишь, что вздор говорят, молчи — а свое про себя исполни. Пожалуй, и возрази, да без драки. В бога верь. Конечно, десять заповед⟨ей⟩ [2] хороши. Тут не только спорить, да и рассуждать нечего: «Не лги, не воруй, ложного не свидетельствуй» и т. д. А пуще всего с меня пример бери. Обидела ли я кого-нибудь, и хоть прожила несчастно, зато ни перед кем не согрешила. Противуречила ли я кому когда-нибудь?

Про жениха... говорят, что-то он сочинял... Человек, впрочем, пустейший, но он может иметь другие достоинства. Я никого не хочу осуждать. Ты будешь [3] счастлива за ним, Дарья. Он человек, кажется, добрый, хотя, впрочем, пустые редко добрыми бывают, — только до первого случая, когда ума понадобится. Тут с одним добрым сердцем ничего не сделаешь. Даже хуже. Впрочем, всё это вздор, постороннее, итак, твоя свадьба через 2 месяца».

(Тут об деньгах с Дядей.) ⟨с. 49⟩ [4]

Мать Дяде: «Когда я вышла за вас — у меня своих было 50 000, в 4 года нашего сожительства, я надеюсь (вы были не так богаты), я надеюсь, что в 4 года сожительства они вам помогли и доставили, ну, хоть 100 000». [5]

— О, гораздо больше... по крайней мере 200.

— О да, вы щедры... Впрочем, вы говорите, как человек деловой, ну, эти 100 000 я и беру себе. А Наталье дайте 40 000 теперь же, при жизни вашей. Это непременно так нужно. ⟨с. 42⟩

4 ноября.

Поэтичнее создать Жену. [6]

Генерал в вагоне: «О, это гордый человек». Жених: «По край-

---

[1] *Фраза:* Дочь воспитывалась при Матери. — *отмечена особым знаком.*

[2] *В рукописи ошибочно:* заповедь

[3] *Было начато:* Ты, может, и бу⟨дешь⟩

[4] *В верхней части с. 57, заполненной набросками к «Вечному мужу», зачеркнута заметка, примыкающая, по всей вероятности, к с. 49:* Программа Дочери. Неразвитое, но глубокое существо. Молчалива и тверда характером. Мать давно видит, но с ней не спорит. Ждет. Идиот повернул ее. Великодушный характер. Жениху отказала вдруг. N3. Идиота под конец отвергла, но потом поняла.

[5] *Далее было начато:* Эти 10 000

[6] *В верхней части с. 53, заполненной набросками к «Вечному мужу», вачеркнут заголовок* «Программа Жены», *вероятно, относящийся к «Идиоту».*

ней мере, сколько известно, это деловой человек, он в Думе ⟨?⟩ много пользы принес».

«Практический человек, — сказал Генерал с полуиронией. — Ну и при этом-то, при практическом-то, такой идеализм. Ну вот, мы теперь сходиться будем — к Дочери: Аннушка, уж конечно, не посетует на меня.[1] Она многое знает, хотя уважает его, потому что он... Ну, вот видите, что я ни сказал о нем — а, конечно, достоин уважения».

Встреча горячая вагонная, и потому так наскоро об *таких вещах* говорили, и то, главное и исключительно, один Генерал. (За что над ним и подшпилила Генеральша.)[2]

Генерал: «Ваш брат — какой-то несчастный; говорят, идиот».

После успеха у Генералов в нем вдруг революция.[3] Он стыдится своего успеха и разрывает совершенно с Дядей и с Генер⟨алом⟩искренно — потом. Уговор с Дядей, с Матерью, но только офиц⟨иальный⟩ ⟨...⟩,[4] а отчаянные экспансивности ⟨не⟩ помогли, а только подожгли.

Побочный сын. Имел связь с Женою У ⟨...⟩

Мать даже корит потом⟨...⟩ Прежней любовнице дал Идио⟨та⟩[5] ⟨...⟩ Приехала Дочь, приехала Генера⟨льша⟩ ⟨...⟩ Костенькиныч Идиоту: «Вы посиди⟨те⟩ ⟨...⟩ Когда Генералы уехали ⟨...⟩ и доложил ⟨...⟩

Генеральша всех больше над ⟨...⟩ неуспеху Идиота у Генерал⟨ов⟩ ⟨...⟩ уже там возвестил: «Я про ⟨...⟩ Он воспитывался ⟨...⟩ ⟨с. 43⟩

Семейство. Сын от первого брака. Зажигатель вначале. Геро в доме. «Я зол». Увез из-под венца. Вступился Дядя, услал за границу.

Воротился из-за границы — все обнищали. Потеряли процесс. Он содержит семейство, и все его ненавидят. Его *прежняя* полюбила Ганечку. Старик хотел уйти из дому. Он сух и вежлив. Вдруг 300 000 наследства. Все от него отступаются.

(Во всё это время он служил у Дяди на конторе. Дядя в ссоре с семейством. Дядя и *он*. Дядя его не пронял.)

На прежнюю вдруг в семействе стали смотреть иначе, когда получили 300 000. Лучше Геро. (Кто такая Геро?) Обидели девушку. Отец за нее. Она сама отвергла Сына.

Загадка. Кто он? Страшный злодей или таинственный идеал?

Ганечка — идеально-прекрасное лицо. (*Ганечка и она* от Матери и Отца обращаются к Сыну за помощью.)

---

[1] *Далее было начато:* Мы то

[2] Встреча ∾ Генеральша.) *вписано.*

[3] *На полях заметка:* N3. Новые лица и окончательно 1-я часть.

[4] *Нижний угол страницы оторван; воспроизводим сохранившийся текст, внося лишь самые очевидные дополнения.*

[5] *Было:* Сын⟨а⟩

Дядя не брат Генерала, а брат 1-й жены Генерала, повесившейся. А это его племянник.

Или: №3. Дядя сердится на него за то, что он непочтителен (воротясь из Швейцарии) и, кроме жалования, ничего не дает. Между тем он воспитывался в его доме (мучился), ибо Генерал, по настояниям *второй жены,* отверг его за то, что бежала Мать. Перед ним сделали несправедливость. Он имеет документы, что он законный. Покориться перед новой матерью он не хочет. (Идиот? И история этого идиотизма.) Генерал не беден, а, напротив, важное, с треском, лицо. (№3. *Завязка романа.*) Генерал до сего служил в провинции.

№3. До *11 лет Идиота* Генералы жили в Петербурге. Уезжая в провинцию, *Идиота* взял Дядя (пожелала Генеральша, Генерал изредка справлялся). Идиот мучился у Дяди до 17 [1] лет. Затем к Умецким. От Умецких за границу. Приехал из Швейцарии. (Идиот.) На конторе. Генералы меж тем переселяются в Петербург. Генерал потребовал Сына. (У них Геро, Ганечка.)

Может быть: Дядя женится и что Идиот женат у Умецких. (ИДЕЮ!)

№3. Когда Генералы воротились жить и служить в Петербург, *его* пожелала видеть и Генеральша.

Дядя вовсе не брат. ⟨с. 141⟩

Генералы *имели* (как и в прежнем плане) в виду женить на Геро Ганечку для связей. Но процесс Геро очень неблагонадежен. Генеральша хочет за другую невесту, побогаче,[2] а Идиота женить на Геро, надеясь, что при заключении брака Дядя наградит Идиота.

6-го ноября.

Это тем более вероятно было, что, во-1-х, еще ни слова о браке Ганечки и Геро не было вслух высказано; 2-е, что Генерал слишком настаивал, чтоб Геро была в семействе, и, в-3-х, этим разрешались семейные споры с Генеральшей, которая уже приискала для Ганечки невесту.

Ганечка сопротивляется. (Честный и прекрасный характер.)

Геро встречает Идиота градом насмешек, узнав, что *ей* суют *его.*

А Дядя знакомится с Генералами *семейно* (т. е. возобновляет знакомство) и *ревнует к Идиоту.*

ПЛАН

Продолжение. Идиот воротился *идиотом* из Швейцарии. Между тем бумаги пишет. Дядя понимает и сердится. Несколько объяснений. У Генералов. Дядя заранее *ревнует.* У Генералов Идиот не

[1] *Было:* 16

[2] *Далее было:* (может быть, за Дядину)

идиот, а, напротив, с треском. Мил и скромен. (Генеральша — тип, особенно благосклонна.) Генерал в восторге. Нельзя сердиться и некому мстить, а душа его полна ядом. Геро встречает его ядовитыми насмешками, но к концу вечера он ей нравится (жених Дочери — Камергер).

Возвратясь, Дядя делает сцену. Он предлагает дружбу, но прочь наследство. «По конторе же хочу работать и считаю себя полезным». Это язвит Дядю, он принимает, но мучается. Геро поразила Дядю, и он и сам бы рад этому. «Женитесь сами». NB. (Разные истории о Дяде. Подставить и подкрасить Дядю.)

Таинственные сношения с Умецкими, с Умецкой и Женой. Ребенок.

На другой день ⟨после⟩ вечера у Генералов посещение Ганечки. Несмотря на то что Ганечка слышал, что он предназначен [1] Геро, — он с ним очарователен и хочет дружбы. (Он с блеском служит, где ничего не делают.) Идиот сух, но его-таки пронимает прелесть Ганечки. (NB. *Оригинальность разговора.*) Он посещает Жену. [2] Жена свое на него впечатление. Но он и стыдится, и боится еще признать.

Геро продолжает насмешки. Генералы и Дядя еще с полными надеждами. Геро вызывает его на объяснение. Он разом говорит ей, что никогда не может быть ее мужем, и не *старается* об этом нисколько, и от Дядиных денег он отказался совсем. Удивление Генералов. У него своя квартира.

Сожженный палец. Зажигают. Растлил Умецкую.

Геро, как только услышала, что он отказался от нее и от денег, вдруг заинтересовалась им. Между тем Ганечка к нему, и он становится таинственным покровителем и учителем Ганечки и Геро. (Сестра его тоже к нему и отказывает⟨ся⟩ от Камергера.) Бурда и гроза в доме.

(Его роман с Женою течет параллельно и особо. Он с Женой *откровенен?* С Умецкой *по-своему*, но без Умецкой он жить не может. «Я не таким приехал из Швейцарии!») ⟨с. 140⟩

Между тем, продолжая быть провидением Ганечки и Геро, он ревнует глубоко и даже *про себя* втайне Ганечку к Геро. Вдруг Геро обливается слезами и объявляет Идиоту, что она любит *его*. [3] Тогда он с злобным торжеством говорит, что он *женат*.

Что он женат — тотчас же распространяется. Негодование всех. Смотреть Жену его. И проч.

Геро и Жена.

Он до того мучает Жену, которой гордится [4] перед людьми будто бы, что та повесилась. [5] (Дядя, который влюбился в его Жену, вместе с ним (сцена), ищут, не повесилась ли она.)

---

[1] *Было:* жених
[2] *Далее было:* и думает
[3] *Далее было:* [Тогда] *К нему.*
[4] *Далее было:* ⟨*2 нрзб.*⟩ топится
[5] *Было:* топится

Или с Геро ищут. Здесь он окончательно изъясняет Геро, как мучил ее. Она повесилась. (Ребенок умер прежде того.)

Для романа с Женой. NЗ. С возвращения сурово оскорбителен. Но она привыкает. Он с ней конфиденциален, сначала с упреками, но, видя, как она это принимает (как Мадонна), становится экспансивен, исповедь, и без нее жить не может. В одну из этих минут бросается к ногам ее и говорит, что любит. Чуть-чуть не счастье. Но всё рушится. Гордость одолела. И когда привлек к себе Геро — растлил.

Сцены с Генералом, Дядей, Ганечкой.

Ищут труп Жены с Геро. (Геро бежит к Жене его.)

Жена завещала им: «Любите друг друга».

Но во время поисков исповедь и — «Я не люблю тебя». ⟨с. 139⟩

Он Ганечке и Геро пособляет, но с глубокой завистью. Геро проникает его и преследует сарказмами (*а он сам глубоко презирает себя*).

NЗ. (В одну из этих минут Геро *отдается* ему, торжество его,[1] и он ей говорит сейчас же после этого, что он женат.)

Геро больна. Он с Женой и с ребенком и мучит Жену. (Дядя и показы [2] Жены. Генерал.) Он всех прогоняет. В это время к нему Геро. Ребенок умирает. Она повесилась. (Умецкая.) Ищут. *Полные* объяснения: «*Я из зависти.* Я никогда не любил тебя, я *ее* потерял».

NЗ. Или *яд*. Обвинение. Аптекарь. Вл⟨адимир⟩ Умецкий и проч. «Да, я отравил». Письмо.

А сцена о том, как они ищут: не повесилась ли она? Это прежде с Дядей. И тут-то он падает к ногам ее и говорит, что любит. Он нашел ее с ребенком и Умецкой на пустынном берегу Невы — у проруби. Ребенка отдавала Умецкой. Привели домой. Падает к ногам: «Люблю тебя *одну*». Всё прощает.

Но растления Геро не простила и отравилась.

Характеристика. Великодушные начала, детство. *Зависть.* Негодование. Наросло у Генералов. Наросло у Дяди. Зажигал и карикатурил у Умецких. В Швейцарии накопилось. Хотел приехать гордым и великодушным. Но обманул себя; завистливая гордость только его мучила. Презрение к себе. Жена его всё в нем *оправдывала* и утешала его прощением. Письмо к нему — *в случае, если заметна будет отрава.*

? NЗ. Или натуральная смерть, в сумасшествии. Геро тут же. Письмо к нему, еще за неделю написанное, у Умецкой. *Она была* образо́ванная. ⟨с. 138⟩

---

[1] торжество его *вписано.*

[2] *Было начато:* свид⟨анья⟩

Для послесловия

Я написал фантастический роман, но никогда более действительнее характеры (жажда любви и правды, гордость и неуважение к себе). (Беспрерывные обиды, будто бы получаемые.) ⟨с. 139⟩

ПЛАН 1-Й ЧАСТИ

1) Приезд. В вагоне.[1] Свидание с Дядей. Недосказанные слова.

Вагон. Следил за Генералами. На станции. Наступил на ногу Геро. Хотел сказать комплимент. Геро и Камергер особенно. Несколько грубостей в разговоре. Разбил вино. Хохот. Воротился, бросил деньги и убежал.[2]

2) *У Умецких*. Резкая постановка. Взаимные требования. Характеры. Объяснения.

3) *Умецкая и он*. *У Жены*. *Ребенок его*.

«Знаете ли вы мою историю?» (Вкратце, но ясно. Прошедшее, *настоящие цели и причины*.)

4) Генерал и Дядя. Занять деньги. Видит его, приглашает вечером.[3]

Он и Дядя. (Объяснение. Дядя высказывается о происхождении идиотизма и, кроме того, отчасти ревнует. Высказывается о Геро).

— Какие твои намерения?

— Я пойду утром. Я заеду часов в 12.

5) На другой день. Борьба и тревога Идиота.[4] Объяснение с Отцом. Семейное утро. Всех очаровал. Остается обедать. Дядя уезжает опрокинутый.

6) У Жены. С Умецкой. Фантастические разговоры. Эксцентричность. С Женой горячо, нетерпеливо и пламенно. О своих планах, об идиотизме.[5]

7) Объяснение с Дядей, отказывает⟨ся⟩ от денег. Посещение Ганечки. [6]

8) Вечер у Генералов. Геро. Дядя. Насмешки, бешенство и проч. Сжег палец.

9) (Растлил Умец⟨кую⟩ и зажег дом.) Разочарование. «Лучше бросить всех и всё? Я не таким приехал из Швейцарии» и т. д.

2-я часть. NB. Не забыть объяснения с Генеральшей и Сестру и проч. Геро — своя роль насмешек и вызовов. Дядя — своя роль. (Дяде открывает, что он женат. Дядя сам не хочет говорить об

---

[1] В вагоне. *вписано*.
[2] Вагон. ∾ и убежал. *вписано*.
[3] «Знаете ∾ вечером. *вписано*.
[4] Борьба и тревога Идиота. *вписано*.
[5] *Далее было:* (Растлил?) (NB. Сколько *вопросов???*)
[6] *Далее было:* С [Умецкой] Геро. Насмешки. Бешенство и зависть.

этом Генералу.) Особенно высказывается Ганечка в тревоге. Камергер льнет к нему. [1]

Идиот. Всё на мщении. Униженное существо. Жену [2] брата. Отказался от Дядиных денег. На конторе, дуется.

Он *князь.*
Князь. Юродивый (он с детьми)?! [3] ⟨с. 137⟩

Вызвал их для эффекта, чтоб произвести громовый эффект. Отказаться от Дяди, и от Генерала, и от наследства. Он слышал, что Генерал об нем интересуется.

— Как? Ты всех привезла с собой?

— Я слышал о пытках.

Отказался от Геро, торжество.

«Женюсь». (Семейные вечера.) Сцены и страдания. Геро в насмешках.

Илье:

— Женитесь вы.

— Хорошо.

Он к Геро. (Геро ласковее и кокетничает. Не замечает Дядю.)

Предлагает Геро: «Я бросаю всё». Она ему: «Я выхожу за Дядю». Ядовитое письмо.

Он к той. Брака еще не было. [4] Та бежит повеситься, не зная куда. Оба ищут. Нашли. (Простудили ребенка.)

Сумасшедшая, Илья над нею.

Он ей (сейчас после письма Геро) ответ. Мадонна его отвергает совсем. «Не кажись на глаза». Сцены с Ильей. А между тем работает над Геро. У Ильи и Мадонны готовится брак. [5]

— Ты мой богатырь (Илье).

Любит, полусумасшедшая. А потом перед свадьбой, когда Идиот к ней, потому что Геро отказала, — топиться. [6]

Он той: «Бежим». Та — повеситься.

Геро перед браком в три ручья: «Твоя, бежим». Растлевает ее. [7] Ищут, повесилась. Он Геро: «Я не любил вас, я не люблю вас, я ненавижу вас».

Он с Геро искренен, тем и прельстил. [8]

---

[1] *Далее было:* P. S. ?N3. (Может быть, он тут-то и показывает свою жену). *С этой фразой связан текст, написанный в верхней части с. 136:* Вызвал их ∾ о пытках.

[2] *Под этим словом написано:* Невесту

[3] Он *князь.* ∾ с детьми)?! — *заметки на полях, отделенные от остального текста и отмеченные, ввиду особой их важности, специальным знаком.*

[4] *Вместо этой фразы было:* Перед браком та бежит.

[5] *Над словом:* брак — *помета:* см.

[6] — Ты мой богатырь ∾ топиться. — *заметка в нижней части страницы.*

[7] *На полях написано:* Не выдержал страсть, растлевает ее. *Далее было:* Та умерла. *Ниже на полях:* (Отравляет?)

[8] Он ∾ прельстил. — *заметка в нижней части страницы.*

N3. В антракте со счастьем расстроил свадьбу Сестры и сбил с толку Генерала и Дипломата, дав Дипломату совет, как отказаться от Геро.

Главное, зависть и гордость, раздражительное самолюбие, рассказывает Дяде (у себя в кружке: Илья и Мадонна), как он, у Дяди бывши, золота хотел. [1] ⟨с. 136⟩

Или: в доме Воспитанница.

На ней Генерал и женится, ревновал. Но она, испуганная, из-под венца бежала. Отыскивают.

БЕГЛЫЙ ПЛАН. ТОЧКИ

1) Смерть Матери внезапная от расширения сердца. Семейство. *Серединное обозначение*. Генерал. Тост. Аксантированная сцена.

Генерал и семья. Не без описания (постороннее мнение друга Яши, что отравил). Ссоры, грозы, ужасы. Проклятия и на могиле. Юродивый. Генерал сам (история). («Отчего они со мною не хотят?») Разговоры и сговоры. Старший. Примирение с ним. Заговор окончательный бегства. 15-летний Яша («Не хочу покориться»). Коля. Дети Умецких (дикари). Ольга Умецкая. Примирение с старшим. Три дня радости. Грозный разрыв. Выгоняет старшего. Бунт Коли и бегство. Бежит отыскивать. (Свидетельствовать Сестру.) Примирение. Женится.

Общее недовольство. Негодование. Речи. Юродивый улаживает. (Женился.) (Может быть, на Воспитаннице. Может быть, и накануне свадьбы.) [2] Характер В⟨оспитанницы⟩.

2-Я ЧАСТЬ

P. S. 2-й. Может быть, это 17-летний наивный ребенок, и сначала она приняла уже тон супруги (журнал 2-й №. А. 1-й №). Генерал сам поощряет. Ссорится с детьми, даже дерутся, и вдруг бежит с ними со всеми. Генерал заревновал к старшему Сыну. Ужасные сцены. Умецкие тоже. [3]

3) У Юродивого целое стадо собралось (старшему 21 год). (N3? Умецкие, их роль. Старший. Юродивый.) Ольга Умецкая. Зажжение дома. Юродивый знает, где скрылась дочь Умецкого. ⟨с. 131⟩

ЛИЦО ИДИОТА. Чудак. Есть странности. Тих. Иногда не говорит ничего. [4] Есть где-нибудь у него на Петербургской мальчик.

---

[1] N3. В антракте ∾ от Геро. Главное ∾ золота хотел. — *заметки в нижней части страницы.*

[2] (Может быть ∾ свадьбы.) *вписано.*

[3] *На полях разрозненные заметки:* Свидетельствовать Сестру во 2-й части. Высечь Колю. «Повешусь», — в горячке.

[4] *Далее было начато:* Напр⟨имер⟩

Он к нему. (Весь в детях.)

Он вдруг иногда начнет читать всем о будущем блаженстве. Иное не знает, сомнения, совершенно на равной ноге. Идиоту 19 лет, скоро 20.

Обругались дураками. Пошел к 12-летнему мальчику прощения просить.

Он Умецкому: «Отдайте мне детей». Умецкий с него хочет денег взять.

Отверженный с детства сын, Идиот страсть к детям получил. Везде у него дети. Идиот и родильница.

Раз высказывает всё Генералу. Ему 26 лет. Как он приехал — все над ним смеются, особенно поразил детей анекдот, что он у родильницы принимал.

ГЛАВНОЕ. Характер его отношений к детям. Очень слабое здоровье.

NB. Случай, где Идиот весь характер показывает. Дело было вот как: Идиот в Саратовской, когда содержатель ее бросил, принял Настю, она родила у него на руках и проч. В муках и бешенстве (что ее бросили) *его* же бранила и насмехалась над ним, а потом в ногах у него ползала, наконец, влюбилась в него, тот и руку предложил, и *убежала.* («Я бешеная, я прощения не прошу, я поганая».)

СДЕЛАТЬ ОКОНЧАТЕЛЬНО: Он с ней соглашался и верил, что он точно такой, каким она его *кривляет,* насмехаясь. Та удивляется его *простоте и смирению.* [1]

— Учите меня.

— Да вы больная теперь.

— Ничего, ничего. Учите: да, да! Это так, я хочу научиться, — и рассказывает, дрожа в лихорадке, как она отмстит! — Я поганая, я злая, я правды не признаю, я взросла поганая — я пропащая. Всё образование, что от Идиота получила. [2]

Пришла к Умецким, тут перехватили и били. Сын заступился, *увез* [3] *в Петербург* (в этом вся вина) и влюбился. Она насмеялась и бросила. Прачка. Тут она *действительно* в Сына влюбляется и решается ⟨- - -⟩. Идиоту говорит: «Я тебя вместо бога почитаю, а *его люблю*». То к нему (Сыну) со всем стыдом (бури, слезы и увещания Идиота: «Да, да, это так!» — и вдруг бежит топиться) и проч. «Сокол ясный». Страстная.

NB. Сначала ее христианство Идиота проняло.

А потом Сын. *NB.* Сама же удивляется себе: «Как могу я помыслить, чтоб этот неопытный мог быть моим мужем?» Когда уже ⟨- - -⟩ — услышала о Геро и ревнует Сына, подсматривает за ним. ⟨с. 130⟩

---

[1] *СДЕЛАТЬ ОКОНЧАТЕЛЬНО* ∾ *смирению. вписано.*

[2] — Учите меня. ∾ получила. *вписано на полях.*

[3] *Было: вывез*

Главное. Генерал отдал последние 12 ⟨тысяч⟩ р. Умецкому в оборот. Долги и имение в 12 000.

Умецкий что-то мошенничает в Петербурге. Он рад, что сбыл дочь богатенькому Сыну.

ИЗМЕНЕНИЕ ПЛАНА. Ганечке 20-й год. Он от второй жены. Состояньице у всех детей маленькое. Генерал давно уже прожил капитал.

Идиот от первой жены; 26 лет. Он богат. И только что получил.

Генералу Умецкий сватает Устинью Алексеевну, вдову-поручицу, — лихая, получила воспитание, развратная, — дальнюю родственницу жены — Умецкой. Живет с капитаном Павленко и на содержании у Троцкого. Павленко и Устинья лупят Троцкого.

Устинья хочет для чину и думая, что у Генерала есть деньги и пенсия. 27 лет, пора пристроиться.

Она-то (Устинья), по просьбе Матери и по желанию Насти, которую били, увезла Настю в Петербург. Но Настя, вместо того чтоб ⟨- - -⟩, пошла белье мыть. Она только не хотела выходить за Сына. Ее характер: «Не хочу просить прощения». Насте [1] 20-й год. Отец ее преследовал. (NЗ. Устинья когда-то была воспитанница Умецкого и жила с ним. Поручика напоили, и ее выдали беременную. Саша, сын ее 14 лет, воспитывается ею. Друг с этими.)

Генерал влюблен страстно в Устинью.

А Сын отыскал Настю. Мучает ее. Следит за нею. Она наконец принимает предложение Устиньи и связывается с каким-то, чтоб Сына отвадить. Но тот только мучается и убить хочет. «Какой ты муж?» Ему 20-й год.

Умецкий следит за Настей и хотел бы ей сделать зло. Но Устинья имеет на него векселя и держит его в руках.

Отец Сыну не позволяет. Да Сын и не спрашивает. Устинья развратна и страстна. Ей Сын понравился. С Генералом сражение с Сыном.

(NЗ. Вошел вдруг Павленко, наделал шуму. Устинья сказала: «Мои гости». Генерал молчит. Оскорбление дочери. Яша. Общая сцена. Пощечина.) ⟨с. 129⟩

Устинья не дочь Умецкого ⟨...⟩ [2]

Нет родни. [3]

---

[1] *Было:* Ей

[2] *Было:* Устинья — дочь Умецкого от 1-й жены. *Фраза исправлена, но вторая половина ее осталась невычеркнутой.*

[3] *Нет родни. вписано на полях вместо обведенного рамкой и отмеченного знаками ? и NB текста:* Устинья — дочь Умецкого от 1-й жены (жила с отцом). Остальные дети от 2-й жены. Умецкий — старый друг Генерала, — вместе женились, вместе и прогнали жен. У Умецкого 1-я жена повесилась. Когда Сын узнает, что Отец женится на старшей Сестре — он в исступлении. Хотя [Отец] Генерал и знал, что Сын сватался и история была, но он знал, что Настя убежала и не хочет. Когда же он сошелся и уже жил с [Умецкой] Устиньей, Сын узнает, что женится на Сестре. Из этого бои и грозы. *Правка не доведена до конца, зачеркнута часть текста:* Умецкий — старый друг ∾ бои и грозы.

NB. Генерал женится. Умецкая узнает, что у него ничего. Смеется над ним и уходит. Развратное поведение ее. Генерал за нею. Страстно влюблен. Соглашается переносить и разврат.

В это-то время ощущает потребность семейства. Убивает Жену. ⟨с. 128⟩ [1]

Нет родни. В то время как Устинья обманывает его, мирится с Сыном старшим, который за него заступился. Вместе разыскивают Настю (которая, впрочем, жена, Насте 20-й год. [2] «Какой ты муж?»).

Настя вначале хотя и вышла за Сына, но хотела убить соблазнителя (из хлеба, старичонка). Все ставят в стыд (характер ее буйный, неподклонный, бешеный, сумасшедший).

NB. Или еще не вышла Настя за него, а просто бежала, чтоб не сделать его несчастным. А он пуще за ней.

Настя в Петербурге колеблется, мучается: выходить или нет? Потому что сама влюблена, даже назначает, что выйдет. Но при 1-й ссоре решает, что нет: «И он мучить будет, и я его недостойна, да и никому я неподклонна», — и решается следовать совету Устиньи. Та ее сводничает и проч.

Сын в отчаянии, но хочет простить и это. Настя тронута. Генерал соглашается. Свадьба назначена. Но [3] Настя колеблется (гордость ее) еще более. Сын приревновал, чаша переполнилась, и Настя перед браком утопилась. (Это характер прежнего Идиота: великодушие, озлобление, гордость и зависть.) [4]

NB. Генерал не женился на Устинье, хотя и подличал. Выгнал ее. NB. Но Устинья успела взять с Генерала вексель в 10 000 р. и засадила его.

Идиот выкупил. Он болен. Дети. Принял ужасное участие в Сыне и в Насте. Возвратил к семье. Позволил Сыну жениться на Насте. Отыскивал ее, когда та убежала. (Сын — байроновский характер. Мрачен.) И вдруг Генерал, когда уже давно всё разорвано с Устиньей, берет нож и идет зарезать Устинью. Не успел, прибили.

Стало быть, вся эта нежность и возвращение к семье и Сыну была психологическая черта: и вдруг убил.

Насте 22 года. [Отец преследовал] ее еще 20-летнюю, когда еще мог. [5]

Она Сыну: «Ну за что я тебя загублю, прекрасного, милого».

А жена Умецкого и Устинья усмирили старика. Началась было свадьба, и вдруг она бежала.

---

[1] *По-видимому, или с. 128 должна была предшествовать с. 129, так как на с. 131 стоит помета «1 стр.», а на с. 129 — «4 стр.», или автор ошибся при нумерации страниц.*

[2] *Было:* 22 года

[3] *Далее было начато:* Сын не

[4] (Это характер ∾ зависть.) *вписано.*

[5] *Правка не доведена до конца:* Насте ∾ преследовал *зачеркнуто, вторая часть фразы осталась невычеркнутой;* Насте 22 года. *восстановлено.*

Настя имела право бежать, но отец бил и мучил, как зверь. *Зажгла дом,* попалась. А тут Сын: «Женюсь, и если вы смеете...» 〈с. 127〉

№3.[1] История начала любви Сына: когда ее били и запирали и когда она с Ольгой зажгла дом, — его жалость взяла. Он заступился и не дал. Увез, запер. С Устиньей в сношения вошел. Устинья даже его мимолетом соблазнила (это-то и ужасает Сына, когда Генерал жениться на Устинье хотел) — но это было мимолетно, и когда Сын вдруг полюбил Настю (дик〈ий〉, бешеный характер, прощай, не прошу, а Сына обнимает), то вдруг предложил руку; она ему: «Как я тебя загублю?» Однако, так как всё дело в ней, решилась. Мать согласна, Устинья смастерила, а она и бежала накануне брака.

Устинья ей не сестра.

ЧЕ́РТА: Генерал перед браком в превосходном расположении духа, сходится с семейством и даже мирится с Сыном. (Журнал и проч.) Но всё через край: если мирится, то и дружится. *Рассказывает всю свою жизнь* (тут-то характеристика лица), и наконец, когда объявляет о своем браке, — ссора.

(Перед этим Сын пришел несчастный, она послушалась сестры и убежала. Он в презрении хотел было забыть ее и пришел в семью. Идиот. Но́ после ссоры опять к ней бежит. А то было уж Генерал утешал его.)

Ей 23 года, оставалась, потому что ей детей было жалко (а пошла из хлеба). Жила с тем открыто, рядом в усадьбе, совершеннолетняя. (У того рука по губернии.) Тот вдруг уехал и ее оставил. Она бежала от него. Отец перехватил, и бить, и запер... Сын заступился.

Всё остальное как было: *т. е.* Насте — 23 года, Устинье[2] — 31. Воспитанница в Суздаль. Влад〈имир〉 Умец〈кий〉 рад бы преследовать Настю. Сын, 21 года, от 2-го брака. Идиот от 1-го, 26 лет (с капиталом), был за границей. Из-за границы прямо в деревню к Умецким. Образован и чудак.

Сначала Генерал хотел жениться на ребенке-Воспитаннице. Но приехала Тетка взять сестру: «Ну, хочешь иль нет?» Залилась слезами: «Нет, нет, не хочу!»

— Нет, не хочу.
— Хочешь со мной ехать?
— Нет, не хочу.
— Так что же ты хочешь?
— Я к Ивану Николаевичу (Идиоту) хочу.

И таким образом в любви объяснилась.[3]

---

[1] *Перед:* №3 — *в верхней части страницы запись:* С благоговением
[2] *Было:* Умецкой
[3] *Текст:* — Нет, не хочу. ∾ в любви объяснилась. — *написан в нижней части страницы.*

А всё гордилась, и никто бы от нее не подумал, единственно чтоб с детьми спорить. Прощаясь же с детьми, обнималась и обливалась слезами, и те тоже. Уехала в Суздаль. ⟨с. 126⟩

Первая часть в деревне. (Может быть.) *Очень сжать надо.*

Начало: как Идиот с ней и с детьми принимает, *сцены,* 2 главы. Она бежала.

Очутились в деревне. Картины Умецких, Генерала.

Битье. Старший Сын взял с бою. Генерал заступился.

Между тем: деспотизм Генерала, сцены с Сыном, *за Мать.*[1] Яша, считающий себя нелюбимым (походы, прятание, игры, дети Умецких и дети Генерала, ребенок *Умецкой. Ольга Умецкая*), Воспитанница и *ее роль* в доме. Генерал подбирается к Устинье. Сын с Устиньей. Яша не хочет просить прощения.

Генерал не выдает Насти. Битва с Умецким.

Ревность Генеральши к Насте. Укоры. Настя в бешенстве: «Я неподклонная, я прощения не прошу».

Убегает с Сыном, устроивает Устинья. «Ты, Устинья, хоть и стерва, но услужить умеешь!» (Вообще *она* всё время в натянутом исступлении.)

Генерал на Генеральшу. Внезапная смерть. Расширение сердца.

Похороны: «Сегодня только начинаю жить!»

Потом повел на могилу.

NB. (Дети *знают* Идиота и вспоминают о нем.)

NB. По отъезде соблазнителя она жила в его доме в деревне. (Заезжала только Устинья.) Идиот ходил утешать. Она ждала, нет писем! Мученья, родила, *Идиот принял.* Приходит письмо-отказ и 10 000 р. Болезнь. «Ну, теперь!» Тут-то Идиот и предложил руку.

Когда жена умерла, Генерал, увидев Яшу, говорит: «Ты, ты убил ее!» Яша хотел повеситься. Потом на могилу.

NB. И тут мельком любовь Генерала к детям. Смешные сцены.

С Умецким сошлись. (Устинья — утешительница.) Умецкому продал имение. Детей взял, и в Петербург.

Генерал думает в Петербурге о месте. (Кредиторы.) Всё лопнуло. Перед приездом Идиота — 2-я часть (ложки закладывали). ⟨с. 124⟩[2]

Когда же Генерал (2-я часть) порешил с Воспитанницей, на стороне пошло с Умецкой. Воспитанница ревновать. Тот на нее и на Дочь и проч. Так что с Умецкой уже было готово, когда Воспитанница отказалась.

---

[1] *Над словами:* за Мать — *знак NB.*

[2] *С. 124 помещаем ранее с. 125 на основании нумерации Достоевского (с. 124 — «I», с. 125—«II»).*

1-я часть. Яшу высек; оказывается, что Яша невинен.

NB. Идиот думает, что он *урод собой.* Раз, когда он утешал ее и мечтали с ней, у них было началось что-то нежное. Идиот убежал. Потом, когда пришел на другой день, — она смеяться над ним.

Ушла она, не убежала. А как сговорились жениться — она на другой день руку ему поцеловала и ушла (объяснившись отчасти, оставив его в глубоком изумлении).

Сын Умецкой в деревне: «Грязная вы какая! Душа у вас грязная». Из этого любовь (действительно) и ненависть (Сыну 21 год).

NB. Умецкая, напротив, преследует Настю, а не помогает. И тут же (еще в 1-й части) старика на Сына восстановляет.

Она с Идиотом вначале, про него слышно было, что он с детьми возится.

Идиот, когда приехал в Петербург, дети принимают его, как фискала. ⟨с. 125⟩

10 ноября.

ЕЩЕ ТОЧКИ

Мать уже умерла, 5-й месяц. Сцена у Генерала. Начинается детьми. Жених Дочери. Разговоры детей о *всем* и о *Сыне*, даже о том, что отравил. Заклады ложек. Тесное время. Идиот не едет. Тост Генерала. Мрачный Яша. Приходит Сын, он слышит о Сестре. Все его уговаривают уйти, он не уходит. (Подозрение детей, что он женится на Воспитаннице.) («Так ли, вы [1] были у Умецких?») [2]

Дочь под арестом за колкое обращение с Воспитанницей. Яша намерен протестовать. Сыну: «Если ты не хочешь, я должен». Слух об Идиоте.[3]

Является Генерал, раздраженный. Сарказмы и ссоры. Дочь, Жених, на Сына (уже после, как говорил): «Как ты смел явиться?» Яше: «Ты был причиной смерти матери». Яша восстает и противуречит. «Вон из моего дома!» Бегство Яши. Его ищут. Некоторое примирение с Сыном. *Сын уходит* недовольный. Появление Идиота.

Генерал обрадовался. Идиоту рассказывает о Сыне (о том, что он хочет сделать предложение). Дети встречают Идиота как фискала. Генеральское предложение Воспитаннице, когда остались одни.

На другой день утром [4] рано Идиот идет к Насте, заходит к Умецким. Видит брата.[5]

---

[1] *В рукописи ошибочно:* вы бы

[2] *В верхней части страницы заметка:* Что он женится на Воспитаннице, было давно известно. Официальное известие (от Жениха письмо).

[3] Дочь под арестом ∾ об Идиоте. *вписано на полях.*

[4] *Далее было начато:* Генерал в прекрасно⟨м⟩

[5] *На полях против этого и следующего абзаца запись:* Может быть, это во 2-й части.

У Генерала совещание детей. Ольга Умецкая. Прием Воспитанницы. Идиот возвращается. Детский журнал. Генерал в превосходнейшем расположении духа, «Ах ты, сморчок». (Яша болен). Генерал возвещает детям о женитьбе. Уходит.

Дети. Ссора с Воспитанницей. Идиот с Воспитанницей. Опять Сын приходит в отчаяние. Она бросилась в разврат. И это Умецкая сделала. Маленькое примирение с Генералом. Узнал о женитьбе: «Какая глупость». Вдруг является Тетка: «Хочешь замуж?» — разбирает. «Нет, не хочу! Я хочу к Дмитрию Ивановичу».

Генерал в бешенстве к Дочери: «Я тебя освидетельствую». Яша, бить. Идиот получает пощечину. «Его бейте, а меня нельзя». Тетка уезжает, рассерженная на Дочь[1] и на Воспитанницу.

№3. Идиот с детьми, 1-й разговор («А мы думали, что вы такой скучный») — про Федора Ивановича, про Монблан, про Швейцарию, про историю одного учителя и одного мальчика, про Ольгу Умецкую, о бытии бога и, наконец, про Воспитанницу-невесту, о ее положении, будущем, мирит ее с детьми. Говорит и про Генерала. Заключается союз. (Хочет жениться на развратной Сын. Дети говорят с ужасом.) Признание Яши.

Тут появление Умецкой, Тетки, Сына, Бабки, бить Яшу и проч.

НАДО: мастерски выставить лицо Идиота.

Генерал, встретив его и говоря с ним, много рассказал ему из прошедшего. Тоже это тема разговоров детских.

Остановить на любопытном продолжении романа.

Побольше важности в романе.

Лицо Идиота. 〈с. 123〉

ЕЩЕ ТОЧКИ

Nota bene.

О том, что *она* из прачек в разврат, — во второй части.

Сын имеет *odeur*[2] отчаянного. Дети его немного уважают и боятся, сцены Идиота с *нею* во 2-й главе и *предварительно глава о прежней любви в деревне.*

В 3-й части у Идиота — *Детская* и Женская (женский труд).[3] Часть ночующих и часть приходящих.

Главные перемены: побольше бешености в Сыне.

Генерал (покамест там школа) таки женится на Умецкой.

Когда они преследовали Настю (на которой, *может быть,* и женился Сын), Сын крикнул Отцу, что жена его 〈- - -〉 и что он это знает.

---

[1] *Вместо:* Тетка ∾ на Дочь — *было:* Тетка увозит Дочь и Воспитанницу.

[2] репутацию *(франц.)*.

[3] (женский труд) *вписано*.

Идиот: «Проси прощения».
Умецкие.
Дети.
Идиот (1-е появление).
Генерал — безобразие и русская душа.
Генерал Дочери: «Беспорядка в доме не желаю». ⟨с. 122⟩

Н. П. N. P.
Дети. Бунт. Яша.
С детьми объяснение, что разорвал. Честь. Сына ждет, чтоб примириться.
Сын. Проект женитьбы на Воспитан⟨нице⟩. С Дочерью («Ты сердишься, а я вот и разорвал»).
Идиот с Умецкой. Объяснение с обоими. Сын говорит. Идиот молчит. Объяснение с Воспитанницей, перед сном.
На другой день с Воспитанницей журнал (прежде того Идиот с ней. Сцена с мальчиком: *о Сыне*. Об Умецких и детях их. Идиот и дети). Монблан, Воспитанница. (NB. *Главная сцена*.)
Приход Умецкой и Умецкого. Что она Сына любит, бешенство Генерала. «Этого быть не может». Допрос Сыну. С Дочерью и с Яшей бешенства предварительные.
Внезапный приезд Тетки: суд. «Не хочу». Пощечина Идиоту. Прогоняет Сына[1] *и т. д.* ⟨с. 120⟩

2-я часть: Бунт детей. *3 месяца спустя*. И похождения Отца.
Идиот в действии: мальчик, потерянные женщины и проч. Кончается разрывом за Умецкую. *Идиот всех уводит*. ⟨с. 111⟩[2]

11 ноября/ 30 X.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Идиот и Умецкая, *дело начавшееся*, рассказ сжатый.
Идиот жил в деревне у Умецких (для чего?) никто не может отгадать. Дело в том, что он и прежде жил у Умецких, на покое и на деревенском воздухе. Мачеха и прежде его не могла терпеть (до 10, впрочем, лет он жил дома), потому что он пасынок и богатый и *идиот*. Потом при переездах служебных его оставили у Умецких в деревне.[3] Рос с старшим Сыном и с дочерьми. Потом его отправили в Швейцарию 19 лет. 4 года в Швейцарии.[4] Воротился прямо к Умецким (отец служил где-то в Симбирске) и за плату нанял⟨ся⟩ у них в деревне (для детей), но детей взяли.[5] Дети жили *на корму*

---

[1] *Далее было:* Бежит Яша.
[2] *Последующие записи на с. 116—119, 114 имеют дополнительную авторскую пагинацию* («1—4, 5»).
[3] *Вместо:* в деревне — *было:* (род⟨ился⟩ в деревне)
[4] *На полях заметка:* (Опекуны Идиота — петербургские родственники. Они-то и отправили его в Швейцарию.)
[5] *Далее было начато:* Идиот остался один, но

у Дочери, пока она жила с Богдановым. Когда он уехал, их взяли. Идиот заинтересовался положением оставленной Умецкой. (А Ольгу, двоюродную сестру, он встретил одну в доме.)

Сцены у Умецкой. Надо живее. Вся ее furia.[1] Насмешки над ним, ползание в ногах. Получил 10 000.[2] Она в Петербург. «Выходите за меня, ведь я богат». — «Это я ему в харю». Или не лучше ли за срам Отцу отдать. Родила, но месть ⟨?⟩ (Мишенька). Руку ему поцеловала и уехала с Умецкой Ольгой (об отсеченных головах). *Она* рассказывает Идиоту биографию Ольги.

Идиот за болезнию остался. Ольга с ним.[3]

В деревне.

Влад⟨имир⟩ Умецкий (пьет, плачет, об своих обязанностях разговаривает). Голодные дети и приехавший с старшим Сыном развитый гимназист 15 лет, его сын.

Злорадство над женой, над дочерью, над детьми и особенно — над приехавшим гимназистом. Высек, слабенький мальчик. Споры с старшим Сыном. Устинья Умецкая в чести ⟨?⟩. Вдруг является *она*.

Тут-то он напал. Тигр. Всех заскрежетал, и даже Устинью. Сечет *ее* под предлогом: наказую за разврат и деньги подай. (Совершеннолетняя, но он никаких законов не слушает.)

С другой стороны, семья Генерала. Мать, Ганя, Дочь, Коля, Яша, Нина, Воспитанница — немного ревнует. Сам Генерал.

Мать больная. Генерал — отставка и подлейшее положение. «Мы нищие,[4] но Умецкий спасает меня». Мать умоляет не слушать Умецкого. С женой сцены: «Я глава и хочу остаться главой».[5] Ревность за Воспитанницу, в доме взросла. Об Идиоте.[6] *Тетка* приезжала, раздразнила всех и уехала.

Дети. Во-1-х, Дочь. №3. (Дать характер.)

Во-2-х, Коля и Яша с гимназистом Умецким. Яша немного мрачен, ссорится с Воспитанницей, Мать за него, а Генерал против. ⟨с. 116⟩

Чтение стихов. *Тетка:* «Высекла бы тебя». С мальчиком-гимназистом. Коля (Ульяну) и проч.

Вдруг слух; Генерал уезжал на минутку, а Ганя, собрав детей и подбив за 15 руб. мужиков, ночью похитил из сарая избитую *Умецкую*.

Генеральша, страшно больная и потрясенная, приняла ее. №3. (Устинью [7] до того не принимали, но Ганечка с ней *шалил*. Капитан Павленко. Дуэль.)

---

[1] ярость *(лат.)*.
[2] ползание ∾ Получил 10 000. *вписано.*
[3] *Фраза:* Ольга с ним. — *частично зачеркнута.*
[4] «Мы нищие *вписано.*
[5] С женой сцены ∾ главой». *вписано.*
[6] *На полях заметка:* Спор об Идиоте: «Это всё через вас?»
[7] *Было:* Умецку⟨ю⟩

Приехал Генерал, вступился. *Бой с Вл⟨адимиром⟩ Умецким.* Устинья, которую Генеральша не принимала. Отбили.

Умецкая, насмешки и проч. Сын ей понравился. (Она красавица.)[1] Генерал слишком сильно принимает, с Сыном сначала заодно. Дети, гимназисты.

Умецкая начала любовь с Сыном. Ревность Генерала, бешенство. Умецкая зажигает с Ольгой дом. Сын выхватывает. Она обнимает и целует его. Сцена в огне.[2] Бешеная сцена с Сыном при Матери. Та догадывается. Умецкая (видя, что уж Генерал так и дрожит над ней, наговорила на Сына). Тот прогнал Сына. Уехал в негодовании. Вступился Яша и нагрубил Умецкой. «Проси прощения». Мать против. Умерла (расширение сердца).[3]

В ночь удрала Умецкая.

Похороны. Яше: «Ты убил мать». Тост. «Танцуй!» Яша — повеситься, искать его.[4] Повел на могилу.

Папаша: «Отложим лошадей!» — «Едем! Едем!» Забыл что-то. Его в лихорадке усадили в тарантас.

После как зажгли, она убежала, а Ольге говорит: «Бросайся в огонь, а у меня ясный сокол есть».

Бежит и встретила Ганю. Обняла и дрожит: «Ты, ты один». Застает Генерал и поражен! Старый да беззубый идет (а накануне сорвал поцелуй у ней и целовался уже три дня: «Будешь генеральшей». Яша видел и слышал).

2-Я ЧАСТЬ

2 мес⟨яца⟩ спустя.

Генерал влюблен до остервенения — разыскал ее: предложение; насмешки. С Сыном в ссоре, но принимает.

Но вскоре узнал невинность Сына.

Вдруг она Ганечку оклеветала. Преследует она его.

Генерал взбесился.

Два месяца спустя — всё запущено и распущено. Долги и проч. У Генерала только одно в уме. Мрачная любовь, бродит по городу. Заходит к Сыну. Примирение. Клевета. Домой приводит, радость в доме. «У меня другая мысль: хочу жениться». Идиот.

Идиот на другой день с Умецкой, мальчик. Об Умецких. Он с Вл⟨адимиром⟩ Умецким. Журнал. Сватовство (официально). Разговоры Идиота. Вечером Тетка. Суд. На Дочь. Воспитанница прочь. Яша — бунтовщик за Сестру. Идиот — за Яшу. Со старшим стреляться. *Генерал нездоров.*

Главное NB. Генерал как будто поутих, но Умецкая сидит на сердце — *будет* взрыв.

---

[1] *Вероятно, к этому абзацу примыкает заметка:* Про Идиота рассказывает.

[2] Умецкая зажигает ∞ в огне. *вписано.*

[3] *Текст:* Приехал ∞ расширение сердца). — *объединен фигурной скобкой и отмечен знаком NB.*

[4] «Танцуй!» ∞ искать его. *вписано.*

Сын оборвал с нее платье (она ⟨- - -⟩), дуэль. Она: «Выхожу за Генерала». Тот в сумасшествии: «Женюсь!»

N3. Она-таки соблазнила Сына. Тот в отчаянии и сорвал. «Выхожу за Генерала». Она дала-таки пощечину Троцкому в публике. Сын опять за нее заступился и тут-то и соблазнился ею. Потом оплевал. А она: «Буду генеральшей».

Идиот. Заведение. ⟨с. 117⟩

Надо иль не надо оставленную в деревне? (Сцены с Идиотом?)

Дочь вышла. Племянник стал рассказывать.[1]

Генерал (разговор с Племянником): «Дикая вещь. К несчастью, встречающаяся. Редко, но встречающаяся. Очень редко, но встречающаяся».

Племянник полуулыбнулся. «Что вы улыбаетесь?» — резко спросил Генерал.

— Да... ничего. Люблю я иногда эту вашу определительность: «Редко, но вст⟨речающаяся⟩, очень редко, но встречающаяся ...»

— А вам смешно.

— Удивляюсь я в этих случаях вашему спокойствию, вашим правилам.

Ганя возвратился в восторге от красоты.

NB. Племянник,[2] лицо прежнего Идиота. *Тирада об царе иудейском.* Варя с ним. У ней мечта была спасти его. У него некоторая теплота к ней.

Этот Племянник рассказал эту историю: «Из хлеба пошла». (На вопрос о *гнусных* намерениях: «По суду ничем нельзя уличить, ну а за помышления, если не судить, так осудить уж нельзя».)

Сначала детей привезли (негодование Генерала и замечание о детях).

«А теперь, право, не знаю, что с ним случилось. День еще так прошел, а потом вдруг как тигр: „Ничего не боюсь, она моя дочь". («Деньги подай».)»

N3. Вл⟨адимир⟩ Умецкий начал было, что ребенка убила.

«Нет, это он не врет. А я чуть было его не убила». И рассказала по этому поводу, как она с Идиотом родила Кольку.

Напускной цинизм.

Генеральша увещевает ее.

Тетку удивил цинизм ее слов: «*Хороша птица!*»

N3. Насчет Воспитанницы: Генеральша очень ласкает ее.

Замечания для 1-й части. N3. Очертить лицо *ее*. Напускной цинизм, бешенство, нежность.

NB. *Главное.* Прежде главу об Умецком. Жидовская скупость

---

[1] Дочь ∾ рассказывать. — *заметка в верхней части страницы*.

[2] *Было:* Сын

припадками. Тигровое бешенство припадками (обрисовать характеры).

Об Идиоте только рассказы.

Генерал говорит про Вл⟨адимира⟩ Умецкого: «Я его знаю, в полку он любил пороть. Доносчик был. 30 лет обиду помнит.[1] Дела ведет зато хорошо. Из ничего! из ничего! состояние составил».

Ссоры с Сыном. Видимо ревнует к Умецкой.

Умецкая хохочет над ним.

Генерал: «Пляши!» (Дочке).[2]

ГЛАВНОЕ. В 1-й день приезда поехал к Умецкому. Видел Дочь, красавицу собой. Генеральша надулась (Ганя о красоте ее). Дети.[3] «Пляши». Натянутая ⟨с. 118⟩ веселость. Стихи. «Сморчок». Генеральша рассмеялась. «Наконец-то!» И вдруг вбегает Ганя, что сделалось с Умецким?[4]

N3. (После сцены уехала с Идиотом.)

Как уехали, Генерал заревел, а жена умерла.

Если приехал Идиот, то непременно пощечина.

Генеральша передает ему детей (извинение в упреках об идиотизме). Идиот больной. С детьми Умецких беседа.[5]

Сначала в 1-й части на Яшу сердилась Мать, и он прятался (за Воспитанницу). А потом он заступается за Мать.

Может быть (после ссор с *Сыном,* которые не объяснены, но всем видны, и отъезда Сына — из-за чего происходят опять сцены), Генерал после бури улучает наедине: «Подожди немного — генеральшей будешь, хочешь?» (N3. А еще прежде того — она сказала: «*Вот старик безногий идет*».)

Сын, уезжая, Идиоту: «Разве не ревновал он меня к Ниночке?»[6]

N3. Когда Идиот отправил в Петербург Умецкую, Генерал ему: «Это вы хорошо сделали, это хорошо! Меньше историй. Да! меньше историй».

В другой раз, прежде еще, Идиоту: «Дела мои дурны».

«Я ГОСПОДИН В ДОМЕ!»

После: «А его не бейте!» — Генеральшу он уговорил, уласкал. А утром она вдруг умерла, за чаем.

Когда Мать лежала в гробу, дети собираются: «Призывать ли

---

[1] 30 лет обиду помнит. *вписано.*

[2] *На полях рядом с текстом:* Ссоры с Сыном. ∾ (Дочке). — *заметка:* Sic. Еще раньше: сцену детей.

[3] *Далее было:* Болтовня.

[4] *Далее повторенная дважды запись:* Генеральша, *два знака вопроса и другие пометы Достоевского.*

[5] *Текст: Если* ∾ беседа. — *отчеркнут и на полях отмечен знаками N3 и ?*

[6] *Вторая часть фразы, начиная со слов:* Разве не ревновал — *зачеркнута.*

сюда Отца?» Идиот сказал: «Пустяки!» — и потом: «Коли любите, так призывайте».

NB. (Пьет шампанское с Умецким и Устиньей. У Умецкого песенники.)

Мальчики *Вася* и *Коля*. Их рассказ (их в деревню за воровство прислали).

Умецкий:

— Мне грустную!

— Я подонщик. Надеюсь, я с вином управл⟨юсь⟩.

Много развл⟨ечений⟩ ⟨?⟩.

Умецкий (под пьяно) рассказывает, как он видел, как партию ведут: «За рубль и красную рубашку — всё пропьет, детоубийца одна плясала, шум, гам, пьяно... Я это люблю. Мне грустную!»

Варя говорит: «Я ведь много нагляделась и наслушалась». А рядом с этим, после того как пьют, она с Племянником — о царе иудейском. «И я поэт». Немного пьян. Та бледная. Племянник объясняет, как он воспитывался у Дяди, рассказывает, как портреты на Толкучем продавал.

Идиот тут же.

«Но вот ваш отец кричит что-то такое: „Лошадей!“»

Генерал после тоста молчал. Пил шампанское. Потом вдруг Идиоту: «Поклянитесь мне, поклянитесь мне честным словом, что *она* не за *ним* поехала и что у них не было стачки». И потом вдруг: «Лошадей».

На детей напал после похорон. (На Варю напал было.) Только когда еще Мать в гробу лежала: «Это (Яше) ты. Это твое дело!» (Яша еще не повесился.) [1]

«Лошадей!»

Укладывают, сбираются. Он молчит. 2 тарантаса. На кучера. Сутки собирались. На заре тарантас подан. «Пойдемте. На могилу. Проститесь». И вдруг сам упал.

Привели домой: «Не ездите, останемся!» — «Лошадей!» — все поехали.

Генерал, она, дети. Лицо Идиота и прочее множество лиц.

NB. Генерал с детьми в откровеннейшие разговоры.

Идиотово лицо. ⟨с. 119⟩ [2]

Ее лицо величавее. (Сильно оскорблена.) (Объяснить влюбленность Генерала.)

Как она рассказывает о сладострастии любовника.

Идиот Племяннику:

— А, впрочем, вы никогда богачом не будете.

---

[1] (Яша еще не повесился.) *вписано.*

[2] *В конце страницы помета Достоевского:* Смотри *5 (авторский порядковый номер с. 114).*

— Почему?

— Потому что у вас сердце есть.

— Гм.[1] Я бы только желал теперешний ваш капитал покамест, 75 000.

— У меня далеко нет 75 000.

NB. — Или большой преступник, или...

— Дай-то бог.

— Пустой я человек за это замечание, молоко не обсохло.[2]

Варе вдруг (прежде ни слова не говорил): «Любите его, может, на путь наведете. Ему этого только и надо».

(Потом, во 2-й части, Варя говорит, что она за ним и несчастна.

— А что ж, за дело взялись...)

NB. Генерал еще раньше, *только что приехал,*[3] до начала всей катастрофы, объявил Генеральше, что ему[4] не нравится, что *Племянник* подъезжает к Дочке. Генеральше хоть и самой не нравилось, но она из духа противуречия говорит: «Нет, отчего же». А потом, когда началась катастрофа, Генеральша вдруг брякнула: «Это вы, рассчитывая жениться, заручались, чтоб Племянник к Варе не посватался». — «Помилуй, Нина, да ведь они и не родня. Да, совсем почти не родня...» — «Нет-с, родня-с...»

Идиот, уезжая с Генералом из деревни, затрудняется, как оставить детей Умецкого.

Умецкий за пьянством сам подбивает Генерала в Петербург преследовать Наську.

10 000 и письмо обольстителя были прежде приезда Умецкой. Идиот приезжает сам по себе.

Дети, за то что Вл⟨адимир⟩ Умецкий высек гимназиста (за то что тот не пошел на работу), до того говорят, что он обесчещен навеки, что[5] тот решается зажечь дом. Потом, когда отец его выпорол, Идиот взял. Но он потом умер. Дать лицо этому мальчику.

NB. До самой пощечины над Идиотом все смеются и он в страшном пренебрежении. Он всё молчит.

Подробное расположение плана и вечером *начать.* ⟨с. 114⟩

---

[1] *Далее было начато:* Ну, мне

[2] *Текст:* Идиот Племяннику ∾ молоко не обсохло. — *отчеркнут и отмечен знаком NB.*

[3] *Над:* только что приехал — *знак NB.*

[4] *В тексте рукописи ошибочно:* ей

[5] *Далее было начато:* подбивают его зажечь на ⟨?⟩

3-Я ЧАСТЬ

7 марта.

Князь был три недели в Москве.

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илииновна⟩ ведет себя скверно и мучает Рогожина, чтоб отвадить Князя.

Аглая встречает Князя насмешками; Ганя.

Генерал опять подбирается к Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩.

Князь понимает поведение Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ и хочет отказаться от Аглаи.[1]

Объяснение с Аглаей. Аглая поддакивает ему и, чтоб отмстить, бежит с Ганей — накануне свадьбы.

Князь — жених Аглаи.

Отыскивает *наконец* Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩.

История беспрерывны⟨х⟩ насмешек и ненависти Аглаи.

У него заведения и школы.

Накануне свадьбы Аглая отказывает или бежит с Графом.

Князь и Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩, женится на Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩.

N3). Женат на ней или не женат втайне, вот вопрос?

Связи и интриги потаенные Гани против всех (он служит Князю против Аглаи, Аглае против Князя, связи с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩ и с Рогожиным).

Аглая попадается Гане на крючок (наблюдавший Князь выручает).

Князь следил и знает всё про Ганю и прощает его. Ганя не переносит этого презрения и меняет судьбу. ⟨с. 4⟩[2]

Рогожин влюбляется в Аглаю.

9 марта.

Князь на Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩[3] женат.

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩[4] не вынесла ночи у Рогожина. Три дня кутьбы. *Бежала в прачки.* (Описание кутьбы, драки и проч. Как она пленила Рогожина, но не вынесла, омерзила и бежала.)

Князь поймал её душу; выйти за него. Она согласилась. Но, согласившись, бежала (или вышла и бежала).

Рогожин ищет (N3 влюбляется в Аглаю).

Князь ездил в Москву. В Петербурге у него вроде клуба.

Ганя.

---

[1] *Далее было начато:* Аглая

[2] *Здесь и далее в ломаных скобках указаны страницы тетради Достоевского: ЦГАЛИ, ф. 212.1.7.*

[3] *Было:* на Аглае

[4] *Было:* Аглая

№3

По приезде из Москвы — насмешки Аглаи. Отыскание Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩. Ганя уж служит у Аглаи и осаживает ее добродетелью.

Объяснение Аглаи с Князем. Князь говорит о Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩, рассказывает, как она не вынесла кутьбы и его предложения и бежала. Говорит, что отыскивает Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩.

Аглая посещает Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩. Говорит, что это подло играть роль Магдалины. Что похожее на японский кинжал сгнить в борделе, но неведомо и неслышно. Смеется над низостью ее души. Предлагает ей мышьяку, говорит ей «*ты*».

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ объявляет, что она уже княгиня (взаимные насмешки).

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ поступает к Князю княгиней. Ведет себя развратно. (Выдержит ли Князь? Хочет отравить себя в конце концов.)

Воскресает в достоинстве, но не переносит на деле.

Князь всё прощает. И Гане, и Рогожину, и Аглае. Варя, Ганя и проч.[1] Интрига с его стороны.

Дети. Старик, Генерал. ⟨с. 6⟩

10 марта.

Н⟨АСТАСЬЯ⟩ Ф⟨ИЛИППОВНА⟩

Она живет уединенно. Бежала от Рогожина.

Почувствовала очень, что любит Князя, но считает себя недостойною.

В прачках [2] хочет, с своей любовью, убежать в *борд⟨ель⟩*.

№3. В это время посещает ее Аглая и говорит, что «беги в бордель».

Она плюет на всё и выходит за Князя.

№3

Аглая говорит ей, что она выходит за Князя, как за идиота богатого.

Но по некоторым нотам в ее голосе и по некоторым выходкам ее Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ угадывает, что Аглая любит Князя.

Ревность Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ к Аглае. Ревность и побуждает ее выйти за Князя.

---

[1] Варя, Ганя и проч. *вписано и отчеркнуто.*

[2] В прачках *вписано.*

Выйдя, она начинает развратничать. Генерал, опять Рогожин, которому окончательно вскружила голову, и еще... Ганю и Рогожина побуждает погубить Аглаю. Та попадается на крючок (спасает Князь). Тогда — ревность и бешенство Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩.

Смерть ее в борделе (описание).

Детский клуб у Князя потаенно.

NB). Придумать роли в интригах Гане, Ипполиту и проч. Варе. ⟨с. 7⟩

10 марта.

Главная черта в характере Князя:

забитость,
испуганность,
приниженность,
смирение.

Полное убеждение про себя, что он *ИДИОТ*.

NB). Он задает себе поминутно (внутренно) вопрос: «Или я прав, или они правы?»

Окончательно всегда готов винить себя.

NB. Но когда сердце и совесть говорят ему: «Нет, это так» — то он это делает вопреки мнению всех.

Детей он любит непосредственно, жив-м,[1] но советника ищет и не имеет.

NB$_1$) Взгляд его на мир: он всё прощает, видит везде причины, не видит греха[2] непростительного и *всё* извиняет.

NB$_2$) Внутреннее состояние души своей он таит от всех. И так как удаляется, то его зовут меланхоликом и ипохондриком. Так как слушает без возражений, а делает все-таки по-своему: то называют его страшно самонадеянным гордецом. *Князь объясняет это всё Аглае, в V-й главе.*[3]

Он же считает себя ниже и хуже всех. Мысли окружающих видит насквозь. Вполне видит и убежден, что его считают за идиота.

В детях находит людей и свою компанию. («Идиот ли я или нет?»).

Аглая уверяет его (еще прежде), что он идиот. (Это нарочно; Аглая ждет возражений и насмешек и видит одно согласие. Он вдруг говорит ей об Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩.) ⟨с. 8⟩

---

[1] *Так в рукописи.*

[2] *Далее было начато:* и всё ⟨извиняет⟩

[3] *Князь* ∾ *в V-й главе. — заметка на полях против текста, отмеченного знаком NB$_2$)*

?? Ганя обманывает его — вот почему Князь ведет себя с Ганей конфиденциально-откровенно.

? И когда довел Ганю до признания, что тот его обманывал, — объявляет ему, что давно уже это знал.

Некто хочет захватить его дела (Генерал?). Но Князь слушает советы, а устроивает иначе.

(Роль Птицына?)

Ганя. Сожжение пальца, сцена с Аглаей.

11 марта.

Отношения Гани к Аглае:

Как только Ганя очнулся от обморока, то сейчас же подумал: «Что скажет Аглая?»

Он отдал 100 000, чтоб поразить Аглаю. (Довольно неудачно уверяет кого надо: что он сватался к Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩ с отчаяния по отвергнутой любви Аглаи.)

У Аглаи он становится необходим. *Сестра — из мщения.* У Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илиппов⟩ны он необходим, у Князя тоже.

Сначала перед Аглаей роль преданного Князю.

Он сам не знает: любит он Аглаю иль ненавидит? Ему кажется, что ненавидит. Из тщеславия хочет жениться на ней.

Видя любовь Аглаи к Князю, ненавидит Князя.

Ведет Аглаю к Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩. Ловит на крючок тем, что не объявляет, что Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ — княгиня.

В Н⟨астасье⟩ Ф⟨илиппови⟩е возбуждает ревность к Аглае. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ и в бордель, и ненавидит Аглаю.

Свидание. После торжества Аглаи Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ вдруг ее осаживает тем, что она княгиня.

Затем Ганя и Аглая. Сожжение пальца. Странная сцена. Оба хотят мстить.

NB, NB. Finis[1] тот, что Аглая предается Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩, а Ганя душит Аглаю. NB. Любовь из тщеславия. ⟨с. 9⟩

11 марта.

Он, оскорбленный Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповно⟩й и Аглаей. Гордость и достоинство смирения. *Совершенно согласен* с ними в их обвинениях и считает себя гораздо их ниже.

NB. *Социалист* нападает на него и смеется, что он частным лицом хочет сделать благо человечеству, опираясь на свое богатство. Он согласен; он не социалист.

До страсти начинает любить русский народ.

Аглая наконец поражена его смирением. Любит его выше влюбленности и ревности. Сходится до страсти с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповно⟩й и просит у нее прощения.

---

[1] Конец *(лат.)*.

Свел и *обратил их* — он.

Идиот не считаст себя способным на высокое, но и тоскует по высокой деятельности. Спасением же Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ и хождением за ней он не то что утешает себя по высокой деятельности, а действует по чувству непосредственной христианской любви.

NB

Проект: не начать ли с Гани? Интриги Гани, Варя, Птицын, Рогожин и *комп⟨ания⟩*. Лебедев и проч.

Как только очнулся, мысль: сцена в воксале. Дальнейшее в рассказе.

NB. (Как Гане казался Князь. Сцены. Одним словом, всё внимание на Ганю. Психология.)

NB. Так как брак с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩ есть coup de théâtre,[1] то Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩ и не выводить раньше сцены с Аглаей. Разве только фантастическую сцену у Софьи Федоровны — ощупью. ⟨с. 10⟩

ПРОЕКТЫ

NB_1) Не кончить ли роман исповедью, напечатанной гласно? [2]

NB_2) *Отношения же с детьми так сделать:* сначала, когда дело больше идет об Аглае, об Гане, об Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩, об интригах и проч., не упомянуть ли вскользь и *почти загадочно* об отношениях Князя с детьми, с Колей наприм., и проч., об клубе же не упоминать; но клуб, отрекомендованный дальними слухами, не представить ли вдруг, и Князя среди него царем, этак в 5-й или 6-й части романа?

NB_3) Не вести ли лицо Князя *по всему роману* загадочно, изредка определяя подробностями (фантастичнее и вопросительнее, возбуждая любопытство), и вдруг разъяснить лицо его в конце и,

напротив,

NB_4) Со всеми другими лицами *спервоначалу* определеннее и разъясняя их читателю? (Как, наприм., Ганю?) ⟨с. 11⟩

12 марта.

В РОМАНЕ *ТРИ* ЛЮБВИ:

1) Страстно-непосредственная любовь — Рогожин.
2) Любовь из тщеславия — Ганя.
3) Любовь христианская — Князь. ⟨с. 12⟩

---

[1] неожиданная развязка *(франц.)*.

[2] напечатанной гласно *вписано*.

Когда Ганя, в торжестве над Аглаей, пойманной на крючок, заикается о браке, т. е. выйти за него, Аглая отвечает ему: «За вас все-таки неприлично».

«Я не смею быть честной», — говорит Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩.

ЛЕБЕДЕВ И КНЯЗЬ. Семейство Лебедева. Лебедев-философ. Беспрерывно надувает Князя. Черта его. Дети Лебедева.

КНЯЗЬ ГОВОРИТ ПРО ЛЮДЕЙ ГРЕШНЫХ: «ВСЕ БОЛЬНЫЕ, ЗА НИМИ УХОД НУЖЕН».

Антропофаг.
У Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩. Апокалипсис, молитвы, о Христе.

«Остерегаться народа нашего — есть грех».

Медведь и вагон.
Князь говорит, что он мало видел настоящего дворянства.
Кн⟨язь⟩: «Мне кажется, что всякому человеку что-нибудь да мерещится, но такого, чего уж другому и вообразиться не может».

Слова и словечки

Определение аристократии.
О Христофоре Колумбе.
Аглая говорит: «Если исполнит слово, т. е. застрелится, тогда женись».

«Если Д⟨урако⟩в сказал, то Урус⟨ов⟩ не скажет, председатель не остановил — не пристыдил».
«Я с вами согласен. Как с вами хорошо спорить, в таком случае я с вами согласен, приду к вам». ⟨с. 16⟩

Искривлявшийся человек.
Звезда *Полынь*.
«Съел шестьдесят монахов, время сильнее нашего, ел-ел да и покаялся, и за это сожгли его».
Келлер: «Если б вы знали, сударыня,[1] как в настоящий век трудно денег достать. Везде один ответ: „Неси золото [2] и бриллианты [3] — ну и дадим“ — т. е. именно то, чего у меня нет. Я этак

[1] сударыня *вписано*.
[2] *Было:* золота
[3] *Было:* серебро

спросил из них одного: „А под изумруды дадите?“ „И под изумруды дам“, — говорит. „Ну и отлично“, — надел шапку да и вышел, черт с ним».

«Ты мне вина давай, а это, брат, *бурдалу*».

«Благородный граф, сидящий напротив».

Келлер*ов*.

«В статье (на Князя) *я* видел один *только* слог (в первый раз явился в печати)».

Князь скажет что-нибудь о Христе.[1]

«Да, вы правы, гадко и паточно, если... Но поймут».

Мир красотой спасется.

Два образчика красоты.

— Так умрите хорошо, и умереть с последним плевком можно хорошо.

Тщеславие, ребенок, ваши страдания, горы.

— Когда стал нужен. Почему же не говорить?

— Ведь вы хотели застрелиться? Застрелитесь.

— Мысли больные — но ведь умнее-то ничего и нет на свете. ⟨с. 17⟩

Смирение — величайшая сила.

— Вы думаете, я не в силах застрелиться.

— Вот, однако же, день рождения, — я вам мешаю.

Ипполит: Солнце, которое приносит всем, и мне ничего.

В гошпитале, плевок, «Как я глуп».

Ипполит Князю потом за доверчивость его натуральную: «Вы благородный человек, Князь, с какой доверчивостию...»

Князь подумал: «Неужели? [2] Я этого и не знал, я так».

Сплетник: об Коле и об ребенке.

«Если Коля не придет, то я его убью».

Аристократ есть тот, кто [3] не имеет понятия об труде для своего существования.

Умножение чиновников, в сущности, составляет все наши реформы.

---

[1] Князь скажет ∾ о Христе. *вписано на полях.*

[2] Князь подумал: «Неужели? *вписано на полях.*

[3] *Было:* котор⟨ый⟩

— Вы из-за своей смерти слишком много шуму делаете. Можно умереть благороднее. Ну, застрелитесь. Точно вы нас пугаете.

— Но у себя не позволю, нет-с, не позволю.

— Поболтайте-ка мне что-нибудь о Христе, Князь.

«Для 2-х недель мне совершенно всё равно, что говорить *правду*, что лгать».

Ипп⟨олит⟩ про Р⟨огожи⟩на: «Странно, этот человек живет всею силою жизни, какою только можно жить, но, как показалось мне, способен понимать и мое дело».

«Почему в строении мира необходимы приговоренные к смерти?»[1] ⟨с. 18⟩

«Да разве можно любить для 2-х недель?

Доброе дело — в известн⟨ом⟩ размере, потому что иное дело, требующее времени или посвятить ему всю жизнь мою, мне равномерно запрещено.[2] Обманывать меня любовью. Утешать (Князь) деревьями и любовью. Надеждою на ту жизнь, да зачем же ту, когда мне только показали эту и отнимают.

Мне осталось умереть, потому что это единственное дело, которое я могу начать и кончить, — я бы мог убить других; мне это приходило на мысль, по ложному состоянию палачей и общества. (Комическая претензия: почему я не подождал двух недель.) Восход солнцу выстрелю».

Тот свет.

Представление того света, картинка.[3] «Кого я встречу». «Желал бы пролежать». ⟨?⟩

«Понять — это значит [4] много спрашивать с человека».

«Есть гордость в бессилии. Есть страшное наслаждение, будучи ничтожным, противустать громадной силе».

Или: «Я хочу, будучи ничтожным, противустать громадной силе».

«Есть наслаждение в подчинении громадн⟨ой⟩ силе». ⟨с. 15⟩

В речи Князя: «Да здравствует солнце, да здравствует жизнь.

Вы оклеветали себя — вы не могли не любить (известие о мальчике). Слишком надо быть эгоистом, чтоб перестать любить от мысли, что некогда, или от злости.

---

[1] *Текст:* — Вы из-за своей смерти ∾ приговоренные к смерти?» — *объединен фигурной скобкой.*

[2] *На полях рядом с текстом:* Доброе дело ∾ равномерно запрещено. — *запись:* *Комизм.*

[3] Представление того света, картинка. *вписано.*

[4] «Понять — это значит *вписано.*

Вы ужасно несчастны. Я не согласен с вами, но я не имею права вам говорить».[1]

Ип⟨полит⟩: «Я бы желал быть осужденным. Какая власть, чтоб мучить меня, станет меня судить? Я бы лучше желал, чтоб меня осудили». (Христос. «Может быть, я ничего не понимаю в Христе и в общем».)

Злоба: так ведь не стоило бы и злиться. «Ну представьте себе, я даже не злюсь. Не стоит призрака бояться».

«Любопытно, если б я начал теперь наживать деньги или влюбился. Но представить себе, что я бы любил кого-нибудь, — и знать каждое мгновение, что я ничего не мог бы для нее сделать».

— Так вы бы лучше там себя и убили. Ничего, поезжайте домой.

— Если скажет, что правда, не оставляйте ⟨у⟩ себя.

— Желать убить в компан⟨ии⟩ и говорить вдруг, что у него нет охоты жить.

— Вы это слишком считаете важным.[2] Я знаю, вы скрежещете зубами, зачем вы нас не можете убить.

Кн⟨язь⟩: «Нет, он теперь себя не убьет, так как он манкировал в компании и эффекту не вышло, то он себя теперь не убьет».

Лебедев вдруг спрашивает: «Князь, как вы думаете, а есть ли бог?»

— Так легко спрашиваете?

— Если б вы знали, как я этим мучаюсь, но всё откладываю решение, дела мешают, а на всякий случай молюсь.

— Ну, а без случая не молились бы? ⟨с. 19⟩

12 марта.

ПОДРОБНЫЙ ПЛАН 3-Й ЧАСТИ

Три месяца спустя.

Утро. Ганя. Птицын, Сестра в другой квартире, где нет жильцов. Ожидают чего-то и кого-то. Загадочный разговор. (Глава объяснительная. Сцена в воксале.)

Или:

1-я глава объяснительная, сцена в воксале. Но только главное лицо — Ганя. Описание, как Ганя поехал домой, что у него было на сердце.

2-я глава. Три месяца спустя. Ожидание утром. Загадочный

---

[1] Вы ужасно несчастны. ∾ говорить». *вписано.*

[2] *На полях против этой фразы густо зачеркнутое слово:* Аделаида ⟨?⟩

разговор. Входит Аглая и Аделаида. Разговор Аглаи с Ганей и с Варей. Объяснение с Ганей. Аглая слышала, что Ганя с Князем — друзья, Ганя может сообщить про Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩. Он ее отыскал. Аглая подозревает Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩ в капитальном влиянии. Ганя соглашается. Ганя рассказывает много о Князе за эти три месяца. О себе издалека.[1] Совершенно необходимое четвертьсловное объяснение. Известие, что сегодня у Князя завтрак. Смотреть купленный кабинет редкостей. Стоил денег. Денег Князь получил больше, чем ожидали. Он вчера приехал. Н⟨астасья⟩Ф⟨илипповна⟩ — сумасшедшая. (Аглая получила уведомление от Вари, что она может прийти, и потому пришла.) [2]

3-я глава. Аглая и Аделаида возвратились.[3] Семейное объяснение. Генерал и Мать. В три часа к Князю. (Выследили, что она была у Вари?)

4-я глава. У Князя завтрак: Граф, Аф⟨анасий⟩ Иван⟨ович⟩, Рогожин, старик Учитель, Птицын, Ганя, Варя, Генерал, Коля, Ипполит, Нина Александровна. Молодой литератор. Оживленное утро. Генерал Иван Федорович приезжает, и странное общество.

Рогожин. Он возбуждает любопытство.

Старуха Белоконская на завтраке. ⟨с. 20⟩

5-я глава. Объяснение с 3-мя девицами, преимуществ⟨енно⟩ с Аглаей; главное в том, чтоб он не делал предлож⟨ения⟩. Уезжая, Аглая дает Гане rendez-vous[4] у всенощной.

6-я глава. Фантастическая интрига у С⟨офьи⟩ Ф⟨едоров⟩ны, бежала. Коля и Князь соглядатаями.

7-я глава. Аглая и Ганя у Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩. Сцена. «Иди в борд⟨ель⟩». МЫШЬЯК.

8-я глава. «Я княгиня», входит Князь. Аглая бежала. Глава с Ганей в estaminet.[5] Сожжение пальца. «Везите домой».

NB. О Рогожине. Надобно, чтоб Князь непременно был свидетелем.

В 4-Й ЧАСТИ

Жизнь Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩. Приниженный Князь, Аглая и Ганя. Объяснение Князя с Ганей. Бегство Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩.

5-Я ЧАСТЬ

Клуб. Эксцентричности. Спасение Аглаи, примирение с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩. Исповедь и проч. ...

Разор⟨ение⟩[6] Р⟨адомско⟩го и проч. ⟨с. 21⟩

---

[1] *Далее было:* 3-я гл⟨ава⟩.
[2] *Эта фраза вписана.*
[3] *Далее было:* Завтрак.
[4] свидание *(франц.)*.
[5] маленьком кафе *(франц.)*. *Далее было начато:* «Вези⟨те⟩
[6] *Далее было:* и т. д.

Ганя Аглае в 1-й главе: «Удивляюсь вашей проницательности. Действительно, Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩, может быть, играет главную роль. Действительно, могут быть сношения Князя с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩. Хотя я и достоверно узнал, что после трехдневной оргии у Рогожина Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ и воротилась (к Учителю) — и Князь принимал тут недели две деятельное участие. Но потом Князь стал почти не посещать. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ *потребовала уединения.* Но и при этом условии Князь, как дух, над ней носится, охраняя. Это я знаю. Может быть, есть и свидания. Я знаю тоже, что Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ странно настроена. Я вам признаюсь, что я некоторое время предполагал сумасшествие. Теперь нет, но — однако. Во всяком случае, настроение болезненное. Эта оргия у Рогожина потрясла ее: она не в ее характере. Птицын говорил [1] чрезвычайно верно о японцах. Теперь она, главное, кается, тоскует, плачет, входит в исступление при мысли, что она чем-то погубила Князя. Что она недостойна Князя, а он ее любит, так что всю жизнь ей готов пожертвовать. Настроение невозможное, если б не было и любви, а может, и ревности и с ее стороны. Она *о вас* расспрашивала. Она схватывает себя за голову и восклицает часто: „Что я сделала, что я сделала!“ Порою себя винит во всем и язвительно смеется над сценой у камина (100 000): я, говорит, себя страдалицей и жертвой Тоцкого выставила, а я-то самая последняя и есть» и т. д.

Аглая выслушивает это с ненавистью (но не высказывается).[2] Ганя упорно не любопытствует: для чего Аглая расспрашивает. Но рассказывает с глубоким, хотя и не настойчивым уважением к Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩.[3]

Аглая не удостоивает ответить. Но упоминает о 100 000 и что она, может быть, была виноватее в обвинении Гани. Хладнокровие Гани. Аглая впивается взглядом в Ганю, чтоб узнать его мысли.[4] ⟨с. 22⟩

Когда Аглая отсмеяла ⟨?⟩ Ганю и просила оставить ее.

Резкий, хотя и высоковежливый и деликатный, ответ Князя выводит ее из себя.

Так что поездка к Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩ есть сцена нервная и отчаянная.

Одним словом: при всем трехмесячном сватовстве Аглая всех яснее увидала и выследила, что всё дело в Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩.

Лицо Рогожина в 3-й части таинственное.

(Лебедев? Кулачный господин?)

---

[1] *Было:* говорит

[2] (но не высказывается) *вписано.*

[3] Но рассказывает ∾ к Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩. *вписано.*

[4] Аглая ∾ его мысли. — *заметка вдоль полей.*

Капитальное

1) Аглая прямо объявляет родителям, что они ее скомпрометировали и она узнала наверно, что Князь занят Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩.

2) Покамест действительно о Князевых подвигах, добрых делах, *детях* только слухи идут (так что потом всё в конце открывается).

Но однако:

3) Нечто мелькает урывками еще и раньше конца. ⟨с. 23⟩

NB) А если развить не так быстро??

Князь винит во всем себя. (Зачем он женился.)

Аглая влюблена весь роман в Князя.

С Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩ дело идет весь роман так:
Сначала ошеломленная, что стала княгиней, — в прачки.
Потом — строгой и гордой княгиней.
Аглая устроивает ей публичное оскорбление (сцена). 4-я часть (кончается).
Разврат неслыханный.
Исповедь Князя Аглае.
Темное исчезновение, ищут, в борд⟨еле⟩.
Хочет умертвить себя.
Восстановление. Аглая и Князь перед нею, ищут спасти ее.
Она умирает или умерщвляет себя.
NB. Рогожин.
Аглая выходит за Князя — или Князь умирает.
Князь робок в изображении всех своих мыслей, убеждений и намерений. Целомудрие и смирение. *Но тверд в деле.*
Главное социальное убеждение его, что экономическое учение о *бесполезности единичного добра* есть нелепость. И что всё-то, напротив, на *личном* и основано.[1]

Ход дела? NB, NB, NB? Ход дела.

Ганя хочет мстить Аглае и, мстя, уведомляет [2] Рогожина, что Аглая будет у Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩.
Рогожин уведомляет Князя (чего не подозревает Ганя).
Рогожин является с компанией, а Князь прячется у Учителя.
Затем свидание.
Является выручать Рогожин, выходит и Князь.[3]

---

[1] Князь робок ∾ и основано. *вписано на полях.*
[2] *Было:* объ⟨являет⟩
[3] *На полях против текста:* Рогожин уведомляет ∾ выходит и Князь. — *знак NB.*

Аглая осрамлена. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ ревнует Князя.

Сцена в estaminet, и Ганя почувствовал, что он любит Аглаю, а не ненавидит ее. ⟨с. 24⟩

13 марта.

N3₁. Генералу *больше роли* по части его страсти.

N3₂. Характер Гани вырастает сообразно страсти до колоссальной серьезности.

На завтраке у Князя Генеральша сходится с Рогожиным.

N3. На завтраке, перед входом Рогожина, об Рогожине, что взаимное: «Бери!» — в воксале — осталось у обоих в сердцах и что Князь имел необыкновенное влияние на Рогожина своей высшей манерой. Рогожин же уже кутит урывками, как бы *запоем.*

В *3-й* и *4-й* частях. Таинственно и скрытно о *детском клубе* и о *тайных сценах. И слухи* и *сцены.* N3. Придумать? ⟨с. 25⟩

13 марта.

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩. Не княгиня, а только борется: быть иль не быть?

Как же повернуть капитальную сцену с Аглаей?

Сцена состоялась. Сарказмы. Предложение в борд⟨ель⟩, мышьяк.

2) [1] Эта сцена порешила колебания Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ (которая не прачка, а только у Учителя), и она объявляет, что выйдет за Князя.

Вся 4-я часть, что она выходит и невеста, но накануне брака бежит в бордель.

Князь не женится на Аглае и не жених ее. Но видит ее любовь и поражен. По приезде из Москвы объяснение с Аглаей с его стороны, он говорит об Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩, Аглая поддакивает, но вследствие этого объяснения и мстительная сцена с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩.

В 4-й части Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ невеста Князя. Заговоры Аглаи. Срамная сцена, приготовленная Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩. (Роль Генеральши?) Бегство торжествующей Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩. N3. Бордельн⟨ые⟩ сцены.

Сцены Аглаи с Ганей в 3-й и в 4-й части. Ужасный характер Гани, мрачный и страстный.

Начать 3-ю часть сценой в воксале. *«Своего терять нельзя».*[2] ⟨с. 26⟩

---

[1] *Так в рукописи.*

[2] Ужасный характер ∾ *терять нельзя». вписано на полях.*

14 марта.

Окончательное:
NB. *Не княгиня.*

План сущности такой:

После оргии Рогожина — ошеломлена, у Учителя, борьба; любовь к Князю; в ужасе от мысли отдаться Князю и стать его женой.

Трагическое положение Князя (в 3-й части), положительно решившегося жениться на ней, не сообщающего никому (кроме, кажется, Рогожина). Он таит от Аглаи, но в 3-й части решается с ними объясниться. (Вызван Аглаей, потому что у себя не рискнул бы начать первый из деликатности.)

(NB. Неизвестно, где 100 000.) (NB. Лежали у Учителя.)

У Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ в мечте пойти в работу.

Аглая и Ганя. Аглая всё выспрашивает у Гани. Взаимно о причинах, ими руководящих, Аглая и Ганя *не* объясняются.

Вследствие сцены с Аглаей, предугадавшей всё, — сцена Аглаи с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩ (борд⟨ель⟩, мышьяк и проч.). Н⟨астасья⟩ ⟨Филипповна⟩ в бешенстве принимает предложение Князя. (Утром Аглая вызвала Князя и *потребовала* от него в присутствии сестер, чтоб он не смел ей сделать предложения. Сарказмы. Почтительный и высокоприличный [1] ответ Князя.) (Но об Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩ — ни слова, ни со стороны Аглаи, ни со стороны Князя.)

Князь принимает предложение после сцены Аглаи с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩, которой он был свидетелем (трагическая фигура Рогожина). ⟨с. 28⟩ [2]

Вся 4-я часть — Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ невеста Князю. Срамная сцена обращается в срам Аглае.

Неистовость разврата Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ еще в невестах.

Бежит в бордель.

Выходит за Рогожина.

Терпит ужасы, побои, ревность, укоры и отчаянную любовь.

Рогожин зарезывает ее. Ждановск⟨ая⟩ жидкость, открывшиеся 100 000. Кутеж прежний.

Но Аглая была потаенно другом Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ перед самой смертию. Князь узнал их связь.

Князь женится на Аглае. Хотел было, умирает. (NB. Ганя и его роль. Безумная любовь в Аглаю.[3])

---

[1] высоко *вписано.*

[2] *С. 28 помещаем ранее с. 27 на основании знака Достоевского (с. 28 — «X_1», с. 27 — «X_2»).*

[3] *Так в рукописи.*

N3, N3, N3

Роль Генеральши в 3-й части, охраняющей Аглаю.

Или:

В 3-й части только *загадочно* роль Генеральши. Аглаю она охраняет и ужасно бы хотела ее брака с Князем, даже ссора из этого. В 3-й части Генеральша ссорится с Аглаей, зачем та не хочет, но подозревает что-то.[1]

Но в 4-й части — сцена ее с Князем, где она говорит ему об Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩: «Женись». ⟨с. 27⟩

15 марта.

Генеральша-то как l'enfant terrible [2] и прорывается в 3-й части с Аглаей, *укорив* ее вдруг, что: «Ведь ты только фокусы делаешь, а Князя-то любишь, я знаю».

Аглаю это доводит до бешенства.

А Аделаида говорит тут же матери, когда одни остались: «Вы всё испортили. Этого вовсе не надо было *вслух* ей (в лицо) говорить».

? Не сделать ли объяснительную сцену Князя с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩ тотчас по возвращении из Москвы, где Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩, в высшей степени *настроения* и расстройства, готова отказаться, а Князь умоляет ее помедлить решением (до вечера?).

? Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ в этой предварительной сцене с Князем настаивает на Аглае, чтоб ему жениться на ней, и в то же время [3] ревнует к ней. Одним словом: мучéние и лихорадка. ⟨с. 29⟩

15 марта.

КРАТКИЙ ПЛАН ГЛАВ 3-Й ЧАСТИ

1-я глава. У Гани и у Вари. Птицын. Ожидание Аглаи. Варя в дружбе с братом и даже смущает его горячкой и нетерпеливостью. Аглае враг больше, чем Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩. Но Ганя гораздо серьезнее, чем в первых 2-х частях. Не проговаривается. Молчит. Таит. Варя все-таки замечает, что с волнением ждет Аглаю. Почему могла прийти Аглая? (Сведения об Аглае.)

На это ответ:

2-я глава. В воксале. Возвратился Ганя... Заключить главу известными и странно определившимися с тех пор отношениями Гани к Князю.

---

[1] В 3-й части ∾ подозревает что-то. *вписано на полях.*
[2] своенравное дитя *(франц.).*
[3] *Далее было начато:* женить

3-я глава. Аглая и Ганя. Результат Н⟨астасьи⟩ Ф⟨плипповны⟩. Взаимное проникновение. (Сведения об Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩.)

4-я глава. У Князя. Завтрак, картины. Рогожин и проч.

5-я глава. Князь и Аглая и две сестры. Объяснение. Слишком неожиданно Аглая вдруг видит, что Князь рад отказу. Всё подтвердилось о Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩.

6-я. Сцена у Генералов. Генеральша и Аглая. Припадок злости. Ко всенощной.

7-я. Князь и Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩. Сарказмы, страсть, отчаяние. Предложение Аглаи в жены — и тут же ревность к ней.

8-я. Сцена с Аглаей. Князь — свидетель. Рогожин — нечаянный.

9-я. Заключительная.

NB. Коля. Рогожин. Софья Федоровна и проч.

Задача: короче писать. Чтоб было щегольски, симпатично (кратко и всё о деле) и занимательно.[1] ⟨с. 30⟩

NB). Таинственные сношения Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ с Рогожиным и в 3-й и в 4-й частях. ⟨с. 31⟩

БЕГЛЫЕ ЗАМЕТКИ. КОМПОНОВКА И ЭЛЕМЕНТЫ

Сын Алексея и сам Алексей.

Те, у которых Тетка приживала, и по завещанию Тетки.

Скупец.

Поп, у которого приживала.

Мошенники, желающие его облапошить и которых он перехитряет. (Грудной ребенок. Несколько смешных случаев, о которых говорит, смеясь, Аглая.)

У ней свой управляющий делами. Тут и Птицын.

Ипполит.

Про него только слухи, и цитуется много слухов.

У него же, на завтраке, всё прилично, щегольски и по-обыкновенному.

Но оказывается вдруг и необыкновенное.

Говорят, что скупец. Вдруг оказывается, что всё состояние отдает. К нему являются получать, и он отыгрывается.

Одним словом, есть приключение, по которому он выказывает необыкновенный ум, хитрость, *сердце* и странность.

NB. Непременно уж его обступили и со всех сторон тормошат, как бы денег добыть.

Результат: только темные слухи обо всех ловкостях Князя. Но нельзя без сцены на завтраке. ⟨с. 32⟩

---

[1] Задача ∾ и занимательно, — *заметка на полях.*

16-е марта.

ЭПИЗОД С СЫНОМ ПАВЛИЩЕВА

Ипполит приглашен на завтрак к Князю,[1] Ипполит горячо взялся в отсутствие Князя в Москву за дело о сыне Павлищева.

Сын Павлищева объявил себя Князю сыном Павлищева и его крепостной бывшей девушки.

Развратный Павлищев выдал ее [2] за Бу⟨рдовско⟩го, тоже дворового человека, дав вольную и снабдив приданым.

Но так как они продолжали жить у него, то и по рождении сына продолжал о нем заботиться, воспитал. Гимназия.

Но с 6-го класса гимназии сын повел себя дурно, вообразил себя сыном Павлищева и начал приставать к нему за деньгами.

Теперь пристал к Князю, что: «Ведь Павлищев вас воспитал, а теперь вы при деньгах. У меня мать без ног. Отдайте всё, что Павлищев на вас истратил, мне, его сыну».

Когда Князь из Москвы приехал, на завтраке начал Ипполит. Генеральша вытребовала продолжения в видах защиты Князя.

Князь отвечал, что он дал сыну 250 р. На ответ, что надо всё, управляющий Князя и Ганя торжествен⟨но⟩ заявили, что он не сын Павлищева; документы, письма Павлищева, а Ганя заявляет, что мать сына Павлищева здесь.

Генеральша, главное, поддерживает, чтоб оправдать Князя.

Сарказмы Аглаи.

Генеральша возражает, что: «Ведь сама же ты рада за Князя».

Аглая сердится: «Вам нельзя говорить это».

Аглая в другой комнате говорит Князю при 2-х [3] сестрах, что она компрометиров⟨ана⟩; письмо к ней было от сына. Князя, ее предостерегают, стало быть, слух пошел, что Князь сватается; что мать говори⟨ла⟩, что она рада, поддерживает этот слух. Что она требует от Князя ⟨с. 33⟩, чтоб он заявил, что никогда не претендовал на руку ее, потому что и надеяться нелепо. (А если она приехала на завтрак, то единственно чтоб своим отказом и отсутствием не подать поводу к толкам.)

Князь заявляет.

Аглая выходит из себя. Генеральша тоже.

Аглая говорит, придравшись к неловкому выражению Князя: «И как могли вы думать, что я люблю вас, когда женитесь на публичной женщине?»

Князь говорит: «Да, женюсь, только не па публичной, а на Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩».

Генеральша говорит: «Так как же ты, батюшка, меня с дочерьми позвал: ведь скажут, что я, это зная, к тебе дочерей привела, — олух ты, батюшка, подлинный идиот!» [4]

---

[1] *Далее было начато:* Но еще д⟨о⟩

[2] *Далее было:* буд⟨то⟩ ⟨бы⟩

[3] *Было:* при 3-х

[4] *Текст:* чтоб он заявил ∾ идиот!» — *написан в нижней части с. 34 и авторским знаком присоединен к последнему слову на с. 33.*

16 марта.

NB. Непременно как можно больше характеризовать лицо Князя (*личною выставкой* и особенностями) в 3-й части — особенно по поводу изменения положения через наследство и через трехмесячное пребывание в России.

На *завтраке* ему всё известно; это видно; но он молчит. Не тем *охвачен.* Но с Аглаей симпатичный и вдохновенный взрыв нескольких слов.[1]

NB. Аглая много и часто смеется, 1) что он скуп. Что он отказывает на полезные вещи и дает бог знает кому.

NB. Князь усталый. Он болен. (Внутри себя он весь полон вопросом о Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩.) Он рассеян ужасно. Он как идиот. С ним был ночью припадок. Аглае вдруг почти жалко.

У него две задачи в начале 3-й части: Н⟨астасья⟩ Ф⟨илиппов⟩на и то, что надо кончить с Аглаей.

(Любит ли он Аглаю?) ⟨с. 34⟩

16 марта.

NB. Всё положение Князя и странности, всё положение Аглаи — всё изобразить в 1-й главе в разговоре с братом Вари и в главе с Аглаей.

Капитальное NB

Молчаливость Гани с Варей и со всеми. Загадочность. Варя видит, что Ганя стоит за Князя, и беспокоится: неужто правда, но удостоверяется, что он хитрит и хочет отмстить, и одобряет. Верит и, чтоб не надоедать, не расспрашивает, а Ганя молчит. ⟨с. 35⟩

NB

МОТИВЫ АГЛАИ

Она говорит Гане: «Я слышала, что вы его друг».

Мотивы ее.

1) Она не верит, что Ганя друг; напротив, убеждена, что Ганя хочет отмстить. Но кому? всем? Князю ли? Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩ или ей?

2) Ей мерещится, что Ганя в нее влюблен всё еще, а стало быть, она знала, что Ганя, узнав о ее браке с Князем, будет ей мстить. Она хитрит, чтоб выпытать его мнения. Ей надо союзника; она смотрит, не годится ли для этого Ганя.[2]

---

[1] На *завтраке* ∾ нескольких слов. *вписано.*

[2] Ей надо ∾ для этого Ганя. *вписано.*

3) После сцены с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩ Аглая ему это всё высказывает и во всем признается и предлагает любовь свою.

? 4) Ее уведомляет Рогожин? Или Коля?

5) Князю всё известно.

6) А Ганя по *правде-истине* колеблется только разными волнениями. Он и хотел бы отмстить Аглае, но, увидав ее, особенно после сцены с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩ (на которую привел Князя), влюбляется в Аглаю и сжигает палец. Потом опять передается Князю. (Он застреливается под конец.)

7) Признается под конец Князю, что надувал его. Князь ему отвечает, что знал это. ⟨с. 36⟩

Капитальная и окончательная заметка

16 марта.

После завтрака у Князя прямо *переход на Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩*, об которой было только давеча в заметках. (№3. Об Князе в 3-й части мало, он только трагически решился. Он вял, он скучен и задумчив. Легкое оживление изредка.)

Переход же на Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩.

1) Сцена в воксале (воспоминание).

2) Без дальних слов выздоровевшая и обезумевшая Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ идет в бордель, уговаривается с хозяйкой и обещает прийти вечером.[1] Сейчас [2] выходит дрожа, хочет броситься в воду.

3) Но ее останавливает Рогожин (который следит [3] за ней — часовыми: кулачными и проч.).[4] №3. Здесь обозначается, что Рогожин постоянно с ней в сношениях, и обозначается разговором лихорадочным:

«Он здесь? Он приехал? А Аглая? — Она ревнует к Аглае. — Он должен жениться на ней».

Она возвращается домой. Бросается в отчаянии на постель.

Рогожин выходит и встречает Князя. И с другой стороны подходят Ганя и Аглая.

(О свидании Гани с Аглаей еще раньше.)

Аглая входит одна, отослав Ганю.

После сцены. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ истерически хохочет и издевается над появившимся к развязке Князем, что он *боится* жениться на ней.

Аглая же, главное, в бешенстве, что Князь всё слышал, дает обещание Гане в *estaminet'e*.[5] ⟨с. 37⟩

---

[1] вечером *вписано.*

[2] Сейчас *вписано.*

[3] *Было:* следил

[4] *Далее было начато:* Рогожин

[5] Аглая же ∾ в *estaminet'e. вписано на полях.*

СУЩНОСТЬ 4-Й ЧАСТИ

(Может быть, сцена Аглаи с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩ и estaminet, не уместившиеся в 3-й ⟨части⟩.)

И Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ — невеста; вся часть в этом. Сумасшедшее состояние Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩. *То* сарказмы над Князем, над клубом, общество, появившееся вдруг около нее. Сцена срама, устроенная Аглаей, и раздавленная Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩. *То* нежность и проч. Наконец свадьба. Страстная и нежная сцена с Князем (евангельское прощение в церкви блудницы).[1] Убегает из-под венца. В Москву и проч.

NB, NB, NB

Так что 5-я часть уже начинается клубом и слухами о выходе замуж Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ за Рогожина. Кутежом и проч.

ГАНЯ

Говорит Аглае об Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩ в 1-й сцене: «Она любит Князя. Она ужасается, как это она не убежит. Она слушает убеждения Князя выйти за него. Просит его жениться на Аглае.[2] Хочет убежать, и в ужасе, что не может убежать. В то же время ревнует, расспрашивает о вас и о Князе меня, с ума сходит».

Аглая же выходит от Гани утром хоть и убитая, но всё еще убежденная, что Князь ее любит. Она верить не хочет, что Князь не любит ее. Сцена дома краткая, быстрая с матерью и с сестрами.[3] ⟨с. 38⟩

Короче писать; одни факты; без рассуждений и без описания ощущений? ⟨с. 39⟩

17 марта.

3-Я ЧАСТЬ. ГЛАВА 1-Я

Тон Гани с Аглаей, откровенный, но не договаривающий, до Аглаи он все-таки в волнении, что замечает Варя, но про себя и [4] не хочет высказывать. (Так что Ганя все-таки загадочен.)

Писать одними фактами.

Сказать просто, что Ганя принес Князю 100 000, с тех пор дружба, *как говорят.* Бедное помещение Гани свидетельствовало, что не из-за денег...

---

[1] (евангельское ∾ блудницы) *вписано.*
[2] *Так в рукописи, вместо:* на вас
[3] Она верить не хочет ∾ с сестрами. *вписано на полях.*
[4] про себя и *вписано.*

Писать в смысле: *говорят.*

Птицын, Варя, Ганя — ждут.

3 комнаты.

Нина Александровна больна и не выходила. Генерал, как говорили, в долговом, Коли тоже нет, он у Князя.

№3. Рассказ о фактах, *легко,* без особых рассуждений.

Наружность Гани.

№3, №3.[1] Аглая смеется над странностями, но мимоходом, Князь вял и скучен. С ним ночью припадок (симпатическое замечание Гани), о Павлищеве.

Клуб и дети.

1-я глава. Искренность и симпатичность, когда Ганя заговорил о Князе. Варя переглянулась с Птицыным. Точно она не верила искренности и симпатичности.

2. Объяснить симпатию Вари к брату.

3. Об Генеральше и Аглае.[2]

Варя с Птицыным и братом: о Генеральше и Аглае.

Ганя: «По моему мнению, Аглая влюблена в Князя, а Генеральше и Генералу хочется»; о доме. (Варя опять украдкой глядит на Ганю.)

Варя и Нина Александровна приглашены к завтраку.

Сначала разговор об том: переезжать ли в дом Князя. Варя говорит: «Нет, чтоб это и виду не имело».[3] Ганя хладнокровно: «Как угодно».

И тут заметить, что не за деньги Ганя с Князем и что Ганя это усиленно хотел показать.[4] ⟨с. 40⟩

Ганя объясняет тоже, каким способом хотела приехать Аглая.

Варя устроила это свидание по своему хотению. Это видно.

Ганя хоть и переносит весть хладнокровно, но видно, что он в волнении. ⟨с. 39⟩ [5]

Варя про Аглаю с братом: «Вероятно, до последней крайности довела [6] и дольше нельзя было откладывать».

Птицын: «Что она, с какими же целями, любит она Князя или ненавидит — вот любопытно». Варя с братом переглянулись, и все замолчали.

Ганя о Князе. Симпатичнее.

Тут же: 2 словечка об отношении Птицына к Варе. Отношения те же, но Варя всё отложила до устройства домашних обстоя-

---

[1] *Далее было:* О смехе.

[2] 1-я глава. ∾ *3.* Об Генеральше и Аглае. *вписано на полях.*

[3] чтоб это и виду не имело» *вписано.*

[4] И тут заметить ∾ хотел показать. *вписано на полях.*

[5] *Текст:* Ганя объясняет ∾ в волнении. — *написан в нижней части страницы.*

[6] *Может быть:* довел

тельств, Птицын знал это и принимал в делах и намерен⟨иях⟩ брата и сестры огромное участие, хотя мало знал их. Может быть, он тоже думал, что всё угадывает и ни в чем не ошибается.

И ПОТОМ В ESTAMINET ГАНЯ АГЛАЕ: «МОЯ СЕСТРА НЕНАВИДИТ ВАС».

Ганя форсит, вынимает часы и смотрит: дабы она не задерживала!

— У меня столько дела и в конторе; да и Князь просил. А кстати, Варя, приготовься встретить отца — он выйдет.

— Где ж его положить?

— Где прежде, в зале.

— Почти невозможно. Эта квартира [1] только и возможна без него.[2] Но слушай, брат, извини, я спрошу: это не ты просил Князя об отце?

— Разумеется, нет, — сказал с досадой Ганя. — Он *сам* захотел непременно и мне поручил. Вот деньги [3] внести. Только, ради бога, не болтай. Он хочет секрета, т. е. и отцу ни полслова.[4] Сделай одолжение. Пусть уверен, что его кто-то другой выкупил. Я пошлю [5] Дарью Алексеевну.

— Да ведь он вообразит, что в него влюбилась какая-нибудь и по любви выкупила.

— Непременно.

— Да ведь опять начнет векселя той давать.

— Наверно. Я Князя отговаривал, я сделал всё, что мог; ему самое ⟨?⟩ было место.

— Не говори громко, чтоб мамаша не услышала.[6] Она плачет об нем.

Ганя: «Да, если хочешь, ведь и мне жалко, да ведь что ж, если это самое лучшее для него место было, — однако ж половина одиннадцатого». ⟨с. 41⟩ [7]

19 марта.

Необходимая заметка

1) Действие *России* на Князя. Насколько и чем он изменился. *В описании.*

2) Аглая в первом, утрешнем, свидании с Ганей упоминает как бы враждебно Князю: «Ну, не совсем-то я люблю этих простых и невинных людей, которые так расчетливы и осторожны в своих

---

[1] *Далее было начато:* почти невоз⟨можна⟩

[2] *Далее было:* Я полагаю, что он останется у Князя.

[3] *Было:* эти деньги

[4] *Было:* ни слова

[5] *Далее было:* одну

[6] *Вместо:* Не говори громко, чтоб мамаша не услышала. — *было:* Только чтоб мамаша не услышала.

[7] *В нижней части страницы обведенная рамкой запись:* Об Аглае.

шагах и так себе на уме. Он тогда приехал и у отца 25 р. на бедность принял, местечка просил, у нас ни словечка не проговорился, тем же бедненьким сидел, местечко в канцелярии принял, а у него вот какое письмо о наследстве в кармане было!»

Ганя (защищая Князя): [1] «Ах, это не так надо принимать. Я сам был в кабинете Ива⟨на⟩ Фе⟨дорови⟩ча во всё время их первого разговора: Князь раза четыре заговаривал об этом письме, именно о письме, даже вынимал его; но как-то всё так случалось, что ему нельзя было продолжать разговор. Никакого расчету тут, по-моему, не было, а просто то, что Князь, совершенно не зная ничего в делах... и в России, если хотите, не давал всего вероятия этому письму... [2] А если хотите, так эта осторожность, по-моему, даже похвальна; что выскакивать-то с таким оригинальным известием, не узнав ⟨с. 42⟩ наперед даже о степени его вероятия».

Аглая: «Да так и у нас объяснили, а все-таки довольно [3] *осторожный* человек», — и Аглая про себя улыбнулась.

N3

Генеральша говорит, разгорячась, фразу: «А я так скажу тебе прямо: *сама влюблена в него*» (N3 [4] т. е. чего ж ты на него [5] нападаешь).

Говорит ее так, что смысл ее должен быть и для читателя как бы совсем *нечаянный,* т. е. и читатель должен как бы не приготовлен быть к тому, что Аглая влюблена в Князя.

Генеральша Аглае: «Не беспокойся, я хорошо смотрела, он тебя любит».

Генеральше ужасно хочется, чтоб Князь женился на Аглае. И когда он почти отказался и Аглая дома напала на мать — той страшно горько, что она для любимой дочери не рассмотрела дела, и потому она говорит *упорно:* [6] *«Он тебя любит».*

(В 4-й части объяснение Генеральши с Князем.)

3 месяца *назад* Генеральша была поражена тем, что Князь хотел жениться на Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩, виднее выставить, как это *уладилось.* ⟨с. 43⟩

20 марта.

Между Ганей и Аглаей о Павлищеве.

N3) О сношениях Аглаи с Рогожиным.

N3) О Генераловой страсти.

---

[1] (защищая Князя) *вписано.*
[2] *Далее было начато:* Он
[3] довольно *вписано.*
[4] N3 *вписано.*
[5] *Было:* на нас
[6] упорно *вписано.*

20 марта.

№$_1$) Капитальная сцена объяснения между Ганей и Варей (и, может быть, разрыв по этому поводу).

№$_2$) Объяснение Князя с Генеральшей.

№$_3$) 3-я и 4-я часть *заключат в себе* одну теперешнюю третью, т. е. кончить только тем, что Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩, после сцены с Аглаей, хочет выходить за Князя, а Аглая объясняется с Ганей в *estaminet.*

№$_4$) 5-я и 6-я часть будут заключать одну 5-ю, т. е. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ в невестах, объясне⟨ние⟩ Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ с Генеральш⟨ей⟩, с Рогожиным. Детский клуб,[1] сцена с Князем, прощение *во храме.*[2] Бегство Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩.

6-я и 7-я ⟨части⟩. Ловит Рогожин. Брак Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩.[3] С Князем — таинственные свидания. Рогожин зарезал. ⟨с. 44⟩

В этой же 3-й и 4-й частях (во 2-й то есть):

Объяснение Гани с Князем, после объяснения с Аглаей, что он обманул его.

В 4-й части Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ [4] убегает из-под венца с Рогожиным.[5] ⟨с. 45⟩

Глава у Князя *на завтраке.* Он говорит об аристократии. ⟨с. 46⟩

21 марта.

СИНТЕЗ РОМАНА. РАЗРЕШЕНИЕ ЗАТРУДНЕНИЯ

? Чем сделать лицо героя симпатичным читателю?

Если Дон-Кихот и Пиквик как добродетельные лица симпатичны читателю и удались, так это тем, что они смешны.

Герой романа Князь если не смешон, то имеет другую симпатичную черту: он !*невинен*! [6]

Детский клуб [7] *зачинает* образовываться еще в 3⟨-й⟩ и 4-й частях.

Развивается в конце романа.

---

[1] *На полях заметка:* Не надо клуба, а так, разные эпизоды.

[2] сцена ∾ *во храме вписано.*

[3] Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповпы⟩ *вписано.*

[4] *Было:* Аглая

[5] *Далее было:* В 5-й и 6-й части Князь, будучи женихом, занимается и другими делами, не мешает Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ (придумать эпизодов много).

Генеральша, Ганя, Аглая, *дети даже.* Срамные сцены. Прощение во храме, брак, пропадает.

[6] *!невинен! обведено рамкой.*

[7] *Далее было начато:* об⟨разуется⟩

Все вопросы, и *личные Князя* (в которых дети берут страстное участие), и *общие,* решаются в нем, и в этом много трогательного и наивного, ибо в самые крайние *трагические* и *личные* минуты свои Князь занимается разрешением и общих вопросов. *NB. Приготовить много случаев и повестей.*

Когда, в *конце 4-й части,* Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ опять оставляет его и бежит с Рогожиным из-под венца, Князь [1] совершенно уже обращается к клубу.

Недоверчивость к большим (к их проектам, советам, просьбам и деловым предложениям) — *еще с 3-й и 4-й части.* ⟨с. 48⟩ [2]

Все личные дела Князя, начиная с 5-й части, текут рядом с клубными.

Чрезвычайное участие детей в отношениях Князя, Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ и Аглаи. ⟨с. 47⟩ [3]

Аглая и Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ *еще в 3-й и 4-й частях* начинают смеяться об этом. NB. Генеральша становится членом клуба. ⟨с. 48⟩

NB. Через детей признается и Рогожин в совершении преступления.

Генерал Иволгин, Генеральша, Ганя, Аглая.

Смерть Князя.

Сначала Аглая всё признает в Князе плута (нарочно) и старается его таким выставить. Но с самого начала она вся сердцем отдалась Князю, потому что он *невинен.*

То же и Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩. Ей жалко Князя, потому что он *невинен,* и бежит из-под венца с Рогожиным.

Но потом и она понимает глубину невинности Князя.

Князь не вступает в прения с большими, а впоследствии так даже избегает больших, но с детьми полная откровенность и искренность — целая новая жизнь.

NB. У него на завтраке *трое* молодых людей. ⟨с. 47⟩

30 марта. [4]

Князь.

«Я сделал великое преступление» — в случае женитьбы.

Надеется на Аглаю, что та подействует на Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩ (на нравствен⟨ное⟩ состояние ее).

С этою целью ухаживает за Аглаей.

---

[1] *Далее было начато:* снова

[2] *С. 48 помещаем ранее с. 47 на основании нумерации Достоевского (с. 48 — «1», с. 47 — «2»).*

[3] *Текст:* Все личные дела ∾ и Аглаи. — *помещаем здесь на основании знака, поставленного Достоевским.*

[4] *Было:* апреля

Просьбу Аглае о Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩ формулирует наконец прямо (сцена) Аглае (смеявшаяся над Князем, в бешенстве, сначала дает ему согласие).

Капитальное.[1] Сцена Аглаи с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩. Князь — тайный свидетель.

Сцена Аглаи с Ганей.

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ в исступлении и требует от Князя брака.

Бежит с Рогожиным.

N3) Сцена у Князя с некоторыми из детей. Ипполит. Генерал. Генеральша Епанчина. ⟨с. 130⟩

1-е апреля.

Аглая могла потому приехать к Ганечке, что слышала про него, что он изменился, предался Князю *весь, около Князя:* она подозревает Князя и в интересах Князя приехала посмотреть Ганю.

Генерал разузнал о наследстве и проверил. 10 000 взаймы дал. Даст больше.

«Я не знал себя. Я, стало быть, люблю *ее*», — сказал Князь про Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩.

У него всё сильнее и сильнее нежное чувство к Аглае.

Смирение — самая страшная сила, какая только может на свете быть!

ИДИОТ ВИДИТ ВСЕ БЕДСТВИЯ.
БЕССИЛИЕ ПОМОЧЬ.
ЦЕПЬ И НАДЕЖДА.
СДЕЛАТЬ НЕМНОГО.
ЯСНАЯ СМЕРТЬ.
АГЛАЯ НЕСЧАСТНА.
Нужда ее в Князе. ⟨с. 129⟩

Князь умирающему Ипполиту против атеизма: «Я не знаю» — и возражения за Христа (мы). ⟨с. 120⟩

ОКОНЧАНИЕ РОМАНА

Аглая — главная причина того, что Рогожин зарезал Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩.

Аглая жила это время у Гани и Вари. Аглая после убийства Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ бросилась к Князю и жила у Князя.

Последние дни и часы Князя. Чудак, дети, все его обманули и проч. ⟨с. 119⟩

---

[1] Капитальное. *вписано на полях.*

8 апреля.

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ у Учителя (при ней часто Дарья Алексеевна).

Рогожин умоляет ее выйти за него. Отказывает часто. При каждом отказе отчаяние и кутеж Рогожина.

Наконец говорит ему: «Выйду за тебя, когда Князь женится на Аглае».

Рогожин — раб ее (и под конец режет).

Аглая ревнует к Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩ (а *явно* смеется над Князем).

Узнает решение Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩. Заключает, что Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ влюблена.

Сцена свидания Аглаи с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩. Оскорбление. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ в исступлении: «Так выйду же за Князя!»

Князь согласен. Жених. Смешон. Как он отклоняет смех.

Бежит из-под венца и выходит за Рогожина.

Князь и его деятельность. Аглая convertie. [1] Рогожин режет Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩.

NB. Князь только *прикоснулся* к их жизни. Но *то*,[2] что бы он мог сделать и предпринять, *то* всё умерло с ним. *Россия действовала на него постепенно. Прозрения его.* [3]

Но где только он ни *прикоснулся* — везде он оставил неисследимую черту.

И потому бесконечность историй в романе (misérabl'ей всех сословий) [4] рядом с течением главного сюжета. (*NB*, *NB*, *NB!* Главный-то сюжет и надо обделать, создать.)

В историях научает детей. ⟨с. 116⟩

NB

Князь говорит детям об Христофоре Колумбе и что нужно быть действительно великим человеком, чтоб умному человеку [5] устоять даже против здравого смысла.

(Детям — тем хорошо говорить, что они еще не жили и себе цены [6] не узнали, и потому могут воображать каждый, что и в самом деле, может быть, сами Коломбами будут.) ⟨с. 110⟩

? А не выставить ли Князя беспрерывным сфинксом?

? Несколько ошибок и комических черт Князя.

---

[1] обращена *(франц.)*.
[2] *то вписано.*
[3] *Далее знак X!*
[4] отверженных *(франц.)*; (misérabl'ей всех сословий) *вписано.*
[5] умному человеку *вписано.*
[6] *Было:* цену

? Кавалергард оскорбил его; Князь с самым *(истинно)* невинным видом идет его спрашивать и обезоруживает.

N3! Мужество Князя в большом деле, поражающее Аглаю. ⟨с. 116⟩

9 апреля.

Князь и все истории. Аглая влюблена, сначала куролесит, потом покоряется *и вдруг узнает о Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩.*

N3. «Я вас люблю... ну да, люблю» (и рассердилась).

Аглая боится Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩.

Слухи о Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩. Князь разыскал ее и держит втайне.

Рогожин ищет.

Аглая и Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩.

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ за Рогожина (конец 2-й части). ⟨с. 115⟩

Порядок.

Сначала ни слова о Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩. Только развить об Аглае, о Князе, историях.

Лебедев (туманно).

Потом он отказался от Аглаи (на завтраке).

Идет к Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩, его сцена с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩.

Приезд Аглаи. ⟨с. 110⟩

ПОСЛЕДНЯЯ ИДЕЯ

NB, развить.

НАСТАСЬЯ ФИЛИППОВНА, немощная и убитая, под его тайным присмотром. $N3_1$ (непременно сцена ее с ним, не чувствительная, но сильная и грациозная. Коля и Петруша Лебедев. Невестка).

$N3_2$. Ганя и Лебедев. Измена Лебедева. (Рогожин знает. Мрачный и покорившийся.)

N3. НИ СЛОВА О ЗАМУЖЕСТВЕ между Княз⟨ем⟩ и Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩.

У ней свидание с Рогожиным.[1] («Может быть, и выйду»).

Князя считают женихом Аглаи.

Оскорбление.

«Захочу и выйду». Гордость до исступленья.

Бежит с Рогожиным.

Развязка.

---

[1] *Далее было начато:* «Выйде⟨шь⟩

NB. Больная женщина, возня.

Рогож⟨ин⟩ сообщает Князю, что в Москве нашли. А она уж в Петерб⟨урге⟩.

И вдруг от Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ — ему приглашен⟨ие⟩ на тайное свидание.[1] ⟨с. 109⟩

Никто не прочит снаружи в генеральском доме Аглаю Князю.

Напротив, жених — Граф. Тайное желание. Тайное за Аделаиду желание.[2] Только по насмешк⟨ам⟩ Аглаи мать догадывается.[3]

Тайная любовь с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩ (и ни слова о любви).[4] (Полное уединение. Но секрет. Всё описание, вся грация, ее остроумие.)

Ее беспрерывное требование (ему)[5] жениться на Аглае.

Призывает уже Рогожина.

Вдруг оскорбление.

Далее.

Ободренная, испугана.

Бунт (за Князя).

Струсила (за Рогожина) и т. д.

NB. *Новое.*

Первое отделение.

Новый Князь.

Аглая.

Истории, таинственность, Лебедев.

Завтрак. Князь отказывает.

2-е *отделение.*

Тайная любовь.

Развязка. ⟨с. 108⟩[6]

Ободренная. Золотые сны. Вдруг лихорадочные сцены. Свидание с Рогожиным.[7]

Отказал Аглае. Страх. (Сцена с Аглаей и оскорбление.)

NB. А в золотых снах — психолог⟨ическая⟩ странность: непременное желание, чтоб Князь женился на Аглае.

---

[1] Рогож⟨ин⟩ сообщает ∾ свидание. — *запись вдоль полей.*

[2] Тайное за Аделаиду желание. *вписано.*

[3] *Далее пробы пера:* Аделаида, Князь Лев.

[4] (и ни слова о любви) *вписано.*

[5] (ему) *вписано.*

[6] *Вся с. 107 занята пробами пера:* Князь Лев, Князь Лев Николаевич, Князь Мышкин, Князь Лев Николаевич Мышкин — *и другими, не связанными с текстом.*

[7] *Текст:* Ободренная. ∾ с Рогожиным. — *объединен фигурной скобкой, против которой написано:* Страшная целомудренность.

И в то же время ревность. (Мучения до крайности Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩.)
И тут-то оскорбление от Аглаи.

В Москве — 5 дней.

Последнее слово.

3-Я И 4-Я ⟨ЧАСТИ⟩

Из Москвы приезжает.
Дело в том, что Князь очень затруднен, как бы отказаться, и желает объясниться с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩.

Катастрофа.

А Ганя? Его роль? ⟨с. 106⟩ [1]

Никакой катастрофы.
3-я и 4-я ⟨части⟩. Просто отказался от Аглаи, и истории.

5-я и 6-я ⟨части⟩. Восстановление.[2] Клуб детей. Дошла до золотой надежды.
Шум о поведении Князя. (Сцена с Аглаей)?
Бежала с Рогожиным.
Объяснение с Рогожиным («Дашь мне покой?»).
Вышла и стала раба Рогожина, зарезал по поводу ревности ее — насчет брака Аглаи с Князем.

NB. Тянуть на все части историю *реабилитации* Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ и любви Аглаи, и *ИСТОРИИ*. Главное — *истории*.[3]
NB. Чувство Князя к Аглае.
NB) «Я люблю вас: Идиот!»
NB) История с Кавалергардом.[4]
Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ узнает, что Аглая за Кавалергарда, и удостоверяется.
Бежала из-под венца от Рогожина к Князю.
Серьезные разговоры о России, о жизни, и НИКОГДА О ЛЮБВИ.
NB. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ наивно и бессознательно рада и видит новый мир и перевоспитание в том, что Князь с ней так говорит. *Гордится* (хорошо!).

---

[1] *На этой странице среди проб пера:* Князь Мышкин, Настасья Филипповна, Констан.
[2] *Далее было:* и бежала
[3] Главное — *истории. — заметка на полях.*
[4] *Рядом приписано:* Флигель-адъютан⟨том⟩

(Retour'ы.)[1]

У Генеральши знают наконец, что он перевоспитывает Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩ и воскрешает душу (Аглая поняла), и вдруг Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ бежит. ⟨с. 104⟩

Сначала тайна, потом Рогожин узнает и все узнают.

Отказ Кавалергарду, и Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ колеблется и бежит с Рогожиным.

Начало фактическое. Князь возвращается, получает записки и отправляется по запискам.

(*Роль Гани:* беспрерывные измены и колебания.)[2] ⟨с. 103⟩[3]

№3. *О Гане.* Серьезно раздражается: не подозревает ли его в чем Князь и в то же время обманывает его. Страсть к Аглае.

Сестра поджигает на мщение, он нейдет.

!№3, №3? (жалеет о 100 000, украл у Князя деньги и бежал за границу. Final).

Разговор с Птицыным о царе иудейском.

КНЯЗЬ ХРИСТОС.[4]

Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩ слишком ободряет, что Князь ни слова не говорит о свадьбе. Она бежала 3 недели назад[5] из-под венца к Лебедеву, в Петербург, к свояченице. Лебедев и представил ее Князю. Объяснить. ?(Это Ганя сообщает Аглае.)

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ настаивает, чтоб Князь женился на Аглае. Осведомляется когда. Лихорадочно разузнает у Лебедева. Припадки. ⟨с. 102⟩

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ кутила в Москве, больна.

Согласилась с Рогожиным.

«Я свободна» (бежала из-под венца).

В Петербурге у Лебедева, еще не отказала Рогожину. Рогожин ходит к Лебедеву.

Познакомилась с Князем, потому что «я свободна». Рогожин *на всё соглашается,* трепещет и в рабстве.

Intimus[6] Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ услышала, что Князь не очень с Аглаей и что ищет постоянно ее по Москве,[7] приехала женить его. ⟨с. 69⟩

---

[1] Возвращения к прежнему *(франц.).*

[2] Начало фактическое. ∾ и колебания.) — *записи вдоль полей.*

[3] *Бо́льшая часть страницы занята пробами пера; среди них каллиграфическая запись:* Воззвал из глубины.

[4] КНЯЗЬ ХРИСТОС. — *заметка на полях.*

[5] 3 недели назад *вписано на полях.*

[6] Тайно *(лат.).*

[7] и что ищет постоянно ее по Москве *вписано.*

Утром затем ⟨?⟩ Рогожин пришел ⟨к⟩ Князю в отель его.

Рогожин сообщает ему, что он видел Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩ и что та говорит ему, что не выйдет за него, пока Князь не женится на Аглае. ⟨с. 70⟩ [1]

10 апреля.

И однако сцену Аглаи с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩ непременно, после которой бунт Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩. Князь объявляет себя женихом, и тут-то она и бежит с Рогожиным. ⟨с. 104⟩ [2]

10 апреля.

ФАКТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА 3-Й ЧАСТИ

1) Возвращение Князя из 5-дневного путешествия в Москву. Слишком скоро в 5 дней. [3] Генерал говорит: «Как так успел?» N3. «А я тут по твоим делам». [4]

2) Письма.

3) Лебедев.

4) Объяснение с Ганей (мнителен и раздражителен). Ганя об Аглае.

5) Визит к Генералу, Аглая. Эпизод с Кавалергардом. Зовет на новоселье. N3. (Эпизод с Кавалергардом продолжается.)

6) Вечер у Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩. Лебедев. «Тимофей Степанович» — по приниженности.

7) Коля, Петя Лебедев, история Павлищева. Ипполит. Дети Лебедева.

8) Эпизод с Генералом и с Ганей.

9) Шпионство Гани. (*Князь ему открывается.*[5] Ганя ему: N3. «Аглая будет у меня.[6] Я хотел изменить вам». — «Я знаю».) Князю тяжело. Ганя сердится, что Князь не открыл ему об Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩.[7]

10) *Посторонняя девочка.*

11) Детский журнал.

12) Фердыщенко и заниматели денег. (Сделать в связи.) [8]

---

[1] *Тексты:* Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ ∾ женить его. *и* Утром затем ∾ не женится на Аглае — *написаны в направлении, обратном обычному расположению текста. Помещаем их здесь на основании знаков, поставленных Достоевским.*

[2] *Заметка:* И однако ∾ с Рогожиным. — *вписана на полях.*

[3] Слишком скоро в 5 дней. *вписано.*

[4] N3. ∾ по твоим делам». *вписано.*

[5] *Над фразой: Князь ему открывается. — знак вопроса.*

[6] N3. «Аглая будет у меня. *вписано.*

[7] Ганя сердится ∾ об Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩. *вписано.*

[8] *С этой темой связан отдельный эпизод, записанный на с. 84:*

Про Судоходова устроила Аглая, тут и Фердыщенко. Судоходов живет

13) КАПИТАЛЬНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ С РОГОЖИНЫМ. (Убежала из-под венца.)

N3 от меня: даже слишком много для третией части.

Секреты, тайны и дальнейш⟨ие⟩ завязки.
N3_1. Задача представить Н⟨астасью⟩ Ф⟨илиппову⟩.
N3_2. Князя сфинксом.
Сфинксом. Сам открывается, без объяснений от автора, кроме разве первой главы.[1] ⟨с. 101⟩
Если Ганя спервоначалу рассказал, что знал (Аглае), об Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩ (римская императрица — купаться при невольнике) и потом донесение Лебедева *(утрешнее)* Князю, то читатель достаточно эклерирован, чтобы можно было сохранить роль сфинкса.

N3, N3, N3, N3

В посещении Аглаи много торопливости?

Ганя не говорит Князю всего; он проговаривается ему, что Аглая *проговаривается,* что желает видеть Ганю, но не говорит ясно, что это завтра.
Намекает при этом, что Аглая будет расспрашивать об Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩, и ждет, не скажет ли Князь? Но Князь не сказал. Раздражительн⟨ый⟩ разговор об отце.[2] Ганя вышел грустен. Прогулка его. Хочет видеть Колю. Обругал Колю, что тот не говорит. К Ипполиту. Хочется узнать об Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩. (Об Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩ ему проговорился первый раз Коля.) Ипполит его адресует к Лебедеву. (Но Лебедев смеется над Ганей; в первый раз сводит с Генералом. Ганя думал напоить Лебедева. Тот напился, но не сказал.) ⟨с. 100⟩

Лебедев: из принижения.
Апокалипсис.
Молитвы и гнусный.
Сцена Лебедева с генералом Иволгиным.
Лебедев разыскивает подноготную о сыне Павлищева и узнает, что Аглая *будет* у Гани.

с Фердыщенкой, с ними и Смировский; Князь заходит к ним потом, после срезания Смировского.
Сначала его принимает *вызывательно.* Потом дело улаживается. Фердыщенко говорит, что у них общество доставания денег. Смеются. Князь сел и рассказал анекдот. [Смировский] Судоходов провожал его.
— Вы считаете меня подлецом?
— Для чего вам это знать?.. Да, я не считаю этого честным.
Смировский ⟨*вероятнее:* Судоходов⟩ смеется, но отходит с мыслию,
Главное, Судоходов требовал денег *искренно.*

[1] Сфинксом. ∾ первой главы. — *заметка на полях,*
[2] Раздражительный разговор об отце, *вписано,*

Доносит Князю (предупреждает Князя насчет Гани).[1] Князь удивлен.

Лебедев узнал от Коли и вошел в сношения с самою Аглаей. Но он не всё говорил, был пьян, умалчивал.

А так как: Ганя часто предлагал услуги, то она, думая, что Ганя с Князем в чрезвычайной дружбе и в нее еще влюблен, и выбрала Ганю перед выходкой отказа Князю. (NB. И Ганю сфинксом.)

Князь спрашивает: так для чего же она к Гане, а не к нему, Лебедеву, обратилась. Тот отвечает: «Думает, что больше знает, чем я, пьяница». А между тем и Лебедев его обманывает, потому что в прямых отношениях с Аглаей и уже открыл.[2] ⟨с. 99⟩

Князь Лебедеву: «Так вы обманули меня?» — «Обманул-с; ибо низок». (И это несколько раз.)

КНЯЗЬ ХРИСТОС. ⟨с. 97⟩[3]

ФАКТИЧЕСКОЕ

1) При приезде Князя первоначально, в первой главе пред письмами, — некоторый *рассказ* о Князе. (Его турнюр и проч.) (Письма ген⟨ерала⟩ Иволгина, Лебедева, *Генеральши, Аглаи,* Павлищева-сына, Фердыщенки, предложение журнала, лихорадочная запись[4] Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ и непонятная и проч.) Подает Коля. (О Петре Лебедеве, о журнале и проч., об Ипполите, о Павлищеве.) Об Аглае и долговом (Коля деликатен). Об Аглае. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩. Журнал.[5]

2) Князь идет, разыскивает Лебедева. Потом заходит к Фердыщенкам (что-нибудь прибавить). Семейство Лебедева (никогда еще не был у Лебедева).[6]

3) Домой.[7] Читает журнал Лебедева (в другом пакете). Ганя. Тут опять о Гане (и даже как он дома. О сестре, о матери, раздражается, о Генерале). NB.[8] Может быть, об Аглае. ⟨с. 98⟩

В рассказе. 4-я ⟨глава⟩. Intérieur[9] отношений Князя к дому Генерала.

---

[1] (предупреждает Князя насчет Гани) *вписано.*

[2] отказа Князю. ∾ открыл. *вписано на полях.*

[3] *В основном страница занята пробами пера. Среди них:* Petrus, Восстание острова Крита, Смиренный игумен Зосима, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Евангелие Иоанна Богослова.

[4] *Незачеркнутый вариант:* заметка

[5] Об Аглае и долговом ∾ Журнал. *вписано.*

[6] (никогда еще не был у Лебедева). *вписано.*

[7] *Далее было начато:* Ганя. Об

[8] *Знак NB отмечен крестом.*

[9] *Здесь:* внутренняя сторона *(франц.).*

5-я ⟨глава⟩. В доме Генерала. Аглая. Сцена с Кавалергардом. N3. Опять о Князе и об отношениях к генеральскому дому. *Сфинксовое состояние.* Зовет на новоселие. Аглая спрашивает его о письме. Он говорит, что это так... Что он желал бы говорить с ней. Он в смущении. (Ему хотелось бы *отказать Аглае,* а в то же время сказать ей об Н ⟨астасье⟩ Ф ⟨илипповне⟩, вот его намерение, прося свидания. Аглая же думает, что это объяснение.) Колкости. Аделаида. Сын Павлищева. Удивительная победа над Флигель-адъютантом. Аглая [1] стравила, при этом громко и вслух смеялась над Князем и выдавала его и ужасно была рада победе Князя. Сцена в intérieur [2] генеральском по уходе Князя между Генеральшей и Аглаей и проч.

Коля у княжон и проч.

Княгиня Белоконская. Старая старуха. ⟨с. 96⟩[3]

6-я ⟨глава⟩. На улице. Розыски девочки и проч. Rendez-vous с детьми Лебедева. (Утром было письмо от сына Лебедева, просящее свидания. Заходит к Ипполиту. Разговоры. Совершенно как будущие в клубе.) *Алексеев сын.* Князь нарочно поручил выпытать Коле и Ипполиту насчет гимназии.[4]

7-я глава, 8-я.

8 часов. У Н ⟨астасьи⟩ Ф ⟨илипповны⟩, вечер. Тут-то Князь и говорит с детьми, о сыне Алексея, об иностранном и русском народе и проч. [5] Лебедев, Учитель. Молитвы и проч. (Эпизод какой-нибудь.)

У РОГОЖИНА

Видно, что уже они сговорились. Рогожин нездоров. (Об Н ⟨астасье⟩ Ф ⟨илипповне⟩ довольно мало.) (Из-под венца.) Князь подтверждает и клянется ему, что не женится без ведома и слова об этом не скажет. N3. У Рогожина всё изменилось. Он даже учится. Предупреждает о Лебедеве, что изменяет, и проч.

Кстати, спрашивает об одном объяснении в учебнике.

Князь садится и объясняет ему. ⟨с. 95⟩ [6]

4-Я ЧАСТЬ

9-я глава. У Ганечки. Ожидание Аглаи. Варя о 100 000 с Птицыным.

10) Аглая. Ганечка хоть и *надул Аглаю*, а та его, но по уходе Аглаи Ганечка воспламеняется.

---

[1] Аглая *отмечено особым знаком; на полях заметка:* Грациознее, более жару, вроде княжны *Кати — выдумать.*

[2] *Здесь:* в доме *(франц.).*

[3] *С. 98 и 96 заполнены в направлении, обратном обычному расположению текста.*

[4] *Текст:* Rendez-vous ∾ насчет гимназии. — *объединен фигурной скобкой.*

[5] об иностранном ∾ и проч. *вписано.*

[6] *У РОГОЖИНА* ∾ ему. *вписано на полях.*

11) Аглая возвращается, взволнованная слухами об Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩. Сцена с сестрами и с Генеральшей.

12) У Князя завтрак. Эпизоды. (Павлищев и проч.)

13) И объяснение с Аглаей. («Не смейте меня просить»).

14) Князь соглашается слишком радостно.

Лебедев — письмо к Аглае безымянное. «Сделайте знак». Та показывает письмо Князю и жалуется и требует объяснения.

Отказ Флигель-адъютанту и чуть не шельмование его перед разговором с Князем.[1]

(Об Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩. Аглая начинает об Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩. Князь удивляется и сознается.)

Скандал у Генералов за отказ.

Капитальное NB: Аделаида помогает Князю втайне, сообщает об Аглае (хочет женить их. Ссорится с Князем, когда тот объявляет, что не любит).[2]

15) Вечером свидание Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ с Рогожиным.[3] Ужас. Припадок. Вдруг является Аглая. Сцена (помог Лебедев). На Ганю плюнула.[4] Князь присутствует. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ объявляет, что выходит сама за Князя, «а ты — нет». ⟨с. 94⟩

Общий говор: «Что же, Князь на ⟨- - -⟩ женится?» Шум.

NB. В 5-й части Ганя достигает, что входит в доверенность Аглаи.

6-я часть. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ невеста. Сцены с Князем полной реабилитации и полного падения. Подкопы Аглаи. Подготовленная история, чтоб омерзить Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩. Лопается. Ганя безумно влюбляется. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ бежит из-под венца к Рогожину.[5]

6 месяц⟨ев⟩ спустя.

Князь совсем больной и юродивый. Женщины и дети около него. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ — с Рогожиным.[6] Теперь оба в Петербурге. Рогожин и раб, и ревнует, и скупец, и всё заодно. (Вся 7-я часть им с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩ наполнена.) Слухи о свадьбе Аглаи с Князем. Рогожин ревнует, зарезал.

NB. (Князь любит Аделаиду.) ⟨с. 93⟩

---

[1] Лебедев ∾ перед разговором с Князем. *вписано.*

[2] Капитальное NB ∾ не любит). — *заметка на полях.*

[3] *Было:* с Аглаей

[4] Сцена ∾ На Ганю плюнула. *вписано.*

[5] 6-я часть. *вписано. Текст:* 6-я часть. ∾ к Рогожину. — *объединен фигурной скобкой, против которой написано:* Вставить разные эпизоды и развязки историй для занимательности. *Над словами:* эпизоды и развязки — *написано:* Кража Генерала. *Далее было:* [6-я] 7-я и 8-я часть.

[6] *Далее было:* прокутили всё в Москве.

10-е апреля.

N3. Симпатичнее написать, и будет хорошо.

Главная задача: характер Идиота. Его развить. Вот мысль романа. Как отражается Россия. Всё, что выработалось бы в Князе, угасло в могиле. И потому, указав постепенно на *Князя в действии,* будет довольно.

Но! Для этого нужна *фабула романа.*

Чтоб очаровательнее выставить характер Идиота (симпатичнее), надо ему и поле действия выдумать.

Он восстановляет Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩ и действует влиянием на Рогожина. Доводит Аглаю до человечности, Генеральшу до безумия доводит в привязанности к Князю [1] и в обожании его.

Сильнее действие на Рогожина и на перевоспитание его. (Ганя пробует сойтись с Рогожиным.) [2] ⟨с. 92⟩

Аделаида — немая любовь.

На детей влияние.

На Ганю — до мучения («Я взял *свое*»). N3. (Варя и Птицын *отделились.*)

Даже Лебедев и Генерал.

Генерал в компании Фердыщенка.

Кража с Фердыщенкой. [3]

И ПОТОМУ:

1) ВООБЩЕ ИСТОРИИ И ФАБУЛЫ, т. е. истории, продолжающиеся во весь роман, должны быть задуманы и ведены стройно параллельно [4] всему роману, и потому:

2-е) Обдумать их и *насущную* историю с Флигель-адъютантом, а главное, по возможности, параллели [5] историй.

Параллели [6] историй следующих:

1) Лебедева, обманувшего Князя, и с Генералом.

2) Фердыщенко и Иволгин.

3) Дети, смерть Ипполита и проч.

4) Гани, Вари и Птицына — и проч. ⟨с. 91⟩

Стр.: [7] *ЛЕБЕДЕВ.*

Лебедев про Князя: «Утаил от премудрых и разумных и открыл еси то младенцам».

Лебедев — гениальная фигура.

---

[1] *Так в рукописи, вместо:* к нему

[2] Сильнее действие ∾ сойтись с Рогожиным.) *вписано на полях.*

[3] *Далее было начато:* Вообще

[4] *В рукописи:* / /-но

[5] *В рукописи:* / /-ли

[6] *В рукописи:* / /

[7] *Очевидно, страница, посвященная Лебедеву.*

И предан, и плачет, и молится, и надувает Князя, и смеется над ним.

Надувши, наивно и искренно [1] стыдится Князя.

Сходится с Иволгиным. Пьют вместе. Генерал вольнодумствует. Лебедев о вере и Апокалипсисе. Глубокие замечания Лебедева. (Недозрелый философ. Пьянство.) Слезы. Взаимная исповедь пьяная. Лжи Генерала. «А ведь ты лжешь», — взаимно лгут. Генерал не верит.[2] О табаке, о молитвах, о Дюбарри, о светопреставлении. Наводит Генерала на воровство. Фердыщенко. (Доносит на Генерала Князю.)

Смерть Генерала от горя.[3] Коля. Генеральша Нина. Горе Коли. Генерал лжет на смертном одре и в глубоком отчаянии, агонии и тоске. Лебедев идет за гробом и плачет. ⟨с. 90⟩

Насущное [4]

История с Кавалергардом? Вопрос.[5] ⟨с. 89⟩

Кн⟨язь⟩ Христос.

ФАБУЛА [6]

1) Генерал умирает неуличенный и не в силах сознаться, только улыбается горько. Нина знает.

2) Лебедев в 3-м Отделении. Подозрение.

3) Ганя не крадет, а делает так, как будто берет от Князя 100 000 свои и уведомляет его. («Я глупо сделал».)

4) Князь и Птицын. Случайный разговор.

5) Лебедев говорит Князю замечание о Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩: «Вот с ней никто так не говорил-с, как вы, всё о любовишках говорили, а вы о столпотворении,[7] так это ее возвышает в ее глазах, она рада ученому разговору». (И тут рассказывает подобную повесть об одной.)

Князь ему: «А вы мне нравитесь, Лебедев, вы таки глубоко сердечный человек-с».

Лебед⟨ев⟩ патетически: [8] «Много, много переживший и перестрадавший человек... вот тут, тут оно всё (на сердце показывает), но... низкий, низкий человек, тем и сгубил себя, что очень уж низкий человек». ⟨с. 88⟩

---

[1] наивно и искренно *вписано.*

[2] взаимно лгут. Генерал не верит. *вписано.*

[3] от горя *вписано.*

[4] *Насущное — помета на полях.*

[5] *Далее было:* Одна из главнейших забот Князя по возвращении из Москвы — это как бы отбиться от Аглаи. (О предложении, впрочем, не говорилось ни слова ни с той, ни с другой стороны, но это видно.)

[6] *ФАБУЛА — помета на полях.*

[7] *Слова:* о столпотворении — *с двух сторон отчеркнуты и над ними написано:* Смешнее.

[8] патетически *вписано.*

Насущное[1]

Лебедев Князю: «Да, но слаб, слаб, слишком слаб... всё по слабости, оттого и такая шельма значительная».

Князь: «Вы как будто хвастаетесь тем, что вы шельма, с довольством таким».

Леб⟨едев⟩: «А знаете что, ведь это и так» (психологически). ⟨с. 87⟩

Лебедев в своем плаче о Генерале: «Великий был человек... А даже и на смертном одре солгал».

(В Лебедеве беспорядок.)

Лебедев своего мальчика любит.

? *Петя Лебедев? Обделать грациознее* (характер Пети).

У Лебедева дома книг много, так что Князь удивлен. (Свой домик и маленький капитал.)

РАЗВИТИЕ ПО ВСЕМУ РОМАНУ ЧУВСТВ КНЯЗЯ К АГЛАЕ.

При разговоре с Рогож⟨иным⟩ тот спросил Князя о наследстве, тот объявил, что денег у него еще нет.

Рогожин рассказывал про «*Настасью*» и разные эпизоды любви. Исступление Рогожина. Полная доверчивость к Князю.

Ганя с полною исповедью.

— Я не женюсь, Ганя, я вам сказал. [2]

— Аглая придет (он в лихорадке).[3]

— Не говорите, если не хотите.

— Я вас обижаю, а вы!

— Ганя, Ганя, полноте! [4]

— Я вас обманывал.

— Я это знал, Ганя.

— Вы знали? (и потом, когда Аглая пришла, он решил опять обмануть).

— Я бы мог узнать, где Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩. Но я не узнал. Я и тут солгал: [5] я знаю, где Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩.

N3. Вообще он в полной лихорадке; Аглае он открывает всё, всё [6] (что он с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩ и не берет ее) [7] и сжигает палец. ⟨с. 86⟩

---

[1] *Насущное — помета на полях.*

[2] Ганя с полною исповедью. ∾ сказал. *вписано на полях против объединенного фигурной скобкой текста:* Рогожин рассказывал ∾ доверчивость к Князю.

[3] Аглая придет (он в лихорадке). *вписано.*

[4] *Текст:* Не говорите ∾ полноте! — *объединен фигурной скобкой, против которой написано:* Ганя в лихорадке.

[5] солгал *вписано.*

[6] *Далее было:* и как

[7] (что он ∾ не берет ее) *вписано.*

иметь, главное, в виду: что в отсутствие Князя в Москву везде распространилось, что Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ у него. Генерал об ней. Ганя об ней. Генеральша, и во всем доме. Генеральша принимает Князя с некоторою недоверчивостию, но потом разубеждается и ободряется и говорит, что она всегда считала его человеком честным и проч. Коля об ней. (Письмо Лебедева было уже к Аглае, Аглая одна знает вполне и выбрала Ганю) — и проч. (Ганя в высшей степени обижен, что Князь ничего не сказал ему.) (Но Князь говорит.)

N3. (*С Ганей*[1] в утрешнем свидании дело непременно довести до сущности их отношений, чтобы психологически понятна была любовь Гани к Князю.) ⟨с. 85⟩

14 апреля.

Князь ровно полтора месяца в Москве. Ни слуху ни духу.

Сцена у Епанчиных. Флигель-адъютант. Аглая выходит из себя и его выводит из себя.

Является Князь, грустный. Прием. *Описание Москвы.* Генерал. *Вещи.* Сильное на всех впечатление.

За неделю была отправлена Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩. Коля, Лебедев и сестры.

К Коле письмо из Москвы.

Свидание Князя с Лебедевым.

С Рогожиным, который из Москвы приехал уже 5 дней. (N3. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ тогда на другой день бежала в Москву. Рогожин ее там разыскал. Опять оргии. Свадьба. Из-под венца бежала. Должно быть, в Петербурге. (Не успели внести.) Не знает, что у Лебедева).

Эпизоды. Ганя. Генерал и проч. N3 *устроить.*

Идея

1) Князь — жених Аглаи (3 мес⟨яца⟩ спустя), и брак расстроивается.

$1^1/_2$ мес⟨яца⟩ спустя. 2) Об Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩ ни слуху ни духу.

Скрылась от Рогожи⟨на⟩.

Князь ищет.

Ген⟨ераль⟩ша: «Об тебе хороший слух». ⟨с. 50⟩

15-е апреля.

МЫСЛИ И ФОНД (1)

От Князя 6 месяцев ни слуху ни духу.

Аглае письмо, через Колю, которое она не показала никому. При визите Князя на даче (и при женихе) Аглая вдруг ему *вслух:*

---

[1] *Далее было:* N3

«То письмо, которое вы мне прислали» (лицо строгое; «ваш образ встал передо мной»). [1] Генеральша рассердилась.

Рассказ Князя о России. («Вы ужасно мне напоминаете ваше первое прибытие».)

(Ганя)?

Визит Генеральши к Князю.

МЫСЛЬ *ГЛАВНАЯ* ПЕРВОГО ОТДЕЛА *ВТОРОЙ* ЧАСТИ

Князь возвращается, смущенный громадностию новых впечатлений о России, забот, идей, состояния и *что делать*.

Он это изливает в *отчете* за 6 месяцев у Епанчиных на даче. Собеседник, жених Аглаи, очень серьезный человек, *кн⟨язь⟩ Щерб⟨атов⟩*.

Но, приехав в Петербург:

У Епанчиных в нем нуждаются (*Аглая*, Аделаида,[2] Генеральша).

Ганя в нем нуждается.

Коля.

Рогожин нуждается. (Он уже сошелся с Князем и представляется как его ученик.)

И, главное, Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩. Даже Лебедев, уходя от Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩, в нем нуждается, и у Князя на сердце *просияло*. («Вот, стало быть, и деятельность».) [3]

ОСМЫСЛИВ, КНЯЗЬ ОЧЕНЬ ТРОНУТ И, В СМИРЕНИИ, ИСПУГАЛСЯ.

1-я половина 2-й части — в 1 день, 2-я половина — в несколько дней.

(Сцена Лебедева с генералом Иволгиным за питьем — в 4-й части.)

План романа. См. на обороте.[4] ⟨с. 51⟩

Речь Князя у Аглаи на даче: сравнение Запада с Востоком.

Он сначала был у Гани, Ганя холоден и груб, а потом ночью Ганя к нему с «я вас ждал». ⟨с. 52⟩

---

[1] (лицо ∾ передо мной»). *вписано.*

[2] Аделаида *вписано.*

[3] *Текст:* Но, приехав ∾ деятельность».) — *объединен чертой и рядом написано:* Картины.

[4] *Т. е. на с. 50.*

15 апр⟨еля⟩.

МЫСЛИ И ФОНД (2)

Нельзя ли?

К Епанчиным Коля, Лебедева не находит, к Епанчин⟨ым⟩ на дачу — опять Лебедева нет.[1] К Рогожину — к Лебедеву. («*Завтра!*») Ганя ждет у него весь вечер. Исповедь Гани.

Наутро Генеральша, Коля, выкуп Генерала — и вечер у Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩. («Стало быть, и есть назначение».)

ГЛАВНОЕ ТО, ЧТО ВСЕМ НУЖЕН.

N3. Ганя поджидает (описание обстоятельств Гани,[2] сцены с Ганей).

N3. У Рогожина. (Описание сцены в воксале Екатерин⟨гофском⟩.)[3]

(*15 апреля.* Вопрос: ПОРЯДОК?)

Князь приезжает, полный *чего-то нового* и несколько смутный. (Проще, наприм., с Рогожиным. Много высказаться приходится Князю.) Но радость пользы вливается в него. Эту-то радость и высказывает он Аглае, подзывая ее помочь Н⟨астасье⟩ Ф⟨илиповне⟩, и еще прежде — Коле (вкратце).

Генеральша (на даче): «О вас я слышала, и хорошее. Не женаты вы? Бывает».

Жених Аглаи уже успел нафанфаронить и нашпиговать Князя, как вдруг является кн⟨язь⟩ Щ⟨ербато⟩в — жених Аделаиды — и встречается с Князем как с знакомым. Рассказывает свою встречу с Князем, в которой подвиг Князя. ⟨с. 53⟩

15 апреля.

ПЛАН РОМАНА

? (Все изменяют. Рогож⟨ин⟩ по страсти. Ганя по ( ).[4] Лебедев.)

У Аглаи только зарождается любовь. (Рог⟨ожин⟩ интригует и покупает Лебедева и Аглаю.)[5]

Князь зовет Аглаю помочь несчастью. Сцена двух соперниц, где неожиданно и *неудержимо обнаруживается* Аглая.

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ говорит после обиды в исступлении

[1] опять Лебедева нет *вписано.*
[2] обстоятельств Гани *вписано.*
[3] Екатерин⟨гофском⟩ *вписано.*
[4] *Так в рукописи.*
[5] и Аглаю *вписано.*

Князю: «Если ты меня реабилитировал, говорил, что я без греха, и то, и то (№ так что можно всё реабилитирование и пропустить, ибо понятно), *то и женись!*» Князь: «*Да*».

(5-Я И 6-Я ЧАСТЬ) 3-Я[1]

1-я половина.[2] Жених и невеста. (Князь в сумасшествии — общий слух то есть)[3] все отступаются, кромe иных.

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ к Рогожину: «Дашь мне покой?» Бежала. Позор[4] Князю.

2-я половина, т. е. 6-я ⟨часть⟩, или 6-я, 7-я и 8-я ⟨части⟩ — развязка. ⟨с. 54⟩

16 апреля.

УСТРОЕНИЕ МАТЕРИАЛА

Как натуральнее? Натуральнее всего, что:

1) Лебедев.

Застает и Лебедева и Колю (похарактернее, но двусмысленнее насчет Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩: «Завтра, завтра». — «Нет, сегодня!»[5] — или что-нибудь: «Коля, я буду там»).

К Генералу — в 11 («Приходи в час.[6] Поедем вместе».)[7] (В антракте к Гане (у Гани лихорадка)[8] и к Рогожину.)[9] Опять к Генералу. (На даче.)

В 6 часов в Петербург[10] обратно. Случайно в воксале Павлов⟨ской⟩ дороги[11] Рогожин. К Рогожину.

В 7 часов *к Лебедеву*, в $7^1/_2$ у Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩. У Лебедева выпущенный Генерал, знакомство с Лебедевым. («А ведь ты, Генерал, врешь».)

У Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ до одиннадцати вечера; у Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ на даче. Ловит его Рогожин.[12]

Утром в Петербурге встреча со всеми, с Аглаей, с Генеральшей и проч.[13]

Наутро Генеральша.

---

[1] *Было:* 2-я

[2] 1-я половина. *вписано на полях против объединенного фигурной скобкой текста:* Жених и невеста. ∾ Позор Князю.

[3] общий слух то есть *вписано.*

[4] *Было:* Стыд

[5] «Нет, сегодня!» *вписано.*

[6] *Было:* в два

[7] Поедем вместе». *вписано. Текст:* 1) Лебедев. ∾ вместе».) — *объединен фигурной скобкой, против которой написано: Быстрее.*

[8] (у Гани лихорадка) *вписано.*

[9] и к Рогожину *зачеркнуто, а затем восстановлено.*

[10] *В рукописи:* в Петербурге

[11] *Было:* на воксале; в воксале Павлов⟨ской⟩ дороги *вписано.*

[12] у Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ ∾ Рогожин. *вписано. Далее было:* **В 11** Ганя, тут и Коля (тронутый Князь),

[13] Утром ∾ и проч. *вписано.*

Аглая просто допросила Князя. Князь ей всё открыл. «Она думает, что вы на мне женитесь». (Сцена Аглаи с Ганей.)

Устройство свидания с Н ⟨астасьей⟩ Ф ⟨илипповной⟩? Или случайное свидание с Н ⟨астасьей⟩ Ф ⟨илипповной⟩.

Или Н ⟨астасья⟩ Ф ⟨илипповна⟩ написала (по безумию своему) записку к Аглае, увидав ее с Князем, из ревности.

Та вдруг пришла к ней и принесла записку.

NB. После прихода Генеральши можно повести быстрей, рассказом, иногда только выставляя сцены. Лебедев, Генерал и проч. Наконец — одну сцену Князя с Аглаей и сцену свидания.

Главный вопрос теперь — Ганю?

Располож ⟨ение⟩. Некоторое любопытство у Лебедева.
Сцена на даче и проч. ⟨с. 55⟩

16 апреля.

ОСОБЕННЫЕ НОТЫ

МЫСЛИ И ФОНД

Н ⟨астасья⟩ Ф ⟨илипповна⟩ на даче, тоже в Павловске; Князь очень поморщился, что тоже в Павловске, но так хотелось Н ⟨астасье⟩ Ф ⟨илипповне⟩, и Аглая знает (и Генеральша знает).

NB. *ВИЗИТ ГЕНЕРАЛЬШИ!*

Лебедев говорит утром,[1] что на Петербургской, и садик есть. На сожаление Князя, что на даче и для воздуху и для уединения было бы лучше, Лебедев выставил, что невестка проприетерка собственной дачи в Павловске, но что «ведь Павловск нельзя же-с...»

— А ей очень хотелось в Павловск? — спросил Князь.[2]

— Очень-с (т. е. для Епанчин ⟨ой⟩ Аглаи).

Князь говорит, что не надо (жильца нет на даче).

После того как был в Павловске, Князь едет домой с Флигель-адъютантом.

Тут к Рогожину.

К Лебедеву — и узнает, что на даче, и уже со вчерашнего дня. Это фраппирует Князя. Тот смущен. На дачу. Опять в Павловск. Князь хочет быть не замечен, но Флигель-адъютант с Лебедевым. Лебедев много дорогой о разных вещах.[3]

В одиннадцать Ганя ждет до 12 (тихая радость Князя, что он полезен).

---

[1] утром *вписано.*
[2] *На полях запись:* В Матросской ⟨улице⟩.
[3] с Лебедевым ∾ о разных вещах. *вписано.*

НАУТРО ГЕНЕРАЛЬША:

— Ты не обманул меня вчера, что в Петербург, а не к ней? (Дочери не знают.)

С Аглаей (через три дня).

Просит вспоможений Ганя.

Свидание и сцена двух соперниц. *Обнаруживается Аглаина любовь.*

В 5-Й ЧАСТИ СКАНДАЛ КНЯЗЯ ДОЛЖЕН БЫТЬ СЛИШКОМ КРУПЕН. ПУБЛИЧНОЕ ОСКОРБЛЕНИЕ (ЖЕНА Ч⟨ЕРНЫШЕВСКО⟩-ГО). Объяснение Князя, Флигель-адъютанта, почти дуэль. *Сцена во храме.*[1] Она — свидание с Рогожиным: «Дашь мне покой?» (Измена Лебедева.) Страсть Гани. Свадьба Князя, множество собралось смотреть. Невеста не приехала. Позор. ⟨с. 56⟩

Сцена с Ганей. Ганя говорит: «Знаете ли, что я всё оставил до вашего прихода?»

У Рогожина Князь беспрерывно смотрит на часы, тот замечает.

В 3-й и 4-й ⟨частях⟩ Ганю только обозначить.

А в 5-й и 6-й Ганя интригует с Аглаей, за что та ему под конец только шиш показала и прогнала своего жениха.[2]

В 5-й и 6-й ⟨частях⟩, во всех двоих, — свадьба Князя:

N3. Здесь, между прочим, роли Лебедева, Генерала[3] («сын моего друга»), Генеральши, Рогожина (все интриги обозначаются и приготавливаются).[4] Лебедев и Ганя изменяют.

В 7-й и 8-й ⟨частях⟩. Картина больного и скитающегося Князя. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ бежала от Рогож⟨ина⟩. Тот ищет убить ее. (Сейчас после брака увез в Москву.) Князь мирит их.[5] Роль Князя. Роль Аглаи. Аглая разрывает с женихом. «Люблю тебя» (Князю). Смерть Генерала (в эпилоге). (Князь у этой смерти.) Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ зарезана.

Бегство Гани. Лебедев выследил Рогожина и убийство. (Аглая следила тоже.)

Повезли Идиота за границу.

Аглая с ними, все: «Наконец-то мы едем[6] за границу!» ⟨с. 57⟩

ГАНЯ

Он всё время в лихорадке.

Птицын на Варе женат (Ганя может быть один или у них).[7]

---

[1] *Далее было начато:* С Р⟨огожиным⟩

[2] и прогнала своего жениха *вписано.*

[3] *Далее было:* и Гани

[4] обозначаются и приготавливаются *вписано на полях.*

[5] *Над фразой:* Князь мирит их. — *знак NB.*

[6] *Далее было:* в Швейц⟨арию⟩

[7] или у них *вписано.*

С первого явления Гани обозначить, что он хоть и в сильной родственной любви с Варей, но во всех убеждениях с нею розно. (У той мщение из самолюбия.) (Варя имеет сильное влияние на Аглаю.)[1] Птицын мало говорит, его речь впереди. Это одна картина Гани (1-я или 2-я).

2-я картина. Лихорадочная исповедь Князю (в первый раз дурно принимает Князя, во 2-й сам приходит).

3-я карт⟨ина⟩.[2] После исповеди: зависть к Князю и мщение ему. (NB. Ничем не занят. Рассорился и бросил в обществе.) *Через Варю* предается Аглае. Изменяет Князю, но увлекается Аглаей; до того увлекается, что, уже задумав действовать (мстить) по-Вариному, объявляет Аглае про все козни Вари и как та ее надувала. За всё это Аглая кончает плевком.[3] Он говорит: «Вот награда за искренность!» — и бросается в подлость.[4]

4-я картина. Ганя к Князю, и тут уже говорит Птицын о царе иудейском.

Смерть Отца.

Ганя берет 100 000 и уезжает за границу. ⟨с. 58⟩

Дарья Алекс⟨еевна⟩. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩. Ускользнула на дачу к Дарье Алексеевне в Матросской, на дачу приносит сейчас после Генеральши письмецо Коля.

(Рогожин Князю: «Я знаю, как ты поднял меня и дух мой, — к тебе».)

Ганя — в Павловск.

Ганя болен, «люблю Аглаю». Встречается с Князем, знает об Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩, но молчит. Приезд Князя интересует Ганю в отношении действия на Аглаю (вначале интересовал жених). Бросается к Князю с излиянием уже в Павловске. (Князь у Гани. Пт⟨ицын⟩ и царь иудейский.)

Ганя. Больной. Почти идиот. Герострат, всего стыдится. Мечты его. Следит за Аглаей. На даче. Князь — тираду о царе иудейском. Ганя не сдается и не высказывается. Его волнует и заботит приезд Князя относительно Аглаи. Он следит. Встреча утром Вари с Аглаей в парке, и Ганя — Аглая ему: «Я умею ценить, как вы отказались. Может быть, я очень ошиблась». (Ганя больной. Варя по преданности — и только[5] — и замуж вышла, что он больной.)

Итак, Ганя *больной*. Роль его — раба роль. (NB. Можно сделать очень верною и красивою и кроткою ролью.)

---

[1] *Ранее, на полях с. 91, Достоевским сделана заметка: 16 апр⟨еля⟩.* Варя сильно действует на Аглаю, — *предваряющая текст с. 58, также написанной 16 апреля.*

[2] 3-я карт⟨ина⟩. *вписано на полях.*

[3] *Далее было:* (У них дача в Павловске.)

[4] Он говорит ∾ в подлость. *вписано.*

[5] и только *вписано.*

17 апреля.

EVRIKA[1] *С ГАНЕЙ.*

Свидание и молчок. Мечты. Князь иудейский. Князь заходил. (*Примеч*⟨*ание*⟩. После Генеральши, три дня спустя. Князь был в Павловске. Заходил к Гане. Ц⟨арь⟩ иуд⟨ейский⟩.)

Потом молчаливая встреча Гани и Аглаи. Пламень. Потом, перед встречей, когда Князь волнуется, заходит Ганя, обнимает и высказывается, что и Аглая, и Варя — все обманывают. Аглая получила письмецо от Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩.

Тут сцена у Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ и встреча с Ганей. ⟨с. 59⟩

17[2] *апреля.*

Сведения о Князе — прибытие. Коля (в садике). Лебедев воротил, пришел. Известия о Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩. Нервная, раздраженная, плачет, вскрикнет и заплачет.[3] Под конец высказала, что тревожится, хотела в Павловск.[4]

К Генералу, прямо на дачу. В 5 часов в Петербурге. К Рогожину. В 7 часов к Лебедеву (в городе).[5] На даче[6] у Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩. «Я имею право». Ум Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩. Апокалипсис — восторг. Разбирают Лебедева. «Утаил еси...» М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, про Рогож⟨ина⟩:

— Здесь он, здесь.

— Он не станет.

Рогожин ловит Лебедева.[7]

Выйдя от Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩, Рогожин: «Да, да — верю».[8]

(Размышления Коли.)

2-я половина.

Генеральша.

Intérieur[9] Гани. Сцены, сухость Гани. Птицын.

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ в Павловске — в Павловск. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ в бунте: «Я имею право». Успокоил.

Три дня. Царь *иудейский.*

Рогожин, узнавши о Лебедеве. Кутежи с Генералом.

---

[1] *Нашел (греч.).*

[2] *Было: 16*

[3] Известия ∾ заплачет. *вписано на полях рядом с текстом:* Сведения ∾ пришел.

[4] Под конец ∾ в Павловск. *вписано.*

[5] *На полях написано:* В 5 — в городе, у Рогожина. К Лебедеву — на даче.

[6] На даче *вписано.*

[7] «Я имею право». ∾ ловит Лебедева. *вписано на полях.*

[8] *Далее было начато:* Дома Ганя

[9] *Здесь:* квартира *(франц.).*

ПРЕДИСЛОВИЕ, ОЧЕНЬ КРАТКО. (Страница.)
Наружность.

Рогожин: «Зайди к матушке-то *(в лихорадке)*, пусть она тебя благословит».

Старуха благословляет.

— Что ты?
— Да ты кто для меня?
— Невинен ты! [1]

— И неужель я тебя (разлюблю?) — верю! верю!

И потом: «Меня за границу везет — не хочу. Дашь мне покой?»

Аглая и Н ⟨астасья⟩ Ф ⟨илипповна⟩. Сначала Аглая, как вошла, трепетала сама, а потом вдруг на *ты.* ⟨с. 60⟩

17 апреля.

В Павловск уже два раза ездила.

Варя в Павловск. Варя слишком угадала, что Аглая занята Князем.

«РЫЦАРЬ БЕДНЫЙ»

Аглая о нем с Князем. «Может быть, какую-нибудь самоотверженную мученицу, которую можно любить чистою любовью обожания чистой красоты, обожанья идеала. Может быть, даже... Они ведь читали Библию».

— Да и кто ж после того может быть:

> Lumen coeli, Sancta Rosa? [2]
> Полон чистою любовью,
> Н. Ф. Б. своею кровью... [3] —

к кому могут относиться эти слова?..

— Ну уж ты завралась.

— Я люблю рыцаря бедного.

— Вот тебе рыцарь бедный. Он, во-первых, богатый, а во-вторых... [4]

— Разве Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩ любит не чистою любовью? (Объяснение с Князем.)

---

[1] *Эти обведенные рамкой слова вписаны на полях против фразы:* — Да ты кто для меня?

[2] Свет небес, святая Роза *(лат.).*

[3] Полон чистою любовью, Н. Ф. Б. своею кровью... *вписано на полях.*

[4] *Далее было начато:* Разве не

— Нарисуй мне бедного рыцаря, Аделаида.
— Что ж, когда он «с лица стальной решетки...»

Аделаида: «Зачем вы наследство получили, Князь?»

— Прочти мне «Рыцаря бедного», я не знаю.
— Это великая идея доброго, честного, сгоревшего в идеале.
Генер⟨альша⟩: «Ну, дурак какой-нибудь. Прочти, впроч⟨ем⟩, прочти».
— Экая прелесть какая! Кто это написал?
— Это Пушкин, как вам не стыдно.
— А я читала Пушкина,[1] много, давно. Да с вами дурой сделаешься, ничего не знаешь; ослом каким-то сидишь.[2] Есть у тебя Пушкин?
— Есть. Разрозненные томы.
— И какие истрепанные-то, — сказала Аделаида.[3]
— Вечно разрозненные! Послать сейчас купить Федора или Марка-кучера.
И потом: «Это, как я» (рыцарь бедн⟨ый⟩) — и Князя называет: «Ах ты, мой рыцарь бедный».[4] ⟨с. 61⟩
И потом, в конце, со слезами: «Да, он был „полон чистою любовью“, он был „верен сладостной мечте“ — *восстановить и воскресить человека!*»[5]

NB. КОЗНИ ВАРИ. ВАРЯ И ГАНЯ

Она за брата; прочит ему Аглаю, рассчитывая на странный, увлекающийся характер Аглаи. Птицын качает головой; она говорит: «Что ты качаешь? Ты знаешь, за кого она хотела было выйти, — за нищего, за NN, потому что он гонимый. Она о *рыцаре бедном* мечтает».
Про гусара доносит Аглае, чтоб поссорить. Про Аглаю говорит Гане. Ганю сводит с Аглаей.
— А ваш рыцарь-то бедный на женщин смотрит: у него Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩.
Встреча Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ Аглаей молча. Странная выходка Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ (собачка). «Что она, сумасшедшая?» — думает Аглая.
Варя, видя всё это, говорит: «*Надо стравить Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩ с Аглаей — чтоб Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ со зла заставила жениться на себе Князя. Тогда Ганя в рабы, а Аглая со зла наша*».

---

[1] *Далее было:* а не знала
[2] много, давно ∾ ослом каким-то сидишь. *вписано.*
[3] — И какие ∾ Аделаида. *вписано.*
[4] И потом ∾ рыцарь бедный». *вписано на полях.*
[5] *Текст:* И потом ∾ *воскресить человека!» — помещаем здесь на основании знака, поставленного Достоевским.*

Всё это (подчеркнутое)[1] Ганя в восторге объясняет Аглае по *свидании соперниц*. Да и прежде объясняет Князю в восторженной выходке, чтоб показать, как он живет и в каком безвыходном мире и смраде. ⟨с. 62⟩

Вследствие разговора о рыцаре бедном объяснение с Аглаей об Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩.

Насмешка Аглаи:[2] вместо «А. Н. Д.» — «Н. Ф. Б.». «Вас мамаша бедным рыцарем называет».

Князь ей об Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩. Та было тронута. Но слова: «Вы скоро выйдете замуж» и проч. — выводят ее из себя.

Она молчит, но показывает ему письмо Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩.

После письма Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩. *Идет к ней* (сама направляет Князя к дому и вдруг говорит: «Введите меня, я хочу ее видеть»).

Князь подумал, смутился, но ввел; Аглая дрожит, и та дрожит.

Сначала тихо, потом «ты» и презрение. Мщение. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ говорит ей: «Ты сама в него влюблена» — и, как прогнала Аглаю, хохочет и счастлива и — невеста. (NB. А ПРЕЖДЕ ВСЁ КНЯЗЮ О ТОМ, ЧТО ОН ДОЛЖЕН ЖЕНИТЬСЯ НА АГЛАЕ.)

Аглая и Ганя и проч.

Черная женщина ходит. Героиня из романа Греча. ⟨с. 63⟩

«Рогожин — мрачное наказание мое».

И потом в 4-й части, в сцене соперниц: «За что, за что он меня будет наказывать?»

Или она Рогожину: «За что ты меня будешь наказывать, скажи мне, пожалуйста».[3] ⟨с. 64⟩

22-го апреля.

Перемена

Всю 5-ю часть прочь.

Сцена.[4] Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩, правда, разгорячилась, но смирилась, завещала Князя Аглае и ушла к Рогожину.

Когда в 3-й части только что появился Князь, как она к Рогожину.

Но еще оставались мечты. В сцене с Аглаей всё рушилось: пусть Князь счастлив.

Аглая компрометирована. Для Князя *новый роман*, и *роман Рогожина* с Наст⟨асьей⟩ Ф⟨илипповной⟩. Смерть из ревности.

---

[1] (подчеркнутое) *вписано*.

[2] Насмешка Аглаи *вписано*.

[3] *Запись:* «Рогожин ∾ скажи мне, пожалуйста», — *в направлении, обратном обычному расположению текста*.

[4] *Перед:* Сцена — *было начато:* Всю

Князь (перед самым приездом) Аглае 2-е письмо прислал — всё изложил ей. Об этом было у них наедине объяснение.

N3. В сцене Аглая: «Как за этого идиота выйти? Да, за этого идиота, потому что этот идиот 〈...〉»[1] 〈с. 83〉

23 апреля.

(Schakespeare).

Н〈астасья〉 Ф〈илипповна〉 за Рогожиным.

Н〈астасья〉 Ф〈илипповна〉. Вмешивается в то, чтоб Аглаю выдать за Князя.

Аглая обижается. Видит, что Князь ищет успокоить Н〈астасью〉 Ф〈илипповну〉.

Аглая ревнует, и Н〈астасья〉 Ф〈илипповна〉 ревнует.

Свидание.

Аглая подымает ревность Рогожина. Увещания Князя.[2]

Рогожин режет Н〈астасью〉 Ф〈илипповну〉.

Аглая[3] погибает. Князь при ней.

Н〈астасья〉 Ф〈илипповна〉. Замужем, но разошлась, с тем, что женит Князя и сойдется.

Или — обещала выйти, когда Князь женится.

Но так как это довольно трудно, то — она Вельмончека завлекает, пишет письмо к Аглае, к Генералу, к Генеральше.[4]

Сцена злобная между Аг〈лаей〉 и Н〈астасьей〉 Ф〈илипповной〉, «*ты*» — расходятся в злобе. 〈с. 82〉

Рогожин женихом, в доме Рогожина.

На даче с матушкой.

Рогожин про нее рассказывает: «Почтительна, искательна. Матушке угодила, меня ни во что».

«Зарежу, матушка, благослови».

«Ты ее мне отдал. Ты нас свел, а не развел. Ты ее хранил».

N3. (N3. И все-таки его-то прибытия Рогожин и боялся.)

Брак Н〈астасьи〉 Ф〈илипповны〉 с Рогожиным готов, слово дано, свадьба назначена.

N3. Прежде она было бежала, сейчас после оргии. Рогожин в Москве разыскал, на брак уломал, через 2 месяца бежала из-под

---

[1] *Фраза не закончена.*

[2] *Текст:* Свидание. ∾ Увещания Князя. — *объединен фигурной скобкой, против которой написано:* Аглая замужем за Князем.

[3] *Далее было начато:* разрывает

[4] *На полях против текста:* Но так как ∾ к Генеральше. — *запись:* Н〈астасья〉 Ф〈илипповна〉 сказала Князю: «Я вам докажу, что она вас любит»,

венца; Кпязь в губернии, Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ испугалась, что влюбится в Князя, Рогожин опять уломал, в Петербург, слухи о прибытии Князя волнуют Рог⟨ожина⟩, и Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ остановила свадьбу. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ объявляет, что, пока не выдаст Аглаю за Князя, сама не выйдет за Рог⟨ожи⟩на. (Живет неровно: то с матерью, то бойко.) Дело в том, что, приехав в Петербург и узнав, что у Аглаи жених, вдруг взволновалась, и засела идея *устроить счастие Князя с Аглаей.*

Лебедев объявляет Князю, что он тайный враг Рогожину. Князь совершенно подозревает, что Лебедев в услугах у Рог⟨ожи⟩на, а поставлен в виде врага Р⟨огожи⟩ну и преданного слуги Князю шпионить за Князем.

Аглая ему про Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩ рассказывает. Обиды разные.

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ ему про Аглаю. Признаки. «Вас любит».

Скандальная сцена на музыке. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ переманила Вельмончека. К Аглае пошел Князь. Рогожин, над которым Вельмончек позволил шутку, вышел из себя и сделал сцену. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ прогоняет Р⟨огожи⟩на (потом после сцены двух опять зовет), Аглая на В⟨ельмон⟩чека обиделась.

В⟨ельмон⟩чек имеет влияние на Кпязя. Тот его слушает.

Аглая вначале хоть и показывала Князю, что любит В⟨ельмон⟩чека, но потом тот ей опротивел.

Аглая перед Князем делает вид, что любит Вель⟨мончека⟩. Бесится тому, что Князь рад и ее поздравляет. В *сцене* обозначается, что Аглая любит Князя. ⟨с. 81⟩

24 апреля.

ПОСЛЕ *НОЖА* Рог⟨ожин⟩ говорит Князю: «Знаешь, что жизнь моя теперь твоя; бери».

Но Князь говорит: «Дай ты ей жизнь за это? Вспомни...» ⟨с. 64⟩

28 ⟨апреля⟩.

После попытки Рог⟨ожина⟩ на убийство Князь и беспокоится, что Рог⟨ожин⟩[1] женится.

Советуется с Аглаей.

— Я женюсь на ней.

— Он вас убьет.

— Нет, он приходил ко мне: «Бери!»

— Она не в своем уме. Скажите ей слово.

— Да она и без того дерзка.

---

[1] *Было:* он

— Это потому, что считает себя ниже рабы перед вами, а вы ее возвысьте до себя.

Теория практического христианства.

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ во 2-й части встречает Князя доказательствами, что Аглая в него влюблена. Рогож⟨ин⟩ заводит в 1-й раз Князя к Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩ в Павловске. (№. «Она здесь, у Дарьи Алексее⟨вны⟩».)

Сцена устроивается вдруг, нечаянно, а до этой сцены Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ была у Рог⟨ожина⟩: «Будешь меня покоить?»[1] ⟨с. 80⟩ — и потом из-под венца от Князя бежала.

21 мая.

№. N. Ф.,[2] узнав про Князя, что он у Лебедева и болен, делает страшную *таинственность,* не является, назначает ему (Князю)[3] свидание (через Ганю), Князь является нарочно открыто,[4] рассказывает про Рогожина, про всех (прелестно и грациозно) и что Аглая влюблена, устроивает его свадьбу (оригинальнее сцену). ⟨с. 79⟩

24 мая.

№$_1$) Полная история реабилитации Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩,[5] которая невеста Князя. (Князь объявляет, когда женится на Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩, что лучше одну воскресить, чем подвиги Александра Македонского.)[6]

№$_2$) Школа у Князя образуется сама собою из приходящих. Начать ею в Павловске.

№$_3$) Коля передал много Князю о чувствах Аглаи и проч.

Вечер у Князя. Лебедев. Генерал. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩, Ганя, Коля, Ипполит и проч. ⟨с. 78⟩

24 мая.

После бегства Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ начинаются разные истории (*иные возбужденные Аглаей.* Соломонова суда и проч.).

Смерть Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩. ⟨с. 77⟩

---

[1] Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ во 2-й части ∾ покоить?» *вписано на полях.*
[2] *Так в рукописи, вместо обычного:* Н. Ф.
[3] (Князю) *написано над:* ему
[4] Князь является нарочно открыто *вписано.*
[5] *Было:* Князя
[6] (Князь объявляет ∾ Македонского.) *вписано.*

6-я глава. Генерал о старинных сходках с Князем. Генеральша связалась с ним и с Лебедевым. ⟨с. 76⟩

— Горского видел.
— Они [1] нас умнее.
— Видел одного священника.
Толковал Апокалипсис. Купил поле.
Сын Павлищева.
Князь выпустил убийцу. (Он убил всё семейство Жем⟨ариных⟩.)
— Много нового; я ничего не мог разобрать.
— Голодный год.
— Что ж делать?
О состоянии. [2]
Сравнение заграницы с Р⟨оссие⟩й. Человек, развитие.
Телеги.
Глупенький мальчик, убить хотел (потом расплакался).
Ночью. «Ведь я всё вижу».
«Я его выпустил, а он зажег всё село (крестьяне взяли с меня). Ох нет, он не раскается».
Обращение священника.
Смерть Белакова.

Рыцарь бедный.
Поцеловал Аделаиду.
«Мое мнение — стоять за свое сословие» — Ф⟨лигель⟩-ад⟨ъютант⟩.
Генеральша читает его письмо. «Какой такой „Бедный рыцарь“? То-то она читает всё „Бедного рыцаря”». Аглая, не стыдясь, стала и прочла «Бедного рыцаря».

Аглая: «Любопытно, что вы приехали делать? Когда бог знает какие люди колеблются, то вы...»
«Да; что делать?» — сказал Иончек (Вельмончек).
— Русское дворянство — в особняк, по-западному — ошибка; я видел Князя, с Алексеем сидел. Он был дворянин, а Алексей лакей. Нет, мы с вами этого не сумеем.
Нарочно смеется и превышает Князя. [3]

ЦЕПЬ, говорит о *ЦЕПИ*.

---

[1] *Было:* Купцы
[2] *На полях против текста:* — Голодный год. ∾ О состоянии. — *запись:*
— Женаты?
— Нет.
— Бывает.
[3] Нарочно ∾ Князя. *вписано на полях.*

В Павловске на даче глава Генерала и Лебедева в распивочной.

Война турок и ребенок, Крит.

«Ведь у него 12 спящих дев». ⟨с. 132⟩[1]

ВО 2-Й ЧАСТИ

Князь про картину Гольбейна, про Лебедева и Дюбарри (Аглае).

О ВЕРЕ. Искушение Христа.
Сострадание — всё христианство.
Цепь.
Высочайшее лакейство (St. Louis, Дюбарри).
Звучать звеном. Сделать немного.[2]
Смирение есть самая страшная сила, какая только может на свете быть! ⟨с. 131⟩

10 июня.

В⟨ельмон⟩чек. Вечная и постоянная тонкая насмешка свысока, очаровательный характер.

Отношения Аглаи и В⟨ельмон⟩чека. Она ему не отказывает прямо, так что тот всё надеется.

Даже немножко влюблена.

На Князя насмешки.

Отказывает, но ходить позволяет.

В⟨ельмон⟩чек видит, что Князь не понимает, что Аглая его любит (а Князь понимает). В⟨ельмон⟩чек объясняет это Князю.

Входит в сношения с Ганей (презрение к нему). Видит, что Ганя — трагический характер. Еще более объясняет ему их взаимное ничтожество, чем выводит Ганю из себя. Советует ему спросить 100 000. Ганя топорщится, но кончает этим.[3]

Дон-Жуан. (Жениться на дочери Лебедева — из странности, получив отказ от Аглаи, для фанфаронства.)

? №3. Жениться на Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩.

Рогожин приходит покупать его. Прогоняет и разуверяет Р⟨огожи⟩на.

Вельмончек Аглаю хотел надуть, но рассердился на жидов и объяснился с Аглаей. (Смерть Дяди, и *жиды прижали.* С Дядей уговор не травиться до женитьбы. Тайный расчет.)[4]

---

[1] *С. 132 помещаем ранее с. 131 на основании нумерации Достоевского (с. 132 — «1»; с. 131 — «2»).*

[2] *Текст:* Звучать звеном. Сделать немного. — *объединен фигурной скобкой.*

[3] Видит ∾ кончает этим. *вписано.*

[4] Тайный расчет. *вписано.*

Объявляет Аглае, знает, что она любит Князя,[1] холодность Аглаи (не разобрал, любовь).

Объясняется с Князем скептически-откровенно.

(Дочь Лебедева.)

Скандал с Наст⟨асьей⟩ Филипповн⟨ой⟩, Рогожин приходит покупать — «вы даете идею».

Хочет жениться на Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩. «Колпак».

Дочь Лебедева. Вся история. Женитьба.

«Я, я на дочери Лебедева».

400 000 дает — «Не стреляйтесь».[2]

«Бесполезность моя, а дочь Лебедева?»[3]

Бесполезность, связи аристократические лопнули.

Падает всё ниже и ниже, тщеславие, *bulle de savon*[4] лопнул. Но — искренность или самолюбие.[5] ⟨с. 125⟩

— Они — не пустые, они — не национальные, плохо к почве привязаны, оттого так легко и отлетают, этот еще лучший.

— Да ведь вы же русский?

— Да, но мало люблю в России. ⟨с. 126⟩

В⟨ЕЛЬМОНЧ⟩ЕК

— Умножение чиновников составляет все наши реформы.

— Аристократ есть тот, который не имеет понятия об труде для своего существования.

— *Un million des faits.*[6]

— Я глуп.

Дураков.

Лебедев — factotum[7] В⟨ельмон⟩чека.

Родной дядя Вельмончек⟨а⟩ — *Политк⟨овский⟩*.

Лебедев ему изменяет. Дочь Лебедева.

Он всё рассказывает Аглае.

«Застрелюсь».

Судит Князя Аглае.

«Мои дела не могут быть поправлены».

В⟨ельмон⟩чек Князю: «Сегодня мой дядя застрелится».

Князь В⟨ельмон⟩чеку: «400 000 вас поправят, возьмите».

Застреливается — от тщеславия — и, умирая, отмщает Князю и Аглае — за то, что дала ему застрелиться. ⟨с. 135⟩

Сначала *экзаменует* Князя (Лебедев знает).

---

[1] знает, что она любит Князя *вписано.*

[2] *Текст:* «Я, я на дочери Лебедева». ꝏ «Не стреляйтесь». — *объединен фигурной скобкой.*

[3] *Реплика:* «Бесполезность моя, а дочь Лебедева?» — *объединена фигурной скобкой, против которой написано:* Застрелился.

[4] мыльный пузырь *(франц.).*

[5] Падает ꝏ самолюбие. — *вписано на полях.*

[6] — Миллион фактов. *(франц.)*

[7] доверенное лицо *(лат.).*

Потом манера преувеличивать достоинства Князя. (Аглая это раскусила. «Застрелитесь».)

Отравление Дяди поколебало его положение в свете. Он давно уже в руках кредиторов. Он для этого[1] выходит в отставку.

Низость положения[2] и зависть. Он не может перенести мысли, что он для удовлетворения кредиторов должен жениться.

«Застрелюсь».

Рассчитывает, что Аглая не даст застрелиться или почувствует благородство. Но дала застрелиться и не почувствовала (он всё это Князю рассказывает с хохотом).

(Лебедева дочь мимоходом.)

400 000.

(NB. Когда объясняет Аглае, говорит: «Объявить вашим родителям — значит к вам не ездить».)

После предложения 400 000 — застреливается.

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ старается обольстить его.

Особое

Два вопроса:

? Что делать с Ганей?

? Аглая постоянно смеется над Князем.

Уважает и *тянет* Евгения Пав⟨лови⟩ча.[3] ⟨с. 136⟩

Аглая доводит В⟨ельмон⟩чека (1-я часть) до положения невыносимого. Он не знает: его она или нет? И решается признаться ей. Гора с плеч!

Но *до признания:* экзаменует Князя. Смеется над Князем, увеличивая его достоинства, пробует сделать скандал с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩.

После признания говорит Князю: «Не знаю, способен ли я упасть до крайней подлости».

? NB. (Вызывает Князя на дуэль.)

Он принимает 400 000, и это-то его бесит наиболее, от этого и застреливается.

Рогожина натравливает на Князя.

Сбивает с толку Ганю.

11 июня.

Князь искренно удивляется В⟨ельмон⟩чеку и хвалит его Аглае. Не хочет до самого конца понять, что Аглая его (Князя)[4] любит, и понимает только в сцене с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩.

---

[1] для этого *вписано.*

[2] положения *вписано.*

[3] *Текст:* Два вопроса ∾ Евгения Пав⟨лови⟩ча. — *обведен рамкой и отмечен особым знаком. Далее помещаем отмеченную таким же знаком часть записей со с. 126, а затем остальной текст с. 136.*

[4] (Князя) *вписано.*

??? Аглая[1] *со злобы выходит за Ганю* — и прогоняет его. Ганя страстно *влюблен в Аглаю*, до последних риз, убить кого хотите вызывается — вот его роль!

?N3. (Может быть): В⟨ельмон⟩чек из фанфаронства, когда он Аглае признался в своем положении, объявил, что никогда не любил ее. Между тем, признавшись, из досады влюбляется. Признается Князю. Аглая понимает[2] это.

Сожжение пальца.

«Ну, сожгите». Ненавидит Аглаю после этого.

Аглая хочет женить Князя на Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩ (обратно, противуположно). ⟨с. 126⟩

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ пишет к Аглае о том, что у В⟨ельмон⟩чека нет ничего, — Аглая сердится на Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩, показывает Князю. «Странная любовь!» Аглая сердится на Князя. Свидание с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩.

А В⟨ельмон⟩чек с Рого⟨жи⟩ным.

После отравы Дяди: шум в доме о состоянии Ев⟨гения⟩ П⟨авлови⟩ча.

Аглая вдруг объявляет, что Ев⟨гений⟩ Павлович ей давно открыл свое состояние и что он ее любит.[3]

N3. У Лебедева ночью ловят Вельмончека. В эту же ночь *другой* шум: пропадает 1700 р.

Вельмончека подозревают, а украл Генерал.

В⟨ельмон⟩чек — не может застрелиться раньше разыскания вора.

N3. Разговор Ген⟨ерала⟩ с *Лебед⟨евым⟩*, после которого у Генерала мысль украсть.

В⟨ельмон⟩чек берет на себя, что он украл, чтоб не обесчестить дочь Лебедева. (С этим застреливается.)

СЦЕНЫ. У Князя *все*.

В⟨ельмон⟩чек и Князь.

В⟨ельмон⟩чек, Князь, Ганя, Птицын.

Генерал и Лебедев.

Князь и Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩. (Князь идет объясняться по поводу требований Аглаи о В⟨ельмон⟩чеке.)

ИТОГ:

В⟨ельмон⟩чек — блестящий характер, легкомысленный, скептический, *настоящий аристократ*, без *идеала* (нет того, что мы любим, и в этом разница с Князем). Странная смесь хитрости, тонкости, рефлекса, насмешки, тщеславия; убивает себя из тще-

---

[1] *Было:* *Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩*

[2] *Незачеркнутый вариант:* чувствует

[3] Аглая ∾ он ее любит. *вписано.*

славия. Признался[1] ⟨с. 136⟩ Князю, что он сначала его комизировал и захваливал, чтоб убить в мнении Аглаи, что любил не Аглаю, а мнение о себе Аглаи; любви,[2] денег ее не хотел. Лебедеву дочку[3] жалко было. Аглая об нем пожалела. Признался, *что* на Князя ужасно сердился[4] за то, что он взял верх в мнении Аглаи. *Пробовал сходиться с Ганей.*

«Остается быть вивером, но для этого я слишком развит и не могу сделаться гоголевским помещиком».[5]

Фантазия жениться на дочери Лебедева.

Женится, вечер после брака — застреливается.

Застрелился после брака, женился,[6] чтоб потешить дочь Лебедева, по увещанию Князя (из особого рода щегольства), чтоб не идти в долговое отделение. Князь дает 400 000 — так из гордости ⟨застреливается⟩.

Генерал несет 1200 р. к Капитанше. Ипполит разглашает — *все* знают. Но решено не говорить Генералу.[7]

Вельмончек постоянно смеется над Князем и потешается им. Скептик и неверующий. Ему всё в Князе *искренно* смешно, до самого последнего мгновения.

«Коли посадят, за 200 000 выкупить можно».

Сама Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ не желает видеть Князя, боится Рог⟨ожи⟩на, об чем сооообщает Князю Лебедев, уверяя, что он тайный враг Р⟨огожи⟩ну.

Сын Павлищева.

Варя доносит о В⟨ельмон⟩чеке и сводит с Ганей. ⟨с. 135⟩[8]

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ действительно хочет выйти за Князя (целая часть в этом после ее сцены с Аглаей).

Аглая падает, по-видимому.

Страх Князя (уходит от света).

Анекдотнее (прелесть Князя).

Князь: «Она (т. е. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩) дала мне знать, что лучше нам не встречаться».

---

[1] *ИТОГ* ∾ Признался — *запись на полях.*

[2] *В рукописи ошибочно:* люблю

[3] *Т. е. дочь Лебедева.*

[4] *Было:* сердится

[5] *Рядом с текстом:* «Остается ∾ помещиком». — *помета:* (Часть Lacenaiровского тщеславия).

[6] женился *вписано.*

[7] *Текст:* Генерал несет ∾ не говорить Генералу. — *обведен рамкой.*

[8] Князю, что он сначала его комизировал ∾ с Ганей. — *записи в направлении, обратном обычному расположению текста.*

Огромный скандал с В⟨ельмон⟩чеком через Н⟨астасью⟩ Ф⟨илиппов⟩ну.

Князь думает, что Аглая над ним смеется (рыцарь бедный и проч.), и переносит, даже не замечая.

Никто в доме серьезно не принимает страсти Аглаи к Князю. (Она вдруг прогоняет В⟨ельмон⟩чека.)

NB. (Свидание и объяснения Князя с Аглаей о Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩ (вид шутки).)

Свидание Аглаи и Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩.

После объяснения Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ и Аглаи Князь всё еще не догадывается о полной любви Аглаи, хотя мать и говорит.

Наступает время сношений других с Аглаей, разубеждение и réhabilitation[1] Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ (деятельность). Бегство Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ — с Рогожиным. Эксцентричность Аглаи. ⟨с. 134⟩

Сумасшествие Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩.

Не забыть, что Князь еще в 1-й день беспокоится об Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩.

Встреча всей компанией Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ во время проводин Князя. (Случай? Ганя? Коля?)

Смирение Князя. Князь положительно считает себя в результате хуже всех. Что удивляет Аглаю, которая прежде беспрерывно обвиняла Князя (и из себя выходила), что он гордец и бог знает что об себе думает. ⟨с. 127⟩

Смерть Ипполита.

Ип⟨полит⟩ Князю: «Я хотел вас всех перерезать, я даже этого не смог сделать. Бессилие! бессилие целого племени!»

«Еще одна такая же минута, и я воскресну».

NB. Аглая бежала к Гане, наделала скандалу, объявила, что ее мучили и заставляли силой выходить за Князя. Помолвили с Ганей. Ев⟨гений⟩ П⟨авлови⟩ч пригодился (но не князь Щ⟨ербатов⟩) и спас. Тут его роль. Он объясняет Князю Аглаю — стыдливостию.

— Вы во всем виноваты.

— Да, я во всем виноват!

NB, NB. Ев⟨гений⟩ П⟨авлови⟩ч спрашивает Князя: «Да как это с вами случилось с самого начала?» (т. е. с 1-й части).

---

[1] реабилитация, восстановление *(франц.)*.

«Она поразила меня очень. Я никогда не видал женщины, я... я очень был поражен. Я себя не помнил, и, помню, мне стало жалко ее».

N3) Он ей в храме: «Я был поражен. Я не знал, что со мной было. Я тогда говорил, я помню, что я тогда что-то говорил...»

N3 главное

После сцены двух соперниц:

Мы признаемся, что будем описывать странные приключенья. Так как трудно их объяснить, то ограничимся фактом.

Мы соглашаемся, что с Идиотом ничего и не могло произойти другого.

Доскажем же конец истории лица, который, может быть, и не стоил бы такого внимания читателей, — соглашаемся с этим.

Действительность выше всего. Правда, может быть, у нас другой взгляд на действительность 1000 душ,[1] пророчества — фантасти⟨ческая⟩ действит⟨ельность⟩. Может быть, в Идиоте человек-то более действит⟨елен⟩.

Впрочем, согласны, что нам могут сказать: «Всё это так, вы правы, но вы не умели выставить дела, оправдать факты, вы художник плохой». Ну тут уж, конечно, нечего делать.[2] ⟨с. 128⟩

Князь пошел к Рогожину; возвратясь, застает Ев⟨гения⟩ П⟨авлови⟩ча у себя.

Сын П⟨авлище⟩ва, Фердыщенко — разговор Генерала и Лебедева.

Кража.

Затем с Аглаей.

Свидание с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩.

Жених и невеста с Аглаей — вдруг Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ торжествует.

Ганя.

Сцена свидания у Гани. В⟨ельмон⟩чек сводит, а та бежит.

28 июля.

3-я часть прямо начинается с объяснения *необходимейшего* (!). Что Князь все выходки Аглаи принимал за насмешку.

О влюбленности Князя.

Загадочность положен⟨ия⟩.

Интриги Ипполита.

Скандал в воксале с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩ (выдающий се ревность к Аглае). Рогожин.

---

[1] *Может быть:* 1000 дум

[2] Правда ∾ нечего делать. *вписано.*

Скандал в воксале потому, что Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ узнала, что Аглая с Ганей.

В скандале замешана Аглая, гром у Епанчиных.[1]

Аглая и Ганя.

Письма Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ к Аглае.

Сцены грозные Аглаи с семейством.

Свидание соперниц.

Бегство к Гане.

NB. Вдруг разрушена любовь Князя к Аглае, и он муж Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩.[2] ⟨с. 3⟩

8 сентября.

Вечер, все на ногах. «Я кончил». Недоумение. Говорит Ев⟨гений⟩ Павлович (который здесь).

Странно,[3] как ни пьян был Князь (нравственно), но *двойная мысль* вполне была в его голове: *Ев⟨гений⟩ Павлович,* сделавший этот ночной визит, при своем положении, конечно, имеет свои причины. (NB. Ев⟨гений⟩ П⟨авлови⟩ч шепотом объяснил, что он едет чем свет.)

Все нравственно пьяны.

«Умирать или не умирать?» (вопрос Ипполита).

Апокалипсис и звезда Полынь.

Ипполит отвлеченен: «Жить иль не жить?» Италия (непременно Италия). Роза — любовь. «*Пустословие-с*». «Или жить ростовщиком». Птицын смеется. «Я бы на вашем месте, Ганечка ⟨...⟩»[4]

— Согласны вы, Князь?

— Нет, не согласен.

Всякая травка, всякий шаг, Христос. Вдохновенная речь Князя (Дон-Кихот и желудь). «За здоровье солнца».

Все разбрелись. Князь и Ев⟨гений⟩ П⟨авлови⟩ч.

Князь пошел на скамью, заснул.

Она будит его.[5]

Письма. Ипполит болен. Вечер *у ней*. ⟨с. 66⟩

15 сентября.

ИППОЛИТ — главная ось всего романа.

Он овладевает даже Князем, но, в сущности, замечает, что никогда не может овладеть им.

---

[1] Скандал в воксале ∾ гром у Епанчиных. *вписано на полях рядом с объединенным фигурной скобкой текстом:* Скандал ∾ Рогожин.

[2] NB. ∾ Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩. *вписано на полях.*

[3] *Перед:* Странно — *было начато:* Евг⟨ений⟩ Пав⟨лович⟩

[4] *Фраза не закончена.*

[5] *Далее было:* Вечером

Сношения Ипполита с Аглаей; он принят сначала с презрением (сцена). Но он ловко доказывает ей, что Князь любит Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩ (но как бы и не подозревая, что Аглая любит Князя, а, напротив, точно веруя, что она любит Ганю).

Таким образом, Аглае он стал *необходим*, нужен и овладел ею. Разжег в ней ревность до *nec plus ultra*. [1]

Овладел Рогожиным. (Овладел Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩.№3?)

Овладел Ганей, разжигает его.

Князя разжигает, что надо исполнить слово, данное Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩. *Что* она сумасшедшая. И овладевает Князем — сарказмами, тем, что обе его любят. [2] И потом *после скандала* и бегства Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ из-под венца хочет убить Князя мыслию, что он не имел права играть сердцами обеих.

Исповедь, [3] осуждение его Князем. ⟨с. 67⟩

Убийство, смерть.

Мелочи Ипполита: враг Коли (клевещет Князю), деспот маленького брата и матери, 100 руб., Ганя, маленький брат (оскорбленное дитя).

Князь в связи с ребенком, дети. [4] Между тем — продолжение с Аглаей, с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩.

ГЛАВНОЕ. №3. КНЯЗЬ НИ РАЗУ НЕ ПОДДАЛСЯ ИППОЛИТУ И ПРОНИКНОВЕНИЕМ В НЕГО (ОБ ЧЕМ ПРО СЕБЯ ЗНАЕТ ИППОЛИТ И ЗЛИТСЯ ДО ОТЧАЯНИЯ)[5] И КРОТОСТИЮ С НИМ ДОВОДИТ ЕГО ДО ОТЧАЯНИЯ. Князь побеждает его доверчивостию. [6]

СЦЕНА УБИЙСТВА. *СУД*. ИППОЛИТ В ОТЧАЯНИИ УМИРАЕТ.

Измучил Генерала, Ганю, Колю, Аглаю, Рогожина, мальчика. ⟨с. 68⟩

Аглая с *Князем* и *дома*. [7]

Ипполит нацыкивает Лиз⟨авету⟩ Прок⟨офьев⟩ну и сестер, что Аглая любит Князя. Капитальная сцена в доме.

Объяснение с Князем Лиз⟨аветы⟩ П⟨рокофьев⟩ны и всего семейства.

Аглая и Ганя. Аглая объявляет со зла, что интересуется Ганей. Пишет письмо к Нине Александр⟨овне⟩, просит гостеприимства.

Сцена двух соперниц, подготовленная Ипполитом.

Публичное бегство в дом Нины Александровны.

---

[1] крайности *(лат.)*.

[2] И овладевает ∾ любят. *вписано*.

[3] *Было начато:* Рас⟨сказ⟩

[4] *Далее после запятой было начато:* с Аглаей

[5] И ЗЛИТСЯ ДО ОТЧАЯНИЯ *вписано*.

[6] Князь побеждает его доверчивостию. *вписано против объединенного фигурной скобкой текста:* Измучил ∾ мальчика. — *и чертой присоединено к тексту: ГЛАВНОЕ*. №3. ∾ ДО ОТЧАЯНИЯ,

[7] *Далее было:* Сцена двух соперниц.

Ипполит овладевает (Князем) тем, что доказывает тому, что Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ не сумасшедшая.[1] ⟨с. 69⟩

Князь женат.
Ипполит измучил Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩.
Несколько дней брачного состояния Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩. Глупости.
Бегство из-под венца.

Вечер у Князя с детьми.

Ипполит хочет зарезать.
Суд над Ипполитом.
4-я ⟨глава⟩ — конец.

5-я и 6-я ⟨главы⟩: Князь и дети. Аглая у него. Любовь тайная.[2] Объяснение с Аглаей. Рогожин — подозрения, убийство. Аглая всё у Гани.[3] *Князь судит* Аглаю.[4] Та гордо не хочет оправдываться. Идиотизм. Тут-то Аглая и кончает с Ганей. *Поехала одна.* ⟨с. 70⟩

АГЛАЯ И КНЯЗЬ

В 1-м свидании Аглая убеждает Князя, что Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ влюблена в него. Письма как доказательство.

Вечером Князь у Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ и убеждается в противном. Мирит Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩ с Рогожиным.

Аглая разубеждает его.

Он в волнении. К Ипполиту. Ипполит советник. (Мелочи и дрязги Ипполита в доме. Сплетник.)[5] Случайно история с мальчиком.

Ипполит под конец замечает, что он *не советник* и что Князь его раскусил. Тут его сношения с Аглаей и с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩.

Евг⟨ений⟩ П⟨авлови⟩ч *скептик.*

Скандал у Епанчиных.

Отказ Князю Аглаи, которой он уже делает предложение. Смешно.

Сцена двух соперниц.

---

[1] Ипполит ∾ не сумасшедшая. — *заметка на полях.*
[2] *Далее было:* (Гордо и надменно кончила с Ганей.)
[3] всё у Гани *вписано.*
[4] *Далее было:* Аглая доказывает, что была друг Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩.
[5] Сплетник. *вписано.*

Аглая (со стыда, что обнаружила любовь к Князю) скрывается к Гане.

Свадьба с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩, вечер.

Убийство Ипполитом.

Суд Князя.

Смерть Ипполита.

Об Ипполите сжато и сильно. Сосредоточить на нем всю интригу.[1] ⟨с. 71⟩

В 5-Й И 6-Й ЧАСТИ

Аглая уже помирилась с семейством даже. Торжественно невеста Князя — и вдруг смерть Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩.

Князь не прощает Аглае.

С детьми.

В Князе — *идиотизм!*

В Аглае — *стыдливость*.

Ипполит — *тщеславие слабого характера*.

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ — беспорядок и красота (жертва судьбы).

Рогожин — ревность.

Ганя: слабость, добрые наклонн⟨ости⟩, ум, стыд, стал эмигрантом.

Ев⟨гений⟩ П⟨авлови⟩ч — последний тип русского помещика-джентльмена.

Лизавет⟨а⟩ Прокоф⟨ьевна⟩ — дикая честность.

Коля — новое поколение.

Оказывается, что Капитанша преследовала Генерала по наущению Ипполита. Ходит по его дудке. *Все по его дудке*. Власть его над всеми.[2] ⟨с. 72⟩

Под конец Князь: *торжественно-спокойное его состояние!* Простил людям.

Пророчества. Разъяснения каждому себя самого. Времени. Прощение Аглаи.

Аглая с матерью — живет и путешествует. ⟨с. 73⟩

КНЯЗЬ И АГЛАЯ

«Одни блудники и прелюбодеи никогда не войдут в царствие небесное».

О детях, о Колумбе.

---

[1] Об Ипполите ∾ интригу. — *заметка вдоль полей.*

[2] Оказывается ∾ над всеми. — *запись вдоль полей.*

Князь про Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩: «Я не люблю ее». Аглая: «Послушайте, будем мы ссориться?»

«Так как вас любить нельзя, потому что вы очень нехороши собой, то я сделаю из вас моего друга».

Молодое поколение.

— Это я нарочно, чтоб вас испытать. Я ничего не знаю. Что мы будем делать?

— Займемся воспитанием.

В 4-й части беспрерывно: «Сходите к ней».

Аглая обвиняет Князя и семью,[1] что его, как идиота, заманили из-за денег и что она не хочет выходить из милости.

Лиз⟨авета⟩ Пр⟨окофьевна⟩: «Она вас любит. Приходите, лучше, чем тихонько. Она на землю кидалась, так стыдлива».

«Я вас бить буду».

«Говорите об чем-нибудь другом».

О Ренане — о Христе.

Князь[2] сходил к Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩ и пришел сказать Аглае, что он никогда не пойдет к ней. И что он убежден, что сделал бы несчастье Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩, если б женился.[3]

(NB. В первой главе с Аглаей Князь *не* говорит, что Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ будет несчастна *за ним*, но только то, что он не любит.)

Сарказмы Аглаи.

Лиз⟨авета⟩ П⟨рокофьевна⟩ говорит, что она любит. «Приходи, об чем-нибудь о другом».

Об Ренане.

«Вы редко лжете?[4] Знаете, для чего я про эту руку солгала?[5] — вдруг обратилась она к нему с самой детской доверчивостью и еще со смехом, дрожавшим на ее губах,[6] — потому что, когда лжешь, то, если ловко вставить что-нибудь не совсем обычайное, что-нибудь эксцентрическое, что-нибудь слишком случайно бывающее или совсем даже[7] не бывающее, то тогда ложь становится гораздо вероятнее. У меня только дурно вышло, потому что я не сумела...» — Вдруг она нахмурилась, точно опять вспомнила.[8] ⟨с. 5⟩

---

[1] и семью *вписано.*

[2] *Было:* Он

[3] И что он ∾ если б женился. *вписано.*

[4] «Вы редко лжете? *вписано на полях.*

[5] *Было:* Знаете, для чего я вам тогда сказала, что сжег свою руку?

[6] с самой детской доверчивостью ∾ на ее губах *вписано на полях.*

[7] совсем даже *вписано.*

[8] Вдруг ∾ вспомнила. *вписано на полях.*

Рогожин тайком в Петербурге. Боится показаться Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩, потому что та умрет при одном его напом⟨инании⟩,[1] разыскал ее. Зовет Князя.

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ втайне лечится у Князя. У Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ одно желание, чтоб он женился на Аглае.

Хлопоты с Аглаей.

ИДЕЯ[2]

4 октября (ноября).[3]

3-я часть (продолжение). Ипполит. Свидание с Аглаей. Письма. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩. Рог⟨ожин⟩ и Князь.

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ Рогожину: «Можешь ты это забыть?»

NB. Князь прельщается в Аглае еще более[4] тем, что она настаивает на великодушн⟨ой⟩ идее, чтоб он женился на Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩. Это последний coup de grâce[5] ему. Он так высказывает это Аглае, что та зовет его домой и говорит: «Я люблю Князя». Объяснились. Жених и невеста. Князь смущен. (NB. Аглая делает это отчасти из ревности, ибо Князь не скрывает ей, что Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ оставила в нем впечатление чрезвычайной жалости. Князь приходит домой после сватания с Аглаей и вынимает портрет Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩. *Потом выходит из дому.*)

Затем 4-я часть, в которой:

Аглая требует от него любви к Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩ и укоряет его. Смеется над ним. Ганя. Ипполит у нее в милости (рассказом).

Свадьба Рогожина. Свадьба Князя назначена.

Аглая Ипполитом, и Ганей, и Князем доведена до исступления.

Сцена 2-х соперниц, и к Гане.

Главное. Аглая, *дав слово* Князю, боится, что смеются над ней и над Князем, иногда искренно делает шутку и сама смеется над Князем, rompt avec lui.[6] Стыд⟨ится⟩[7] Князя, говорит ему: «А что если и в церковь не явлюсь?»[8]

NB. И это 1-я половина 4-й части.

Рассказом про эти 3 недели, варьируя сценами.

Тут и Евг⟨ений⟩ Павлович. NB. Итак, в 3 недели. ⟨с. 2⟩

---

[1] потому что ∽ напом⟨инании⟩ *вписано.*
[2] *Это слово повторено в рукописи дважды.*
[3] (ноября) *приписано позднее.*
[4] еще более *вписано.*
[5] последний удар *(франц.).*
[6] порывает с ним *(франц.).*
[7] *Последние буквы стерлись.*
[8] *Главное.* ∽ не явлюсь?» — *запись вдоль полей. Над этим абзацем написано:* Невеста.

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ — невеста Князя.
Эксцентричность. Сцена в храме одна.
К Р⟨огожи⟩ну в отчаянии (он зарезал). Позвал Князя.
Рог⟨ожин⟩ и Князь у трупа. Final. *Недурно.*
Князь и Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩.[1] (Двое сумасшедших. В Павловске сбегаются смотреть.)

NB₁. *Философия Князя:* «Я идиот — я не знаю. Я не прав, что не простил Аглае, я действовал сердцем».[2]
Ему говорят: «Вы причина всего».
Он: «Да, я причина всего».
NB₂. Куда делись Бурдовские? Лебедевы 1-й и 2-й (участвовали в интриге?)
NB₃) Ганя банкиром.

NB. Главное

Аглая сумела сделать, что брак ее с Князем вроде шутки. *Грозит* ему Ганей, любит Ганю. В недоумение всё семейство этой шуткой. Лиз⟨авета⟩ Пр⟨окофьев⟩на: «Серьезно ты или нет?» День свадьбы, обе сестры вместе. Баталия с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩, вдруг бежит к Гане.
Аглая[3] *с Князем.* ⟨с. 1⟩

6 октября.

Вопрос Лебедева: «Есть ли бог?» и «на всякий случай». *Рогожин* идет к Ипполиту *за богом.* ⟨с. 13⟩

15 октября.[4]

NB₁. Аглая *нарочно* делает сцену с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩, чтоб выдать Князя из смеха и из мщения за Князя. Дома всем[5] ставит в вину, что ей насильно навязали Князя. Требует выйти за Ганю.

15 октября.

NB₂. *Сцена во храме* выставляет всего Князя. Ганя жених. Аглая дала пощечину. Бежала к Князю. ⟨с. 1⟩

---

[1] *Было:* и она
[2] *Далее было:* Вы
[3] *Было:* Она
[4] *Было:* ноября
[5] *В рукописи ошибочно:* всех

15 октября.

№3$_3$. Необходима сцена после бегства Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ из-под венца. Сцена с детьми. Где он им всё объясняет как большим.

Лебедев. Вера. Пир.

15 октября.

№3$_4$. На всё время. ⟨с. 2⟩[1]

ПОСЛЕ ВЕНЦА

Князь возвращается один домой. Множество людей приходит, *даже и незнакомых* (Келлер в негодовании). Князь берет за руки и приглашает; многие входили. «Учеными предметами занимаетесь?»[2] Ипполит. Лекция об образовании, самопознании, петролее, *машинном производстве,* которое должно поглотить всё и освободить людей (статья о выставке *Шевалье*, сентябрь, «Р⟨усский⟩ в⟨естник⟩») от борьбы за существование, тогда разрешится и социализм, и вопрос о браке, и придет к Христу.

Многие ушли, не видя скандала, другие были тронуты и восхищены, а Князь — с Ипполитом, который в эту ночь умирает. Наутро Князь ринулся за Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩.

В обществе, пришедшем смотреть Идиота, — шепот: «Говорит об машинах, говорит об машинах».

ИЗ ГЛАВНОГО

1) Сцена (во храме) в день брака, до прихода Аглаи, наедине между Князем и Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩. Князь, вынеся во всё это время *скандала* ужасные мучения от *сошедшей с ума* Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩, наконец в утро брака говорит с ней по сердцу: Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩, и в отчаянии и в надежде, обнимает его, говорит, что она недостойна, клянется и обещается. Князь *просто и ясно* (Отелло) говорит ей, за что он ее полюбил, что у него не одно сострадание (как передал ей Рогожин и мучил ее Ипполит), а и любовь и чтоб она успокоилась. Князь вдруг *пьедестально* высказывается.

2) Тут входит Аглая, спокойно, *величаво и просто* грустная, говорит, что во всем виновата, что не стоила любви Князя, что она избалованная девушка, ребенок; *что она вот за что полю-*

---

[1] *В верхней части страницы запись:* 1868, p. 19,

[2] *Далее было начато:* Лекция

била Князя (и тут Отелло): наивная и высокая речь, где Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ чувствует всю безмерность ее любви, а Аглая, думая ⟨с. 12⟩ выставить недостаточность и ничтожность своей любви и тем успокоить Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩ и Князя, — напротив, *наивно и себе неведомо,* только выставляет великость, глубину и драгоценность своего чувства. Несколько ласковых слов с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩, но через силу, несколько наивност⟨ей⟩, — расстаются. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩, пораженная, и Князь предчувствует, что с отчаянием в лице идет одеваться, а Аглая уходит к Гане, и там истерическая сцена *сожжения пальца.* Затем[1] сцена Гани с Ипполитом, который *перетаскивается* к Князю, свадьба, вечер, будущий мир России и человечества и экономические разговоры.

А затем *заключение.* ⟨с. 11⟩

7-е ноября.

После венца — дети.

Князь в беспокойстве за Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩.

Наутро бросился в Петербург.

Искал целый день Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩. Был у Р⟨огожина⟩. Тот отказал. Сказал, что не было Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩.

Ходил день по Петербургу, *видения.*

Встретил Р⟨ого⟩жина в сумерки: «Пойдем» (шепотом) — привел, посадил (манит за занавеси). В темноте, в полусумерках тело.

В сердце. Капля крови. Что она говорила. «Я наложницей буду твоей, не режь меня».[2]

«Я по зале ходил[3] — заснула; во сне не услышит».[4]

(«*Как быть?*» («Не уходи!»))

Матрас стелят. Рогожин заснул. Сон: «Такое, как бы некое древо».

Никому не говорить. *Ни за что.* (Оба стелят постель, оба сумасшедшие.)

Рогожин: «Чтоб у тебя припадка не было?» — ласкает его.[5]

(О постороннем, но трагическом, фантастическом.)

«Как я подошел колоть (к рассвету), она не спала. Черный глаз смотрит. Я и кольнул изо всей силы».

---

[1] *Далее было начато:* свадь⟨ба⟩

[2] *Далее было начато:* Заснула. Ду⟨маю⟩

[3] *Далее было начато:* Во сне и

[4] «Я наложницей буду ∾ не услышит». *вписано на полях.*

[5] *Рогожин* ∾ ласкает его. *вписано на полях рядом с текстом:* (О постороннем ∾ фантастическом.) — *и обведено рамкой.*

Рогожин про тело: выбрал место, где сердце, глаз смотрит, я тут погрузил изо всей силы, секунда, на 2 вершка, голову приподняла, одна капля крови, внутреннее излияние.

Про тело:

— Ведь унесут, парень!

— Унесут, — вскричал Князь.

— Так не признаваться.

— Ни за что! — вскричал Князь.

А в вопросе Рогожина: «Как быть?» — ни капли опасения о наказании, а как бы об чем-то другом. (*NB:* т. е. чтоб сохранить во что бы ни стало ее тело.)

— Дух,[1] ноне жарко.

— Есть дух, но малый. Ждановской жидкости. Есть внизу горшки цветов у матери, перенести бы сюда?

— Догадаются.

— Догадаются! Купить разве, цветами обложить? Да жалко будет, ее жалко будет в цветах-то! Точно невеста.

— Не печалься, парень! — слово Рогожина к Князю. Рогожин его стал гладить по щекам, лаская.[2]

Рогож⟨ин⟩ проговаривается Князю у трупа: «*Без тебя не мог я здесь быть*».

Убить себя — да думаю: «Как же она-то останется?»[3] ⟨с. 14⟩

NB. Вдруг, уже они улеглись на матрасе, Рогожин привскочил, сел и вспомнил какое-то слово Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩, прежнее, давнишнее, *совершенно постороннее,* — и вспомнил с большою заботою.

Об офицере, которого она охлестнула, припомнил и покатился от смеху.

«А помнишь — штиблеты?»

(«Мы с ней в карты играли. Ей бы вечером грустно бывало. Я колоду карт принес, и каждый вечер играем».)

Рогожин хочет отделать шелками комнату.

«Я еще не знаю... Я еще ничего не знаю...» — говорил Рогожин — беспрерывно, задумываясь, как бы припоминая с мучением и соображая, и как бы ничего не мог припомнить.

Рогожин вдруг говорит: «Стой, идет кто-то? — Прислушиваются. — Идет!.. — Отворил дверь. — Иль нет?.. Ходит».

---

[1] *Далее было начато:* жар⟨ко⟩

[2] Да жалко будет ∾ лаская. *вписано на полях.*

[3] Рогож⟨ин⟩ ∾ останется?» — *заметки в верхней части страницы.*

— Ходит.

— Я притворю дверь.

? N3. В зале привидение.[1]

Рогожин поймал Князя под вечер, в том же трактире, где и убийство, в темноте.

— Пойдем, да не близко иди. Ты по этой стороне, а я по тому тротуару пойду. Всё за мной иди. А ведь[2] я так наверно и знал, что ты не испужаешься, что я тебя[3] зарезать привел.[4] ⟨с. 13⟩

— Где же она? Что тут?

— Пойдем, пойдем!

Когда Рогожин показывает ему труп Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩: «Она кричала». Целует труп.

«Только оттого и не доношу, что к ней прихожу.[5] Как я приду к ней тогда?»

«Известно, от трупа пахнет». Ногу целует.

«Ну, что тебе, воды?» «Как крикнет бывало...» «Сейчас, сейчас». ⟨с. 16⟩

11[6] ноября.

Сцена двух соперниц.

Князь нечаянно попал, по намекам Ипполита и чтоб сказать Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩ (попал за минуту прежде Аглаи).

Аглая: «Так я и знала, что он так сделает».

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ Князю: «Ты привел ко мне свою любовницу».[7]

«Я вам дала знать через тех, кого вы назначали. Может, мои письма пропали».[8]

Гордая и высокая речь Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩, простая, с достоинством высоким.

«Поцелуйте меня».

«Ты».

---

[1] N3. Вдруг, уже они улеглись ∾ привидение. — *записи в направлении, обратном обычному расположению текста.*

[2] *Было:* В⟨едь⟩

[3] *Было:* что я теперь

[4] Рогожин поймал Князя ∾ привел. — *две заметки, вписанные на полях и объединенные общей пометой «1». Далее помещаем текст со с. 16, против которого также стоит цифра «1».*

[5] что к ней прихожу *вписано.*

[6] *Было, вероятно:* 8

[7] *Аглая:* «Так я и знала ∾ любовницу». *вписано.*

[8] *Текст:* «Я вам дала знать ∾ пропали». — *вписан посреди диалога:* «Чудак Рогожин ∾ а тебя выгоню». *Помещаем его здесь на основании знака, поставленного Достоевским.*

— Чудак Рогожин.

— Ты воровка.

Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩: «А ты зла, что не твой».

— Конечно, мой.

— Зелен виноград.

— Я дарю тебе.

— Я и сама возьму, а тебя выгоню.

(Аглая чтоб была ребенок и бешеная женщина вместе.)

Аглаю страшно поразил поступок Кн⟨язя⟩ с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩: «Тогда я начала о нем думать. Письмо его меня удивило; потом всё занимало меня; не выходило у меня из мыслей, я его во сне видела, я 1000 раз перечитала его».[1] ⟨с. 13⟩

---

[1] Аглаю ∾ перечитала его». *вписано на полях.*

ВЕЧНЫЙ МУЖ

(Том IX, стр. 5)

Подготовительные материалы (ПМ)

УБИЙСТВО. МИНУТА

Я не выехал на дачу; остался в Петербурге. Пыль, духота, зной, белые ночи. По делам слонялся по городу. На углу Подьяческой и Мещанской я опять столкнулся с человеком с крепом на круглой шляпе.

Только в этот раз я наконец узнал этого господина.

Я вообще забывчив на лица. Никогда не забуду и не прощу себе, как я забыл в лицо, столкнувшись на улице, одного бывшего мне знакомого писателя, которого я года два с половиной не видал. Впрочем, тогда случилось нечто особенное. Пусть уж только я бы забыл его в лицо: он бы, может, мне и простил это. Но когда уже он назвался, когда уже он, видя, что я решительно не способен признать [1] его, высказал мне всю свою фамилию, всё свое великое имя, [2] напоминающее о всех бессмертных его произведениях и когда я и тут всё еще продолжал стоять разиня рот, недоумевая, кто́ же бы это такой был такой-то, которым он сейчас назвался, совершенно забыв, что такой-то есть великий современный русский писатель, то — боже мой... какое ужасное положение. Нет уж, лучше не говорить, есть иногда воспоминания, от которых обливаешься холодным потом и желаешь провалиться сквозь землю, когда нечаянно вспомнишь. Но мне, впрочем, при встрече тогда с круглой шляпой на углу Подьяческой было не до шуток [3] и не до сочинителей. Дело в том, что я уже давно, почти с месяц уже, встречался раза три-четыре с круг-

---

[1] *Было:* узнать

[2] *Далее было:* напомнил мне о себе совершенно

[3] *Вместо*: было не до шуток — *было:* стало не до шуток

лой шляпой мельком в толпе или, как теперь, на улице, и каждый раз эта встреча производила во мне какое-то удивительно неприятное впечатление. Эта физиономия, которую я, очевидно, где-то когда-то встречал, производила на меня и т. д. Но я [1] не узнавал его. Только почему же мне всё казалось, что он меня знает, знает ⟨с. 51⟩ [2] очень хорошо и узнаёт. Я его не узнаю, а он меня узнаёт каждый раз, был со мной где-то прежде знаком и только не хочет теперь подойти ко мне почему-то. Конфузится, что ли?

Два раза он проглядывал, один разлучили. Другой в толпе. 3-ий с другой стороны тротуара. [3] Почему, когда мы расходились, мне всё казалось, что он вернулся, что он за мной идет, следит за мной издали, куда-нибудь прячась? Мало того, мне казалось, что он и явился с целью, что он шляется-то, может быть, единственно для того чтоб следить за мной, может быть, и в Петербурге-то только для этого. Разумеется, оглядываясь и не находя никого сзади меня, я и сам смеялся.

Прибавлю, что всё это, т. е. каждая встреча с этой гнусной шляпой, хоть и оставляла во мне мерзостное впечатление, и чуть не на целый иногда день, но сознательно это почти не занимало меня, [4] несмотря на то что я жил тогда уединенно и был склонен к задумчивости. Бывало, придешь домой и думаешь, думаешь — да, много щелчков я перенес, было о чем подумать.

Занят ли я тогда был, был ли под напором и владычеством других, более сильных, мыслей, не знаю, но встречи с этим господином проходили до сих пор мгновенно.

Правда, я задавал себе вопрос раза два: кто бы это такой? Но в серьезно-сознательную заботу этот вопрос не складывался [5] и почти не повторялся, несмотря на тоску, которую каждый раз я испытывал от этих встреч и даже чуть ли не во весь потом день. [6] Вот на эту-то тоску я и сердился, именно на то, что такая ничтожная встреча могла, хотя несколько, занимать меня. Думать я об ней не удостоивал, но внутренней, беспредметной, неизвестной тоски я не в силах был не признать [7] в себе. Только вот что случилось: я обознал эту тоску, признал ее начало и предлог, —

---

[1] *Далее было начато:* прежде

[2] *Здесь и далее в ломаных скобках указаны страницы тетради Достоевского: ЦГАЛИ, ф. 212.1.6.*

[3] *Далее было начато:* Наконец *На полях незаконченный вариант:* примеривался в третий уже и совсем было рванулся ко мне в толпе.

[4] *Далее было начато:* Занят ли

[5] *Вместо:* этот вопрос не складывался — *было:* это никогда не укоренялось

[6] *Далее начато и не зачеркнуто:* Но странно, я догадался о причине этой повторявшейся при каждой встрече тоски всего накануне этой последней нашей встречи в Подьяческой. Прежде тосковал, но не знал о чем, и вдруг накануне ночью мне неожиданно припомнилась эта фигура, всегда спешаща⟨я⟩ мимо, всегда загадочно смотрящая на меня, всегда знакомая. «Ба! да кто же он такой», — вскрикнул я. Это было среди ночи; я встал с постели

[7] *Было начато:* отриц⟨ать⟩

узнал ее, одним словом, окончательно — всего накануне этой теперешней последней встречи моей в Подьяческой. Тут, как я увидел вдруг опять эту мерзкую шляпу с крепом, я вдруг сказал себе: «Это вот от кого тоска. Это именно оттого, что я встретил этого господина. Что ж это за господин?»

Я тут всё еще не узнал его, но узнал его ночью. В этот раз я уже тосковал сознательно и всё думал об этой фигуре: кто это такой. Впечатление было как от слова, которого ищешь припомнить, которое знаешь отлично хорошо, но которое неизвестно почему выскочило из памяти и никак не может отыскаться.

Я стоял у окна, был 2-ой час, он проходил, я вздрогнул, точно нарочно. Смотрел на дом, вошел в дом. Это ко мне, я стал у дверей и стал слушать. ⟨с. 52⟩

Он входил, вошел, стал трогать замок, я вдруг отворил. Сконфузился.

— Вы меня не узнаете?

— Нет, я теперь вас отлично хорошо узнаю. Вы Павел Павлович Трусоцкий, с которым я имел удовольствие быть знаком лет 8 назад в Твери.

— Точно так, точно так.

— Ваша супруга, но... по ком траур?

— Насчет траура вы угадали, 4 месяца. Скоро месяц в Петербурге. Я, собственно, по делу, но... мне кажется, я отсюда не в силах и выехать. Тут толкотня, эгоизм и ужасная мелочь, а там всё напоминает. Я ведь здесь с дочерью.

— Я — я не помню.

— Как же, вы, уезжая, оставили А⟨нну⟩ Ив⟨ановну⟩ беременной.

В гостинице.

Странен. Почему не узнавал.

Он ушел.

Рассказ об Ан⟨не⟩ Ив⟨анов⟩не.

Я пошел в гостиницу. Увидал дочь. (Потом: я скажу прямо, я для нее и ходил.)

Позвал к себе. Рассказы дочери. В первый вечер после переезда об мертвом любовнике и об том, что А⟨нна⟩ И⟨ванов⟩на письма оставила.

Едкие, гадкие слова, и о дочери.

— Не хотите ли вы взять ее серьезно?

Я отвез дочь к знакомым.

Три-четыре дня уже мы жили. Был на погребении.

Пришел — и опять едкий разговор. Дочь заболела. «В вас нашел друга». Не хочет ли он меня убить? Инструменты.

Были у дочери. Ночью двигался ко мне. Плевок, я решил завтра разъехать⟨ся⟩.

Назавтра на дачу. Послезавтра смерть дочери. Он — шампанского.

Портрет. «Я хочу жениться».

Вечером всю теорию. «Завтра уеду».

Наутро М⟨олодой⟩ ч⟨елове⟩к.

— Видите! Видите!

— Да, вам несчастие.

— Завтра уеду, я уже давно хотел ехать.

Я воротился поздно, он уж спит. Я лег, заснул, сон, вскочил, бросился на него, связал.

Через час выпустил. «Я затем, чтоб повеситься в номере. На ваше имя записку оставлю».

Ушел, не повесился. Половой взял чемоданы. Шлялся по Петербургу с крепом. Вдруг встречаю М⟨олодого⟩ ч⟨еловек⟩а: уехал.

Два года прошло, в вагоне. У него орден на шее — и великолепная дама, гусар. «Мы смирный тип? а вот хищный». — «Нет, это только до Р⟨анен⟩бурга». — «Как? — вскинулась жена. — Алеша к нам и погостить у нас».

— Видите! Видите! Вы тоже званы.

— Нет, я до перекрестка.

Раскланялся, звали, обещался, не был.

— К нам нейдет; я повеситься хотел.

— А опустили б вы тогда ⟨бритву⟩ или только пугали?

— Непременно бы опустил — только к нам нейдет это[1] — уверяю вас, что к нам нейдет это.

Рай с другой. ⟨с. 53⟩

N3. — Я хочу жениться. Есть *опыт*. Успокоивает ли это вас? Ну, коли серьезно хочет жениться, не захочет же в Сибирь идти.

Обедать. «К тестю пойдемте: ха-ха-ха! Это хищный тип».

Воротились. М⟨олодой⟩ ч⟨еловек⟩. Объяснение.

Пересмешливым тоном.

N3.[2] — А знаете ли что, я приехал сюда повеситься, — или отмстить, или повеситься. Может быть, и так: отмстить и тут же повеситься. А может быть, и так: просто повеситься, без отмщения.

— Почему?

— Как-то неприличны нам все эти хищности. По службе неприлично. Как русскому неприлично. Именно вот смирный и хищный тип, как вы говорите. Еще повеситься — туда-сюда. Может быть, даже и прилично. Но уж отмщать: кинжалом или топором, как я вам рассказывал, — ну, нет-с, не к службе, совсем-таки

---

[1] *Далее было:* или

[2] *На полях рядом с этим знаком помета:* Это прежде, между разговором, н⟨а⟩прим⟨ер⟩, после похорон сановника.

нет. Так что, может быть, и верил, что просто повеситься. Да вот вы меня пригласили, так как-то отвлекли. (А я всё думаю, отправиться бы мне в прежний номер.)

— А знаете что? Вернее всего, что у вас обойдется иначе: гораздо проще.

— Как?

— Не отмстить и не повеситься.

— Вы думаете? А согласитесь, что вы струсили, как я надвигался к вам. И даже преоригинально струсили.

Это про «струсили» он напомнил вдруг. С той ночи у них и не заговаривали об этом.

— Да что ж вы, шут вы, пугать, что ли, вы меня вздумали?

— Нет, я чувствую, что я иногда чуть не схожу с ума. [1] Ведь чего вам-то, вам-то чего опасаться? Разве просто расстроенного моего состояния, так сказать, сумасшествия. Ну, это правда. Я ведь вам сказал, что со мной возня.

(Разговор о том, как сходят с ума.)

NB. — Хищный и смирный типы, но взгляните, однако, в газеты — и вы увидите, что из этого самого смирного типа нет-нет и вдруг выходит такой хищный тип. Это, должно быть, как-нибудь не так понято; и не так сказано. Это, должно быть, как-нибудь в идеале.

— Да к чему вы всё это говорите?

— Да к тому, что заручаться очень нельзя. Я бы не взял на себя такой заруки, ей-богу, иной бы раз не взял, а взял бы да покрепче бы лучше дверь припер — ей-богу, припер бы.

— (Я помолчал.) А я бы взял да еще нарочно бы дверь настежь оставил. Наш, видите ли, хищник слишком много сознает, гораздо больше, чем сокол аль ворон, который на воробья ударить хочет (я только к сравнению говорю); наш наговорит, намечтает, напредставит сам себе, итоги справедливости и юстиции подведет себе, обиду свою как урок выучит — и глядь на то всё и время свое убил. [2] В результате — пшик. Поверьте ⟨с. 54⟩, что пшик. Так что я ничего ровно не боюсь. Никогда не боялся и ничего не боюсь. Вот вам! А от вас, от вас и бояться-то смешно.

— Ну, довольно, не смейте больше говорить, я не хочу. Хотите еще пить?

«Что же это я, однако ж, его поджигаю, — подумал я, — ведь я его поджигаю, ведь, пожалуй, сдуру...»

— Ну, так ложитесь спать.

— Вы про одно забыли, — сказал он мне вдруг, по-видимому весьма серьезно обдумав мои слова.

— Про что еще?

---

[1] Это про «струсили» ∾ схожу с ума. *вписано.*

[2] *Незачеркнутый вариант:* употребил

— Про то еще, что и неприлично. Нашему брату оно неприлично. Оно русскому человеку и вообще неприлично. Но нашему брату, администратору с чинами и с деньгами и с рассудительными надеждами, особенно неприлично. Неловко, нехорошо!

— Ну вот, видите, — отмахнулся я с натуги, — и к тому же вы сами знаете, что эта штука сверх всего и дорого стоит: кроме чинов и денег и крепа на шляпе, за нее по крайней мере Нерчинск в придачу дают.

— Ну-у — это далеко! И в Омск довольно. Есть, знаете, облегчающие обстоятельства. (Об облегчающих обстоятельствах.)

— Ну и в Омск довольно. [1] А вы таки уже и об Омске рассуждали?

— Как же не рассуждать?

— Слишком, слишком много рассуждает наш хищный тип.

— Хищный тип? Положим, безнравственности бы и хватило у него, да самостоятельности-то не хватит, своих шагов недостанет.

— Ха-ха-ха! А вы всё о безнравственности — по-вашему, значит.

«А вот я вам расскажу». Чиновник.

N3) В письме было: «Ты пишешь, что он злой. Ma foi, [2] он настоящий Ступендьев» — и т. д.

N3) [3] *Муж* припоминает эту фразу и говорит ее, чем дает ясно знать, что ему известны его письма.

N3) *Муж* развивает теорию: есть люди, для которых всё — жена. Что для других женщина, прелестница, любовница и особенно чужая жена, то для других своя жена, законная жена. Есть такой тип — мужья, законные мужья. И сколько хлопот — дети. Красота так быстро теряется. И сплошайте вы чуть-чуть деньгами, только чуть-чуть, — конец вашему семейному счастью и т. д. Но все-таки и т. д. и лезут в венец — и проч.

— Нет, он слишком много рассуждает — он не опасен.

N3 Коли женится, убивать не будет.

На другой день пустился в подробности. Она в гимназной поре — и вдруг вечером Молодой человек.

— Видите, видите.

Я стал смеяться; я знал, что мое положение нехорошо, но я смеялся; я бы готов был заплатить за часы до завтрева, но я смеялся.

N3) Насчет повешения — прежде борьба. [4] Он рассказывает, что он хотел повеситься на другой день, когда подробно рассказывает о будущем браке. И вдруг Молодой человек.

---

[1] *Текст:* — Ну вот ∾ в Омск довольно. — *отмеченный знаками* N3 *и крестом, содержит вставки между строк и на полях.*

[2] Право *(франц.)*.

[3] *Знак N3) отмечен крестом.*

[4] *Далее было:* Это

— Видите, видите!

№3) Молодой человек уходит, и он хочет в номер.

— А может, и вам же лучше будет.

— Э, полноте.

— Ну, смотрите. ⟨с. 55⟩

— Это вы меня предупреждаете, чтоб я проснулся в известную минуту.

№3) [1] — Вы думаете? Ну, смотрите.

№3) Я засыпал. Я знал, что тщеславие и ложный стыд иногда делают. (Тут постоянно был ложный стыд, потому что я его прежде постоянно считал ниже себя.)

№3 Когда развязал ему руки: «Ступайте лучше к себе, в -ю губернию, и женитесь на красавице».

(Это были дурные шутки, но я был очень раздражен.)

№3) В продолжение того, как он жил у меня, он выследил, за кем я волочусь. На пароходе. — Попросил познакомиться. «Где муж?» Это там, где дочь, он, при умирающей дочери, заметил даму, и спрашивает: «Где муж?»

Пришли домой: «Дайте же шампанского-то!» Болтали. Спал ничего...

№3) Я бы его выгнал давно, но ложный стыд *бояться его,* ибо я считал его постоянно ниже себя, и, сверх того, вызов, презрительный вызов.

Меня за девочку злость брала. Я не мог не видеть, что тут много серьезного. [2] Человек, в котором открывалась такая бездна злобы и ехидства. И наконец, человек, доверившийся так врагу и открывший ему свою подноготную, без просьбы, как будто был побуждаем к тому, был опасен. Ему могло прийти в голову заставить меня хорошо расплатиться за доверчивость. Он, может быть, нарочно это делал, чтоб поджечь себя унижением.

№3) Бритва, руки обрезал. «Кровь пролилась — ха-ха-ха!»

— Я ведь знал, что вы сильнее меня вдвое.

— Пустите меня, — с злобным видом.

— Просидите тут, вы, пожалуй, повеситесь. А впрочем, ничего не будет.

— Ничего, ничего?

— Ни-ч-чего не будет! Слушайте, поезжайте в вашу губернию и женитесь на хорошенькой. Слышите?

— И вас на свадьбу позвать?

---

[1] *Знак №3) отмечен крестом.*

[2] *Текст:* я волочусь. ∾ много серьезного.—*объединен фигурной скобкой.* Это там ∾ муж?» *вписано.*

— Нет, я потом сам приеду. По делам. И остановлюсь у вас или близко вас. Расскажу вашей жене, как вы меня зарезать хотели и спасовали. Ей смешно станет, [1] то-то весело станем часы делить. [2] Ну, прощайте.

Я раскаиваюсь в этих грубостях, но у меня болели руки и, кроме того, я ненавидел его. ⟨с. 56⟩

МУЖ

N3. Я несколько раз бросал и потом опять обращался к мысли, что ему и при жизни Анны Васильевны были известны ее похождения, по крайней мере в главных чертах, и что он боялся только Анны Васильевны, а теперь, по смерти ее, его, может быть, уж очень сильно рассердили. К тому же письма из ее шкатулки... Но в конце концов я вынес одно мнение, на котором и установился окончательно. Это — что он ничего не знал, ровнешенько ничего, и даже и не подозревал, несмотря на свой недюжинный ум, догадливость и проч. Всё объясняется особенным влиянием Анны В⟨асильев⟩ны и ролью законного супруга; есть такие мужья; он потому верил, что он создал себе в ней идеал. Он бы ни минуты и прожить не мог с подозрением. Мне кажется, если б он даже сам воочию что-нибудь увидел или кого-нибудь нечаянно застал, то и тут бы не поверил. Я уверен, что — найди он эти письма при жизни Анны Васильевны — он бы не поверил. Но ее уже не было. Сильнейшее, живое, магнетическое влияние ее было уничтожено. Он остался один; ум его был освобожден как бы из тюрьмы. И когда факт предстал ему в виде писем, тут [3] злоба охват⟨ила⟩ и т. д. А все-таки, должно быть, ему дорого стоило убедиться. Все-таки, должно быть, он закрывал глаза над этими письмами и пробовал открыть их, не увидит ли вдруг белую бумагу.

Но, впрочем, видно было, что он давно уже, месяца три как убедился. Он наизусть изучил свою обиду. Он мне говорил о своей дочери, как по книжке. ⟨с. 57⟩

МУЖ

N3) Весь день хотел зайти: не повесился ли?

Но не зашел и хорошо сделал.

На другой день вечером столкнулся с М⟨олодым⟩ человеком.

— Гм, вот и вы! Ваш приятель-то?

— Что? Что? Повесился?

— Фу, черт! почему повесился?

— Ну, ну, продолжайте!

— Фу, черт. Какой у вас смешной склад мыслей! Напротив,

[1] *Далее было:* а стало быть

[2] *Было:* время делить. *Текст:* И остановлюсь ∾ делить. — *вписан.*

[3] *Далее было начато:* не одно уб⟨еждение⟩

он вам кланяется и именно об вас об последнем вспоминал. Велел вам кланяться. Мы с ним расстались на железной дороге, помирились и совсем по-приятельски шампанского выпили (куда, повесился!). Я сейчас провожал. И, во-первых, я вам скажу, какой он подлец: между нами, первым делом он на нас вчера нафискалил — всё рассказал, — вышла история; согласитесь, я всего 25 р. получил, но ведь и больше получают ж. Ну что же, коль она его не любит, с этим крепом на шляпе. «Вы, — говорит она, — вдовец — то-то, должно быть, была супруга-то!» Но хоть и нафискалил, а все-таки кончил тем, что отказался, на том основании, что через девять месяцев буду, дескать, того... «это носить». Ну, этот человек, должно быть, поносил, опытен в этом роде. Ну да что мне, я 25 р. получаю, а он говорил, что вице-губернатором назначается.

— Он вам говорил?

— Ей-богу, говорил. И поехал, так хохотал, не знаю, чему он хохотал. Странный человек. Нищим пустился деньги раздавать за упокой души Лизаветы, жепа, что ль, его?

— Нет, дочь звали Лизой.

— Бьюсь об заклад, что накидная дочь. А впрочем, черт с ним совсем. Хорошо, что еще он уехал. А знаете что: я бьюсь об заклад, что он при первом удобном случае опять женится.

— Да ведь и вы хотите жениться.

— Я? Я другое дело. Какой вы, право. Где тут сравнение. Вот точно [1] так же и старик — взбесился. Тут нужна логика, батюшка. [2]

М⟨олодой⟩ ч⟨еловек⟩: «Впрочем, вы, кажется, порядочный человек и в самом деле принадлежали когда-то к хорошему обществу и только теперь принуждены были уклониться, по бедности, что ли...»

— Это вам, верно, он в этих выражениях про меня рассказывал?

— Он, он. Впрочем, мне это решительно всё равно, и я к тому, что вы, конечно, поймете, чего этот господин не поймет, не нафискалите и во всяком случае обойдетесь вежливее, так как вежливость во всех случаях жизни есть неуклонное правило всякого порядочного человека. Не правда ли?

«Ах ты, пескарь»[3], — подумал Вельчанинов. [4]

N3. — Там хмурятся, бесятся, старик говорит главный аргумент старика — «мальчишка». Какой тут «мальчишка»? Мне двадцать лет, а по-моему, если хотите, так самая лучшая пора жениться 18 лет, меньше бы разврату было. Это во-первых, а во-вторых, и с естественными науками точь-в-точь совпадает — потому что определяют же естественные науки в нашем климате для

---

[1] *Далее было начато:* как в⟨ы⟩

[2] *Далее незачеркнутый вариант:* впрочем... А вот извините (и побежал).

[3] *Было начато:* шибз⟨ик⟩

[4] Молодой человек ∾ подумал Вельчанинов. *вписано.*

этого 18 лет, да чего тут естественные науки? А государство-то? Это уж поважнее всех естественных наук. Разве оно не определяет юридически гражданина в 18 лет?

— То есть вы хотите сказать — 21-го года.

— Э-э-эх! Это другое дело. Ведь позволяет же оно 18 лет венчаться? Ну вот и всё, стало быть, этим всё сказано, да, кроме того, и солдатом 18 лет не побрезгает. А разве солдат не гражданин, хотя и слепое орудие силы. Что же вам больше, опомнились бы, что ли! А тут 20 лет биться, да чего вам еще, завидно, что молодо, благо сами ног не волочат от старости. Все-то вы пилы. А впрочем, я на вас ничего не имею и даже рад служить чем угодно. Если, то есть, понадобится. Ну, до свидания. А вот прости⟨те⟩ (и побежал через дорогу). [1] ⟨с. 59⟩

NB) Каждый день на другое утро я стыдился ночных мыслей и чувств. При утреннем пробуждении он казался мне до того мизерным, что мне становилось стыдно моих подозрений. Я приписывал их даже трусости.

NB) Он мне казался всё более и более мерзавцем. Даже ⟨?⟩ и в высшей степени. И как мог он мне казаться прежде таким степенным и серьезным семьянином, таким солидным чиновником, такого даже порядочного общества человеком? Всё это замазывала покойница Анна Васильевна, она вела дом, она давала всему тон, она и его держала в руках.

NB) — Что, вы опустили бы тогда бритву? Ну, признайтесь — так уж дело прошлое — что вы, еще стоя надо мной, были в нерешительности?

— Был. В этом признаюсь, но непременно бы кончил тем (и он мазнул себе по горлу пальцем), еще минутку только, сонную жилу. Знаете, наши психологи-писатели, да и Мольер тоже, очень ошибаются, утверждая, [2] что человек [3] бесхарактерный и нерешительный, тип, одним словом, смирный, в этаких случаях, т. е. уже с открытой бритвой в руках, может обратиться вспять. Это в высшей степени неверно. Неверно и невероятно. Нет таких нерешительных людей. Это сочинение-с. Чем, напротив, даже нерешительнее человек, тем сильнее и тянет его к делу, именно как бы в машину втягивает, и хоть он и не своей силой наконец кончает, но всё же кончает же, и даже так, что даже вернее кончает (вот именно эти-то дела с бритвами, если они случатся), вернее, чем иной даже самый решительный и не теряющий рассудка и хладнокровия человек. [4] Это именно оттого, что решительный и не теряющий хладнокровия может еще оду-

---

[1] *К тексту:* — Там хмурятся ∾ через дорогу) — *помета:* Теперь

[2] *Было:* говоря

[3] *Далее было начато:* сми⟨рный⟩

[4] *Далее было:* даже хотя бы и с бритвой в руке

маться (еще и с бритвой в руках) и тогда вполне откроет и ухо и сердце рассудку, т. е. не то что решительный не дотянет, а просто логично, здраво и серьезно одумается. Ну, а нерешительный человек до того в этом случае втягивается и, стало быть, от себя отрешается, что рассудок на него уж не может подействовать. И скажется, пожалуй, ему рассудок так, что он всё поймет, но овладеть-то уж им не может, до того уж он сильно втянулся — ха-ха-ха! Вот почему я бы наверно тогда... Ну, одним словом, того — так что теперь был бы в Нерчинске, а вы — уж и не знаю где. И заметьте еще, что у этих, которых втягивает-то, бывает ужасно твердая рука, когда до дела дойдет. Не то что горло, а всю голову напрочь, отрезывая, [1] — вот ведь какой народ, уверяю вас. Что и не нужно, так и то отрежет. Зверство какое-то является. [2]

N3. После смерти сановника Трусоцкий в разговоре замечает весьма серьезно: «Признаюсь вам, эта смерть много меня расстроила и много у меня отняла. N3). Я хотел повеситься, только *он* еще удерживал меня; я ждал его приезда и надеялся ⟨с. 60⟩, что, может быть, тогда что-нибудь и будет. И вдруг приезжает один его гроб, черт возьми!»

— Так тем для вас лучше. Природа за вас распорядилась.

— Природа. Нет, вы мне скажите, что мне теперь делать? Я теперь будто опрокинут. Прежде я мог еще и не решиться. Но все-таки цель стояла передо мной. Вопрос: на что ты хочешь решиться? Ответ: вот на что. А теперь противник спрятался под стол. Почем вы знаете, Вельчанинов? Может, я 15 000 бы дал, если б и теперь противник всё еще продолжал сидеть передо мной, вот как вы теперь передо мной сидите.

— Зачем это? Глядеть на него?

— Ну да, глядеть на него. И глядеть на врага [3] приятно. А главное, цель. Эта цель меня от веревки отвлекла. А теперь не отвлекает. Вы думаете, это приятно — так близко в соседстве с веревкой жить.

— Шутовство всё это. Шутите вы иль нет? — с досадой проговорил Вельчанинов.

— Отнюдь не шучу. N3. (И тут изъясняет теорию повешения и мщения и проч.)

N3 [4]

N3) Трусоцкий с бритвой до прихода М⟨олодого⟩ человека. Именно после двух дней, в которые говорили о новом браке и пили шампанское. Ночью же и попытка.

---

[1] *Было:* отрежет

[2] *На полях рядом с текстом:* — Был. ∞ является. — *помета:* N3. Это он говорит до убийства.

[3] *Незачеркнутый вариант:* противника

[4] *Рядом запись:* Надя,

Вельчанинов, связав ему руки, не выпускает его ночью, хотя тот и просится. Он уходит через коридор в другую комнату и там почует. Трусоцкий тоже заснул.

Наутро в 7 часов Молодой человек.

Трусоцкий уходит со щелчком.

И потом уж уезжает, как выше писано.

N3) Называет просто Вельчанинов; но тот его осаживает.

N3) Вообще Вельчанинов никак не признает прежнего Трусоцкого. Он как бы возродился со смертью Катерины Васильевны. Наружная оболочка *та,* что он как *будто* всё смеется. Даже над самим собой, над своими целями и над всем, что, по-видимому, ему самому должно бы быть дорого. Покойницу Катерину Васильевну отнюдь не уважает. (В борьбе — это видно. Он иногда и скрывать не хочет.)

Драка в трактире у кладбища всего поразительнее (то есть всего более поражает Вельчанинова). Между тем Трусоцкий не пьет. Трусоцкий говорит, что послезавтра поедет, и вдруг говорит[1] о браке. На другой день тащит его к тестю и дома пьют шампанское. Ночью бритва. ⟨с. 61⟩

На дороге: «Вы ко мне презрение?»

— За что?

— За то, что я перемолол... Катерину Васильевну.

— Гораздо лучше перемолоть и быть счастливым.

— И быть счастливым. Тем более что несчастие нам неприлично. Несчастье неприлично. Это моя теория.

(У Гончарова: деньги потерял.) С женой и жене эту теорию. Та возражает и намекает.

— Лучше, если б вы за шкапами по ночам не искали (дерзкая).

— Кого же?

— Воров, конечно. Кого же больше?

— Слышите! Слышите! У нас на «вы»! Лучше бы нам помириться, как два генерала, которые с пожатием руки пришли к полнейшему примирению.

И Трусоцкий В⟨ельчанинов⟩у:

— Нет, это не Нат⟨алья⟩ В⟨асильевн⟩а! — говорит с сожалением (вспоминая манеры Нат⟨альи⟩ В⟨асильев⟩ны).

В⟨ельчанино⟩в говорит ему, смеясь:

— А хотите, расскажу вашей жене, как вы меня зарезать хотели?

Тот вдруг трусит, сложа руки, упрашивает не говорить и делается тише воды, ниже травы.[2]

---

[1] *Было начато:* про⟨говорился⟩

[2] И Трусоцкий ∾ ниже травы. *вписано.*

Когда перевязал полотенцем: «Я пойду ночевать в ту комнату, только смотрите, Трусоцкий, без шалостей! Иначе я сам, наконец, рассержусь, и тогда плохо будет».

— Точно уж вы теперь и не сердитесь! — проговорил злобно Трусоцкий.

Трусоцкий открывает, что хотел того убить.

Вельчанинов ему: «Знаете, вам как-то это неприлично».

— Вы думаете?

— Да.

— Почему?

— Да потому.

— Знаете ли, что вы меня обижаете?

— Может быть.

— Ну почему, почему?

— Не знаю, фигура ваша не та — креп на шляпе.

(Трусоцкий рассказывает тьму убийств при *не той* фигуре.)

— Нет, это к вам нейдет.

И потом, когда связал руки: «Я ведь вам сказал, что вам неприлично».

2-я жена хороша, поповна — но в институте, впрочем, воспитывалась. Тр⟨усоцкий⟩ шепчет: «Поповна! Разумеется, это не то, что Е. П. Помните Е. П-ну?» [1]

Вельчанинов думает про Трусоцкого: «А что если он тогда и не подозревал? Но это было бы уж слишком глупо! Честнее, это правда, и приятнее за род человеческий, ну и там всё это прочее, но только несравненно глупее!»

— А знаете что?

20-летний артиллерист, только что выпущенный из школы. ⟨с. 62⟩

Вельчанинову приятно шутить с огнем: когда Трусоцкий рассказывает о неверностях покойной, то тот спрашивает: «Да неужели же вы не подозревали?»

Трусоцкий смотрит с ядом и с бешенством и спрашивает: «За кого ж вы меня принимаете?»

Тот извиняется (не обращая внимания на то, сколько *яду* в подобном извинении) и говорит, что бывают такие мужья, которые, несмотря на очевидные улики, *не смеют* подозревать своих жен. Не смеют, да и только, так поставлено. Или прежде о том, что Трусоцкому нейдет убить, не пристало. *Яд* Трусоцкого, и глаза как будто говорят: берегись! Трусоцкий ему: «Вы не поверите, сколько наслаждения в подобном унижении». ⟨с. 63⟩

---

[1] *Вместо:* Е. П. — *в обоих случаях было:* М. Д.

Трусоцкий: «Ты мою жену обольстил, ты был ее первым любовником».

— Да, может быть, нет.

Трусоцкий (в бешенстве): «Первый! Ну пусть те, другие, остальные, но ты, ты, я за тебя руку бы сжег, так я в тебя верил. Неужели же ты? Ты отец моей дочери. И это всё узнать? Да ты знаешь ли, как я любил ее и чем она мне была?»

Всё это Вельчанинов (уже выгнав Трусоцкого).

Всех [1] по пальцам теперь высмотрел.

Перебор всей повести (Трусоцкому стыдно было высказаться). Потом отъезд Трусоцкого и встреча на железной дороге. *Трусоцкий (пьяный):* «Знайте, что я ее не обвиняю, даже злобы на нее не имею, а я тех, которые...» (дружба, 15 000), «и если этот, если этот...»

Об этом Трусоцкий не прямо Вел⟨ьчанино⟩ву, но под углом и с огнем, — под углом, однако же, чуть не в 85 градусов — даже в 89 местами.

— Я уверен был, что нет, что вы друг, — и вот (даже трагически).

— Вы, однако же, пьяны, Павел Павл⟨ович⟩.

— Пьян.

— Проспитесь-ка. Я сочувствую, но проспитесь.

— Знайте, что, когда я пьян, вам же лучше, я безвреден. [2]

NB. Трусоцкий не соглашается и *хмурится*, когда В⟨ельчанино⟩в в первый раз зовет его из гостиницы к себе. Не решается. (Выгнал до встречи с мальчиком.)

NB. Вельчанинов думает про себя: «Этот человек, может, и не повесится. Он, конечно, ко мне переехал убить меня, да и в Петербург ехал только, может быть, единственно из отдаленной мысли убить меня и Б⟨агаутов⟩а, — с очень отдаленной мыслью, потому что близкой мысли у этого типа не может быть. Он три недели с удовольствием встречал меня, и когда переехал — то хоть и наверно для того, чтоб убить, но вместе с тем и для того, чтоб думать об том, как он меня убьет. Сколько раз он с наслаждением со мной заигрывал, сколько раз проговаривался, пугал, может быть. Это именно было в те минуты, когда он наверно решался и вместе с тем был за тысячу верст от исполнения решения. Как мне ясно всё это предчувствовалось... Черт возьми! Хоть и предчувствовалось — я никогда не мог себе это ясно высказать, т. е. не то что не мог, а не хотел. Как это вдруг теперь ясно: он пил вино — он убегал [3] и ночевал... черт знает где... Ну и решился

[1] *Было:* Всех бы

[2] *Текст: Трусоцкий (пьяный)* ∾ этот...» *и* Об этом ∾ безвреден. — *вписан.*

[3] *Было:* сбегал

наконец — на два конца, разумеется: или забыть и облизать все пощечины и подло жениться и увезти жену — вымещая заранее на жене, [1] — мешочек-то классный как его должен был соблазнить. Ну, а другой конец вышел нечаянно. То есть не нечаянно, он непременно должен был выйти. Чем более он откладывал и отрешался, тем вернее он должен был выйти. Если б даже он меня в шафера позвал и дотянул до свадьбы, то накануне свадьбы зарезал бы. Но он раньше решился... и все-таки нечаянно — доказательство: бритва, всякий нож был бы лучше. Но зато и оттяпал бы он мне голову. Этакие прямо голову напрочь отрезают».

И уже после встречи обдумал подлость свою.

Final. Веселейшая глава. Помучил, расстался.

Природа из вагона, разумеется⟨?⟩.

«Э! Живи как живется». [2] ⟨с. 64⟩

В 5-й главе, когда он объявляет Вельчанинову об изменах жены, он почти «удостоверяет» вполне В⟨ельчанинов⟩а, что ничего не знает о связях его с женою.

Муж: Багаутов был трус; это ведь не то, что Павел Павлович.

Вельчанинов.

Про невест [3] с мешком: еще яблочком пахнет.

Невинность: смех на целых полчаса с подружкой из-за того, что вот беленькая кошечка как-нибудь со стола в постельку прыгнула и вдруг крендельком свернулась, в школах цветочки рисуют, с шалью танцуют, по-французски говорят.

В последний вечер. «Нет, шампанского пить не буду, я прошлый раз глупостей наделал (о тени) — только ведь и вы струсили. Чего вы струсили? Мне и совестно было заходить к вам, да я и боюсь».

Последнюю ночь дождь.

Вельчанинов объясняет ему свою теорию (в 1-ый день). Что неверные жены так и родятся неверными женами. Тот благоговейно слушает.

— Если б знал, то спросил бы вашего совета.

Вельчанинов вскинул глаза: ужасно простодушный вид.

— А ну если я в дураках?

В 5-ой главе, в 1-ый вечер, о том, что такое муж, и об артиллерии поручике.[4] ⟨с. 72⟩

Вельчанинов: «Все-таки как мог я терпеть такой mauvais genre у себя. (Эти откровенности об убийстве в пьяном виде), безобразие какое-то». Сравнение с пауком.

---

[1] *Далее было:* его
[2] *Текст:* И уже ∾ живется». — *вписан.*
[3] *Было начато:* деву⟨шек⟩
[4] Невинность ∾ говорят. *вписано.*

В предпоследний день.

— Уезжаете?

— Да.

— Серьезно?

— Слишком серьезно.

— Знаете, Павел Павлович... Это очень хорошо, потому что уж слишком мы надоели друг другу. [1]

— Как вы сказали? Как вы сказали? — привскочил на постели Павел Павлович. — Надоели и друг другу? Оба?

— Да.

Минута молчания.

— Это, однако же, ужасно умно, что вы сказали...

Опять полминуты.

— Что же тут умного? дело просто, — сказал Вельчанинов.

— Нет, очень умно. Ужасно умно. Относительно говоря, разумеется, — и Павел Павлович завернулся в свое одеяло и уже не сказал более ни слова.

В последний день, после обеда у невесты. Пили, чемодан укладывали. Вельчанинов помогал. Молод⟨ой⟩ человек.

(Ночью бритва.)

Мальчик, входя: «Я, кажется, имею случай... (а не честь)... говорить с г⟨осподино⟩м Трусоцким» — и т. д.

Трусоцкий на другое утро: «Вы ведь, конечно, не пойдете в часть?»

В⟨ельчанинов⟩ — Я не знаю, почему не пойти. [2]

Тру⟨соцкий⟩: «А потому, что суд гласный, а я буду уверять, что убийства не было и что мы просто напились и подрались, — и вовсе не за Наталью В⟨асильевн⟩у, я скажу, что вздор, и докажу, а за девочку с мешочком.[3] Представьте себе, что и ее в суд гласный и уголовный как свидетельницу позовем, и представьте себе великосветского Вельчанинова, огромного Вельчанинова, бородача Вельчанинова и, говоря слогом Кузьмы Пруткова, пятидесятилетнего, *но* промотавшегося Вельчанинова рядом с 15-летней гимназисткой, уличенного в любви к ней, с повторением его любезностей и анекдотов, ей пересказанных из волокитства, и это всё гласно, и это всё в газетах, а в подкрепление всего — М⟨олодого⟩ человека вчерашнего представлю, — ведь чудо какая выйдет картина — ха-ха-ха!»

В⟨ельчанино⟩в: «Ступайте». ⟨с. 73⟩

№3. Мальчик. В⟨ельчанино⟩в.

— Я, собственно, не к вам, но, зная положительно, что в эту минуту у вас находится г⟨осподи⟩н Трусоцкий, которого я уже два раза не заставал у него, решился вас беспокоить.

---

[1] *Текст:* — Уезжаете ∾ друг другу. — *объединен фигурной скобкой.*

[2] *Текст:* Мальчик ∾ не пойти. — *объединен скобкой.*

[3] *Было:* М⟨олодого⟩ ч⟨елове⟩ка

— Я и имею случай говорить с г⟨осподи⟩ном Трусоцким.

— Я имею сообщить вам одно важное дело, говоря относительно, так как касается прямо вас.

— Я, кажется, не могу иметь с вами никакого дела, потому что вас совершенно не знаю.

— Вы выслушаете [1] и потом уже скажете ваше мнение.[2]

В⟨ельчанино⟩в привстал, чтоб уйти.

— Позвольте мне обратиться и к вам и просить вас быть свидетелем нашего разговора, что считаю весьма нелишним.[3]

ГЛАВА «УБИЙСТВО»

Ночевать.

— Ночуйте. (Что-то дрогнуло у Вельчанинова. «А не вызвал?»).

— Вы не струсили?

— А вы дурак.

(Помолчал.) — Ничего-с.

Отчего он хотел за самоваром сходить?

Чтобы покончить с искушением, чтобы не убивать.

Убийство. Уже он остался было ночевать — и уж снял было фрак.

— А не уйти ли мне?

— Промокнете, но как хотите. [4]

(Гром и ливень.)

— Согласитесь, что во всем неудачи.

— Да неужто во всем неудачи? Нет, останусь! По крайней мере хоть не промокну!

— А всё-то вам не удается.

— Вы думаете, что я оставлю этому мальчишке, вы думаете?

В⟨ельчанино⟩в: «Да ведь нечего же [5] делать!»

Тот злобно улыбнулся.

(И тут:) — А зачем я ночую... уйти бы мне!

Resumé

Вагон. «Это подпольное существо и уродливое, но существо это есть человек, с своими радостями и горем и своим понятием об счастье и об жизни. Зачем я врезался в его жизнь? Зачем покраснели мы друг перед другом, зачем смотрели друг на друга ядовитым взглядом, когда всё дано на счастье и когда жизнь так коротка? О, как коротка! как коротка, господи, как коротка!

---

[1] *Было:* это выслушаете

[2] *Далее было начато:* Могу

[3] *Текст:* — Я, собственно ∾ нелишним. — *объединен чертой.*

[4] *Было:* — Как хотите.

[5] *Незачеркнутый вариант:* что же

Бедная Лиза, грустный образ. Эти бедные селения. Живи как живется». ⟨с. 74⟩

Вагон. В⟨ельчанинов⟩у грустно, что он[1] почти забыл уже Лизу, а этот «только из-за нее одной» не захотел протянуть ему руки (почувствовал себя мельче и ничтожнее всей этой окружающей жизни, этой *скудной* природы).

В главе «Вечный муж», при теории о смирном типе и о том, что он вечный муж, П⟨авел⟩ П⟨авлови⟩ч естественно самоуничижен, хотя эта и естественность выходит у него карикатура, ибо стыдится себя.

NB? После неудавшегося убийства *не надо* о пятидесятилетнем В⟨ельчанинов⟩е и бойких слов, — напротив, он принижен. (Не надо и письма *вчерне.*)

NB, NB, NB. Всегдашнее невольное уважение и поклонение В⟨ельчанинов⟩у Павла Павловича.

Вагон. В⟨ельчанино⟩ву сначала потому было тяжело, что он отверг его руку, что сам В⟨ельчанино⟩в и без того всего более боялся на земле быть добрым, чтоб не быть смешным.

Встреча с Молодым человеком. «Вам письмо». — «Отдайте».
Веселый, песню запел, как он пьет.
— Да уж ему очень стыдно.
— Не знаю. Тот искал письмо.

Он был в том вдруг *взбодревшем* настроении человека, избежавшего большой беды, был у доктора, так обрадовался. А оттяпал бы голову.

Анализ после *убийства.* Каждый шаг.
«Хотел ли убить он меня, когда он урыльник искал и когда я так „струсил“ в первый раз в жизни». 2-ой раз он оставил его у себя ночевать из-за *бравады,* что не струсит, и все-таки побоялся отдать браслет.
Что побудило его рассказать тогда об пырке ножом.[2]

После анализу.
Главное, что тянуло В⟨ельчанинов⟩а, после убийства пойти к тому: «Не повесился ли». Это мысль, что все-таки он застал его на кладбище у Лизы. («Он кривлялся, — думал он, — говоря про Лизу, „чем она ему была“, но она действительно тем ему была».) Подпольный шут. Старик, закрывающийся руками.

---

[1] *Было:* этот
[2] *В тексте:* «Хотел ли убить ∾ об пырке ножом. — *чертой отмечена связь мотивов.*

И обратно: *Анализ.* В⟨ельчанино⟩в сам о себе: «Зачем я оставил ночевать, предчувствовал ли?» (и т. д.). Но он (В⟨ельчанино⟩в) не мог не принять вызова. Был ли вызов? Был, был, был из обеих сторон. Да, конечно, был, если он и инструмента не приготовил, а бритвой. Да вот подите же. ⟨с. 75⟩

Прошло 2 года. Настроение и воспоминания В⟨ельчанинов⟩а исчезли, и всему причиною были эти 60 000, поставившие его на приличную ногу.

После убийства: Павел Павлович выходил и смотрел, как бы спрашивая [1] беспокойными глазами: «Что же? Скажешь или нет что-нибудь? Если ты не скажешь, так и я ничего не скажу».

С М⟨олодым⟩ человеком.

П⟨авел⟩ П⟨авлови⟩ч: «Позвольте вам заметить, молодой человек...»

М⟨олодой⟩ ч⟨елове⟩к: «В другое время я бы, конечно, запретил вам называть меня молодым человеком, но теперь, согласитесь сами, что это мое главное преимущество перед вами [2] и что вам очень бы хотелось быть таким же молодым человеком, как я».[3]

Молодой человек при 1-ом свидании П⟨авлу⟩ П⟨авлович⟩у:
— Вам, конечно, уже возвращен браслет?
— Нет.
— Не может быть этого. Через г-на В⟨ельчанинов⟩а.
— Да, действительно.
— Почему же вы не отдали?
— Я забыл.
— Вам, верно, жаль меня было?
— Да, вам не удается.[4]

Перед Молодым человеком и после Статского советника.

№3. (П⟨авел⟩ П⟨авлови⟩ч гораздо в ином свете.) Этот человек, с своей прячущейся и мстительной душой, с своей полнотой жизни с своими правами [5] жить и занимать место, со своим стыдом и со своею радостию, с своей страшной трагедией в душе и злодейством (Лиза).

??? «Протяните мне руку, Алексей Иван⟨ович⟩, протяните, вспомните, что и я человек».

---

[1] *Было:* говоря

[2] *Было начато:* вами все⟨ми⟩

[3] *Незачеркнутый вариант:* хоть немного помоложе *Текст:* С М⟨олодым⟩ человеком. ∾ как я». — *объединен скобкой.*

[4] *Текст:* — Вам, конечно ∾ не удается. — *объединен скобкой.*

[5] *Было:* с своим правом ⟨*не зачеркнуто*⟩

Перед убийством 1-ое вино: «Потому что хочу душу излить». После М⟨олодого⟩ человека выпросил второе вино.

Боль печени у В⟨ельчанино⟩ва: «Извините, П⟨авел⟩ П⟨авлович⟩, я лягу, не могу пить».

«Да как же я вино?»

— Допейте — ночуйте, пожалуй.

— У вас-то? — удивил⟨ся⟩ вдруг П⟨авел⟩ П⟨авлови⟩ч.

— А ведь признайтесь, что вы тогда струсили?

— Чего?

П⟨авел⟩ П⟨авлови⟩ч замолчал и, хитро улыбаясь, [1] смотрел в землю. Это взорвало В⟨ельчанинов⟩а. Гром.

— Ведь вы же не уйдете в этакую собачью погоду.

— Аль остаться, да неужели и всё неудачи?

Допил и лег наконец, потушив свечу.

С В⟨ельчанинов⟩ым хуже, стон.

— Пойду (босой) за Маврой. [2] ⟨с. 76⟩

— Болит, лягу.

Ходит. Собаку нельзя выгнать. (Злоба.) [3]

— Ночуйте, если хотите.

— А ведь вы струсили?

— Нет, я только так, перемоду-с.

После Статского советника, перед Мальчиком.

О вечном муже «приниженно и раздражительно», сам себя выставляет в унизительном и комическом виде. Потом о благородстве В⟨ельчанинов⟩а, чтоб проверить невесту [4] (тут на все вопросы В⟨ельчанинов⟩а остается что-то загадочное: неужели он такой мечтатель?). И наконец, на спрос В⟨ельчанинов⟩а, что же теперь-то он хочет от него, тот говорит: «Не ездите больше туда никогда!» (смысл: чтоб сквитаться). В⟨ельчанино⟩в с удивлением: «Однако вы ужасно преувеличиваете мои средства»; П⟨авел⟩ П⟨авлови⟩ч с жаром, что сегодня еще *ничего*, т. е. нечего опасаться (насчет увлечения девочки В⟨ельчанино⟩вым), — мечтает об уголке — «выпьем!» — *болит.*

Отвращение. Уходит, берет шляпу. Звонок.

№3. «Кроме того, чтобы испытать невесту, — подумал В⟨ельчанино⟩в. — Может, он хотел просто похвалиться передо мной, вот, дескать, какая меня любит! Но какую же наивность, какой восторг надо для этого. Неужели это такой *чистый* человек, но... Лиза, Лиза». (В⟨ельчанино⟩в встал и начал ходить по комнате.)

Анализ. «Что он тогда говорил: „поквитаемся". Мы и прежде поквитались: я у него отнял дочь и он у меня отнял дочь».

---

[1] *Незачеркнутый вариант:* смеясь

[2] *На полях рядом с текстом:* П⟨авел⟩ П⟨авлови⟩ч замолчал ∾ за Маврой. — *помета:* Не надо.

[3] *Вместо:* (Злоба.) — *было:* (— Ночуйте, если хотите.)

[4] *Далее было:* сквитаться

С дачи приехали: «Может быть, может быть, Павел Павл⟨ович⟩, хотели [1] испытать и надеялись на особенное благородство моих чувств. Гм...»

— А теперь всё это мне объясняете, а я вам еще лучше вашего объясню.

— Как же-с?

В⟨ельчанино⟩в: «Просто-запросто вам хотелось мне ее показать: вот какая меня теперь будет любить, посмотри-ка, прежний друг, Ал⟨ексей⟩ Ив⟨анович⟩. Вы в вдохновении были, вы встретили меня... и вам в голову стукнула эта мысль».

— Теперь всё от вас зависит, Ал⟨ексей⟩ Ив⟨анович⟩.

— Чем? [2]

— Не ездите туда.

— Так ведь не я же один. Высоко цените средства. Вы обольстительнее меня и представить себе не можете.

— Сквитаемтесь!

— Там глушь, там будет по-другому-с — только вы-то не ездите! [3]

После убийства. Анализ. «Да, это честный и чистый человек, но — Лиза, Лиза! А как я смею судить, что́ я знаю об нем и Лизе? промелькнувшей в его жизни Лизе? Лиза для меня промелькнула и для него! ..»

Когда выгонял после убийства: не помириться ли? не обнять ли его [4] — единого [5] от малых сих... и не заплакать ли вместе о Лизе. И затем — раздражение и крик.

Анализ. «Зачем он ко мне тогда пришел показать мне рога, задор — даже ручку поцеловал из задора. И... и мог ли он тогда не пить!» ⟨с. 77⟩

NB. Сильное

Когда после дачи В⟨ельчанино⟩в объяснил, «какая, дескать, у тебя была еще мысль звать на дачу», П⟨авел⟩ П⟨авлови⟩ч, сказав «поквитаемтесь», вдруг сказал и другую мысль:

— У меня и другая мысль была, Алексей Иванович: поквитаемтесь! (т. е. вы просили тогда объяснений). Кончимте всё, выпьемте, помиримтесь и расстанемтесь навсегда-с.

«А Лиза, Лиза, Лиза?» — дум⟨ал⟩ В⟨ельчанино⟩в.

---

[1] *Было:* и не хотели

[2] *Было:* — Как?

[3] *Текст* «Что он тогда ∾ не ездите! — *вписан. К нему относится также запись на полях с. 78:* Это всё эти подружки теперь ее мутят. Но там у нас будут другие подружки.

[4] *Далее было начато:* не заплака⟨ть⟩

[5] *Было начато:* единст⟨венного⟩

Слезы: «Я вас любил, Алексей Иванович, — любил истинно-с. Если уж этот... Я вас все 10 лет истинно уважал-с».

— И теперь любите и уважаете?

— Да-с, и теперь-с.

— Али ненавидите?

— Н-нет-с.

— Знаете, Павел Павлович, именно потому, что говорите, что любили меня и любите, — потому и ненавидите. Сами не знаете — я вам, пожалуй, пример скажу. Два человека, тянет к камину, ⟨*3 нрзб.*⟩ — так и ко мне вас тянуло. Порченые мы люди, Павел Павлович.

(«А Лиза? Лиза? Лиза?» — думал еще раз Вельчанинов.)

(Молчание.)

Павел Павлович сидел, как бы выжидая и робея.

— Не поедете?

— В Петербург ехав, я решился вас... пощадить-с.

— Что такое «пощадить»? — думал Вельчанинов.

(Взаимное молчание.)

— Так не поедете-с?

— О, ко-не-чно не поеду! — вскри⟨чал⟩ Вельчанинов. (Это уже второй раз ответ, что не поедет.)

— Верю слову-с, верю и — не говорите мне потом, что я дурак, что поверил.

«Ну как я отдам ему браслет?»

(Колокольчик.)

№3. (Сильное)

Когда в грозе: «Остаться или нет?»

Вдруг ни с того ни с сего:

— Я послезавтра уеду, Алексей Иванович.[1]

Засыпая перед убийством.[2]

«Нет, он сильно меня ненавидит, — думалось В⟨ельчанино⟩ву засыпая. — Именно потому, что говорит, что любил.

Повез показать. Если б он не ненавидел, он бы меня не повез.

Это похоже на то, когда человек, нарочно встретив в обществе неприятеля своего, как бы лезет к нему, становится с ним рядом у камина, принимает разные виды — что-то тянет его к нему. Так и его ко мне потянуло — сам не знал отчего». ⟨с. 78⟩

После дачи. В коляске: «Поймите, что надо объясниться окончательно. Вы спрашивали объяснений. Ну теперь я всё хочу объяснить».

---

[1] *Текст:* Когда ∾ Алексей Иванович. — *объединен скобкой и отмечен крестом.*

[2] *Далее помета, имеющая в виду размещение материала по главам:* или «Анализ», в «Анализе» лучше.

Приехали. «Вы знаете, не могу без шампанского».
О вечном муже в кратких, но сильных чертах.
— Поняли меня теперь?
— То, что вы сказали, понял.
— Знаете ли, для чего я вас позвал? (для благородства).
— Еще вот для чего. Однако много цените мои средства.
— Сквитаемтесь! [1]

После дачи. Павел Павлович: «Нет, вы всего не знаете. Я думал, я вам всё расскажу, когда сюда ехал, но я ничего не в силах рассказать, не умею».

Павел Павлович: «Я всё понимаю. Я вас любил» (заплакал).

— Знаете что, Павел Павлович, именно потому, что вы плачете, именно потому, что говорите «любил», вы меня ненавидите. Сами не знаете. Мы порченые люди, Павел Павлович, оба никуда не годимся, и лучше нам расстаться — да и скорей бы...

Павел Павлович встал.
— Вы что-то нездоровы.
— Решительно нездоров.

АНАЛИЗ

«Лиза — его тайна, об Лизе он ничего не говорил, когда сказал мне: „Сквитаемтесь". Об Лизе мы не говорили ни слова оба — и старались не говорить. (Это замечательно.) Ведь потому-то я и угадал инстинктом, что он меня ненавидит, что об Лизе продолжала быть тайна».

М⟨олодой⟩ ч⟨елове⟩к: «Но Надя геройски выдержала характер перед отцом. Ее теперь заперли, и она сидит».

(Главнейшее.)

После тарелки: «Благодар⟨ю⟩ вас», за руку. «Я понимаю, я вам верю, вы гораздо лучше [2] — я понимаю — Лиза. Вы тоже страдали — я понимаю — вы... [3] я не умею...» Слезы на глазах у Павла Павловича. «Я послезавтра уеду-с».[4] ⟨с. 79⟩

ЛОБОВ

Мальчик: «Мы давно уже любим друг друга и дали друг другу слово. Вы между нами помеха. Я пришел вам предложить очистить место.[5] Угодно или нет?»

---

[1] *Далее между строками обведенная рамкой запись:* НА ЧЕМ ОБЖЕГСЯ
[2] *Далее было:* наивнее и чище
[3] *Далее было:* про то думали
[4] *Текст:* После тарелки ∾ уеду-с». — *объединен скобкой, отмечен крестом и сопровожден записью:* (Может быть.)
[5] *Далее было начато:* Вам

(В лорнет на бутылку.)

В⟨ельчанино⟩в: «Я позабыл» (отдать браслет).

— Это подозрительно, — ск⟨азал⟩ М⟨олодой⟩ ч⟨еловек⟩, нагло огляды⟨вая⟩ В⟨ельчанино⟩ва.

— Что?

— По крайней мере странно, согласитесь сами.

В⟨ельчанино⟩в фыркнул от смеха, мальчик рассмеялся [1] и сам.

— Впрочем, конечно, от недоразумения. (Вы, может, и пожалели господина... [2])

— Вы можете и не уходить, — обратился мальчик к В⟨ельчанино⟩ву.

— Да и мне и некуда уходить, я у себя, — заметил В⟨ельчанино⟩в.

— Я, признаюсь, даже желаю, чтоб вы были свидетелем нашего разговора. Надежда Федосеевна довольно лестно[3] мне вас отрекомендовала.[4] Я только что оттуда.

— Как же вы могли с ней сегодня говорить, когда вас не принимают?

— Ах, боже мой, да ведь можно через забор говорить! из саду.

Управляющий в расстроенных имениях графа Завалевского.[5]

— Как, однако же, гроза.[6] Хорошо, что я до грозы поспел. Я ведь пешком.

— Захлебинин меня определил. Знаете, ведь он порядочный человек.

— Знаю-с.[7]

— Но... древняя голова, и бог знает во что верит. Одним словом, я не мог снести и прямо сказал старику, что мне не нравятся его приемы, — хотя, впрочем, я и уважаю его.[8]

Двигатель на железной дороге: «Что вы морщитесь?»

— Так, нездоров.

---

[1] *Было:* засмеялся

[2] *Вместо:* и пожалели господина — *было:* жалели его

[3] *Далее было начато:* об вас

[4] *Было:* рекомендовала

[5] *Было:* Свистунова

[6] *Далее было начато:* Я до грозы

[7] *Далее было:* Добрый-с. — Да, но я не мог снести обращения этих чиновников ⟨*не зачеркнуто*⟩

[8] *Вместо:* и уважаю его — *было начато:* я и симпатизирую ⟨*не закончено*⟩

— Я не мешаю ли вам?

— Да, если хотите.

— Чего тут хотеть, когда у человека живот болит. Вы помните: у К⟨обыльников⟩а живот болит, у Салтыкова?

— Помню.

— Премило. Главное — метко. Вам нравится[1] Салтыков?

— Уважаю.

— И я тоже. Итак, я вам повторяю: не упорствуйте, размыслите хоть раз в жизни здраво, бросьте ваше старческое упрямство. Плохо ведь будет.[2] До свидания; очень рад знакомству, — обрат⟨ился⟩ он к В⟨ельчанинов⟩у, кивнул ему головой и вышел.

Милый мальчик. ⟨с. 80⟩

Вагон. Перепутье двух дорог, ждал толчка. Прожитая жизнь, всеобщая органическая связь и ответственность людей меж собою, всё просмотрел, оторвался.

Сладострастие от мысли, что есть 60 000 и что обеспечен.

Вагон. Сладко, купеческим голосом, с презрительным распевом: «Вишь, Митенька! Шлюха! И в публике[3] не стыдятся». И подойдя вплоть: «Шлюха ты, шлюха, хвост отшлепала».[4] Гусар ругался и кричал насчет зарубить.[5]

Искала глазами В⟨ельчанино⟩ва.

Вагон. Он не заехал к своей даме (после, впрочем, каялся).

Вагон. Несмотря на перерождавшееся общество, ему все-таки хватит на обед. «Как бы там ни перерождались люди, у меня всегда будет этот вкусный обед».

Вагон. «Я человек пустой, до глупости добрый» (Вельчанинов мало того что почему-то считал себя добрым, но и стыдился этого всю жизнь как главного своего позора).

Вагон. Мелькнувшая фантазия об Лизе и об возрождении[6] в отцовском доме.

Вагон. Насколько выше его этот Квазимодо, так высоко ставящий его средства обольщения и так смешно испугавшийся их еще давеча. И, конечно, совершенно не замечающий Митеньку после всего, что было.[7]

---

[1] *Было:* Вы любите?

[2] *Далее было:* Окончательно плохо.

[3] *Было:* Меж народом

[4] *Было:* загрязнила

[5] *На полях против этого места запись:* Закутивший второй день на станции.

[6] *Было начато:* святости

[7] *Незачеркнутый вариант:* и так смешно испугавшийся их еще давеча после всего, что было, и наверно совсем не замечая Митеньку.

И что он лишний русский человек. И всю свою жизнь проживший между своих иностранцем. «Что мне осталось — за границу ехать, где приют всех лишних русских людей, всех ненужных русских людей, всех ничтожеств и нулей русской земли»[1].

Посватался, но испугался обязанностей.

Вызвать на дуэль, но робевший перед каждым трудом, перед каждою обязанностию.[2]

С жен⟨щи⟩ной говорил. «Э, живи как живется» — и про себя:

«А поеду-ка [3] за границу. — В самом деле, поеду-ка за границу!» ⟨с. 81⟩

ГЛАВА V-Я

«Но неужели ж, неужели ж он и вправду не подозревает меня. В таком случае это полный тип, настоящий тип.[4] (Я писем не писал, улик нет.)

Отвечать мне нелепо,[5] и я не отвечал по почте из осторожности. А в первые два месяца из Петербу⟨рга⟩ писал каждые 3 дня. Но на имя обоих (ужасно длинные письма. Покраснел).

Тень.

Засыпая, вдруг вспомнил, что была записочка о Ступендьеве. В сам⟨ом⟩ деле, откуда знает он о Ступендьеве?

N3$_1$. Не надо плевка.

N3$_2$. После убийства сидел другой человек.

Сорвать траур.

N3. — Вы, кажется, хороший человек; отдайте браслет.

Умоляет о шампанском (злится на Вельчанинова за утро). Пьет один.

Молодой человек.

— Я ее в бараний рог скручу, узлом завяжу.

— Вы пьяны.[6]

— Нет, не очень (действитель⟨но⟩ много не допил из бутылки).

— Надоели.

В три часа убийств⟨о⟩.

Другой человек.

Браслет на другое утро («Хотел отдать вчера, да уж очень вас жаль было, возьмите же. Мне не надо»).

---

[1] *Вместо:* где приют ∾ земли». — *незачеркнутый вариант:* куда выплескивает Россия ежегодно все подонки русских людей, лишних, не нужных лю⟨дей⟩⟨?⟩ России.

[2] *Далее было:* бежит за границу. И конечно лучше всего учит ⟨*не закончено*⟩

[3] *Далее было:* лучше

[4] *Далее было начато:* Письмо

[5] *Было:* и я из осторожности

[6] *Далее было:* Надоели.

Швырнуть хотел.

— Пригодится, ведь вы женитесь же. Позовете на свадьбу, в шафер⟨а⟩ позовите. ⟨с. 12⟩[1]

Его тон нежный и льстивый постоянно, но прорывающийся самыми наглыми, или бешеными, или неподходящими вспышками.

НОВЫЕ МЫСЛИ

1-я мысль. Главная и трудная сцена. Пристроив Лизу, воротился домой, застал Павла Павловича. Известие, что умер Багаутов. Просит вина; очень весел. Признается, что пил вчера, говорит, что он был с рогами, что он *муж,* но «вы, вы, в вас я верую».

2-я мысль. Лиза больна.[2] В карете ехал за гробом. Вечером опять пить. «Вы бы его отравили. Почему не отравить?» Смирный и буйный тип. Убийство. Ночь, привидение. Плевок. (Вель⟨чанино⟩в сам себя стыдится, что струсил. «Я испугался вас, как вы закричали, пить не буду».)

3-я мысль. ? Вельчанинов ездил справляться по просьбе Лизы — хозяйка говорит, что ⟨- - -⟩. Несколько дней его нет, встречает в б⟨орде⟩ле, в драке, везет к Лизе. От Лизы едут: что-нибудь злобное и серьезное. «Нет, я у вас ночевать не буду».

4-я мысль. Смерть Лизы. Муж в харчевне у кладбища. Драка. Ведет домой. Говорит ему грубо и откровенно. «Действуйте как благородный человек! Я жениться хочу. Я смирный тип и муж. Я жениться хочу». Визит к ней. «Послезавтра еду». — «Правда?» — «Надоели».

5-я мысль. Визит — игры. Вельчанинов одерживает верх. Злоба. Возвращение. Укладывание чемодана. Презрение Вельчанинова открытое.

6-я мысль. Молодой человек. Ночь, резн⟨я⟩.

7-я мысль. Наутро. Повесился. Встреча с Молод⟨ым⟩ человеком.

В ЧЕЛОВЕКЕ ЭТОМ ВИДНА БЫЛА РОЛЬ И МАСКА, НО ОН ДО ТОГО БЫЛ НАГЛ, ЧТО ИНОГДА[3] СОВСЕМ И НЕ ЗАБОТИЛСЯ О ТОМ, ЧТО РОЛЬ НА НЕМ ВИДЯТ И ЧТО МАСКА СВАЛИВАЕТСЯ.

Шампанское на столе (потчует). Фотографическая карточка.

Совершенное воплотие.

---

[1] *Здесь и далее в ломаных скобках указаны страницы тетради Достоевского: ЦГАЛИ, ф. 212. 1. 8.*

[2] *Далее было:* Вечером

[3] *Далее было:* НЕ

№3. 1-я мысль. Извиняется во вчерашнем подпитии, и Лиза (признается сам) от этого терпит. (Хозяйка жалуется, что запер девочку.)

2-я мысль. «Тень ее вижу». — «Э, вздор, оставьте».

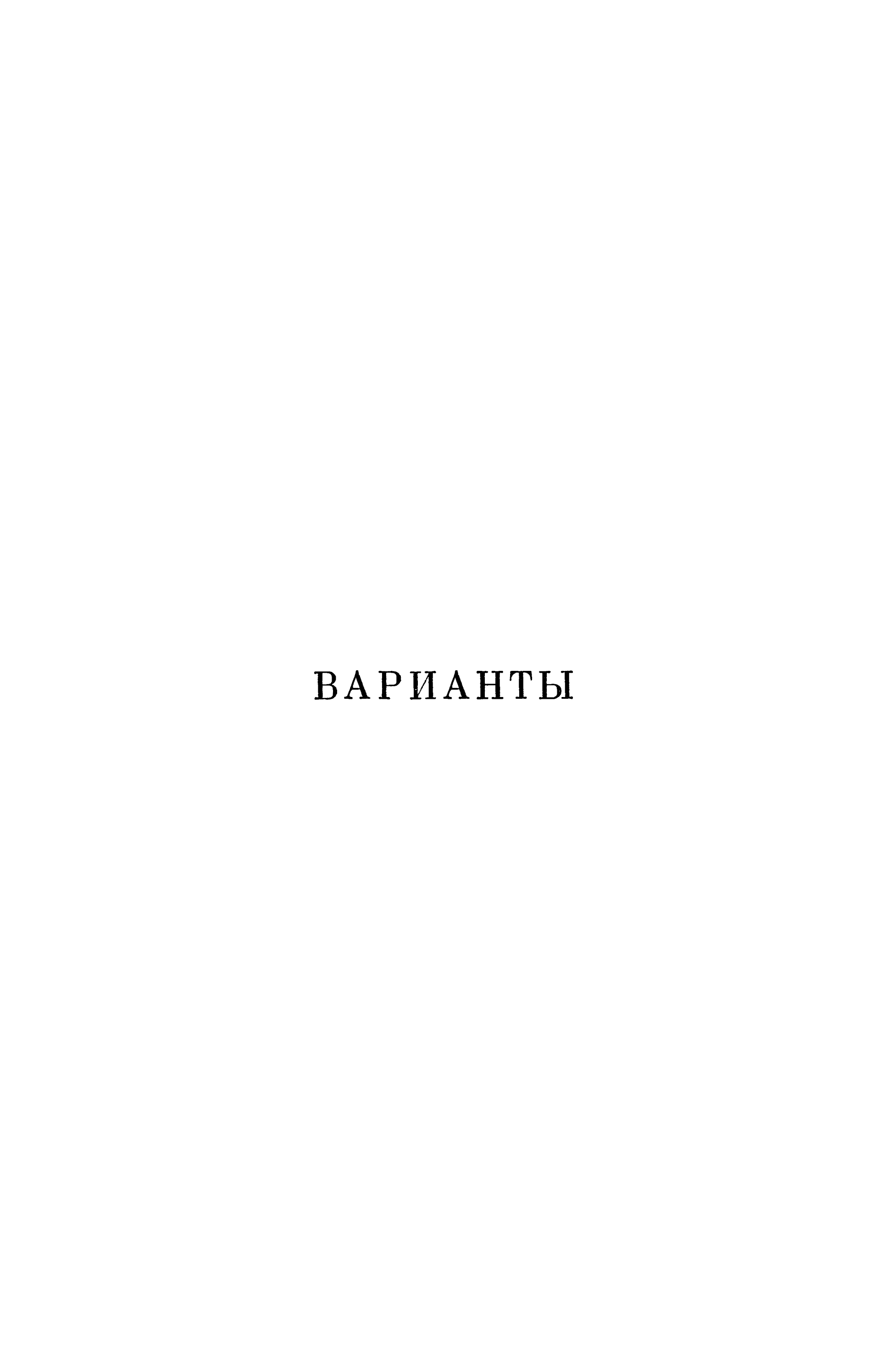
3-я. После смерти Багаутова. «При вас, помните, артиллерийский поручик»; убить Багаутова, тут напился и нагло проговаривается (горлица). Хохот.

Вельчанинов холодеет (досадливо отвер⟨нулся⟩). «Да, неприлично вам». Смирный и хищный тип, раздражает⟨ся⟩.

Опять тень. Ковер. Плевок.

№3. К 4-й мысли — или жениться, или повеситься (теория повешения).

Перед зарезом, засыпая: вспомнил, как вспоминал про Трусоцкого с угрызениями и считал грехом. ⟨с. 13⟩

ВАРИАНТЫ

ИДИОТ

(Том VIII, стр. 5)

Варианты прижизненных изданий (РВ и 1874_1) [1]

Титульный лист:

Идиот. Роман в четырех частях. / Идиот. Роман. (Посвящено Софье Александровне Ивановой).

Стр. 8.

35 не знал и не понимал / не знал и не помнил

Стр. 13.

18 Секи! / Секи! Тем самым приобретешь!
21 что он уехал / что уехал

Стр. 39.

9 Афанасий Иванович морщился / но Афанасий Иванович стал подозрителен: он морщился

Стр. 42.

32 Под конец она даже так разгорячилась / Она даже так разгорячилась

Стр. 44.

26 *После:* в другую сторону — и под шумок избежать вопроса о жемчуге.

Стр. 48.

39–40 их не видывал / я их не видывал

Стр. 53.

7–8 Жил ли каждую минуту «счетом»? / Жил ли каждую-то минуту «счетом»?

Стр. 63.

19 все-таки виделись / все-таки видались
21 это всё уладилось / всё это уладилось

Стр. 64.

44–45 пока он простится / покамест он простится

---

[1] *Варианты только «Русского вестника» приводятся без сиглов. В случае совпадения их с вариантами 1874_1 указываются оба сигла.*

Стр. 68.

22–23 сильнее еще поразило / еще сильнее поразило

Стр. 75.

34 *После:* и даже покраснел от стыда — что его так неожиданно поймали.

Стр. 77.

31–32 умно и интересно / умно и приятно

Стр. 93.

25 сигару / сигарку

Стр. 94.

26 выкинута в окно / выкинута за окно

Стр. 102.

28–29 желая продолжить визит / желая продолжать визит

Стр. 104.

43 спросил он князя / спросил он вдруг князя

Стр. 108.

40 *После:* Генерал Иволгин и князь Мышкин! — Одним словом... эффект!

Стр. 110.

37 на одну минуту / на одну минутку

Стр. 120.

24 чтоб было искренно, не лгать! / чтоб было искренно, но и не лгать!

Стр. 121.

7 Идея никому не нравилась. Одни хмурились / Идея была чрезвычайно странная и никому почти не понравилась. Одни нахмурились

10 *После:* как увлекает ее эта странная мысль — может быть, именно тем, что странная и почти невозможная.

Стр. 124.

38 очень грязны / очень грязны, Настасья Филипповна

Стр. 126.

13 старуху же оставляем / старуху же оставляю

22 вывела меня из последних границ; кровь закипела / вывела меня из себя; прапорщичья кровь закипела

34 Первым словом Никифора / Первым словом Никифор

Стр. 130.

18 так и сделаю / так я и сделаю

Стр. 131.

1–5 *После:* и я отказала — так разве не серьезно?

Стр. 136.

36–37 хошь и за сто бы тысяч! ∾ вишь ведь! / хоть и за сто бы тысяч! Правда, сто тысяч — пишь ведь!

42 Не сердись, Дарья Алексеевна / Да ты не сердись, Дарья Алексеевна

Стр. 137.

6–7 на Васильевский остров / на Васильевский

22 Какой слог! / Какие слова!

Стр. 142.

8 потому что / потому, потому что

Стр. 143.

4 как сам жениться хотел / что как сам жениться хотел

Стр. 148.

32–33 *После:* не Настасью Филипповну надо... — Так что даже и хорошо, что так обернулось.

Стр. 157.

1 Его очень поразило / Его несколько поразило

Стр. 162.

38–39 к дяде Лукьяну пойду / к дяде Лукьяну подойду

Стр. 164.

5 срамит / страмит

Стр. 171.

44 не шла к нему / очень не шла к нему

Стр. 178.

41–42 как младенцем стала / как младенец стала

Стр. 187.

40 до поверки / до проверки

Стр. 194.

21 *После:* останавливаясь в воротах. — Одно сегодняшнее обстоятельство особенно представилось ему в это мгновение, но представилось «холодно», с «полным рассудком», «уже без кошмара». Ему вдруг припомнился давешний нож на столе у Рогожина. «Но почему же, в самом деле, Рогожину не иметь сколько угодно ножей на своем столе!» — ужасно удивился он вдруг на себя и тут же, оцепенев от изумления, представил себе вдруг и свою давешнюю остановку у лавки ножовщика. «Да какая же, наконец, тут может быть связь!..» — вскричал было он и не докончил.

Стр. 198.

39 в табельные и царские дни / в табельные и в царские дни

Стр. 201.

36 это всего минута / это всё минута

Стр. 207.

31–32 трудно было поверить / трудно было понять

Стр. 210.

16–17 насмешливо улыбнулся / насмешливо улыбался

Стр. 215.

41 все, отрекомендовавшись, тотчас же нахмурились / все отрекомендовались, тотчас же нахмурились

Стр. 218.

17–18 одна треть оброка / одна треть оброку

Стр. 228.

20 обратился к ним / обращался к ним

Стр. 237.

11 Пойдешь или нет? / Пойдешь? Пойдешь или нет?

Стр. 239.

34 дух переводишь / дух переводит

Стр. 247.

47–48 Стало быть, не нужен, стало быть, дурак / Стало быть, дурак, стало быть, не нужен

Стр. 248.

27–28 молчанием, пассивным любопытством / молчанием и пассивным любопытством

Стр. 257.

32 очень выкупаете / очень много выкупаете

Стр. 258.

15 не находите в этом предосудительного / не находите в этом ничего предосудительного

Стр. 264.

41–42 укоризненно, чуть не шепотом / укоризненно, но чуть не шепотом

Стр. 266.

22 Тысячу лет / Тысячи лет

Стр. 268.

12 даже не умел / даже не мог

19–20 уж конечно, самой досадно было / или... или, может быть... может быть, самой досадно стало

25 на зубок подымет! / на зубок подымет, рада!

Стр. 269.

14–15 считались ∾ рекомендацией / считался между самими служащими, еще недавно, чуть не величайшею добродетелью и рекомендацией

34–35 бóльшая часть этих миллионов должна была / бóльшая часть этих миллионов должны были

Стр. 272.

9 И как хорошо, и как прилично / И как хорошо, как прилично

Стр. 273.

21 уважал за это / уважал

Стр. 276.

23–24 перестало существовать / перестало быть кастой

Стр. 280.

19 хорошо поступили / хорошо сделали

Стр. 284.

40 кричала Аделаида / вскричала Аделаида

Стр. 288.

35 были комфортно одетые / были люди комфортно одетые

Стр. 289.

46 взглянул / заглянул

Стр. 293.

14–15 и совсем смерклось / и совсем смеркалось

Стр. 294.

5 *Слов:* как она попала — *нет.*

Стр. 301.

17 *После:* к этой девушке. — От этой мысли ему стало бы стыдно:
21 был равнодушен собственно к шалости / был равнодушен к этой идее

Стр. 304.

33 вскричал / вскрикнул

Стр. 310.

22–23 Это ведь важно в этом случае/ Это ведь важно знать

Стр. 312.

48 никогда не дотрогивался / никогда не касался

Стр. 313.

3 о подобных мыслях / о подобных вещах
8–9 почти всегда невероятна и неправдоподобна / почти всегда и невероятна и неправдоподобна

Стр. 314.

40–41 (Я беру половину на половину.) / (Я беру половину, половину на половину.)

Стр. 319.

12 осведомился другой / осведомлялся другой

Стр. 321.

16 *После:* не мог устроиться. —
— Помешался али бредит! — пробормотал чуть слышно Рогожин.

Стр. 322.

24 Поверить это / Проверить это

Стр. 328.

3 не сумел... «развиться» / не сумел... «объясниться»

Стр. 330.

45 тощей груди / тощей маминой груди

Стр. 335.

19 Единичное добро / Единичное доброе дело

Стр. 336.

9–10 скрытых от нас / сокрытых от нас
31 В ту минуту / В эту минуту

Стр. 344.

7 жизнь множества существ / жизнь миллионов существ

Стр. 349.

25 к Фердыщенке / к Фердыщенку
34 в самом деле без чувств / без чувств

Стр. 356.

31 Я это всё сразу поняла / Я всё это сразу поняла

Стр. 358.

40–41 даже и *теперь* не понимающий *всех слов* ребенок / даже не понимающий *всех слов* ребенок
46 прямо замуж пойду / прямо и замуж пойду

Стр. 362.

9 не знал, что сказать / не знал иногда, что сказать

Стр. 364.

6 что я пожалуюсь отцу и что / что я пожалуюсь отцу, что
12 вскричала Аглая / вскрикивала Аглая

Стр. 367.

14 это низко, неестественно! / это низко и неестественно!

Стр. 372.

46 Этого мало / Это мало

Стр. 376.

29 уверяю вас / но уверяю вас

Стр. 377.

10 Какой же после того опасный человек / Каков же после того опасный человек

Стр. 378.

26 *Слов:* всего этого — *нет.*

Стр. 380.

31 почти не существую / почти что не существую

Стр. 381.

7–8 будто послышалась ему / как будто послышалась ему

Стр. 383—384.

44–1 сколько-нибудь интересными / хоть сколько-нибудь интересными

Стр. 386.

33 «Коли подличать / «Коли уж подличать

Стр. 398.

39 хотя и... смешной / хотя и... довольно смешной

Стр. 400.

11 но и не струсь / да и не струсь

Стр. 401.

27 о Епанчиных, о князе и Лебедеве / о Епанчиных, о князе, о Лебедеве

Стр. 404.

7 и в том была задача / и это была задача
45–46 «за честь почитая» / «за честь почел»

Стр. 412.

1–2 Генерал ∾ чуть не с насмешкой. / Генерал тоже как бы чуть-чуть смутился, но в то же самое мгновение посмотрел на князя решительно свысока и чуть не с насмешкой.

Стр. 415.

10 дух партии / дух партий
14–15 написал к нему / писал к нему

Стр. 421.

28 фантастическая картина / фантастическая картина какая-то

Стр. 432.

38 это утешение / это мне утешение
40 какое же в этом утешение / какое же мне в этом утешение

Стр. 435.

24 Я не про Белоконскую одну говорю / Я не про Белоконскую говорю

Стр. 436.

15 На этот раз я уж серьезно говорю! / На этот раз я серьезно говорю!

Стр. 440.

29 Что вы надеялись получить? / Что вы надеялись там получить?

Стр. 443.

46 тоже считал своим благодетелем / считал своим благодетелем (*РВ* и *1874_1*)

Стр. 444.

27 к «заповедному кругу» / к «заповеданному кругу»
29 в этом «заповедном» круге / в этом «заповеданном» круге

Стр. 450.

12–13 *После:* и убежал от них, ха-ха! — Право, от них убежал... (*РВ* и *1874_1*)

Стр. 451.

11 *Слов:* в Европе — *нет.* (*РВ* и *1874_1*)

Стр. 453.

21–22 Вся эта горячешная тирада ∾ мыслей / Вся эта дикая тирада, весь этот наплыв странных и беспокойных слов и беспорядочно-восторженных мыслей (*РВ* и *1874_1*)

Стр. 457.

10 не утерпела и проговорила / не утерпела и проворчала

Стр. 458.

36 *После:* такой мальчик? — Конечно, нет! О, вы сумеете забыть и простить тем, которые вас обидели, и тем, которые вас ничем не обидели; потому что всего ведь труднее простить тем, которые нас ничем не обидели, и именно потому, что они *не* обидели и что, стало быть, жалоба наша неосновательна: вот чего я ждал от высших людей, вот что торопился им, ехав сюда, сказать и не знал, как сказать... (*РВ* и 1874_1)

Стр. 461.

2–3 тот попробовал порасспросить / он попробовал порасспросить (*РВ* и 1874_1)

Стр. 463.

38 признаком большой глупости / признаком глупости (*РВ* и 1874_1)

Стр. 467.

15–16 по всему телу его / по всему телу князя (*РВ* и 1874_1)

Стр. 475.

5 Ведь она... такая несчастная! / Ведь она... сумасшедшая! (*РВ* и 1874_1)

Стр. 477.

28–29 *После:* не насчет нигилистических оттенков события — о, нет! (*РВ* и 1874_1)

Стр. 478.

13 сколько бы их ни приводили / сколько бы мы их ни приводили

Стр. 481.

5 смотрела так / смотрела (*РВ* и 1874_1)

Стр. 486.

41 *После:* принцессу де Роган — или по крайней мере де Шабо (*РВ* и 1874_1)

Стр. 487.

22 уже в день свадьбы / уже за день до свадьбы (*РВ* и 1874_1)

Стр. 488.

13–14 если всё таких брать в опеку / если всех таких брать в опеку
38 за то, что тот почти не ходил / за то, что почти не ходил (*РВ* и 1874_1)

Стр. 495.

18 постучались к нему / постучалась к нему

Стр. 496.

47 в этой квартире / на этой квартире

Стр. 504.

12 на цыпочках прошла / на цыпочках пришла (*РВ* и 1874_1)
47 — Ноги нейдут / — Ноги не идут (*РВ* и 1874_1)

Стр. 505.

12 взял его за руку / взял его под руку (*РВ* и 1874_1)
25 жалко будет, друг / жалко будет, парень (*РВ* и 1874_1)
32–33 перед моей свадьбой / перед свадьбой (*РВ* и 1874_1)
41 И... и вот / И... и... и вот

Стр. 508.

18 человек хороший / человек деловой (*РВ* и 1874_1)

ВЕЧНЫЙ МУЖ

(Том IX, стр. 5)

Варианты прижизненных изданий (3)

Стр. 6.

29 тут помогло тщеславие / тут помогло и тщеславие

Стр. 12.

37–38 знаешь его очень хорошо — и знаешь про то, что именно оно означает / знаешь его очень хорошо — и знаешь про то, что знаешь его; знаешь, что именно оно означает

Стр. 31.

24 в соседнюю комнату / в соседнюю комнатку

Стр. 33.

15–16 в комнату к Лизе / в комнатку к Лизе

34 протяни руку-то / протяни ручку-то

Стр. 37.

38 прекрасными глазами / прекрасными глазками

Стр. 39.

36 в свете / на свете

Стр. 42.

16 стал от него прятаться / стал уже от него прятаться

Стр. 45.

25 не объяснивши / не объяснимши

Стр. 46.

30 с ключом-с / с ключиком-с

Стр. 52.

38 прошептала / прошептала ему

Стр. 53.

18 сидел в жилете / сидел в одном жилете

Стр. 55.

43–44 дамы его сердца / дамы своего сердца

ПРИМЕЧАНИЯ

В основном тексте девятого тома публикуются повесть «Вечный муж» (1869—1870), а также впервые вводимые в состав собрания сочинений планы и наброски неосуществленных и незавершенных произведений, задуманных в годы работы над «Идиотом» или после окончания «Идиота», но до оформления замысла «Бесов» (с 1867 по январь—февраль 1870 г.). Самый важный по своему идейно-художественному значению из этих неосуществленных замыслов — план эпопеи «Житие великого грешника» (первоначально «Атеизм», 1869—1870), многими коллизиями и отдельными сюжетными мотивами которой автор впоследствии воспользовался для трех своих последних романов: «Бесы» (1870—1872), «Подросток» (1874—1875) и «Братья Карамазовы» (1878—1880). Из числа набросков, предваряющих работу над «Бесами», исключение сделано для записей к повести о капитане Картузове (1869—1870); ввиду тесной их связи с текстом «Бесов», куда сюжет повести о Картузове вошел в качестве одного из частных эпизодов (линия капитан Лебядкин — Лиза Тушина), редакция сочла целесообразным материалы к повести о Картузове перенести в одиннадцатый том настоящего издания, где ими открывается публикация подготовительных этюдов и черновых материалов к «Бесам».

В раздел «Другие редакции» вошли черновые материалы к роману «Идиот» и к «Вечному мужу». В разделе «Примечания» печатаются комментарии к «Идиоту» и рукописным редакциям романа, к «Вечному мужу» и помещенным в данном томе наброскам и планам.

В период работы над каждым крупным произведением у Достоевского возникал ряд параллельных творческих замыслов. Некоторые из них известны нам лишь по воспоминаниям современников, другие получили отражение в письмах и рабочих тетрадях писателя.

С. В. Ковалевская вспоминает, что весной 1865 г. в одно из посещений дома ее отца Достоевский рассказал ей и ее сестре «сцену из задуманного им еще в молодости романа. Герой — помещик средних лет, очень хорошо и тонко образованный, бывал за границей, читает умные книжки, покупает книги и гравюры. В молодости он кутил, но потом остепенился, обзавелся женой и детьми и пользуется общим уважением.

Однажды просыпается он поутру, солнышко заглядывает в окна его спальни; всё вокруг него так опрятно, хорошо и уютно. И он сам чувствует себя таким опрятным и почтенным. Во всем теле разлито ощущение довольства и покоя. Как истый сибарит, он не торопится проснуться, чтобы по-

дольше продлить это приятное состояние общего растительного благополучия.

Остановившись на какой-то средней точке между сном и бдением, он переживает мысленно разные хорошие минуты своего последнего путешествия за границу. Видит он опять удивительную полосу света, падающую на голые плечи св. Цецилии, в мюнхенской галерее. Приходят ему тоже в голову очень умные места из недавно прочитанной книжки „О мировой красоте и гармонии".

Вдруг, в самом разгаре этих приятных грез и переживаний, начинает он ощущать неловкость — не то боль внутреннюю, не то беспокойство. Вот так бывает с людьми, у которых есть застарелые огнестрельные раны, из которых пуля не вынута: за минуту перед тем ничего не болело, и вдруг заноет старая рана, и поет, и ноет.

Начинает наш помещик думать и соображать: что бы это значило? Болеть у него ничего не болит; горя нет никакого. А на сердце точно кошки скребут, да всё хуже и хуже.

Начинает ему казаться, что должен он что-то припомнить, и вот он силится, напрягает память... И вдруг действительно вспомнил, да так жизненно, реально, и брезгливость при этом такую всем своим существом ощутил, как будто вчера это случилось, а не двадцать лет тому назад. А между тем за все эти двадцать лет и не беспокоило это его вовсе.

Вспомнил он, как однажды, после разгульной ночи и подзадоренный пьяными товарищами, он изнасиловал десятилетнюю девочку» (см.: *Ковалевская*, стр. 106—107).

Сохраненный для нас С. В. Ковалевской замысел не был осуществлен. Но основное его зерно — история «образованного» помещика, которого мучит воспоминание о совершенном им гнусном насилии над ребенком, получило дальнейшее развитие в «Преступлении и наказании» (Свидригайлов) и в «Бесах» (исключенная из окончательного текста романа по требованию редакции «Русского вестника» глава «У Тихона» — см.: наст. изд., тт. XI и XII).

Планы и наброски 1867—1870 гг. можно условно подразделить на две группы.

Первая группа («*Идея. Юродивый...*», ⟨Роман о помещике⟩, ⟨Роман о христианине⟩, «Одна мысль (поэма). Тема под названием „Император"») возникла в период создания «Идиота». По своему содержанию соответствующие замыслы тесно связаны с различными моментами творческого процесса работы над этим романом. Связь эта освещена в комментариях.

Более обширна и разнохарактерна по образам героев и тематике другая группа набросков, которые также публикуются в данном томе. Они относятся к первому году после окончания «Идиота», когда романист в творческом отношении находился на распутье. Задумав в последний период работы над «Идиотом», в конце 1868 г., роман «Атеизм», Достоевский, как видно из его писем, считал, что к осуществлению этого замысла он сможет вплотную приступить не раньше, чем через два года, — после того как закончит изучение необходимого материала, разделается с другими — более срочными — обязательствами и, расплатившись с долгами, вернется в Россию (см. об этом ниже, стр. 500—501). В течение длительного времени писатель колебался между различными — сменявшимися — замыслами, предназначая их то для

«Русского вестника», куда он, связанный долгом М. Н. Каткову, обещал дать в начале 1870 г. новый роман, то для начавшего выходить с 1869 г. в Петербурге славянофильского журнала «Заря», где главную роль играл Н. Н. Страхов — друг и корреспондент Достоевского, бывший сотрудник его журналов, который от имени издателя В. В. Кашпирева просил писателя о сотрудничестве. Но из многочисленных замыслов этого года, которые часто по внутреннему, философско-психологическому содержанию связаны между собой (Достоевского вновь особенно привлекает в этот период тема глубоко скрытых, «подпольных» переживаний человека с изломанной, болезненной психологией, — человека, который боится признаться в них себе и другим), осуществлена в конце концов была лишь повесть «Вечный муж», опубликованная в «Заре» в январе—феврале 1870 г. Остальным не суждено было получить дальнейшего развития. Тем не менее знакомство с ними существенно и для восстановления отчетливой картины движения творческой мысли Достоевского в 1869 г., и для изучения истоков позднейших произведений романиста — от «Бесов» до «Кроткой» (см. на стр. 119 фрагмент ⟨N3. После Библии зарезал⟩, который можно считать первым, еще отдаленным планом этой повести) и «Братьев Карамазовых». Даты по старому стилю приводятся без оговорок. Для нового стиля либо указываются двойные даты, либо это специально оговаривается.

Тексты девятого тома готовили И. А. Битюгова (подготовительные материалы к «Идиоту», планы и наброски, кроме указанных ниже), Т. П. Голованова («Вечный муж» и подготовительные материалы к этой повести), Т. А. Лапицкая («Житие великого грешника»), Н. Н. Соломина (подготовительные материалы к «Идиоту») и Г. М. Фридлендер («*Одна мысль* (поэма). Тема под названием „*Император*“», ⟨Роман о Князе и Ростовщике⟩).

Примечания составили И. А. Битюгова («Идиот», §§ 1—5, 9, раздел о принципах публикации подготовительных материалов к роману, планы и наброски, кроме указанных ниже), В. В. Дудкин («Идиот», § 9, восприятие романа за рубежом), Т. А. Лапицкая («Житие великого грешника», § 2), И. З. Серман («Вечный муж», ⟨N3. После Библии зарезал⟩), Н. Н. Соломина («Идиот», §§ 6—7; реальный комментарий к роману и подготовительным материалам к нему), Г. М. Фридлендер (вводная заметка к комментариям. «Идиот», § 8, «*Одна мысль* (поэма)...», «Смерть поэта...», «Житие великого грешника», § 1, ⟨Роман о Князе и Ростовщике⟩).

Редакционно-техническую работу по подготовке тома к печати осуществила Г. В. Степанова.

ИДИОТ

(Том VIII, стр. 5, том IX, стр. 140)

Источники текста

$ПМ_1$ — Подготовительные материалы к первоначальной неосуществленной редакции романа. Сентябрь—ноябрь 1867 г. Хранятся в *ЦГАЛИ*, ф. 212.1. 5—6. с. 9, 15, 16, 19, 23—57, 72—85, 134—135 и с. 3—5, 7—15, 17—18, 21—43, 49,57, 111, 114, 116—120, 122—131, 136—141 (в двух рабочих тетрадях, содержащих также черновые записи к «Преступлению и наказанию», «Картузову», «Вечному мужу» и др.); см.: *Описание,* стр. 93. Впервые опубликовано: *Сакулин,* стр. 11—95.

$ПМ_2$ — Подготовительные материалы ко второй, третьей и четвертой частям окончательной редакции романа. Март—ноябрь 1868 г. Хранятся в *ЦГАЛИ,* ф. 212.1.7, с. 1—48, 50—64, 66—73, 76—104, 106, 108—110, 115, 116, 119, 125—132, 134—136 (в рабочей тетради, содержащей также записи к «Картузову» и др.); см.: *Описание*, стр. 95. Впервые опубликовано: *Сакулин*, стр. 96—168.

РВ, 1868, № 1, стр. 83—176; № 2, стр. 561—656; № 4, стр. 624—651; № 5, стр. 124—159; № 6, стр. 501—546; № 7, стр. 175—225; № 8, стр. 550—596; № 9, стр. 223—272; № 10, стр. 532—582; № 11, стр. 240—289; № 12, стр. 705—758, и приложение к *РВ*, 1868, № 12, стр. 759—824 (главы VIII—XII четвертой части романа).

1874 — «Идиот». Роман в четырех частях, Федора Достоевского. СПб., 1874 (основная часть тиража, исправленная автором).

1874_1 — «Идиот». Роман в четырех частях, Федора Достоевского. СПб., 1874 (часть тиража с разночтениями в главах VIII—XII четвертой части романа).

Впервые напечатано: *РВ*, 1868, №№ 1, 2, 4—12, и приложение к *РВ*, 1868, № 12, с посвящением Софье Александровне Ивановой, с подписями: Федор Достоевский, Ф. Достоевский — и датой: 17 января 1869.

Печатается по тексту *1874* с устранением явных опечаток и со следующими исправлениями по *РВ*:

Стр. 32, строка 33: «а затем гармония» вместо «и затем гармония».

Стр. 34, строка 40: «всё еще ощупью» вместо «всё ощупью».

Стр. 41, строка 36: «очень многое допустить» вместо «очень много допустить».

Стр. 51, строки 37—38: «случай такой очень редко бывает» вместо «случай очень редко бывает».

Стр. 60, строка 20: «за деревней, у изгороди» вместо «за деревней, у изгородки».

Стр. 61, строки 40—41: «для них была ужасным наслаждением моя любовь к Мари» вместо «для них было ужасным наслаждением моя любовь к Мари».

Стр. 117, строка 11: «сам никогда никого не лягает» вместо «сам никогда не лягает».

Стр. 121, строка 20: «Иные даже уверены были» вместо «Иные уверены были».

Стр. 145, строки 44—45: «глаз от огня» вместо «глаз от нее».

Стр. 146, строки 3—4: «между двумя дотлевавшими головнями» вместо «между двумя дотлевшими головнями».

Стр. 154, строка 42: «князь Щ.» вместо «князь Ч.» (ошибка во всех источниках).

Стр. 155, строка 25: «князь Щ.» вместо «князь Ч.».

Стр. 156, строка 29: «к мужу на свидания» вместо «к мужу на свидание».

Стр. 168, строка 26: «словно ребеночек» вместо «словно ребенок».

Стр. 171, строки 14—15: «Что-то как бы пронзило князя и вместе с тем как бы что-то ему припомнилось» вместо «Что-то ему припомнилось» (пропуск строки).

Стр. 172, строки 29—30: «так сейчас и подумалось» вместо «так сейчас и подумал».

Стр. 174, строки 26—27: «а и думать-то обо мне позабыла» вместо «а и думать-то обо мне и позабыла».

Стр. 178, строка 24: «такое слово услышал!» вместо «такое слово слышал!».

Стр. 188, строки 26—27: «восторженного молитвенного слития» вместо «встревоженного молитвенного слития» (опечатка во всех источниках).

Стр. 193, строка 27: «в воксале он стоял» вместо «в Павловске он стоял» (ошибка во всех источниках).

Стр. 195, строка 34: «изъясняли так свое впечатление» вместо «изъяснили так свое впечатление».

Стр. 195, строка 40: «удара ножом, на него уже падавшего» вместо «удара ножом, на него уже нападавшего».

Стр. 209, строки 41—42: «переменить буквы А. М. D. в буквы Н. Ф. Б.» вместо «переменить буквы А. Н. D. в буквы Н. Ф. Б.» (опечатка во всех источниках).

Стр. 223, строки 19—20: «право здравого смысла и голоса совести» вместо «право здравого смысла и голос совести».

Стр. 229, строки 33—34: «ведь в том-то и дело» вместо «ведь и в том-то и дело».

Стр. 231, строки 14—15: «Николая Андреевича Павлищева» вместо «Николая Алексеевича Павлищева» (ошибка во всех источниках).

Стр. 233, строка 5: «Николай Андреевич Павлищев» вместо «Николай Алексеевич Павлищев».

Стр. 239, строка 23: «подставила ему стул» вместо «поставила ему стул».

Стр. 240, строка 8: «нам всем чаю даст» вместо «вам всем чаю даст».

Стр. 247, строка 10: «княгиня Марья Алексевна» вместо «княгиня Марья Алексеевна».

Стр. 256, строка 39: «всю свою жизнь» вместо «всю жизнь».

Стр. 259, строка 31: «Правда и дело состоят» вместо «Правда и дело состоит».

Стр. 268, строка 5: «схватила его за руку» вместо «схватила его за руки».

Стр. 271, строка 16: «до смешного были преувеличены» вместо «до смешного преувеличены».

Стр. 278, строка 33: «вы серьезно отвечали» вместо «вы несерьезно отвечали».

Стр. 293, строка 5: «прошли к Лизавете Прокофьевне» вместо «пришли к Лизавете Прокофьевне».

Стр. 299, строка 39: «за руки его давеча схватили» вместо «за руки давеча схватили».

Стр. 299, строки 44—45: «Я теперь умею пистолет заряжать! Знаете ли, что меня сейчас учили, как пистолет зарядить?» вместо «Я теперь умею пистолет зарядить!» (пропуск строки).

Стр. 323, строки 3—5: «голую правду, не нежничая и без церемоний. Так он и сделал, и не только с готовностию и без церемонии, но даже с видимым удовольствием» вместо «голую правду, не нежничая и без церемонии, но даже с видимым удовольствием» (пропуск строки).

Стр. 324, строки 31—32: «Норма смотрела ужасно злобно, хоть и дрожала всеми членами» вместо «Норма смотрела ужасно злобно, хоть и дрожа всеми членами».

Стр. 342, строки 1—2: «Месяц тому назад я его осмотрел и приготовил. В ящике, где он лежал, отыскались две пули» вместо «В ящике, где он лежал, отыскались две пули» (пропуск строки).

Стр. 344, строка 11: «я даже согласен» вместо «но я даже согласен».

Стр. 350, строки 39—40: «если этот господин не способен укокошить десять душ, собственно для одной „шутки"» вместо «если этот господин не способен укокошить десять душ, собственно для одной „штуки"» (опечатка во всех источниках).

Стр. 354, строка 3: «объяснял князь» вместо «объяснил князь».

Стр. 359, строка 28: «стараясь всё еще не глядеть» вместо «стараясь еще не глядеть».

Стр. 360, строки 32—33: «редко или даже совсем не бывает» вместо «резко или даже совсем не бывает» (опечатка во всех источниках).

Стр. 376, строки 47—48: «Это важно-с, это... это очень важно-с и... так сказать...» вместо «Это важно-с и... так сказать...».

Стр. 377, строки 42—44: «разум не оставлял вас во всё продолжение вашего сновидения; вспоминаете даже, что вы действовали чрезвычайно хитро и логично во всё это долгое, долгое время» вместо «разум не оставлял вас во всё это долгое, долгое время» (пропуск строк).

Стр. 383, строки 21—22: «Они и до Гоголя знали» вместо «Они до Гоголя знали».

Стр. 391, строки 45—46: «во-первых, совсем и не ловил, а во-вторых» вместо «во-первых, совсем и не ловил, и во-вторых».

Стр. 410, строка 5: «несправедливо обиженные» вместо «справедливо обиженные».

Стр. 420, строки 33—34: «ничего не случилось и как будто в то же время и очень много случилось» вместо «ничего не случилось» (пропуск строки).

Стр. 421, строка 21: «с этой точки зрения» вместо «с той точки зрения».

Стр. 446, строка 14: «хотя и молодой человек» вместо «и хотя и молодой человек».

Стр. 452, строки 32—33: «русская страстность наша» вместо «русская странность наша».

Стр. 460, строка 1: «Я никогда никакого слова не давала» вместо «Я никогда, никогда слова не давала».

Стр. 475, строка 45: «затрудняемся объяснить происшедшее» вместо «затрудняемся объяснить происшествие».

Стр. 500, строка 48: «и не переходит к нему» вместо «и переходит к нему» (опечатка во всех источниках).

Стр. 507, строка 13: «вошедших и окруживших его людей» вместо «вошедших и окружавших его людей».

Стр. 507, строка 34: «не отворявшиеся по звонку» вместо «не отворявшиеся закону».

Стр. 509, строка 29: «страшно на нее подействовали» вместо «страшно на него подействовали» (опечатка во всех источниках).

1

Роман «Идиот» был задуман и написан в первые годы четырехлетнего пребывания Достоевского за границей (1867—1871). Выехав из России вместе с женой в апреле 1867 г., Достоевский в течение весны и лета побывал в Берлине, Дрездене, Гамбурге, Баден-Бадене и здесь обдумывал будущий роман, за который им уже был получен аванс в редакции «Русского вестника». 16 (28) августа 1867 г. писатель сообщал А. Н. Майкову из Швейцарии: «Теперь я приехал в Женеву с идеями в голове. Роман есть и, если бог поможет, выйдет вещь большая и, может быть, недурная. Люблю я ее ужасно и писать буду с наслаждением и тревогой». В том же письме очерчен круг идей, волновавших Достоевского в начальный период его работы над романом. Как и во время первой заграничной поездки 1862 г., итоги которой он подвел в «Зимних заметках о летних впечатлениях», у Достоевского, по собственному признанию, «материалу накопилось на целую статью об отношениях России к Европе и об русском верхнем слое». Сравнивая русскую и западноевропейскую жизнь, Достоевский размышлял о будущих судьбах родины. Майкову он писал, что «Россия 〈...〉 отсюда выпуклее кажется нашему брату». Западной цивилизации с ее моралью буржуазного комфорта Достоевский противопоставлял идею самобытного пути России, а оторвавшемуся от «почвы» верхнему слою — ее народ, в натуре которого, как он полагал, были заложены начала подлинного общечеловеческого братства. Достоевский уехал из России с ощущением глубоких внутренних сдвигов, происходящих в ней во второй половине 1860-х годов. В письме он назвал это время «по перелому и реформам чуть ли не важнее Петровского». Подчеркивая противоречия русской пореформенной действительности, в которой пережитки старины («известие о высеченном купце 1-й гильдии в Оренбургской губернии исправником») причудливо сочетались с новыми формами развития, Достоевский идеализировал «необыкновенный факт самостоятельности и неожиданной зрелости русского народа при встрече всех наших реформ» и ожидал новых значительных поворотов в жизни России, ее «великого обновления» (см. упомянутое выше письмо к А. Н. Майкову). Чаяниями этими, потребностью дать свои ответы на тревожившие его вопросы, выдвинутые переходной эпохой, Достоевский руководствовался в своих художественных исканиях.

Отдельные мотивы, предваряющие замысел «Идиота», уже встречались в предшествующем творчестве Достоевского. Так, взаимоотношения красавицы Катерины, одержимого неистовой страстью к ней купца Мурина и влюбленного в нее мечтателя Ордынова в ранней повести «Хозяйка» (1847) не без основания можно рассматривать как зародыш сюжетной ситуации Настасья Филипповна—Рогожин—Мышкин.[1] В видениях больного Ордынова Катерина предстает как светлая, чистая «голубица». Существенно для предыстории образа Мышкина отношение к своим избранницам Мечтателя из «Белых ночей» (1848) и Ивана Петровича, героя «Униженных и оскорбленных» (1861). Их нравственная чистота и самоотверженность перейдут к Мышкину, человеку обостренной духовности. С другой стороны, в тех же «Униженных и оскорбленных» Алеша Валковский, как позднее Мышкин, покоряет обеих героинь своей безыскусственностью, простодушием и детской добротой. Некоторыми чертами напоминает Мышкина полковник Ростанев из повести «Село Степанчиково и его обитатели» (1859), особенно в прямой авторской его характеристике. Ростанев — человек «утонченной деликатности», «высочайшего благородства», для исполнения долга он «не побоялся бы никаких преград», был душою «чист, как ребенок», целомудрен сердцем до того, что стыдился «предположить в другом человеке дурное» (см.: наст. изд., т. III, стр. 13—14). В этой аттестации как бы разработана психологическая канва образа Мышкина. Можно обнаружить и отдельные, почти прямые совпадения между высказываниями Ростанева и Мышкина: например,

---

[1] См.: *Чирков, 1967,* стр. 5—15; *Назиров,* стр. 114—115, а также: М. С. Альтман. Из бесед с поэтом Вячеславом Ивановичем Ивановым. «Ученые записки Тартуского гос. университета», 1968, т. XI, вып. 209, стр. 306.

суждение о необходимости быть деликатным с человеком, которого одолжаешь, повторяющее мысль из письма самого Достоевского к А. Е. Врангелю от 14 августа 1855 г., или речи обоих героев о деревьях, солнце, красе мира (ср.: наст. изд., т. III, стр. 14—15, и т. VIII, стр. 228, 459).

В «Записках из Мертвого дома» (1860—1862) повествователь как об одной из лучших встреч своей жизни вспоминал о совместном пребывании в остроге с юношей, дагестанским татарином Алеем. Чистота и доброта Алея представлены здесь как фактор эстетического и этического воздействия на окружающих. Описывая «мягкость сердца», «строгую честность», «задушевность, симпатичность» Алея, которые он пронес через всю каторгу, вызывая всеобщую любовь, автор «Записок» отмечал: «Это, впрочем, была сильная и стойкая натура, несмотря на всю видимую свою мягкость» (см.: наст. изд., т. IV, стр. 52).

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863), в полемике с эвдемонистической моралью просветителей, Достоевский выразил свой этический идеал. Как на проявление «высочайшего развития личности», «высочайшей свободы собственной воли» он указал на «совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех», так «чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями» (см.: наст. изд., т. V, стр. 79). Эта формула нашла свое художественное воплощение в 1860-е годы в образах Сони Мармеладовой и князя Мышкина. «Задача создать образ „положительно прекрасного человека“ волновала Достоевского с самого начала 60-х годов. Разойдясь с революционными демократами в понимании путей и средств преобразования общественной жизни, он должен был испытывать страстное желание нарисовать образ современного русского человека таким, каким бы хотел его видеть ⟨...⟩ Образ Сони Мармеладовой в „Преступлении и наказании“ явился в известной мере выражением положительных идеалов писателя. Но степень духовного развития и трагическое положение Сони делали ее фигуру слишком исключительной, чтобы образ этот мог вобрать в себя положительные идеалы Достоевского во всей их широте» (см.: Г. М. Фридлендер. Роман «Идиот». *Творчество Достоевского,* стр. 174—175). Мысль создать образ положительного героя, который бы соотносился с самым высоким представлением Достоевского о человеке и в то же время был погружен в современную ему действительность, овладела писателем с особой силой в процессе работы над романом «Идиот». В ходе претворения его замысла был найден и образ главной героини романа, оскорбленной и поруганной, как и Соня Мармеладова, и одновременно вобравшей в себя черты других, более ранних женских характеров Достоевского — таких, как гордая, неспособная к примирению маленькая Нелли из «Униженных и оскорбленных» или наделенная не менее ярким индивидуальным началом Неточка Незванова из одноименной повести. [1]

Первая запись к «Идиоту» была сделана в Женеве 14 сентября 1867 г. нового стиля, которым датируются и все остальные заметки, предназначенные для данного романа (см. подробнее об этом ниже, стр. 463, и *ЛН*, т. 86, стр. 197, 286, 287). Работа над романом продолжалась в Женеве (до конца мая н. ст. 1868 г.), Веве (до начала сентября н. ст.), Милане (до середины ноября н. ст.). Закончен роман был во Флоренции 29 января 1869 г. («17 января» — авторская дата, проставленная под текстом романа при публикации его в «Русском вестнике», естественно, по старому стилю). Сохранились три тетради с планами, конспектами, идеями, характеристиками действующих лиц, набросками отдельных сцен и эпизодов, в которых разрабатывался замысел «Идиота». [2] Все эти заметки носят черновой характер и предваряют стадию создания связного повествования. Она, как известно из «Дневника» А. Г. Достоевской, состояла обычно из диктовки-стенографирования, сов-

---

[1] О роли «Игрока» и черновых планов «Преступления и наказания» в творческой истории первой редакции «Идиота» см. ниже, стр. 342—344.

[2] Внешнее описание этих тетрадей, сведения об их первом издании, расположении в них записей, принципах их воспроизведения и датировке см. на стр. 460—463.

местной расшифровки и затем окончательного — после авторского просмотра и правки — оформления записей (ср.: *ЛН*, т. 86, стр. 280). Рукописи «Идиота», в том числе и наборная, до нас не дошли. В большей своей части они были уничтожены при возвращении в Россию (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания,* стр. 198). Судьба наборной рукописи неизвестна.[1]

В творческой истории «Идиота» могут быть выделены два этапа: составление планов и компоновка первой редакции романа, значительно отличавшейся от печатной, и создание второй, окончательной его редакции. О ходе работы над романом Достоевский так рассказал в письме к А. Н. Майкову от 31 декабря 1867 (12 января 1868) г.: «...всё лето и всю осень я компоновал разные мысли (бывали иные презатейливые), но некоторая опытность давала мне всегда предчувствовать или фальшь или трудность и маловыжитость иной идеи. Наконец я остановился на одной и начал работать, написал много, но 4-го декабря иностранного стиля бросил всё к черту. ⟨...⟩ Затем (так как вся моя будущность тут сидела) я стал мучиться выдумыванием *нового романа.* Старый не хотел продолжать ни за что. Не мог. Я думал от 4-го до 18-го декабря нового стиля включительно. Средним числом, я думаю, выходило планов по шести (не менее) ежедневно. Голова моя обратилась в мельницу. ⟨...⟩ Наконец 18-го декабря я сел писать новый роман...»

Первый этап работы Достоевского над «Идиотом» представлен в тетрадях № 3 и № 4 (по современной их архивной нумерации), которые содержат подготовительные материалы к первоначальной неосуществленной редакции романа ($ПМ_1$) и заполнялись в сентябре—ноябре 1867 г. Второй период характеризует тетрадь № 5, заключающая подготовительные материалы ко второй, третьей и четвертой частям последней редакции романа ($ПМ_2$). Она датируется мартом—ноябрем 1868 г. В промежутке между заполнением $ПМ_1$ и $ПМ_2$ возникла, вероятно, не дошедшая до нас рукопись начала повествования первой редакции, написанного по последнему проекту $ПМ_1$. Так как к этому моменту тетрадь № 4 была заполнена до конца, то этот связный текст (забракованный писателем, по его признанию, 4 декабря н. ст.), как и многочисленные планы, которые составлялись им в период с 4 по 18 декабря 1867 г. и фиксировались уже отдельно, был утрачен вместе с остальными рукописями романа.

Набрасывая первые заметки к «Идиоту», Достоевский надеялся закончить роман в пять-шесть месяцев (см. письма его к С. А. Ивановой от 29 сентября (11 октября) и к А. Н. Майкову от 9 (21) октября 1867 г.). Однако, как сообщала А. Г. Достоевская в примечаниях к одному из более поздних его писем той поры, «Ф⟨едору⟩ М⟨ихайловичу⟩ *предстояла самая важная часть работы, особенно для него трудная, именно обдумывание, творение (создание) плана романа. Самое писание романа давалось ему сравнительно легко, но создание плана представляло для него большие трудности.* Вся беда была в богатстве фантазии и недовольстве автора тою формою, в которой он хотел выразить идею, положенную в основу романа. *Планы романа появлялись (создавались) десятками, с очерками героев, с фабулой, а иногда с небольшими сценами*» (см.: *Д, Письма,* т. II, стр. 420). Постепенно замысел всё более усложнялся, разветвлялся, работа затягивалась, и наконец в ней наступил резкий перелом: была найдена мысль, определившая, как это бывало у Достоевского и раньше, новое направление творческого процесса.

Ранняя стадия работы над «Идиотом», отразившаяся в $ПМ_1$, богата, по выражению самого писателя, «зачатиями художественных мыслей», которые впоследствии перейдут не только в этот, но и в другие романы Достоевского. Вместе с тем в первоначальных творческих исканиях писателя проявляется устремленность к выделению центральной художественной идеи, тесно связанной с ведущим героем, ви́дение «полного образа» которого подготовлено, но приходит, по словам самого писателя, как бы «нечаянно

[1] Отправляя начало первой части романа в редакцию «Русского вестника», Достоевский писал 24 декабря 1867 (5 января 1868) г.: «Всё, что посылаю теперь, заключается в 64 полулистиках почтовой бумаги малого формата».

и вдруг» (см. упомянутое выше письмо Достоевского к А. Н. Майкову от 31 декабря 1867 (12 января 1868) г.) и только тогда воплощается в развернутом повествовании.

Анализируя в 1931 г. подготовительные материалы к «Идиоту», П. Н. Сакулин (см. статью этого автора «Работа Достоевского над романом „Идиот“», опубликованную в кн.: *Сакулин,* стр. 169—290) выделил в набросках первой редакции романа восемь основных планов и один промежуточный, обозначив временну́ю продолжительность разработки каждого из них. При классификации планов Сакулин учитывал главным образом изменение сюжета, состава персонажей и их соотношения. Это деление не совпадает с более дробным и импульсивным авторским членением материала, недостаточно оттеняет важные перемены идейного и художественного порядка, происходящие внутри одного плана (так, например, на с. 84 в тетради № 3 составлен «Новый план» с подзаголовком «Забитый», в котором появляются первые, пока еще отдаленные черты сходства с будущим героем романа; на с. 22 той же тетради намечен «План на *Яго*» с установкой на шекспировское построение психологической коллизии). Поэтому указанные Сакулиным границы между отдельными частями черновых записей $ПМ_1$ могут служить лишь условными ориентирами для рассмотрения наиболее крупных сюжетно-хронологических узлов, отражающих отдельные стадии проектирования первой редакции романа.

В центре первого плана, разрабатывавшегося с 14 сентября до первых чисел октября 1867 г., как и второго, относящегося к началу октября и содержащего дату 4 (16) октября (см. стр. 152), находится приехавшее в Петербург разорившееся помещичье семейство, глава которого возвращается из-за границы, промотав свое состояние. Отец и мать пытаются еще держаться с «форсом», рассчитывая то на помощь Жениха Дочери, то на поддержку Дяди, «уединившегося ростовщика». Дочь Маша дает уроки на фортепиано, «глупа, жестока и буржуазна». Жених ее — «офицер, дающий под залог деньги». В семье два сына: старший, обожаемый матерью Красавец, и младший, нелюбимый, больной падучей, униженный и вместе с тем гордый, с сильными страстями, Идиот, прослывший таковым «от Матери»; он работает и кормит семейство. С ними живет также в страшном пренебрежении приемыш, падчерица сестры Матери, условно названная Миньоной (см. ниже, стр. 350).

Фигурируют в тех же планах также благородный Сын Дяди, отказавшийся от денег отца, и двоюродная сестра жениха Маши, Красавица, или Геро,[1] которая связана сложными отношениями с Красавцем, Идиотом, Дядей, Сыном. «Главное семейство» накануне банкротства — должны подать долги «ко взысканию». Таким образом, цель Достоевского с самого начала заключалась в том, чтобы через частное звено — помещичье семейство, прежний уклад которого разрушался изнутри, — изобразить происходившие в те годы в России глубокие социальные процессы. Одним из источников, из которого Достоевский почерпнул ряд деталей для характеристики хаоса семейных отношений, проявляющегося в резких, обнаженных формах, послужило широко освещавшееся русской печатью как раз в начале осени 1867 г. «Дело о дочери помещика Ольге Умецкой, обвиняемой в поджогах, и о родителях ее, Владимире и Екатерине Умецких, обвиняемых в злоупотреблении родительской властью» («Москва», 1867, 23 и 24 сентября, №№ 136 и 137, и *Г*, 1867, 26—28 сентября, №№ 266—268, более позднюю корреспонденцию см.: *Г*, 1868, 10 марта, № 70). Ознакомившись с делом Умецких, Достоевский уже на второй странице сделанных ранее набросков к «Идиоту» (тетрадь № 3, с. 27), на полях, напротив имени Миньоны, приписал: «*Ольга Умецкая*». Через две страницы (в конце с. 29) это указание расшифровывается: «История Миньоны — всё равно, что история Ольги Умецкой». Каширский процесс, на котором перед судом предстали супруги Умецкие и их пятнадцатилетняя дочь Ольга, доведенная варварским обращением с ней до того, что она четыре раза поджигала родительский дом и приусадеб-

[1] П. Н. Сакулин полагал, что это сокращение от слова «Героиня». Другое гипотетическое объяснение этого имени см. ниже, на стр. 352—353.

ные постройки, сразу же привлек внимание Достоевского. 9 (21) октября он писал А. Н. Майкову: «Так и рвусь в Россию. Вот уж по делу Умецких не оставил бы без своего слова, напечатал бы его. Как приеду, так сам лично пойду по судам и проч.» Из показаний свидетелей, речей товарища прокурора И. И. Дьякова и защитника Ольги Умецкой А. И. Урусова писатель узнал, что Владимир Умецкий, мелкий чиновник, сколотивший себе различными, не вполне добропорядочными путями состояние, и его жена Екатерина Умецкая, владевшая двумя имениями, были людьми среднего достатка. Они постоянно ссорились из-за денег и жестоко обходились со своими детьми. Из двадцати двух родившихся у них детей в живых осталось только пятеро: кроме живущей отдельно замужней старшей дочери, два мальчика и две девочки. Выросшие в степи, мальчики-близнецы, по приезде оттуда, к семи годам «не умели говорить». Спали они зачастую на скотном дворе, питались плохо, и родители нещадно их били. Дочь Ольга пыталась покончить с собой. Перед последним поджогом ею родительской усадьбы отец избил ее безменом за то, что она дала работнику меду. Оставляя надолго семью, мать Ольги жила у своей любимицы — старшей дочери Александры Ворониной. Взволновавшие Достоевского материалы дела Умецких способствовали конкретизации создаваемых в ходе дальнейшей творческой работы картин семейного разлада. Позднее в преображенном виде они предстали перед читателем при обрисовке домашних конфликтов у Иволгиных. Особенно заметный след в планах $ПМ_1$ оставил образ взбунтовавшейся девочки-подростка, «несчастного ребенка», в поступках которого, по словам А. И. Урусова, необходимо признать «больную волю» (*Г*, 1867, № 268).[1] В третьем плане, озаглавленном «Новый и *последний* план» и датируемом серединой октября н. ст. (стр. 154), имя Ольги Умецкой твердо закрепляется за бывшей Миньоной. Общественное положение семьи, в которой она живет, несколько изменено: отец теперь — генерал в отставке, материальные дела семьи, как и раньше, зависят от денежной тяжбы. При проигрыше денег Генерал и его жена рассчитывают поправить свои дела выгодной женитьбой сына, Красавца, в которого влюблена дочь «характерной матери», владеющая небольшим состоянием. Введено и второе, более знатное, генеральское семейство, состоящее из отца, генерал-лейтенанта, его жены, дочери и двух сыновей. Младший из них — убийца. Возможно, что выбор в качестве одного из героев юноши дворянского происхождения — уголовного преступника — был определен интересом Достоевского к делу Алексея Данилова, о котором тогда много писали в газетах (см. подробнее ниже, стр. 391—392). В последующих планах $ПМ_1$ второе генеральское семейство исчезает, чтобы вновь появиться в новом качестве в окончательной редакции романа (противопоставление: Иволгины—Епанчины). Заметка же об убийце из образованного круга будет пополнена в $ПМ_2$ другими сведениями из тогдашней уголовной хроники, которые станут основой одного из сквозных сюжетных мотивов романа — о влиянии идей «позитивизма» на современное писателю молодое поколение. В четвертом плане, охарактеризованном в тетради как «Окончательный план романа» и включающем наброски, сделанные во второй половине октября (с датами 18 и 22 октября н. ст. — стр. 158—162), персонаж, именуемый Идиот, перемещен из «главного семейства» в семью Дяди. Достоевский колеблется — сделать ли его пасынком, родным или побочным сыном Дяди. У Идиота есть тетка Софья Федоровна, имеющая старого мужа — «Прыгунчика» (члена секты прыгунов — см. ниже, стр. 464), дочь и «картавенького» сына. В некоторых заметках она, скорее всего, мать Идиота, а в прошлом — возлюбленная Дяди. Родственные отношения все более осложняются, отчетливее выступает тема «случайного семейства», которая позднее наиболее широко будет развернута в «Идиоте» и «Подростке». Пятый план, к которому относятся записи с 27 октября по 1 ноября н. ст. (стр. 165—173), вновь исходит из того, что Идиот — сын Генерала. В шестом, намечавшемся с 1 по 4 ноября н. ст. включительно (стр. 173—196), он снова возвращен в семью

[1] См. об этом также: *Достоевская, А. Г., Воспоминания,* стр. 169; *Сакулин,* стр. 204—209.

Дяди. Мать Идиота, по одной версии, повесилась, а по другой — жила в унижении, имела любовников (Прыгунчика и Купца), но теперь примирилась с Дядей и выступает как самостоятельное лицо наряду с богатой теткой Софьей Федоровной. В очень измененном виде эскизные зарисовки этих персонажей отразятся позднее в эпизодических образах матери Бурдовского и тетки Мышкина, оставившей ему наследство. В том же шестом плане, кроме Ольги Умецкой, появляются Владимир Умецкий, отец Жениха Маши, или Аннушки, и его дети. Идиот мальчиком отправлен к Умецким в деревню, где его женили «на девушке, прижившей ребенка». В седьмом плане, который Достоевский начал составлять непосредственно вслед за шестым, 4 или 5 ноября н. ст., так как на второй его странице стоит дата «6-го ноября» (стр. 196), действие поднято в более высокие сферы. Генерал уже «не беден, а, напротив, важное с треском лицо». В восьмом плане, срединные наброски которого датированы 10 ноября (стр. 207), и в промежуточном, проектируемом с 11 ноября н. ст. (стр. 209), назревает коренная перемена в общем замысле романа. Место прежнего, гордого и самолюбивого, Идиота занимает генеральский сын от второго брака, характер же Идиота совсем иной: он своеобразный юродивый, тих, противостоит вихрю страстей, кипящих вокруг новых героинь — Насти и Устиньи, — вихрю, который захватывает всю семью, приводит к смерти Генеральши, бунту детей, объединяет Генерала с развратником Умецким (что напоминает будущий «союз» в романе Епанчина и Тоцкого). Распадение сложившихся связей, бури, сотрясающие частную жизнь людей, так же как и в последних двух планах *ПМ*$_1$, составят в романе основной фон, на котором контрастно выступит гармоническая личность главного героя.

2

В работе Достоевского над планами к «Идиоту» наглядно подтверждается отмеченная многими исследователями общая закономерность его творческой работы — главенствующая роль «идеи» и ее модификаций в процессе изменения характеров и сюжета будущего произведения (см., например: Л. М. Р о з е н б л ю м. Творческая лаборатория Достоевского-романиста. *ЛН*, т. 77, стр. 45). Правда, здесь отсутствует фиксация начальных ступеней возникновения замысла, его исходной идеи. В первом плане сразу же довольно отчетливо определены сюжет и действующие лица. Объясняется это тем, что ранняя редакция романа генетически связана с недавно завершенными «Игроком» и «Преступлением и наказанием». Когда весной и летом 1867 г. Достоевский обдумывал «Идиота», воссозданные им художественные «миры» этих романов продолжали жить в его воображении, стимулируя творческую работу.

Разорившийся, но пытающийся сохранить внешний престиж и склонный к любовным похождениям глава семейства в черновиках «Идиота» — это как бы вернувшийся после заграничного путешествия генерал из «Игрока», который тоже промотал свое состояние, оставил детей ни с чем, был прижат за долги и вместе с тем задавал в Рулетенбурге роскошные обеды, содержал пышный выезд, стараясь очаровать m-lle Blanche. Пребывание в Баден-Бадене, Женеве воскресило в Достоевском воспоминания об А. П. Сусловой, с которой он был в этих местах осенью 1863 г. и которая явилась прототипом Полины в «Игроке». Некоторые черты гордого, своевольного характера Геро также восходят к Сусловой. Напоминает отношение Алексея Ивановича к Полине в первоначальных планах и «странная» любовь Идиота, «одно только непосредственное чувство, безо всяких рассуждений», при котором он ничего не замечает, даже унижений (стр. 150). Герой «Игрока» с сарказмом восклицал: «... я ваш раб, а рабов не стыдятся, и раб оскорбить не может» (см.: наст. изд., т. V, стр. 229). В черновиках «Идиота» этот мотив получил новую, углубленно-психологическую трактовку. В одной из заметок «рабское» поведение героя объяснялось как «последняя степень проявления гордости и эгоизма» (стр. 150), в другой (стр. 151) добавлялось: «Идиот не то чтоб раб ее; напротив. (Отношения в высшей степени романичнее)».

Тесные связи можно установить между замыслом «Идиота» и подготовительными материалами к «Преступлению и наказанию». Заметки к новому роману в тетради № 3 перемежались с ранее сделанными записями ко второй половине «Преступления и наказания». Отдельные существенные мотивы, не получившие полного развития или совсем не реализованные в «Преступлении и наказании», перешли из них в начальные планы «Идиота». Прежде всего бросаются в глаза черты типологического родства между Раскольниковым и Идиотом первой черновой редакции романа. Это тот же гордый характер, стремящийся жить по законам, им самим установленным. Как «Главное N3» в заметках, относящихся к образу Раскольникова, было подчеркнуто: «Он говорит: царить над ними! Все эти низости кругом только возмущают его. Глубокое презрение к людям. Гордость...» (см.: наст. изд., т. VII, стр. 135) — и далее неоднократно отмечалась его непомерная гордость (там же, стр. 147, 149, 155, 167 и др.). То же качество стало одной из существенных сторон личности Идиота, о котором в $ПМ_1$ сказано: «N3. *Главный характер Идиота.* Самовладение от гордости (а не от нравственности) и бешеное саморазрешение всего» (стр. 146). И в Раскольникове, и в Идиоте первой редакции сильно бунтарское начало. В черновиках «Преступления и наказания» широко разрабатывался эпизод, получивший в окончательном тексте романа воплощение в сцене столкновения Раскольникова с заносчивым помощником квартального надзирателя «поручиком-порохом». Свое психологическое состояние герой пояснял в рукописях: «Я сам не понимаю, что со мной было. Я, впрочем, никак не мог стерпеть попытку ⟨посягнуть⟩ на мои привилегии и на мое достоинство...» (см.: наст. изд., т. VII, стр. 18). Близкое к этому чувство испытал и Идиот при виде раболепия, царящего в канцелярии, куда его определили служить. Достоевский теперь уже кратко, в скобках, для себя заметил: «Описание, как поругался, как долго сидел, переписывал — *почерк хорош* — соблазнился, что все трепещут директора, и вот бы плюнуть-то ему в харю» (стр. 141).

Одним из значительных в идеологическом отношении мотивов, перешедших в наброски к «Идиоту» из прежнего романа, является стремление раскрыть судьбу героя, приложив к ней «*теорию счастия на земле*». В $ПМ_1$ к «Идиоту» «теория» эта лишь названа (см. стр. 158), а содержание ее не раскрыто. Оно как бы ясно писателю заранее. И действительно, в рукописных материалах «Преступления и наказания» такая «теория счастия...» сформулирована: «Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием. Таков закон нашей планеты, но это непосредственное сознание, чувствуемое житейским процессом, — есть такая великая радость, за которую можно заплатить годами страдания. Человек не родится для счастья. Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием. Тут нет никакой несправедливости, ибо жизненное знание и сознание (т. е. непосредственно чувствуемое телом и духом, т. е. жизненным всем процессом) приобретается опытом pro и contra, которое нужно перетащить на себе» (см.: наст. изд., т. VII, стр. 154—155). И Раскольников, и Идиот в своих метаниях приходят к мысли о самоубийстве (см. там же, стр. 136, 137 и др. и выше, стр. 157 и др.), которое планировалось как заключение того и другого романа, но такой финал в обоих случаях был отвергнут; кончает с собой Николай Ставрогин в «Бесах». Герои черновиков «Преступления и наказания» и «Идиота» должны были совершить «подвиг» (см. т. VII, стр. 156, и ниже, стр. 346). Раскольников мечтал «умереть гордо, заплатив горой добра и пользы за мелочное и смешное преступление юности» (см. т. VII, стр. 90). В рукописях «Преступления и наказания» был намечен также особый, развернутый диалог о пользе единичного добра между Пульхерией Александровной и Разумихиным, который, признавая людей, желающих «корень зла искоренить», умными и великодушными, иронизировал над теми из них, кто утверждал, «что единичное добро не помогает обществу, забывши, между прочим, что оно все-таки помогает единично и вас самих лучше делает и в обществе любовь поддерживает» (там же, стр. 211). Идея «единичного добра» как непосредственного деяния, направленного от человека к человеку, перейдет в замысел «Идиота», а в $ПМ_2$ составит «главное социальное убеждение» Мышкина

(см. стр. 227). В печатном тексте романа мысль эта прозвучит в «Необходимом объяснении» Ипполита, который подтвердит ее историей о старичке генерале «с немецким именем», встречавшем в течение многих лет партии ссыльных на Воробьевых горах и оказывавшем им посильную помощь. Речь здесь идет о главном докторе тюремных больниц в Москве Ф. П. Гаазе. Сказав, что о нем в Сибири помнит даже закоренелый преступник, Ипполит восклицает: «А почем вы знаете, какое семя заброшено ⟨...⟩ этим „старичком генералом“, которого он не забыл в двадцать лет?» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 336). Еще в 1862 г. Достоевский опубликовал во «Времени» «Воспоминания и размышления» Е. Тур, в которых о Ф. П. Гаазе говорилось: «Благородство, бесконечная кротость и доброта дышали в каждой черте прекрасного правильного лица. Нам случалось слышать отзывы о нем. Раздав всё состояние, он уж не ездил в карете, а, взяв самого бедного из всех московских ванек, совершал переезд свой в тюремный замок, где сосредоточивалась его истинно христианская деятельность. На него показывали пальцами из окон барских палат: „Посмотрите, — говаривали практические люди, — вот едет безумный Гааз“» (*Вр*, 1862, № 6, стр. 64). В набросках к «Преступлению и наказанию» образ Гааза неоднократно возникал в сознании Раскольникова после совершения преступления: «Неужели ж я не могу быть как Гас?» или «Почему я не могу сделаться Гасом? Почему всё потеряно? Ребенок? Кто мне запретит любить этого ребенка? Разве я не могу быть добрым?» (см.: наст. изд., т. VII, стр. 80). Таким образом, уже в черновиках «Преступления и наказания» у Достоевского мелькала мысль об идеальном «деятеле», способном влиять на «души», который, однако, «практическим людям» кажется «безумным», «сумасшедшим».

Завершив «Преступление и наказание» рассказом о приобщении Раскольникова к новой, открывшейся ему «правде», Достоевский закончил роман словами: «Но тут уж начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его ⟨...⟩. Это могло бы составить тему нового рассказа...» (см.: наст. изд., т. VI, стр. 422). С идеей преображения героя раскольниковского типа и приступил, вероятно, Достоевский к работе над новым романом. Идиот первоначальных планов мало похож на будущего Мышкина, но наряду с «гордостью непомерной», жаждой самоутверждения, которая могла бы довести его «до чудовищности», в нем заложена «потребность любви жгучая» (стр. 146, 141). Репутация идиота, которую он приобрел благодаря «ненавидящей его» матери, подкрепляется его нервностью, болезненностью, необычностью его слов и поступков. Он учился и хотя курса не докончил, но много читал и по развитию своему стоит не ниже, а выше окружающей среды. Идиот взял на себя вину отца семейства, укравшего портфель с деньгами. Дядя, который был задуман как «лицо капитальное всего романа», тщеславный «ипохондрик», не лишенный великодушия, «видит, что Идиот, которого он плеткой хотел бить, неизмеримо глубже и выше его». Между Идиотом и Дядей завязываются сложные отношения, в которые входит и внутреннее тяготение друг к другу, и соперничество. Идиот наделен тонкой проницательностью, но пока эта прозорливость злая, насмешливая. Он гордо отталкивает предложенное ему состояние, понимая, что Дядей «движет не любовь, а чувство деспотического тщеславия», «ужасно при этом его осмеивает, анализирует, критикует всю его жизнь» (стр. 142, 145, 149, 150). В складе ума Идиота проявляются черты иронической рефлексии, близкие герою «Записок из подполья»: он «в унижениях находит наслаждение», испытывает «сладострастное чувство», оттолкнув богатство (стр. 141, 149). Многие поступки Идиота объяснялись в $ПМ_1$ условиями его жизни и воспитания. Он то нелюбимый сын в семье Генерала, то сын его от первого брака, то пасынок или побочный сын Дяди. В детстве он был отдан родственниками в деревню, воспитан «безобразно и у тиранов» (стр. 171). В ряде заметок оттенялись бедность Идиота, неравное положение в семье, и его стремление покорить во что бы то ни стало Геро получало социальное обоснование: «Мечты о Генерале и Красавице, беспредметные, но ставшие капитальной точкой в его жизни, как сравнение отношений социальных его с остальным обществом» (стр. 164). Психологический рисунок

образа всё более усложнялся и обогащался. Достоевский выдвигал «вопрос капитальный»: «В чем фигура Идиота интереснее, романичнее и выпуклее выражает мысль? При законности или незаконности?» Испробовав различные варианты, писатель остановился на решении изобразить его «законным», но отверженным в семье сыном — «он сам себя отверг» из гордости и желания доказать, что «один и без помощи богатства или кого-нибудь одолеет всем». Так его «роль» виделась автору «величавою» (стр. 187—189). Руководствуясь своей «теорией счастия на земле», Достоевский проводил героя через все возможные «pro» и «contra». Идиот мыслился автором как «молодой экземпляр, формирующийся человек». Одержимый «язвительным чувством самости», он хочет «*шагов, карьеры*» (стр. 166, 175). Наброски, в которых внимание было сосредоточено на «вступлении на поприще» Идиота, сначала непризнанного, а потом обнаружившего «документ», устанавливающий его права, ведут к «Подростку», предвосхищая данное там социально-психологическое изображение состояния «незаконного» ребенка; обрисовка взаимоотношений Идиота с Дядей также кое в чем напоминает любовь-вражду Аркадия и Версилова («Вы отвергли меня и мать; отвергаю и я вас» — стр. 179). Предваряет мечты Аркадия и идея Идиота стать «банкиром, царем иудейским» и «всех держать под ногами в цепях» (стр. 180). [1]

От избытка внутренних сил Идиот способен к крайним проявлениям добра и зла. Ему приписаны участие в поджоге, насилие над Умецкой — и вместе с тем бескорыстная помощь ей; преследование Геро, доходящее до угрозы ее жизни, — и полное самопожертвование в ее пользу. Он говорит о себе: «Или властвовать тирански, или умереть за всех на кресте — вот что только и можно, по-моему, по моей натуре, а так, просто износиться я не хочу» (стр. 180). Идиот часто рассуждает с Дядей, Умецкой, Женой о Христе «и в то же время не верит» (стр. 185). Размышляя над причинами скептицизма героя, Достоевский приходил к обобщениям, касающимся современного ему юношества: «N3. N3. *Главная мысль романа:* Столько силы, столько страсти в современном поколении, и ни во что не веруют. Беспредельный идеализм с беспредельным сенсуализмом». И обдумывая образ Идиота, Достоевский в $ПМ_1$ ставил вопрос о необходимости для молодого поколения веры, идеала: «Вся задача в том, что на такую огромную и тоскующую (склонную к любви и мщению) натуру — нужна жизнь, страсть, задача и цель соответственная...» Сочетание самых высоких порывов с грубой чувственностью писатель объяснял тем, что с детства вокруг героя было мало «красоты», «прекрасных ощущений», «любви», «*воспитания*». «А теперь, — писал Достоевский, — жажда *красоты и идеала и в то же время 40% неверие в него*, или вера, но нет любви к нему. „И беси веруют и трепещут“» (см. стр. 167, 166). В подготовительных материалах к «Идиоту», таким образом, мелькали мотивы, развитые впоследствии в «Бесах», а в Идиоте первой редакции проглядывали черты Ставрогина. «Он совсем не несчастен, совсем не обижен, но ему всё не по мерке, всё теснит», — замечает Достоевский в шестом плане (стр. 184). Психологическая мотивировка брака Идиота с женщиной прежде обманутой, «страдальческой и наивной», на которой он женился сначала тайно, а потом, когда это обнаружилось, поднял голову, метания его между Женой и Геро, с которой он «искренен, тем и прельстил», насильственная смерть Жены (убийство или самоубийство), вызывающая в нем чувство вины (стр. 181, 200), предваряли сюжетную линию: Николай Ставрогин—Хромоножка—Лиза. Ядро образа Ставрогина можно усмотреть и в следующем замечании о герое: «Он действительно благороден, может быть, даже велик и настоящим образом горд, но не может удержать

---

[1] В период работы над романом (особенно над первой его редакцией) Достоевским был намечен ряд идей, ситуаций и черт внутреннего облика героев, не получивших затем воплощения в романе «Идиот» или реализованных в нем лишь отчасти. Они были вновь переосмыслены в пору создания романа «Подросток» (см.: наст. изд., тт. XIV и XV).

себя, быть настоящим образом великим и гордым, *хотя и вполне сознает настоящую гордость и величие.* (Исповедью всё окупает потом.) Мстит и любит Геро, *не любя.* Жену стыдился любить, хотя и высоко ценил ее и знал, что она всё в себе заключала...» (стр. 193). Порою болезненная гордость одолевала Идиота, и он не мог «не считать себя богом», иногда же он беспощадно осуждал себя, впадал в апатию; жизнь его могла завершиться «или великим преступлением, или великим подвигом», но, возможно, как он сам полагал, «ничем» (стр. 180, 181).

Колебания героя между добром и злом, прохождение его через горнило религиозного сомнения, способность подняться из нравственной бездны к вершинам человеческого духа объединяли «Идиота» первой, неосуществленной редакции с позднейшими замыслами Достоевского — «Атеизм» и «Житие великого грешника» (см.: А. С. Д о л и н и н. Предисловие редактора. *Д, П и с ь м а,* т. I, стр. 12—28). Некоторые черты Идиота $ПМ_1$ перешли к герою «Жития», подростку, совершившему преступление и попавшему в монастырь, — так, например, он намеренно представляется «дураком», а на экзамене всех поражает. Дальнейшая жизнь его складывается из «падания и восставания», а кончает он «воспитательным домом у себя и Гасом становится. Всё яснеет. Умирает, признаваясь в преступлении» (см. ниже, стр. 510—516, где приведены дополнительные параллели между подготовительными материалами к «Идиоту» и «Житием» и указаны их литературные истоки).

Основа движения образа центрального героя в $ПМ_1$ — борьба стихий ненависти и любви. В начальных записях он всеми ненавидим и всех ненавидит. Любовь его к Геро — «*самость* бесконечная» (стр. 151). Но доведенная до предела холодная страсть уже в первых планах сменялась противоположным качеством — забвением себя для других. В тот момент, когда судьба бежавшей с ним Геро была в его руках, Идиот отказывался от нее и от денег, предложенных Дядей, и «передавал» ее Сыну, сам же уходил с изгнанной Ольгой Умецкой. Из плана в план Достоевский варьировал и углублял мотивы его поступка: то это самоотвержение из гордости, то презрение к неполной любви, то желание овладеть всеми, восторжествовать. В пятом плане намечена эволюция чувств героя: сначала он не любил Геро, скорее, ненавидел и желал отомстить за насмешки и унижения, но, «как похитил, так и полюбил», «отпустил из великодушия» (стр. 166). Обозначаются три фазиса, через которые проходит его любовь: «мщение и самолюбие, страсть, высшая любовь — очищается человек» — и повторно: «1) Мщение и самолюбие ⟨...⟩ 2) Бешеная, безжалостная страсть. 3) Высшая любовь и обновление» (стр. 168, 171). В шестом плане добавился характерный для Достоевского мотив сложности внутренней жизни героя, которая не поддается плоско-рационалистическому истолкованию: «Он открыто любит Геро и *потом* уступает. (Странно как-то)» (стр. 178). В шестом и седьмом планах уже не только сосуществовала дружба Идиота с Ольгой Умецкой и любовь его к Геро, но «параллельно и особо» протекал его роман с Женою (стр. 197). Сначала Идиот почти забывал, что он женат, мучил Жену, которая мешала его карьере и осуществлению планов, связанных с Геро. Но потом, увидев, что она любит его и принимает всё, как Мадонна, «бросается к ногам», «без нее жить не может», почти находит с ней счастье (стр. 198). Все эти метания вели Идиота, по первому замыслу Достоевского, к очищению через страдание любовью. «Непосредственная сила развития» и «любовь» должны были вывести его «наконец *на взгляд* и на дорогу» (стр. 157). «Но вот теперь новая дорога: Что же теперь?» — спрашивал Идиот в разговоре с Дядей и с Сыном (стр. 166). В поисках путей возвышения своего героя писатель усиливал масштабность и трагизм его образа, окружал его ореолом: то собирался изобразить Идиота как трагического злодея — как Яго, который, однако, кончает «божеств⟨енно⟩. Отступается и проч.» (стр. 161), то характеризовал его как «страшно гордое и трагическое лицо», называя его состояние после смерти Жены «*байроновским отчаянием*» (стр. 189, 190).

Достоевскому виделся «финал великой души» (стр. 168) и одновременно, в какие бы сюжетные ситуации он ни ставил своего героя, его не покидало

чувство: «Главной мысли не выходит об Идиоте» (стр. 174). Образ Идиота в $ПМ_1$ постепенно начал двоиться, расслаиваться. С одной стороны, в нем накапливались черты, ведущие к принципиально иной, качественно новой ступени развития образа, с другой — отдельные особенности его богатой натуры психологически детализировались, а тем самым и выделялись в самостоятельные устойчивые комплексы. Это способствовало их последующей персонификации в характерах других героев окончательной редакции романа. В противоречиво меняющихся на протяжении $ПМ_1$ гранях лика Идиота можно обнаружить наметки будущих образов Гани Иволгина, Рогожина, Ипполита. Ганю напоминал Идиот первого плана, «тайно» влюбленный в Геро, ненавидящую и презирающую его «хуже, чем идиота и лакея» (стр. 141). Здесь же была раскрыта первопричина пренебрежительного отношения в романе к Гане Иволгину Настасьи Филипповны и Аглаи: Геро инстинктивно не верит любви Идиота, считает ее «*ни во что*», так как любовь его — лишь «высочайшее удовлетворение гордости, тщеславия» (стр. 150). В эгоистической любви Идиота к Геро, которая переходит в сильную всепоглощающую страсть («Мучает Геро своею бешеною, страстною любовью» — стр. 166), а позднее — в мрачную «любовь-ненависть» («Я не любил вас, я не люблю вас, я ненавижу вас» — стр. 200), проступали и рогожинские черты. «Предчувствуется, — отметил Достоевский, — что Идиот умрет, а не отдаст» (стр. 149). Угроза страшной развязки с самого начала сопровождала мучительные отношения Идиота и Геро. В третьем плане уже прямо говорилось о том, что Идиот может ее убить. Но убийство не предрешалось окончательно. В душе Идиота происходила тяжелая внутренняя борьба, и временами, как впоследствии Рогожин к Мышкину, он испытывал любовь к своему благородному сопернику (Сыну). В Идиоте побеждала «высшая любовь», и он, когда Геро бежала от него к Дяде, призывал того: «Что ж, покажите, что любите бесконечно, я показываю — отказываюсь и не убиваю» (стр. 156). Напомним, что в романе, в момент наивысшего душевного подъема, Рогожин «крепко обнял князя и, задыхаясь, проговорил: „Так бери же ее, коли судьба! Твоя! Уступаю!.. Помни Рогожина!“» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 186). Некоторые действия и настроения Идиота первой редакции впоследствии были переданы Ипполиту. Кроме отмеченных выше религиозных сомнений, Ипполита, обездоленного на «пиру» жизни, предвосхищала характеристика: «Великодушие и требование любви у кругом оскорбленного сердца безмерные. *Их он не имел,* и потому он тем, которых бы он хотел бесконечно любить и за них кровь отдать, всем *дорогим* ему, он мстит и злодействует» (стр. 180). Через многие планы проходил мотив интриганства Идиота. Считая любовь к нему Геро невозможной, он настраивал всех против нее, сталкивал друг с другом, ссорил Дядю, Генерала, Сына, Генеральшу, — и всё это для того, чтобы потешить свое тщеславие, восторжествовать. По поводу распространяемой им клеветы в пятом плане говорилось: «NB. Ненависть его даже и не объяснять ⟨...⟩. Он, войдя в семью ничтожеством, стал над всеми» (стр. 170). В шестом плане предвиделось и «завещание», подобное «Необходимому объяснению» Ипполита: «Или он раз сел и написал свое завещание. Хотел убить себя, но не убил, а начал интригу» (стр. 180).

Выявляя скрытые в характере Идиота потенциальные возможности, обусловливающие предстоящий ему «божественный поступок», Достоевский находил своеобразные грани в психологическом складе центрального героя и приближался к его последующему «внезапному» изменению. Спасение Идиота на путях «любви» Достоевский уже в ранних записях проектировал в том же этическом аспекте, в котором потом будет построен и образ Мышкина. «Он проникается глубочайшим состраданием и прощает ошибки. ⟨...⟩ Взамен получает высокое нравственное чувство в развитии и делает подвиг» (стр. 146) — так определялось в первом плане направление духовного совершенствования Идиота. Оттенялся странный, необычный строй чувств героя, который «не мечтает и не рассчитывает», будет ли Геро его женою, «возможно ль это», в случае же, если б она вышла за другого, сказал бы: «Пусть она выходит, а я все-таки буду любить» — а потом «начал не замечать действительности» и «даже зашел к Сыну и говорил об ней, не скрывая своей

любви и как бы помогая Сыну, так что удивил его и заставил думать, что он не в рассудке». Объясняя такое непонятное для других проявление отношений Идиота к Геро эгоистическими побуждениями, его стремлением измерить свои силы в любви «для себя», Достоевский подчеркивал: «Ему только бы любить» (стр. 150). Позднее в романе та же готовность Мышкина любить без всякого личного расчета, надежд на будущее, и даже помогать сопернику раскрывалась как забота прежде всего о счастье того, кого любишь. Прослеживая различные проявления и эволюцию чувств Идиота, Достоевский уже в $ПМ_1$ пришел к мысли, что именно в сфере любви герой осознает свое назначение: «Вопрос и сомнение: оправдать, что вся его деятельность ушла на любовь к Геро» (стр. 188). В шестом и седьмом планах, как отмечалось выше, разрабатывался роман Идиота с Женою, которую он полюбил «высоким состраданием» (стр. 180).

Первая формулировка идеи, предвещающая, пока еще очень отдаленно, возникновение образа Мышкина, содержалась в «Новом плане» с подзаголовком «Забитый», в котором «гордость» рассматривалась как оборотная сторона стыдливости героя, стремления его скрыть свои «затаенные чувствования» и выдвигалась задача «провести нить характера», «показать, какой человек был забит» (стр. 156). Мотив «забитости», так называемого «идиотизма» героя постепенно всё более и более усложнялся сюжетно и психологически. Среди «N3 bene» к новому «Главному плану» отмечалось: « 1) N3. С Идиотом вначале обходятся как с помешанным, физически, чуть не плеткой. Его ни во что не считают. При нем обо всем говорят». Перечисляются различные унижения, которым подвергается человек глубокий, немало читавший и размышлявший, в душе у которого «много накипело». Наконец долго сдерживаемая гордость героя прорвалась: «Идиота наказали. Он сломал палку и отвел руку. Не хотел сесть под арест. Мышьяк. Сабур» (т. е. попытка самоубийства в знак протеста — стр. 157). В окончательном тексте романа князь Мышкин, получив пощечину от Гани Иволгина, говорит: «О, как вы будете стыдиться своего поступка!» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 99). Но и в этой, казалось бы, совсем иной реакции — та же сила и внутреннее превосходство. Об Идиоте в $ПМ_1$ окружающие говорят: «Он совсем идиот» — а более проницательный Сын: «Он такой странный». Позднее Сын скажет об Идиоте: «... странный человек и мыслитель» (стр. 164, 182). Однако на приеме у Генерала Идиот оказался совсем не идиотом. Ему предложили «знатное место», но он отказался и пошел «в писаря». У него, так же как у Мышкина, хороший почерк. Идиот рассказывает Сыну, как он прослыл идиотом: «Смолоду была болезнь. „Умецкие всё писали, что я идиот, тянули деньги за докторов“». Дядя отправил его лечиться в Швейцарию, где сначала ему было «темно и грустно», а потом многое в нем «накопилось», и откуда Идиот хотел приехать «гордым и великодушным» (стр. 165, 178, 177, 198). Все эти ситуации были использованы в окончательной редакции романа. В сцене «у Генералов» в характере героя вдруг проявляется своеобразная, мышкинская, черта: «Идиот пленяет всех детскою наивностью» (стр. 174). Идею создания героя с гармоничной натурой и радостным жизневосприятием предваряла и заметка: «N3. Если же сделать его счастливым, то сделать его великим лицом, с великодушнейшими и симпатичнейшими наклонностями» (стр. 171). Проведя героя через многие стадии, в том числе предвосхищающие частично умонастроение будущих героев «Бесов» и «Подростка», Достоевский остановился перед «*загадкой*»: «Кто он? Страшный злодей или таинственный идеал?» (стр. 195). Испробовал Достоевский и разные определения социальной принадлежности Идиота. Согласно одному из них, он, например, «просто Птицын» (стр. 179). Но вот наконец в тетради № 4 на одной из последних страниц седьмого плана (с. 136) появляется проба пера: «Князь». На с. 137 той же тетради отчеркнута и выделена особым знаком заметка: «Он *князь*. Князь. Юродивый (он с детьми)?!» (стр. 200). Эти записи отражают один из самых важных поворотных моментов в развитии замысла. [1] Восьмой и

---

[1] В процессе раздумий над преображением Идиота первой редакции, гордого и жаждущего самоутверждения, в героя кроткого и предельно чут-

промежуточный планы являются их частичной реализацией. За Идиотом закрепляется эпитет «юродивый» и несколько раз подчеркивается, что это совсем иной герой, лицо которого надо «мастерски выставить», что именно оно придаст роману «побольше важности» (стр. 208). «*Лицо Идиота*» определено теперь так: «Чудак. Есть странности. Тих. Иногда не говорит ничего. Есть где-нибудь у него на Петербургской мальчик. Он к нему. (Весь в детях.) Он вдруг иногда начнет читать всем о будущем блаженстве. Иное не знает, сомнения, совершенно на равной ноге. Идиоту 19 лет, скоро 20». Но затем возраст Идиота изменен: ему, как и в печатном тексте, 26 лет; зовут его то Иваном Николаевичем, то Дмитрием Ивановичем; у него очень слабое здоровье. Существенная сторона нового облика героя открывалась в его отношениях с детьми, подростками, которые его постоянно окружают: «целое стадо собралось». Он должен был пойти к «12-летнему мальчику прощения просить» за то, что они «обругались дураками» (стр. 201—202). С детьми он полностью откровенен; считая, что им все доступно, рассказывает им о том, как он у роженицы ребенка принимал, «про Монблан, про Швейцарию, про историю одного учителя и одного мальчика, про Ольгу Умецкую, о бытии бога и, наконец, про Воспитанницу-невесту, о ее положении, будущем, мирит ее с детьми». Предполагалось даже: «В 3-й части у Идиота — *Детская* и Женская (женский труд). Часть ночующих и часть приходящих». Сфера деятельности Идиота определялась заметкой: «Идиот в действии: мальчик, потерянные женщины и проч.» (стр. 208—209). К нему тянутся две женщины — молоденькая Воспитанница, на которой после смерти жены хотел жениться Генерал, и Настя, которую Идиот принял, когда содержатель ее бросил, и которая «родила у него на руках...» (ср. аналогичный эпизод с Шатовым в «Бесах»). По одной из версий, она влюбилась в него, он ей предложил руку, но она убежала. Она насмехается над ним, «*кривляет*» его и удивляется ответной «его *простоте и смирению*». По другой — она любила сына Ганечку, который своим мрачным «байроновским характером» напоминает Идиота предшествующих планов и Рогожина окончательной редакции. В промежуточном плане как «лицо прежнего Идиота» фигурировал еще Племянник, произносящий «*тираду об царе иудейском*» и собиравшийся, по-видимому, жениться на дочери Генерала Варе (стр. 202, 204, 212). В нем угадываются черты не только Аркадия Долгорукого, но и хронологически более близкого Птицына.

Идиот последних планов *ПМ*$_1$ уже несет в себе начало высокой духовности, противопоставленное без удержу бушующей вокруг него чувственной стихии. Как позднее в «Братьях Карамазовых», соперниками выступают отец и сын. Они влюблены то в разных героинь, Устинью и Настю, старшая из которых (иногда сестра), сватаемая Умецким Генералу, соблазнила раньше Сына, то в одну, причем обе героини сливаются в единый образ. «Побольше бешености в Сыне», «Генерал — безобразие и русская душа» — таковы указанные в восьмом плане «*главные перемены*». Идиот в какой-то момент всех примиряет, принимает «ужасное участие в Сыне и в Насте», возвращает Сына к семье, способствуя его женитьбе на Насте, или в сцене «бунта детей», чтобы прекратить скандал, «*всех уводит*» (стр. 208, 209, 204). Несколько раз повторялась запись о пощечине, которую, вступившись за кого-то, получает Идиот (стр. 208, 209, 213). В этой сцене он должен был по-новому открыться окружающим. Заметкой: «N3. До самой пощечины над Идиотом все смеются и он в страшном пренебрежении. Он всё молчит» (стр. 215) — завершается промежуточный план.

К созданию образа Мышкина Достоевский шел в *ПМ*$_1$ не только через преображение главного героя. Начиная с первого плана будущего романа он искал гармоничную фигуру, контрастно оттеняющую гордыню и бунтарство раннего Идиота и воплощающую идеальное начало. Такая роль с первого

кого к страданиям других у Достоевского возникает замысел «поэмы» об «императоре», который он записывает в конце октября—ноябре 1867 г. в той же рабочей тетради. О соотношении героя этого неосуществленного замысла с образом князя Мышкина см. ниже, стр. 113—114 и 486—490.

плана по четвертый предназначалась Сыну Дяди, а в пятом, шестом и седьмом — младшему сыну Генерала Ганечке. «Благороднейшая фигура» Сына ассоциировалась у Достоевского с Христом: «Христос. Сын отчасти поражает Идиота еще прежде. Тот с ним вдруг становится откровенен. ⟨...⟩ Сын признается, что он еще не человек, что он готовится быть человеком. (Сострадание к Миньоне увлекает его.)» (стр. 152). В этой характеристике просматриваются контуры родственного Мышкину образа: тот же тип христианского героя, пробуждающего чувство доверия, осознающего собственное несовершенство и движимого любовью-состраданием. Сын производит чрезвычайно сильное впечатление на Геро, но сам он не верит, что она может его полюбить. Так же складываются в романе отношения Мышкина и Аглаи. Составляя «*Проект характера Сына*», Достоевский полемически заостряет вопрос о его убеждениях, возражая против рекомендации Сына «*социалистом*», которую ему дает Дядя. Сводя социализм к «экономическому распределению» и «хлебному вопросу», Сын находит в нем «мало идеала» (стр. 151). Проблематика эта получит в «Идиоте» публицистическое выражение в изложенном Лебедевым споре двух «мыслителей» о «телегах, подвозящих хлеб человечеству» (см. ниже, стр. 393), а позднее станет предметом разговора между Аркадием и Версиловым в «Подростке» и одной из тем «поэмы» о Великом инквизиторе в «Братьях Карамазовых». В другом пункте «Проекта» о Сыне говорилось: «Сын проповедует, что в жизни много счастия, каждая минута — счастье; самозаявление и самоощущение» (стр. 152). Проповедь светлого, радостного отношения к миру, любви к жизни в каждое ее отдельное мгновение прозвучит в речи Мышкина на вечере у Епанчиных в заключительной части романа (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 459). Сын, как и Мышкин, принимает Геро, бежавшую несколько раз почти из-под венца (то от Дяди, то от Идиота). Еще более детальная психологическая разработка характера, предваряющего образ Мышкина, происходит, когда Сына сменяет Ганечка: «Чистый, прекрасный, достойный, строгий, очень нервный и глубоко христиански, сострадательно любящий. От этого мука, потому что при таком *страстном сострадании* разумен, предан долгу и непоколебим в убеждениях. Глубины и заносчивости в идеях нет, хотя умен, образован и мыслил. Но *чувство* преобладает в натуре. Живет чувством. Живет сильно и страстно. Одним словом, натура христианская» (стр. 170). После этой характеристики Достоевский начал колебаться, кого из героев сделать главным, — Ганечку или Идиота. С заметкой о том, что следует Идиота сделать счастливым и великодушным, соседствует запись: «Ганечка тоже должен быть самое симпатичнейшее, кроткое и сильное лицо из всего романа» (стр. 171). И в седьмом плане снова повторяется: «Ганечка — идеально-прекрасное лицо» (стр. 195). В восьмом плане Идиот уже представляет собой нового героя, в котором соединились качества Сына Дяди и Ганечки.

В начальных планах кроме Идиота в ходе сюжетного действия романа должны были принимать участие две героини — Миньона и Геро, от которых тянутся нити к главным женским образам окончательной редакции. Миньона, в основном, подготавливала Настасью Филипповну. Живущая в «главном семействе» на правах приемыша, девушка характеризуется как «озлобленная Миньона и Клеопатра» (стр. 141), но закрепляет за ней Достоевский имя, заимствованное из романа Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера». Гетевская Миньона — девочка, отторгнутая от родины и близких, бродящая с труппой актеров и поющая «песни», овеянные поэзией тоски и страдания. Ее имя вводило героиню Достоевского в круг определенных поэтических ассоциаций. [1] С египетской царицей Клеопатрой, судьба которой послужила

[1] Следует отметить, что в составленном в конце 1859 г. перечне замыслов, которые Достоевский предполагал осуществить в 1860 г., фигурировало произведение под названием «Миньона»; главным действующим лицом его, возможно, должна была стать героиня, напоминающая чертами своего характера Нелли из будущего романа «Униженные и оскорбленные» (см: наст. изд., т. III, стр. 447, 526). Тогда же Достоевский хотел написать повесть

темой ряда шедевров мировой литературы, в частности стихотворной импровизации из «Египетских ночей» Пушкина (1835), блестяще интерпретированной Достоевским (см. в статье «Ответ „Русскому вестнику“» (1861) — наст. изд., т. XVIII),[1] Миньону из $ПМ_1$ сближала в первую очередь неукротимая гордость и мстительность. Своеобразно воспринятые литературные образы соединились в творческом воображении Достоевского с чертами реального прототипа. Корреспондент «Голоса», описывая наружность Ольги Умецкой, замечал, что «выражение лица» она имеет «детски пугливое и сосредоточенное. Говорит тихо, смущается и краснеет. Одета в плохое ситцевое платье». В напечатанной защитительной речи А. И. Урусова говорилось: «Здесь, на ваших глазах, гг. присяжные, была минута, когда две сестры, одна разряженная барынею, а другая — похожая на горничную, стояли перед вами. Несмотря на такую разницу, барыня настойчиво утверждала, что обращение с детьми было одинаково» (*Г*, 1867, 26 сентября, № 266, 28 сентября, № 268). Миньону в семье «страшно притесняют, держат хуже служанки — это подлая черта в Матери». Она дочь помещика, сирота, много претерпевшая в детстве и чуть не доведенная, как и ее прототип, до самоубийства. Миньона наивна, горда, завистлива и мечтает о том, как «всем отмстит». С Идиотом ее соединяет «дружба страшная, до рабства, но наравне». Миньона «ненавидит семейство», «ужасно умна и всё примечает», «беспрерывно мечтает» и Идиоту «все свои мечты пересказывает». А он ей после изгнания и совместных скитаний по Петербургу нанял квартиру и «свои золотые планы показал» (стр. 141, 143, 145). Этот характерный для Достоевского мотив близости «униженных и оскорбленных» предстанет затем в романе значительно обогащенным: взаимопонимание Мышкина и Настасьи Филипповны будет раскрыто как духовное родство людей, которые отклонились от общепризнанной житейской «нормы»: один — в силу своей болезненности, тонкости внутренней организации, другая — вследствие перенесенного ею надругательства и глубины страдания. Объединяет Миньону-Умецкую и Настасью Филипповну также то, что обе они — жертвы грубой чувственности: на осиротевшую девушку покушались отец семейства, в котором ее приняли, его старший сын — Красавец, Идиот, а в шестом плане — Владимир Умецкий. Она сначала «влюблена в Красавца и ненавидит его невесту. Она ненавидит и Героиню, потому что Героиня льнет к Красавцу, но так как та ужасно хороша, то Миньона, оставшись наедине, целует ей руки и ноги (и тем сильнее ненависть)». Постепенно отношения соперниц усложняются. Геро даже «полюбила Миньону», между ними возникает «странная дружба» (стр. 143, 149). Итак, уже здесь начинают вырисовываться контуры сложного психологического комплекса: Настасья Филипповна — князь Мышкин — Аглая. Однако в романе более высокими причинами будет объяснено восторженное поклонение Настасьи Филипповны Аглае, которую она вообразила идеальным существом, предназначенным для Мышкина. Как бы в ответ на пережитые унижения Миньона, покинув ненавистный ей дом, призналась Идиоту, что она «хочет скорей быть скверной женщиной». Сильное впечатление она произвела на Дядю, который решил на ней жениться, но неожиданно умер, завещав ее, по одному варианту, Сыну, по другому — Идиоту. Миньона же, отказавшись от состояния, ко-

---

(или роман) «Весенняя любовь». По одному из ее «варьянтов» князь, «у которого не было своих слов», любит «девочку», невесту «безобразного чиновника», ее соблазняет литератор, она же в глубине души предпочитает князя, но считает, что тот стоит «высоко над ней». «Князь горячится, хочет жениться, доводит ее до благоговения в любви, она хочет быть достойна его, учится, расспрашивает и т. д.» (там же, стр. 443, 444). В какой-то мере ситуация эта предвосхищает последние планы первой редакции, вторую редакцию и окончательный текст «Идиота». Но в целом это иной, самостоятельный замысел.

[1] Об этой статье Достоевского и о значении для его творчества в целом пушкинских «Египетских ночей» см.: В. Л. Комарович. Достоевский и «Египетские ночи» Пушкина. В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXIX—XXX. Пгр., 1918, стр. 36—48.

торое ей намеревался оставить Дядя, должна была покончить с собой или умереть, либо сойти с ума. Таков был первый эскиз образа, предвосхищающего Настасью Филипповну, — эскиз, в котором предвиделся, правда неясно, ее трагический конец. Писатель сразу же начал оттенять в этом образе черты романтического благородства, душевной красоты. «Миньона, вместо того чтоб мстить (как тогда, когда она кипела злобой), всем *раздает* и становится *ниже* всех. Одно изящное ей нравится», — записал Достоевский, а немного далее — в конце того же первого плана: «Миньона всё раздает и сходит с ума. Фантазии одна другой чуднее. Дядя подчиняется всем ее фантазиям. Сын благоговеет и *сошелся с Отцом* у Миньоны» (стр. 149, 152). В более поздних планах Ольга Умецкая, занявшая место Миньоны, характеризовалась как «юродивая», «мстительница и ангел». Как главная черта ее характера теперь подчеркивалась бесконечная наивность. Оказалось, что она всегда любила Идиота и всем ради него и Жены жертвовала. Отмечалось, что Умецкая «помешалась на всеобщем братстве». Она «зачиталась Евангелия», «в сумасшествии проповедует» и ей мерещатся необычайные картины. Отношения Идиота к «юродивой» характеризуются как «странная и *полнейшая* детская дружба». Он поверяет ей свои сомнения в божественности Христа и всегда «толкует обо всем этаком». Об обязанностях к Жене Умецкая «никогда его не учит; она только делает». Но в то же время она способна на активный протест и месть. «Она в деревне *два раза* сарай зажгла. Чтоб было похоже и напоминало Ольгу Умецкую», — подчеркивал Достоевский (стр. 178, 181, 183, 184). Таким образом, в облике Миньоны-Умецкой, с ее великодушием, мечтательностью, бунтарством, пророческим даром, забитостью и юродивостью, сосуществовали черты будущих героинь «Идиота» и «Бесов» — Настасьи Филипповны и Марьи Лебядкиной.

Другой вариацией близкого типа в шестом и седьмом планах является Жена Идиота. Он женился на ней «в особом расположении духа», «*из сострадания*». Она была «чиста», «прекрасна», «тиха, как Гольбейнова Мадонна», и, как впоследствии Настасья Филипповна, очень развита. Идиот был с нею откровенен, делясь своей «тоскою» и вступая «в восторженные разговоры», потому что она одна его понимала. Борьба чувств между Женой и Геро, к которой его влекли тщеславие или любовь-ненависть, заставляла его то приближать к себе Жену, то отталкивать. Но когда она заболела, «терзалась и была в бреду», Идиот «сидел над ней» (мотив окончательной редакции). Она всё принимала, «как Мадонна», и Идиот наконец осознал, что «без нее жить не может». Он «бросается к ногам ее и говорит, что любит. Чуть-чуть не счастье. Но всё рушится». Рушится оттого, что на какой-то момент Идиот дал волю своей страсти к Геро. Та бросалась к Жене. После этой встречи Жена скрывалась и кончала жизнь самоубийством или, потрясенная, умирала, оставив завещание, написанное «слогом Гольбейновой Мадонны», в котором призывала их: «Любите друг друга» (стр. 177, 191, 192, 189, 179, 183, 198 и др.). Это завещание явилось первоначальным вариантом одного из писем, отправляемых в романе Настасьей Филипповной Аглае.

С Геро, о которой говорилось, что «при бесспорной оригинальности и пуантилвости капризно-*вызывательного* и поэтического характера она выше своей среды» (стр. 151), связан генезис образов и Настасьи Филипповны, и Аглаи. Самое имя Геро, возможно, восходит к героине комедии В. Шекспира «Много шуму из ничего» (предположение Ю. Д. Левина). Комедия эта в переводе А. И. Кронеберга (*С*, 1847, № 12, стр. 229—302) была известна Достоевскому. Главных ее героев, Беатриче и Бенедикта, он упоминал в «Маленьком герое» (см.: наст. изд., т. II, стр. 280, 508). Шекспировская Геро, дочь губернатора Мессины Леонато, скромная и чистая девушка, была оклеветана в день ее обручения; по совету монаха обморок ее был выдан за смерть, версией о которой отец воспользовался для восстановления чести дочери. Образ этой героини Шекспира, незаслуженно оскорбленной, нуждающейся в реабилитации, мог объединиться в творческом воображении писателя с античной Геро, которая трагически кончила свою жизнь в морской пучине после гибели ее возлюбленного Леандра. В результате подобных ассоциаций имя Геро и могло закрепиться за предшественницей Настасьи

Филипповны.[1] К Геро восходит неравное, униженное положение Настасьи Филипповны в обществе: Геро то двоюродная сестра Жениха Дочери, то гувернантка, то воспитанница и «деспотирована в семействе». Настойчиво повторялись мотивы метаний Геро между Сыном, Идиотом, Дядей, болезни ее, бегства из-под венца. Первоначально на ней хотел жениться Дядя, а она «еще в невестах влюбила назло в себя Идиота»; когда же приехал Сын Дяди, «вдруг *назло* им бежала с Сыном накануне свадьбы и осрамила Дядю». Причина поступков Геро в этом случае крылась в ее гордом, противоречивом характере. Но тут же вводилась тема купли-продажи Геро. Она «наконец отбивает» невесту у Красавца и становится его невестой. «В это время прельщается Дядя и подкупает Красавца, покупает у него (по одобрению Идиота), отступным, невесту (Героиню). Героиня, понуждаемая деспотизмом брата, *Жениха,* попреками в хлебе и проч. и страшной досадой, доходящей до отчаяния, за то, что *Красавец* продал ее, соглашается, но мало-помалу замышляет отмстить...»

Оба эти мотива, как и в окончательной редакции, сплетались: Геро, доведя Идиота почти до сумасшествия, бежала с ним накануне свадьбы с Дядей, а затем смеялась «в глаза и Идиоту и Дяде». «Сделано без большой обдуманности с ее стороны, а так, по характеру», — отмечает автор. Затем события развивались следующим образом: Дядя требовал, чтобы Геро вышла за Идиота; она «три дня в исступлении: то ругает, отталкивает и смеется над Идиотом, то плачет, умоляет его, чтоб он любил ее, будущую жену его, *льстит ему, ласкает его.* Наконец, заболевает серьезно» (стр. 146, 148). В этих набросках вырисовывалась психологическая ситуация, предопределяющая отношения Настасьи Филипповны и Рогожина. Она явно проступает уже в конце первого плана, когда, с одной стороны, обозначилась тайная любовь Геро к благородному Сыну Дяди — первому прообразу Мышкина в *ПМ*$_1$, а с другой — возможность убийства Геро Идиотом. Проданная братом, женихом Маши, Дяде, оскорбленная Геро бросалась к Идиоту. Возникали два варианта: «Она, *может быть,* уже и обвенчана с Идиотом. Сначала тот ее деспотирует, а потом она полюбила его» или «Между тем Геро невеста. Чудасит. Позвать Сына. Сын поражает ее. После неприятной сцены ревности Дяди к Сыну, она, чуть не накануне свадьбы, Идиоту: „Увезите меня". Сумасшедший побег. Она всё время в истерическом припадке, плачет и хохочет. 〈...〉 Идиот. Выйдя замуж, она почувствовала и страх и отвращение к нему (10 000 р)». Параллельно Достоевским был зарегистрирован эпизод: все ожидают, что Геро станет женой сделавшего ей предложение Сенатора, а она, как позднее Настасья Филипповна, спрашивает Идиота: «Посоветуйте, выходить мне или нет?» Далее варьировались мотивы любовного и денежного ажиотажа вокруг Геро: увлечение ею Сенатора, Дяди, Дипломата — сына Генерала, самого Генерала, ожидание результатов процесса, по которому она могла выиграть 200 000, торг из-за нее между Дядей и Дипломатом, отчаяние и кутеж Геро в невестах, побег ее с Идиотом и от Идиота, смерть. Отношения Геро к Идиоту постепенно эволюционировали. В четвертом и пятом планах отмечалось: Идиот женится, а Геро «ласкается», «полупобеждает», и он ей признается, что раньше «ненавидел», а теперь, когда «видит, что она, может быть, полюбит его, то он готов ей жизнь отдать, но и ее жизнь возьмет, если она обманет его. Она трусит, она бросает всё и бежит к Генералу». По другому варианту Идиот, «*увезя Геро* с ненавистью, вдруг видит, что Геро бросается к нему, ласкается и обещает любовь. Он вдруг воспаляется, прогоняет всех, и деньги. Но Геро пугается его страсти, развязка. В тоске передает ее, но разочарование». В шестом и седьмом планах, в связи с тем что образ Идиота всё более насыщался противоречивыми элементами и таил в себе будущую метаморфозу, чувства Геро претерпевали полное изменение. Сначала Достоевский внес как примечание: «N3. Геро

[1] Шекспировское происхождение имени Геро подтверждается постоянным обращением Достоевского в *ПМ*$_1$ и *ПМ*$_2$ к Шекспиру (см. упоминания «Отелло», «Гамлета»; в *ПМ*$_2$ отмечен даже день рождения и смерти Шекспира: «23 *апреля.* (Schakespeare)» — см. стр. 266).

язвит его насмешками всё время и кокетством. Любит Сына, сама не зная, проблематически. И вдруг, в последнее только время, объявляет ему, что любит его», — а затем решил твердо остановиться на положении: «Ему только казалось, что Геро любит Сына. Она любила его». Идиот в этих планах имел жену, и Достоевский раздумывал: «А что если так: Геро вдруг узнала, что он женат; слегла, потом отчаянная любовь, выходит за Дядю, осмеяла Сына и вдруг к Идиоту: „Возьми меня, бежим, я люблю тебя...“» (стр. 152, 153, 158, 162, 167, 178, 179, 186).

Начиная со второй стадии разработки шестого плана близость Геро к Настасье Филипповне исчезает, и она обретает — напротив — сходство с Аглаей. Некоторые черты Аглаи определились в характере Геро уже в начальных планах. Она походила на Аглаю своей чрезвычайной гордостью, манерою держаться совершенно независимо. «Она, удивительно гордая, вся на приличиях и тонная, даже *поэтому* не скандализуется и не удивляется иным ужаснейшим его выходкам», — упоминалось в первом плане (стр. 151). Геро пленилась Сыном, увлеченным состраданием к Миньоне, «и его равнодушие ее тем сильнее распалило. Раз она бежит к нему, а Идиот ждет на лестнице. У ней в душе трагедия, а она на лестнице с Идиотом острит и шутит» (стр. 152). Подобный образ действий характерен и для Аглаи, влюбленной в Мышкина и стыдливо скрывающей свои чувства. Во втором плане были обозначены и победа Геро над Сенатором, и отказ ее от этого выгодного брака, и брошенный ею на вечере иронический вызов Красавцу идти провожать свою невесту, на капитал которой он рассчитывал, — поступки, обусловливающие в романе соответственную линию поведения Аглаи с Евгением Павловичем Радомским и отповедь ее Гане: «Я в торги не вступаю». Постоянные насмешки Геро над Идиотом — штрих, который войдет в изображение отношений Аглаи с князем. В хронологически позднейших планах найденные ранее черты характера детализировались, оживали в конкретных сценах. В заметке «*Из последнего*» Геро Сыну, «с внезапным градом слез, объявила, что любит, кажется, другого, но *не объявила кого,* — может быть, сама стыдилась...» (стр. 185). В близкой к окончательной сцене посещения Идиотом после возвращения из Швейцарии дома Генералов «Геро встречает его ядовитыми насмешками, но к концу вечера он ей нравится...» (стр. 197). В Геро определилась и такая существенная особенность образа Аглаи как серьезность ее представлений о жизни, перекликающихся с идеалами демократически настроенных женщин того времени. На Геро сильное впечатление производило бескорыстие Идиота: «Геро, как только услышала, что он отказался от нее и от денег, вдруг заинтересовалась им» (там же). Встреча Геро в решительный для нее момент с Женою предопределила изображение свидания Аглаи с Настасьей Филипповной.

В двух последних планах появились новые героини — Воспитанница, Устинья, Настя. Воспитанница выросла в доме Генерала. По своему положению она напоминает Геро первых планов. Она семнадцатилетний наивный ребенок. Генерал ухаживал за ней, вызывая ревность Генеральши. После внезапной смерти жены Генерал собирался жениться на Воспитаннице, из-за чего у него возникла ссора с собственными детьми. Приезжает тетка, которая, как позднее княгиня Белоконская, считалась главной советчицей в семейных делах. В ответ на ее вопросы сначала дочь Генерала, потом Воспитанница заявляют, что хотят к Идиоту, которого одна называет Дмитрием Николаевичем, другая — Иваном Николаевичем. Тетка уезжает, Воспитанница отправляется в Суздаль.

Воспитанницу сменила «лихая» 27-летняя вдова — поручица Устинья, которую сватал Генералу его старый приятель Умецкий. Она, по одному (отвергнутому) варианту, дочь Умецкого, по другому — дальняя родственница его жены (стр. 203). Устинья держит Умецкого в руках, взяв у него векселя. За поручика ее выдали тогда, когда у нее должен был родиться ребенок. Теперь ему 14 лет. Устинья страстна и развратна, жила с капитаном Павленко и на содержании у Троцкого. Влюбленный в нее Генерал хотел жениться на ней. Может быть, этот брак и состоялся бы, но Устинья, узнав, что у Генерала ничего нет, уходит. Генерал, совсем потеряв голову, бросается

за нею, соглашаясь переносить разврат. Или выдвигается другая версия: Генерал не собирался жениться на Устинье, выгонял ее, «хотя и подличал», но она по выданному ей векселю «засадила его» (стр. 204). Попутно Устинья увлекала Сына Генерала, который ей понравился. В промежуточном плане господствовал мотив безумной влюбленности в нее Генерала, который твердил «в сумасшествии: „Женюсь!“» Намечалась сцена: «Она дала-таки пощечину Троцкому в публике. Сын опять за нее заступился и тут-то и соблазнился ею. Потом оплевал. А она: „Буду генеральшей“» (стр. 212). И Воспитанница, и Устинья — самостоятельные характеры, от которых Достоевский отошел; однако они явились следующей ступенью, приблизившей его к созданию образа Настасьи Филипповны, тоже воспитанницы-сироты, оказавшейся предметом сговора между ее опекуном-соблазнителем и генералом, отцом трех взрослых дочерей. Тоцкий в романе не получал пощечины в прямом смысле, Настасья Филипповна отомстила ему иначе, но в Павловске, при всех, она хлестнула плетеной тросточкой другого своего обидчика, офицера, сопровождавшего Евгения Павловича. Вызов Устиньи: «Буду генеральшей»— сменится в $ПМ_2$ заявлением Настасьи Филипповны (в сцене соперниц), что она княгиня.

Наиболее напоминала Настасью Филипповну в последних планах $ПМ_1$ Настя, одна из дочерей Умецкого, сперва младшая сестра Устиньи, но затем не родня ей. Она красавица 20—23 лет, отец преследовал ее еще совсем юную, и она бежала из дому. Из нужды отдалась старику, которого потом хотела убить. По отъезде соблазнителя жила в его доме, в деревне под Саратовом. Ее навещал Идиот и принял у нее ребенка. В муках и бешенстве оттого, что ее бросили, она над ним же насмехалась, но потом влюбилась в него. Идиот предложил ей руку, но она ответила: «Я бешеная, я прощения не прошу, я поганая» (стр. 202) — и убежала к Умецким. По возвращении отец ее бил, как зверь, она подожгла дом и вновь пыталась бежать. Тут ее спасал сын Генерала, выхватив из огня (или похитив из сарая, где она была заперта), влюблялся в нее, увозил в Петербург и делал ей предложение. Она соглашалась, но накануне брака или сразу после него скрывалась. Концовки планировались разные: то она убегала и поступала в прачки, то следовала советам Устиньи, которая ее сводничала; затем мирилась с Сыном, но после первой ссоры и ревности с его стороны топилась, или Идиот возвращал ее и способствовал ее браку с Сыном. Этот характер, «буйный, неподклонный, бешеный, сумасшедший», несет в себе явные черты Настасьи Филипповны: та же бунтарская гордость и вместе с тем потеря веры в себя, обостренное чувство собственной вины.

Будучи с Идиотом в деревне, Настя, покоренная его простотой и смирением, просила его: «Учите меня». Он отвечал: «Да вы больная теперь». Она настаивала и рассказывала, «дрожа в лихорадке, как она отомстит!» (стр. 202). Отношения свои к Идиоту и Сыну Настя определяла так: «Я тебя вместо бога почитаю, а *его люблю*» (там же). Сомневаясь в своем праве стать женою Сына, который был моложе ее, Настя говорила: «Ну за что я тебя загублю, прекрасного, милого» (стр. 204). Все эти мотивы получили развитие в $ПМ_2$ и окончательном тексте романа. Образы Устиньи и Насти постепенно начали объединяться в один. Из огня, например, Сын спасал то Настю, то Устинью. Упоминалась и Ольга Умецкая. Вбирая в себе черты и Миньоны, и Геро, и Устиньи, и Насти, и реальной Ольги Умецкой, образ Настасьи Филипповны все более оживал в творческом сознании автора.

В какой-то мере в $ПМ_1$ были намечены силуэты характеров второстепенных героев романа — генералов Иволгина и Епанчина, Гани, Вари, Птицына и других. Не прошли бесследно и размышления Достоевского над композицией первой редакции «Идиота» и манерой авторского повествования. Завязавшийся в первом плане драматический конфликт — столкновение вокруг Геро, Сына, Идиота, Дяди, Сенатора, влюбленность Геро в Сына, увлеченного в свою очередь чувством сострадания к Миньоне, — стал ядром, из которого развился один из основных сюжетных узлов романа. Мотив метаний Геро (затем Насти) от Идиота к Сыну, от Сына к Идиоту, бегства ее из-под венца, исчезновения определил движение сюжета. Обдумывая начало романа,

Достоевский несколько раз останавливался на мысли, что он откроет его сценой в вагоне. Впервые запись об этом зафиксирована 22 октября н. ст. 1867 г. в четвертом плане. Специальное «Nota bene» говорит о том, что *«под осень»* в вагоне два сына Дяди, родной и побочный, случайно оказавшиеся рядом, должны были встретиться с генеральским семейством. Генерал знакомил братьев, прежде не знавших друг друга, и рассказывал историю побочного (Идиота), передавая его характер и выказывая свой. В *«Основных точках 1-й части»*, составленных тогда же, намечалось еще какое-то *«происшествие»* в дороге. Набросок этого дорожного «случая» — неловкого поведения Идиота и столкновения его с генеральским семейством — был сделан на полях с. 3 среди записей к «Преступлению и наказанию». Другой вариант горячей вагонной встречи был дан в седьмом плане: «Приезд. В вагоне. ⟨...⟩ Следил за Генералами. На станции. Наступил на ногу Геро. Хотел сказать комплимент. Геро и Камергер особенно. Несколько грубостей в разговоре. Разбил вино. Хохот. Воротился, бросил деньги и убежал» (стр. 162, 163, 199). Эти детали не совпадают с теми, которые характеризуют появление Мышкина в вагоне. Но завязку «Идиота» составили сцены возвращения героя в Петербург после долгого пребывания за границей, неожиданного знакомства его в поезде с другими участниками предстоящих событий (личного или по рассказам), а затем прихода к Генералу, пробы почерка для устройства в писаря, испытания и успеха (последний эпизод неоднократно повторялся в *ПМ*$_1$ — см. стр. 164, 168 и др.). Сохранился и мотив получения Идиотом наследства. 2 ноября н. ст. 1867 г. в шестом плане была введена тема поездки Идиота в Швейцарию. А в седьмом плане ход событий конкретизировался следующим образом: «Идиот воротился *идиотом* из Швейцарии. Между тем бумаги пишет. Дядя понимает и сердится. Несколько объяснений. ⟨...⟩ У Генералов Идиот не идиот, а, напротив, с треском. Мил и скромен» (стр. 196). В следующем плане для воссоздания швейцарского периода жизни Идиота избрана форма воспоминаний, рассказов детям (в окончательном тексте Мышкин обращается не прямо к детям, а к матери и сестрам Епанчиным, в которых обнаруживает много детского). Тот же план включал сцену семейной ссоры в доме Генерала и заступничества Идиота за Дочь, в результате которого он получил пощечину. Аналогичный скандал разразится на квартире у Иволгиных в VIII главе первой части романа. Постепенно в ноябрьских, декабрьских проектах начинала вычерчиваться линия построения начальных глав «Идиота» и подготавливалась новая его редакция. Архитектоника других частей на этой стадии была не ясна: в расположении и структурном сцеплении большей части сцен и эпизодов *ПМ*$_1$, от которых через *ПМ*$_2$ или непосредственно тянутся нити ко второй, третьей и четвертой частям «Идиота», произойдут существенные смещения. Так, например, из плана в план *ПМ*$_1$ устойчиво возобновлялся эпизод сожжения Идиотом пальца для доказательства или пробы своих сил. В *ПМ*$_2$ палец сжигал уже Ганя, а в VIII главе третьей части окончательной редакции это не совершившийся факт, а выдумка Аглаи, цель которой — заставить Мышкина поверить в Ганину любовь к ней. В IX главе четвертой части насмешливое предложение сжечь палец на свечке вновь прозвучало в ответ на попытку Гани признаться в любви в момент, когда Аглая вне себя прибежала в дом Иволгиных от Настасьи Филипповны. Развязка в *ПМ*$_1$ виделась писателю по-разному: то Идиот уступал Геро Сыну, то она пропадала, убегая неизвестно куда, то Идиот убивал ее. Однако мотив трагической гибели Геро преобладал. Среди NB к третьему плану была сделана на полях особая заметка: «NB bene и главное: надо, чтоб читатель и *все лица* романа понимали, что *он может убить Геро,* и чтоб все ждали, что убьет» (стр. 156). Эта установка на предсказание финала впоследствии, как отметил Н. М. Чирков (см.: *Чирков, 1963,* стр. 166—172), была проведена по всему роману.

В обрисовке отношений между Идиотом, Геро и Сыном всё должно было с самого начала быть «романично и эпизодно». В шестом плане Достоевский вновь записал: «...надо эту страсть и разжигающую любовь объяснить в *продолжение романа* эпизодами» (стр. 150, 186). Принцип фрагментарного, не лишенного таинственности, многозначного изображения, сформулированный

ПМ$_1$, преобладал при раскрытии чувств Рогожина, Настасьи Филипповны и Мышкина. В тетрадях № 3 и № 4 нашла отражение и такая характерная для художественного метода Достоевского черта, как сочетание внешней событийности и внутренней напряженной драматичности. Заметки типа: «Поминутно готовящийся бунт, все в волнении, все один другим недовольны» — соседствовали с указаниями: «Сцену великолепнее» (стр. 169, 152), т. е. созревающие изнутри коллизии должны были в кульминационные моменты прорываться наружу в сильных и ярких сценах.

В последних ноябрьских набросках явственно ощущается приближение перелома в замысле. Воображение писателя захвачено претерпевшими значительное изменение, почти новыми образами. «*Генерал, она, дети. Лицо Идиота и прочее множество лиц*», — подводил итог Достоевский. И тут же снова подчеркивал: «*Идиотово лицо. Ее* лицо величавее. (Сильно оскорблена)». Записи в *ПМ*$_1$ обрываются словами: «Подробное расположение плана и вечером *начать*» (стр. 214—215). Этой заметкой завершается промежуточный план *ПМ*$_1$. Обдумав «подробное расположение», Достоевский с середины ноября н. ст. 1867 г. приступил к его реализации. Но затем, как указывалось выше, он отбросил написанное и, перебрав с 4 по 18 декабря множество планов, нашел наконец тот, который подчинил себе все предыдущие.[1] Основную идею, давшую жизнь окончательной редакции романа, Достоевский сформулировал в письме к А. Н. Майкову от 31 декабря 1867 (12 января 1868) г.: «Давно уже мучила меня одна мысль, но я боялся из нее сделать роман, потому что мысль слишком трудная и я к ней не приготовлен, хотя мысль вполне соблазнительная и я люблю ее. Идея эта — *изобразить вполне прекрасного человека.* Труднее этого, по-моему, быть ничего не может, в наше время особенно. Вы, конечно, вполне с этим согласитесь. Идея эта и прежде мелькала в некотором художественном образе, но ведь только в *некотором,* а надобен полный. Только отчаянное положение мое принудило меня взять эту невыношенную мысль. Рискнул, как на рулетке: „может быть, под пером разовьется!“»

3

Приступив к писанию «Идиота», Достоевский был связан крайне ограниченными сроками и денежными обязательствами. Получив у М. Н. Каткова перед отъездом за границу большую сумму вперед и обратившись к нему осенью 1867 г. с просьбой о ежемесячных денежных присылках в счет будущего романа, Достоевский обещал первую большую «порцию» выслать в декабре, чтобы публикация романа могла начаться с января 1868 г. Книги «Русского вестника» выходили обычно во второй половине месяца ст. ст., — поэтому Достоевский надеялся успеть и работал очень интенсивно. И действительно, пять глав первой части были высланы им в Петербург 24 декабря 1867 (5 января 1868) г. В сопроводительном письме в редакцию писатель обещал «на днях» отправить также VI и VII главы первой части, а затем «не позже *первого февраля*» доставить вторую часть и «раньше 1-го марта» — третью (под второй частью подразумевались VIII—XVI главы первой части по окончательному распределению). VI и VII главы Достоевский выслал 30 декабря 1867 (11 января 1868) г. Всего, по подсчетам А. Г. Достоевской, в двадцать три дня он написал около шести печатных листов (93 стр.) для январской книжки «Русского вестника» (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания,* стр. 169). В журнальной редакции роман открывался посвящением С. А. Ивановой, любимой племяннице Достоевского.[2]

---

[1] 10 (22) декабря А. Г. Достоевская записала о муже в дневнике: «Начал диктовать новый роман, старый брошен» (*ЛН*, т. 86, стр. 280). Но, по-видимому, обдумывание планов продолжалось и в следующие дни.

[2] Достоевский очень ценил ее «врожденное и высокое чувство собственного достоинства», «твердую постановку чести, взгляда и убеждений, постановку, разумеется, совершённо натуральную», ум, «спокойный и ясно, от-

К этому времени «создался» план окончания первой части (на этой стадии — вторая часть), но оставалось еще много неясных вопросов: «Мелькают в дальнейшем детали, которые очень соблазняют меня и во мне жар поддерживают, — делился Достоевский своими затруднениями с А. Н. Майковым в том же письме от 31 декабря 1867 (12 января 1868) г. — Но целое? но герой? Потому что целое у меня выходит в виде *героя*. Так поставилось. Я обязан поставить образ. Разовьется ли он под пером? И, вообразите, какие, сами собой, вышли ужасы: оказалось, что кроме героя есть и героиня, а стало быть, *ДВА ГЕРОЯ!!* И кроме этих героев есть еще два характера — совершенно главных, то есть *почти героев*. (Побочных характеров, в которых я обязан большим отчетом, — бесчисленное множество, да и роман в 8 частях.) Из четырех героев — два обозначены *в душе у меня* крепко, один еще совершенно не обозначился, а четвертый, т. е. главный, т. е. первый герой — чрезвычайно слаб. Может быть, в сердце у меня и не слабо сидит, но — ужасно труден. Во всяком случае времени надо бы вдвое более (minimum), чтоб написать». Два персонажа, которые, по словам писателя, обозначились в душе его «крепко», — это Настасья Филипповна и Рогожин. Образ Настасьи Филипповны был уже достаточно подготовлен в $ПМ_1$. То же можно сказать и о Рогожине, ряд черт характера которого был заложен, как отмечалось, в Идиоте первой редакции и обрел яркое индивидуальное выражение, когда в конце ноября н. ст. 1867 г. утвердилась мысль о его купеческом происхождении (см. ниже, стр. 390—391). Наиболее загадочной среди главных персонажей романа для Достоевского пока оставалась Аглая: о лице ее князь Мышкин в VII главе не решился ничего сказать, кроме того, что она «чрезвычайная красавица». Успех же всего романа, «целого», для Достоевского зависел от того, насколько ему удастся справиться с образом центрального героя. Задачу представить образ человека, идеальное совершенство которого пленяло бы как современников, так и потомков, Достоевский считал бесконечно трудной, почти непосильной для художника. 1 (13) января 1868 г. он писал С. А. Ивановой: «Идея романа — моя старинная и любимая, но до того трудная, что я долго не смел браться за нее ⟨...⟩. Главная мысль романа — изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение *положительно* прекрасного, — всегда пасовал. Потому что это задача безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал — ни наш, ни цивилизованной Европы — еще далеко не выработался». И далее, говоря о том, что единственное «положительно прекрасное лицо» для него Христос, Достоевский перечислял лучшие образцы мировой литературы, на которые он ориентировался, подчеркивая одновременно, что сам он стремился дать иное решение той же задачи: «Упомяну только, что из прекрасных лиц в литературе христианской стоит всего законченнее Дон-Кихот. Но он прекрасен единственно потому, что в то же время и смешон. Пиквик Диккенса (бесконечно слабейшая мысль, чем Дон-Кихот; но все-таки огромная) тоже смешон и тем только и берет. Является сострадание к осмеянному и не знающему себе цены прекрасному — а стало быть, является симпатия и в читателе. Это возбуждение сострадания и есть тайна юмора. Жан Вальжан — тоже сильная попытка, но он возбуждает симпатию, по ужасному своему несчастию и несправедливости к нему общества. У меня ничего нет подобного, ничего решительно, и потому боюсь страшно, что будет положительная неудача».

Роман в эту пору мыслился в восьми частях. В первой должна была даваться экспозиция (швейцарская жизнь Мышкина, прошлое Настасьи Филипповны, изломанное Тоцким, встреча Рогожина с Настасьей Филипповной и смерть отца его, оставившего сыну два с половиной миллиона, семейный уклад Епанчиных) и завязка нескольких сюжетных линий: Рогожин и Настасья Филипповна, Настасья Филипповна и Ганя, Ганя и Аглая. Другие — Мышкин и Настасья Филипповна, Аглая и Мышкин — еще только ощущались

четливо различающий, верно видящий», о чем писал ей 1 (13) января 1868 г., сообщая о посвящении и своем желании, чтобы «роман вышел хоть сколько-нибудь достоин посвящения».

как потенциально возможные. «Во *второй* части, — писал далее Достоевский Майкову, — должно быть всё окончательно поставлено (но далеко еще не будет разъяснено). Там будет одна сцена (*из капитальных*), но ведь еще как выйдет? — хотя *записалось* начерно и хорошо». Под «капитальной» сценой Достоевский, скорее всего, подразумевал сцену именин Настасьи Филипповны и ее ухода с компанией Рогожина в теперешней XVI главе.

За работу над очередными главами Достоевский принялся 13 января н. ст. (см. письмо его к С. А. Ивановой от 1 (13) января 1868 г.). Через полтора месяца, отослав «вторую часть» и надеясь, что «поспеет» к очередной книжке журнала, хотя и «опоздал сильно», Достоевский сообщал Майкову 18 февраля (1 марта) 1868 г.: «Завяз с головой и со всеми способностями во 2-й моей части, приготовляя ее к сроку. Окончательно испортить не хотелось, — слишком много от успеха зависит. Теперь же даже и не успеха надо, а только чтоб не случилось окончательного падения: в дальнейших частях еще можно будет поправиться, потому что роман выходит длинный». Полученные редакцией очередные девять глав были напечатаны в февральском номере «Русского вестника», но были обозначены не как вторая часть, а как VIII—XVI главы первой части; в конце их было помещено редакционное примечание, отсылавшее читателей к апрельской книжке журнала (этим была удовлетворена просьба писателя о некоторой отсрочке в связи с рождением дочери).

Воспользовавшись льготным месяцем, Достоевский вновь занялся составлением планов. Первый набросок в тетради № 5 датирован 7 марта н. ст. 1868 г. С этого момента разработка планов в тетради шла параллельно с оформлением второй, третьей и четвертой частей. Поэтому материалы тетради образуют ряд последовательных стадий в работе, разграниченных хронологически выходом в свет тех или иных глав романа, содержание которых определяло каждый раз направление дальнейших поисков Достоевского. Самый большой пласт *ПМ*$_2$ падает на март—апрель, когда писатель обдумывал не только содержание ближайших глав, непосредственно примыкающих к напечатанной первой части, но и план новой редакции романа в целом. Создавшуюся ситуацию Достоевский так охарактеризовал в письме к Майкову от 2 (14) марта 1868 г.: «*Еще не начатая 3-я* часть романа ⟨вторая — см. ниже, — *Ред.*⟩, которую я обязался честным словом доставить к *1-му* апреля *нашего стиля* в редакцию; вчера ночью *радикально* измененный (в 3-й уже раз) весь план *3-й* и *4-й* части (а стало быть, еще три дня, по крайней мере, надо употребить на обдумывание нового расположения); усилившееся расстройство нервов и число и сила припадков — одним словом, вот мое положение!» Но размышления над планами захватили Достоевского. Через полмесяца, 20 марта (2 апреля), он признавался Майкову, что «не написал ни *одной строчки!*», хотя до апрельского срока «остается ⟨...⟩ не более 20 дней». А 9 (21) апреля извещал того же корреспондента: «Работаю и ничего не делается. Только рву. Я в ужаснейшем унынии: ничего не выйдет. Они объявили, что в апрельском номере явится продолжение, а у меня ничего не готово, кроме одной ничего не значащей главы». К концу месяца Достоевскому все же удалось завершить две главы. Благодаря разнице в стилях они смогли появиться, как он и рассчитывал, в апрельском номере «Русского вестника» с примечанием о том, что редакция журнала, не желая задерживать выхода книжки, ограничивается помещением начала второй части, только что доставленного автором, которого «болезнь лишила ⟨...⟩ возможности выслать ранее продолжение своего труда».

В *ПМ*$_2$ последняя апрельская запись отделена от внесенных в нее в конце мая набросков двадцатитрехдневным перерывом. Он ушел на осуществление (по предварительным черновым заготовкам) предназначенных для майской книжки «Русского вестника» III, IV и V глав второй части и является первым естественным рубежом в этой тетради (см. стр. 267—268).

Действие первой части прервалось в момент, когда тройки умчали Настасью Филипповну и Рогожина, вслед за ними к Екатерингофскому вокзалу бросился на извозчике Мышкин, в гостиной остался лежать в обморочном состоянии рядом с выхваченной из огня пачкой Ганя Иволгин, уехал домой

«па серепьком рысачке» «с новыми надеждами и расчетами и с давешним жемчугом» генерал Епанчин, а гости во главе с Тоцким, расходясь, обсуждали происшедшее. Свои последующие заметки в $ПМ_2$ Достоевский начал с определения времени, которое протекло между событиями первой и второй части. «Князь был три недели в Москве», — записал он 7 марта н. ст. 1868 г. Составляя 12 марта подробный план всей части, Достоевский удлинил этот временной промежуток до трех месяцев. Затем, желая, по-видимому, ускорить темп событий, он 10 апреля отвел на путешествие Мышкина в Москву всего пять дней. 14 апреля писатель решил, что он вернулся полтора месяца спустя. И наконец, по планам, составленным 15 апреля, отсутствие Мышкина, как и в окончательном тексте, продолжалось шесть месяцев. Увеличивая промежуток между событиями первой и второй части, Достоевский стремился продлить время, необходимое как для назревания завязавшихся в первой части драматических коллизий, так и для приобщения главного героя к русской жизни, которое расширило его мировосприятие, а тем самым способствовало и расширению горизонтов романа.

Мартовские планы открываются подзаголовком «*3-я часть*», так как Достоевский еще продолжал в это время исходить из прежнего восьмичастного замысла. Он долго колебался между таким дробным членением повествования и более укрупненным, четырехчастным, соответствующим окончательной структуре романа. 20 марта н. ст. Достоевский обозначил: «3-я и 4-я часть *заключат в себе* одну теперешнюю третью...». На следующей странице тетради № 5 (с. 45) зафиксирована уже новая нумерация частей: «В этой же 3-й и 4-й частях (во 2-й то есть)...». Вторично и четко резюмировал он соотношение старого порядка частей и принятого им в конце концов за основу четырехчастного строения в письме к А. Г. Достоевской от 23 марта (4 апреля) 1868 г., в котором в связи с денежной своей задолженностью журналу писал: «До полной присылки этих 10—12 листов, т. е. полной 2-й части (или по прежнему счету 3-й и 4-й части), я обещаюсь денег больше не просить. Но после присылки, через два месяца, попрошу еще, но зато еще через два месяца придет 3-я часть, т. е. 5-я и 6-я, и тогда за мной останется всего только *одна тысяча*, не более, а может быть менее. Но затем будет еще 4-я часть (т. е. 7-я и 8-я), и я вполне мой долг выплачу». Однако в $ПМ_2$ старый счет частей еще продолжал соседствовать с новым в течение всего апреля.

Первым предположением об отправной точке повествования «третьей» (теперешней второй) части был «*проект*»: «*Не начать ли с Гани?*» Писатель уточнял: «Как только очнулся, мысль: сцена в воксале» (стр. 220). Смысл этого «проекта» становится понятным из соседних заметок. Сообщив читателю о том, что Ганя ожидает у себя на новой квартире приезда из Москвы Мышкина, Достоевский собирался рассказать о предшествующих событиях: Ганя, придя в себя после обморока, решает отправиться на Екатерингофский воксал, куда Рогожин с компанией увез Настасью Филипповну и куда уехал за ними Мышкин (возможно, Ганя хочет вернуть Настасье Филипповне пачку с деньгами). По возвращении после «воксала» домой между ним и князем происходил откровенный разговор, положивший начало их более близким отношениям. Узнав об этом, вероятно, через интриговавшую Варю Иволгину, в день прибытия князя к Гане наведывались Аглая и Аделаида. Ганя излагал им (или одной Аглае) известные ему подробности о Мышкине и Настасье Филипповне. 12 марта, когда был разработан план третьей, четвертой и пятой частей, все это составляло еще содержание I и II главы третьей части. III глава по плану отводилась под сцену между вернувшимися домой сестрами Епанчиными и их родителями; в IV главе писатель хотел дать сцену завтрака у князя, на котором собиралось много гостей и происходило несколько инцидентов; в V главе проектировалось объяснение Мышкина с тремя сестрами, преимущественно с Аглаей, о том, что он не станет делать предложения, после чего должно было состояться rendez-vous Аглаи и Гани у всенощной; в VI главе намечалась фантастическая интрига у Софьи Федоровны, участницей которой была Настасья Филипповна, а соглядатаями князь и Коля; в VII — встреча Настасьи Филипповны с Аглаей, пришедшей с Ганей и бросившей вызов: «Иди в борд⟨ель⟩»; в VIII главе после ответа Настасьи

Филипповны: «Я княгиня», который слышал и князь, должна была следовать сцена Аглаи с Ганей с сожжением пальца, кончавшаяся ее приказом: «Везите домой». В четвертой части Достоевский хотел изобразить жизнь Настасьи Филипповны, приниженное положение князя около нее, взаимоотношения Аглаи и Гани, разговор Гани с князем, бегство Настасьи Филипповны. Пятая включала бы описание клуба, организовавшегося вокруг князя из молодежи и детей, ряда эксцентричных поступков обеих героинь, спасения Аглаи, примирения с Настасьей Филипповной, исповеди князя, «разор⟨ения⟩ Р⟨адомско⟩го и проч.» (стр. 225). В тот же день Достоевский, почувствовав, что на третью часть падает слишком большая сюжетно-тематическая нагрузка, задумался, не перенести ли ему сцену оскорбления Настасьи Филипповны Аглаей в четвертую часть, а в пятой части дать исповедь Мышкина Аглае, «темное исчезновение» Настасьи Филипповны, поиски ее в борделе, попытку самоубийства и «восстановление» ее. Тогда же впервые были намечены и возможности разрешения судеб Настасьи Филипповны и Мышкина: «Она умирает или умерщвляет себя. N3. Рогожин. Аглая выходит за Князя — или Князь умирает» (стр. 227).

15 марта Достоевский заново составил «Краткий план глав 3-й части», в котором по сравнению с предшествующим планом произвел ряд перемен: изменил порядок глав и перераспределил повествовательный материал внутри них. Кроме того, была введена новая VII глава с программой: «Князь и Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩. Сарказмы, страсть, отчаяние. Предложение Аглаи в жены и — тут же ревность к ней» (стр. 231). Прежняя VII глава стала VIII, и в ней свидетелем столкновения между Аглаей и Настасьей Филипповной оказывался не только Мышкин, но и Рогожин. В «заключительной» IX главе особую роль должны были играть Коля, Рогожин и Софья Федоровна (в дальнейших планах Софья Федоровна, упоминаемая еще в *ПМ*$_1$ в качестве тетки Идиота, больше не встречается; не вошла она и в роман, где тетка Мышкина (без имени) упоминается лишь в связи с оставленным ею наследством).

Разрабатывая главу о завтраке у Мышкина, Достоевский остановился на мотиве: князь и «мошенники» — и 16 марта особо выделил «Эпизод с сыном Павлищева». Одновременно он убедился в том, что «не уместившиеся» в 3-ей части сцены Аглаи и Настасьи Филипповны, Аглаи и Гани требуют психологической подготовки, и передвинул их в «4-ю». В той же четвертой части он по-прежнему еще предполагал в это время описать состояние Настасьи Филипповны в положении невесты Мышкина, ее «сумасшествие», насмешки над князем, чередующиеся с нежностью к нему, и, наконец, в результате «срама», устроенного Аглаей, свадьбу, перед которой происходила «страстная и нежная сцена с Князем (евангельское прощение в церкви блудницы)», а затем бегство Настасьи Филипповны из-под венца. Пятую часть Достоевский думал начать «клубом и слухами о выходе замуж Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ за Рогожина» и продолжить «кутежом и проч.» (стр. 235). 20 марта Достоевский так развивал этот план и раскрывал содержание шестой и седьмой части: «6-я и 7-я ⟨части⟩. Ловит Рогожин. Брак Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩. С Князем — таинственные свидания. Рогожин зарезал».

Характеризуя ситуацию, в которую попал князь в связи с тем, что окружающие смотрели на него как на жениха Аглаи, Достоевский 9 апреля н. ст. вновь пересмотрел план ближайших частей. У него возникло два варианта «3-й и 4-й» частей (вместо второй): или князь, вернувшись из Москвы, «затруднен, как бы отказаться» от Аглаи, «желает объясниться с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩», и все разрешается катастрофой, или «никакой катастрофы», а князь «просто отказался от Аглаи» и в 5-й и 6-й частях духовно «восстанавливает» Настасью Филипповну, которая «дошла до золотой надежды», но после сцены с Аглаей бежала с Рогожиным (стр. 245). 10 апреля писатель набросал «*Фактическую программу 3-й части*», в которую вошли, кроме возвращения князя из путешествия, письма к нему многих персонажей романа, встреча Мышкина с Лебедевым, объяснение его с Ганей, визит к Епанчиным и приглашение их на новоселье, эпизод между Аглаей, Кавалергардом и Мышкиным, вечер у Настасьи Филипповны, рассказы о Коле, Пете Лебедеве, других детях, об Ипполите и о детском журнале, история «сына Павлищева», случаи

с Генералом (Иволгиным) и Ганей, «*посторонней девочкой*», Фердыщенко, занимателями денег, «капитальное объяснение с Рогожиным», вероятно, Мышкина по поводу убежавшей из-под венца Настасьи Филипповны. В конце Достоевский собирался сделать примечание: «N3 от меня: даже слишком много для третией части» (стр. 247, 248).

Вслед за этим он снова, по пунктам, изложил содержание третьей и четвертой частей. По сравнению с «*Фактической программой*» в третьей части большее место занял теперь визит Мышкина к Лебедеву и «удивительная победа» князя над Флигель-адъютантом (вместо Кавалергарда), а также более детально планировались сцены с детьми и посещение Мышкиным дома Рогожина.

Четвертая часть подобно третьей в апрельских планах открывается главой «У Ганечки», разговорами его с Варей и Птицыным и ожиданием Аглаи. Далее Ганечка хоть и надувает Аглаю, но по уходе ее воспламеняется; взволнованная слухами о Настасье Филипповне, Аглая возвращается домой и ссорится с сестрами и генеральшей; затем следовали завтрак у князя (с эпизодами — «Павлищев и проч.»), объяснение Мышкина с Аглаей (соглашается «слишком радостно» не просить ее руки), безымянное письмо Лебедева Аглае, отказ Аглаи Флигель-адъютанту, «скандал у Генералов за отказ», вопросы Аглаи князю о Настасье Филипповне и признание князя, неудачная попытка Аделаиды помочь Мышкину и Аглае, свидание вечером Настасьи Филипповны и Рогожина. Во время него внезапно появляется Аглая, предупрежденная Лебедевым, и в присутствии князя происходит сцена соперниц, затем начинаются общие пересуды о предстоящей свадьбе князя и Настасьи Филипповны и «шум» вокруг этого. Как показывает менее развернутый план последующих частей, повествовательный материал опять несколько раз перемещался: в пятой части Достоевский хотел сделать акцент на том, что Ганя входил «в доверенность Аглаи»; в шестой собирался показать Настасью Филипповну-невесту и воспроизвести ее «сцены с Князем полной реабилитации и полного падения», а затем вновь возникали «подкопы Аглаи»; вся седьмая часть должна была, по выражению Достоевского, быть «наполнена» Настасьей Филипповной, Рогожиным и слухами о свадьбе Аглаи с князем; в восьмой части Рогожин ревновал, убивал Настасью Филипповну, князь же «6 месяц⟨ев⟩ спустя», «совсем больной и юродивый», был окружен женщинами и детьми (стр. 250—251).

15 апреля Достоевский опять задался вопросом об объединении прежних двух частей, или «половин», в одну (стр. 258). На следующий день, 16 апреля, были внесены новые уточнения ко всем восьми частям: писатель подчеркнул, что в «3-й и 4-й» Ганю надо только обозначить, а интриги его, закончившиеся неудачей, сосредоточить в «5-й и 6-й», где дать, «во всех двоих» частях, свадьбу князя с Настасьей Филипповной и выявить роли Лебедева, генерала Иволгина, генеральши, Рогожина; в «7-й и 8-й» частях как главная была выделена «картина больного и скитающегося Князя», Настасья Филипповна, которую Рогожин увез в Москву, скрылась, и тот «ищет убить ее», князь их мирил, Аглая разрывала с женихом и говорила князю: «Люблю тебя». В эпилоге предполагалось сообщить о смерти генерала Иволгина, о состоянии князя «у этой смерти», гибели Настасьи Филипповны, бегстве Гани и отъезде всех Епанчиных вместе с больным князем за границу (стр. 260).

Последняя существенная перемена в апрельских планах была произведена 22 апреля, когда писатель принял решение: «Всю 5-ю часть прочь». При этом Достоевский пояснил: Настасья Филипповна после сцены ее с Аглаей, «правда, разгорячилась, но смирилась, завещала Князя Аглае и ушла к Рогожину». Теперь намечается: «Для Князя *новый роман*, и *роман Рогожина* с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩. Смерть из ревности» (стр. 265). В набросках от 23 и 28 апреля Настасья Филипповна или замужем за Рогожиным и с ним разошлась, «с тем, что женит Князя и сойдется», или только дала ему слово и отложила свадьбу до того, пока ей не удастся «*устроить счастие Князя с Аглаей*». С этой целью она завлекает жениха Аглаи, Флигель-адъютанта, который начиная со с. 82 $ПМ_2$ назван Вельмончеком. Исходя уже из четырехчастной структуры романа, Достоевский записал 28 апреля:

«Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ во 2-й части встречает Князя доказательствами, что Аглая в него влюблена». Заключительная апрельская заметка («*Сцена* устраивается вдруг, нечаянно, а до этой сцены Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ была у Рог⟨ожина⟩: „Будешь меня покоить?", и потом из-под венца от Князя бежала» — стр. 268) свидетельствует о том, что Достоевский продолжал обдумывать композицию романа, отодвигая кульминационную сцену соперниц все ближе к финалу, что влекло за собой новые перепланировки.

На этом этапе приблизительно обозначились не только хронологические рамки романа, но и темп развития действия. Если первая часть воспроизводила события, происходившие в конце ноября 1867 г., в день прибытия Мышкина из Швейцарии в Петербург, то вторая часть, в соответствии с установленным $ПМ_2$ перерывом между частями, переносила читателя в один из дней конца мая или начала июня 1868 г., когда Мышкин после поездки в Москву и путешествия во внутренние губернии вернулся в Петербург. 14 апреля в $ПМ_2$ у Достоевского возникла «*идея*» еще одной важной хронологической вехи: «Князь — жених Аглаи (3 мес⟨яца⟩ спустя), и брак расстраивается» (стр. 255). Но он отклонил ее и решил придать действию более стремительный разворот: «1-я половина 2-й части — в 1 день, 2-я половина — в несколько дней» (стр. 256). В романе к первому петербургскому дню князя приурочено пять глав второй части, кончающихся покушением на него Рогожина и эпилептическим припадком; остальные семь глав этой части рассказывают о переезде князя через три дня в Павловск, его жизни там и встречах с другими героями романа, главным образом Епанчиными, в продолжение четырех дней, т. е. охватывают неделю (третья и четвертая части, временная протяженность которых в марте—апреле не была еще определена, впоследствии развивались, по аналогии, столь же быстро).

4

На протяжении марта и апреля начали вырисовываться постепенно и внутренние закономерности развития действия романа. В начальных набросках возникали два параллельных сюжетных хода: Настасья Филипповна бежала с Рогожиным, а Аглая бежала с Ганей накануне свадьбы с князем. Мелькнул на какой-то момент и мотив любви Рогожина к Аглае. Утверждался факт женитьбы Мышкина на Настасье Филипповне. Достоевский спрашивал себя 7 марта н. ст. 1868 г.: «N3) Женат на ней или не женат втайне, вот вопрос?» И через день отвечал: «Князь на Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩ женат» (стр. 216). От всего этого писатель отказался, как только выявил главные факторы действия романа, сформулировав их 12 марта в заметке: «В романе *три* любви: 1) Страстно-непосредственная любовь — Рогожин. 2) Любовь из тщеславия — Ганя. 3) Любовь христианская — Князь». Аналогичные «фазисы» в любви проходил в процессе своего преображения уже герой $ПМ_1$. Теперь они персонифицировались в трех лицах, при этом Мышкин сразу был наделен лишенной эгоизма и расчетливости «высшей любовью», которая противопоставлена индивидуалистическому началу, преобладающему в чувствах других героев.

Размышления над образом Мышкина и его взаимоотношениями с другими героями вели Достоевского к осмыслению «целого». Первая характеристика князя в $ПМ_2$ напоминала еще определения Идиота в двух последних планах $ПМ_1$. Как «главная черта» его выделяется «забитость, испуганность, приниженность, *смирение*», «убеждение про себя, что он *идиот*».[1] Однако тут же обозначилось и существенно новое в его характере: «N3. Но когда сердце и совесть говорят ему: „Нет, это так" — то он это делает вопреки мнению всех». Своеобразие его «взгляда на мир» объяснялось тем, что «он всё прощает, видит везде причины», «мысли окружающих видит насквозь», но «внутреннее состоя-

---

[1] Вместе с тем черты «юродивого» восьмого и промежуточного планов первой редакции персонифицировались у Достоевского на новой стадии работы в герое отдельного замысла (см. стр. 114 и 490—491).

ние души своей он таит от всех». Поэтому другие его считают или меланхоликом и ипохондриком, или гордецом, он же «в детях находит людей и свою компанию» (стр. 218). Руководствуясь этой характеристикой, Достоевский сначала в *ПМ*$_2$ наметил, а потом в окончательном тексте романа развил ряд сцен и диалогов, в которых доверчивость Мышкина, его доброта к людям сочетались с умением «проницать» их, разгадывать их замыслы и интриги. В черновиках несколько раз упомянуто, что он не поддавался на обман ни Гани, ни Лебедева и обезоруживал их откровенностью. 15 марта Достоевский задумал сцену, обозначенную на следующий день как историю с «сыном Павлищева»: «Мошенники, желающие его облапошить и которых он перехитряет» (стр. 231). Несколько ранее подчеркивается: «Князь робок в изображении всех своих мыслей, убеждений и намерений. ⟨...⟩ *Но тверд в деле*». Достоевский занят мыслью, какое же «дело» он даст своему герою. Отмечая, что Мышкин не считал себя способным «на высокое» и в то же время тосковал «по высокой деятельности», писатель полагал, что духовная жажда его героя полностью не может быть удовлетворена «спасением» Настасьи Филипповны и «хождением за ней», которыми «он не то что утешает себя по высокой деятельности, а действует по чувству непосредственной христианской любви». Достоевский наделил Мышкина близким ему самому «главным социальным убеждением», что «экономическое учение о *бесполезности единичного добра* есть нелепость. И что всё-то, напротив, на *личном* и основано» (стр. 227, 220). Стремясь вывести Мышкина на широкие просторы русской жизни, Достоевский особое значение придавал его встрече с родиной после долгой болезни и четырехлетнего пребывания в Швейцарии. 16 марта он поставил перед собой задачу «как можно больше характеризовать лицо Князя ⟨...⟩ особенно по поводу изменения положения через наследство и через трехмесячное пребывание в России». А в более ранней заметке от 11 марта мы читаем: «До страсти начинает любить русский народ» (стр. 233, 219). В апреле Достоевский вернется снова к важным для него в идеологическом отношении раздумьям о влиянии на князя русских впечатлений, теперь же он задается другим, не менее волновавшим его вопросом: «Чем сделать лицо героя симпатичным читателю?» Отвечая на этот вопрос 21 марта, Достоевский снова сравнивает своего героя с родственными ему образами мировой литературы: «Если Дон-Кихот и Пиквик как добродетельные лица симпатичны читателю и удались, так это тем, что они смешны. Герой романа Князь если не смешон, то имеет другую симпатичную черту: он *!невинен!*» — заключает Достоевский. И это «разрешение» представляло для него «синтез романа» (стр. 239). «Невинность» князя обусловила намечавшееся тесное единение его с детьми. Как у Идиота восьмого и промежуточного планов первой редакции, у Мышкина предполагались «заведения и школы», в Петербурге под его влиянием создавался детский клуб, в котором князь был «царем» (стр. 216, 220). В мартовских планах детский клуб возникал в третьей и четвертой частях. В начале же пятой части, после повторного бегства из-под венца Настасьи Филипповны, князь совершенно обращался к клубу. Подобно своему тезке Льву Николаевичу Толстому — учителю яснополянской школы,[1] Мышкин совместно с детьми решал общие и личные вопросы. В пятой и шестой частях проектировалось обращение к клубу других героев: членом клуба должна была стать генеральша Епанчина, его влияние испытывали Аглая, Настасья Филипповна и Рогожин. Однако, по-видимому, Достоевский пожелал избежать прямого дублирования истории Мари, и 20 марта на полях записал, пока еще в виде сомнения: «Не надо клуба, а так, разные эпизоды» (стр. 239). В соответствии с этим в планах, составленных в апреле, упоминалось много новых эпизодов, участниками которых были дети: детский журнал, розыски на улице девочки, rendez-vous князя с детьми Лебедева, письмо к нему от Пети Лебедева и разговоры Мышкина с Ипполитом и Колей, забота его об устройстве в гимназию сына некоего Алексея

---

[1] Возможное влияние педагогических принципов Л. Н. Толстого на изображение «системы» учительства Л. Н. Мышкина отмечала Д. Л. Соркина; см. ее статью «Замысел и его осуществление» («Ученые записки Томского гос. университета», 1965, № 50, стр. 42).

(возможно, лакея Епанчиных). Детям князь рассказывает разные истории, через которые их «научает». Так, учитывая максималистскую веру детей в собственное назначение, в то, что каждый из них может стать Колумбом, Мышкин говорит с ними о величии Христофора Колумба, который смог «устоять даже против здравого смысла» (стр. 242), внушавшего взбунтовавшемуся экипажу мысль повернуть назад, и открыть Новый Свет. Впоследствии во второй—четвертой частях романа действуют только Коля Иволгин да (мельком) симпатизирующие Мышкину дети Лебедева, но вместе с тем во многих взрослых героях — Настасье Филипповне, Аглае, генеральше Епанчиной, генерале Иволгине, Келлере, Ипполите и даже Гане — выявлены детские черты, внушающие Мышкину руссоистскую надежду на чистоту их сердец. Заметка о Колумбе в ином ракурсе была использована и в «Необходимом объяснении» Ипполита, и в речи князя в гостиной Епанчиных.

Трижды на полях $ПМ_2$ 9 и 10—13 апреля н. ст. появилась запись: «Князь Христос» (стр. 246, 249, 253). Эта очень важная для Достоевского формула имеет свою предысторию. Еще 16 апреля 1864 г. под свежим впечатлением от смерти первой жены, раскрывая свое понимание заповеди возлюбить человека, «как самого себя», Достоевский писал: «...высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего *я*, — это как бы уничтожить это *я*, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно». В этих словах писатель сформулировал свой высший нравственный идеал, наиболее полное воплощение которого было доступно, с его точки зрения, одному Христу. В жизни же реальных земных людей оно наталкивалось на «закон личности», связующий человека, на свойственный ему эгоизм, стремление к «обособлению». Поэтому осуществление этого идеала для людей писатель считал возможным в отдаленном будущем или же вообще на другой «планете» (*ЛН*, т. 83, стр. 174). Однако его скептический взгляд вступал в противоречие со страстной мечтой об осуществлении идеала гармонии, братства и справедливости «на земле». Этот трагический разлад нашел отражение в образе «Князя Христа», над которым работал Достоевский. Поставив его в центре враждебных, взаимоисключающих чувств и эгоистических страстей, писатель попытался воссоздать в Мышкине «обретение подлинного целостного „я“» через «осознание сопричастности „я“ ко всему...»[1]

Однако высокая духовность не должна была, по замыслу Достоевского, лишить его героя «жизненной плоти». Стремясь воспроизвести мир его чувств во всей сложности и неповторимости, он хотел оттенить в отношении Мышкина к Настасье Филипповне прежде всего стремление восстановить исстрадавшуюся «душу», возродить униженного и оскорбленного человека. В $ПМ_2$ и позднее встречаются проекты брака Настасьи Филипповны с князем или их тайной любви. Такова, например, заметка от 9 апреля: «Тайная любовь с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩ (и ни слова о любви). (Полное уединение. Но секрет. Всё описание, вся грация, ее остроумие.)» Но в тот же день Достоевский «снял» эту заметку другой: «У Генеральши знают наконец, что он перевоспитывает Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩ и воскрешает душу (Аглая поняла) ...». Преобладающий в черновиках мотив сострадания князя к любимой, но «больной» и находящейся под его «тайным присмотром» (стр. 244, 246, 243) женщине нашел в романе окончательное выражение в «любви-жалости» Мышкина к Настасье Филипповне, которая, по словам Рогожина, была «пуще» его собственной любви. В тексте романа можно обнаружить и следы незавершившейся сложной эволюции чувств Мышкина, которая в $ПМ_2$ проступала более явственно. В мартовских записях преобладал мотив сознательного желания князя отказаться от Аглаи, объясниться с нею, призвать ее к участию в спасении Настасьи Филипповны. «У него две задачи в начале 3-й части: Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ и то, что надо кончить с Аглаей. (Любит ли он Аглаю?)», — записывает Достоевский 16 марта. 1-ым апреля помечены две противоречивые записи: «Я не знал себя. Я, стало быть, люблю *ее*», — сказал

[1] П. М. Бицилли. К вопросу о внутренней форме романа Достоевского. «Годишник на Софийския университет». Историко-филологически факултет, т. XLII. 1945—1946. София, 1946, стр. 40.

князь про Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩, и рядом: «У него всё сильнее и сильнее нежное чувство к Аглае». 10 апреля мелькает и другой вариант: «N3. (Князь любит Аделаиду.)» В итоге Достоевский утвердился в необходимости дать «развитие по всему роману чувств Князя к Аглае» (стр. 233, 241, 251, 254). В романе трагическая надломленность Настасьи Филипповны, утратившей веру в себя настолько, что она не допускала возможности своего счастья с князем, постепенно привела и Мышкина к убеждению в неодолимости ее «болезни». К Аглае он тянется как к источнику света и новой жизни. Но некоторые колебания и намеренная недоговоренность, свидетельствующие о внутренней борьбе чувств Мышкина, все же остались и в окончательном тексте.

По замыслу автора, душевная жизнь его героя не должна была, как мы уже знаем, всецело замыкаться в личной сфере, ибо «в самые крайние *трагические* и *личные* минуты свои Князь занимается разрешением и общих вопросов» (стр. 240). Назначение свое Мышкин обретал во влиянии на людей, пробуждавшем в каждом, с кем он встречался, лучшие человеческие качества, — влиянии, память о котором долго не изглаживалась. В начале апреля Достоевский пишет: «N3. Князь только *прикоснулся* к их жизни. Но *то*, что бы он мог сделать и предпринять, *то* всё умерло с ним. *Россия действовала на него постепенно. Прозрения его.* Но где только он ни *прикоснулся* — везде он оставил неисследимую черту». 10 апреля Достоевский разъясняет ту же мысль: «Всё, что выработалось бы в Князе, угасло в могиле. И потому, указав постепенно на *Князя в действии*, будет довольно». И все же Достоевский раздумывал, не изобразить ли и прямые зримые результаты воздействия Мышкина почти на всех героев романа: «Он восстановляет Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩ и действует влиянием на Рогожина. Доводит Аглаю до человечности, Генеральшу до безумия доводит в привязанности к Князю и в обожании его. Сильнее действие на Рогожина и на перевоспитание его. ⟨...⟩ Аделаида — немая любовь. На детей влияние. ⟨...⟩ Даже Лебедев и Генерал» (стр. 242, 252). Но в романе, в соответствии с первыми заметками, изображены лишь отдельные моменты, когда в результате общения с Мышкиным в окружающих людях побеждают высокие порывы и чувства. Почти не реализованной в романе осталась «мысль *главная* первого отдела *второй* части», которая была сформулирована в $ПМ_2$ следующим образом: «Князь возвращается, смущенный громадностию новых впечатлений о России, забот, идей, состояния, и *что делать*. Он это изливает в *отчете* за 6 месяцев у Епанчиных на даче». Осознание своего «что делать», отличающегося от решения этого вопроса героями Н. Г. Чернышевского, не должно было, по замыслу Достоевского, приобрести у Мышкина отчетливые формы. Ощущения его после поездки по России, как значилось в $ПМ_2$, носят «несколько смутный» характер, но «радость пользы вливается в него», и он делится ею сначала с Колей, потом с Аглаей (стр. 256, 257). В различных местах $ПМ_2$ рассеяны упоминания рассказов князя о России, его суждений об аристократии и русском народе, речи о Западе и Востоке. Но они не развернуты. Эти наметки послужили основой для ряда разбросанных в романе высказываний князя по общественно-идеологическим вопросам и особенно речи, произнесенной им в гостиной Епанчиных о необходимости единения представителей верной лучшим заветам прошлого родовой аристократии с народом в деле спасения России и служения высшим идеалам человечества. Тем знаменательнее, что писатель оттенил утопизм мечтаний Мышкина, показав изнанку того светского аристократического общества, к которому князь обращался со своим патриотическим призывом.

Если в первой половине марта Достоевский считал возможным, чтобы читатель расстался с Мышкиным после его исповеди, а затем выдвигал предположение о его возможной женитьбе на Аглае, то 21 марта мысль о трагическом конце князя вполне утвердилась. Набрасывая 1 апреля картину его гибели, Достоевский расценивал его роль с двух точек зрения — настоящего и будущего: «Идиот видит все бедствия. *Бессилие помочь. Цепь и надежда. Сделать немного. Ясная смерть.* Аглая несчастна. Нужда ее в Князе». Таким образом, сам герой теперь понимал, что предотвратить надвигающиеся «бедствия» он не может, но вместе с тем автором выражалась «надежда», что между

поколениями протянется «цепь», по которой будут переданы заветы любви и братства. В недатированном близком по содержанию к заметке от 1 апреля проекте *«Окончания романа»* умирающий Мышкин был окружен детьми: «Последние дни и часы Князя. Чудак, дети, все его обманули и проч.». В окончательном тексте мысль о преемственности поколений была выражена в образе Коли Иволгина и отчасти Веры Лебедевой, а смерть князя была заменена глубоким душевным потрясением и безумием, после чего он был увезен за границу. Такое завершение судьбы героя начало вырисовываться уже в заметке от 10 апреля: «6 месяц⟨ев⟩ спустя. Князь совсем больной и юродивый. Женщины и дети около него». И снова 16 апреля: «Повезли Идиота за границу. Аглая с ними, все: „Наконец-то мы едем за границу!"» (стр. 241, 251, 260). В «Заключении» романа известие об участи Мышкина выдержано в еще более трагических тонах: сообщается, что он возвращен в швейцарский пансион Шнейдера в безнадежном состоянии.[1]

В соотнесении с образом Мышкина совершается в $ПМ_2$ и развитие сюжетных линий, связанных с другими персонажами. В памяти писателя еще свежи были родственные Настасье Филипповне образы из $ПМ_1$. И она, подобно Устинье или, скорее, Насте из восьмого и промежуточного планов, чтобы испытать князя, вела себя «скверно» и мучила Рогожина, а потом бросалась в разврат. Любовь Настасьи Филипповны к князю и боязнь погубить его, а также ревность к Аглае приводили ее к тому, что она накануне брака с ним бежала в бордель. Но параллельно возникали варианты, свидетельствующие о стремлении Достоевского показать чистоту натуры Настасьи Филипповны. После ночи, проведенной вместе с Рогожиным, она скрывалась и шла в прачки. Достоевский подчеркивал: «Она живет уединенно. Бежала от Рогожина. Почувствовала очень, что любит Князя, но считает себя недостойною. В прачках хочет, с своей любовью, убежать в *борд⟨ель⟩*» (стр. 217). После 16 марта бордельные сцены из планов исчезли, не получила дальнейшего развития и другая ранняя заметка о Настасье Филипповне: «Ганю и Рогожина побуждает погубить Аглаю» (стр. 218). Напротив, в заметках писателя всё больше акцентируется благородство намерений Настасьи Филипповны, образ ее очищается и возвышается. В набросках второй половины марта—апреля особенно подчеркиваются высокие духовные запросы Настасьи Филипповны: «Серьезные разговоры о России, о жизни, и никогда о любви. NB. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ наивно и бессознательно рада и видит новый мир и перевоспитание в том, что Князь с ней так говорит. *Гордится* (хорошо!)», — записал Достоевский 9 апреля. На следующий день та же мысль была оформлена в виде реплики Лебедева князю: «Вот с ней никто так не говорил-с, как вы, всё о любовишках говорили, а вы о столпотворении, так это ее возвышает в ее глазах, она рада ученому разговору» (стр. 245, 253). 16 апреля писатель задумывает сцену свидания князя с Настасьей Филипповной в Павловске, на даче, где в разговорах обнаруживается ее ум. В других набросках намечались сцены, происходящие между ними наедине, в которых должна была раскрываться внутренняя

---

[1] Страстную устремленность Достоевского к идеалу «мировой гармонии», с одной стороны, и трагизм столкновения этой мечты с «хаосом» и «злом» современной ему действительности, утопизм преждевременной, не подготовленной еще историей попытки «преобразить» мир идеей братства, воплощенные в романе, А. А. Блок попытался поэтически передать в статье «Безвременье» (1906). Рассматривая Достоевского как представителя переходной эпохи, когда казалось, что «почва уходит из-под ног» и «душа писателя» блуждала «около тайны преображения и превращения», Блок писал: «Он мечтал о боге, о России, о восстановлении мировой справедливости, о защите униженных и оскорбленных и о воплощении мечты своей. Он верил и ждал, чтобы рассвело. И вот перед героем его, перед ему подобными действительно рассвело, на повороте темной лестницы, в глубине каменных ворот, самое страшное лицо, воплощение хаоса и небытия: лицо Парфена Рогожина. Это был миг ослепительного счастия. И в тот же миг всё исчезло, крутясь, как смерч. Пришла падучая. Таков был результат воплощения прежде времени: воплотилось небытие» (см.: *Блок*, т. V, стр. 78—79).

тонкость и грация Настасьи Филипповны. Идеалы Настасьи Филипповны Достоевский собирался раскрыть в ее «золотых снах», т. е. в мечтах, связанных с Мышкиным, когда она представляла себе ту нравственную высоту, на которую должна подняться его избранница. «Психологическая странность» «снов» Настасьи Филипповны нашла выражение в письмах ее к Аглае, которую она в воображении своем наделила чертами, близкими самому Мышкину. В последних апрельских записях зафиксирована «скандальная сцена на музыке», разразившаяся в результате попытки Настасьи Филипповны переманить имеющего виды на Аглаю Вельмончека и устранить его как возможного соперника князя. Потеря веры в себя и бунт как самозащита, осознание своих прав на счастье — основные слагаемые образа Настасьи Филипповны в *ПМ*$_2$ начиная с апреля. То там, то здесь разбросаны заметки: «Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ в Павловске ⟨...⟩ в бунте: „Я имею право"» или «она Рогожину: „За что ты меня будешь наказывать, скажи мне, пожалуйста"». Линия и психологическая подоплека ее действий была вычерчена еще 9 апреля: «Ободренная, испугана. Бунт (за Князя). Струсила (за Рогожина) и т. д.» (стр. 244, 267, 262, 265). Параллельно в черновых заметках проходит мотив надлома, болезненного состояния, «сумасшествия» Настасьи Филипповны. Гибель этой богато одаренной, тонкой, легко ранимой натуры была предуготовлена автором. Еще в *ПМ*$_1$ убийство, смерть или самоубийство грозили Геро, Жене и Насте. В *ПМ*$_2$ Достоевский начал с модификации тех же проектов. Сперва он хотел дать «описание» ее смерти в борделе; потом, когда задумывался благополучный конец с исповедью князя Аглае, одновременно допускалась и возможность мира их с Настасьей Филипповной, но в тот же день снова повторялось, что хоть Аглая и князь разыскали ее в борделе, но попытка «восстановления» была прервана ее смертью: «Она умирает или умерщвляет себя». 14 марта возникло предварение будущего финала: «Выходит за Рогожина. Терпит ужасы, побои, ревность, укоры и отчаянную любовь. Рогожин зарезывает ее. Ждановск⟨ая⟩ жидкость...» 16 марта вновь намечается попытка самоубийства Настасьи Филипповны: «Без дальних слов выздоровевшая и обезумевшая Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ идет в бордель, уговаривается с хозяйкой и обещает прийти вечером. Сейчас выходит дрожа, хочет броситься в воду.⟨...⟩ Но ее останавливает Рогожин (который следит за ней...)» 20 марта Достоевский остановился на окончательной версии: «Рогожин зарезал» (стр. 218, 225, 227, 229, 239). В романе мотивы самоубийства и убийства как бы скрестились: Настасья Филипповна, не видящая выхода и действительно почти помешавшаяся на мысли, что она губит Мышкина, бежит с Рогожиным, предчувствуя, как он сам говорит, «нож».

Рогожина связывает с Настасьей Филипповной, по определению Достоевского в заметке от 12 марта, «страстно-непосредственная любовь»: сила страстей, уходившая у его отца и предков в накопление капитала, сосредоточилась у Рогожина на Настасье Филипповне. Автор в процессе работы очищал его характер от некоторых черт. Были отброшены мотив любви Рогожина к Аглае, который нарушил бы цельность его натуры, картины кутежей его из-за отказов Настасьи Филипповны, отвергнуто предположение об интригах с его стороны (подкуп Лебедева, попытка договориться с Аглаей). Мрачная погруженность Рогожина в свое чувство, которому подчинены все его действия и поступки, должна была придавать его образу нечто «таинственное» (стр. 226). Но психологический портрет Рогожина не однолинеен. Стихийная близость к «почве», народной среде, обусловливает, по мысли Достоевского, богатство скрытых в его натуре возможностей. В *ПМ*$_2$ оттенялась его способность к широким порывам, внезапным духовным подъемам. Обдумывая 13 марта самостоятельную главу, действие которой должно было происходить в Екатерингофском вокзале, Достоевский включил в нее «взаимное: „Бери!"», оставшееся у обоих героев-соперников «в сердцах». Тут же отмечалось: «Князь имел необыкновенное влияние на Рогожина своей высшей манерой». Позднее, 10 апреля, когда уже обдумывалась сцена «*У Рогожина*», возник замысел представить изменившегося Рогожина, который «учится», «предупреждает о Лебедеве», «спрашивает об одном объяснении в учебнике. Князь садится и объясняет ему» (стр. 228, 250). В окончательном тексте Мыш-

кин действительно на столе у Рогожина видит «Историю России с древнейших времен» С. М. Соловьева, и Рогожин рассказывает, что читает ее по совету Настасьи Филипповны. Но в ту же книгу Рогожин заложил нож — орудие предстоящего покушения. Благородный порыв Рогожина, наступавший после обмена крестами и братания с князем, его слова: «Так бери же ее, коли судьба! Твоя! Уступаю!.. Помни Рогожина!» — предваряют его нападение на Мышкина. 24 апреля Достоевский предполагал воспроизвести еще одну попытку Рогожина вслед за покушением переломить себя: «После *ножа* Рог⟨ожин⟩ говорит Князю: „Знаешь, что жизнь моя теперь твоя; бери". *Но Князь* говорит: „Дай ты ей жизнь за это? Вспомни..."» (стр. 267). В окончательном тексте, напротив, Рогожин, впервые встретившийся с Мышкиным «после ножа» вечером в саду, удивляется братскому прощению князя и заявляет, что сам он, «может, в том ни разу с тех пор и не покаялся». Отношения Рогожина с Настасьей Филипповной развивались по найденной в $ПМ_2$ формуле: «Рогожин — раб ее (и под конец режет)». Настасья Филипповна порой думала найти у него «покой» (стр. 242, 268), но большей частью предчувствовала роковую роль Рогожина в своей судьбе. Уже 14 марта была задумана сцена убийства.

Первоначально в $ПМ_2$ и Аглаю, имеющую общий с Настасьей Филипповной прообраз (Геро), ожидала страшная участь: стать жертвой Гани, уязвленного в своем самолюбии. Но предрешив гибель Настасьи Филипповны, Достоевский отвел Аглае скорее драматическую, чем трагическую роль. С Геро ее объединяют гордость, склонность к насмешкам, серьезность стремлений. Как Геро с Идиотом, Аглая с Мышкиным начинает с колкостей: «Аглая уверяет его (еще прежде), что он идиот. (Это нарочно; Аглая ждет возражений и насмешек и видит одно согласие. Он вдруг говорит ей об Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩.)». Новый момент — необычная реакция Мышкина: прежняя откровенность Идиота с Геро превратилась в полное доверие Мышкина к Аглае. 21 марта Достоевский так пояснял причину вызывающего обращения Аглаи с князем: «Сначала Аглая всё признает в Князе плута (нарочно) и старается его таким выставить. Но с самого начала она вся сердцем отдалась Князю, потому что он *невинен*» (стр. 218, 240). Ранее, 12 марта, устанавливается: «Аглая влюблена весь роман в Князя». Характеризуя Аглаю, Достоевский колебался между различными вариантами, где превалировали то ее ревность и самолюбие, то способность к пониманию и прощению. На первых порах допускалось, что Аглая любит Мышкина «выше влюбленности и ревности», под его влиянием сходится «до страсти» с Настасьей Филипповной и «просит у нее прощения». Позднее, напротив, ревность Аглаи доводилась до крайних проявлений, поддерживала и усиливала ревность Рогожина, вследствие чего указывалось: «*Аглая — главная причина того, что Рогожин зарезал Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩*» (стр. 219, 227, 241). В конце концов эти несходные мотивы переплелись в сложном комплексе переживаний Аглаи.

В отношении Аглаи к Мышкину, как видно из $ПМ_2$, своеобразно отразились поиски «деятельного добра», отмеченные Н. А. Добролюбовым в тургеневской Елене из «Накануне» и характерные для русских девушек — современниц Тургенева и Достоевского. Аглаю, по замечанию Достоевского, поражают не только «невинный вид» князя, которым он обезоружил своего оскорбителя, но и мужество его «в большом деле». 17 апреля в $ПМ_2$ уже приведено соображение Вари, на котором она и в романе строит свои расчеты, проча Аглаю за Ганю: «Ты знаешь, за кого она хотела было выйти, — за нищего, за NN, потому что он гонимый. Она о *рыцаре бедном* мечтает» (стр. 243, 264).

Большое место в начальных мартовских записях уделено Гане. Образ его, так же как и образы Вари и Ипполита, был Достоевскому пока не совсем ясен. 10 марта он ставил перед собой задачу: «N3) Придумать роли в интригах Гане, Ипполиту и проч. Варе». На следующий день возникает мысль об интригах Гани, опутывающих всех главных героев романа, а тем самым и скрепляющих сюжет: «У Аглаи он становится необходим. *Сестра — из мщения.* У Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илиппов⟩ны он необходим, у Князя тоже. ⟨...⟩ Он сам не знает: любит он Аглаю иль ненавидит? Ему кажется, что ненавидит. Из

тщеславия хочет жениться на ней. Видя любовь Аглаи к Князю, ненавидит Князя». Затем возникает новый вариант: «Аглая предается Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩, а Ганя душит Аглаю. №. Любовь из тщеславия» (стр. 218—219). Таким образом возникает ситуация, напоминающая «Отелло» В. Шекспира. Если в *ПМ*$_1$ отношение Идиота к Геро мыслилось как «страсть удовлетворенного тщеславия» и на какой-то момент с этой психологической подоплекой его чувств ассоциировался «План на *Яго*» (стр. 161), то в *ПМ*$_2$ Достоевский попробовал начать с того же Гани—Яго, который, однако, мог стать и Отелло, задушившим Дездемону. В дальнейших набросках в Гане намечено противоборство честолюбивых стремлений и сердца, открытого добру. 12 марта разрабатывается сцена в estaminet (кафе) между Аглаей и Ганей, где «Ганя почувствовал, что он любит Аглаю, а не ненавидит ее». 13 марта Достоевский отмечает: «Характер Гани вырастает сообразно страсти до колоссальной серьезности». Однако трагический план связывался с образом Гани недолго. Постепенно Достоевский вернулся к проглядывавшей уже в первой части мысли о том, что характерность Гани — в его ординарности и половинчатости. В набросках от 16 марта Ганя «стоит за Князя» и «хитрит», «хотел бы отмстить Аглае», но увлекается, а «по *правде-истине*, — приходит к заключению Достоевский, — колеблется только разными волнениями», потом все-таки «опять передается Князю» и «застреливается под конец» (стр. 228, 233—234). Но и самоубийство как крайний, решительный поступок Гани отпало. 17 марта была найдена мотивировка первого сближения Гани с князем, перешедшая в окончательную редакцию: «Сказать просто, что Ганя принес Князю 100 000, с тех пор дружба, *как говорят*. Бедное помещение Гани свидетельствовало, что не из-за денег...» Подружившись с князем, Ганя продолжает обманывать его. Но Мышкин разгадывал его, был с ним откровенен, и Ганя вновь испытывал его влияние. 1 апреля намечалось: «Аглая могла потому приехать к Ганечке, что слышала про него, что он изменился, предался Князю *весь, около Князя*...» И все же Ганя, по мысли автора, был неспособен на полную искренность. В его «симпатичных» рассказах о князе присутствовал расчет — привлечь к себе внимание Аглаи. Одно время у писателя появилась даже мысль в финале дать сообщение о том, что Ганя, сожалея о возвращенных 100 000, «украл у Князя деньги и бежал за границу»; затем было внесено уточнение: Ганя «не крадет» деньги, а «делает так, как будто берет от Князя 100 000 свои», а потом кается (стр. 235, 241, 246, 253). 16 и 17 апреля Достоевский попытался найти новые аспекты обрисовки Гани, предполагая, что он либо «больной», «почти идиот», «всего стыдится», либо скрывает свою мечту стать «царем иудейским» (повторение аналогичного мотива *ПМ*$_1$ — см. стр. 261, 262 и др.). «Итак, — резюмировал Достоевский, — Ганя *больной*. Роль его — раба роль. (№. Можно сделать очень верною и красивою и кроткою ролью.)» В дальнейших апрельских разработках Ганя по-прежнему фигурирует как участник, но теперь уже пассивный, хитрых замыслов своей сестры, рассчитывающей «*стравить*» Настасью Филипповну с Аглаей, чтобы Настасья Филипповна «*со зла*» вышла за князя, а Аглая «*со зла*» выбрала Ганю, который оказался бы в это время при ней в рабах (стр. 261, 264).

Инициатива в интригах, таким образом, была отдана в *ПМ*$_2$ Варе Иволгиной, работая над образом которой Достоевский создавал тоже ординарный, но более активный характер. В описании планируемого 15 марта разговора ее с Ганей перед приходом Аглаи отмечается: «Варя в дружбе с братом и даже смущает его горячкой и нетерпеливостью. Аглае враг больше, чем Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩». Несколько раз говорится, что Варей руководила в первую очередь жажда мести, на которую она и Ганю «поджигает». 16 апреля, раздумывая над индивидуализацией образов брата и сестры, людей одного социально-психологического склада и все же различных, Достоевский сделал для себя заметку: «С первого явления Гани обозначить, что он хоть и в сильной родственной любви с Варей, но во всех убеждениях с нею розно. (У той мщение из самолюбия.)» Постепенно «козни» Вари, сохраняя оттенок самолюбивого желания отомстить, приобретали бóльшую целенаправленность: она и замуж выходила «по преданности» Гане и интриговала в основном в его интересах (стр. 230, 261).

В марте—апреле складывается в основном и характер Лебедева. 12 марта Достоевский записал: «Лебедев и Князь. Семейство Лебедева. Лебедев-философ. Беспрерывно надувает Князя. Черта его. Дети Лебедева. ⟨...⟩ Антропофаг. У Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩. Апокалипсис, молитвы, о Христе». Заметка эта уже содержит зерна ряда сцен, в которых действует Лебедев. К размышлениям над образом этого трагического шута Достоевский вернулся 10 апреля. Обманы, шпионство, доносы Рогожину на князя, князю на Рогожина, писание анонимных писем Епанчиным — все это определилось уже в $ПМ_2$ наряду с самоуничижительными репликами Лебедева: «„Обманул-с, ибо низок". (И это несколько раз)». Поведение Лебедева таково, что не исключает «подозрения» о сотрудничестве его в «3-м Отделении». В романе подозрение такого рода допускается по отношению не к Лебедеву, а к Фердыщенко, да и то в словах пьяного генерала Иволгина. В то же время Лебедеву приписываются порой очень важные, с авторской точки зрения, суждения «о молитвах, о Дюбарри, о светопреставлении», «про Князя: „Утаил от премудрых и разумных и открыл еси то младенцам"» (этот отзыв о Мышкине взят Достоевским из письма к нему Н. Н. Страхова, сообщавшего в середине марта о своем впечатлении от первой части «Идиота», — см. ниже, стр. 411). Лебедев способен понять и Настасью Филипповну. По одной из заметок он должен был растрогать князя, рассказав «подобную повесть об одной», после чего между ними планировался следующий диалог: «„А вы мне нравитесь, Лебедев, вы таки глубоко сердечный человек-с". Лебед⟨ев⟩ патетически: „Много, много переживший и перестрадавший человек... вот тут, тут оно всё (на сердце показывает), но... низкий, низкий человек, тем и сгубил себя, что очень уж низкий человек"».

В романе нет рассказа Лебедева, послужившего поводом к этому диалогу, но сам диалог сохранен, хотя и несколько видоизменен: заключенная в нем оценка Лебедева дана как суждение о нем Мышкина. 10 апреля было намечено, что у Лебедева «свой домик и маленький капитал», «дома книг много», и он «своего мальчика любит». Тогда же Достоевский задумал историю сближения и ссоры Лебедева и генерала Иволгина с эпизодами их совместного пьянства, пьяной исповеди, вранья, кражи, на которую Лебедев «наводит Генерала» (в романе же еще и мучает, не желая придать забвению его проступок), и, наконец, «плача» Лебедева, идущего за гробом Иволгина (стр. 221, 249, 252—254).

Одновременно с определением характера Лебедева прояснилась во многом обозначившаяся уже в $ПМ_1$ участь генерала Иволгина. Были закреплены мотивы пребывания генерала в долговом отделении, его выкупа, невинного воровства в пьяном состоянии и смерти «от горя». Получила дальнейшее развитие обнаружившаяся в первой части и придающая своеобразие характеру старика Иволгина, пробуждающая к нему известную симпатию черта — простодушная, детская склонность к фантастическим вымыслам: «Лжи Генерала» (стр. 253). Рельефно выписан был в эту пору в $ПМ_2$ также образ генеральши Епанчиной, которая характеризовалась как «l'enfant terrible» ⟨своенравное дитя⟩; этой характеристике соответствовали отдельные заготовленные сцены и реплики генеральши. Еще 14 марта отмечалась противоречивость ее образа действий, а затем были предусмотрены и некоторые ее характерные высказывания.

Настойчиво продолжал обдумывать Достоевский в марте—апреле принцип развертывания повествования и стиль его. Прежде всего он заботился о воспроизведении течения событий во всей сложности их причин и следствий. «Ход дела? N3, N3, N3? Ход дела», — оставил он для себя сигнал 12 марта. Развитие основного сюжетного действия романа Достоевский стремился дать на фоне широкого жизненного потока, поставив в центре Мышкина как гармоническую личность, к которой так или иначе тянутся герои романа и с которой соотносится общая картина хаоса и несправедливости, царящих в современном ему мире. В связи с упоминавшимся выше намерением показать «неисследимую черту», оставшуюся после кратковременного появления и трагического ухода Мышкина из этого мира, Достоевский сосредоточил свое внимание на двух взаимоподчиненных задачах. «И потому, — записал он

8 апреля, — бесконечность историй в романе (misérabl'ей ⟨отверженных⟩ всех сословий) рядом с течением главного сюжета. *NB, NB, NB!* Главный-то сюжет и надо обделать, создать». Когда основные линии «главного сюжета» определились и было решено «тянуть на все части историю *реабилитации* Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ и любви Аглаи» к Мышкину и вести всё к тому, что Рогожин зарежет Настасью Филипповну «по поводу ревности ее — насчет брака Аглаи с Князем», Достоевский 9 апреля снова подчеркнул: «... и *истории*. Главное — *истории*». «Вообще истории и фабулы, т. е. истории, продолжающиеся во весь роман, должны быть задуманы и ведены стройно параллельно всему роману...» — уточнил Достоевский 10 апреля.

Что касается «главного сюжета», то движение его первоначально намечалось очень бурное — от одной драматической сцены к другой. В марте и апреле планировались сцены в Екатерингофском вокзале, у Гани и Вари, завтрака у князя, ссоры Аглаи с матерью, у Софьи Федоровны, в estaminet между Аглаей и Ганей, ве́чера у Настасьи Филипповны, объяснения ее и князя, покушения Рогожина на Мышкина, свидания Аглаи и князя, скандала на музыке, столкновения Аглаи и Настасьи Филипповны, прощения во храме, сожжения Ганей пальца и т. д. Но одновременно проступала тенденция к некоторой разрядке внешнего драматизма за счет нарастания внутренней напряженности. Об этом свидетельствуют, например, заметки: «NB. Так как брак с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩ есть coup de théâtre ⟨неожиданная развязка⟩, то Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩ и не выводить раньше сцены с Аглаей. Разве только фантастическую сцену у Софьи Федоровны — ощупью»; или «NB об Князе в 3-й ⟨второй, — *Ред.*⟩ части мало, он только трагически решился» (стр. 220, 234). В соответствии с новым устремлением автора многие задуманные эпизоды были отброшены (у Софьи Федоровны, в estaminet, у Настасьи Филипповны), другие значительно преобразились и фигурируют в окончательном тексте лишь в кратком пересказе автора или других лиц (см. о сцене сожжения пальца или сцене в Екатерингофском вокзале — наст. изд., т. VIII, стр. 360, 479, 150), оставшиеся же сцены рассредоточились по разным частям, вплелись в более широкую, включающую и вводные «истории» ткань художественного повествования.

Наивысшей кульминационной точкой развития сюжета, после которой действие идет к развязке, стала сцена соперниц. Идея этой сцены возникла еще в $ПМ_1$. В $ПМ_2$ разработкой ее открывается вторая страница записей и завершается последняя. В мартовских и апрельских планах, как указывалось выше, «поединок» Аглаи и Настасьи Филипповны сначала находился в середине романа, но в процессе поисков он всё больше отодвигался к концу. Заложенные в этой сцене художественные возможности ощущались писателем уже в самом начале. В первом варианте ее Аглая давала волю своему ревнивому, злому чувству, обвиняла Настасью Филипповну в том, что она играет роль Магдалины, предлагала бежать в бордель, говорила ей «ты», в результате чего Настасья Филипповна объявляла, что она княгиня. В дальнейших набросках это описание детализировалось психологически, драматизировалось. Уточнялся состав участников. Подчеркивалось: «NB. Надобно, чтоб Князь непременно был свидетелем». Затем добавлялось, что кроме князя «нечаянным» свидетелем стал и Рогожин. Выяснялось, каким образом сцена эта могла состояться: то причиной ее были интриги Гани, который и приводил Аглаю к Настасье Филипповне, то встрече героинь способствовал Лебедев, то Настасья Филипповна «по безумию» посылала Аглае записку. Все чаще мелькали варианты, близкие к окончательному тексту: Аглая сама совершает нервную и отчаянную поездку, отправляясь одна, без Гани, или же она, гуляя с князем, незаметно приводит его к дому Настасьи Филипповны. В последней апрельской разработке сцена Аглаи и Настасьи Филипповны представлялась так: «Сначала тихо, потом „ты" и презрение. Мщение. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ говорит ей: „Ты сама в него влюблена" — и, как прогнала Аглаю, хохочет и счастлива и — невеста. (NB. А прежде всё Князю о том, что он должен жениться на Аглае.)» (см. стр. 265).

Сцена завтрака, в которой князь должен был излагать свои убеждения перед многочисленной «аудиторией», также намечалась уже в самых перво-

начальных планах второй части. В набросках 12 марта среди слушателей князя перечислены все Епанчины, Тоцкий, Рогожин, старик учитель, Птицын, Ганя, Варя, генерал Иволгин, Коля, Ипполит, Нина Александровна, молодой литератор, старуха Белоконская. 20 марта Достоевский записал, что именно на завтраке князь «говорит об аристократии». Из плана в план сцена эта обрастает подробностями, дополняется и расширяется . В итоге ее замысел послужил основой трех публичных выступлений Мышкина — на даче у Лебедева, во время визита к Епанчиным после его выздоровления и у них в гостиной на званом вечере, — в которых и раскрывались его сложившиеся в России заветные убеждения.

11 марта Достоевский записал в виде предположения: «N3$_3$) Не вести ли лицо Князя *по всему роману* загадочно, изредка определяя подробностями (фантастичнее и вопросительнее, возбуждая любопытство), и вдруг разъяснить лицо его в конце и, напротив, N3$_4$) Со всеми другими лицами *спервоначалу* определеннее и разъясняя их читателю? (Как, наприм., Ганю?)». 10 апреля была найдена новая формула: «Князя сфинксом». На полях Достоевский прибавил: «Сфинксом. Сам открывается, без объяснений от автора, кроме разве первой главы». И далее указывалось, что рассказы Лебедева и Гани о странных поступках Настасьи Филипповны должны бросать свет на дальнейший ход событий, и читатель будет тогда достаточно осведомлен, чтобы для Мышкина «можно было сохранить роль сфинкса» (стр. 220, 248). Уже упоминалось, что в *ПМ*$_2$ предусматривалась внешняя загадочность, кажущаяся иррациональность поведения и других главных героев — Настасьи Филипповны («тайная любовь»), Рогожина («таинственное» лицо), генеральши Епанчиной (загадочная роль по отношению к Аглае и князю). Имея в виду сложное переплетение различных мотивов, по которым Ганя «предлагал услуги» Аглае, автор решал даже: «(N3. И Ганю сфинксом)» (стр. 249). Установка, с одной стороны, на максимальную активность читателя, который должен был синтезировать разнообразный художественный материал, с другой — на многозначность, недосказанность в воспроизведении сокровенного ядра характера героев, внешние проявления которого порой кажутся окружающим неожиданными, непонятными с точки зрения обычной житейской логики, характерна для романа.

Одновременно Достоевский заботился, чтобы каждый из главных персонажей был обрисован в самостоятельном стилистическом ключе. Так, для художественного воплощения образа Аглаи существенное значение имела заметка на полях с. 96 тетради № 5 (рядом с упоминанием об удивительной победе князя над Флигель-адъютантом, которых «стравила» Аглая, а потом «громко и вслух смеялась над Князем» и «ужасно была рада» его победе): «Грациознее, более жару, вроде княжны Кати — *выдумать*» (стр. 250). Заметка эта свидетельствовала о внутренней ориентации Достоевского на образ гордой и самолюбивой княжны из «Неточки Незвановой» (1849) (см. о не до конца реализованном замысле этого произведения: наст. изд., т. II, стр. 497).

Беспокоился Достоевский и об общем тоне повествования. «Задача: короче писать. Чтоб было щегольски, симпатично (кратко и всё о деле) и занимательно», была поставлена им сразу же после первой попытки набросать «Краткий план глав 3-й ⟨второй, — *Ред.*⟩ части». Позднее неоднократно подчеркивалась необходимость избежать при обрисовке намеченных драматических ситуаций прямого авторского их комментирования. Так, по поводу пререканий Аглаи с родными Достоевский спрашивал себя: «Короче писать; одни факты; без рассуждений и без описания ощущений?» И опять повторял: «N3. Рассказ о фактах, *легко*, без особых рассуждений» (стр. 231, 235, 236).

Таким образом, в мартовских и апрельских планах определились постепенно общие контуры романа. Намечен был в основных чертах его сюжет с тремя магистральными линиями (Мышкин—Настасья Филипповна—Рогожин, Мышкин—Настасья Филипповна—Аглая, Аглая—Ганя—Варя) и побочными «историями» (детей, «сына Павлищева», генерала Иволгина и др.). Выявились характеры и роли Мышкина, Настасьи Филипповны, Рогожина, Аглаи, Гани, Вари, Птицына, Лебедева, генеральши Епанчиной, Аделаиды, генерала Иволгина, Фердыщенко. Появились новые герои: жених Аглаи,

предшественник Евгения Павловича Радомского, — сначала кавалергард, затем флигель-адъютант Вельмончек (в $ПМ_1$ ему соответствовал жених Геро — граф или сенатор) и князь Щерб⟨атов⟩, жених Аделаиды (по первому варианту, тотчас отвергнутому, жених Аглаи). Лишь один раз в ранних набросках $ПМ_2$ был упомянут Афанасий Иванович Тоцкий (в числе гостей на завтраке у князя), который исчез со страниц романа в связи с тем, что в 1 главе второй части его судьба завершилась женитьбой на француженке-легитимистке и отъездом в Париж. В этот же период обозначился ряд общих художественных законов повествования, его хронологические рамки (см. выше). К планам, составленным в марте—апреле, Достоевский не раз обращался в ходе дальнейшей работы над романом как к его фундаменту.

Во второй половине апреля писатель разрабатывал на основе этих планов (наброски от 9—16 апреля — см. стр. 243—261) I и II главы второй части. Завершив их в конце апреля, он сразу, не делая перерыва в работе, принялся за следующие — III, IV и V, предназначенные для майского номера журнала. Заготовки для них также были сделаны в апреле. «Капитальное объяснение» Мышкина с Рогожиным Достоевский задумал 10 апреля. Князь, застав его за учебником, «клянется ему, что не женится без ведома», а Рогожин в «исступлении», но с полной доверчивостью к князю «рассказывал про „*Настасью*“». 17 апреля возникла мысль о сцене посещения названными братьями матери Рогожина: «*Рогожин*: „Зайди к матушке-то *(в лихорадке)*, пусть она тебя благословит“. Старуха благословляет». 23 апреля кратко излагается история бегства Настасьи Филипповны от разыскавшего ее в Москве Рогожина к князю, жизни ее с ним в губернии, нового побега — из боязни, «что влюбится», — с Рогожиным, которому «слово дано», но свадьбу с которым она «остановила», «пока не выдаст Аглаю за Князя». Наконец, 24 и 28 апреля набрасывается заметка о «попытке Рог⟨ожина⟩ на убийство» и встрече его с князем «после *ножа*» (стр. 263, 266—267). Отказавшись от сцены вечера у Настасьи Филипповны и от мысли о том, что Рогожин «ловит» князя то ли у нее на даче, то ли на Павловском вокзале, Достоевский направил своего героя от Лебедева прямо к Рогожину, подчеркнув, что самому Мышкину «очень хотелось» сделать этот визит. На основании набросков $ПМ_2$ был построен напряженный диалог между ними. Завершалась V глава сценой покушения.

5

В период работы над V главой Достоевский в двадцатых числах мая н. ст. снова обратился к планированию дальнейших эпизодов. 21 и 24 мая он сделал в $ПМ_2$ несколько записей, к которым примыкают недатированные наброски на с. 132, 131. Далее следуют заметки от 10 и 11 июня. К ним примыкают записи на последних и первых страницах той же тетради, заполненных в июне—июле. Крайним рубежом является дата 28 июля н. ст., поставленная на с. 3. Приблизительно к этому моменту Достоевский должен был закончить вторую часть, работа над которой проходила при очень затрудненных обстоятельствах — жесткие сроки, смерть дочери, переезд из Женевы в Веве, болезнь. В письме к А. Н. Майкову от 22 июня (4 июля) 1868 г. писатель сообщал, что отправил «на июньский номер 4 главы», последнюю из которых «отослал вчера», и «дал честное слово» заключительные главы второй части доставить «*своевременно*», понимая, что у него для написания их, «самое большое, остается 3 недели». В июньском номере «Русского вестника» были напечатаны VI, VII и VIII главы. IX глава к сроку не успела и появилась вместе с X, XI и XII в июльской книжке журнала. В том же письме Достоевский делился с Майковым: «Я до того запоздал в „Русский вестник“, что всё это время работал *день* и *ночь* буквально, несмотря на припадки. Но увы! Замечаю с отчаянием, что уже не в состоянии почему-то стал так скоро работать, как еще недавно и как прежде», вследствие чего приходится «помещать такими кусочками и отрывками». А между тем на этот роман Достоевский возлагал большие надежды. 30 марта (10 апреля) 1868 г. он писал С. А. Ивановой: «Ах, Сонечка, тут дело для меня вдвойне, втройне хлопотливое и, главное, — ка-

питальное, гораздо более имеющее важности *на всю судьбу мою* (нисколько не преувеличивая), чем кажется с первого взгляда. ⟨...⟩ Я ужасно боюсь за роман и минутами почти совсем уверен, что не удастся. Идея слишком хороша, а на выполнение меня, может быть, и не хватит, особенно так спеша и за границей. (Верите ли, ангел мой, что значит долго быть за границей и отвыкать от России⟨...⟩. Как ни странно, а это так.)» Трудность выполнения заветной идеи — воплощения идеала гармонической личности, и остро ощущаемый писателем отрыв от русской жизни — всё это сказалось на темпах работы над «Идиотом». Не случайно, по наблюдениям А. С. Долинина, «замысел, в исполнении, очевидно, всё время сжимается, может быть, и комкается»: отослав IX главу второй части, Достоевский предполагал, что последующие ее главы займут в журнале «5 листов minimum», а до конца он должен будет написать 27—30 печатных листов, но вышло соответственно около 2.5 печатных листов и 22 печатных листа (см.: *Д, Письма,* т. II, стр. 424).

Майские и июльские наброски, соответствующие периоду работы Достоевского над нынешней второй частью романа, подготавливали, в основном, отдельные главы этой части, но содержали также и планы дальнейшего развития сюжета. 21 мая Достоевский думал VI главу, повествующую о первом дне пребывания князя на даче у Лебедева, начать со свидания князя с Настасьей Филипповной: она назначает ему свидание (через Ганю) и «рассказывает про Рогожина, про всех (прелестно и грациозно) и что Аглая влюблена, устроивает его свадьбу (оригинальнее сцену)». 24 мая у Достоевского мелькнула мысль дать историю «реабилитации Настасьи Филипповны», на которой князь женится, объявляя, «что лучше одну воскресить, чем подвиги Александра Македонского» (стр. 268). Но оба эти плана были отброшены.

В последующих майских записях, наряду с новым вариантом сцены чтения Аглаей «Бедного рыцаря» и упоминанием эпизода с «сыном Павлищева» (разработанных еще в марте и апреле и вошедших в VI—IX главы второй части), была задумана история с гимназистом Горским, который «убил всё семейство Жем⟨ариных⟩». Предполагалось, что князь его «видел» (возможно, в остроге, при поездке в глубь России) и «выпустил» то ли его, то ли другого «глупенького мальчика», который «убить хотел (потом расплакался)». Был заготовлен и рассказ князя: «Я его выпустил, а он зажег всё село (крестьяне взяли с меня). Ох нет, он не раскается» (стр. 269).

Наибольшее внимание в июньских набросках уделено до этого лишь упомянутому в I главе второй части, а теперь вступившему в действие новому персонажу — Евгению Павловичу Радомскому, появление которого на даче у Мышкина было приурочено к концу VI—началу VII главы, моменту чтения Аглаей пушкинской баллады. Евгению Павловичу (пока еще Вельмончеку) почти целиком посвящены записи от 10 и 11 июня н. ст. Достоевский сразу же определил черту его, которая осталась основной и в окончательном тексте: «Вечная и постоянная тонкая насмешка свысока, очаровательный характер». Размышляя над ролью нового персонажа в романе, Достоевский прежде всего выяснял для себя взаимоотношения Вельмончека с другими героями. Намечалось, что Аглая «ему не отказывает прямо, так что тот всё надеется», или «отказывает, но ходить позволяет». Он же, хотя и хочет жениться на ней из тщеславия, в то же время «видит, что Князь не понимает, что Аглая его любит (а Князь понимает). В⟨ельмон⟩чек объясняет это Князю». Одновременно выдвигалась версия донжуанства Вельмончека: он собирается жениться на Настасье Филипповне, а когда Рогожин приходит «покупать его», прогоняет того и разуверяет. Дольше держался другой вариант: «Жениться на дочери Лебедева — из странности, получив отказ от Аглаи, для фанфаронства». Разрабатывался и перешедший в окончательный текст мотив самоубийства дяди Вельмончека в результате совершенной растраты. Допускалось, что, после предложения князем 400 000, которые Вельмончек берет, и женитьбы его на дочери Лебедева, он, осознав свою «бесполезность», застрелился. Вельмончек охарактеризован как «bulle de savon» ⟨мыльный пузырь⟩, который «лопнул», утратив все «связи аристократические». Там же говорится, что люди этого типа «не национальные, плохо к почве привязаны, оттого как легко и отлетают, этот еще лучший». В этот первоначальный эскиз

образа Достоевский затем вносил различные коррективы. Самоубийство дяди «поколебало его положение в свете», поставило в зависимость от кредиторов. «Он для этого выходит в отставку», но «не может перенести мысли, что он для удовлетворения кредиторов должен жениться», рассказывает обо всем Аглае, рассчитывая произвести на нее впечатление, но Аглая «дала застрелиться и не почувствовала (он всё это Князю рассказывает с хохотом)». Обдумывались и другие возможности: Настасья Филипповна, желая отвлечь Вельмончека от Аглаи, «старается обольстить его»; он сам, доведенный Аглаей, в которую влюбляется «из досады», «до положения невыносимого», не зная, «его она или нет?», «смеется над Князем, увеличивая его достоинства, пробует сделать скандал с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩»; допускалась вероятность вызова на дуэль, посланного им князю. В связи с этим сцена сожжения пальца была в определенный момент отнесена к нему, а не к Гане. По одному из вариантов Аглая в силу своего демократизма, когда поднялся «шум в доме о состоянии Ев⟨гения⟩ П⟨авлови⟩ча», «вдруг объявляет, что Ев⟨гений⟩ Павлович ей давно открыл свое состояние и что он ее любит». После долгих колебаний Достоевский подвел «итог»: «В⟨ельмон⟩чек — блестящий характер, легкомысленный, скептический, *настоящий аристократ, без идеала* (нет того, что мы любим, и в этом разница с Князем). Странная смесь хитрости, тонкости, рефлекса, насмешки, тщеславия; убивает себя из тщеславия. Признался Князю, что он сначала его комизировал и захваливал, чтоб убить в мнении Аглаи, что любил не Аглаю, а мнение о себе Аглаи; любви, денег ее не хотел. Лебедеву дочку жалко было». Далее тщеславие Вельмончека сравнивается автором с ласенеровским (см. ниже, стр. 452, 468), а он приходит к заключению: «Остается быть вивером, но для этого я слишком развит и не могу сделаться гоголевским помещиком» (стр. 273—274). Главное назначение образа Евгения Павловича в романе определила заметка: «*Вельмончек* постоянно смеется над Князем и потешается им. Скептик и неверующий. Ему всё в Князе *искренно* смешно, до самого последнего мгновения». В окончательном тексте этот остроумный, скептически настроенный человек действительно нередко судит князя и по-своему толкует случившееся. В дальнейших июньских набросках была намечена беседа его с Мышкиным после бегства Аглаи из дома Настасьи Филипповны к Гане, воспроизведенная впоследствии в четвертой части романа. По сравнению с черновыми заготовками диалог между Евгением Павловичем и Мышкиным в романе несколько видоизменен: Евгению Павловичу нереданы все психологические разъяснения, Мышкин лишь как будто соглашается с ним, но вносит всё время оговорки, благодаря которым воссоздается более сложная картина, не укладывающаяся в не лишенную тонкости, но всё же рационалистическую схему Радомского.[1] Евгению Павловичу уже в *ПМ*$_2$ были предназначены существенные для самого Достоевского суждения об аристократии и реформах 1860-х годов. В окончательном тексте (в I главе третьей части) эти его высказывания сохранены в осложненном виде: они несут на себе печать его личности и поддерживаются не всеми персонажами (так, например, Александра Епанчина реагирует на его речь о либералах ироническими замечаниями). Значительно преобразился и мотив женитьбы Вельмончека на дочери Лебедева. В эпилоге романа герой этот, почувствовавший себя «лишним» в России и уехавший за границу, часто навещает в пансионе Шнейдера больного Мышкина и сообщает о состоянии князя Вере Лебедевой. Эта переписка намечает перспективу возвращения Евгения Павловича к родной «почве».

Введя в действие Вельмончека — Радомского, Достоевский вновь вынужден был поставить перед собой вопрос: «Что делать с Ганей?» Возникал вариант:

---

[1] О критическом отношении Достоевского к «суду» над его героями, особенно такими, как князь Мышкин или Алеша Карамазов, т. е. к психологизму, исходящему из строгой обусловленности поступков и переживаний человека обстоятельствами и не учитывающему его свободной воли, многопричинности, а иногда и неожиданности руководящих им импульсов, см.: Г. А. Бялый. О психологической манере Тургенева (Тургенев и Достоевский). *РЛ*, 1968, № 4, стр. 49.

«??? *Аглая со злобы выходит за Ганю* — и прогоняет его. Ганя страстно *влюблен в Аглаю,* до последних риз, убить кого хотите вызывается —, вот его роль!» (стр. 273). Но эта необычная для определившегося в какой-то мере в первой части характера Гани черта не закрепилась: неспособность к сильным чувствам и больное самолюбие преобладали в его образе и во второй, и в последующих частях.

Усиливается в майских и июньских заметках мотив надлома, «сумасшествия» Настасьи Филипповны. Ненадолго Достоевский представил себе дело так, что после сцены с Аглаей, которая «падает, по-видимому», Настасья Филипповна «действительно хочет выйти за Князя (целая часть в этом...)», а Мышкин «уходит от света». В окончательном тексте желание «уйти куда-нибудь, совсем исчезнуть отсюда», вернуться в Швейцарию возникает у Мышкина в момент, предшествующий появлению Настасьи Филипповны в парке на музыке, когда мрачное предчувствие неотвратимости грядущих несчастий охватывает его. Но и в $ПМ_2$ и в романе князь остается в том мире, который выпал ему «на долю». Вернувшись к разработке прежних планов, автор оттеняет, что никто в доме не принимает «страсти Аглаи к Князю» всерьез и сам он «думает, что Аглая над ним смеется», даже после объяснения ее с Настасьей Филипповной «еще не догадывается о полной любви Аглаи, хотя мать и говорит». Достоевский записывает: «Наступает время сношений других с Аглаей, разубеждение и réhabilitation ⟨реабилитация, восстановление⟩ Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ (деятельность)». Как и раньше, далее планируется бегство Настасьи Филипповны с Рогожиным (стр. 274—275).

Предвидя вслед за свиданием Аглаи и Настасьи Филипповны скорую развязку, Достоевский собирается «после сцены двух соперниц» дать авторское отступление. Признавая, что описывает «странные приключенья», и соглашаясь, «что с Идиотом ничего и не могло произойти другого», а возможно, он «и не стоил бы такого внимания читателей», Достоевский вместе с тем подчеркивает: «Может быть, в Идиоте человек-то более действит⟨елен⟩». В обоснование этого положения он пишет: «Действительность выше всего. Правда, может быть, у нас другой взгляд на действительность 1000 душ, пророчества — фантасти⟨ческая⟩ действит⟨ельность⟩» (стр. 276). Мысли, которыми Достоевский хотел поделиться с читателями «Идиота» и от прямого дидактического выражения которых в связи с образом Мышкина всё же отказался, он вскоре углубит в письмах к А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г. и Н. Н. Страхову от 26 февраля (10 марта) 1869 г. (см. подробнее об этом ниже, стр. 412).

Позднее в «Братьях Карамазовых» задуманное в пору работы над «Идиотом» отступление было претворено во введении к роману «От автора», где, предупреждая читателей, что его герой Алексей Федорович Карамазов — «человек странный, даже чудак», автор присоединялся к тем, кто не увидит в нем только «частность и обособление»: «Ибо не только чудак „не всегда" частность и обособление, а напротив, бывает так, что он-то, пожалуй, и носит в себе иной раз сердцевину целого, а остальные люди его эпохи — все, каким-нибудь наплывным ветром, на время почему-то от него оторвались...» (см.: наст. изд., т. XVI).

В последних июльских записях в начале тетради набросан план продолжения романа. 28 июля Достоевский записал: «3-я часть прямо начинается с объяснения *необходимейшего* (!). Что Князь все выходки Аглаи принимал за насмешку» (заметка эта была затем воспроизведена в XI главе второй части, где говорится по поводу чтения Аглаей стихотворения Пушкина и подстановки инициалов Н. Ф. Б., что, на взгляд Мышкина, это «была только невинная шалость, самая даже детская шалость», о которой и задумываться «совестно»). Последующий ход событий мыслился с активным участием Ипполита и Гани: дав понять читателю «о влюбленности Князя» в Аглаю и обрисовав «загадочность положен⟨ия⟩», Достоевский намеревался отвести далее большое место интригам Ипполита. «Скандал в воксале с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩ (выдающий ее ревность к Аглае)» возникал на этот раз не из-за Вельмончека, а из-за Гани. Затем предполагалось следующее развитие действия: «Аглая и Ганя. Письма Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ к Аглае. Сцены

грозные Аглаи с семейством. Свидание соперниц. Бегство к Гане. N3. Вдруг разрушена любовь Князя к Аглае, и он муж Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩» (стр. 276—277).

В эти же дни Достоевский дописывал, вероятно, XI и XII главы второй части, торопясь и испытывая чувство неудовлетворенности. Тревога его усиливалась некоторыми опубликованными к этому моменту отзывами, свидетельствовавшими, что роман встречен критикой довольно прохладно (см. ниже, стр. 413—415). 21 июля (2 августа) 1868 г., извиняясь перед А. Н. Майковым за задержку ответа из-за того, что «день и ночь сидел 20 дней сряду за работой, которая плохо шла», Достоевский писал: «Романом я недоволен до отвращения. Работать напрягался ужасно, но не мог: душа нездорова. Теперь сделаю последнее усилие на 3-ю часть. Если поправлю роман — поправлюсь сам, если нет, то я погиб». Третья часть была опубликована в августовском (I—III главы), сентябрьском (IV—VI главы) и октябрьском (VII—X главы) номерах «Русского вестника». Между 28 июля и началом сентября н. ст. в дошедших до нас черновых набросках отмечается перерыв: писатель, по-видимому, работал в это время над начальными четырьмя главами третьей части, рассказывающими о событиях последнего дня недели, которой была посвящена вторая часть (визит Мышкина к Епанчиным, скандал на музыке, встречи князя с Келлером и Рогожиным); заготовки к этим главам были сделаны ранее, в марте—июле. I—III главы были отосланы в редакцию, очевидно, в конце августа н. ст. В начале сентября Достоевский принялся обдумывать IV главу, повествующую об обществе, собравшемся на даче у Лебедева в день рождения Мышкина. В ней он использовал заметки о философствованиях Лебедева на темы об антропофаге, звезде Полыни, телегах, «подвозящих хлеб голодному человечеству». Далее писатель приступил к разработке исповеди Ипполита. Набросками на с. 17,18 , 15, 19 к разделу «*Нотабены и словечки*» и записями от 8 сентября (в основной части тетради) открывается последний период работы, отраженный в $ПМ_2$. Завершается он заметкой от 11 ноября н. ст. В это время Достоевский обдумывал содержание V—X глав третьей и всей четвертой части романа. Создавая V—VII главы, в центре которых находится «Необходимое объяснение» Ипполита и реакция на него многочисленных слушателей, Достоевский обращался главным образом к сентябрьским заготовкам из раздела « *Нотабены и словечки*», хотя существенное значение для изображения Ипполита имела и заметка, внесенная еще в июне: «Смерть Ипполита. *Ип⟨полит⟩ Князю:* „Я хотел вас всех перерезать, я даже этого не смог сделать. Бессилие! бессилие целого племени! Еще одна такая же минута, и я воскресну“» (стр. 275). Эгоцентризм, озлобленность Ипполита, с одной стороны, тяготение его к людям, неодолимая потребность в их прощении, любви, с другой, легли в основу его характера в IX—X главах второй части. Теперь же в исповеди восемнадцатилетнего умирающего от чахотки юноши, одаренного, мыслящего представителя «современных позитивистов», Достоевский стремился развернуть целостную философскую систему взглядов, которая, по его мнению, была достойна серьезного внимания и в то же время опровержения. В разделе «*Нотабены и словечки*» был намечен главный вопрос, тревожащий Ипполита: «Почему в строении мира необходимы приговоренные к смерти?» Поставлены были и вытекающие из главного более частные вопросы, которые выдвигает Ипполит, бросая вызов «провидению»: не все ли равно, «что говорить *правду,* что лгать», для двух недель, которые ему осталось прожить, стоит ли «любить для 2-х недель», заниматься «добрыми делами». При этом личная обреченность усиливает и остроту социального видения Ипполита. По одному из черновых вариантов он заявляет: «...я бы мог убить других; мне это приходило на мысль, по ложному состоянию палачей и общества». Но этот столь характерный для Раскольникова мотив не стал основным для Ипполита. Достоевский придал его бунтарству характер богоборчества, восстания против основных законов бытия. Уже в $ПМ_2$ Ипполит ведет страстный спор с Мышкиным. Предваряя идею Кириллова в «Бесах», Ипполит приходит к выводу, что ему осталось только «умереть, потому что это единственное дело», которое он может «начать и кончить». По одной из предварительных заметок, кто-то из присут-

ствующих, возможно Мышкин, прослушав чтение «Необходимого объяснения», должен был говорить: «Мысли больные — но ведь умнее-то ничего и нет на свете». В реплике этой отражено в какой-то степени и авторское отношение к Ипполиту, во взглядах которого Достоевский видел не случайное заблуждение одного человека или определенной группы молодежи, но объективно закономерную, хотя и требующую преодоления ступень духовного развития. Ведь и Мышкин в прошлом, о чем говорят его размышления над прослушанной исповедью, пережил аналогичный момент тоски и сомнений. «Однако для князя выводы Ипполита оказались лишь переходным моментом на пути к другому, более высокому (с точки зрения Достоевского) этапу духовного развития, в то время как сам Ипполит задержался на ступени мышления, которая, трагически обостряя все проклятые вопросы жизни, не дает на них ответа» (*Фридлендер*, стр. 254—255).

В *ПМ*$_2$ противопоставление Мышкина и Ипполита было более резким. Ответом на вызов Ипполита, обращенный к солнцу («Солнце, которое приносит всем, и мне ничего»), звучала в черновых набросках речь князя: «Да здравствует солнце, да здравствует жизнь. Вы оклеветали себя — вы не могли не любить (известие о мальчике). Слишком надо быть эгоистом, чтоб перестать любить от мысли, что некогда, или от злости. Вы ужасно несчастны. Я не согласен с вами, но я не имею права вам говорить». О «вдохновенной речи» князя, прославляющей мир и солнце, Достоевский упомянет и еще один раз, планируя 8 сентября окончание сцены с Ипполитом. Однако в романе речь эта перенесена в четвертую часть, где Мышкин произносит ее совсем в иной связи, в гостиной Епанчиных, перед эпилептическим припадком, как бы прозревая радостный смысл бытия.[1] По отношению же к Ипполиту, как тот сам признает, Мышкин проявляет высшую деликатность, не утешая его ни надеждой на другую жизнь, ни «деревьями», ни «любовью», а лишь говоря, почти «как материалист», что «зелень и чистый воздух» произведут в нем «какую-нибудь физическую перемену» и его «*сны* переменятся и, может быть, облегчатся». Как и в *ПМ*$_2$, в окончательном тексте Ипполит хочет умереть на восходе солнца, «прямо смотря на источник силы и жизни». В страшный для него момент, перед тем как застрелиться, он хватает бокал с шампанским, чтобы выпить «за здоровье солнца». Достоевский подчеркивает, что Ипполит — весь в борьбе и брожении. В *ПМ*$_2$ рядом с текстом: «Доброе дело — в известн⟨ом⟩ размере, потому что иное дело, требующее времени или посвятить ему всю жизнь мою, мне равномерно запрещено» — сделана помета: «*Комизм*». Однако оценка, которую дает Мышкин исповеди Ипполита в V главе четвертой части, сложнее: сожалея, что Ипполит из самолюбия отказывается от своей тетрадки, Мышкин говорит, что «она искренна, и, знаете что, даже самые смешные стороны ее, а их много ⟨...⟩, искуплены страданием, потому что признаваться в них было тоже страдание и... может быть, большое мужество. Мысль, вас подвигшая, имела непременно благородное основание, что бы там ни казалось» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 432).

В *ПМ*$_2$ определилась и другая сторона трагедии Ипполита — его одиночество. Автором намечены враждебные или равнодушные реплики, которыми встретили собравшиеся у Лебедева его «Необходимое объяснение» с сообще-

[1] Тот факт, что Ипполит и в черновиках, и в романе собирается покончить счеты с жизнью на восходе солнца, и речь Мышкина о солнце подтверждают отмеченную еще В. В. Виноградовым перекличку между поэтикой Достоевского и В. Гюго — см.: В. В. Виноградов. Из биографии одного «неистового» произведения. Последний день приговоренного к смерти (в кн. этого автора «Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский». Л., изд. «Academia», 1929, стр. 127—152). Герой повести В. Гюго прославляет солнце ранним утром того дня, когда ему был прочитан смертный приговор (гл. II). Тема солнца в исповеди Ипполита воскрешает в памяти читателя также эпизод из романа «Отверженные»: умирающий член Конвента долго любуется солнечным закатом, «чтобы в последний раз взглянуть на мир», и говорит перед кончиной: «У каждого есть свои причуды: мне вот хотелось бы дожить до рассвета» (*Гюго,* т. VI, стр. 49—50).

нием о намерении застрелиться: «Так вы бы лучше там себя и убили», «Ничего, поезжайте домой», «Если скажет, что правда, не оставляйте ⟨у⟩ себя» — и другие. По общему мнению, желание убить себя «в компании» противоречило словам Ипполита о том, «что у него нет охоты жить». Так считал и Мышкин, но, сообразно заметке «Тщеславие, ребенок, ваши страдания, горы»,[1] он один, исходя из личного опыта, почувствовал глубину переживаний Ипполита, разгадал его детскую беспомощность, стремление завоевать симпатии окружающих. Ипполит же перед выстрелом обнял его, чтобы посмотреть ему в глаза и проститься «с Человеком».

Обдумывая концовку сцены 8 сентября, Достоевский в какой-то мере отталкивался от известного монолога Гамлета. Ипполит решает: «Умирать или не умирать?» [2] — и далее: «Ипполит отвлеченен: „Жить иль не жить?" Италия (непременно Италия). Роза — любовь». В окончательном тексте Лебедев прямо ставит Мышкину «гамлетовский» вопрос: «Быть или не быть?», комментируя его: «Современная тема-с, современная! Вопросы и ответы...» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 305).

15 сентября у Достоевского мелькнула мысль сделать Ипполита «главной осью всего романа». Он должен был, по новому плану, овладеть Аглаей, «как бы и не подозревая, что Аглая любит Князя, а, напротив, точно веруя, что она любит Ганю»; Ипполит также должен был получить власть над Рогожиным, Настасьей Филипповной, Ганей. После бегства Настасьи Филипповны из-под венца он «хочет убить Князя мыслию, что он не имел права играть сердцами обеих». Намечались и другие «мелочи Ипполита» — наговоры на Колю, деспотичное отношение к матери и брату, ссора с Ганей, сплетни в доме Епанчиных, оскорбление мальчика; мать его, капитанша, должна была преследовать Генерала по его «наущению». Но князь проницает все его замыслы, «побеждает его доверчивостию». Параллельно планировались сцены князя с детьми и «продолжение с Аглаей, с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩», где и Ипполиту предназначалась существенная роль. В результате его интриг Лизавета Прокофьевна должна была объясняться с князем, а Аглая «со зла» объявить, что интересуется Ганей, и в письме просить гостеприимства у Нины Александровны Иволгиной. Ипполитом подготавливалась «сцена двух соперниц». Он пытался стать советчиком князя, «донимая» его тем, что Настасья Филипповна «сумасшедшая» (или, наоборот, «не сумасшедшая»). В дни «брачного состояния» Настасьи Филипповны с князем Ипполит измучил ее, довел до бегства. Далее в развитии действия намечались два направления: или Ипполит «хочет зарезать» Настасью Филипповну и над ним происходит «суд», или, как значится в наброске «*Аглая и Князь*», Аглая убеждает князя в любви к нему Настасьи Филипповны, показывая ее письма. При встрече с последней князь разуверяется, мирит ее с Рогожиным, но вмешивается Аглая, и он в волнении обращается к Ипполиту, разыгрывающему роль советчика и вступающему в «сношения с Аглаей и с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩». Вслед за сценой свидания соперниц планировались свадьба Настасьи Филипповны, ее «убийство Ипполитом», «суд Князя» и «смерть Ипполита». «Об Ипполите сжато и сильно. Сосредоточить на нем всю интригу», — писал в это время Достоевский (стр. 277—280). Однако в конце концов Ипполит, как ранее было с Вельмончеком, занял в романе более скромное место, чем то, которое отводилось ему в *ПМ*$_2$.

В сентябре Достоевский составил два плана окончания романа: один предполагал осуждение князем Аглаи после гибели Настасьи Филипповны, гордое нежелание Аглаи оправдываться, отъезд героев за границу и идиотизм Мышкина; в другом — князь умирает и перед смертью, в торжественно-спокойном состоянии, «простил людям» и Аглае, его «пророчества» разъяс-

---

[1] Все вышеприведенные цитаты из *ПМ*$_2$, относящиеся к сцене исповеди Ипполита, взяты из раздела «*Нотабены и словечки*» (см. стр. 221—224).

[2] Письмо Достоевского к брату от 9 августа 1838 г. свидетельствует о том, что уже в юности трагедия В. Шекспира «Гамлет» соотносилась в сознании будущего писателя с его собственными размышлениями о состоянии вселенной, мира, о жизни и смерти.

няют «каждому себя самого», что же касается Аглаи, то она впоследствии «с матерью — живет и путешествует». К этому моменту характеры главных героев для Достоевского вполне уяснились. В обобщающей записи он выделил в каждом из них одну главную черту: «В Князе — *идиотизм!* В Аглае — *стыдливость*. Ипполит — *тщеславие слабого характера*. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ — беспорядок и красота (жертва судьбы). *Рогожин* — ревность. *Ганя:* слабость, добрые наклонн⟨ости⟩, ум, стыд, стал эмигрантом. Ев⟨гений⟩ П⟨авлович⟩: последний тип русского помещика-джентльмена. Лизавет⟨а⟩ Прокоф⟨ьевна⟩ — дикая честность. Коля — новое поколение» (стр. 279—280).

После этих набросков, сделанных в середине сентября, Достоевский, по-видимому, до конца месяца был занят оформлением трех очередных глав для сентябрьского номера журнала (до VI главы включительно). Последовательность событий дальнейших глав третьей части определилась в заметках от 8 сентября и 4 октября н. ст. (стр. 277, 282—283). События, перечисленные в них и дополненные давно задуманной историей с «кражей Генерала», составили продолжение третьей части. Уже в $ПМ_2$ главная сюжетная линия здесь — взаимоотношения князя и Аглаи. Во время свидания их на зеленой скамейке Мышкин говорит про Настасью Филипповну: «Я не люблю ее» — и добавляет, что «сделал бы несчастье Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩, если б женился». Намечен и другой важный отрывок диалога, где раскрывается стремление Аглаи порвать со своей средой, выбрав себе Мышкина в духовные руководители. Ее внутренняя неудовлетворенность вначале прямо была соотнесена с исканиями современного писателю молодого поколения: «Молодое поколение. — Это я нарочно, чтоб вас испытать. Я ничего не знаю. Что мы будем делать? — Займемся воспитанием» (стр. 281).

В записях от 4 октября третья и четвертая части органически переходили одна в другую, поэтому Достоевский тут же занялся уточнением прежних планов к четвертой части. Уже произошло объяснение Аглаи и князя, они «жених и невеста». «Князь смущен», а Аглая ревнует его, ибо он «не скрывает ей, что Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ оставила в нем впечатление чрезвычайной жалости. Князь приходит домой после сватания с Аглаей и вынимает портрет Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩. *Потом выходит из дому*». В окончательном тексте эпизод с портретом отсутствует; Настасья Филипповна предстает перед Мышкиным в ореоле страдания и обреченности в двух его снах (на зеленой скамейке и дома, после чтения ее писем), а затем и наяву, по его возвращении от Епанчиных, когда видение его сливается воедино с действительностью. Четвертую часть Достоевский мысленно разбивает на две половины. В первой готовятся обе назначенные свадьбы — князя и Рогожина. Аглая или «требует» от князя «любви к Н⟨астасье⟩ Ф⟨илипповне⟩ и укоряет его», или, «*дав слово* Князю, боится, что смеются над ней и над Князем, иногда искренно делает шутку и сама смеется над Князем...» Развитие сюжета определяется так: «Аглая Ипполитом, и Ганей, и Князем доведена до исступления. Сцена 2-х соперниц, и к Гане». Устанавливая продолжительность действия и форму повествования, Достоевский записал: «Рассказом про эти 3 недели, варьируя сценами. Тут и Евг⟨ений⟩ Павлович». План 2-й половины четвертой части на этой стадии слагался в таком виде: «Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ — невеста Князя. Эксцентричность. Сцена в храме одна. К Р⟨огожи⟩ну в отчаянии (он зарезал). Позвал Князя. Рог⟨ожин⟩ и Князь у трупа. Final. *Недурно*» (стр. 282—283).

В октябре—ноябре Достоевский дописывает третью часть и одновременно в $ПМ_2$ дополняет еще раз план четвертой. Детализируя прежние и обдумывая вновь возникавшие в воображении сцены, он размышляет над финалом и эпилогом романа. 15 октября он выдвигает вариант: «Аглая *нарочно* делает сцену с Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩, чтоб выдать Князя из смеха и из мщения ⟨...⟩. Требует выйти за Ганю». Он и становится ее женихом, но кончается это пощечиной, и Аглая от Гани бежит к князю (стр. 283). В октябрьских же заметках «*Из главного*» Достоевский разрабатывал «шекспировский» вариант продолжения сцены соперниц. В день брака, перед венчанием, князь говорит Настасье Филипповне «*просто и ясно* (Отелло) ⟨...⟩, за что он ее полюбил,

что у него не одно сострадание (как передал ей Рогожин и мучил ее Ипполит), а и любовь, и чтоб она успокоилась» (ср. слова Отелло из трагедии в переводе П. И. Вейнберга (СПб., 1864), вероятно, известном Достоевскому: «Она меня за муки полюбила, а я ее — за состраданье к ним» (действие I, сцена 3)). Дальше развивается тот же «шекспировский» план. «Тут входит Аглая, спокойно, *величаво и просто* грустная, говорит, что во всем виновата, что не стоила любви Князя, что она избалованная девушка, ребенок; *что она вот за что полюбила Князя* (и тут Отелло): наивная и высокая речь, где Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ чувствует всю безмерность ее любви, а Аглая, думая выставить недостаточность и ничтожность своей любви и тем успокоить Н⟨астасью⟩ Ф⟨илипповну⟩ и Князя, — напротив, *наивно и себе неведомо,* только выставляет великость, глубину и драгоценность своего чувства». После своей речи Аглая должна была, по наметкам этого времени, обменяться с Настасьей Филипповной несколькими ласковыми, наивными словами, «но через силу», и они расставались. Настасья Филипповна была поражена, по ее отчаянному лицу Мышкин понял, что она приняла трагическое для себя решение. Но Достоевский отклонил этот вариант и в самых последних черновых записях от 11 ноября н. ст. разработал другой, где в «сцене соперниц» Аглая низко «падала». Как и в окончательном тексте, Настасья Филипповна сначала держится благородно: «Гордая и высокая речь Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩, простая, с достоинством высоким». Но оскорбления со стороны Аглаи вызывают ее гневную реакцию. Соперницы обмениваются злобными репликами: «Ты воровка». — «А ты зла, что не твой». — «Конечно, мой». — «Зелен виноград». — «Я дарю тебе». — «Я и сама возьму, а тебя выгоню». Достоевский обобщал: «Аглая чтоб была ребенок и бешеная женщина вместе» (стр. 287—288). Заключающее *ПМ*$_2$ «падение» Аглаи предопределило ее дальнейшую судьбу в эпилоге — брак с польским эмигрантом-католиком, членом «какого-то заграничного комитета по восстановлению Польши», знаменующий глубоко трагический и вместе с тем не удовлетворяющий писателя исход ее исканий.

Тогда же, в октябре, к сцене объяснения князя с Евгением Павловичем писатель сделал заметку: «N3$_1$. *Философия Князя:* „Я идиот — я не знаю. Я не прав, что не простил Аглае, я действовал сердцем“. Ему говорят: „Вы причина всего“. Он: „Да, я причина всего“». В романе Достоевский, отвергая однолинейное осуждение своего героя Радомским, подчеркнул сложность, многопричинность происходящего. Мышкин восклицает: «Почему мы никогда не можем *всего* узнать про другого, когда это надо, когда этот другой виноват!..» Интересен и вариант эпизода «*После венца*», относящийся к этому же времени и рисующий необычное поведение князя после бегства Настасьи Филипповны. Возвращаясь один домой, он встречает «множество людей ⟨...⟩ *даже и незнакомых*», «берет за руки и приглашает», говорит о машинном производстве, освобождающем «от борьбы за существование», о социализме, о Христе и т. д. (при этом делается ссылка на статью о Всемирной промышленной выставке, только что опубликованную в «Русском вестнике», — см. ниже, стр. 468—469). Достоевский не ввел этой «лекции» князя в роман — возможно, потому, что нашел ее неестественной, но сделал Мышкина участником завязавшегося при нем «делового» разговора.

Еще в сентябре в раздел «*Нотабены и словечки*» Достоевский внес существенную для замысла романа заметку: «Мир красотой спасется. Два образчика красоты» (стр. 222). Как один из них и выступает в последних заметках Настасья Филипповна, подобно ее прообразу из *ПМ*$_1$ «мстительница и ангел». Если в ранних черновых набросках *ПМ*$_2$ в характеристике Настасьи Филипповны мелькали порою «вакхические» черты легендарной героини «Египетских ночей» Пушкина, то к концу работы над романом облик ее очистился от них. В окончательном тексте цитата из стихотворной импровизации героя пушкинской повести («Ценою жизни ночь мою!..») вложена в уста канцеляриста из толпы, перед которой предстала уже решившаяся на верную погибель, в подвенечном платье, «бледная как платок», со сверкавшими, «как раскаленные угли», большими черными глазами Настасья Филипповна, обратившая негодование «в восторженные крики» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 492—493). Так переосмыслялся Достоевским и самый созданный Пушкиным образ еги-

петской царицы. Красота Настасьи Филипповны, освещенная глубиною пережитых страданий, была, по Достоевскому, великой силой, хотя она — и в этом один из трагических моментов романа — может превратиться в силу разрушительную, которая грозит гибелью прежде всего самой героине, уже сломленной, одержимой, утратившей веру в себя и в возможность иного, не оскорблявшего ее, к себе отношения.[1]

7 ноября Достоевский составил в *ПМ*$_2$ драматизированный конспект, вернее, почти набросал в сокращенном черновом виде текст XI главы четвертой части. В этом черновике, изображающем князя и Рогожина, приникших друг к другу и породнившихся в страдании у трупа Настасьи Филипповны, почти всё существенное совпадает с окончательной редакцией за исключением, пожалуй, предшествующих этой сцене «видений», которые являются Мышкину, одиноко бродящему в поисках Настасьи Филипповны по Петербургу. В тот же день, т. е. 26 октября (7 ноября) 1868 г., Достоевский писал А. Н. Майкову: «Теперь, когда я всё вижу как в стекло, — я убедился горько, что никогда еще в моей литературной жизни не было у меня ни одной поэтической мысли лучше и богаче, чем та, которая выяснилась теперь у меня для 4-й части, в подробнейшем плане. И что же? Надо спешить изо всех сил, работать, не перечитывая, гнать на почтовых, и, в конце концов, все-таки не поспею!» Беспокоясь о целостности восприятия романа читателем, писатель хотел непременно в 1868 г. завершить публикацию четвертой части, которую считал самой значительной. На «эффект» развязки романа он особенно рассчитывал, думая о втором его издании. Волнуясь, что четвертая часть у него «еще и не начата», Достоевский тогда же сообщал С. А. Ивановой: «Наконец, и (главное) для меня в том, что эта 4-я часть и окончание ее — самое главное в моем романе, т. е. для развязки романа почти и писался и задуман был весь роман». Это признание Достоевского порою толковалось чересчур прямолинейно. Так, Л. П. Гроссман писал, комментируя приведенные строки: «Оказывается, одна из сильнейших сцен Достоевского — князь Мышкин и Рогожин у тела Настасьи Филипповны — явилась „зерном“ всего романа. Гибель героини, взаимное сострадание двух соперников, двух названых братьев, над трупом любимой ими женщины, возвещающее им обоим безнадежный исход на каторгу или в сумасшедший дом, — вот из какой трагической развязки возник роман о прекрасном человеке, обреченном его бездушной эпохой на гибель» (см.: *Творчество Достоевского,* стр. 354). Однако, как свидетельствуют записные тетради, мы имеем право говорить лишь об изначальной трагической предрешенности судеб главных героя и героини романа. Конкретное же художественное ви́дение финальной сцены пришло к писателю не сразу. Оно возникло лишь на сравнительно поздней стадии работы, 4 октября, когда рядом с заметкой: «Рог⟨ожин⟩ и Князь у трупа. Final.» — автор написал в знак своего удовлетворения новым творческим открытием: «*Недурно*».

В вышеупомянутом письме к Майкову Достоевский делился своими опасениями: «...работа меня измучила и истощила. Вот уж год почти, как я пишу

[1] В свое время А. Л. Волынский, верно отметивший «необъятную идейную и психологическую сложность» образа Настасьи Филипповны, исходя из художественно-идеологических представлений, характерных для раннего русского декадентства 1890—начала 1900-х годов, безосновательно приписал ей склонность к «вакхическому разгулу», «оргийным исступлениям» (см.: А. Л. Волынский. Достоевский. СПб., 1906, стр. 44). Это утверждение Волынского, как и аналогичные суждения других критиков той же эпохи (К. Ф. Головина, Д. С. Мережковского, А. Закржевского и др.), были справедливо оспорены А. П. Скафтымовым (см. его статью «Тематическая композиция романа «Идиот“» в кн.: Творческий путь Достоевского. Л., 1924, стр. 144—145). Анализ творческой истории романа подтверждает выводы Скафтымова и опровергает как мнение о том, что в лице Настасьи Филипповны автор рисовал «гетеру», «Аспазию», так и стремление приписать Достоевскому вульгарное истолкование ее трагедии в духе некоей извечной, вневременной трагедии «пола».

3½ листа каждый месяц. Это тяжело. Кроме того — нет русской жизни, нет впечатлений русских кругом, а для работы моей это было всегда необходимо. Наконец, если Вы хвалите мысль моего романа, то до сих пор исполнение его было не блестящее. Мучает меня очень, что, напиши я роман вперед, в год, а потом месяца два-три переписки и поправки, и не то бы вышло, отвечаю». Напечатав начало четвертой части (I—IV главы) в ноябре, Достоевский мечтал завершить ее до конца года. Поэтому он просил М. Н. Каткова задержать выход декабрьской книжки журнала. «Последние главы, — извещал он из Флоренции С. А. Иванову 25 января (6 февраля) 1869 г., — я писал день и ночь с тоской и беспокойством ужаснейшим. Я написал перед этим за месяц в „Русский вестник", что если он с 12-й книжкой согласится несколько опоздать, то всё будет кончено. Срок присылки последней строчки я назначил 15 генв⟨аря⟩ нашего стиля и поклялся в этом. И что ж? последовали 2 припадка, и я все-таки на 10 дней опоздал против назначенного последнего срока: должно быть, только сегодня, 25-го генваря, пришли в редакцию последние 2 главы». В результате в декабрьском номере журнала появились только три главы (V—VII). К оглавлению этого (78) тома «Русского вестника» редакцией было присоединено объявление: «Последние листы этой книжки, которые будут заключать в себе окончание романа „Идиот", будут в непродолжительном времени особо разосланы подписчикам „Русского вестника" 1868 года, так как автор, находясь за границей, замедлил доставкой рукописи». VIII—XI главы и заключение вышли в виде отдельного приложения одновременно с февральской книжкой «Русского вестника» за 1869 г. Особой напряженностью и срочностью работы над последней частью можно объяснить то, что в ней не получили развития некоторые мотивы, сохранявшиеся вплоть до последних записей в *$ПМ_3$*, в частности мотив: князь и дети, — впоследствии перенесенный в роман «Братья Карамазовы» (отношения Алеши и «мальчиков»).

В мае—июне 1869 г. через сестру жены М. Г. Сватковскую, А. Н. Майкова и Н. Н. Страхова Достоевский вел переговоры с книгопродавцом А. Ф. Базуновым об отдельном издании «Идиота». Но Базунов купить право на издание «Идиота» за цену, установленную Достоевским, отказался, предложив взамен очень невыгодные для писателя условия выплаты процентов за проданные экземпляры. Поэтому переговоры с ним были прекращены (см. письма Достоевского к А. Н. Майкову от 15 (27) мая, 14 (26) августа и 17 (29) сентября 1869 г., а также письмо Н. Н. Страхова и М. Г. Сватковской от 25 июня ст. ст. 1869 г., отрывки из которого, интересующие нас, опубликованы в изд.: *Д, Письма,* т. II, стр. 456). Осенью и зимой 1869—1870 гг. право на отдельное издание «Идиота» хотел приобрести Ф. Т. Стелловский. Уже были разработаны пункты контракта, который должен был заключить со Стелловским по поручению Достоевского его пасынок П. А. Исаев. Однако и это издание сорвалось, по-видимому, из-за невыполнения Стелловским его прежних денежных обязательств в связи с переизданием «Преступления и наказания» (см. письма Достоевского к А. Н. Майкову от 16 (28) октября, 27 октября (8 ноября) 1869 г., 25 марта (6 апреля) 1870 г., П. А. Исаеву от 10 (22) декабря 1869 г., 10 (22) января 1870 г., а также опубликованные в изд.: *Сб. Достоевский, II,* стр. 405—417, письма П. А. Исаева). 7 (19) мая 1870 г. Достоевский писал С. А. Ивановой из Дрездена: «Отсутствием моим из Петербурга я, например, совершенно запустил мои дела и даже преданных мне людей отвадил от себя (хоть «Идиот» и не удался, но за 2-е издание его *несколько* книготорговцев готовы были дать и давали хоть и небольшие, сравнительно, деньги, но всё же значительные, полторы и две тысячи. И все завязавшиеся дела лопнули, потому что некому их было вести)». Издать «Идиота» отдельной книгой Достоевскому удалось лишь по возвращении в Петербург, в начале 1874 г., когда А. Г. Достоевской было организовано собственное издательское дело (объявления о выходе романа см.: *Г,* 4, 8, 13, 17, 20, 23, 27, 29 и 30 января, №№ 4, 8, 13 и сл.).

Подготавливая отдельное издание «Идиота», Достоевский внимательно просмотрел его текст и произвел смысловую и стилистическую правку (причем некоторые авторские коррективы не попали в часть тиража). Из суще-

ственных поправок следует выделить замену слов князя о Настасье Филипповне «Ведь она... сумасшедшая!» на «Ведь она... такая несчастная!». Слова Рогожина, обращенные к Мышкину, «Жалко будет, парень» в отдельном издании были исправлены на «Жалко будет, друг», а авторская характеристика повзрослевшего Коли Иволгина «человек деловой» — на «человек хороший». Кроме того, следует отметить два сокращения текста: первое относилось к мыслям князя насчет «ножа» и его тревожным догадкам перед покушением Рогожина, второе — к речи Мышкина в гостиной Епанчиных (см. «Варианты», стр. 475, строка 5, стр. 505, строка 25, стр. 508, строка 18, стр. 194, строка 21, стр. 458, строка 36).

Однако в окончательном тексте романа остались некоторые несоответствия, нами не исправляемые. Так, например, Достоевский пишет, что Коле Иволгину 13 лет, а несколько позднее упоминает о нем как о пятнадцатилетнем; генерал Иволгин, вспоминая об отце князя Мышкина, называет его Львом Николаевичем, а не Николаем Львовичем; офицер, оскорбивший Настасью Филипповну, назван в одном случае Моловцовым, а в другом — Курмышевым (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 76, 92, 156, 299, 307).

6

Многократно отмечалось, что в образ главного героя романа вложено много лично пережитого, в той или иной мере автобиографического (см. об этом: *Гроссман, Семинарий,* стр. 58—60; *Гроссман, Жизнь и труды,* стр. 24; *Достоевская, Дневник,* стр. 111—114, 154—155, 275—276 и др.).

Мышкин — сын захудалого дворянина, армейского подпоручика и дочери московского купца, и в этом есть нечто родственное происхождению Достоевского.

Мышкина писатель наделил своей тяжелой нервной болезнью — эпилепсией. Состояние князя перед припадком соответствует тому, что, по рассказам Достоевского, испытывал он сам в подобные минуты (см.: *Биография,* стр. 213—214; *Ковалевская,* стр. 105—106).

Писатель дал своему герою «имя историческое»: князь — потомок старинного рода, один из представителей которого действительно упоминается, как утверждает «всезнающий» Лебедев (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 8), в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина: повествуя о постройке Успенского собора в Москве, Карамзин говорит, что заложили его 30 апреля 1471 г. и «главные архитекторы были Ивашко Кривцов и Мышкин».[1] В «Дневнике писателя» за 1873 г. («Одна из современных фальшей») Достоевский вспоминал: «Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец».[2]

С юности запала в душу писателя и цитируемая в романе генералом Иволгиным строка из «Эпитафий» Карамзина (1792): «Покойся, милый прах, до радостного утра» (ср.: наст. изд., т. VIII, стр. 411). В 1837 г. слова эти, по желанию М. М. и Ф. М. Достоевских, были высечены на памятнике, установленном на могиле их матери.

Высказывалось предположение, что некоторыми внешними чертами образ князя обязан одному из характерных лиц эпохи 1860-х годов, графу Г. А. Кушелеву-Безбородко (1832—1870).

---

[1] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI. СПб., 1834, стр. 69—70, а также «Примечания», стр. 9, № 85. — По мнению П. Н. Сакулина, фамилия главного героя была подсказана Достоевскому газетным сообщением «об убийстве мещанина Суслова крестьянином Ярославской губернии, Мышкинского уезда...» (см.: *Сакулин,* стр. 188); об отражении этого эпизода в романе см. стр. 392.

[2] По свидетельству П. П. Семенова-Тян-Шанского, писатель «„Историю" Карамзина знал почти наизусть» (см.: П. П. Семенов-Тян-Шанский. Мемуары. Т. I. Детство и юность (1827—1855). Пгр., 1917, стр. 202).

Г. А. Кушелев-Безбородко с 1859 г. издавал журнал «Русское слово», где появился «Дядюшкин сон» (1859, № 3). В сентябрьской книжке «Русского слова» за 1861 г. была помещена рецензия Кушелева-Безбородко на роман Достоевского «Униженные и оскорбленные». Был ли писатель лично знаком с Кушелевым-Безбородко, мы не знаем, но фигура графа была широко известна в литературной среде, и Достоевский несомненно слышал о нем от друзей и знакомых — в частности, от А. А. Григорьева, который бывал на приемах у Кушелева-Безбородко, как и его приятель, поэт Л. А. Мей, посвящавший графу свои стихи.

«Последний в роде», граф в 1855 г., по смерти отца, стал обладателем большого наследства и много занимался благотворительностью. Подобно Мышкину он страдал тяжелым недугом — пляской святого Витта (хореей). В городском доме Кушелева и его загородном доме в Полюстрове собиралось самое пестрое общество. Современники считали его чудаком, «полоумным». Женитьба графа на «красивой авантюристке» Л. И. Кроль могла стать для Достоевского одним из импульсов при разработке истории отношений Мышкина с Настасьей Филипповной. [1] Во второй части романа сходство между героем и Кушелевым-Безбородко ослабевает. По верному замечанию исследователя, реальный образ Кушелева был «слишком мелок для той грандиозной идеи, к которой романист пришел в ходе творческой работы» (см.: *Назиров,* стр. 119; о Кушелеве-Безбородко и его возможной роли как одного из прототипов героя романа см. подробнее там же, стр. 115—120).

Несомненное отражение получили в романе впечатления от знакомства Достоевского с А. В. Корвин-Круковской (в замужестве Жаклар; 1843—1887), ее отцом, генералом (как и Епанчин), матерью Елизаветой Федоровной (урожд. Шуберт; 1820—1879) и сестрою С. В. Ковалевской (1850—1891), впоследствии знаменитым математиком. [2] В журнале «Эпоха» (1864, №№ 8, 9) были опубликованы два рассказа А. В. Корвин-Круковской: «Сон» и «Михаил» (за подписью Ю. О-в). Между автором рассказов и редактором журнала завязалась переписка. В январе 1865 г. Анна Васильевна приехала с матерью и сестрой на зиму в Петербург (из Палибина, родового поместья ее отца в Витебской губернии). В начале марта состоялась, по письменному приглашению А. В. Корвин-Круковской, первая встреча ее с Достоевским. [3] В «Воспоминаниях детства» С. В. Ковалевская подробно рассказывает о дружеском отношении писателя к ее семье. Многими чертами оно напоминает отношения Мышкина с семейством Епанчиных. Всё, связанное с Достоевским, необычайно остро переживалось С. В. Ковалевской, тогда тринадцатилетней девочкой, влюбленной в писателя; поэтому ее рассказ ярок и достоверен. Достоевский «стал совершенно своим человеком у нас в доме», — пишет она и прибавляет: «Общих разговоров Федор Михайлович терпеть не мог; он говорил только монологами, и то лишь под условием, чтобы все присутствующие были ему симпатичны и слушали его с напряженным вниманием. Зато если это условие выполнено, он мог говорить так хорошо, картинно и рельефно, как никто другой, кого я ни слышала» (см.: *Ковалевская,* стр. 104).

В сходной обстановке произносит Мышкин свои монологи о смертной казни, рассказывает «вставную новеллу» о Мари. Софья Васильевна «живо» помнила, как рассказ писателя о пережитых им минутах ожидания смертной казни звучал в их гостиной (см. там же, стр. 105). На Елизавету Федоровну и ее дочерей подобные монологи производили сильнейшее впечатление: «Мы

---

[1] Подтверждением этого предположения Р. Г. Назирова служит реплика одного из героев неосуществленного замысла Достоевского «Весенняя любовь» (1859—1860): «Ведь женился же прошлого года граф К. на бог знает ком» (запись относится к январю 1860 г. — см.: наст. изд., т. III, стр. 444, 540).

[2] Впервые вопрос этот был затронут в работах: E. H. C a r r. Dostoevsky. London, [1931]; Ив. Ш м е л е в. О Достоевском. К роману «Идиот». Париж, 1949, стр. 22; ср.: *Фридлендер,* стр. 227; *Назиров,* стр. 120—122.

[3] Ср.: *Ковалевская,* стр. 102: «По приезде в Петербург Анюта тотчас написала Достоевскому и попросила его бывать у нас» — и стр. 329: письмо А. В. Корвин-Круковской к Достоевскому от 28 февраля 1865 г.

все сидели, как замагнитизированные, совсем под обаянием его слов» (см. там же, стр. 106; ср.: наст. изд., т. VIII, стр. 51—65).

Е. Ф. Корвин-Круковская и Достоевский стали «отличными друзьями», но между ними — так же как между Лизаветой Прокофьевной и Мышкиным — случались бурные размолвки, кончавшиеся примирением и прежней симпатией (см.: *Ковалевская*, стр. 107—111). Примечательно, что в характере матери С. В. Ковалевская выделяет бесконечную доброту, детскость и настойчивость «избалованного ребенка, который вправе желать и неразумного» (см. там же, стр. 111, 44; ср.: наст. изд., т. VIII, стр. 65).

Значительно сходство между Аглаей Епанчиной и А. В. (Анютой) Корвин-Круковской. В 1865 г. ей был 21 год и «она могла назваться почти писаной красавицей» (см.: *Ковалевская*, стр. 73). Положение Анюты в семье — атмосфера всеобщего «обожания», «непомерного восхищения» — совпадает с отношением Епанчиных к Аглае, «сокровищу» и «идолу» всего дома. Из рассказов Елизаветы Федоровны (беседы с нею происходили иногда и в отсутствие старшей дочери) и из разговоров с самою Анной Васильевной влюбленный в нее «с первой минуты» писатель не мог не услышать о некоторых чертах жизни Корвин-Круковских в Палибине — это отразилось и в черновиках, и в окончательном тексте «Идиота». Подобно Аглае Анна Васильевна была девушкой своевольной, не признававшей над собой «никакого начала», остроумной, а часто и «дерзкой», злой на язык. Томясь жизнью без «дела и веселья», она постепенно отошла от интересов генеральского семейства. Острую неудовлетворенность вызывало у нее домашнее воспитание (см. там же, стр. 116, 47, 86, 73—74); Аглая также говорит о себе, что ни в каком заведении не училась, «всё дома сидела, закупоренная как в бутылке» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 358).

Анна Васильевна прочла множество книг; особенные старания прилагались ею к тому, чтобы доставать и книги запрещенные. Стремясь приносить хоть какую-нибудь пользу, девушка взялась за обучение грамоте дворовых мальчишек. Гувернантка, с которой Анюта была в постоянной вражде, подозревала ее в том, что она тайно убежит из дому (см.: *Ковалевская*, стр. 86—87; ср.: наст. изд., т. VIII, стр. 356—358, — разговор Аглаи с Мышкиным о ее решении бежать из дому, о том, что она хочет в Париже учиться и «очень много книг прочла», «все запрещенные книги прочла», о том, что она мечтает «пользу приносить» и «заняться воспитанием»; см. также: *Достоевская, Дневник*, стр. 91).

Одной из частых тем разговоров писателя с А. В. Корвин-Круковской была поэзия Пушкина. В черновиках к роману, упомянув впервые пушкинский образ «рыцаря бедного», Достоевский записал: «Аглая о нем с Князем». Вполне вероятно, что подобный разговор о пушкинском «серьезном Дон-Кихоте» имел место между Достоевским и Анной Васильевной. В «Воспоминаниях детства» описывается «рыцарский период» в жизни Анюты, когда она прочла «неимоверное количество» старых английских романов о средневековье и «с ней повторилось то же самое, что за много веков перед тем было с бедным Дон-Кихотом: она уверовала в рыцарей и самое себя вообразила средневековой барышней» (см.: *Ковалевская*, стр. 112, 74—75).

По воспоминаниям жены писателя, Анна Васильевна была невестой Достоевского, но он вернул ей слово (см.: *Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 63, 89—90). По словам же С. В. Ковалевской, в начале знакомства Анне Васильевне казалось, что и она, «может быть», полюбит писателя: она «готова была отказаться от всякого удовольствия, от всякого приглашения в те дни, когда ждала к нам Достоевского, и, если он был в комнате, ни на кого другого не обращала внимания» (см.: *Ковалевская*, стр. 120, 111; ср.: наст. изд., т. VIII, стр. 430). Позднее в отношениях наступил перелом: у Анны Васильевны «явилось ⟨...⟩ желание противоречить ему, дразнить его» (см.: *Ковалевская*, стр. 111), — эта особенность почти постоянна в отношении к Мышкину Аглаи, которая беспрерывно «подымает на зубок» влюбленного в нее князя. Эпизод четвертой части романа (вечер у Епанчиных) многими чертами напоминает подлинное событие — прощальный вечер, устроенный Корвин-Круковскими перед отъездом из Петербурга весной 1865 г. В этот день

у них собралось разношерстное общество и ясно сказалось покровительственное отношение присутствовавших к генеральше Елизавете Федоровне. Достоевский был в числе приглашенных и держался очень неловко, резко выделяясь своей «несветскостью», шокируя присутствующих неуместными высказываниями.

По мнению Р. Г. Назирова, намерение Достоевского сделать женихом Аглаи Кавалергарда или Флигель-адъютанта (в черновиках — Вельмончек, в окончательной редакции — Евгений Павлович Радомский)[1] зародилось под впечатлением воспоминаний об одном из драматических эпизодов этого вечера: ревность писателя и почти «скандал» вызвали ухаживания за Анной Васильевной молодого блестящего офицера, полковника генерального штаба, А. И. Косича (см. об этом подробно: *Ковалевская*, стр. 108—111; *Назиров*, стр. 121—122).

«Родной дядя Вельмончек⟨а⟩ — *Политк⟨овский⟩*», — записал Достоевский в черновиках романа (см. стр. 271). Таким образом, прототипом родственника Евгения Павловича Радомского, как установил Назиров, явилось реальное лицо — Александр Гаврилович Политковский, который в царствование Николая I возглавлял Комитет 18 августа 1814 года, или Комитет о раненых. Жил он на широкую ногу, удивляя столицу роскошью, и действительно был «повадливым старикашкой», как отозвался генерал Епанчин о дядюшке Радомского. 1 февраля 1853 г. Политковский покончил с собой. Назначенная императором ревизия обнаружила растрату огромной суммы (миллион четыреста тысяч рублей) из вверенного Политковскому инвалидного капитала. Подобно Политковскому дядя Евгения Павловича Радомского покончил самоубийством, предвидя неминуемое разоблачение (в черновиках, буквально следуя действительности, писатель намечал и самоубийство-отравление — см. стр. 270, 273; *Назиров*, стр. 121—122).

В $ПМ_2$ есть запись: «Аделаида — немая любовь» (см. стр. 252). Это упоминание ассоциируется с безмолвной любовью к писателю Софьи Ковалевской: «Я восхищалась им с каждым днем всё более и более, — писала она, — и совершенно подчинилась его влиянию. Он, разумеется, замечал мое беспредельное поклонение себе, и оно ему было приятно» (см.: *Ковалевская*, стр. 112). В окончательной редакции романа чувством затаенной любви к князю наделена не Аделаида, а Вера Лебедева.

Одна из преобладающих черт Аглаи — стыдливость (см. стр. 280). «Воспоминания детства» дают основание предполагать, что этой чертой героиня Достоевского обязана отчасти С. В. Ковалевской. О своей «внутренней стыдливости», перераставшей в «дикость» и резко контрастировавшей со светскостью, а подчас и дерзкой свободой манер сестры, она упоминает в мемуарах не однажды (см.: *Ковалевская*, стр. 13, 15, 42).

Следует отметить, что летом 1866 г. Достоевский встречался с А. В. Корвин-Круковской также и в Павловске, где она гостила у своего родственника архитектора А. П. Брюллова.[2] Маршрут Петербург—Павловск был вообще привычным для писателя: в Павловске обычно проводила лето семья его брата Михаила Михайловича. Здесь жил и приятель Достоевского, А. П. Милюков. В 1836 г. между Петербургом и Павловском была проложена первая в России железная дорога (это новое средство передвижения бранит в романе генеральша Епанчина — см.: наст. изд., т. VIII, стр. 425). Администрация дороги устраивала с мая по сентябрь в помещении вокзала бесплатные симфонические концерты с участием лучших русских и зарубежных дирижеров (здесь дирижировал, в частности, И. Штраус). На одном из них 10 июня 1862 г. произошел скандальный инцидент, о котором писатель мог знать по слухам (7 июня он

---

[1] Высказана гипотеза, что прототипом Евгения Павловича Радомского был Н. Н. Страхов (обоснование ее см. в статье: В. Я. Кирпотин. Достоевский, Страхов и Евгений Павлович Радомский. «Знамя», 1972, №№ 9 и 10).

[2] См. об этом: С. Я. Штрайх. Семья Ковалевских. Изд. «Советский писатель», [Л.], 1948, стр. 127, и письмо Достоевского к А. В. Корвин-Круковской от 17 июня 1866 г.

уехал за границу) (см. об этом: *Гроссман, Жизнь и труды,* стр. 114). Намечая в $ПМ_2$ конфликт между Флигель-адъютантом и Мышкиным, Достоевский записал: «В пятой части скандал Князя должен быть слишком крупен. Публичное оскорбление (жена Ч⟨ернышевско⟩го). Объяснение Князя, Флигель-адъютанта, почти дуэль» (см. стр. 260). В окончательной редакции приведенной записи соответствует сцена публичного оскорбления Настасьи Филипповны офицером — приятелем Радомского. Написана она, как установил Назиров, в значительной мере по аналогии с подлинным происшествием, о котором в отчете III Отделения за 1862 г. сообщалось: «В Павловске 10 июня при выходе из вокзала адъютант Образцового кавалерийского эскадрона ротмистр лейб-гвардии уланского полка Любецкий, приняв по ошибке двух дам за женщин вольного обращения, оскорбил их. Бывшие при них четыре студента окружили Любецкого и, угрожая ему мщением, объявили, что одна из этих дам — жена литератора Чернышевского, а другая — сестра ее. Любецкий через родственников их и полицеймейстера просил извинения, но муж Чернышевской ⟨...⟩ домогался отдать дело на суд общества офицеров» (см.: *Назиров,* стр. 122; *Чернышевский,* т. XIV, стр. 451—453, 833).

В письме к А. Н. Майкову от 20 марта (2 апреля) 1868 г., настаивая на «совершенной верности характера Настасьи Филипповны», Достоевский говорит о том, что «многие вещицы в конце 1-й части — взяты с натуры, а некоторые характеры — просто портреты, н⟨а⟩п⟨ример⟩ генерал Иволгин, Коля». Это свидетельство писателя ныне находит подтверждение. Занимаясь изучением московских «реалий» «Идиота», Г. А. Федоров установил, что на Ваганьковском кладбище, которое упоминается в романе, «существовала могила некоей Настасьи Филипповны Рогожиной». По его же мнению, в судьбе Настасьи Филипповны, в ее отношениях с Тоцким и Рогожиным нашли отражение факты из жизни М. П. Куманиной (урожд. Веденисовой). Ранние годы ее жизни (как и Настасьи Филипповны) прошли в имении Отрадное. Веденисова тоже была сиротой и воспитывалась в доме своего опекуна В. А. Куманина (он был братом дяди Достоевского и, вероятно, послужил прототипом А. И. Тоцкого). Опекун впоследствии выдал ее за своего племянника К. К. Куманина. До развода с ним Веденисова жила в мрачном купеческом доме, напоминавшем рогожинский. Муж Веденисовой мог явиться в какой-то мере прототипом Рогожина (последняя фамилия вошла в роман как «живая купеческая фамилия») (см. подробнее: Г. Федоров. Москва Достоевского. *ЛГ*, 1971, 20 октября, № 43 (4329), стр. 7).

Одним из истоков образа Рогожина стали «документальные» записки «Листки из памятной книжки» А. П. Милюкова, которые до отдельного издания («Доброе старое время. (Очерки былого)». СПб., 1872) печатались в журналах Достоевского «Время» и «Эпоха». Милюков рассказывает, в частности, историю фабриканта К., «удивившего коммерческую Москву небывалым уменьем спускать миллионы»: «Всё воспитание этого молодого человека ограничилось тем, что его научили кое-как читать, писать и выкладывать на счетах. Не позволялось ему ни выходить из дому, ни заводить знакомств; о развлечениях и удовольствиях не было и речи. Говорили, что однажды отец беспощадно его высек и несколько дней продержал на хлебе и воде в пустом амбаре за то, что он как-то осмелился сходить с приказчиком в театр». Став по смерти отца обладателем двенадцати или тринадцати миллионов, он «закрутился в толпе импровизированных приятелей, цыганок и танцовщиц; полилось шампанское, загремели песельники, явились тройки и рысаки — и через три года москвичи прочли в „Ведомостях", что купец К... за неплатеж гильдейского капитала выписывается в мещане». По рассказу Милюкова, отец К. был «настоящим патриархом всех московских гарпагонов» и в несколько лет «терпением и скупостию нажил более десяти миллионов». «Скаредность его была баснословная», — пишет он (отмечено Р. Г. Назировым; ср. со словами Мышкина о Рогожиных: «... ты, пожалуй, точь-в-точь как твой отец бы стал, да и в весьма скором времени ⟨...⟩ только деньги молча и сумрачно наживая» — см.: наст. изд., т. VIII, стр. 178).

Можно полагать, что образ Ардальона Александровича Иволгина «в существенных чертах характера близок к реальному прототипу» — Ф. Л. Холчин-

скому, деду Е. А. Штакеншнейдер. Достоевский бывал в доме архитектора Штакеншнейдера уже в 1860 г., после возвращения в Петербург, и мог часто видеть и слышать Федора Лаврентьевича (умер Холчинский 7 января 1861 г.). Из фактов биографии «несравненного рассказчика» и «статского генерала» особенно важна увлеченность фигурой Наполеона: «Еще в молодости он перевел с немецкого книгу „Наполеон Бонапарте и французский народ" (СПб., 1806) и с французского — сочинение генерала Жомини „Рассуждение о великих военных действиях, или Критическое и сравнительное описание Фридриха и Наполеона" (в восьми частях, СПб., 1809—1811). ⟨...⟩ Это был типичный для николаевской эпохи романтик войны, воинственный обыватель, в мечтах своих влияющий на судьбы царств. На старости лет этот человек с его претензией на участие в истории должен был выглядеть несколько комичным. Нам кажется, — пишет исследователь, — острый взор Достоевского улавливал эту комическую сторону необыкновенных историй Федора Лаврентьевича...». У Холчинского был внук, Коля Штакеншнейдер (брат мемуаристки) — «любознательный и живой подросток, друживший с Всеволодом Крестовским, тогда еще студентом, как в романе „Идиот" Коля Иволгин дружит с Ипполитом Терентьевым». Назиров справедливо подчеркивает, что приведенные выше слова Достоевского о «портретности» этих персонажей не следует понимать буквально. Создавая образ А. А. Иволгина, «писатель по-своему отобрал и сгустил черты реального лица; гиперболизировал его страсть к рассказыванию удивительных историй, дополнил его нравственный облик старческой клептоманией и даже наделил содержанкой».[1]

Живя за границей, Достоевский в письмах не раз высказывал опасение, что утрачивает связь с родиной. Он часто жаловался своим корреспондентам на то, что вне России «положительно не работается». «Точно рыба без воды; сил и средств лишаешься», — признавался он А. Н. Майкову в письме от 16 (28) августа 1867 г. Поэтому с особенным вниманием Достоевский читал в этот период русские газеты. «В каждом нумере газет вы встречаете отчет о самых действительных фактах и о самых мудреных, — писал он из Флоренции по окончании «Идиота». — Для писателей наших они фантастичны; да они и не занимаются ими ⟨...⟩. Кто ж будет отмечать факты и углубляться в них?» (см. письмо к Н. Н. Страхову от 26 февраля (10 марта) 1869 г). Газетный материал, «разъясненный», «углубленный», а иногда значительно трансформированный Достоевским, и стал тем живым, реальным фоном, на котором развертываются события романа. Как установила В. С. Дороватовская-Любимова, факты, перенесенные в роман из прессы (чаще всего из уголовной хроники), всегда точно приурочивались писателем к тому времени, когда они обсуждались в печати. Это «сообщало характер правдоподобия, давало иллюзию действительного события роману Достоевского, что, вероятно, особенно ощущалось современниками...». На всем протяжении романа между Мышкиным и героями газетных хроник «происходит ⟨...⟩ нравственная борьба, ведется долгий спор, который, несмотря на гибель героя, кончается его нравственной победой» (см.: *Дороватовская-Любимова*, стр. 51).

Образ Рогожина был задуман Достоевским, как выяснила В. С. Дороватовская-Любимова, после ознакомления с судебным делом московского купца В. Ф. Мазурина, убившего ювелира И. И. Калмыкова. Первые сообщения об этом убийстве были напечатаны в столичных газетах еще в марте 1867 г., до отъезда писателя за границу. Вслед за ними в течение месяца в прессе появлялись новые сведения о подробностях преступления. Суд над Мазуриным состоялся в ноябре 1867 г. 26 ноября отчет о процессе был опубликован в «Московских ведомостях» (№ 259), а 29 ноября — в «Голосе» (№ 330). Именно в эти дни Достоевский начал обдумывать вторую (окончательную) редакцию «Идиота».

---

[1] См.: Р. Г. Назиров. О прототипах некоторых персонажей Достоевского. *Материалы и исследования*, стр. 210—211.

Мазурин (подобно Рогожину) принадлежал к известной купеческой семье, был потомственным почетным гражданином, владельцем доставшегося ему от отца двухмиллионного капитала. Дом Мазурина в Москве также находился на людной торговой улице (на углу Мясницкой и Златоустинского переулка). После смерти отца дом перешел во владение матери. Здесь-то 14 июля 1866 г. Мазурин совершил свое преступление и скрыл труп убитого. Калмыков был зарезан бритвой, крепко связанной бечевою, «чтобы бритва не шаталась и чтобы удобнее было ею действовать». Вечером того же дня Мазурин накрыл труп купленной им американской клеенкой и поставил рядом два поддонника и две миски со ждановской жидкостью (так называлась — по имени ее изобретателя Н. И. Жданова — жидкость, употреблявшаяся для дезинфекции и уничтожения зловония). В магазине купца, где было совершено убийство, полиция нашла также нож со следами крови, купленный Мазуриным «для домашнего употребления». Как и герой Достоевского, Мазурин был приговорен к 15 годам каторги.

Действие «Идиота» начинается в среду, 27 ноября 1867 г. Таким образом, по замыслу Достоевского, Настасья Филипповна прочла дело Мазурина в газетах за день до того, когда в жизнь ее вошли князь Мышкин и Рогожин (или утром того же дня). «В этот день в памяти ее запечатлелось и потом потянулось за ней на протяжении всего романа как постоянно сопутствующий ей мотив преступление Мазурина. Мрачный и скучный дом Рогожина ⟨...⟩ вызвал в ее воображении другой дом в Москве, в запертом нижнем этаже которого восемь месяцев лежал покрытый американской клеенкой труп ⟨...⟩. Настасья Филипповна нарисована Достоевским так, что рядом с нею всегда возникают два видения — убийцы Рогожина и его первообраза — убийцы Мазурина» (см.: *Дороватовская-Любимова,* стр. 38; *Г*, 1867, №№ 64, 66, 68, 73; *МВед,* №№ 48, 49).

Неоднократно упоминаются в романе и герои двух других уголовных процессов — В. Горский и А. Данилов. В «Голосе» от 10 марта 1868 г. (№ 70) Достоевский прочел сообщение из Тамбова о том, что в доме купца Жемарина убито шесть человек: жена Жемарина, его мать, 11-летний сын, родственница, дворник и кухарка. Подробности преступления, раскрытые следствием, освещались в «Голосе». Убийцей оказался 18-летний дворянин Витольд Горский — гимназист, дававший уроки сыну Жемариных. По отзывам учителей и товарищей, это был умный юноша, любивший чтение и литературные занятия. Задумав преступление, Горский заблаговременно достал не совсем исправный пистолет и починил его у слесаря. По специально сделанному рисунку он заказал у кузнеца нечто вроде кистеня, объяснив, что подобный предмет необходим ему для гимнастики. Католик по вероисповеданию (он был поляком по национальности), Горский признал себя на суде неверующим. Достоевскому он казался характерным представителем той части молодежи, на которую «нигилистические» теории 1860-х годов имели, по убеждению писателя, отрицательное влияние. Жемарин на суде доказывал, что «преступление совершено Горским с политическою целью», так как он «воспитывался под влиянием поляков» (*Г*, 1868, № 128). Но Жемарин не смог подтвердить этого обвинения, и суд отказался от выдвинутой им версии.

Сообщения о преступлении дворянина А. М. Данилова, 19-летнего студента Московского университета, появились в газетах в середине января 1866 г., в момент печатания начальных глав «Преступления и наказания»; газеты продолжали возвращаться к этому делу до середины 1868 г. (*Г*, 1866, № 22; 1867, №№ 24, 49, 52, 66, 303; 1868, №№ 77, 110, 115 и др.). Данилов обвинялся в убийстве и ограблении ростовщика — отставного капитана Попова и его служанки Нордман. Суд над Даниловым состоялся 14 февраля 1867 г. Он был признан виновным и приговорен к 9 годам каторжных работ. За процессом Данилова Достоевский следил с исключительным интересом, усматривая вместе с современниками в личности преступника нечто родственное Раскольникову (см.: наст. изд., т. VII, стр. 349—350). В газетных сообщениях много говорилось о незаурядной внешности Данилова, его уме, образованности, о его спокойной манере держаться на суде.

После 22 ноября 1867 г. (Достоевский обдумывал в эти дни новый вариант романа) стали известны дополнительные обстоятельства преступления, особенно поразившие воображение писателя. По показаниям арестанта Матвея Глазкова, которого убийца вынуждал принять на себя его вину, Данилов совершил убийство после разговора с отцом. Сообщив ему о своем намерении жениться, Данилов получил совет «не пренебрегать никакими средствами и для своего счастья непременно достать деньги, хотя бы путем преступления». Так отец стал сообщником в убийстве.[1]

Факты из газетной хроники нашли отражение и в рассказе Мышкина Рогожину о преступлении, совершенном «по молитве». В записной тетради к «Идиоту» (№ 4), на отдельной странице (с. 87), озаглавленной «Заметки, заметки посторонние», Достоевский записал: «N3. *Смотри* „Московские ведомости", [Дело] от *ноября [№] 5-го* 1867. Дело об убийстве мещанина Суслова крестьянином Ярославск⟨ой⟩ губерн⟨ии⟩, Мышкинского уезда, Балабановым. (Зарезал за часы Суслова, раздувавшего самовар [«Господ⟨и⟩»], со словами: «*Господи, прости ради Христа*»)». В «Московских ведомостях» от 5 ноября 1867 г. (№ 243) нет сообщения о подобном убийстве. В. С. Дороватовская-Любимова установила, что случай, на который обратил внимание Достоевский, произошел в Петербурге и был описан не в «Московских ведомостях», а в «Голосе» (1867, 30 октября, № 300). Здесь сообщалось, что Балабанов, выполнивший работу для акушера Штольца, жившего на Петербургской стороне, пришел к нему за деньгами и познакомился тогда же со служившим у акушера Сусловым. Во время его вторичного посещения Штольца не оказалось дома. Суслов, по-приятельски выпивавший с Балабановым, показал ему свои серебряные часы и просил их завести. «В это время у Балабанова и явилась мысль убить Суслова, завладеть его часами, сбыть их рублей за 8 и на эти деньги уехать в деревню, где у него остались в большой бедности жена и четверо детей. Когда Суслов принялся ставить самовар, Балабанов взял со стола кухонный нож, подошел к Суслову и со словами: „*Благослови, господи, прости Христа ради*" — перерезал ему горло. ⟨...⟩ Через несколько дней он был арестован и по суду приговорен к 11 годам каторжных работ» (см.: *Дороватовская-Любимова*, стр. 49).

«Балабанов, пришедший в Петербург на заработок, потому что в деревне „кормиться нечем, хлеба нет", и зажиточный крестьянин Достоевского, убивший только потому, что ему очень понравились часы, — разные типы, и мотивы преступления их различны», — справедливо отметила исследовательница (см. там же). Достоевский изменил обстоятельства преступления, желая выдвинуть на первый план нравственно-религиозное состояние убийцы перед совершением злодеяния. По мнению Достоевского, этот случай, как и два других, о которых рассказывает Рогожину Мышкин, свидетельствовали, что «сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие проступки и преступления ⟨...⟩ не подходит» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 184).

Ряд страниц романа насыщен полемикой с революционной мыслью 1860-х годов. Прежде всего это относится к VII—X главам второй части, которые Достоевский в письме к А. Н. Майкову от 22 июня (4 июля) 1868 г. назвал «эпизодом современных позитивистов из самой крайней молодежи» (посещение князя Мышкина компанией Бурдовского). Здесь содержатся полемические выпады, направленные против идей революционно-демократической журналистики, против материализма и атеизма; попутно задеваются также «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, «Искра», эпиграмма М. Е. Салтыкова-Щедрина (см. реальный комментарий, стр. 443—444). В центре эпизода — чтение «газетного» фельетона, «обличающего» Мышкина. Как установила В. С. Дороватовская-Любимова, первая часть фельетона представляет собой — по содержанию и стилистическим приемам — пародию на статьи, помещавшиеся в «Искре», в отделе «Нам пишут», который вел видный сотрудник журнала М. М. Стопановский. Для корреспонденций Стопановского были

[1] Об отражении в романе дела Горского и Данилова см. подробнее: *Дороватовская-Любимова*, стр. 44—48.

характерны многочисленные авторские реплики в скобках, иронически оценивающие излагаемые события. Эта их особенность «легко могла соблазнить на пародию». В статье Келлера история «положительно прекрасного человека» оказалась перекроенной «по обличительному трафарету» (см.: *Достоевский и шестидесятники*, стр. 29—30).

Во второй части фельетона, в рассуждениях о том, чем должен был бы руководствоваться человек, поступающий «по справедливости», есть иронические намеки на теорию «разумного эгоизма» в интерпретации Чернышевского и других шестидесятников: «...так как *я прежде всего человек расчетливый* и слишком хорошо понимаю, что это дело не юридическое, то я половину моих миллионов не дам. Но по крайней мере уж слишком низко и бесстыдно *(отпрыск забыл, что и не расчетливо)* будет с моей стороны, если я не возвращу теперь тех десятков тысяч, которые пошли на мой идиотизм от П., его сыну» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 220; курсив наш, — *Ред.*). Сторонником теории «здравого смысла» является и племянник Лебедева, персонаж, очерченный Достоевским с особой антипатией (Мышкин называет его про себя «гадким и вседовольным прыщиком», Лебедев же считает убийцей «будущего второго семейства Жемариных»). Сопоставление компании Бурдовского с Горским и Даниловым продиктовано убеждением Достоевского, сложившимся еще в пору работы над «Преступлением и наказанием», что материалистические теории, которые были распространены в демократической части русского общества, легко могли быть использованы в своем вульгаризированном, «уличном» варианте для оправдания преступлений, вели к «шатанию мысли», к разрушению не только старых, традиционных, но и вообще всяких положительных нравственных устоев (см. подробнее: *Достоевский и шестидесятники*, стр. 54—56; *Фридлендер*, стр. 253—254; ср.: наст. изд., т. VII, стр. 338—340).

Другой эпизод, насыщенный откликами на идейную борьбу эпохи, — сцена толкования Лебедевым Апокалипсиса в день рождения князя (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 309—312). Высказываясь против «научного и практического» настроения человечества XIX в., — настроения, символом которого являются «железные дороги» и «телеги, подвозящие хлеб голодному человечеству», Лебедев отзывается на спор между А. И. Герценом и В. С. Печериным, отраженный в их переписке 1853 г. [1] В своих письмах к Герцену Печерин, признавая, что буржуазное общество несет с собой «тиранство» материальной цивилизации и падение духовной жизни, делал отсюда вывод, что спасением для человечества является не наука, а религия. В противоположность Печерину, стоявшему в своей критике буржуазной цивилизации на романтической точке зрения, Герцен доказывал, что наука, техника, промышленность, создаваемые буржуазным обществом, являются величайшими прогрессивными рычагами общественного развития, которые помогут человечеству освободиться от власти угнетателей. «И чего же бояться? — писал он. — Неужели шума колес, подвозящих хлеб насущный толпе голодной и полуодетой?» (см.: *Герцен*, т. XI, стр. 402). Общественное неравенство, подчеркивал Герцен, является подлинной причиной угнетения трудящихся, а не наука, техника, промышленность, которые несут избавление страдающему человечеству.

Солидаризируясь с «удалившимся мыслителем» Печериным, Лебедев в романе выступает против герценовской веры во всесилие научного знания. Подобно Печерину он защищает религию как необходимую основу нравственной жизни общества (см.: *Борщевский*, стр. 164—173; С. Д. Лищинер. Герцен и Достоевский. Диалектика духовных исканий. *РЛ*, 1972, № 2, стр. 55—56).

---

[1] Переписка эта была впервые опубликована А. И. Герценом в «Полярной звезде» на 1861 г. (кн. 6, стр. 259—272) и вошла в главу «Pater V. Petcherine» «Былого и дум». О чтении Достоевским в Дрездене в 1867 г. «Былого и дум» и «Полярной звезды» см.: *Достоевская, Дневник*, стр. 17, 29, 46, 177.

Многозначность заглавия романа обретала всё бо́льшую глубину при переходе Достоевского ко второй редакции произведения. Основными для понятия «идиот» (от греч. ἰδιώτης — букв. отдельный, частный человек) являются такие значения, как «несмысленный от рожденья», «малоумный», «юродивый» (см.: *Даль,* т. II, стр. 4). В «Карманном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемом Н. Кирилловым» (вып. I, СПб., 1845, стр. 75, 76) специально поясняется, что современное толкование слова подразумевает человека «кроткого, не подверженного припадкам бешенства, которого у нас называют дурачком, или дурнем».[1] Указанные значения слова своеобразно оттеняются в романе, подчеркивая всю необычность облика Мышкина. Но более существенна связь заглавия с литературной традицией, восходящей к средневековью, когда идиотом нередко называли человека не слишком образованного или вообще далекого от «книжной премудрости», но наделенного идеальными чертами и глубокой духовностью. Идиот был типическим героем тогдашней литературы, которому открывались пути приобщения к высшим тайнам бытия.[2]

Создавая образ Мышкина, писатель стремился изобразить реального современного человека, который, однако, по красоте и совершенству приближался бы к тому высшему идеалу человеческой личности, каким он с ранних лет считал личность Христа. 10 апреля н. ст. 1868 г. Достоевский отметил для себя в *$ПМ_2$*: «Евангелие Иоанна Богослова». Сразу же после этого писатель зафиксировал сложившуюся мысль: «Князь Христос». Скорее всего эта запись является хронологически первой, так как аналогичная заметка на полях с. 102, заполненной 9 апреля, написана очень сходным почерком, отличающим ее от основного текста страницы. Вероятно, она появилась уже при перечитывании записей, сделанных накануне. Между 10 и 13 апреля Достоевский, размышлявший над тем, какое «поле действия» избрать для главного героя, отметил еще раз: «Князь Христос» — и затем перешел к уточнению отдельных моментов фабулы. Повторенное трижды в очень короткий временной промежуток решение наделить героя чертами евангельского Христа свидетельствовало о стремлении придать бо́льшую значимость одной из главных идей, одухотворявших замысел Достоевского. А. С. Долинин заметил, что рассказ о Мари в VI главе первой части романа написан по несомненной, хотя и отдаленной ассоциации с евангельской историей Марии Магдалины (см.: *Д, Письма,* т. I, стр. 13—14). Чувство сострадания, которое князь испытывал к согрешившей Мари, станет преобладающим и в отношении

---

[1] Словарь этот еще во второй половине 1840-х годов был в поле внимания писателя (см.: А. С. Долинин. Достоевский среди петрашевцев. *Звенья,* т. VI, стр. 512—513, 542).

[2] См. об этом: Р. И. Хлодовский. Ренессансный реализм и фантастика. (Попытка аналитического прочтения нескольких новелл «Декамерона»). В кн.: Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. Изд. «Наука», М., 1967, стр. 101—105. — Обозначение «Идиот», под которым фигурирует в подготовительных материалах герой и которое впоследствии стало заглавием романа, обретя в нем углубленный философский смысл, могло быть подсказано романисту и пьесой под этим названием, которая шла в Москве и Петербурге в 1850—1860-х годах. Это была мелодрама неизвестного автора «Идиот, или Гейдельбергское подземелье» (перевод с французского В. И. Родиславского). Один из героев мелодрамы, Эдгар, шестилетним ребенком был заключен в подземелье, где прожил шестнадцать лет, лишившись дара речи. В дальнейшем врач возвращает его к осмысленной жизни, но в результате трагических переживаний он сходит с ума. Хотя фабула этой пьесы не имеет точек соприкосновения с сюжетом романа Достоевского, указанные моменты биографии Эдгара могли повлиять на соответствующие черты образа Идиота в подготовительных материалах и окончательном тексте романа.

Мышкина к Настасье Филипповне. И не случайно та же ассоциация вновь возникла у Достоевского, когда он впервые набросал сцену соперниц (запись от 9 марта н. ст. 1868 г., стр. 217). Узнав, что Настасья Филипповна оставила Рогожина, но бежала и от князя, Аглая говорит: «... это подло играть роль Магдалины». Сцену, завершающую отношения Мышкина и Настасьи Филипповны, писатель задумал по прямой аналогии с «евангельским прощением в церкви блудницы» (стр. 235), т. е. эпизодом Евангелия от Иоанна (гл. 8, ст. 1—7), когда фарисеи и книжники приводят в храм женщину, виновную в прелюбодеянии, а Христос на вопрос о том, нужно ли наказать ее по закону Моисея, отвечает: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень». Достоевский упомянул об этом эпизоде еще в «Неточке Незвановой»: в первой редакции Александра Михайловна особенно настойчиво сближалась с грешницей, отпущенной Христом без осуждения. И позднее писатель не раз возвращался к той же евангельской ситуации — см., например, подготовительные материалы к роману «Подросток» (наст. изд., т. XIV). Записи, прямо касающиеся названной сцены, в черновиках к «Идиоту» появляются 16 и 20 марта, 15 апреля, в половине июня, а затем 4 и 15 октября н. ст. 1868 г. (см. стр. 235, 239, 257, 258, 276, 283). Судя по этим наброскам — особенно поздним, она должна была, по замыслу писателя, наиболее полно раскрыть высоту духовного облика Мышкина: «$N3_2$. *Сцена во храме* выставляет всего Князя», — отметил Достоевский 15 октября. В тот же день в записи «*Из главного*» сущность эпизода была раскрыта более подробно. Действие (как и в Евангелии) должно было происходить в церкви «наедине между Князем и Н⟨астасьей⟩ Ф⟨илипповной⟩»: «Князь, вынеся во всё это время *скандала* ужасные мучения от *сошедший с ума* Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩, наконец в утро брака говорит с ней по сердцу: Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩, и в отчаянии и в надежде, обнимает его, говорит, что она недостойна, клянется и обещается. ⟨...⟩ Князь вдруг *пьедестально* высказывается» (стр. 284). «Прощение во храме» не вошло в окончательную редакцию. Но в X главе четвертой части Достоевский «от автора» передает состояние Настасьи Филипповны и Мышкина в дни, предшествовавшие их несостоявшейся свадьбе, и в момент последнего свидания очень близко к приведенному фрагменту плана. «Пьедестальное» же высказывание князя в храме писатель заменил проникновенной речью Мышкина, обращенной к Аглае во время свидания на зеленой скамейке. Начало этой речи прямо восходит к Евангелию: «О, не позорьте ее, не бросайте камня». (Эпизод был написан в октябре). Определяя главное во «взгляде на мир» «Князя Христа», писатель подчеркнул: «...он всё прощает, видит везде причины, не видит греха непростительного и *всё* извиняет» (стр. 218). В набросках ко второй части основное убеждение князя выражает афористическая запись: «Сострадание — всё христианство» (стр. 270). В окончательной редакции романа эта мысль приобрела еще большую значительность: «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 192).

В романе звучит мысль о том, что, по убеждению князя, Настасья Филипповна «чиста», «не виновата», достойна не только сострадания, но и уважения (см. там же, стр. 138—144 и др.). Мысль эта (с явной ориентацией на евангельский первоисточник, но и со значительным отступлением от него) была зафиксирована в черновой записи от 15 апреля 1868 г., где Настасья Филипповна напоминает князю: «⟨...⟩ ты меня реабилитировал, говорил, что я *без греха*, и то, и то...» (см. стр. 258). В окончательный текст писатель также ввел реплику героини, в которой явствен отзвук новозаветной ситуации, но слова Христа не столь резко переосмыслены. Во время встречи соперниц Настасья Филипповна упрекает Мышкина: «Да не ты ли же, князь, меня сам уверял ⟨...⟩ что ты меня любишь, *и всё мне прощаешь, и меня у ... ува... Да, ты и это говорил!*» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 474; здесь и выше курсив наш, — *Ред.*). Евгений Павлович Радомский, неспособный понять сердцем отношения Мышкина к Настасье Филипповне, прямо ссылается на евангельскую сцену и негодует: «Как вы думаете: во храме прощена была женщина, такая же женщина, но ведь не сказано же ей было, что она хорошо делает, достойна всяких поче-

стей и уважения? ⟨...⟩ Да до чего же после того будет доходить сострадание?» (см. там же, стр. 482).

Экземпляр Евангелия, подаренный Достоевскому в Тобольской пересыльной тюрьме женами декабристов и бывший с ним на каторге, свидетельствует об особом интересе и внимании Достоевского к Евангелию от Иоанна.[1] Многие пометы на этом экземпляре Евангелия (*ГБЛ*, ф. 93, I. 5в,1) — часть их приведена в седьмом томе настоящего издания (стр. 386—387), — сделанные в период после каторги и в 1860-х годах, относятся к сценам и эпизодам, сюжетно и тематически близким к роману «Идиот», или выделяют созвучные ему мысли (гл. 4, 8, 9, 10, 13, 15). Возможно, они возникли в период обдумывания планов или разработки соответствующих эпизодов романа. Для осмысления истоков мировосприятия Мышкина важны маргиналии Достоевского, выделяющие главную идею четвертого Евангелия: «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга. Как я возлюбил вас, *так* и вы да любите друг друга» (гл. 13, ст. 34; отчеркнуты и строки, почти дословно повторяющие эту мысль, — гл. 15, ст. 12—16).[2] Глубоко своеобразное понимание Достоевским «сущности христианства», которое отразили и эти пометы, и вся концепция «Идиота», было в 1870-х годах подмечено К. Н. Леонтьевым и не раз вызывало его гнев и раздражение как сторонника официальной церкви. По его мнению, заветные идеи Достоевского — «любовь, гармония», «Христос — *только* прощающий» — суть не что иное, как моральный идеализм, измена настоящей религии, никуда не годные «прибавки к вере», «„исправления“ XIX века».[3]

Обдумывая образ «Князя Христа», Достоевский исходил не только из Евангелия; он учитывал сочувственно или полемически многочисленные позднейшие трактовки этого образа в литературе и искусстве, а также в современной ему философско-исторической науке.[4] В частности, как отметила Д. Л. Соркина, известную роль при создании образа Мышкина сыграли размышления Достоевского над «Жизнью Иисуса» (1863) французского писателя, философа и историка Э. Ренана (1823—1892), имя которого Достоевский трижды упоминает в подготовительных материалах к роману.

---

[1] На него сослался Достоевский еще 1 (13) января 1868 г., раскрывая в письме к С. А. Ивановой идею своего замысла. Именно в этом памятнике «литературы христианской» подобная идея была претворена с истинной полнотой, считал Достоевский. Четвертое Евангелие, по его словам, с наибольшей глубиной воссоздает «безмерно, бесконечно прекрасное лицо» Христа и «всё чудо находит в одном воплощении, в одном появлении прекрасного».

[2] Писатель тщательно отмечал ту же идею и в «Первом соборном послании» Иоанна Богослова. Четвертая глава, где проповедь любви звучит с наибольшей силой, отмечена карандашным крестом и на полях отчеркнуты проникнутые единой мыслью стихи: 6—8 (слова ст. 6: «По сему то ...» — подчеркнуты Достоевским прямо в тексте), 10—12 (последний — двойной чертой), а также 19—21. О других пометах писателя в тексте Нового завета см. ниже, стр. 434, 447—448.

[3] См. письмо К. Н. Леонтьева к В. В. Розанову от 24—27 мая 1891 г. (*РВ*, 1903, № 5, стр. 165, 163). О «христологии» Достоевского см. также: R. Przybylski. Dostojewski i «przeklete problemy». Warszawa, 1964, p. 218—246; В. Туниманов. Роман о прекрасном человеке. В кн.: Ф. М. Достоевский. Идиот. Гослитиздат, М., 1971, стр. 626—629.

[4] Творческим контактам Достоевского с народной легендой посвящена статья Л. М. Лотман, в которой высказывается мысль о том, что «внутренняя сопоставленность» Мышкина «с идеальным „сверхтипом“ Христа определяет символико-фантастический ореол этого образа, создающий почву для его сближения с героем легенды». В частности, исследовательница соотносит легенду о побратимстве с Христом, опубликованную в 1860-е годы в сборниках А. Н. Афанасьева и Н. И. Костомарова, с эпизодом братания Мышкина с Рогожиным (см. подробнее: Л. М. Лотман. Романы Достоевского и русская легенда. *РЛ*, 1972, № 2, стр. 132—136).

Достоевский прочел «Жизнь Иисуса» вскоре после выхода[1] в связи с той ожесточенной полемикой (безусловно ему известной), которую книга вызвала в России и за рубежом — как в клерикальной, так и в литературной среде.[2] За границей, в период работы над «Идиотом», писатель вновь перечитывал Ренана (см.: *Достоевская, Дневник*, стр. 66). Замысел последнего — воссоздать жизнь Иисуса на основе критической переработки Евангелия, с учетом данных современной истории и археологии, не мог не заинтересовать Достоевского, хотя в целом созданный Ренаном образ Христа не был для него приемлем вследствие «безверия» французского писателя.

Черновые материалы к роману дают возможность довольно точно оценить значение книги Ренана в творческой истории «Идиота». Первое прямое упоминание о «Жизни Иисуса» (в $ПМ_1$) относится к началу ноября 1867 г., а последующие (в $ПМ_2$) — к половине сентября 1868 г. Сентябрьские записи однородны по смыслу: Достоевский намечал сцену визита генеральши Епанчиной к Мышкину (ср.: наст. изд., т. VIII, стр. 263—268). При этом генеральша предлагает князю для беседы с Аглаей тему: Христос в книге Ренана (см. стр. 281). Мнение князя о произведении Ренана в основе своей совпало бы, вероятно, с более поздним высказыванием о нем самого Достоевского. Во II главе «Дневника писателя» за 1873 г. («Старые люди») автор «Идиота» говорит, что в своей «полной безверия книге» Ренан был всё же вынужден преклониться перед «сияющей личностью» Христа и признать, что Христос «есть идеал красоты человеческой, тип недостижимый, которому нельзя уже более повториться, даже и в будущем». В этих словах Достоевский верно передает общий пафос французской книги: во все века не будет «среди сынов человеческих более великого, чем Иисус» (см.: *Renan*, p. 259). И в то же время писатель возвращается мыслью к собственному «символу веры», сложившемуся более чем за 10 лет до появления «Жизни Иисуса». Сразу по выходе из острога Достоевский так писал о своем (в некоторых моментах близком ренановскому) восприятии Христа: «... я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки». И дальше он говорит о своем преклонении перед *личностью* Христа, перед лучезарностью его *человеческих* черт: «... нет ничего прекраснее, глубже, симпа⟨ти⟩чнее, разумнее, мужественнее и совершеннее ⟨...⟩ и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины и *действительно* было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (см. письмо к Н. Д. Фонвизиной от двадцатых чисел февраля 1854 г.). Комментируя это письмо, А. С. Долинин высказал мысль, что «символ веры», выраженный посредством антитезы «Христос и истина», является весьма характерным для идеологии Достоевского (см.: *Д, Письма*, т. I, стр. 513). Эта антитеза отразилась и в черновиках «Идиота». 2 ноября н. ст. 1867 г. Достоевский написал о герое $ПМ_1$: «Христианин и в то же время не верит. *Двойственность глубокой натуры.* ⟨...⟩ Разговоры и вечера у Жены, Идиота, Умецкой и Сына. „Как можно после этаких разговоров *не верить!*“» (см. стр. 185). Несколько ранее в той же записи зафиксировано, по-видимому, начало одного из разговоров: «В Швейцарии — мы там часто Евангелие читали, и я после книги Ренана доктора спросил про *крест*». Смысл вопроса про крест, как и сопоставление Евангелия с «Жизнью Иисуса», делаются ясными из другого фрагмента на той же странице. Достоевский записал часть разговора Идиота с Умецкой. Запись начинается репликой героя: «Но что казнь на кресте рассудок расстран-

---

[1] См.: Д. Л. Соркина. Об одном из источников образа Льва Николаевича Мышкина. «Ученые записки Томского гос. университета». Вопросы художественного метода и стиля. 1964, № 48, стр. 145—151.

[2] Косвенным подтверждением этого является упоминание о книге Ренана в «Бесах»: Достоевский пишет, что Степан Трофимович Верховенский прочел «Жизнь Иисуса» «лет семь назад» (см.: наст. изд., т. X). Следует отметить также, что в журнале Достоевского «Эпоха» (1864, № 7) был помещен перевод статьи Ренана «Древние религии».

вает. А он и рассудок победил». Видимо, под впечатлением от картины, нарисованной Ренаном в главе «Смерть Иисуса», Идиот спрашивал доктора, действительно ли казнь на кресте расстраивает рассудок. По мнению Ренана, Иисус умер внезапно, от апоплексии или от разрыва сосуда в области сердца: «За несколько мгновений перед тем, как испустить дух, голос его был еще твердым. Вдруг он испустил ужасный крик, в котором одни услыхали: „Отче, в руки твои предаю дух мой!“, а другие 〈...〉: „Свершилось!“» (см.: *Renan*, p. 246—247). На этом-то последнем мгновении земной жизни Христа сосредоточены были, по-видимому, раздумья неверующего христианина — героя первой редакции романа. В жажде верить он хотел бы, говоря с Умецкой, убедить себя в том, что на кресте распинали *бога*, который «и рассудок победил». Но впечатление от книги Ренана разрушает его надежду:

— Что ж, это чудо? — спрашивает Умецкая.

— Конечно чудо, а впрочем...

— Что?

— Был, впрочем, ужасный крик.

— Какой?

— Элой! Элой!

— Так это затмение.

— Не знаю — но это ужасный крик.

В изложении эпизода смерти Христа Достоевский (следуя Ренану) отступает от Евангелия, где слова «ужасный крик» отсутствуют. Однако последний возглас Иисуса он приводит не по Луке и Иоанну, как Ренан, а по Марку и Матфею: «Элой! Элой!» — начало восклицания «Элóй, Элóй! ламмá савахфанѝ?» («Боже мой! Боже мой! для чего ты меня оставил?»), являющегося цитатой из псалма (см.: Евангелие от Марка, гл. 15, ст. 34; от Матфея, гл. 27, ст. 46; Псалтырь, пс. 21, ст. 2).

Д. Л. Соркина отметила, что, подобно Ренану, Достоевский не лишил своего героя человеческих слабостей: князь часто находит в себе недостатки, которые видит в окружающих. «Он не был безгрешен, — писал автор «Жизни Иисуса», — он победил в себе те же самые страсти, с которыми боремся мы, никакой ангел божий не поддерживал его, но лишь собственная совесть, никакой демон не искушал его, кроме того, который живет в сердце каждого» (см.: *Renan*, p. 258). Следует добавить, что французский писатель имеет в виду евангельский сюжет: искушение Христа дьяволом. Искушение Христа не однажды упоминается в $ПМ_1$, в частности рядом с произведением Ренана, в записи от 2 ноября 1867 г. Скорее всего это тоже одна из тем разговоров Идиота с Умецкой и с Дядей; вероятно, писатель имел в виду и ренановское — психологическое — толкование. Во всяком случае в окончательную редакцию вошел очень настойчивый мотив «искушения» Мышкина «возмущающими нашептываниями» демона, вселившегося в его сердце. Князь пытается побороть «чудовищное», «унизительное» убеждение в том, что Рогожин замыслил его убийство, пытается победить «своего демона». Но «„внезапная идея“ его вдруг подтвердилась и оправдалась, и — он опять верил своему демону! 〈...〉 Странный и ужасный демон привязался к нему окончательно и уже не хотел оставлять его более» и т. д. (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 192—193).

При некоторых совпадениях с Ренаном столь же очевидны (и в окончательной редакции, и в черновых записях к ней) принципиальные расхождения писателя с автором «Жизни Иисуса». Миропонимание Мышкина в основе своей «антиренановское». С первых месяцев работы над окончательной редакцией многократно планировались высказывания Мышкина о Христе (в том числе, как говорилось выше, и о книге Ренана), которые содержали полемику с концепцией французского автора. Так, уже в начале апреля 1868 г. Достоевский записал: «Князь умирающему Ипполиту против атеизма: „Я не знаю“ — и возражения за Христа...» (стр. 241; см. также записи на стр. 222—224, 277 и др.). «Неверие и сомнения», мучившие Идиота $ПМ_1$, становятся трагическим уделом Ипполита. «Бунту» обреченного на смерть юноши Достоевский настойчиво противопоставляет мировосприятие своего «Князя Христа». В окончательную редакцию прямые упоминания о «Жизни Иисуса» не вошли. Но на первых страницах романа, в рассказе Мышкина

лакею о смертной казни, встречаем строки: «Что же с душой в эту минуту делается, до каких судорог ее доводят?» И несколько далее: «Кто сказал, что человеческая природа в состоянии вынести это без сумасшествия?» А в подтверждение истинности слов князя Достоевский ссылается не только на свой личный трагический опыт (ожидание расстрела за участие в кружке Петрашевского), но и на евангельскую сцену в Гефсиманском саду: «Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 20—21).

В $ПМ_1$ Идиот должен был, вслед за рассказом о смерти Иисуса, в том же разговоре с Умецкой упомянуть «о базельском Holbein Христе». Размышления над изображением мук Иисуса в книге Ренана ассоциировались у Достоевского с картиной «Мертвый Христос» (1521), вокруг которой концентрируются многие важные идеи романа.

«Возросший на Карамзине», Достоевский очень хорошо знал и любил «Письма русского путешественника» (см. об этом: *Достоевский, А. М.*, стр. 69; а также письмо Достоевского к Н. Н. Страхову от 2 (14) декабря 1870 г.). Из прочитанных не раз «Писем...» он мог получить первое представление об этой картине Гольбейна Младшего (1497—1543) — самом трагическом из символов романа. Карамзин подробно описывает, как «с большим примечанием и удовольствием» смотрел картины «славного Гольбеина». Отзыв Карамзина о «Мертвом Христе» близок толкованию этого полотна в романе Достоевского: «В Христе ⟨...⟩ не видно ничего божественного, но как умерший человек изображен он весьма естественно». И поясняя, сколь необычен этот образ, Карамзин добавляет, что, по преданию, Гольбейн писал картину с утопленника (см.: Н. М. К а р а м з и н. Избранные сочинения, т. I. М., 1964, стр. 208—209). Л. П. Гроссман высказал предположение, что запомнившиеся Достоевскому строки Карамзина вызвали у него желание непременно увидеть полотно Гольбейна (см.: *Гроссман, Биография*, стр. 411). А. Г. Достоевская рассказывает, как по дороге в Женеву они с мужем с этой целью специально остановились на сутки в Базеле (см.:*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 165). Произведение Гольбейна глубоко потрясло Достоевского (писатель видел его 12 (24) августа 1867 г. — см.: *Достоевская, Дневник*, стр. 366). Более двадцати минут он стоял перед картиной «как прикованный». Эти минуты духовного напряжения чуть было не разрешились эпилептическим припадком. Ему захотелось перед уходом из музея «еще раз зайти посмотреть столь поразившую его картину» (см: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 165). В примечании к соответствующей странице «Идиота» Анна Григорьевна констатировала тождественность восприятия «Мертвого Христа» писателем и его героем: «Он тогда же заметил, что от такой картины вера может пропасть» (см.: *Гроссман, Семинарий*, стр. 59; ср.: наст. изд., т. VIII, стр. 182).

Исследователем отмечалось, что один из евангельских эпизодов получил в романе на первый взгляд неожиданное истолкование. Рассказывая Мышкину о своем плане обогащения, Ганя не утаил от князя и главной своей мечты: «... чрез пятнадцать лет скажут: „Вот Иволгин, король иудейский“». В Новом завете царем иудейским именуют Христа (см., например, Евангелие от Матфея, гл. 2, ст. 2; гл. 27, ст. 11, 29, 37). В данном случае имеется в виду надпись, сделанная над головой распятого: «Сей есть Иисус, царь иудейский». Называя себя «королем иудейским», Ганя вкладывает в эти слова смысл «король биржи», «Ротшильд».

Переосмысление указанного евангельского эпизода в романе Достоевского перестает быть неожиданным, если вспомнить отрывок из книги Г. Гейне «К истории религии и философии в Германии»: «Бедный раввин назаретский, над умирающей головой которого язычник-римлянин начертал злорадные слова „царь иудейский“, этот увенчанный терниями и облаченный в издевательскую багряницу, этот осмеянный царь иудейский сделался в конце концов богом римлян, и они должны были преклониться перед ним! Подобно языческому Риму, был побежден и Рим христианский и стал даже данником. Если ты, дорогой читатель, в первых числах триместра отправишься на улицу Лафит, в дом № 15, то увидишь, как перед высоким подъездом из тяжеловесной кареты выходит толстый человек. Он поднимается по лестнице наверх

в маленькую комнату, где сидит молодой блондин, который, однако, старше, чем кажется с виду, в барской, аристократической пренебрежительности которого заключено нечто столь устойчивое, столь положительное, столь абсолютное, как будто все деньги этого мира лежат в его кармане. И в самом деле, все деньги этого мира лежат в его кармане. Зовут его мосье Джеймс де Ротшильд, а толстяк — это монсиньор Гримбальди, посланец его святейшества папы, от имени которого он принес проценты по римскому займу, дань Рима» (см.: Г. Гейне. Полное собрание сочинений, т. VII. Изд. «Academia», М.—Л., 1936, стр. 91—92).

Перевод книги Гейне (под названием «Черты из истории религии и философии в Германии») был напечатан в журнале Достоевского «Эпоха» (1864, №№ 1—3). Перевод этот, выполненный (или отредактированный), судя по двум примечаниям к нему, помеченным инициалами «Н. С.», Н. Н. Страховым, подвергся при публикации сильным сокращениям и искажениям цензурного характера. В частности, из процитированного отрывка в «Эпохе» была выброшена проводимая Гейне иронически-язвительная параллель между Ротшильдом и Христом. Однако Достоевскому, без сомнения, был известен полный текст книги Гейне, и он воспользовался ею в «Идиоте», где «оба культурно-исторических символа», намеченных у Гейне, — тема Ротшильда и тема Христа — получили новую, «русскую художественную интерпретацию в образах Гани Иволгина и князя Мышкина» (см.: *Фридлендер,* стр. 286—288).

Не менее важно, что царем иудейским именуется Ротшильд в гл. XXXIX пятой части «Былого и дум» (см.: *Герцен,* т. X, стр. 132, 138). В этой главе внимание Достоевского могло остановить и высказанное самим Герценом убеждение в том, что «деньги — независимость, сила, оружие» (ср. с монологом Гани Иволгина — наст. изд., т. VIII, стр. 105; см. об этом подробнее в комментарии Г. Я. Галаган к роману «Подросток» — наст. изд., т. XV).

Как отмечалось выше, наряду с образом Христа — евангельского и ренановского — в поле зрения Достоевского при создании образа Мышкина присутствовали многие литературные образы: Дон-Кихот Сервантеса, диккенсовский Пиквик, Жан Вальжан Гюго, пушкинский «рыцарь бедный». Особенно значительны в этом плане размышления писателя над «Дон-Кихотом», романом, который уже задолго до этого органически вошел в русскую литературную жизнь и получил множество интерпретаций; среди них наиболее известные принадлежат В. Г. Белинскому, Н. А. Добролюбову, И. С. Тургеневу, А. И. Герцену, Д. И. Писареву.[1]

В библиотеке Достоевского имелся полный французский перевод романа Сервантеса, принадлежавший Луи Виардо (см.: *Библиотека,* стр. 139). Писателю мог быть знаком и вышедший в 1866 г. перевод В. Карелина, один из лучших в XIX в. русских переводов романа. Свое восторженное отношение к роману Сервантеса Достоевский выразил в «Дневнике писателя» за 1877 год (сентябрь, глава II, § 1). «Здесь, — писал он, — подмечена великим поэтом и сердцеведцем одна из глубочайших и таинственнейших сторон человеческого духа. О, это книга великая, не такая, какие теперь пишут; такие книги посылаются человечеству по одной в несколько сот лет. И таких подмеченных глубочайших сторон человеческой природы найдете в этой книге на каждой странице. ⟨...⟩ Эту самую *грустную* из книг не забудет взять с собою человек на последний суд божий. Он укажет на сообщенную в ней глубочайшую и роковую тайну человека и человечества. Укажет на то, что величайшая красота человека, величайшая чистота его, целомудрие, простодушие, незлобивость, мужество и, наконец, величайший ум — всё это нередко (увы, так часто даже) обращается ни во что, проходит без пользы для человечества и даже обращается

---

[1] См. об этом: А. Л. Григорьев. Дон-Кихот в русской литературно-публицистической традиции. В кн.: Сервантес. Статьи и материалы. Изд. Ленинградского гос. университета, Л., 1948, стр. 13—23; Ю. Д. Левин. Статья И. С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот». К вопросу о полемике Добролюбова и Тургенева. «Ученые записки Горьковского гос. университета», 1965, вып. 71, стр. 122—163; L. Buketoff-Turkevich. Cervantes in Russia. Princeton, 1950.

в посмеяние человечеством единственно потому, что всем этим благороднейшим и богатейшим дарам, которыми даже часто бывает награжден человек, недоставало одного только последнего дара — именно: *гения*, чтоб управить всем богатством этих даров и всем могуществом их, — управить и направить всё это могущество на правдивый, а не фантастический и сумасшедший путь деятельности, во благо человечества!»

Первое сопоставление Мышкина с образами Дон-Кихота и диккенсовского Пиквика датировано в подготовительных материалах 21 марта н. ст. 1868 г. Но еще двумя месяцами ранее Достоевский почти в тех же выражениях писал С. А. Ивановой о Дон-Кихоте и Пиквике, раскрывая свое понимание этих образов: «Является сострадание к осмеянному и не знающему себе цены прекрасному — а стало быть, является симпатия и в читателе» И писатель противопоставлял центральный образ начатого им романа этим прекрасным душой, но «смешным» героям: «У меня нет ничего подобного, ничего решительно, и потому боюсь страшно, что будет положительная неудача». Из черновых записей к роману ясно, что во избежание страшившей его «неудачи» он в начале работы над второй частью склонялся к мысли соединить в Мышкине обе черты, способные пробуждать симпатию в читателе: невинность и комизм. Но, создавая новый образ «прекрасного» человека, Достоевский постоянно заботился о том, чтобы не ставить героя в слишком обыденные и грубокомические положения. Он не хотел унизить Мышкина осмеянием, как это нередко имеет место с Дон-Кихотом. В записи от 8 апреля н. ст. о князе — женихе Настасьи Филипповны — сказано: «Смешон. Как он отклоняет смех». В той же записи (несколько далее) Достоевский ставит перед собою вопрос — не стоит ли усилить «комическое» в герое и расширить сферу его проявления: «? *Несколько ошибок и комических черт Князя*» (см. стр. 242; курсив наш, — *Ред.*). В первой половине июня н. ст. 1868 г. появилась запись: «*Вельмончек* постоянно смеется над Князем и потешается им. ⟨...⟩ Ему всё в Князе *искренно* смешно, до самого последнего мгновения» (см. стр. 274). Этим наброскам соответствуют в романе многие места I и II глав третьей части (см.: наст. изд , т. VIII, стр. 268—292), а также запись от второй половины сентября (стр. 279).

По замыслу писателя, симпатия к князю должна возрастать оттого, что Мышкин принимает насмешливое отношение к себе как нечто совершенно естественное. Пробуждение сострадания «к осмеянному и не знающему себе цены прекрасному» стало и для Достоевского одним из средств — хотя и не основным — воздействия на сердца читателей. При этом почти во всех случаях «осмеяния» героя острейшее сочувствие к нему испытывают — одновременно с читателем — и действующие лица романа (чаще всего Епанчины) Их экспрессивные высказывания способствуют раскрытию духовного облика князя и оберегают образ от снижения. Эта особенность (не характерная для романа Сервантеса) проявляется постоянно — и в эпизодах, исполненных мягкого комизма, и в остродраматических; не только сам Мышкин чаще всего «отклоняет смех» над собой, как это мыслилось Достоевским первоначально, — «отклоняют смех» от главного героя и другие действующие лица романа.

Следующее (после мартовского) прямое упоминание о Дон-Кихоте в подготовительных материалах датировано 8 сентября н. ст. Между тем в VI главе второй части (опубликованной в июне) автор — устами Аглаи Епанчиной — формулирует одну из главных идей романа: князь Мышкин — «тот же Дон-Кихот, но только серьезный, а не комический» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 207). Сущность отличия серьезного Дон-Кихота от комического с предельной четкостью раскрывается позднее в «Дневнике писателя». Уподобляя герою Сервантеса Россию, Достоевский подчеркивал: «Над Дон-Кихотом, разумеется, смеялись; но теперь, кажется, уже восполнились сроки ⟨...⟩ *он несомненно осмыслил свое положение* ⟨...⟩ *и не пойдет уже сражаться с мельницами*. Но зато он остался верным рыцарем...» (*ДП*, 1877, февраль, гл. I, § 4. Курсив наш, — *Ред.*). Идеи цитированных высказываний Достоевского сложились в основном в пору работы над романом, когда создавался образ «серьезного» Дон-Кихота, «осмыслившего свое положение», направившего силы «на правдивый, а не на фантастический и сумасшедший путь деятельности». Указание в «Дневнике» на то, что герою Сервантеса, как и многочис-

лепным деятелям Дон-Кихотам, «пламенным друзьям человечества», не хватает единственного: способности «прозреть в истинный смысл вещей», не хватает «гения», которого «отпускается на племена и народы так мало, так редко», делает особенно понятным, почему писатель такое значение придавал проницательности Мышкина, строя отношения его с другими героями как непрерывную цепь предчувствий, угадываний и прозрений. Героя своего романа Достоевский наделяет не только мудростью, но и способностью переживать минуты «высшего самоощущения и самосознания, а стало быть и „высшего бытия“», испытывать «чувство полноты, меры, примирения и восторженного молитвенного слития с самым высшим синтезом жизни» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 188). В монологе Аглаи идея о серьезном Дон-Кихоте выражена косвенно — через сопоставление созданного Сервантесом образа с героем пушкинской баллады о «рыцаре бедном» («Легенда», 1829, краткая редакция — 1835). Из черновиков романа ясно, что оба эти образа соединились в сознании Достоевского неразрывно уже на довольно раннем этапе работы над второй редакцией. И почти до самого завершения «Идиота» происходило своеобразное синтезирование их черт в характере иного героя.

Достоевский в разное время намечал несколько вариантов сцены чтения пушкинской баллады. В окончательном тексте романа она подготовлена с большой тщательностью. Уже в начале второй части читатель узнает, что письмо от князя Аглая заложила, не отдавая себе в том отчета, в «Дон-Кихота Ламанчского». И когда через неделю «случилось ей разглядеть, какая была это книга», девушка «ужасно расхохоталась — неизвестно чему» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 157). Лишь много позднее из «лекции» Аглаи о «рыцаре бедном» становится ясной причина этого смеха: именно тогда возникла у Аглаи мысль, что князь Мышкин (как и пушкинский «рыцарь бедный») — «тот же Дон-Кихот...». Достоевский собирался ввести далее и специальный эпизод, который по-иному, чем в окончательной редакции, прояснял бы чрезвычайную роль письма (см. запись от 15 апреля, стр. 255—256). По одному из планов Мышкин должен был прислать Аглае второе письмо, в котором бы «всё изложил ей», — судя по предыдущим записям, имеются в виду прежде всего отношения князя с Настасьей Филипповной. В этом письме князь высказывался о пушкинском стихотворении, а может быть, даже и сравнивал себя с его героем (см. заметку: «Генеральша ⟨на завтраке у князя⟩ читает его письмо. „Какой-такой «Бедный рыцарь»? То-то она читает всё «Бедного рыцаря»“. Аглая, не стыдясь, стала и прочла „Бедного рыцаря“» — запись от конца мая н. ст., стр. 266, 269).

Текст стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...» писатель приводит по семитомному собранию сочинений А. С. Пушкина под редакцией П. В. Анненкова, которое вышло в 1855—1857 гг. (см.: А. С. Пушкин. Сочинения, т. III. СПб., 1855, стр. 17). В библиотеке Достоевского было именно это издание; его-то и предлагает «за свою цену-с» Лебедев генеральше Епанчиной (см.: *Библиотека*, стр. 134, и наст. изд., т. VIII, стр. 212). В редакции, известной Достоевскому, стихотворение было включено Пушкиным в «Сцены из рыцарских времен» (1835) (см.: А. С. Пушкин. Сочинения, т. V, стр. 491).

17 апреля 1868 г. Достоевский целый раздел черновых записей озаглавил «Рыцарь бедный». Заметки эти проливают свет на роль в романе пушкинского стихотворения.

Сцене чтения баллады в «Идиоте» предшествует интродукция, начинающаяся с возгласа Коли Иволгина: «Лучше „рыцаря бедного“ ничего нет лучшего!» Возглас этот — повторение слов Аглаи: «Я на собственном вашем восклицании основываюсь! — прокричал Коля. — Месяц назад вы „Дон-Кихота“ перебирали и воскликнули эти слова...» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 205). Введение к сцене строится так, что генеральша Епанчина (а вместе с нею и читатель) начинает «очень хорошо понимать про себя», кто подразумевается под «рыцарем бедным». И только после того, как «шутка» заходит слишком далеко и в душе читателя уже многократно — при каждом новом упоминании о рыцаре — возникает образ Мышкина, начинается Аглаина «лекция». Из нее становится ясно, что в воображении Аглаи образы «бедного

рыцаря» и Дон-Кихота стоят рядом, во многом сливаются. Буквы AMD, начертанные на щите «бедного рыцаря», являются сокращением латинских слов «Ave Mater Dei» («Радуйся, матерь божия»). Аглая определяет девиз как «темный, недоговоренный» и заменяет AMD на АНБ, что означает: «Ave, Настасья Барашкова», а потом на НФБ. Изменяя буквы девиза, Аглая намекает на отношения князя к Настасье Филипповне. Достоевский специально останавливает внимание читателя на этой замене: когда Коля Иволгин, не помнящий точно букв девиза и не понимающий его смысла, поправляет АНБ на АНД, девушка «с досадой» настаивает на своем: «А я говорю А.Н.Б., и так хочу говорить» (там же, стр. 207). В неосуществленном варианте эпизода Аглая заменяет буквы девиза, вполне раскрывая его значение (см. выше, стр. 263).

Достоевский включил в роман и еще одну характеристику пушкинского произведения, предваряющую декламацию Аглаи. На гневный вопрос генеральши: «Растолкуют мне или нет этого „Рыцаря бедного“?» — князь Щ. отвечает: «Просто-запросто есть одно *странное* русское стихотворение ⟨...⟩ *отрывок без начала и конца*» (курсив наш, — *Ред.*). Для полного понимания отзыва князя Щ. нужно учесть, что в 1866 г. Достоевскому стала известна не опубликованная Анненковым строфа баллады «Путешествуя в Женеву...». Строфа эта, посвященная как раз видению рыцаря и наиболее очевидно раскрывающая смысл девиза, появилась в «Современнике». Она была приведена в статье «Уважение к женщинам»,[1] напечатанной без подписи (*С*, 1866, кн. I, отд. I, стр. 275—319; кн. III, отд. I, стр. 92—129).

И тема статьи, и общая ее тенденция не могли не заинтересовать Достоевского. В «историческом исследовании» М. Л. Михайлова речь идет в основном о положении женщины в Германии. Но имеется в виду также и ее положение в России. На обширном материале автор стремится показать, что во все времена женщина «везде» оставалась «рабски подчиненною», и призывает увидеть в ней полноправного человека (*С*, 1866, кн. III, отд. I, стр. 129). Связанные с цитируемой пушкинской строфой рассуждения Михайлова безусловно должны были остановить на себе внимание писателя. «В культе Марии, который так развился в средние века, хотят видеть тоже какую-то связь с идеальным „служением женщинам“, — писал Михайлов. — Это обыкновенно объясняется цветистыми фразами: „Ореол с головы Марии был как бы перенесен на голову каждой женщины“ — и т. п. Рыцарь Пушкина был гораздо последовательнее. Как известно, он имел „непостижное уму“ видение:

Путешествуя в Женеву,
Он увидел у креста
На пути Марию деву,
Матерь господа Христа».[2]

И Михайлов одобряет рыцаря за то, что после видения Марии он не предался служению земной женщине, оставшись верен ей одной. Правота рыцаря так обосновывается Михайловым: «Если и были у рыцарства какие-то возвышенные идеалы, то их нечего было искать в жизни. Жизнь не могла удо-

---

[1] Принадлежность статьи М. Л. Михайлову выяснена П. В. Быковым (см.: М. Л. Михайлов. Полное собрание сочинений. Под ред. П. В. Быкова. Т. I. Изд. Т-ва А. Ф. Маркс, СПб., [1913], стр. 360). Факт публикации в «Современнике» этой пушкинской строфы установлен Н. Ф. Сумцовым (см. статью Р. В. Иезуитовой «Легенда» в сб.: Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика. Изд. «Наука», Л., 1974).

[2] Именно эту строфу Достоевский — явно по памяти и для памяти — внес в записную тетрадь 1880—1881 годов, в раздел «Слова, словечки и выражения», начатый 17 августа 1880 г. Писатель приводит ее с очень значительными отклонениями и сам же вносит существенную поправку («*Видел* он Святую деву» вместо «*Встретил* он Святую деву» — курсив Достоевского). Но последняя, «ключевая» строка точна.

влетворять заоблачных фантазий и претворяла их в очень земную практику» (см. там же, кн. I, отд. I, стр. 305). Статья в «Современнике» могла навести Достоевского на мысль, что приведенная Михайловым строфа — не единственная неопубликованная. Впечатление незавершенности баллады возникло у Достоевского, вероятно, еще и потому, что финал ее противоречил традиционному общехристианскому представлению о всегдашней «отзывчивости» богоматери на обращенные к ней усердные моления [1] (ср. в романе «Бесы» эпизод заступничества богоматери за грешника сразу после искренней покаянной молитвы — ч. III, гл. IV). Писатель мог предполагать, что кроме строфы пушкинского стихотворения, появившейся в «Современнике», могли быть и другие, в которых, в частности, говорилось о том, что непрестанное служение рыцаря деве Марии не осталось без отклика (ср. с пространной редакцией баллады). Свое впечатление о фрагментарности стихотворения — «отрывок без начала и конца» — Достоевский и передал читателю.

Хотя статья «Современника» действительно припоминалась Достоевскому в пору создания романа, мнение Михайлова о герое баллады не могло быть близко писателю: смысл слов Аглаи о «рыцаре бедном» им противоположен. Судя по монологу Аглаи, Достоевский не был склонен сомневаться ни в существовании «огромного понятия средневековой рыцарской платонической любви», ни в том, что и в его эпоху «живая жизнь» могла питать идеалы, близкие рыцарским. Князь Мышкин, «рыцарь бедный» XIX столетия, «полон чистою любовью» к земной женщине. Михайлов не допускает даже мысли о том, что венцом богоматери рыцари могли осенять головы своих дам. Смысл же пушкинской баллады в контексте романа в том, что князь Мышкин приносит свою жизнь в жертву Настасье Филипповне — воплощению поруганной красоты, подобно тому как «рыцарь бедный» отдает себя служению «Марии деве».

После сцены чтения баллады Достоевский ввел в текст еще несколько упоминаний о «рыцаре бедном» с целью воскресить в памяти читателя весь комплекс литературных ассоциаций, синтезированных в образе Мышкина: Князь Христос, серьезный Дон-Кихот, пушкинский «рыцарь бедный» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 274, 283 и др.).

8

Мышкин был задуман не как фантастический или условно-аллегорический образ. Называя его «Князем Христом», Достоевский имел в виду в первую очередь нравственные идеалы князя, его отношение к жизни и те убеждения, на которые он опирается в своем поведении. Мышкин изображен автором как вполне реальное лицо, со своей сложной земной индивидуальной биографией и судьбой. Образ «Князя Христа» введен в гущу событий современности, обрисованных в обычной для романиста реалистической манере, не только с точным приурочением действия к вполне определенному месту и времени, но и с вплетением в ткань романа многочисленных злободневных мотивов.

«Достоевский, — пишет исследователь, — в своем романе показал ту самую эпоху, полную противоречий, борьбы и поражений, которая выдвинула народников разных толков и направлений. ⟨...⟩ В романе идет спор о молодом поколении, о тех политических и нравственных проблемах, которые волновали молодежь 60—70-х годов ⟨...⟩ герой Достоевского и революционный народник — два психологических типа русского интеллигента, два решения одной социально-этической проблемы»,[2] внутренне соприкасающиеся друг с другом, но в то же время и противоположные.

Образ Мышкина создавался Достоевским в Швейцарии, в Женеве, на родине Руссо. Воспоминания о руссоистском идеале «естественного» чело-

---

[1] См.: Н. С. Демкова, Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. Основные направления в беллетристике XVII в. В кн.: Истоки русской беллетристики. Изд. «Наука», Л., 1970, стр. 500—508.

[2] См.: В. Базанов. Ипполит Мышкин и его речь на процессе 193-х. *РЛ*, 1963, № 2, стр. 146—148.

века, история Каспара Гаузера, с которой Достоевский познакомился, вероятно, еще в России, личные впечатления швейцарской жизни повлияли на отдельные детали биографии Мышкина до его приезда в Россию. Однако уже в рассказе князя о его жизни в Швейцарии отчетливо звучит и другой мотив, который делает Мышкина антиподом образа «естественного» человека в понимании Руссо. Для Руссо и других просветителей XVIII в. представление о «естественном» человеке было неразлучно с представлением о здоровье. Нормальная, неиспорченная человеческая природа казалась им такой же здоровой, как вся природа вообще. В Мышкине же представление о «естественном» человеке противоречиво сочетается с представлением о болезни, о мучительных физических и нравственных страданиях, пережитых им. Душевное здоровье, которое является достоянием князя, не прирожденное качество; оно куплено ценою тяжких мук, раздумий и испытаний, ценою пережитых сомнений, отчаяния в себе и окружающих. Мышкин одновременно и изолирован от людей, и связан с ними — связан теми страданиями, которые он перенес в прошлом и которые были для него, по мысли Достоевского, ступенью к душевному выздоровлению, к обретению им внутренней гармонии и ясности. Аскетическое начало, призыв к подавлению личного «бунта» во имя утверждения идеала всеобщей любви и братского отношения людей друг к другу отделяют нравственные идеалы Мышкина от идеалов просветителей, сближая их с христианской нравственностью.[1]

Духовно сформировавшийся в Швейцарии, в горах, среди патриархального пастушеского народа, в общении с детьми и природой, Мышкин уже сложившимся человеком возвращается в Россию, и это позволяет Достоевскому обрисовать в романе русское общество второй половины 1860-х годов со свойственными ему социальными и моральными противоречиями.

Сочетание физической болезни и духовной ясности в образе Мышкина является для Достоевского символом жизни всего современного ему человечества: Мышкин как бы носит в своей груди и весь тот «хаос», все то «безобразие», которыми «больны» окружающие его люди, и их самые светлые надежды, предощущение грядущей гармонии. Именно в момент дисгармонии, момент, предшествующий наступлению эпилептического припадка, когда силы готовы покинуть князя, в нем с удвоенной мощью оживает мысль о «гармонии», о всеобщем примирении и братстве людей. В этом философско-символический смысл описания состояния Мышкина перед припадком. В символической форме оно выражает идею Достоевского о том, что самый страшный хаос и дисгармония в жизни общества и в судьбе отдельного человека лишь обостряют извечную потребность человечества в счастье, стремление к радостной полноте, к гармонии бытия.

Страдания, пережитые Мышкиным, который остался в детстве сиротой, слабоумным, заброшенным ребенком, отдалили его от дворянской среды и вместе с тем обострили его чуткость к чужому горю, его способность понимать муки других людей. Эта отзывчивость Мышкина, его бескорыстное, братское отношение ко всем людям — независимо от сословных и имущественных различий — составляют его нравственную силу.

С первых страниц романа князь Мышкин заявляет себя горячим противником смертной казни, выступает против несправедливого отношения к угнетенному и униженному, к «падшей» женщине, к калеке, к ребенку. В «человеке» — лакее Епанчиных, он, по ироническим словам Достоевского, признает человека, чем сбивает лакея с толку. С одинаковою любовью и состраданием князь относится ко всем обиженным и несчастным — к Ипполиту, к Бурдовскому, к Настасье Филипповне, к генералу Иволгину. Ради

---

[1] Об отношении Достоевского к Руссо и о возможном пародировании «Исповеди» в рассказах гостей об их дурных поступках на именинах Настасьи Филипповны (в том числе в признании Фердыщенко об украденных трех рублях) см. в статье: Ю. М. Лотман. Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века. В кн.: Жан-Жак Руссо. Трактаты. Изд. «Наука», М., 1969, стр. 603—604 (Литературные памятники).

спасения Настасьи Филипповны он жертвует своим собственным счастьем, счастьем и честью любимой девушки, не понимая даже, как можно было бы на его месте поступить иначе.[1]

Слова: «Убивать за убийство несоразмерно большее наказание, чем самое преступление» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 20) — были вложены автором в уста Мышкина через неполных два года после покушения Каракозова и его казни, в обстановке реакции конца 1860-х годов, и были направлены против применения смертной казни к участникам революционного движения, хотя автор «Идиота» не сочувствовал их убеждениям.

В «Преступлении и наказании» (как и в произведениях 1840-х годов) в центре внимания Достоевского находились условия жизни разночинно-демократического населения Петербурга. Не случайно почти все действие романа было сосредоточено в одном сравнительно небольшом районе столицы, прилегающем к Сенной площади, с многоэтажными грязными домами (населенными мещанским людом), торговыми рядами, трактирами, «заведениями». В «Идиоте» в отличие от этого дана более широкая панорама жизни петербургского общества. Читатель попадает вместе с героем и в богатый особняк генерала Епанчина, и в дом купца Рогожина, и на вечеринку у «содержанки» Настасьи Филипповны, и в скромный деревянный домик чиновника Лебедева. Не ограничиваясь изображением столь различных «сфер» петербургской жизни, Достоевский на лето перевозит своих главных героев на дачу, в Павловск, а в конце романа рассказывает о их жизни за границей.

Значительно шире и пестрее, чем в «Преступлении и наказании», и круг персонажей «Идиота». Выводя на его страницах множество лиц, принадлежащих к различным слоям общества и — так или иначе — преломляющих в своей судьбе типичные черты бытия эпохи, Достоевский стремился дать в романе широкую и полную картину социально-психологических настроений русского общества второй половины 1860-х годов.

В бытовых и психологических контрастах романа резко и выпукло отражены те процессы социальной и моральной деградации, роста богатства одних и обнищания других, разрушения «благообразия» дворянской семьи, которые вновь и вновь притягивали к себе внимание Достоевского после реформы.[2] Богатому аристократу Тоцкому и Епанчину, выбившемуся из низов, но сумевшему завязать прочные служебные связи и найти покровителей в высших аристократических и бюрократических сферах, в «Идиоте» противопоставлен потерявший всякое «благообразие», спившийся отставной генерал Иволгин. Семья Иволгиных — одна из первых попыток Достоевского воплотить тему, которую он сам не раз определял как тему «случайного семейства» и которая заняла центральное место в последующих его романах. Достоевский называл так семью из дворянской среды и вообще из имущих слоев общества, в жизни которой резко проявляются взаимное отчуждение, распад родственных связей.

Образ Рогожина, «названого брата» [3] и в то же время соперника и трагического антипода Мышкина, вставлен в романе в широкую историко-психологическую перспективу.

---

[1] Тонкий анализ образа Мышкина во всей его противоречивости дан в статье Н. Берковского «Достоевский на сцене» в кн. этого автора «Литература и театр» (Изд. «Искусство», М., 1969, стр. 558—588).

[2] «Прекрасное, необыкновенное в Мышкине раскрывается преимущественно в процессе разнообразных *сопоставлений и противопоставлений героя окружающим* в самых различных поворотах и ракурсах», — справедливо пишет исследователь в статье, специально посвященной анализу системы этих сопоставлений (см.: Ф. И. Е в н и н. Мышкин и другие. (К столетию романа «Идиот»). *РЛ*, 1968, № 3, стр. 37—51). О единстве нравственно-психологической и социально-критической проблематики романа см. также главу «Проблема человека-„универса“» в кн.: *Чирков, 1967*, стр. 115—146.

[3] О значении мотива «братства» между Рогожиным и Мышкиным см.: П. Г р о м о в. «Поэтическая мысль» Достоевского на сцене. В кн. этого автора: Герой и время. Изд. «Советский писатель», Л., 1961, стр. 350—382.

Рогожин (самая фамилия которого образована автором от названия Рогожского кладбища в Москве — центра московской общины старообрядцев) [1] — сын богатого купца, наследник огромного состояния. Отец его, как и многие другие представители русского купечества, вышел из народной среды. Однако Достоевский видел в предках Рогожина людей, хотя и вышедших из народа, но социально и морально разъединенных с ним, порвавших с народными идеалами и народной совестью. Отсюда нравственное безобразие купечества, отсюда же, по убеждению Достоевского, и отмеченная в романе связь купечества с сектантством. У Рогожина процесс этот зашел еще дальше, чем у его отца; Рогожин потерял религиозную веру, что, с точки зрения Достоевского, было крайним выражением духовного кризиса, переживаемого теми русскими людьми, которые оторвались от народной «почвы».

И все же под пластами чуждых наслоений в Рогожине сохранились и национальные, народные черты. Народное в образе Рогожина вступает в непримиримую борьбу с купеческим, человеческое — с собственническим. Страсть Рогожина к Настасье Филипповне и есть проявление этой борьбы, бунт страстной и сильной натуры против безобразия и нравственного отупения его среды. Но в самом этом бунте Рогожин остается психологически близким традициям той среды, против которой стихийно восстает. Любовь Рогожина — это одновременно и глубокое человеческое чувство, и мрачная страсть собственника.

В предисловии к «Собору Парижской богоматери» В. Гюго (1862; наст. изд., т. XIX) Достоевский определил основную тему всей гуманистической литературы XIX в. как призыв к «восстановлению погибшего человека». Эта тема нашла свое непосредственное выражение и в «Идиоте» в образах Настасьи Филипповны и Ипполита. Создавая Мышкина, Достоевский оглядывался на Дон-Кихота, Жана Вальжана, Пиквика; [2] при обдумывании и разработке образа Настасьи Филипповны в поле его внимания находились не только Мария Магдалина, но и Исидора из одноименного романа Жорж Санд (1845) и спасаемая Вальжаном Фантина (из «Отверженных» В. Гюго, 1862),[3] задыхающаяся в мире посредственности и тупого провинциального мещанства, трагически гибнущая Эмма Бовари (героиня романа Г. Флобера, 1857; этот роман Настасья Филипповна читает незадолго до своей смерти — см. ниже, стр. 459, а также: наст. изд., т. VIII, стр. 499) с ее глубокой тоской и романтическими мечтами о счастье; жертвующая собою во имя счастья любимого человека Маргарита Готье — героиня романа (1848) и драмы (1852) А. Дюма-сына «Дама с камелиями», весьма популярной на Западе и в России в годы писания «Идиота». О художественной полемике Достоевского с данным в романе и драме Дюма-сына истолкованием образа падшей женщины и ее взаимоотношений со светским обществом, — истолкованием, не удовлетворявшим писателя своим мелодраматизмом и плоским морализмом, а также о смысле иронического наименования соблазнителя Настасьи Филипповны Афанасия Ивановича Тоцкого «господином с камелиями» («камелия» — завоевавшее популярность под влиянием романа Дюма прозвище публичной женщины, содержанки) см.: *Фридлендер,*

---

[1] О возможной семантике других — в частности, «звериных» (Мышкин, Барашкова) и «птичьих» (Иволгин, Лебедев, Птицын) — фамилий персонажей «Идиота» см.: А. Л. Б е м. Личные имена у Достоевского. В кн.: Сборник в честь на проф. Л. Милетич за седемдесетгодишнината от рождението му (1863—1933). София, 1933, стр. 409—434; М. С. А л ь т м а н. Этюды по Достоевскому. Птицын, Иволгин и Лебедев. «Известия АН СССР», Серия литературы и языка, 1963, т. 22, вып. 6, стр. 491—493.

[2] На сходство некоторых ситуаций «Идиота» с другим романом Диккенса — «Наш общий друг» указал Ф. И. Евнин («Искусство слова». Изд. «Наука», М., 1973, стр. 208—216).

[3] О сюжетных перекличках между «Исидорой» Ж. Санд и «Идиотом» см.: W. V l i c k. «Der Idiot» und «Isidora». Archiv für das Studium der neuen Sprachen und Literaturen, Bd. IV—VI, S. 208, 367—369. Об отношении Достоевского к роману «Отверженные» см.: наст. изд., т. VII, стр. 344, 404—405.

стр. 231—234; М. С. Альтман. Достоевский и роман А. Дюма «Дама с камелиями». В кн.: Международные связи русской литературы. Изд. АН СССР, М.—Л., 1963, стр. 359—369 (здесь же фамилия Настасьи Филипповны (Барашкова) истолковывается в связи с ее трагической судьбой жертвы Рогожина, см. стр. 366).

Срывая с Афанасия Ивановича и людей его круга маску благопристойности, Достоевский иначе, чем Дюма, подходит к изображению душевного мира героини. Сознавая свое нравственное превосходство над окружающими, Настасья Филипповна глубоко презирает Тоцкого, Епанчина, Ганю и других гордящихся своей мнимой порядочностью людей из «общества», под внешней респектабельностью которых скрывается низкая и черствая натура.

Не только душевную драму Настасьи Филипповны, но и внутреннюю борьбу других своих главных песонажей Достоевский стремится представить как борьбу «гордости» и «смирения», эгоизма и самоотречения.[1]

Однако Настасье Филипповне придает обаяние именно ее непримиримость, сила ненависти, испытываемой ею по отношению к миру Епанчиных и Тоцких, ее нежелание не только простить своим обидчикам, но и принять руку князя, в предложении которого она усматривает бесцельную жертву. И эта непримиримость Настасьи Филипповны импонирует автору.

Созерцательно-христианские, аскетические тенденции мысли писателя не раз опровергаются и в других местах романа. Не случайно к числу наиболее вдохновенных страниц «Идиота» принадлежат те, где описано пробуждающееся чувство любви Мышкина к Аглае. Рассказ о тревоге и надеждах, волнующих Мышкина во время его ночных блужданий в павловском парке, описание свидания князя и Аглаи на «зеленой скамейке» представляют собой подлинный гимн жизни, природе, молодой и чистой любви. Земное, человеческое торжествует здесь в князе над его созерцательно-аскетическими идеалами. Отношения князя с Рогожиным, Аглаей, Настасьей Филипповной обнаруживают не только сильные стороны Мышкина, но и черты превосходства других героев над ним, связанные с их страстностью, внутренним беспокойством, активностью, со свойственным им протестующим началом. Когда Настасья Филипповна бежит от князя с Рогожиным, в ее поведении отражаются не только сомнения в себе, но и нежелание принять «жалость» князя, унижающую ее человеческое достоинство. Точно так же Аглая восстает против смирения князя не только во имя своей «гордости», но и во имя своей любви: как человек из плоти и крови, она вынуждена бороться за свое чувство не только против родни, но и против жертвенной христианской морали Мышкина. Созерцательный, пассивный характер этических идеалов Мышкина, противоречие, которое существует между ними и деятельной, активной стороной человеческой натуры, раскрываются также в его столкновениях с Рогожиным и Ипполитом.

Композиционно роман состоит из двух частей, причем каждая из них открывается приездом Мышкина в Петербург. Между первыми главами, в которых описаны происшествия, имевшие место в конце ноября, в первый приезд князя в столицу, и продолжением романа, повествующим о событиях, совершившихся в июне и июле, во второй его приезд, проходит около полугода. Отказавшись от последовательного изложения всего хода событий, Достоевский получил возможность сосредоточить свое внимание на двух насыщенных драматизмом эпизодах, каждый из которых — несмотря на сюжетную связь между ними — представляет внутренне почти законченное целое. Действие первой части совершается в течение одного дня — с утра до вечера. Но в этот день герой знакомится с таким числом лиц и участвует в таком бурном водовороте событий, что их могло бы хватить на целое самостоятельное произведение. Являясь завязкой с точки зрения главной сюжетной линии романа, так как здесь происходит знакомство князя с Рогожиным,

[1] Анализ психологии главных персонажей «Идиота» под углом зрения отражения в ней борьбы «гордости» и «смирения» см. в статье: А. П. Скафтымов. Тематическая композиция романа «Идиот». В кн.: Творческий путь Достоевского. Изд. «Сеятель», Л., 1924, стр. 131—185.

Настасьей Филипповной, семействами Епанчиных и Иволгиных, первая часть «Идиота» в то же время и своего рода «развязка» многолетних взаимоотношений Настасьи Филипповны с Тоцким, а также ее отношений с Ганей. Часть эта заканчивается остродраматической сценой, в которой Настасья Филипповна рвет со своим прошлым и уходит с Рогожиным, бросая вызов не только окружающим, но и самой себе, полная решимости перечеркнуть свою жизнь и свои надежды на будущее. Сцена эта представляет собой как бы трагическую катастрофу, заключительный акт трагедии, основное действие которой успело совершиться до начала событий, служащих завязкой романа.[1]

Столкновение князя с Бурдовским и исповедь Ипполита (а также его попытка самоубийства) представляют собой — с точки зрения основного сюжета — самостоятельные эпизоды, задерживающие на время течение главного действия и как бы отклоняющие его в новое русло. Эпизоды эти дают Достоевскому возможность шире показать окружение героя и в то же время осветить его самого, его внутренний мир с новой стороны. И Бурдовский, и Ипполит, хотя по-разному, противопоставлены писателем Мышкину; с каждым из них, однако, у героя в то же время есть и нечто общее, позволяющее читателю сравнивать их с князем. Бурдовский косноязычен; как и Мышкин, он сирота и облагодетельствован тем же Павлищевым. Под влиянием товарищей он поддался настроениям «современных позитивистов», т. е. нигилистов 1860-х годов. Подозревая своего благодетеля в низменных, эгоистических мотивах, он считает себя незаконным сыном Павлищева и требует причитающейся ему доли наследства (т. е. хочет видеть отношения расчета и «права»[2] там, где в действительности господствовали отношения, основанные лишь на законах «сердца», на доброй воле Павлищева). Ипполит, умирающий юношей от неизлечимой болезни, смотрит на нее как на злую насмешку природы, как на отражение того равнодушия и безразличия к судьбе живого человека, которое составляет, по его мнению, мировой закон, с одинаковой силой, неотвратимо господствующий в природе и обществе. Обоим им Достоевский противопоставляет равнодушие князя к своим юридическим «правам», его бескорыстие, способность полного самоотвержения, наивное, радостное доверие к жизни.

В заключительной, четвертой, части романа действие снова обретает прежнюю стремительность, события, как и в первой части, сменяют друг друга, не прерываясь уже ничем посторонним (единственное исключение составляет трагикомический эпизод кражи, совершенной генералом Иволгиным, к которому примыкает история его раскаяния и смерти) и приближаясь к роковому исходу. Напряженность атмосферы здесь все время сгущается, и это подготовляет трагическую развязку романа.

Достоевский в зрелые годы никогда не изображает жизнь современного ему общества однолинейно, он видит в ней сложное сочетание света и тени; трагического и вульгарного, грубого, прозаически-обыденного; возвышенного и комического, нередко карикатурного. Эта особенность манеры Достоевского-романиста, сказавшаяся уже в «Преступлении и наказании», еще более выпукло и ярко проявилась в «Идиоте», где просветленный образ «Князя Христа» перенесен в современную, вполне обыденную бытовую обстановку, а трагические фигуры Настасьи Филипповны, Рогожина, Ипполита соседствуют с гротескно-комическими фигурами генерала Иволгина, Лебедева, Келлера. Сцены, полные трагического напряжения и пафоса, сменяются в романе комическими эпизодами фантастического вранья генерала Иволгина, рядом с фигурами главных героев стоят образы «современных позитивистов», обрисованные в духе шаржа или политического памфлета. «Фантастический» колорит событий романа подчеркнут ощущением «призрачности» петербургской жизни, петербургских белых ночей, на фоне которых совершается дей-

---

[1] О нескольких «строго связанных единой нитью» кульминациях и об искусстве светотени в «Идиоте» в связи с лейтмотивами романа см.: *Чирков, 1963*, стр. 133—147, 166—172

[2] Один из современников увидел здесь пародийное отражение принципов теории права Ф. Лассаля (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 487).

ствие его последних частей. Колорит этот созвучен той атмосфере неопределенных надежд и чаяний, смутных ожиданий, стихийного, неотчетливого брожения, неясного стремления покончить с историческим прошлым, которое характеризовало, по мысли писателя, русское общество 1860-х годов.

По сравнению с «Преступлением и наказанием» в «Идиоте» резче подчеркивается кажущаяся иррациональность, загадочность поступков персонажей, совершаемых часто как бы помимо их воли и сознания, в состоянии нервного возбуждения и подъема. Важное смысловое значение в романе приобретают темные предчувствия, неясные, смутные догадки и опасения. Ряд эпизодов и деталей получает смысл реалистических символов большой обобщающей силы (таковы, например, сцены пробы почерка Мышкина у генерала, братания князя с Рогожиным, вечера у Епанчиных, где князь разбивает китайскую вазу, и т. д. — см. о символах в романе: *Фридлендер,* стр. 264—269). Все эти особенности поэтики «Идиота» получили дальнейшее развитие в «Бесах», «Подростке» и «Братьях Карамазовых».

9

Первые отзывы о романе Достоевский получил еще в период работы над ним от своих петербургских корреспондентов. Дорожа главной мыслью «Идиота», предвидя трудности ее «исполнения» и испытывая чувство неуверенности в том, что написанное удалось, Достоевский обращался к А. Н. Майкову и Н. Н. Страхову с просьбами сообщить о впечатлении от появившихся в «Русском вестнике» глав. После выхода в свет январского номера журнала с начальными семью главами романа, в ответ на взволнованное признание Достоевского в письме от 18 февраля (1 марта) 1868 г. в том, что он сам ничего не может «про себя выразить» и нуждается в «правде», жаждет «отзыва», А. Н. Майков писал: «Имею сообщить Вам известие весьма приятное: успех, возбужденное любопытство, интерес многих лично пережитых ужасных моментов, оригинальная задача в герое 〈...〉 генеральша, обещание чего-то сильного в Настасье Филипповне и многое, многое остановило внимание всех, с кем говорил я...» Далее Майков ссылался на общих знакомых — писателя и историка литературы А. П. Милюкова и экономиста Е. И. Ламанского, а также на критика Н. И. Соловьева, который просил передать «свой искренний восторг от „Идиота“» и свидетельствовал, что «видел на многих сильное впечатление» (см.: *Д, Письма,* т. II, стр. 413).

Однако в связи с появлением в февральской книжке «Русского вестника» окончания первой части Майков в письме от 14 марта 1868 г., определяя художественное своеобразие романа, оттенил свое критическое отношение к «фантастическому» освещению в нем лиц и событий: «Впечатление вот какое: ужасно много силы, гениальные молнии (например, когда Идиоту дали пощечину и что он сказал, и разные другие), но во всем действии *более возможности и правдоподобия, нежели истины.* Самое, если хотите, реальное лицо — Идиот (это Вам покажется странным?), прочие же все как бы живут в фантастическом мире, на всех хоть и сильный, но фантастический, какой-то исключительный блеск. Читается запоем и в то же время — не верится. „Преступл〈ение〉 и наказ〈ание〉“, наоборот, как бы уясняет жизнь, после него как будто яснее видишь в жизни... Но сколько силы! сколько мест чудесных! Как хорош Идиот! Да и все лица очень ярки, пестры — только освещены-то электрическим огнем, при котором самое обыкновенное знакомое лицо, обыкновенные цвета получают сверхъестественный блеск и их хочется как бы заново рассмотреть... В романе освещение, как в „Последнем дне Помпеи“: и хорошо, и любопытно (любопытно до крайности, завлекательно) — и чуждо!» (см. там же, стр. 419). Соглашаясь, что это «суждение, может быть, и очень верно», Достоевский в ответном письме от 20 марта (2 апреля) 1868 г. выдвинул ряд возражений, сформулированных им пока в духе той же традиционной реалистической эстетики, на которой основывался и Майков: указал на то, что «многие вещицы в конце 1-й части — взяты с натуры, а некоторые характеры — просто портреты». Особенно он отстаивал

«совершенную верность характера Настасьи Филипповны». Как бы оспаривая внутренне майковскую оценку финала первой части, написанного «в вдохновении» и внушавшего прежде надежду на успех именно своей яркой драматичностью (см. письма его к Майкову от 18 февраля (1 марта) и 2 (14) марта 1868 г.), Достоевский теперь, в письме к С. А. Ивановой от 30 марта (10 апреля) 1868 г., подчеркнул, что идея «Идиота» — «одна из тех, которые не берут эффектом, а сущностью».

Первые две главы второй части (Мышкин в Москве, слухи о нем, письмо его к Аглае, возвращение и визит к Лебедеву) были встречены Майковым очень сочувственно: он увидел в них «мастерство великого художника ⟨...⟩ в рисовании даже силуэтов, но исполненных характерности». Желая ободрить Достоевского, он писал: «Так легко, воздержно и *здорбво* начинается вторая часть. Право, зная, что́ у Вас было хлопот и припадков, я изумился здоровости этих страниц. Работайте, милейший, не буду мешать Вам» (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 351, 353). Но в более позднем письме от 30 сентября, когда уже была напечатана вся вторая часть и начало третьей, Майков, утверждая, что «прозреваемая» им идея «великолепна», уже от лица читателей повторил «главный упрек в фантастичности лиц» (см.: *Д, Письма,* т. II, стр. 426).

Подобную же эволюцию претерпели и высказывания о романе Н. Н. Страхова. В письме от середины марта 1868 г. он одобрил замысел: «Какая прекрасная мысль! Мудрость, открытая младенческой душе и недоступная для мудрых и разумных, — так я понял Вашу задачу. Напрасно Вы боитесь вялости; мне кажется, с „Преступления и наказания“ Ваша манера окончательно установилась, и в этом отношении я не нашел в первой части „Идиота“ никакого недостатка» (см.: *Шестидесятые годы,* стр. 258—259). Познакомившись почти со всем текстом романа, за исключением четырех последних глав, Страхов обещал Достоевскому написать статью об «Идиоте», которого он читал «с жадностью и величайшим вниманием» (см. письмо от 31 января 1869 г. — там же, стр. 262). Однако намерения своего он не выполнил. Косвенный упрек себе как автору «Идиота» Достоевский прочел в опубликованной в январском номере «Зари» статье Страхова, в которой «Война и мир» противополагалась произведениям с «запутанными и таинственными приключениями», «описанием грязных и ужасных сцен», «изображением страшных душевных мук» («Заря», 1869, № 1, стр. 124). Спустя два года Страхов вновь вернулся к сопоставлению Толстого и Достоевского и уже прямо и категорически назвал «Идиота» неудачей писателя. 12 апреля 1871 г. Страхов писал Достоевскому: «Очевидно — по содержанию, по обилию и разнообразию идей Вы у нас первый человек и сам Толстой сравнительно с Вами однообразен. Этому не противоречит то, что на всем Вашем лежит особенный и резкий колорит. Но очевидно же: Вы пишете большею частью для избранной публики, и Вы загромождаете Ваши произведения, слишком их усложняете. Если бы ткань Ваших рассказов была проще, они бы действовали сильнее. Например, „Игрок“, „Вечный муж“ произвели самое ясное впечатление, а всё, что Вы вложили в „Идиота“, пропало даром. Этот недостаток, разумеется, находится в связи с Вашими достоинствами. ⟨...⟩ И весь секрет, мне кажется, состоит в том, чтобы ослабить творчество, понизить тонкость анализа, вместо двадцати образов и сотни сцен остановиться на одном образе и десятке сцен. Простите ⟨...⟩. Чувствую, что касаюсь великой тайны, что предлагаю Вам нелепейший совет — перестать быть самим собою, перестать быть Достоевским» (см.: *Шестидесятые годы,* стр. 271). Сам писатель с частью из этих замечаний вполне соглашался. Закончив роман, он был «недоволен» им, считал, что «не выразил и 10-й доли того, что ⟨...⟩ хотел выразить», «хотя все-таки, — признавался он С. А. Ивановой в письме от 25 января (6 февраля) 1869 г., — я от него не отрицаюсь и люблю мою неудавшуюся мысль до сих пор». Имея в виду упреки как своих корреспондентов, так и критиков, в статьях которых повторялись сходные замечания (см. ниже), Достоевский писал Ивановой 8 (20) марта: «А насчет недостатков я совершенно и со всеми согласен; а главное до того злюсь на себя за недостатки, что хочу сам на себя написать критику». Замечание Страхова

о множестве лиц и сюжетов Достоевский припомнил несколько лет спустя во время работы над «Подростком», установив для себя «*правило*»: «Избегнуть ту ошибку в „Идиоте“ и „Бесах“, что второстепенные происшествия (многие) изображались в виде недосказанном, намёчном, романическом, тянулись через долгое пространство, в действии и сценах, но без малейших объяснений, в угадках и намеках, вместо того чтобы *прямо объяснить истину*. Как второстепенные эпизоды, они не стоили такого капитального внимания читателя, и даже, напротив, тем самым затемнялась главная цель, а не разъяснялась, именно потому, что читатель, сбитый на проселок, терял большую дорогу, путался вниманием. Стараться избегать, и второстепенностям отводить место незначительнее, совсем короче, а действие совокупить лишь около героя» (см.: наст. изд., т. XIV).

Вместе с тем, размышляя над предъявляемыми ему требованиями и соотнося «Идиота» с современной ему литературой, Достоевский отчетливо осознавал отличительные черты своей манеры и отвергал рекомендации, которые помешали бы ему «быть самим собою», «быть Достоевским». В этом плане особо следует отметить встречающиеся в его ответных письмах Майкову и Страхову периода работы над «Идиотом» самохарактеристики. 11 (23) декабря 1868 г. Достоевский писал Майкову: «Совершенно другие я понятия имею о действительности и реализме, чем наши реалисты и критики». Утверждая, что его «идеализм» реальнее «ихнего» реализма, писатель замечал, что, если «порассказать» о том, что «мы все, русские, пережили в последние 10 лет в нашем духовном развитии», критики-«реалисты», привыкшие к изображению одного лишь прочно устоявшегося и оформившегося, закричат, что это «фантазия», в то время как именно это есть, по его убеждению, «исконный, настоящий реализм!» По сравнению с теми требованиями, которые ставила перед автором задача создания образа «положительно прекрасного человека», бледным и незначительным казался Достоевскому герой А. Н. Островского Любим Торцов, воплощавший, по мнению автора «Идиота», «всё, что только идеального позволил себе их реализм» Письмо к Страхову от 26 февраля (10 марта) 1869 г., отклик на упомянутую выше страховскую статью о Толстом, содержало полемику с теми ее строками, в которых Достоевский уловил намек на «фантастическое» направление своего творчества. Он развивал здесь мысль, сформулированную им ранее в последней тетради, содержащей подготовительные материалы к «Идиоту» (см. выше, стр. 276). «У меня свой, особенный взгляд на действительного (в искусстве), и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного. Обыденность явлений и казенный взгляд на них, по-моему, не есть еще реализм, а даже напротив», — доказывал Достоевский Страхову. Говоря о необходимости «замечать», «разъяснять и записывать» необычные на первый взгляд факты, так как они «поминутны и ежедневны, а не *исключительны*», и видя в самых, казалось бы, «мудреных» из них проявление реальной сложности и противоречий пореформенной эпохи с ее внутренним брожением и глубокими сдвигами, предвещающими неожиданные результаты, Достоевский спрашивал своего адресата: «Неужели фантастичный мой Идиот не есть действительность, да еще самая обыденная! Да именно теперь-то и должны быть такие характеры в наших оторванных от земли слоях общества, — слоях, которые в действительности становятся фантастичными. Но *нечего* говорить! В романе много написано наскоро, много растянуто и не удалось, но кой-что и удалось. Я не за роман, а я за идею мою стою».

Из эпистолярных откликов более всего могло обрадовать Достоевского сообщение его давнего знакомого доктора С. Д. Яновского об успехе у читающей публики первой части «Идиота»: «Теперь, — писал Яновский из Москвы 12 апреля 1868 г., — скажу Вам несколько слов о впечатлении, сделанном последним Вашим произведением: масса вся, безусловно вся в восторге! В клубе, в маленьких салонах, в вагонах на железной дороге (ведь я постоянно бываю в разъездах и вот на днях только возвратился из Тамбова) — везде и от всех только и удается слышать одно и то же: читали ль Вы последний роман Достоевского? ведь это прелесть, просто не оторвешься

до последней страницы». Самому Яновскому личность Мышкина полюбилась так, «как любишь только самого себя», а в истории Мари, рассказе о сюжете картины «из одной головы» приговоренного, сцене разгадывания характеров сестер он увидел «торжество таланта» Достоевского (см.: *Сб. Достоевский, II,* стр. 375—376).

Об успехе «Идиота» у читателей свидетельствуют и отзывы русских газет о первой части романа. В обзоре «Библиография и журналистика», опубликованном в газете А. А. Краевского «Голос», объявлялось, что «Идиот» обещает быть «интереснее романа „Преступление и наказание“ ⟨...⟩ хотя и страдает теми же недостатками — некоторою растянутостью и частыми повторениями какого-нибудь одного и того же душевного движения». Образ князя Мышкина трактовался автором обзора как «тип», который «в таком широком размере встречается, может быть, в первый еще раз в нашей литературе», но в жизни представляет «далеко не новость»: общество часто «клеймит» таких людей «позорным именем дураков и идиотов», но они «по достоинствам ума и сердца стоят несравненно выше своих надменных хулителей». Особо выделена в «Голосе» как одна из «лучших и трогательнейших страниц романа» шестая глава, повествующая о пребывании Мышкина в швейцарской деревне, его взаимоотношениях с детьми и истории Мари. Отмечено также «потрясающее действие» рассказа Мышкина об увиденной им смертной казни. И все же рецензент «Голоса» был далек от понимания роли, какая предназначалась Мышкину в романе. Обратив внимание на сходство героя «Идиота» с детьми, делавшее его «чрезвычайно симпатичным характером», он приписал Мышкину отсутствие «житейского такта», способности «применяться к людям или обстоятельствам» (*Г*, 1868, 16 февраля, № 47, без подписи).

В анонимной «Хронике общественной жизни», напечатанной в «Биржевых ведомостях», новый роман Достоевского расценивался как свидетельство дальнейшего роста его таланта и как произведение, которое «оставляет за собою всё, что появилось в нынешнем году в других журналах по части беллетристики». Находя, что «глубокий психологический анализ», присущий предшествующему творчеству Достоевского, и в особенности «Преступлению и наказанию», в новом романе «доведен до высоты совершенства», составитель хроники подчеркнул внутреннее родство центрального героя и его создателя. «Каждое слово, каждое движение героя этого романа, князя Мышкина, — писал он, — не только строго обдумано и глубоко прочувствовано автором, но и как бы пережито им самим» (*БВ*, 1868, 18 февраля, № 46).

По определению рецензента «Русского инвалида» А. П-на, Достоевский в «Идиоте» «напал ⟨...⟩ на мысль очень счастливую, хотя и отзывающуюся патологическим характером»: Мышкин, этот «взрослый ребенок», поставлен «автором в самые сложные путы нашей искусственной жизни, где третируют его то как идиота за его прямоту и добродушие, то как хитреца самой первой руки...» Однако «с первых же строк вся симпатия читателя переносится на Мышкина...» «Трудно угадать, — писал далее рецензент, — что сделает автор с этим оригинальным лицом, насколько рельефно удастся ему сопоставить искусственность нашей жизни с непосредственной натурой, но уже теперь можно сказать, что роман будет читаться с большим интересом. Интрига завязана необыкновенно искусно, изложение прекрасное, не страдающее даже длиннотами, столь обыкновенными в произведениях г-на Достоевского» (*РИ*, 1868, 24 февраля, № 52).

Наиболее обстоятельный и серьезный разбор первой части романа был дан в статье «Письма о русской журналистике. „Идиот“. Роман Достоевского», помещенной в «Харьковских губернских ведомостях» с подписью «К». «Письма...» начинались с напоминания о «замечательно гуманном» отношении Достоевского к «угнетенным и оскорбленным личностям» и его умении «верно схватывать моменты высшего потрясения человеческой души и вообще следить за постепенным развитием ее движений» как о тех качествах его дарования и особенностях литературного направления, которые вели к «Идиоту». Содержание и обозначившиеся контуры построения романа определялись в статье следующим образом: «С первых же строк читатель заинтересован рассказом, и чем далее он вчитывается, тем сильнее растет

его интерес. Пред читателем проходит ряд людей действительно живых, верных той почве, на которой они выросли, той обстановке, при которой слагался их нравственный мир, и притом лиц не одного какого-нибудь кружка, а самых разнообразных общественных положений и степени умственного и нравственного развития, людей симпатичных и таких, в которых трудно подметить хоть бы слабые остатки человеческого образа, наконец, несчастных людей, изображать которых автор особенно мастер ⟨...⟩. В круговороте жизни, в который автор бросает своего героя, на Идиота не обращают внимания; когда же при столкновении с ним личность героя выказывается во всей ее нравственной красоте, впечатление, наносимое ею, так сильно, что сдержанность и маска спадает с действующих лиц и нравственный их мир резко обозначается. Вокруг героя и при сильном с его стороны участии развивается ход событий, исполненный драматизма». В заключение рецензент высказывал предположение и об идейном смысле романа: «Трудно на основании одной только части романа судить, что автор задумал сделать из своего произведения, но его роман, очевидно, задуман широко, по крайней мере этот тип младенчески непрактичного человека, но со всею прелестью правды и нравственной чистоты, в таких широких размерах впервые является в нашей литературе» (*Харьк. губ. вед.*, 1868, 18 апреля, № 41).

Иначе — резко полемически — отнесся к «Идиоту» поэт-искровец Д. И. Минаев. «Это такая сказка, — писал он в фельетоне «Nota bene (отрывки безыменных чувств и мнений)», — в которой чем больше неправдоподобностей, тем лучше. Люди сталкиваются, знакомятся, влюбляются, дают друг другу пощечины — и всё это по первому капризу автора, без всякой художественной правды. Миллионы наследства летают в романе, как мячики.» («Искра», 1868, 19 мая, № 18, стр. 221, подпись «Литературное домино»)

В текст фельетона Минаев ввел язвительную стихотворную эпиграмму, высмеивающую роман Достоевского:

У тебя, бедняк, в кармане
Грош в почете — и в большом,
А в затейливом романе
Миллионы нипочем.
Холод терпим мы, славяне,
В доме месяц не один,
А в причудливом романе
Топят деньгами камин.
От Невы и до Кубани
Идиотов жалок век,
«Идиот» же в том романе
Самый умный человек.[1]

Отрицательную оценку «Идиота» дал В. П. Буренин в трех статьях из цикла «Журналистика», подписанных псевдонимом «Z». В первой из них, основанной на материале начальных семи глав, говорилось, что Достоевский «сразу бросает своего героя (и вместе с ним читателя) в круг сложной интриги и делает как этого героя, так и окружающих его лиц в некотором роде аномалиями среди обыкновенных людей», вследствие чего повествование «имеет характер некоторой фантасмагории». Когда же первая часть была напечатана полностью, Буренин вывел заключение, что роман «вполне безнадежен». «Роман можно было бы не только „Идиотом" назвать, но даже „Идиотами", — иронически замечал он во второй статье, — ошибки не оказалось бы в подобном названии». В третьей статье, опубликованной после выхода второй части, Буренин провозгласил роман «неудачнейшим» из произведений Достоевского. Еще не расставшийся в эту пору с демократическими убеждениями своей юности, Буренин выразил несогласие с тем, что «большое количество лиц молодого поколения» выведено в романе в виде «раздражен-

---

[1] Поэты «Искры», т. II. Изд. 2-е. Изд. «Советский писатель», Л., 1955, стр. 321 (Библиотека поэта. Большая серия).

ных нравственно субъектов», истолковав это как отражение расхождений Достоевского с современной ему молодежью. Подобные «искаженные», по словам критика, характеры «суть чистейшие плоды субъективной фантазии романиста», но, «разумеется, приходится только сожалеть о несчастном настроении этой фантазии». Однако Буренин не ограничился этим замечанием и пришел к отрицанию какой-либо значимости романа в целом. Поставив знак равенства между изображением душевного состояния Мышкина и медицинским описанием страданий больного человека, Буренин не обнаружил в «Идиоте» связи с действительной почвой и общественными вопросами, расценил его как «беллетристическую компиляцию, составленную из множества нелепых лиц и событий, без всякой заботливости хотя о какой-либо художнической задаче» (*СПбВед*, 1868, 24 февраля, № 53; 6 апреля, № 92; 13 сентября, № 250). Позднее В. П. Буренин частично пересмотрел свою прежнюю оценку Достоевского. В «Литературных очерках» он писал, что произведения Достоевского, названные им «психиатрическими художественными этюдами», имеют «полное оправдание» в русской жизни, недавно освободившейся от крепостного права, «главного и самого страшного из тех рычагов, которые наклоняли ее человеческий строй в сторону всякого бесправия и беспутства, как нравственного, так равно и социального». Но «Идиота» (наряду с «Белыми ночами») Буренин по-прежнему отнес к исключениям, уводящим в «область патологии» (*НВр*, 1876, 24 декабря, № 297; псевдоним «Тор»).

Менее категоричным было осуждение романа в анонимном обозрении «Вечерней газеты» (принадлежащем, как теперь доказано, Н. С. Лескову). Считая, подобно Буренину и многим другим представителям тогдашней критики, судившим о психологической системе романиста с чуждой ей эстетической позиции, что действующие лица романа «все, как на подбор, одержимы душевными болезнями», Лесков стремился всё же понять исходную мысль, которой руководствовался Достоевский в обрисовке характера центрального героя. «Некоторые видят в романе „Идиот“, — писал он, — проведение автором такой идеи: честная простота и бесхитростность, откровенная, непоколебимая правдивость, соединенная с глубокою гуманностию и пониманием человеческой души, а главное, правдивая простота во всех отношениях с людьми, честность и любовь к ним — есть всепобеждающее, гигантски сильное средство к достижению каких бы то ни было общественных или частных целей. Не знаем, насколько такой взгляд на роман г. Достоевского верен, потому что роман еще далеко не кончен; из того же, что напечатано, подобное заключение вывести довольно смело, хотя основания для этого есть. Главное действующее лицо романа, князь Мышкин, — идиот, как его называют многие; человек крайне ненормально развитый духовно, человек с болезненно развитою рефлексиею, у которого две крайности, наивная непосредственность и глубокий психологический анализ, слиты вместе, не противореча друг другу; в этом и заключается причина того, что многие его считают за идиота, каким он, впрочем, и был в своем детстве» («Вечерняя газета», 1869, 1 января, № 1).[1]

Статья Лескова была последним критическим откликом, появившимся до публикации заключительных, V—XII, глав четвертой части. После завершения печатания «Идиота» Достоевский, естественно, ожидал более всестороннего и детального анализа романа. Но такого обобщающего отзыва не последовало. Не написал, как уже указывалось, обещанной статьи об «Идиоте» Н. Н. Страхов. Вообще в течение ближайших двух лет о романе не появилось ни одной статьи или рецензии, что очень огорчало писателя, утверждая его в мысли о «неуспехе» «Идиота». Причина молчания крылась отчасти в противоречивости идеологического звучания романа, гуманистический пафос которого сложным образом сочетался с критикой «современных нигилистов»: изображенная в нем борьба идей не получала разрешения, которое бы полностью удовлетворило рецензентов как консервативного или либе-

[1] См. также: И. В. Столярова. Неизвестное литературное обозрение Н. С. Лескова. «Ученые записки Ленинградского гос. университета», 1968, № 339, Серия филологических наук, вып. 72, стр. 224—229.

рального, так и демократического лагеря. С другой стороны, тогдашняя критика еще не была достаточно подготовлена к восприятию эстетического новаторства Достоевского, в художественной системе которого роль «фантастических», «исключительных» элементов реальной жизни выступила столь резко.

Наиболее глубоко проникнуть в замысел романа и в полной мере оценить значение его удалось при жизни Достоевского лишь М. Е. Салтыкову-Щедрину. Занимая разные общественно-политические позиции, Достоевский и Щедрин были связаны сложными, порой островраждебными отношениями. Один из моментов идеологической борьбы между ними нашел прямое отражение в «Идиоте» — в эпизоде с введенной в роман народней на щедринскую эпиграмму «Самонадеянный Федя», помещенную ранее в «Свистке» и направленную против Достоевского (см. ниже, стр. 443—444). Тем знаменательнее отзыв Щедрина об «Идиоте», в котором великий сатирик проницательно охарактеризовал как слабые, так и сильные стороны дарования Достоевского, близкого некоторыми своими чертами складу его собственного таланта. В рецензии, посвященной роману Омулевского «Шаг за шагом» и опубликованной в апрельском номере «Отечественных записок» за 1871 г. (стр. 300—308, без подписи), Щедрин, характеризуя состояние литературы тех лет, обратил внимание на обусловленное ломкой прежних и ростом новых тенденций жизни «внутреннее противоречие» в творчестве «известнейших представителей современной 〈...〉 беллетристики», в частности в последних произведениях Гончарова и Достоевского. Порицая в «Обрыве» Гончарова «дидактизм, полемизирующий в пользу интересов отживающих и в ущерб интересам нарождающимся», Щедрин перешел к Достоевскому и подчеркнул, что «по глубине замысла, по ширине задач нравственного мира, разрабатываемых им, этот писатель стоит у нас совершенно особняком» и «не только признает законность тех интересов, которые волнуют современное общество, но даже идет далее, вступает в область предведений и предчувствий, которые составляют цель не непосредственных, а отдаленнейших исканий человечества». Как на убедительную иллюстрацию к этому своему тезису Щедрин указал «на попытку изобразить тип человека, достигшего полного нравственного и духовного равновесия, положенную в основание романа „Идиот“». Утверждая, что «стремление человеческого духа прийти к равновесию, к гармонии» существует непрерывно, «переходит от одного поколения к другому, наполняя собой содержание истории», Щедрин в намерении Достоевского создать образ «вполне прекрасного человека» увидел такую задачу, «перед которою бледнеют всевозможные вопросы о женском труде, о распределении ценностей, о свободе мысли и т. п.», так как это «конечная цель, в виду которой даже самые радикальные разрешения всех остальных вопросов, интересующих общество, кажутся лишь промежуточными станциями». В то же время страстный протест сатирика-демократа вызвало «глумление» Достоевского «над так называемым нигилизмом и презрение к смуте, которой причины всегда оставляются без разъяснения». Отмечая черты не только близости, но и расхождения идеалов Достоевского с передовой частью русского общества, ее взглядами на пути достижения будущей всеобщей «гармонии», Щедрин писал: «И что же? несмотря на лучезарность подобной задачи, поглощающей в себе все переходные формы прогресса, г-н Достоевский, нимало не стесняясь, тут же сам подрывает свое дело, выставляя в позорном виде людей, которых усилия всецело обращены в ту самую сторону, в которую, по-видимому, устремляется и заветнейшая мысль автора». Последствия этого «глубокого противоречия» Щедрин находил в том, что «всё это пестрит произведения г-на Достоевского пятнами, совершенно им не свойственными, и рядом с картинами, свидетельствующими о высокой художественной прозорливости, вызывает сцены, которые доказывают какое-то уже слишком непосредственное и поверхностное понимание жизни и ее явлений. 〈...〉 С одной стороны, 〈...〉 являются лица, полные жизни и правды, с другой — какие-то загадочные и словно во сне мечущиеся марионетки, сделанные руками, дрожащими от гнева...» (см.: *Салтыков-Щедрин*, т. IX, стр. 411—413).

Сохранилось мемуарное свидетельство Л. Ф. Пантелеева о том, что Щедрин считал «Идиота» «лучшим произведением Достоевского». Сатирик говорил о нем своему собеседнику: «Это гениально задуманная вещь; в ней есть места поразительные, но еще больше плохо высказанного и бог знает как скомканного» (см.: Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. Книга вторая. СПб., 1908, стр. 156).

Последующие суждения об «Идиоте», появлявшиеся на протяжении 1870-х годов то в составе статей и заметок о поздних сочинениях Достоевского, то в общих обзорах его творческого пути, в основном систематизировали и развивали уже сказанное о романе ранее. В «Публичных лекциях» О. Ф. Миллера, выпущенных первым изданием в 1874 г. и вторым в 1878 г (первоначально см.: Русская литература после Гоголя. Лекция IV. «Неделя», 1874, июнь, № 22), проводилась мысль об уклонении Достоевского в «Идиоте» и «Бесах» с той дороги, которая дала «Бедных людей» и «Записки из Мертвого дома». В «„Идиоте“, — писал он, — Достоевский еще не утвердился на этой новой дороге, в „Бесах“ он окончательно укрепляется на ней. „Идиот“ в художественном отношении слабее ⟨...⟩ но зато во многом тут еще вполне чувствуется прежний Достоевский, с его любовью к „униженным и оскорбленным“, братски протягивающим руку всем, разделяющим ту же участь». Мышкина критик сравнил с любимым народом сказочным Иванушкой-дурачком, который оказывается, «как известно ⟨...⟩ человеком не „себе на уме“, не выносящим зрелища постороннего горя, постоянно забывающим себя для других», и объяснил его любовь к Настасье Филипповне, «в сущности той же (только с роскошною обстановкой) Сонечке» (т. е. Соне Мармеладовой), как жалость, принимаемую им за любовь. В обусловленных этой ситуацией сложных перипетиях чувств героев, их душевной борьбе, воспроизведенной с «обычною» для Достоевского «психологическою глубиною», заключалась, по мнению автора лекции, «основная тема» романа. Представляет интерес проводимая Миллером аналогия между эпизодом с Мари в «Идиоте» и толстовским «Люцерном». В обоих этих «швейцарских» сюжетах он подчеркнул объединяющую Л. Н. Толстого и Достоевского мысль о том, что «сами по себе никакие либеральные кодексы еще не дают того настоящего духа свободы и человечности, который должен прежде всего заключаться в нравственном существе человека». Критик признал мешающими впечатлению, «производимому основною личностью», те места романа, где Мышкину навязаны «взгляды отчасти славянофильские», «ради отпора, даваемого самим автором тем направлениям, которые вычитаны из „чужих книжек“» (см.: Ор. Миллер. Публичные лекции. Изд. 2-е. СПб., 1878, стр. 244—248).

По-прежнему часто встречаются в рецензиях 1870-х годов адресованные автору «Идиота» упреки в надуманности и неправдоподобии. Так, по словам корреспондента «Одесского вестника» С. Т. Герцо-Виноградского (псевдоним *Z. Z.-Z.*), в «Идиоте» (так же как в «Бесах» и «Подростке») читатель присутствует «при изображении не действительности, а чего-то такого, что кажется ходящим вверх ногами» («Одесский вестник», 1875, 13 марта, № 58). Составитель «Литературной хроники» в газете «Новости», критик либерально-прогрессивного направления В. В. Чуйко, рассматривая роман «Братья Карамазовы» как итог предшествующего развития писателя, затронул вопрос о насыщенности его творчества драматизмом и событийностью, о сходстве и различиях Достоевского в этом плане с французскими романтиками. Для примера он остановился на «Идиоте». Фабулу этого, как и других романов Достоевского (за исключением «Преступления и наказания»), Чуйко признал не поддающейся анализу, так как, несмотря на то что «роман чрезвычайно драматичен и читается с лихорадочным интересом», «события, мотивы действий, драматические положения — до такой степени перепутаны, до такой степени выходят из границ логики и здравого смысла, что, чувствуя какую-то, может быть и страшную, драму, вы в то же время не знаете, — в чем она состоит...» По мнению Чуйко, Достоевский «везде видит проявление бессознательного и мистического» и «отсюда ведут начало те странные его герои, которые, очевидно, имеют все симпатии автора» — князь Мышкин, Алеша и старец Зосима — и в которых по сравнению с другими персонажами писа-

теля «несомненно больше художественной правды, потому что в них г-н Достоевский положил долю своего личного мировоззрения» («Новости», 1879, 18 мая, № 125; подпись «В. Ч.»).

Крайне резким был отзыв об «Идиоте» Е. Л. Маркова, писателя и критика благонамеренно-либерального толка, особенно чуждого Достоевскому. В связи с опубликованием в «Русской речи» его статьи «Романист-психиатр», заключавшей приводимую ниже характеристику «Идиота», Достоевский писал Е. А. Штакеншнейдер 3 (15) июня 1879 г.: «Оба тома „Русской речи" лежат у меня на столе, а я еще не притронулся прочесть критику. Противно. И если имею понятие о смысле его статей, то из посторонних газет. ⟨...⟩ Прибавьте к тому, что Евг. Марков сам в нынешнем году печатает роман с особой претензией опровергнуть пессимистов и отыскать в нашем обществе здоровых людей и здоровое счастье». Достоевский имел в виду роман «Берег моря», «либеральная маниловщина» которого в том же году была осуждена в «Отечественных записках» (1879, № 8, стр. 225—229). Для автора «Берега моря» были неприемлемы ни «грустный тон» «Идиота», ни его герои, ни психологическая манера раскрытия их «на пределе». «Как безотрадно нужно глядеть на жизнь, чтобы лучшими представителями ее избрать идиота и камелию!» — восклицал он и относил роман к промежуточному периоду творчества писателя, когда «чувство симпатии к внутренней „человечности"» еще не до конца покинуло Достоевского, но он уже отступил от «мужественных воззрений на мир из-за железных решеток „Мертвого дома"». С точки зрения Маркова, читатель «Идиота» должен вынести тяжелое чувство «из этого повального бреда, мало похожего на действительную жизнь, лишенного всех живых красок жизни, всех умиротворяющих ее сторон, среди которого однообразною упрямою нотою стонут размышления и признания психиатрического больного». Непонятной осталась для Маркова идея Достоевского о трагическом положении «добра» в современном обществе и обусловленный ею так называемый «идиотизм» Мышкина. «Какая внутренняя художественная необходимость заставила его раскрывать нравственную красоту человека в такой невыносимо тяжкой, болезненной форме?» — спрашивал он (*РР*, 1879, май, стр. 271—273).

Против ходячих претензий, предъявляемых Достоевскому критиками, возражал историк литературы П. Н. Полевой в очерке «Федор Михайлович Достоевский», вошедшем в цикл «Современные русские писатели» в журнале «Огонек». Полевой доказывал, что сюжеты романов Достоевского «по преимуществу берутся из такой среды явлений современной русской жизни, от которых большая часть людей, живущих изо дня в день *как-нибудь да понемножку*, отвертывается», а так называемый «кошмар» в его произведениях «именно и не позволит заснуть, а заставит хорошенько оглядеться вокруг и подыскать в самой жизни многое, что не дает ровных, спокойных впечатлений...» Не соглашался Полевой и с резким противопоставлением двух периодов в творчестве Достоевского. Он утверждал, что «идеалы, существовавшие в душе его в юные годы, не угасли, не выдохлись ⟨...⟩ хотя, может быть, изменились взгляды относительно путей к их достижению». Исходя из этого и имея в виду прежде всего «Идиота», Полевой отметил, что тип «забитого» человека «теперь здесь не только сочувственно описывается, но даже ставится на пьедестал, возвышается над разными умниками и фразерами». «В полусумасшедших, идиотах, чудаках, — продолжал он, — автор находит „искру божию" и показывает ее современному, хотя и очень умному, но зато ведь и эгоистичному человеку». За «странностью» характера Мышкина (как и Кириллова в «Бесах» или Версилова в «Подростке», называемых в критике даже «дикими») Полевой увидел «много правды», которая соответствует времени, когда «приходится и с „дикими" характерами встречаться...» Кроме Мышкина, он выделял в «Идиоте» «гордый характер „падшей", хотя и против воли, женщины»; в художественном же отношении роман, считал он, «писался неровно» и «полного развития рассказа» не получилось («Огонек», 1879, № 33, стр. 662; № 34, стр. 681—683).

Сохранился любопытный устный отзыв об «Идиоте» ярославского священника отца Алексея, проповедника официального православия. По свиде-

тельству Е. Н. Опочинина, отец Алексей говорил о Достоевском: «Вредный это писатель! Тем вредный, что в произведениях своих прельстительность жизни возвеличивает и к ней, к жизни-то, старается всех привлечь. Это учитель от жизни, от плоти, а не от духа. От жизни же людей отвращать надо, надо, чтобы они в ней постигали духовность, а не погрязали по уши в ее прелестях. А у него, заметьте, всякие там Аглаи и Анастасии Филипповны... И когда он говорит о них, у него восторг какой-то чувствуется... Одно могу вам сказать: у писателя этого глубокое познание жизни чувствуется, особенно в темнейших ее сторонах» (см. запись беседы от 28 января 1880 г. *Звенья,* т. VI, стр. 470).

Высокую оценку центральному герою романа Достоевского дал Л. Н. Толстой. В мемуарах писателя С. Т. Семенова приведена реплика Толстого по поводу услышанного им от кого-то мнения о сходстве между образами князя Мышкина и царя Федора Иоанновича в пьесе А. К. Толстого. «Вот неправда, ничего подобного ни в одной черте, — горячился Л. Н. Толстой. — Помилуйте, как можно сравнивать Идиота с Федором Ивановичем, когда Мышкин это бриллиант, а Федор Иванович грошовое стекло, — тот сто́ит, кто любит бриллианты, целые тысячи, а за стекло никто и двух копеек не даст» (см.: С. Т. Семенов. Воспоминания о Л. Н. Толстом. СПб., 1912, стр. 82). Но отзывы автора «Войны и мира» об «Идиоте» как целостном произведении разноречивы; в них проступает печать его собственной творческой индивидуальности и эстетики: требования ясности изложения, здоровья, простоты (см. запись беседы В. Г. Черткова с писателем в июле 1906 г. и высказывания Толстого о романе, воссозданные в его литературном портрете Горьким, — *ЛН*, т. 37—38, стр. 526, и *Горький,* т. XIV, стр. 264, 288).

Большой интерес представляют поздние самооценки Достоевского, когда он уже несколько отдалился от созданного им романа и мог более спокойно судить о нем. Подготавливая отдельное издание «Идиота» в 1874 г., Достоевский вновь пересмотрел его текст. О впечатлениях, которые он вынес из этого чтения, рассказал в своих «Воспоминаниях о Ф. М. Достоевском» исторический романист Вс. С. Соловьев. Говоря о том, что он завидует «обстоятельствам» Л. Н. Толстого, которые позволяют ему не думать «о завтрашнем дне» и «отделывать каждую свою вещь», Достоевский признавался: «Мне тяжело так работать, как я работаю, тяжело спешить... Господи, и всю-то жизнь!.. Вот я недавно прочитывал своего „Идиота", совсем его позабыл, читал как чужое, как в первый раз... Там есть отличные главы... хорошие сцены... у, какие! Ну вот... помните...свидание Аглаи с князем, на скамейке?.. Но я всё же таки увидел, как много недоделанного там, спешного...» (*ИВ*, 1881, № 4, стр. 840).

М. А. Александров, метранпаж типографии Траншеля, где печатался «Гражданин», воспроизводит разговор, поводом к которому послужил подаренный ему автором экземпляр нового издания «Идиота». «Сколько я мог заключить из слов Федора Михайловича, сказанных им в тот раз об этом романе, ⟨...⟩ — вспоминал Александров, — между своими произведениями он отводил „Идиоту" весьма почетное место. Вручая мне его, он с чувством проговорил: „Читайте! Это хорошая вещь... Тут всё есть!" Впоследствии, когда „Идиот" был уже давно мною прочитан, однажды в разговоре коснулись И. А. Гончарова и я с большою похвалою отозвался об его „Обломове", Федор Михайлович соглашался, что „Обломов" хорош, но заметил мне:

— А мой идиот ведь тоже Обломов.

— Как это, Федор Михайлович? — спросил было я, но тотчас спохватился. — Ах да! ведь в обоих романах герои — идиоты.

— Ну да! Только мой идиот лучше гончаровского... Гончаровский идиот — мелкий, в нем много мещанства, а мой идиот — благороден, возвышен» (см.: Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 годах. *РС*, 1892, № 5, стр. 308).

К середине 1870-х годов Достоевский располагал уже фактами, свидетельствующими о широком признании, которое получил «Идиот» в читательской среде. Об этом говорит дневниковая заметка в тетради 1876—1877 гг. «Меня всегда поддерживала не критика, а публика, кто из критики знает

конец „Идиота" — сцену такой силы, которая не повторялась в литературе. Ну, а публика ее знает...» (записная тетрадь № 10).

О том, насколько замысел «Идиота» глубоко волновал самого Достоевского и какое значение он придавал способности других проникнуть в него, можно понять по ответу писателя А. Г. Ковнеру, выделившему «Идиота» как «шедевр» из всего созданного Достоевским (см.: *Д, Письма,* т. III, стр. 378). «Представьте, что это суждение я слышал уже раз 50, если не более, — писал Достоевский 2 (14) февраля 1877 г. — Книга же каждый год покупается, и даже с каждым годом больше. Я про „Идиота" потому сказал теперь, что все говорившие мне о нем как о лучшем моем произведении имеют нечто особое в складе своего ума, очень меня всегда поражавшее и мне нравившееся. А если и у Вас такой же склад ума, то *для меня* тем лучше».

10

Первые переводы «Идиота» на иностранные языки появились во второй половине 1880-х годов. В 1887 г. роман почти одновременно был издан на английском языке в переводе Ф. Уишоу, на французском в переводе В. Дерели, на датском в переводе Е.-Ж. Хансена. На немецкий язык «Идиот» был переведен А. Шольцем в 1889 г. В 1902 г. вышел итальянский перевод (имя переводчика неизвестно).

На французском языке роман вышел с предисловием М. де Вогюэ. Точка зрения Вогюэ на «Идиота» определилась уже в «Русском романе» (1886). Он писал, что здесь дарование Достоевского пошло на убыль и реализм «Преступления и наказания» сменился «мистическим реализмом».[1] В Мышкине Вогюэ увидел выражение «навязчивой идеи» Достоевского о «преимуществе наивного духом и страдальца».[2] В предисловии к французскому переводу романа критик объяснил, почему серьезные нарекания вызывает у него композиция «Идиота». «Завязка стремительна и искусна, — отмечал Вогюэ, — главные персонажи нам знакомы уже с первых страниц; но вскоре они погружаются в фантастический туман, теряются среди бесчисленных кривляк, выступающих на первый план». Вогюэ не рассчитывал на успех романа среди писателей. Их «быстро утомят эти странные и непонятные интриги, не имеющие между собой видимой связи». Тем не менее некоторые сцены, писал он, превосходят по своему эффекту «самые трагические страницы „Макбета" или „Отелло"», а финал романа, «может быть, самое потрясающее из всего, что написал Достоевский».[3]

Влияние Вогюэ на восприятие романа французской критикой сказалось уже в одной из ранних рецензий на его перевод, автор которой, характеризуя Мышкина как «святого», «почти Христа», подчеркивает, что в его уста Достоевский вложил «свое религиозное кредо и веру в русскую душу».[4] В духе идей Вогюэ характеризуется «Идиот» и в статье «Филантропический аскетизм в русской литературе» (1890).[5]

Вопреки прогнозам Вогюэ роман вызвал интерес французских писателей. Ш.-Л. Филиппа привлекли в «Идиоте» близость к жизни, непосредственность и сила ее восприятия. «Я прочел „Идиота" Достоевского, — писал он в 1911 г. — Вот произведение первозданной силы. Всечеловеческие вопросы поднимаются здесь со страстью. Я не знаю в нашей литературе такой насыщенной книги. Иногда это безумно прекрасно. Сцена, где князь Мышкин

---

[1] E.-M. de Vogüé. Le roman russe. Paris, 1886, p. 268.

[2] Ibid., p. 259.

[3] E.-M. de Vogüé. Préface. In: Th. Dostoevsky. L'Idiot, t. I. Traduit du russe par Victor Derély. 3-ème éd. Paris, [s. a.], p. I—VIII.

[4] R. Frary. Le mouvement littéraire. «La nouvelle revue», 1887, t. 47, p. 124—125.

[5] J.-M. Honcey. L'ascétisme philantropique dans la littérature russe. «Revue bleue», 1890, t. XLVI, p. 436.

рассказывает о своих занятиях с детьми в Швейцарии, описание его душевного состояния перед первым припадком эпилепсии, и встреча его с Рогожиным, и последняя глава — всё это вещи невероятно грандиозные. И его персонажи, такие простые и такие сложные в одно и то же время; удивительно, что с ними так хорошо живется. Я был глубоко взволнован».[1]

Р. Роллан, прочитав роман, оставил следующую запись: «Меня сильно захватила первая половина первого тома. Вторая сбивает и раздражает. Но конец прекрасен. Страсть обеих женщин, вечер у Епанчиных и свадьба, разговор у тела умершей — всё это великолепные сцены. Анализ изумителен, — особенно там, где речь идет о болезненном состоянии князя. Нельзя забывать, что здесь есть юмор. Реализм ежеминутно прорывается из-под юмористической оболочки».[2]

В предисловии к полному собранию сочинений на русском языке (1930 г.) Р. Роллан вспоминал: «Трагедии Эсхила и драмы Шекспира не могли потрясти души своих современников глубже, чем всколыхнули нас „Идиот“, „Братья Карамазовы“, „Анна Каренина“ и великая эпопея ⟨...⟩ „Война и мир“»; они явились молнией откровения, «разодравшей небо Европы около 1880 года» (см.: *Роллан*, т. 14, стр. 531—532). О том, что «властная и новая красота» таких произведений, как «Идиот», произвела «никогда раньше не испытанное потрясающее впечатление», писал также французский романист и драматург О. Мирбо (см.: *Толстой*, т. 74, стр. 195).

Отмечалось, что в романе К.-Ж. Гюисманса «Там, внизу» (1891) описание распятого Христа (по картине Грюневальда) близко к эпизодам с картиной Гольбейна в «Идиоте» (несмотря на принципиальное отличие этих символов у обоих писателей).[3] Отдельные реминисценции из «Идиота» есть в романах Ж. Бернаноса «Обман» (1927) и «Радость» (1929).[4]

Заметное воздействие книга Вогюэ «Русский роман» оказала и на восприятие «Идиота» в Германии. Так, Е. Цабель вслед за французским критиком считал, что Достоевский «изменил своей неумолимо реалистической музе».[5] Односторонне и упрощенно истолкованная славянофильская тенденция романа породила в Германии мнение о его авторе как о «враге Запада и его культуры».[6] Это мнение справедливо оспорил в своей статье о Достоевском влиятельный публицист и талантливый критик М. Харден. Главным в отношении Достоевского к Европе является, по мнению критика, неприятие им бездушной буржуазной цивилизации. Но об отрицании западной культуры не может быть и речи, поскольку в романе писатель возвеличивает «нравственно первозданного», но «духовно высокоразвитого» князя Мышкина.[7]

Не раз поднимался вопрос о воздействии образа Мышкина на трактовку Иисуса Христа у Ницше. Однако прямых свидетельств о знакомстве с романом в произведениях Ницше и в его эпистолярном наследии нет.

Интерес к «Идиоту» в Германии 1880—1890-х годов определяли социальная проблематика и психологизм романа. Ведущий орган немецких натуралистов журнал «Свободная сцена» поместил в 1890 г. отзыв об «Идиоте» следующего содержания: «Напряженность действия и глубина психологического анализа соединены в этом романе с мастерством в изображении социальной действительности современной России. Автор вводит нас во все слои общества и изображает их наиболее характерные типы с поразительной достоверно-

---

[1] Ch.-L. P h i l i p p e. Lettres de jeunesse. Paris, 1911, p. 64.

[2] Cahiers Romain Rolland. Le cloître de la rue d'Ulm. Paris, 1952, p. 85—86.

[3] F.-W.-J. H e m m i n g s. The russian novel in France. 1884—1914. Oxford University Press, 1950, p. 105.

[4] R.-M. A l b é r è s. Histoire du roman moderne. Paris, p. 272.

[5] E. Z a b e l. Russische Literaturbilder. Berlin, 1899, S. 172.

[6] E. B r a u s e w e t t e r. «Der Idiot» von Dostojewski. «Die Gegenwart», 1889, Bd. 36, S. 71.

[7] M. H a r d e n. Literatur und Theater. Berlin, 1896, S. 80.

стью». Далее говорилось: «Врачи и психологи найдут в этом произведении много интересного материала».[1]

В первые десятилетия XX в. «Идиот» Достоевского завоевал в Германии всеобщее признание. Восторженный отзыв дал о нем К. Либкнехт: «Я читал Достоевского, — писал он из тюрьмы в 1917 г., — и вновь впечатление чего-то совершенно неповторимого. Титаническая сила в изображении запутанных, самых несхожих судеб, характеров и социальных элементов, связанных в одно единое целое, проступает в этой книге еще сильнее, чем в „Раскольникове" или в „Братьях Карамазовых"».[2]

Глубокое впечатление оставило знакомство с романом «Идиот» у молодого Я. Вассермана. Сцена вечера у Епанчиных поразила его «той почти сомнамбулической точностью, с которой сделан разрез социальной сферы именно там, где она предстает в наиболее концентрированном, характерном и наглядном виде». [3] Роман Достоевского оказал заметное воздействие на немецкого писателя: оно ощущается главным образом в тех произведениях Вассермана, где он решает проблему положительного героя. Его Агатона («Евреи из Цирндорфа», 1897) сближает с Мышкиным нравственная чистота и подвижническое человеколюбие. В некоторых женских образах Вассермана воспроизведены черты героинь «Идиота». Бескомпромиссностью своих чувств напоминает Настасью Филипповну Жанетта Левенгард из упоминавшегося выше романа. [4] Коллизия Настасьи Филипповны и Тоцкого варьируется в романах «Мелузина» (1896) и «Молох» (1903). Аглая Епанчина несомненно послужила прообразом героини одной из «Русских новелл» («Аглая»).

Идейно и тематически перекликается с «Идиотом» роман Б. Келлермана «Глупец» («Der Tor», 1908). [5] Викарий Грау напоминает Мышкина отзывчивостью и добротой, терпимостью к злым и состраданием к несчастным, мягкой, сдержанной манерой держать себя, всем обликом «святого». Ряд сцен и эпизодов романа представляют собой реминисценции из «Идиота». Неоднократно отмечалось сходство «Идиота» и романа Г. Гауптмана «Блаженный во Христе Эммануэль Квинт» (1910). [6] В Эммануэле Квинте обнаруживаются черты «наивного чудака» (des «reinen Toren»), свойственные князю Мышкину. Однако герою Гауптмана не дано глубокой и обаятельной человечности Мышкина. [7] У Ф. Кафки в «Превращении» (1916) описание насекомого, в которое превратился Грегор Замза, навеяно кошмарным сном Ипполита. «Но у Достоевского гадостное насекомое олицетворяло омерзительность ужаса смерти — у Кафки превращение Замзы было материализацией его ⟨...⟩ общественного самоощущения». [8]

В Англии первый перевод «Идиота» был встречен отчужденно. «Спектейтор» в 1887 г. отрицательно оценил «так называемый реализм» романа, усмот-

---

[1] Fedor Dostojewski's realistische Romane. «Freie Bühne», 1890, 1. Jg., H. 8, S. 255.

[2] K. L i e b k n e c h t. Briefe aus dem Felde, aus dem Untersuchungshaft und aus dem Zuchthaus. Berlin, 1920, S. 99.

[3] J. W a s s e r m a n n. Lebensdienst. Leipzig—Zürich, 1928, S. 260—261.

[4] См.: История немецкой литературы, т. IV. Изд. «Наука», М., 1968, стр. 504.

[5] См.: Т. Л. М о т ы л е в а. Достоевский и мировая литература. *Творчество Достоевского*, стр. 36. О воздействии романа Достоевского на современных немецких писателей см. в кн.: Т. М о т ы л е в а. Достояние современного реализма. М., 1973, стр. 329—345.

[6] А. Л. Г р и г о р ь е в. Достоевский и зарубежная литература. «Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена», 1958, т. 158, стр. 9.

[7] G. K e r s t e n. Gerhard Hauptmann und Lev Nicolajewic Tolstoi. Wiesbaden, 1966, S. 91.

[8] Б. С у ч к о в. Кафка, его судьба и его творчество. «Знамя», 1964, № 10, стр. 225.

рев в нем лишь «демонстрацию» болезненного.[1] На первых порах позицию журнала разделяли многие английские критики.[2]

В начале 1910-х годов положение резко изменилось. В 1913 г. в Англии и США «Идиот» вышел в переводе К. Гарнет, воспринятом читателями с «единодушным одобрением».[3] Английская критика открыла в романе «глубокую идею о безграничных возможностях человека».[4] Образ Мышкина был истолкован как «современное воплощение национального и личного идеала», который, однако, «очень трудно понять западному читателю».[5]

В частности, М. Беринг выделил «Идиота» в творчестве Достоевского, считая его «самым характерным, самым индивидуальным» из всех творений русского писателя, «так как никто, кроме Достоевского, не мог создать такого героя, как князь Мышкин, вдохнуть в него жизнь и заставить его положительно излучать из себя доброту и любовь».[6] Вслед за Вогюэ Беринг ассоциировал образ Мышкина с «типом Иванушки, русского блаженного, который своей простотой побеждает ум мудрых».[7] Как ни фантастичны, по его мнению, персонажи романа, «они, в известном смысле, правдивее самой жизни»,[8] потому что в них обнажены сокровенные глубины души.

Известный писатель Д.-Г. Лоуренс также предпочитал «Идиота» другим произведениям Достоевского. «Я больше всего люблю «Идиота» ⟨...⟩. Христианская вера, самоотверженность и всепрощение находят в нем свое высшее выражение»,[9] — писал он в 1916 г.

Д. Гарнет заставляет героиню своего романа «Без любви» (1929) оставить Вордсворта и взяться за чтение «Отцов и детей» и «Идиота».[10]

Увлечение Мышкиным сказалось в некоторых произведениях английских писателей. Близкие ему черты критики находили в образах Стиви из романа Дж. Конрада «Тайный агент» (1907),[11] Тренчарда из «Темного леса» Х. Уолпола (1916),[12] героя романа Э. Сидгвик «Герцог Джонс» (1915). Критика указывала также, что влияние «Идиота» проявилось в романе американского писателя У. Фолкнера «Пилон» (1935).[13]

Итальянская критика не проявила особого интереса к этому роману Достоевского. Но у некоторых писателей «моральная и интеллектуальная проблематика „Идиота" нашла живой отклик».[14]

В Польше «Идиот» получил широкую известность после перевода, сделанного Г. де Кампо-Шиппио (Краков, 1909). В Болгарии перевод «Идиота»

---

[1] Цит. по: G. Phelps. The Russian Novel in English Fiction. London, 1956, p. 157.

[2] Ibid, p. 158; см. также: E. Garnett. A literary causerie. Dostoievsky. «The Academy», 1906, 1 Sept., № 1791, p. 202.

[3] H. Muchnic. Dostoevsky's English Reputation 1881—1936. Smith College Studies in Modern Languages. Vol. XX. 1938—1939. Northampton—Massachusets, p. 68.

[4] Ibid., p. 68—69.

[5] Ibid., p. 69.

[6] М. Беринг. Вехи русской литературы. М., 1913, стр. 121.

[7] Там же, стр. 114.

[8] Там же, стр. 120.

[9] Цит. по: W. Neuschäffer. Dostojewskijs Einfluß auf den englischen Roman. Anglistische Forschungen. H. 8. Hrsg. von J. Hoofs. Heidelberg, 1935, S. 58.

[10] Ibid., S. 89.

[11] Ibid., S. 26.

[12] Ibid., S. 45.

[13] J. Weisgerber. Faulkner et Dostoievski. Confluences et influences. Bruxelles — Paris, 1968, p. 199.

[14] A. Guarnieri-Ortolani. Saggio sulla fortuna di Dostoevskij in Italia. Padova, 1947, p. 23. — В этой книге рассмотрен вопрос о воздействии романа Достое́вского на творчество Ф. Тоцци, Г. Боржезе, И. Свево (см. гл. II «Probleme dell „Idiota" dal Tozzi all Svevo» — p. 23—25).

публиковался в журнале «Болгарский торговый вестник» с 22 мая по 23 октября 1904 г. Двухтомный перевод романа вышел в 1927 г. В Венгрии роман был переведен С. Эндре в 1910—1911 гг. [1] Румынские читатели впервые познакомились с «Идиотом» по фрагментам, опубликованным в журналах и газетах («Эпока», 1903, № 223; «Ривиста модерна», 1900, № 39; 1901, № 40). [2]

В Чехословакии ранний перевод романа датирован 1903 г. и принадлежит К.-В. Хавранеку. Критик О. Туречек обнаруживает черты князя Мышкина в образе Яна Вайянского из романа Б. Бенешевой «Человек» (1919—1920): «Оба в отношениях с людьми наивны, доверчивы и бесхитростны, как дети». [3]

Сербский журнал «Даница» поместил информацию об «Идиоте» Достоевского в год его выхода в свет (1868). [4] С 1894 г. перевод романа публиковался в журнале «Звезда», затем, в 1898 г., публикацию продолжил «Дневни лист». В 1922 г. он вышел отдельным изданием в переводе З. Велимировича, признанном критикой неудовлетворительным. На хорватский язык роман перевел И. Великанович.

К 1887 г. относится первая известная нам попытка переделки «Идиота» для сцены в России. Начиная с этого времени и до 1896 г. включительно в Главное управление по делам печати поступили под разными названиями («Настасья Филипповна», «Идиот», «Рыцарь бедный», «Князь Мышкин») инсценировки, составленные Познером, Я. Янкевичем, А. Леманом, А. Г. Краевой, Н. Стенсоном, А. М. Свечиным, Л. В. Платоновым и В. Н. Кельш. На все эти пьесы был наложен запрет, основанием к которому послужило отрицательное отношение цензурного ведомства к самой идее театрального воплощения романа. Так, например, в заключении по «делу» о драматургическом переложении романа А. М. Свечиным говорится: «Роман Достоевского „Идиот" по содержанию своему, по выведенным в нем характерам неудобен к переделке для сцены. То тяжелое, безотрадное чувство, которое он вселяет в читателя, становится еще сильнее для зрителей 〈...〉. Человек семейный, пожилой, с положением в обществе, соблазняет опекаемую им девушку и делает из нее свою содержанку. Их окружают всё личности грязные, двусмысленные. Пессимистический взгляд на жизнь и общество Достоевского проявляется ярче, усугубляется при придаче его творениям драматической формы и делает из них какой-то сплошной протест против существующего общества». [5]

Впервые постановка «Идиота» была разрешена лишь в 1899 г. По одной и той же инсценировке В. А. Крылова и С. Сутугина (псевдоним О. Г. Эттингера) 11 октября состоялась премьера спектакля в Малом театре в Москве, а 4 ноября — в Александринском театре в Петербурге. В обоих театрах в «Идиоте» были заняты известные актеры, творческие возможности которых были ограничены, однако, по общему мнению рецензентов, рамками существенно обедняющего содержание романа сценария. В Малом театре роли исполняли: Н. И. Васильев (Мышкин), М. Н. Ермолова (Настасья Филипповна), А. А. Яблочкина (Аглая), Н. М. Подарин (Рогожин), П. М. Садовский (Фердыщенко), В. А. Макшеев (генерал Иволгин); в Александринском театре: Р. Б. Аполлонский (Мышкин), М. Г. Савина (Настасья Филипповна), В. Ф. Комиссар-

---

[1] См.: G. L a j o s. A magyar és áz orosz irodalom kapcslatai. Kolozsvár, 1946, s. 82.

[2] См.: F. R o m a n. Literatura rusă și sovietică in limbă romînă 1830—1959. Contribuţii bibliografice. Bucuresti, 1959, p. 87, 245.

[3] O. T u r e č e k. Čechische Literatur und Dostojewsky. «Wiener slavistisches Jahrbuch», 1950, Bd. I, S. 138.

[4] См.: M. B a b o v i ć. Dostojevski kod Srba. Titograd, 1961, S. 13.

[5] Подробнее об этом см.: Т. И. О р н а т с к а я, Г. В. С т е п а н о в а. Романы Достоевского и драматическая цензура (60-е гг. XIX в.—начало XX в.). *Материалы и исследования*, стр. 275—281. Описание дореволюционных инсценировок, хранящихся в Ленинградской гос. театральной библиотеке им. А. В. Луначарского, см.: «Достоевский. Однодневная газета Русского библиологического общества», 1921, 30 октября (2 ноября), стр. 28—29.

жевская (Аглая), М. В. Дальский (Рогожин), К. А. Варламов (Фердыщенко), Н. М. Медведев (генерал Иволгин), Ю. М. Юрьев (Ганя). Сохранились сведения об исполнении роли Мышкина Л. М. Леонидовым (во время гастролей в 1900—1901 гг. киевской театральной труппы Н. Н. Соловцова) и Н. Н. Ходотовым, участвовавшим в 1902 г. в поездке М. Г. Савиной в Москву, Киев и Одессу. После революции «Идиот» был возобновлен в Академическом театре драмы (бывшем Александринском театре) в 1921 г.[1] В 1920—1940-е годы Н. Н. Ходотов продолжал с успехом играть Мышкина, а выдающимися исполнительницами роли Настасьи Филипповны были Е. Н. Гоголева и В. Н. Пашенная (в Москве); Е. И. Жихарева и Е. И. Тиме (в Ленинграде). Заслуживает особого упоминания чтение В. Н. Яхонтовым подготовленной им композиции «Настасья Филипповна» (1933).

Значительным явлением театральной жизни стал созданный в 1957 г. Г. А. Товстоноговым спектакль Большого драматического театра им. М. Горького в Ленинграде «Идиот», особенно благодаря исполнению роли Мышкина И. М. Смоктуновским. Остальные три основные роли были представлены Н. А. Ольхиной и позднее Э. А. Поповой (Настасья Филипповна), Е. А. Лебедевым (Рогожин), В. М. Талановой (Аглая). В 1958 г. режиссером А. И. Ремизовой была осуществлена постановка «Идиота» в Государственном драматическом театре им. Евг. Вахтангова в Москве с Н. О. Гриценко (Мышкин), Ю. К. Борисовой (Настасья Филипповна), М. А. Ульяновым (Рогожин) и Л. В. Целиковской (Аглая).[2] За последние (1950—1960-е) годы «Идиот» вошел в репертуар многих театров страны. В особенности обратили на себя внимание зрителей и вызвали печатные отклики спектакли, поставленные по этому роману Псковским драматическим театром им. А. С. Пушкина (1956 г.), Русским драматическим театром им. К. С. Станиславского в Ереване (1962 г.), Литовским драматическим театром в Вильнюсе (1965 г.), Театром Коми АССР в Сыктывкаре (1965 г.) и Академическим Художественным театром им. Я. Райниса в Риге (1969 г.). В 1960-х годах композитором В. М. Богдановым-Березовским была написана опера «Настасья Филипповна».

Первая экранизация «Идиота» в России относится еще к 1910 г. — периоду немого кинематографа. Она представляла собой 22-минутный фильм, составленный П. И. Чардыниным из отдельных киноиллюстраций к роману с пояснительными надписями. Художественный фильм по «Идиоту» (ч. I, «Настасья Филипповна») был поставлен в 1958 г. И. А. Пырьевым с Ю. В. Яковлевым и Ю. К. Борисовой в главных ролях.

Сценические воплощения романа неоднократно осуществлялись и за рубежом. Заметным явлением театральной жизни Франции была сценическая редакция Нозьера и Бьенстока (1925 г., парижский театр «Водевиль»). Декорации и костюмы к спектаклю были изготовлены по эскизам А. Н. Бенуа. В роли Настасьи Филипповны выступала известная актриса И. Рубинштейн. Критика высоко оценила игру Конелани (Рогожин) и Бланшара (Мышкин). Как отмечалось в советской периодике, спектакль «был лишен неизбежного в заграничных постановках курьезного изображения русской жизни».[3] Однако, сравнивая инсценировку Нозьера и Бьенстока с романом Достоевского, А. Н. Бенуа относился к ней критически.[4]

В 1957 г. журнал «Театр» сообщил о готовящейся в театре Ла Брюйер новой инсценировке по роману Достоевского в постановке Ж. Витали. Сценарий был создан Г. Ару. Эта работа, по его собственному признанию, потре-

[1] Перечень рецензий на эти и последующие постановки см.: Ф. М. Достоевский. Библиография произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем. 1917—1965. Изд. «Книга», М., 1968 (по указателю).

[2] О спектаклях Большого драматического театра им. М. Горького и Государственного драматического театра им. Евг. Вахтангова см. в кн.: Н. Берковский. Литература и театр. Изд. «Искусство», М., 1969, стр. 558—588.

[3] «Жизнь искусства», 1925, № 16, стр. 21. См. рецензию в «Journal des débats», 1925, № 32.

[4] См.: Александр Бенуа размышляет (Изд. «Сов. художник», М., 1968, стр. 156, 531—533, 604); В гостях у Бенуа («Огонек», 1965, № 49, стр. 12—13).

бовала двадцатилетней подготовки. В своей пьесе Ару намеревался развенчать миф о Достоевском — «мрачном гении» и показать «Достоевского-юмориста». [1]

17 мая 1962 г. состоялась премьера спектакля «Идиот» в театре «Рекамье». По мнению постановщика Ж. Жиллибера, основа для трагедийной пьесы заложена уже в самом романе и потому он «легко поддается сценической адаптации». [2] В главных ролях были заняты Р. Вейнгартен (Мышкин), М. Рибовска (Настасья Филипповна) и сам Жиллибер (Рогожин).

В 1966 г. двухактная пьеса по роману «Идиот» была поставлена в театре «Ателье» художественным руководителем этого театра А. Барсаком. В инсценировке Барсака на первый план выдвигается «тема оскорбленной красоты — Настасьи Филипповны — жертвы жестокого общества, исповедующего культ денег». [3] Спектакль имел большой успех. Ассоциация театральных критиков признала его лучшим спектаклем сезона. Лестные отзывы заслужили исполнители главных ролей. «Даже тень Жерара Филиппа меркнет в светлом сиянии, исходящем от Филиппа Аврона — Мышкина», — писал один из рецензентов. Роль Настасьи Филипповны была признана высшим достижением К. Селлер — «этой большой актрисы». [4] Во время гастролей Большого драматического театра им. М. Горького в Париже зимой 1966 г. русский и французский спектакли ставились параллельно.

В Германии одна из ранних инсценировок романа Достоевского была осуществлена в конце 1920-х—начале 1930-х годов в гамбургском театре «Талия» (пьеса в 10 картинах, постановка Соколова). [5] Позднее «Идиот» ставился по сценариям Р. Афанасьева и Г. Яковлева (в переводе И. Кершнер) и Г. Ару (в переводе Г. Энихе). 8 ноября 1960 г. состоялась премьера спектакля по роману Достоевского в Вене в инсценировке К. Радлекера. [6] В 1952 г. в Западном Берлине на музыку В. Хенце был поставлен балет «Идиот» (авторы сценария — Т. Гзовская и И. Бахман, хореография Т. Гзовской, партию Настасьи Филипповны исполняла В. Полар, партию Рогожина — Х. Хорн). В этом балете танцы чередовались с пантомимой и диалогом. [7] Монолог князя Мышкина был написан известной австрийской поэтессой И. Бахман.

В Англии роман «Идиот» был инсценирован в 1926 г. М. Хоген — сценарист и режиссер — выступил также в роли Рогожина. [8] Добиваясь эффекта, Хоген демонстрировал на сцене «физические уродства»; с той же целью был изменен финал романа (Рогожин кончает самоубийством, Мышкин произносит заключительный монолог). Спектакль был признан в критике «впечатляющим, но не очень вразумительным». [9] 5 марта 1962 г. была поставлена пьеса Дж. Рубена по мотивам романа «Идиот» (режиссер Дж. Крокит). [10]

В США роман был впервые поставлен на сцене 7 апреля 1922 г. в «Литтлтеатре» (два представления).[11] Новая премьера спектакля по «Идиоту» состоялась 25 сентября 1960 г. в нью-йоркском театре «Гейт». Инсценировка была создана Б. Тумариным и Ж. Сидовым. За месяц с небольшим (по 30 октября 1960 г.) пьеса выдержала 41 представление. [12]

---

[1] «Europe», 1956, novembre—décembre, p. 127.

[2] «Paris-Théâtre», 1962, № 185, p. 7.

[3] A. B a r s a c q. Une galerie hallucinante des portraits. «L'Avant-scène du Théâtre», 1966, № 367, p. 10.

[4] Ibid., p. 42.

[5] См.: F.-E. S c h u l z. Weltdramatik. Fortsetzung und 2. Band. Stuttgart, 1931, S. 51.

[6] См.: Dramenlexikon, 2. Bd. Berlin, 1962, S. 52, 53.

[7] См.: E. R e b l i n g. Ballett gestern und heute. Berlin, 1957, S. 362.

[8] См.: H. M u c h n i c. Dostoevsky's English Reputation..., p. 146.

[9] Ibid., p. 147.

[10] См.: Who's who in the Theatre. New York—Toronto—London, 1967, p. 118.

[11] См.: The Biographical Encyclopedia. Who's who of the American Theatre. New York, 1966, p. 23.

[12] Ibid., p. 80.

Ранней итальянской постановкой по роману Достоевского была трехактная пьеса Л. Амбрози «Настасия», премьера которой состоялась 19 января 1923 г. в театре «Олимпия». В отзыве отмечалось, что «усилия сценариста увенчались самым счастливым успехом». [1]

В 1930-е годы «Идиот» пять раз инсценировался в Югославии. Спектаклем по роману отметил 50-летие со дня смерти писателя Сараевский театр (1931). Из других югославских постановок «Идиота» особенно оживленную дискуссию вызвала пьеса М. Петича, в режиссуре Т. Строцц, которая шла в 1938 г. в Народном театре. Следует упомянуть также чешскую (Прага, 1934) и венгерскую (Будапешт, 1965) инсценировки «Идиота».

Среди лучших зарубежных экранизаций могут быть названы французский фильм «Идиот» Ж. Лампена (1946), с Ж. Филиппом в главной роли, [2] и выдающийся японский фильм «Идиот» Акиры Куросавы (1950) (в ролях снимались: Масауки Мори — Мышкин, Сетсуко Хара — Настасья Филипповна, Тосиро Мифунэ — Рогожин, Кагава — Аглая). [3]

С т р. 6. *...*от Эйдткунена до Петербурга.* — Эйдткунен — прусская железнодорожная станция на тогдашней границе Пруссии и России. Упоминается также в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863; см.: наст. изд., т. V, стр. 51).

С т р. 6. *...из старого, полинялого фуляра...* — Фуляр (франц. foulard) — легкая шелковая ткань.

С т р. 6. *На ногах его были толстоподошвенные башмаки с штиблетами, — всё не по-русски.* — Штиблеты (нем. Stiefelette) — гетры на пуговицах.

С т р. 7. *...с наполеондорами и фридрихсдорами, ниже с голландскими арапчиками...* — Речь идет о золотых монетах: наполеондор — французская, достоинством в 20 франков (существовали также двойные и половинные), фридрихсдор — прусская, достоинством в 5 серебряных талеров. Арапчик (устар. торговое) — одна из разновидностей русской золотой монеты достоинством в 3 рубля (так называемый голландский червонец: напоминал по внешнему виду старинные дукаты голландских штатов; чеканился в Петербурге).

С т р. 7. *...на франкировку письма...* — Франкировка (от итал. francare) — оплата вперед за перевозку и доставку писем (в целях страховки).

С т р. 8. *...генерала же Епанчина знаем-с, собственно, потому, что человек общеизвестный...* — Во «Всеобщей адресной книге Санкт-Петербурга...», изд. Гоппе и Корнфельда, 1867—1868 гг. (стр. 168), значится, что в это время в столице жили четыре военных деятеля с фамилией Епанчин. О старинном дворянском роде Епанчиных и его представителях-современниках Достоевского см. также: Энциклопедический словарь, т. XIa. Изд. Брокгауз-Ефрон. СПб., 1894, стр. 661—662.

С т р. 8. *...они у нас и однодворцами бывали.* — Однодворцы — при крепостном праве одна из категорий государственных крестьян, имевших мелкие земельные участки и наделенных правом владеть крепостными.

С т р. 8. *...армии подпоручик, из юнкеров.* — Юнкер — звание, присваивавшееся нижним чинам, проходившим курс наук в юнкерских училищах. Подпоручик — младший офицерский чин.

С т р. 9. *...потомственного почетного гражданина...* — Имеется в виду звание, присваивавшееся купцам и другим лицам недворянского сословия за какие-либо заслуги и передававшееся по наследству.

С т р. 10. — *И не давай! ∾ Жену, детей малых брошу, а пред тобой буду плясать. Польсти, польсти!* — Тем же принципом поведения, но нес-

---

[1] R. S i m o n i. Trent'anni di cronaca drammatica, vol. I. Torino, 1955, p. 640—641.

[2] См.: Жерар Филипп. Воспоминания, собранные Анн Филипп. Изд. «Искусство», Л.—М., 1962, стр. 62—69; А. Б р а г и н с к и й. Жерар Филипп. В кн.: Актеры зарубежного кино. Изд. «Искусство», М., 1966, стр. 174—193.

[3] См. о нем: С. Ю т к е в и ч. Каин, 1958. «Искусство кино», 1958, № 11, стр. 146—147.

* Здесь и ниже указаны страницы VIII тома наст. изд.

колько иначе мотивированным, наделен в «Селе Степанчикове и его обитателях» Ежевикин: «... к тому же, польсти, польсти! вот оно что: все-таки что-нибудь выиграешь, хоть ребятишкам на молочишко» (см.: наст. изд., т. III, стр. 51).

Стр. 10. *...и о чем-нибудь языком колотить.* — Достоевский частично цитирует запись № 387 Сибирской тетради (см.: наст. изд., т. IV, стр. 245).

Стр. 10. *Про матушку нечего сказать, женщина старая, Четьи-Минеи читает...* — Четьи-Минеи (помесячные чтения) — сборники древнерусской духовно-учительной литературы, в которых по месяцам и числам расположены жития святых православной церкви, поучения, сведения о праздниках и т. п. В «Дневнике писателя» за июль-август 1877 г. (гл. III, § 3) есть замечание, специально посвященное этому памятнику. По мнению Достоевского, «по всей земле русской чрезвычайно распространено знание Четьи-Минеи», «распространен дух ее», есть много рассказчиков и рассказчиц, которые передают жития из Четьи-Минеи «прекрасно, точно, не вставляя ни единого лишнего слова от себя, и их заслушиваются». «Я сам, — писал Достоевский, — в детстве слышал такие рассказы прежде еще, чем научился читать. Слышал я потом эти рассказы даже в острогах у разбойников ⟨...⟩. В этих рассказах ⟨...⟩ заключается для русского народа, так сказать, нечто покаянное и очистительное!».

Стр. 11. *Да вечером в Большом али во Французском театре в своей собственной ложе сидит;* см. также стр. 107: ... *у Большого театра* ∾ *в бельэтаже...* — Большой театр находился на Театральной площади, на месте нынешнего здания Ленинградской гос. консерватории (построен в 1783 г., а в 1889—1892 гг. разобран). На его сцене давались спектакли русских и зарубежных трупп — не только оперные и балетные, но и драматические (см. подробнее: *Вольф, Хроника,* ч. I, стр. 11, 20). Французская (драматическая) труппа, несколько варьируя свой состав, из года в год давала спектакли на сцене Михайловского театра (ныне Ленинградский гос. академический Малый оперный театр). Он был открыт 8 ноября 1833 г. и «сделался с тех пор рандеву большого света» (там же, стр. 37; ср. у Достоевского: *ДП*, 1876, апрель, гл. I, § 2). На его сцене «очень скоро» появлялись «все парижские новости» (см.: *Вольф, Хроника,* ч. III, стр. 157—158). Репертуар труппы был разнообразен (от драмы до оперетты).

Стр. 12. — *«Сживывал!» — переговорил Рогожин. — Ты что знаешь?* — Эти слова восходят отчасти к записям №№ 28 и 33 Сибирской тетради (см.: наст. изд., т. IV, стр. 235, 236).

Стр. 14. — *А ты ступай за мной, строка...* — Строка — то же самое, что прика́зная строка (устар., пренебреж. — о чиновнике, писце). В Сибирской тетради (под № 109) есть запись «Эй ты, строка» (см.: наст. изд., т. IV, стр. 238).

Стр. 14. *...к Вознесенскому проспекту.* — Вознесенский проспект — ныне проспект Майорова, где Достоевский жил с весны 1847 по апрель 1849 г. и с февраля по апрель 1867 г. (неоднократно упоминается в его произведениях), — см.: Е. Саруханян. Достоевский в Петербурге. Л., 1970, стр. 260, 262.

Стр. 14. *...несколько в стороне от Литейной, к Спасу Преображения.* — Названный собор расположен на площади, замыкающей улицу Пестеля (бывшую Пантелеймоновскую). Возобновлен в 1827—1829 гг. по проекту В. П. Стасова на месте храма, сгоревшего в 1825 г.

Стр. 14. *В старину генерал Епанчин* ∾ *участвовал в откупах.* — Откуп — продажа частному лицу права на взыскание государственных налогов или доходов с государственной монополии. В России были особенно распространены винные откупа, приносившие огромные доходы откупщикам и разорявшие население. В 1863 г. они были отменены.

Стр. 14. *.. имел систему не выставляться, где надо — стушевываться...* — О глаголе «стушеваться», введенном в литературный язык Достоевским в «Двойнике», см. подробнее: наст. изд., т. I, стр. 489.

Стр. 14. *...но он любил выставлять себя более исполнителем чужой идеи* ∾ *человеком «без лести преданным»...* — Намек на девиз «Без лести предан» в гербе А. А. Аракчеева (1769—1834), присвоенный ему Павлом I (ср.

эпиграмму А. С. Пушкина «На Аракчеева» «Всей России притеснитель...» (1817—1820)).

Стр. 16. ... *средняя была замечательный живописец ∾ да и то нечаянно.* — В связи с этой авторской ремаркой, указывающей на скромность Аделаиды, небезынтересно отметить, что и само имя ее (от греч. ἄδηλος) означает: неяркая, незаметная.

Стр. 17. ... *в чужой монастырь...* — Имеется в виду пословица «В чужой монастырь со своим уставом не ходят» (вариант: «... со своим уставом не ходи»).

Стр. 19. — *Здесь у вас в комнатах теплее, чем за границей зимой ∾ то есть печи и окна.* — Ср. с рассказом Достоевского в письме к А. Н. Майкову из Женевы от 31 декабря (12 января) 1867 г.: «5 месяцев в году здесь ужасные холода ⟨...⟩ и при всем этом нет ума хоть капельку исправить жилища! ⟨...⟩ Ведь только бы одни двойные рамы — и даже с каминами можно бы жить! Я уж не говорю — печь поставить. ⟨...⟩ У меня в комнате, при ужасной топке, бывало только +5° Реомюр (пять градусов тепла!)».

Стр. 19. *Здесь про суды теперь много говорят.* — О подготовке и проведении судебной реформы см. подробно: наст. изд., т. VII, стр. 387—388. По свидетельству жены писателя, «в зиму 1867 года Федор Михайлович чрезвычайно интересовался деятельностью суда присяжных заседателей, незадолго пред тем проведенного в жизнь. Иногда он даже приходил в восторг и умиление от их справедливых и разумных приговоров...» (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания,* стр. 170). Положительный отзыв о деятельности присяжных встречаем в письме Достоевского к А. Н. Майкову от 9(21) октября 1867 г. Но чаще приговоры присяжных вызывали у него тревогу и недоумение. В «Дневнике писателя» за 1873 г. (гл. III, «Среда») Достоевский вспоминал, как, с жадностью читая за границей всё, «что касалось русских судов, в наших газетах», он возмущался оправданием «явных, доказанных» преступлений. Полемика с теорией фатальной обусловленности преступлений влиянием среды звучит и в «Идиоте» (см. стр. 444, 451).

Стр. 19. ... *у нас смертной казни нет.* — Смертная казнь в России была отменена указами императрицы Елизаветы Петровны в 1753—1754 гг., но при Екатерине II была вновь введена как высшая кара за государственные, воинские и некоторые другие преступления. 17 апреля 1863 г. были отменены лишь наказания плетьми и шпицрутенами, фактически являвшиеся разновидностью смертной казни. В 1860-е годы в связи с подъемом освободительного движения смертная казнь применялась особенно часто. Незадолго до отъезда Достоевского за границу, 3 сентября 1866 г., в Петербурге на Смоленском поле был повешен Каракозов. Таким образом, утверждение, что в России «смертной казни нет», и ссылка на то, что князь видел ее лишь за границей, введены Достоевским (который сам в 1849 г. был приговорен по делу петрашевцев к расстрелу), вероятно, с целью предохранить от вмешательства цензуры те страницы романа, где содержатся рассуждения Мышкина о смертной казни.

Стр. 19. — *А там казнят? — Да. Я во Франции видел, в Лионе. ∾ во Франции всё головы рубят.* — Во Франции уголовных преступников до конца XIX в. казнили публично (казнь за политические преступления была в 1848 г. отменена). Картину публичной казни описывает в очерке «Казнь Тропмана» (1870) присутствовавший при гильотинировании Тургенев. Очерк заканчивается словами: «Я буду доволен ⟨...⟩ если рассказ мой доставит хотя несколько аргументов защитникам отмены смертной казни или по крайней мере — отмены ее публичности» (см.: *Тургенев, Сочинения,* т. XIV, стр. 171).

Стр. 20. *Сказано: «Не убий»...* — См.: Исход, гл. 20, ст. 13; Второзаконие, гл. 5, ст. 17. Эта заповедь Ветхого завета неоднократно приводится и в Евангелиях: от Матфея, гл. 5, ст. 21, и гл. 19, ст. 18; от Марка, гл. 10, ст. 19; от Луки, гл. 18, ст. 20.

Стр. 20. — *Хорошо еще вот, что муки немного ∾ так многие говорили?* — Ссылаясь на то, что «многие говорили» о нестерпимых страданиях осужденных на казнь, Достоевский прежде всего имеет в виду повесть В. Гюго «Последний день приговоренного к смерти» (1829), к которой он относился

с особым интересом (см. об этом ниже и в комментариях к «Преступлению и наказанию» и «Кроткой» — наст. изд, т. VII, стр. 369—370, и т. XXII). Скорее всего Достоевский читал повесть и по-французски; а из нескольких русских переводов его безусловно наиболее заинтересовал принадлежащий М. М. Достоевскому («Светоч», 1860, кн. III), который и цитируется в дальнейшем. Достоевский, как и Гюго, утверждает, что страшнее всего душевные муки приговоренного к гильотинированию. Ср. у Гюго: «Во всем этом они видят только вертикальное падение треугольного ножа и, конечно, уверены, что для осужденного не было ничего прежде, не будет ничего после. ⟨...⟩ Они в восторге от того, что изобрели средство убивать людей без страданий тела. Но разве вопрос в этом? Что значит физическая боль в сравнении с моральной? ⟨...⟩ Должно быть, там есть пружина и заставят лечь ничком... Ах! волосы у меня поседеют, прежде чем упадет голова. ⟨...⟩ Ничего! Пустяки! Меньше минуты, меньше секунды, и всему конец. — Да поставили ли они себя хоть раз в жизни в положение того, кто там лежит, в то время как падает тяжелое острие, впивается в мясо, рвет нервы, ломает позвонки? Что за важность! Полсекунды! и боль исчезла... Ужас!» («Светоч», 1860, кн. III, отд. I, стр. 91, 135, 149; ср.: *Гюго*, т. I, стр. 236, 268, 279). В ином контексте мысль о том, что «в мучении материальном» забывается хоть на миг «страшнейшая сего мука духовная» звучит у Достоевского в «Братьях Карамазовых» (ч. III, кн. 6, гл. III).

Стр. 20—21. *Я до того этому верю ∾ с ума сойдет или заплачет.* — Теми же идеями проникнут «Последний день приговоренного к смерти». Словам Достоевского особенно созвучен финал VII главы: «Боже мой! меня спасите, меня! правда ли, что это невозможно, что должно будет умереть завтра, сегодня может быть, что это непременно будет? Боже мой! От этой ужасной мысли можно раздробить себе голову о тюремные стены» («Светоч», 1860, кн. III, стр. 92; ср.: *Гюго*, т. I, стр. 236). О мучительном состоянии и слезах осужденных при объявлении им смертного приговора рассказывается в публикациях «Времени» из уголовных дел Франции: «Процесс Ласенера» и «Таинственное убийство» (*Вр*, 1861, № 2, отд. I, стр. 38; 1862, № 1, отд. I, стр. 83 и 101). Последнее наблюдение принадлежит Т. С. Карловой и В. Д. Раку.

Стр. 21. *Может быть, и есть такой человек ∾ мог бы рассказать.* — Достоевский говорит здесь прежде всего о себе и других петрашевцах, которым об отмене смертной казни было сообщено лишь после чтения приговора и приготовлений к расстрелу. Он рассказал об этом в письме к брату от 22 декабря 1849 г. Из газет писатель, вероятно, знал, что «казнь» петрашевцев не была единичным случаем: подобной варварской пытке подвергались и другие осужденные (см. подробнее: *Дороватовская-Любимова,* стр. 47—48).

Стр. 21. *Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил.* — Имеется в виду евангельская сцена в Гефсиманском саду: «Тогда говорит им Иисус: душа моя скорбит смертельно ⟨...⟩. И, отойдя немного, пал на лице свое, молился и говорил: отче мой! если возможно, да минует меня чаша сия; впрочем, не как я хочу, но как ты» (см.: Евангелие от Матфея, гл. 26, ст. 38, 39, а также ст. 37, 42, 44). Евангелие от Луки дополняет этот эпизод: «И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот его, как капли крови, падающие на землю» (гл. 22, ст. 44).

Стр. 21. *...с маленькою, наполеоновскою бородкой...* — Такую бороду носил Наполеон III (1808—1873), император Франции с 1852 г.

Стр. 25. *...в кантоне Валлийском...* — Кантоном (франц. canton) называется каждая из административных единиц, на которые делится Швейцария.

Стр. 25. — *У вас же такие славные письменные принадлежности ∾ какая плотная, славная бумага...* — «Федор Михайлович, — отмечала по поводу этих строк А. Г. Достоевская, — любил хорошие письменные принадлежности и всегда писал свои произведения на плотной хорошей бумаге с едва заметными линейками. Требовал и от меня, чтобы я переписывала им продиктованное на плотной бумаге только определенного формата. Перо любил острое, твердое. Карандашей почти не употреблял» (см.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 58).

С т р. 26. *...да и не интересанка совсем.* — Интересанка (от франц. intérêt — в значении: польза, выгода) — руководящаяся в своих поступках личным расчетом.

С т р. 29. *На толстом веленевом листе...* — Веленевая (франц. vélin — пергамент из телячьей кожи) бумага — высокосортная, плотная и гладкая бумага.

С т р. 29. *...игумен Пафнутий...* — Речь идет об основателе Авраамиевой чухломской верхней пустыни на реке Виге (XIV в.) — см.: П. С т р о е в. Списки иерархов и настоятелей монастырей российския церкви. СПб., 1877, стр. 869.

С т р. 29. *Они превосходно подписывались, все эти наши старые игумены и митрополиты* ∾ *хоть погодинского издания, генерал?* — Имеется в виду изданный М. П. Погодиным альбом «Образцы славяно-русского древлеписания», тетради 1—2 (М., 1840—1841). В нем представлены 44 образца рукописных шрифтов (с IX по XVIII в.), снятые и литографированные К. Я. Трониным. В этом издании Достоевскому запомнился 18-й образец из второй тетради (единственный в альбоме пример подписанного документа), которому М. П. Погодин дал в предисловии следующее описание: «„Употреби труд..." Из духовного завещания святителя Митрофана (с его подписью по листам, здесь собранною), преставившегося в 1723 году».

С т р. 29. *...«Усердие всё превозмогает».* — Эти слова были, по приказу Николая I, выбиты в 1838 г. на медали в честь графа П. А. Клейнмихеля (1793—1869) после перестройки под его руководством Зимнего дворца. В контексте данного эпизода изречение это служит прежде всего характеристикой генерала Епанчина и иллюстрирует проницательность Мышкина (отметим кстати, что Клейнмихель был в чине генерал-адъютанта). Вероятно, Достоевскому напоминало об этой фразе постоянное чтение за границей Герцена, который обращался к ней часто, как и к фигуре Клейнмихеля: см. например, главу «Вместо продолжения» в повести «Долг прежде всего» (1851, лондонские издания — 1854 и 1857). Об одном из «вариантов» Клейнмихеля — вятском губернаторе Тюфяеве — Герцен писал в «Былом и думах» как о человеке без образования, «без высших притязаний ⟨...⟩ без мнений ⟨...⟩ снедаемом честолюбием и ставящем повиновение в первую добродетель людскую», которому свойственно «отречение от воли и мысли перед властью» (см.: *Герцен,* т. VIII, стр. 236, 250; ср. с характеристикой «самоучного» генерала Епанчина, претендующего на «очень высокое место» — наст. изд., т. VIII, стр. 14 — 15, 270—271). В «Былом и думах» упоминаются также эпизод восстановления от пожара Зимнего дворца и слова на памятной медали (см.: *Герцен,* т. VIII, стр. 250).

С т р. 29. *...у одного французского путешествующего комми...*; см. также с т р. 58: *Один проезжий французский комми...* — Комми (франц. commis) — приказчик. В данном случае имеется в виду разъездной торговый агент (коммивояжер).

С т р. 35. *На третий день* ∾ *а деточки целы остались».* — Этот трагический эпизод отчасти восходит к действительному происшествию, которое было глубоко пережито Достоевским в детстве. В I главе апрельского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. рассказывается о том, как в третий день пасхальной недели, когда вся семья Достоевских сидела за чаем, отворилась дверь и на пороге показался дворовый человек Григорий Васильев, «сейчас только из деревни прибывший». «В отсутствие господ ему даже поручалось управление деревней, и вот вдруг вместо „управляющего", всегда одетого в немецкий сюртук и имевшего солидный вид, явился человек в старом зипунишке и в лаптях. ⟨...⟩

— Что это? — крикнул отец в испуге. — Посмотрите, что это?

— Вотчина сгорела-с! — пробасил Григорий Васильев. ⟨...⟩

Оказалось, что всё сгорело, всё дотла, и избы, и амбар, и скотный двор, и даже яровые семена, часть скота и один мужик, Архип. С первого страху вообразили, что полное разорение». Брат писателя, чрезвычайно подробно излагающий этот же эпизод в своих «Воспоминаниях», относит его не к 1830 (как в «Дневнике писателя»), а к 1833 г. (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 59—61).

С т р. 35—36. *...и деревенька, как нарочно, называлась сельцо Отрадное.* — См. об этом выше, стр. 389.

С т р. 36. *...удивительная левретка...* — Левретка (франц. levrette) — небольшая комнатная собака из породы борзых.

С т р. 42. *...нет ли и тут змеи под цветами.* — Скрытая цитата из «Ромео и Джульетты» Шекспира в переводе М. Н. Каткова. В этом переводе «Ромео и Юлия, драма в пяти действиях. Соч. Виллиама Шекспира» была опубликована в 1841 г. в «Пантеоне русского и всех европейских театров» (ч. I, стр. 1—64). См. слова Юлии в действии III, явлении VIII (стр. 37): «Змея, змея, сокрытая в цветах!» Достоевский цитировал их еще в 1847 г. в «Романе в девяти письмах» — см.: наст. изд., т. I, стр. 236.

С т р. 48. *...иная из нас в осла еще влюбится ∾ Это еще в мифологии было.* — Имеются в виду сюжетные мотивы знаменитого произведения древнеримского писателя Апулея (ок. 135—ок. 180) «Метаморфозы, или Золотой осел», и, может быть, также комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь».

С т р. 50. — *Мы приехали в Люцерн, и меня повезли по озеру.* — Люцерн — главный город одноименного кантона,расположенный на берегу Фирвальдштетского озера.

С т р. 50. *Восток и Юг давно описан...* — Неточная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» (1840). У Лермонтова:

О чем писать? Восток и юг
Давно описаны, воспеты...

С т р. 51. *А потом мне показалось, что и в тюрьме можно огромную жизнь найти. ∾ что под окном выросло...* — Мотивы этого рассуждения в значительной степени восходят к «Шильонскому узнику» Дж.-Г. Байрона (1816) в переводе В. А. Жуковского (1822), особенно к последним его строфам. Наиболее важна XIV строфа:

И подземелье стало вдруг
Мне милой кровлей... там всё друг,
Всё однодомец было мой:
Паук темничный надо мной
Там мирно ткал в моем окне;
⟨...⟩ И... столь себе неверны мы!..
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнул —
Я о тюрьме своей вздохнул.

Интересно отметить, что в переводе XII строфы, варьирующей тот же мотив об «огромной жизни» в тюрьме, есть (как и в романе Достоевского) строки, навеянные изречением Мальтуса (см. о нем ниже, стр. 448—449, 452) и отсутствующие в оригинале:

Без места на пиру земном,
Я был бы лишний гость на нем...

Мысль об огромной жизни в тюрьме — одна из основных и в любимой Достоевским повести В. Гюго «Последний день приговоренного к смерти».

С т р. 51—52. *Этот человек был раз взведен, вместе с другими, на эшафот ∾ чтобы его поскорей застрелили.* — См. об этом выше, стр. 430.

С т р. 52. *Он умирал двадцати семи лет...* — В 1849 г., когда Достоевский был приговорен к смертной казни по делу петрашевцев, ему было почти столько же — 28 лет.

С т р. 53. *С вашим квиетизмом можно и сто лет жизни счастьем наполнить*; см. также с т р. 56: — *Это, конечно, непохоже на квиетизм...* — Квиетизм (франц. quiétisme) — здесь: исполненное покоя, пассивно-созерцательное отношение к жизни. Почти в том же значении употреблено это слово в «Дневнике писателя» (1876, январь, гл. I, § 1): «...либерализм наш, казалось бы, принадлежит к разряду успокоенных либерализмов; успокоенных и успокоившихся, что, по-моему, очень уж скверно, ибо квиетизм всего бы меньше, кажется, мог ладить с либерализмом».

Стр. 55. *Я в Базеле недавно одну такую картину видел. ∾ очень меня поразила.* — По всей вероятности, Достоевский имеет в виду хранящуюся в Базельском художественном музее картину Г. Фриса (1450—1520) «Усекновение главы Иоанна Крестителя» (1514), изображающую лицо Иоанна в тот момент, когда над ним уже занесен меч.

Стр. 55. *Тут часа три-четыре проходят на известные вещи ∾ что такое туалет преступника?)...* — См. о завтраке перед казнью в «Последнем дне приговоренного к смерти» В. Гюго (гл. XVIII, XXX): «Мне принесли закуску: они думали, что я в ней нуждаюсь. Тонкие и лакомые блюда, цыплята, кажется, и еще что-то такое. Я попробовал есть; но первый же кусок выпал у меня изо рта: так всё это мне показалось горьким и вонючим» («Светоч», 1860, кн. III, отд. I, стр. 115, 139). Туалет преступника, о котором упоминает Достоевский, подробно описан в гл. XLVIII этой повести (ср.: *Гюго,* т. I, стр. 253, 271, 287—288).

Стр. 55. *Кругом народ, крик, шум, десять тысяч лиц, десять тысяч глаз, — всё это надо перенести...* — Ср. у Гюго: «Все эти голоса, эти головы у окон, у дверей, у решеток лавок, на фонарях ⟨...⟩ эта дорога мощеная и стены, облицованные человеческими лицами... Я опьянел, одеревенел, обезумел. Невыносима тяжесть такого множества остановившихся на вас взглядов» (см. там же, стр. 165; ср.: *Гюго,* т. I, стр. 291—292).

Стр. 56. *...так и стучат разные мысли ∾ пуговица заржавела»...* — Сходную мысль высказывает Достоевский в «Преступлении и наказании». Она отражает трагический опыт писателя, приговоренного к расстрелу за участие в кружке петрашевцев, а также варьирует настойчивый мотив гл. XLVIII «Последнего дня приговоренного к смерти» (см. подробнее: наст. изд., т. VII, стр. 369—370).

Стр. 56. *И представьте же, до сих пор еще спорят, что, может быть, голова когда и отлетит, то еще с секунду, может быть, знает, что она отлетела, — каково понятие!* — Ср. с описанием смерти героя в рассказе Достоевского «Господин Прохарчин» (1846): «...он всё еще помаленьку дрожал и трепетал всем телом ⟨...⟩ моргал глазами совершенно подобным образом, как, говорят, моргает вся еще теплая, залитая кровью и живущая голова, только что отскочившая от палачова топора» (см.: наст. изд., т. I, стр. 258). В. А. Туниманов, отметивший этот повторяющийся мотив, указал, что одним из источников его стала, вероятно, небольшая заметка «Продолжение жизни после обезглавления» (*БдЧт*, 1834, т. II, отд. VII, стр. 7—9), запомнившаяся Достоевскому еще в отрочестве (см.: В. А. Туниманов. Некоторые особенности повествования в «Господине Прохарчине» Ф. М. Достоевского. В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Изд. «Наука», Л., 1971, стр. 212); ср. также с близким мотивом повести Гюго «Последний день приговоренного к смерти»: «А потом уверены ли они, что в самом деле не страдаешь? Кто сказал им это? Видано ли, чтоб отрубленная голова стала вдруг, вся в крови, на краю короба и закричала народу: это не больно!» («Светоч», 1860, кн. III, отд. I, стр. 149; ср.: *Гюго,* т. I, стр. 279).

Стр. 58. *Ребенку можно всё говорить, — всё...* — «Мысль, которую Федор Михайлович часто высказывал и которой держался в разговорах с своими детьми» (примеч. А. Г. Достоевской: *Гроссман, Семинарий,* стр. 58).

Стр. 58. *...отцы считают их слишком маленькими и ничего не понимающими, тогда как они всё понимают. ∾ важный совет.* — Эту мысль Достоевский развил позднее в «Дневнике писателя» (1876, май, гл. II, § 1). Он говорит об «ужасающей, невероятной глубине понимания», с которой ребенок «вдруг осиливает, совсем неизвестно каким способом, иные идеи, казалось бы, совершенно ему недоступные»: «Пяти-шестилетний ребенок знает иногда о боге или о добре и зле такие удивительные вещи и такой неожиданной глубины, что поневоле заключишь, что этому младенцу даны природою какие-нибудь другие средства приобретения знаний, не только нам неизвестные, но которые мы даже, на основании педагогики, должны бы были почти отвергнуть ⟨...⟩ он знает о боге, может быть, уже столько же, сколько и вы, а о добре и зле и о том, что стыдно и что похвально, может быть, даже и гораздо более вас...»

С т р. 58. *...мы оба их ничему не научим, а они еще нас научат.* ∾ *Через детей душа лечится...* — Ср. с высказыванием Достоевского в «Дневнике писателя» за 1876 г. (февраль, гл. II, § 5): «...мы не должны превозноситься над детьми, мы их хуже. И если мы учим их чему-нибудь, чтоб сделать их лучшими, то и они нас учат многому и тоже делают нас лучшими уже одним только соприкосновением с ними. Они очеловечивают нашу душу одним только своим появлением между нами».

С т р. 58. *...а потом даже камнями в меня стали кидать...*; см. также с т р. 60: *Я хотел было говорить, но они в меня стали камнями кидать*; с т р. 63: *...и началось на меня главное гонение всей деревни...* — Эти повторяющиеся мотивы восходят (не дублируя ее буквально) к евангельской ситуации. На личном экземпляре Нового завета Достоевский почти неизменно отмечал строки, рассказывающие о «гонениях» фарисеев на Христа, о том, как они «искали» побить его камнями, потому что слово его «не вмещается» в них. Так, в гл. 8 Евангелия от Иоанна отчеркнут и отмечен знаком NB ст. 37; отчеркнуты также: в гл. 10 — ст. 31; в гл. 15 — ст. 18, 19, 20.

С т р. 63—64. *...стал встречать иногда* ∾ *и я забывал тогда всю мою тоску.* — «В этом рассказе, — отмечает А. Г. Достоевская, — отразились дрезденские впечатления 1867 года: на Johannesstrasse ⟨Иоганнесштрассе⟩, где мы жили, находилась народная школа, и Федор Михайлович всегда останавливался, когда видел детей, выходящих из школы, и внимательно к ним присматривался» (см.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 58).

С т р. 64. *«Теперь я к людям иду* ∾ *Я положил исполнить свое дело честно и твердо.* — Преображенный евангельский мотив. На личном экземпляре Нового завета Достоевским выделены (в тексте Евангелия от Иоанна) свидетельства о глубочайшей проникнутости Христа идеей своей миссии. Писатель отчеркивает, например, ст. 28 в гл. 8, ст. 4 в гл. 9 (отмечен знаком NB) и многочисленные повторения сходных мотивов.

С т р. 65. *У вас какой-то особенный оттенок в лице, похоже как у Гольбейновой Мадонны в Дрездене.* — Имеется в виду картина Г. Гольбейна Младшего (1497—1543) «Мадонна с семьей бюргермейстера Якоба Мейера» (1525—1526). В Дрезденской галерее Достоевский видел в 1867 г. копию этой картины, оригинал которой хранится в Дармштадтском музее (см.: *Достоевская, Дневник,* стр. 15, 19). До 1870-х годов дрезденская копия, сделанная рукой нидерландского мастера, ошибочно считалась произведением Гольбейна.

С т р. 66. — *Красоту трудно судить* ∾ *Красота — загадка.* — Эта мысль получила развитие в романе «Братья Карамазовы», в известных словах Мити: «Красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с богом борется, и поле битвы — сердца людей» (см.: наст. изд., т. XVI).

С т р. 75. *...и я наверно найду какой-нибудь отель-гарни.* — Отель-гарни (франц. hôtel garni) — меблированные комнаты.

С т р. 77. *Темно-русая бородка обозначала в нем человека не с служебными занятиями.* — Указом Николая I от 2 апреля 1837 г. чиновникам гражданского ведомства было запрещено носить усы и бороды (см. также: наст. изд , т. I, стр. 460—461, и т. III, стр. 508).

С т р. 81. — *Я страстно влюблен был в вашу родительницу* ∾ *я кричу: твоя!* — Подобная дуэль фигурирует также в «Братьях Карамазовых» (см.: наст. изд., т. XVI). По наблюдению В. Е. Ветловской, эпизод этот варьирует ситуацию драмы Ф. Шиллера «Коварство и любовь» (1784; действие IV, сцена 3: Фердинанд, подозревая измену Луизы, предлагает своему сопернику стреляться через платок).

С т р. 81. *Фраппирован* (от франц. frapper) — поражен, ошеломлен.

С т р. 82. *...он умер, кажется, не в Твери, а в Елисаветграде...* — В 1828—1860 гг. Елисаветград (ныне Кировоград) был в ведомстве военных поселений. В 1849—1858 гг. по этому ведомству служил брат Достоевского Андрей Михайлович, бывший городским архитектором Елисаветграда (см.: *Достоевский, А. М.,* стр. 210, 265). В Твери (ныне Калинине) Достоевский жил по возвращении из Сибири (с августа до второй половины декабря 1859 г. — см.: *Гроссман, Жизнь и труды,* стр. 92—100).

С т р. 83. ...*Новоземлянского пехотного полка*... — Фантастический характер рассказываемого подчеркнут тем, что название полка, в котором будто бы служил генерал Иволгин, заимствовано из «Горя от ума» А. С. Грибоедова — см. реплику Скалозуба, обращенную к графине Хлестовой (действие III, явление 12): «В его высочества, хотите вы сказать, Новоземлянском мушкетерском».

С т р. 85. ...*никто и никогда не осмелится вам манкировать*... — т. е. отказать во внимании и уважении. Глагол «манкировать» (франц. manquer) и однокоренные с ним слова Достоевский употреблял и в других значениях. См. также с т р. 112: ...*дело манкировано* — не удалось, не состоялось; с т р. 249: *Я, конечно, моим образованием манкировал*... — пренебрегал; с т р. 224 (*ПМ*$_2$): ...*так как он манкировал в компании*... — потерпел неудачу.

С т р. 89. ...*se non è vero*... — начало крылатого выражения: *Se non è vero, e ben trovato* (*итал.*; пер.: Если это и неправда, то хорошо придумано).

С т р. 92. *Я, он и покойный князь Лев Николаевич Мышкин* ∾ *покончено мною окончательно*. — Генерал уподобляет себя и своих друзей героям знаменитого романа А. Дюма-отца (1802—1870) «Три мушкетера» (1844). Себя Иволгин считает самым благородным и героическим из мушкетеров — Атосом. Епанчину — Портосу — соответственно приписываются некоторая грубоватость, тщеславие, любовь к выпивке и дебоширству. Отец Льва Николаевича Мышкина сравнивается с Арамисом — отважным и утонченным молодым человеком, сменившим впоследствии мушкетерский плащ на сутану.

С т р. 92. —*Они здесь, в груди моей, а получены под Карсом*...; см. также с т р. 104: *Рассказывал он вам про осаду Карса?* — Карс — город на северовостоке Турции. Во время Крымской войны (1853—1856) крепость эта подвергалась многомесячной осаде русских войск, продолжавшейся с конца мая по 16 ноября 1855 г.

С т р. 92. ...*читаю «Indépendance»*.— Имеется в виду газета «Indépendance Belge» («Бельгийская независимость»), выходившая в Брюсселе в 1830—1937 гг. Газета широко освещала политическую и общественную жизнь Западной Европы. В 1867—1868 гг. Достоевский читал «Indépendance Belge» (см.: *Достоевская, Дневник,* стр. 36).

С т р. 95. ...*какой-то огромный вершков двенадцати господин*... — До введения метрической системы (1881) рост взрослых обозначался количеством вершков свыше двух аршин. Аршин равен 71.12 см, вершок — 4.45 см, рост «господина», таким образом, был почти двухметровым (195.64 см).

С т р. 96. ...*поддакнул для контенансу Лебедев*. — Контенанс (франц. contenance) — поведение, манера держать себя, самообладание и т. п., здесь: солидность; см. также с т р. 160: ...*всё еще как бы не в силах добыть контенансу*... — т. е. не в силах опомниться, овладеть собой.

С т р. 100—101. *Какой-нибудь сумасшедший* ∾ *Но ведь он ее почти в детстве писал*. — «Маскарад» был написан в 1835 г., когда М. Ю. Лермонтову был уже 21 год. Коля Иволгин имеет в виду оскорбление Арбениным князя Звездича (действие II, сцена 4).

С т р. 104. ...*будет меня за валета бубнового считать*... — Бубновый валет — уничижительное выражение, являющееся буквальным переводом старинной французской идиомы «valet de carreau» (мошенник, подлец, проходимец, ничтожество, темная личность), сохранившееся во французском языке по настоящее время и в XIX в. бытовавшее в русском — см., например, комедию Ж.-Б. Мольера «Любовная досада» в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник и комментарий к ней Г. Н. Бояджиева (в кн.: М о л ь е р. Полное собрание сочинений в четырех томах, т. I. Изд. «Искусство». М., 1965, стр. 227 и 663; указано Н. Г. Поспеловым).

С т р. 105. ...*«Вот Иволгин, король иудейский»*. — См. выше, стр. 399—400.

С т р. 108. ...*Пирогов в Париж телеграфировал и осажденный Севастополь на время бросил, а Нелатон* ∾ *в осажденный Севастополь являлся меня осматривать*. — Генерал дает здесь фантастическое истолкование реального события: великий русский хирург Н. И. Пирогов (1810—1881), который руко-

водил во время обороны Севастополя организацией помощи раненым, 1 июня 1855 г. уехал в Петербург, возмущенный постоянным невниманием военного командования к вопросам медицинского обслуживания; в сентябре он снова вернулся в Севастополь (см.: Ю. Г. Малис. Н. И. Пирогов. Его жизнь и научно-общественная деятельность. СПб., 1893, стр. 52—61). Нелатон Август (1807—1873) — известный французский хирург, член Парижской медицинской академии; в России никогда не был.

Стр. 108. *...в Морской...* — Вероятно, имеется в виду Большая Морская (ныне ул. Герцена). Малой Морской называлась улица Гоголя.

Стр. 111. *...и двумя ломберными столиками...* — Ломбер (франц. l'hombre) — карточная игра. Ломберные столы обычно были складными и обтягивались зеленым сукном.

Стр. 112. *...насчет предоминирования в этом случае полов.* — Предоминировать (франц. prédominer) — господствовать, преобладать.

Стр. 113. *Вон, в Москве, родитель уговаривал сына ∾ печатно известно.* — Намек на нашумевшее в 1866—1868 гг. судебное дело студента Данилова (см. выше, стр. 391—392).

Стр. 117. *Знаете Крылова басню ∾ А я, ваше превосходительство, — Осел.* — Начальные строки басни И. А. Крылова «Лев состарéвшийся» (1825) процитированы неточно. У Крылова: «Постигнут старостью, лишился силы...» Злое зубоскальство Фердыщенко заставляет вспомнить весь текст басни и в особенности ее финальную строку: «Всё легче, чем терпеть обиды от Осла».

Стр. 119. *— Я, князь, от вас таких пруэсов не ожидал...* — Пруэс (франц. prouesse) — подвиг.

Стр. 120. *— Хорошо в пети-жё какое-нибудь играть ∾ считает самым дурным из всех своих дурных поступков в продолжение всей своей жизни...* — Пети-жё (франц. petit jeu) — салонная игра, фанты. Подобный эпизод (*«самая капитальная* сцена») был задуман Достоевским в 1861 г. для нового (оставшегося неосуществленным) варианта «Двойника»: «Пети-жё у Клары Олсуфьевны. ⟨...⟩ Младший рассказывает про старшего *в обществе* (курсив наш, — *Ред.*) все те штучки (таинственные и сокровенные, которые есть у каждого и которые каждый прячет, как тайны, от всех), смешные мелочи, которые Голядк⟨ин⟩-старший ревниво прятал от младшего и вполне был уверен, что тот не узнает, но тот узнал» (см.: наст. изд., т. I, стр. 434).

Стр. 124. *...спросил бутылку лафиту...* — Лафит (франц. château-lafite) — сорт красного вина; производится в Шато-Лафит, вблизи Бордо.

Стр. 125. *...в форштадте...* — Форштадт (нем. Vorstadt) — предместье, слободка, пригород.

Стр. 127. *...молодой, отчаянный прапорщик, избоченясь и фертом...* — Ферт — старинное название буквы «ф»; фертом — самодовольно.

Стр. 128. *Он только что выбран был предводителем...* — Речь идет о должности губернского или уездного предводителя дворянства.

Стр. 128. *...насчет, например, обстоятельств употребления букетов белых и розовых камелий по очереди...* — Героиня романа А. Дюма-сына «Дама с камелиями» Маргарита Готье появлялась на гулянии с букетами, составленными в одни дни месяца из белых, в другие — из красных камелий. После смерти героини ее возлюбленный следил, чтобы белые и красные камелии в том же порядке сменялись на ее могиле.

Стр. 129. *Кончил тем, что в Крыму убит. ∾ и в голову б не пришло ему под турку идти.* — Судя по контексту (см. стр. 128: «Случилось тому назад лет около двадцати...»), имеется в виду Крымская война (1853—1856 гг.), события которой не раз упоминаются в романе (см. стр. 92, 104, 108).

Стр. 133. *...и слогом Марлинского просил вспоможения...* — Марлинский — псевдоним писателя-декабриста А. А. Бестужева (1797—1837). Его слог В. Г. Белинский определил как «натянутый, высокий и страстный». Критик отмечал «отсутствие всякой естественности» в языке писателя (см.: *Белинский,* т. IV, стр. 52, 40, 42). Ироническое замечание Достоевского напоминает о былой популярности Марлинского именно в военной среде, к которой принадлежали многие его персонажи. По словам одного из героев И. С. Тургенева («Стук... стук... стук!»), Марлинский «не только пользовался

славой первого русского писателя; он даже ⟨...⟩ до некоторой степени наложил свою печать на современное ему поколение. Герои à la Марлинский попадались везде ⟨...⟩ и особенно между армейцами и артиллеристами; они разговаривали, переписывались его языком...» (см.: *Тургенев, Сочинения*, т. X, стр. 266—267). Поручик, просящий милостыню,— один из «сквозных» образов Достоевского — появляется впервые в фельетоне 1861 г. «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (см. об этом подробнее: наст. изд., тт. XV и XVIII).

С т р. 135. ...*крепко и плотно завернутая в «Биржевые ведомости»*... — «Биржевые ведомости» — газета (экономическая, политическая и литературная), с 1861 г. издававшаяся в Петербурге К. В. Трубниковым. До начала 1870-х годов выходила шесть раз в неделю.

С т р. 137. ...*мой табельный день, мой высокосный день*... — Табельный день — праздничный, особый, повторяющийся нечасто. В дореволюционной России существовала табель с перечислением различных праздников, устанавливавшая их иерархию.

С т р. 139. ...*московского купца третьей гильдии, Папушина*... — В романе А. Ф. Писемского «Тысяча душ» (1858), который, вероятно, был в поле внимания Достоевского во время работы над «Идиотом» (см. стр. 468), нарисован колоритный образ купца Папушкина (ч. IV, гл. VI, XI, XIII).

С т р. 142. ...*Ты куда везти-то хотел? — В Екатерингоф*...; см. также с т р. 150: ...*после ужасной оргии в Екатерингофском воксале*... и с т р. 286: *В Павловском воксале*... — Вокзал (или воксал) (англ. vauxhall)— место общественных увеселений. Так как Павловский вокзал был расположен рядом с помещением одной из первых в России железнодорожных станций, название начали переносить и на нее. Екатерингофом (в честь Екатерины I) назывался парк с дворцом, расположенный в юго-западной части Петербурга. Дворец был заложен в 1711 г. Петром I. Во второй половине 1820-х годов Екатерингоф стал одним из лучших общественных садов столицы. «Из зданий замечательнейшим был вокзал, воздвигнутый архитектором Монферраном ⟨...⟩. Еще недавно Екатерингоф славился своим вокзалом как зимним увеселительным местом. В вокзале имелся ресторан, а на его сцене давались разные вокально-музыкальные представления. Там же зажиточные петербуржцы устраивали пикники, и вообще Екатерингофский вокзал ⟨...⟩ служил одним из наиболее любимых пунктов загородных зимних прогулок на тройках» (см.: *Михневич*, стр. 119).

С т р. 143. — *Это содом, содом!*; см. также с т р. 149: ...*при этом содоме*... — Содомом назывался город, по библейскому преданию истребленный богом во времена Авраама за грехи его жителей (см.: Бытие, гл. 19, ст. 1—29). Слово это широко употребляется в переносном значении как символ шумного бесчинства.

С т р. 150. ...*известной канканерке в Шато-де-флёр в Париже*. — Канканерка — танцовщица (от франц. cancan — вид танца); Шато-де-флёр (Замок цветов) — увеселительное заведение в Париже.

С т р. 153. *Состояние наполовину запутано* ∞ *в самом деле пострадали*. — «Так поступил сам Федор Михайлович, когда, после смерти своего брата Михаила Михайловича, решил удовлетворить всех его кредиторов (по журналам «Время» и «Эпоха» и по его табачной фабрике), из которых некоторые не представили никаких доказательств того, что им Мих⟨аил⟩ Мих⟨айлович⟩ Д⟨остоев⟩-ский остался должен» (примеч. А. Г. Достоевской: *Гроссман, Семинарий*, стр. 59). Об отношениях Достоевского с кредиторами (в связи с долгами по журналам «Время» и «Эпоха») см.: наст. изд., т. VII, стр. 370.

С т р. 154. ...*Афанасий Иванович пленился* ∞ *легитимисткой*... — Легитимистка (лат. legitimus) — сторонница легитимной, т. е. «законной», династии. Во Франции XIX в. легитимистами называли сторонников Бурбонов, свергнутых с престола в 1792 г., во время Великой французской революции, и вторично — в результате Июльской революции 1830 г.

С т р. 155. ...*стал принимать участие и в земской деятельности*. — Земская реформа проводилась с января 1864 г. Деятельностью земств руководили представители дворянства. В компетенцию земств входили главным образом дела по благоустройству данной губернии или уезда: ремонт дорог,

развитие земледелия, торговли и промышленности, забота о народном образовании и т. п.

Стр. 155. *Этот молодой и с «будущностью» флигель-адъютант...* — Флигель-адъютант — офицер, состоявший адъютантом при государе.

Стр. 156. *...переехали вместе с ней к Птицыну, в Измайловский полк...* — Измайловским полком назывался в обиходе район Петербурга, в котором размещались роты лейб-гвардии Измайловского полка (ныне — район Красноармейских улиц). С марта 1860 г. по сентябрь 1861 г. в третьей роте Измайловского полка, в доме Палибина, жил Достоевский (ныне 3-я Красноармейская ул., д. № 5).

Стр. 156. *...его посадили в долговое отделение. ∾ в Измайловский полк.* — Петербургское долговое отделение («дом Тарасова») находилось в 1-й роте Измайловского полка (ныне 1-я Красноармейская ул.), в доме № 28, владельцами которого были Тарасовы. Весною 1867 г. угроза попасть в «дом Тарасова» нависла над самим Достоевским (см. его письмо к А. Н. Майкову от 16(28) августа 1867 г.).

Стр. 157. *...спор вышел из-за «женского вопроса»...* — Об отношении Достоевского к этой проблеме, актуальной в 1860-е годы и неоднократно упоминаемой в романе, см.: наст. изд., т. VII, стр. 371—372.

Стр. 157. *...это было на святой...* — т. е. на пасхальной неделе.

Стр. 157. *...заложила в одну толстую, переплетенную в крепкий корешок книгу ∾ чтобы поскорее найти, когда понадобится).* — «Привычка Ф. М. Достоевского. В его записных книгах всегда бывали вложены бумаги или письма, на которые следовало скорее ответить. Важные же и дорогие для него почему-либо бумаги он вкладывал в Евангелие, бывшее с ним в Сибири» (примеч. А. Г. Достоевской — *ИРЛИ*, 29602. ССХб. 42; с неточностями опубликовано: *Гроссман, Семинарий*, стр. 59).

Стр. 158. *...это первая комиссия, которую он получил от него...* — Комиссия (франц. commission) — поручение.

Стр. 158. *...князю вдруг померещился странный, горячий взгляд чьих-то двух глаз...* — По наблюдению Р. Г. Назирова, лейтмотив преследующих князя глаз Рогожина (см. также стр. 171, 186—187 и др.) восходит, вероятно, к роману Диккенса «Оливер Твист» (1838), где глаза убитой Нэнси преследуют бандита Сайкса. Перед гибелью он видит их вновь: «Опять эти глаза!» (см.: Ч. Диккенс. Собрание сочинений в 30 томах, т. IV. М., 1958, стр. 457; о глубоком внимании и любви Достоевского к творчеству Диккенса см.: наст. изд., т. II, стр. 499—500, и т. XV, комментарий к роману «Подросток»).

Стр. 159. *...отправился на Пески. В одной из Рождественских улиц он скоро отыскал один небольшой деревянный домик.* — Песками (из-за песчаного грунта) называлась территория нынешнего Смольнинского района, примыкающая к Суворовскому проспекту. Эта часть города была «населена людьми среднего достатка и бедняками разных сословий и званий: торговцами, чиновниками, ремесленниками, извозчиками, разночинцами и проч.» (см.: *Михневич*, стр. 60). На Песках жила до замужества А. Г. Достоевская. Рождественские улицы (в настоящее время — Советские) получили свое название от выстроенной неподалеку в XVIII в. церкви Рождества Христова.

Стр. 161. *...про убийство семейства Жемариных в газетах изволили проследить?* — См. об этом выше, стр. 391—392.

Стр. 161—162. *...вспомните мудрые слова законодателя: «Да царствует милость в судах».* — Неточная цитата из манифеста Александра II от 19 марта 1856 г. «О прекращении войны». О будущем России, только что заключившей с Турцией мир, в частности, говорится: «...да утверждается и совершенствуется ее внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуют в судах ее...» (см.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. II, т. XXXI, отд. I. 1856. СПб., 1857, стр. 132).

Стр. 162. *...в палки играли)...* — Палки — название карточной игры.

Стр. 163. *...свою дочь, подозревает, у ней каждую ночь милых друзей ищет! ∾ С ума спятил от мнительности...* — В этих свойствах характера Лебедева отразились черты М. А. Достоевского, отца писателя. Подробнее

см. в комментарии к подготовительным материалам «Подростка»: наст. изд., т. XV.

С т р. 164—165. *За упокой души графини Дюбарри молился ∾ и всех ей подобных»...* — Дюбарри (Du Barry) Мари-Жанна (1743—1793) — графиня, фаворитка Людовика XV, казнена по приговору революционного трибунала 8 декабря 1793 г. «Жизнеописание» графини, упоминаемое Лебедевым, помещено в семнадцатом томе «Энциклопедического лексикона» Плюшара (СПб., 1841, стр. 377—378). Об обстоятельствах казни, поразивших Лебедева, здесь сказано: «Будучи уже введена на эшафот, она беспрестанно просила о помиловании, рыдала ⟨...⟩ с громкими воплями умоляла народ сжалиться над нею. Даже в минуту самой казни она вскричала, обращаясь к исполнителю казни: „Monsieur le bourreau, encore un moment“—„Господин палач, еще минуточку!“». Рассказом о казни и о последних словах Дюбарри заканчивается и «Предисловие издателя» к ее «Запискам» (см.: Mémoires de madame la comtesse du Barri, t. I. Paris, 1829, p. XXXV—XXXVI). О предсмертном крике Дюбарри Достоевский вспоминал позднее в «Дневнике писателя» (1873, гл. V, «Влас») и объяснял ее обращение к палачу как попытку отвлечься хоть на миг от смертельного ужаса, «нараставшего прогрессивно», найти «облегченье, исход страждущей душе»: «В двадцать раз она бы выстрадала больше в эту даровую минуту, если б ей ее подарили, а все-таки кричала и молила о ней».

С т р. 164. *Кардинал, нунций папский, ей на леве-дю-руа (знаешь, что такое было леве-дю-руа? ∾ святейшее лицо!* — Кардинал — самый высокий (после папы) духовный сан в католической церкви; нунций (лат. nuntius) — посол папы; леве-дю-руа (франц. lever du roi) — церемония утреннего королевского одевания. В гл. XXXII «Записок» Дюбарри рассказывается, что кардинал Ларош Эмон и папский нунций каждое утро присутствовали при ее вставании: «... два эти достопочтенных преемника апостолов, исполняя обязанности моих горничных, помогали мне сойти с постели и суетились вокруг меня, один, чтоб дать мне мой пенюар, другой — домашние туфли» (см.: Mémoires de madame la comtesse du Barri, t. I, p. 364—365). Тот же факт (ближе к словам Лебедева) приведен в «Отверженных» В. Гюго. Ср.: «Челобитие подано было Людовику XV как раз в тот момент, когда папский нунций справа, а кардинал Ларош Эмон — слева, оба набожно коленопреклоненные, надевали в присутствии его величества туфли на босые ножки г-жи Дюбарри, встававшей со своего ложа» (см.: *Гюго,* т. VI, стр. 490).

С т р. 164. *Пуасардка* (франц. poissarde) — торговка рыбой или вообще базарная торговка.

С т р. 164. *Буро* (франц. bourreau) — палач.

С т р. 164. *...дальше этакого мизера с человеческою душой вообразить невозможно. Ты знаешь ли, что значит слово мизер? Ну, так вот он самый мизер и есть.* — Лебедев подчеркивает многозначность слова «мизер» (франц. misère): горе, беспомощность, страдание, мука.

С т р. 167. *Все ещё на Петербургской...* — Петербургской называлась теперешняя Петроградская сторона города.

С т р. 167. *Апокалипсисом стал отчитывать.* — Апокалипсис, или Откровение святого Иоанна Богослова (I в. н. э.; греч. ἀποκάλυψις — откровение), — последняя из книг Нового завета, содержащая пророчества о конце мира и страшном суде. Начиная с «Зимних заметок о летних впечатлениях» (1863; см.: наст. изд., т. V, стр. 369), Достоевский не раз обращался к апокалипсическим образам; об истолковании их в «Идиоте» см. стр. 445—448.

С т р. 167. *...мы при третьем коне ∾ за динарий»...* — Цитируя Апокалипсис (гл. 6, ст. 1—8), Достоевский заменяет греческое слово «χοῖνιξ» (малая хлебная мера) его русским переводом. Динарий (лат. denarius) — римская серебряная монета, которою обычно оплачивался дневной труд поденщика.

С т р. 168. *Ибо нищ и наг...* — Скрытая цитата из Апокалипсиса: «...ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг» (гл. 3, ст. 17).

С т р. 168. *...а на фоминой богу душу отдали.* — Фоминой (в память явления Христа апостолу Фоме) называется по православному календарю неделя, идущая вслед за «святой» — пасхальной.

Стр. 168. — *И вы тоже в Павловск?* ∾ *и все в Павловск.* — С середины XIX в. Павловск стал излюбленным дачным местом петербуржцев. «В отличие от загородных резиденций с их „дворами“ и гвардией, где селилась преимущественно знать, — писал по этому поводу Н. П. Анциферов, — Павловск привлекал к себе наряду с имущими классами общества интеллигенцию и чиновников, занимавших средние ступени табели о рангах» (см.: Н. П. Анциферов. Пригороды Ленинграда. Гос. литературный музей, М., 1946, стр. 91). О некоторых павловских реалиях «Идиота» см. в книге того же автора «Петербург Достоевского» (Пб., 1923, стр. 32—33; см. также выше, стр 388—389).

Стр. 168. *Бонтонно* (от франц. bon ton — хороший тон) — благопристойно.

Стр. 170. *Подходя к перекрестку* ∾ *«Дом потомственного почетного гражданина Рогожина».* — «Домом Рогожина» считался дом на улице Дзержинского (бывш. Гороховой) под № 33 (см.: Е. Саруханян. Достоевский в Петербурге, стр. 187—188). Однако, как установил Г. А. Федоров, он «приобрел относительное сходство с рогожинским домом» лишь в результате перестройки, осуществленной уже после выхода романа. В описании же дома Рогожина отразились, по мнению исследователя, характерные особенности московских фамильных домов родственников Ф. М. Достоевского Куманиных (см. подробнее: Г. Федоров. Москва Достоевского. *ЛГ*, 1971, 20 октября, № 43 (4329), стр. 7).

Стр. 170. *...внизу меняльная лавка. Скопец, заседающий в лавке...*; см. также стр. 178: *...то и стал бы деньги копить* ∾ *до страсти доводишь».* — О религиозной секте скопцов, образованной во второй половине XVIII в. крестьянином Орловской губернии Кондратием Селивановым, Достоевский упоминает во многих произведениях (см. о ней в комментариях к «Преступлению и наказанию», «Житию великого грешника», «Бесам», «Подростку» — наст. изд., т. VII, стр. 395, т. IX, стр. 515—517, тт. XII, XV). Мнение героини «Идиота» о возможном переходе в эту секту Рогожина интересно сопоставить с некоторыми данными о скопцах в книге Н. И. Надеждина «Исследование о скопческой ереси» (СПб., 1845), перепечатанной в 1862 г. в «Сборнике правительственных сведений о раскольниках, составленном В. Кельсиевым. Выпуск третий о скопцах» (Вольная русская типография, Лондон) и, по всей вероятности, известной Достоевскому. В предисловии Кельсиев прямо называет скопцов сектой «менял, детушек, ведущих биржевую игру...» (стр. IV). Надеждин писал: «В больших городах и преимущественно в столицах к этой ереси принадлежат многие богатые, первостатейные *купцы*, ворочающие миллионами» (стр. 205, см. об этом же стр. 214—215); «...у скопцов корыстолюбие вследствие неспособности их ко всем прочим наслаждениям превращается в главную, единственную стихию всей жизни. Весьма замечательно, что бо́льшая часть живущих по городам скопцов состоит из менял и вообще серебряных торговцев, или из ремесленников, занимающихся золотою и серебряною работою ⟨...⟩. Страсть к деньгам во многих из них, которые и действительно сделались миллионщиками, простирается до скареднейшего гарпагонства» (там же, стр. 219—220; см. также стр. 225—226).

Стр. 172. *...«История» Соловьева, была развернута и заложена отметкой.* — «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева (1820—1879) начала выходить в 1851 г. К 1867 г. было издано 17 томов. По свидетельству Страхова, «История России...» принадлежала к числу тех книг, которые Достоевский взял с собой, выезжая в 1867 г. за границу (см.: *Биография,* стр. 298). Первый том этого издания имелся в библиотеке Достоевского и в позднейшие годы (см.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 41). В письме к Н. Л. Озмидову от 18 августа 1880 г. Достоевский включил «Историю России...» Соловьева в список книг, рекомендованных для чтения дочери адресата.

Стр. 175. *Ономня́сь* (обл.) — недавно, несколько дней тому назад.

Стр. 176. *...был такой один папа и на императора одного рассердился* ∾ *заклинался отомстить тому папе.* — Имеется в виду стихотворение Г. Гейне «Генрих» (краткая редакция — 1822, пространная — 1843). В редакции 1843 г. оно вошло в цикл «Современные стихотворения»; в этой же редакции было

впервые переведено И. Лебедевым на русский язык и напечатано в журнале «Развлечение» (1859, № 7, стр. 76). В 1862 г. стихотворение в том же переводе было вновь опубликовано (см.: Поэты всех времен и народов. Сборник, издаваемый Костомаровым и Бергом. Вып. II. М., 1862, стр. 119). Тема его — один из эпизодов длительной борьбы между германским императором Генрихом IV (1050—1106) и папой Григорием VII (1020 или 1025—1106), который стремился подчинить светскую власть папскому престолу. В 1076 г. Григорий VII добился низложения императора, не желавшего признать верховную власть папы. Поняв безвыходность своего положения, Генрих с большими трудностями добрался до замка Каноссы, где находился папа. После трехдневного покаяния и унизительных переговоров прощение было получено. Впоследствии Генрих жестоко отомстил папе: в 1085 г. он занял Рим и лишил власти Григория VII, отдав папский престол Клименту III. По справедливому мнению исследователя, общий смысл рассказа Рогожина ясен и без обращения к произведению Гейне, но мечты Генриха о топоре, «который изрубит змею его мучений, — топоре, ассоциирующемся с ножом Рогожина ⟨...⟩ усиливают замечательную сцену некоторыми психологическими штрихами» (см.: В. Е. Холшевников. О литературных цитатах у Достоевского. «Вестник Ленинградского университета», 1960, № 8, Серия истории, языка и литературы, вып. 2, стр. 136).

Стр. 178. *Да много-много что старые бы книги когда похвалил, да двуперстным сложением заинтересовался...* — Имеется в виду склонность к старообрядцам: они не признавали тех исправлений, которые (по древнегреческим и славянским рукописям) вносились в церковные книги с первой четверти XVI в., и особенно активно при патриархе Никоне (1652—1658). Им же 23 апреля 1656 г. на соборе русских архиереев было провозглашено проклятие на двуперстное крестное знамение и введено троеперстное.

Стр. 179. *«Ты бы образил себя хоть бы чем...* — В «Дневнике писателя» за 1876 г. (январь, гл. III, § 1) Достоевский в несколько ином значении употребляет глагол «образить» и поясняет: «Образи́ть — словцо народное, дать образ, восстановить в человеке образ человеческий. ⟨...⟩ Слышал от каторжных». См. также черновики этой записи в подготовительных материалах к «Дневнику писателя» (наст. изд., т. XXII).

Стр. 182. *...и часа четыре с одним С-м в вагоне проговорил...* — Возможно, что, называя собеседника князя Мышкина С-м, Достоевский имел в виду петрашевца Н. А. Спешнева (1821—1882), взгляды которого имели ярко выраженный материалистический и атеистический характер (о Спешневе и об отношении к нему Достоевского см.: Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. Госполитиздат, М., 1953, стр. 477—504 и 775—777, а также комментарий к романам «Бесы» и «Подросток» — наст. изд., тт. XII и XV).

Стр. 183. *...одно убийство случилось ∾ Нет, этого, брат князь, не выдумаешь!* — См. выше, стр. 390—391.

Стр. 183. *...вижу, шатается по деревянному тротуару пьяный солдат ∾ уж это без сомнения.* — «Случай, происшедший с Ф⟨едором⟩ М⟨ихайловичем⟩ в 1865 г., когда он, создавая роман „Преступление и наказание“, часто ходил в местности около Сенной. Крест этот Ф⟨едор⟩ М⟨ихайлович⟩ мне показывал. При отъезде за границу в 1867 г. крест был оставлен в Петерб⟨урге⟩ в числе прочих вещей, но по нашем возвращении в 1871 году мы оставленных нами вещей не нашли. Так⟨им⟩ обр⟨азом⟩, исчез и крест, о чем Ф⟨едор⟩ М⟨ихайлович⟩ очень сожалел» (примеч. А. Г. Достоевской — *ИРЛИ*, 29602. ССХ б.42; с неточностями опубликовано: *Гроссман, Семинарий,* стр. 59—60).

Стр. 184. *...такая же точно бывает и у бога радость всякий раз ∾ главнейшая мысль Христова!* — См.: Евангелие от Луки: «Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (гл. 15, ст. 7; ср. также гл. 15, ст. 10—32).

Стр. 188. *«Да, за этот момент можно отдать всю жизнь!» ∾ всей жизни.* — Ср. с приводимым Н. Н. Страховым рассказом Достоевского о переживании им самим момента ауры: «На несколько мгновений, — говорил он, —

я испытываю такое счастье, которое невозможно в обыкновенном состоянии и о котором не имеют понятия другие люди. Я чувствую полную гармонию в себе и во всем мире, и это чувство так сильно и сладко, что за несколько секунд такого блаженства можно отдать десять лет жизни, пожалуй, всю жизнь» (см.: *Биография*, стр. 214 второй пагинации).

Стр. 189. *...в этот момент мне как-то становится понятно необычайное слово о том, что времени больше не будет;* см. также стр. 318: *«времени больше не будет!»* — См.: Откровение святого Иоанна Богослова, гл. 10, ст. 1—7. Достоевский цитирует ст. 6: «...времени уже не будет...». В Апокалипсисе осуществление пророчества отнесено к тем дням, когда «совершится тайна божия» (ст. 7). К этому же апокалипсическому видению писатель обращается в подготовительных материалах к «Бесам» и в окончательном тексте романа (см.: наст. изд., тт. X—XII).

Стр. 189. *...это та же самая секунда ∾ обозреть все жилища Аллаховы».* — Магомет (Мухаммед; ок. 570—632) — основатель ислама. О давнем интересе Достоевского к его личности см.: наст изд., т. I, стр. 495. Из жизнеописаний, которые могли быть известны писателю, заслуживает упоминания книга В. Ирвинга «History of Mahomet and his successors», 1849—1850. В 1857 г. она появилась в переводе П. В. Киреевского под названием «Жизнь Магомета». «Иные уверяли, — пишет Ирвинг об эпилепсии Магомета, — будто бы это клевета его врагов и христианских писателей. Однако ж оказывается, что это утверждали некоторые из его древнейших мусульманских жизнеописателей, которые ссылались на людей ему близких» (стр. 39). Рассказ о припадках Магомета, приводимый далее, безусловно должен был остановить внимание Достоевского: «У него бывала 〈...〉 сильная дрожь, за которой следовал род обморока, или, вернее, конвульсии; тогда с его лба струился пот, даже и в самую холодную погоду; он лежал закрывши глаза, с пеною у рта, и ревел, как молодой верблюд» (там же). Припадки сопровождались видениями. По легенде, Магомет, разбуженный однажды ночью архангелом Гавриилом, в мгновение ока совершил на чудесном коне путешествие из Мекки в Иерусалим, а затем побывал на небесах, где беседовал с богом, ангелами, пророками, видел геенну огненную и т. д. «Некоторые утверждают, что это было не что иное, как сон или ночное видение 〈...〉. Другие настаивают на том, что он совершил небесное путешествие телесно и всё это будто бы исполнилось чудесным образом в такое короткое время, что, возвратясь, Магомет еще мог остановить совершенное падение сосуда с водою, который архангел Гавриил, улетая, задел крылом» (стр. 89—90). Об этом же «путешествии» Магомета упоминается в «Бесах». С. В. Ковалевская приводит такое высказывание Достоевского: «Вы все, здоровые люди 〈...〉 и не подозреваете, что такое счастье, то счастье, которое испытываем мы, эпилептики, за секунду перед припадком. Магомет уверяет в своем Коране, что видел рай и был в нем. Все умные дураки убеждены, что он просто лгун и обманщик. Ан нет! Он не лжет! Он действительно был в раю в припадке падучей, которою страдал, как и я» (см.: *Ковалевская*, стр. 106).

Стр. 190. *По рисунку заказанный инструмент и шесть человек, положенных совершенно в бреду!* — Эти мысли князя связаны с подробностями убийства Жемариных (см. выше, стр. 391).

Стр. 190. *Николаевский воксал* — ныне Московский.

Стр. 192. *Вот, должно быть, и дом ∾ коллежской секретарши Филисовой».* — Коллежская секретарша — вдова или жена коллежского секретаря (по Табели о рангах — гражданский чин десятого класса). Писатель иллюстрирует здесь еще одним примером способность князя Мышкина узнавать дома по их «физиономии» (см. эпизод с домом Рогожина — наст. изд., т. VIII, стр. 170).

Стр. 196. *...кушая чай и слушая орган.* — Органом назывались многие разновидности заводных музыкальных инструментов. Здесь, вероятно, имеется в виду шарманка (ср.: наст. изд., т. VI, стр. 355).

Стр. 198. *А в день тысячелетия России так семьсот человек начел.* — Тысячелетие России праздновалось 8 сентября 1862 г.

Стр. 203. *...и прием такого необычайного интруса для толкования Апокалипсиса...* — Интрус (франц. intrus) — самозванец.

С т р. 207. ...*«образ чистой красоты»* ∾ *за ее чистую красоту копья ломать.* — Достоевский трижды цитирует (в первом случае неточно) послание Пушкина к А. П. Керн («К ***»; 1825). Эту же цитату («гений чистой красоты») Достоевский приводит в записной тетради 1875—1876 гг.

С т р. 211. *Сам первым делом кричит, что не надо стулья ломать.* — Слова эти восходят к комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (1836), где городничий говорит об учителе: «Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?» (действие I, явление 1).

С т р. 212. — *Да он иначе и не говорит, как из книжек* ∾ *целыми фразами из критических обозрений выражается.* — Эта черта мальчика-гимназиста, в «Идиоте» лишь намеченная, стала очень характерной для Коли Красоткина в «Братьях Карамазовых» (см.: наст. изд., т. XVII).

С т р. 213—214. ...*потому что прежде всего деловые-с.* ∾ *не о бессмысленности, например, какого-нибудь там Пушкина дело идет...* — Самыми яркими выразителями «нигилистического» отношения к Пушкину были в 1860-е годы В. А. Зайцев и Д. И. Писарев. Оно особенно сказалось в цикле статей последнего «Пушкин и Белинский» (*РСл,* 1865, кн. 4 — «Евгений Онегин»; кн. 6 — «Лирика Пушкина»). Критик утверждал, что публика увидит ясно «полную ветхость того кумира, пред которым, по старой привычке и по обязанности службы, преклоняется до сих пор всё наше пишущее филистерство ⟨...⟩ в так называемом великом поэте я показал моим читателям легкомысленного версификатора, опутанного мелкими предрассудками ⟨...⟩ и совершенно неспособного анализировать и понимать великие общественные и философские вопросы нашего века» (см.: Д. И. П и с а р е в. Сочинения в 4 томах, т. III. Гослитиздат, М., 1956, стр. 415). В полемике вокруг наследия Пушкина принимал живое участие Достоевский (см. комментарий к публицистике 1860-х годов — наст. изд., тт. XVIII и XIX). Отзвуки этой полемики есть также в «Бесах» и «Братьях Карамазовых» (см.: наст. изд., тт. XII и XVII). Намеченная в «Идиоте» мысль о том, что последствием нигилизма явились «деловые» представители «нигилятины», получила развитие и дальнейшее обоснование в подготовительных материалах к «Подростку» (см.: наст. изд., тт. XIV, XV).

С т р. 214. ...*и не насчет, например, необходимости распадения на части России...* — Имеется в виду одна из идей прокламации П. Г. Зайчневского «Молодая Россия» (1862) (см. об этом подробнее в комментарии к роману «Бесы» — наст. изд., т. XII).

С т р. 217. *Она торопливо протянула ему одну еженедельную газету из юмористических...* — Намек на «Искру», издававшуюся в Петербурге в 1859—1873 гг. под редакцией поэта В. С. Курочкина и карикатуриста Н. А. Степанова (последний участвовал в «Искре» до 1864 г.).

С т р. 217. ...*миновавшего помещичьего нашего барства (de profundis!)...* — Латинское выражение «de profundis» является началом заупокойной молитвы: «De profundis clamavi ad te, domine...»(«Из глубины взываю к тебе, господи...» — псалом 129). В черновых набросках к роману, датированных 9 апреля, имеется не связанная с основным текстом каллиграфическая запись: «Воззвал из глубины». В данном случае это выражение означает примерно: «царство ему небесное».

С т р. 218. ...*«свежо предание, а верится с трудом»*)... — Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие II, явление 2).

С т р. 218. ...*тунеядец и проприетер...* — Проприетер (франц. propriétaire) — собственник.

С т р. 219. ...*как крыловская Туча, пронесшаяся над иссохшим полем и разлившаяся над океаном.* — См. басню И. А. Крылова «Туча» (1815).

С т р. 219. ...*скороспелый миллионер наш находился, так сказать, в эмпиреях...* — По представлениям древних греков, эмпирей — наиболее высокая часть неба, наполненная чистым огнем и светом, местопребывание богов (от греч. ἔμπυρος — объятый пламенем); находиться в эмпиреях — в переносном смысле — мечтать, фантазировать.

С т р. 221. ...*один из известнейших юмористов наших обмолвился при этом восхитительною эпиграммой* ∾ *А студентов обокрал».* — Как устано-

вила В. С. Дороватовская-Любимова, «эпиграмма» является пародией на отрывок из «детской сказки в стихах» «Самонадеянный Федя», напечатанной в № 9 «Свистка» за 1863 г.:

Федя богу не молился,
«Ладно, мнил, и так!»
Всё ленился да ленился...
И попал впросак!
Раз беспечно он «Шинелью»
Гоголя играл, —
И обычной канителью
Время наполнял...

Эта эпиграмма на Достоевского принадлежит перу М. Е. Салтыкова-Щедрина (см.: *Салтыков-Щедрин*, т. V, стр. 303). Автору «Губернских очерков» (1856—1857) она и приписывается в романе (см. подробнее: *Достоевский и шестидесятники*, стр. 31—33).

Стр. 225. *...ко мне явился в З. уполномоченный и ходатай ваш, господин Бурдовский, Чебаров.* — Прототипом Чебарóва послужил И. П. Бочаров, поверенный книгоиздателя Ф. Т. Стелловского (см. об этом подробнее: наст. изд., т. VII, стр. 372—373, 402).

Стр. 233. *...за межевого чиновника...* — т. е. чиновника, служившего по Межевому ведомству.

Стр. 236. *Кто бы на его месте поступил иначе? ∾ только очень забавное;* см. также стр. 237: *...сам защитник ∾ последние времена пришли;* стр. 279: *Недавно все говорили ∾ в наше время.* — Речь идет об убийстве гимназистом Витольдом Горским семейства Жемариных (см. об этом выше, стр. 391). Далее имеются в виду следующие слова защитника Горского: «Мы видим молодого восемнадцатилетнего человека, полного сил, желающего жить и приносить пользу обществу; но для этого нужна подготовка, а для подготовки необходимы материальные средства, которых преступник не имеет.⟨...⟩ Очень естественно у него родился план каким бы то ни было образом достать что-нибудь, чтоб только принести пользу семейству и себе; у него нашелся один исход — совершение преступления; я не думаю, чтоб много было таких молодых людей, которым бы не приходило на ум воспользоваться каким бы то ни было средством для достижения своей цели, хотя бы даже совершить преступление» (*Г*, 1868, 14 мая, № 133).

Стр. 237. *Девушка в доме растет, вдруг среди улицы прыг на дрожки ∾ прощайте!»* — Намек на сцену прощания Веры Павловны с матерью в «Что делать?» Н. Г. Чернышевского (гл. 2, XX), связанный с содержанием и общим тоном памфлетных страниц о «современных позитивистах» (см. выше, стр. 392—393).

Стр. 239. *Мне на прошлой неделе сам Б-н объявил...* — Речь идет о знаменитом русском терапевте С. П. Боткине (1832—1889), упоминающемся и в «Преступлении и наказании» (см.: наст. изд., т. VII, стр. 393). В 1865 г. Достоевский лечился у Боткина и спустя 11 лет отзывался о нем как о прекрасном диагносте (письмо к А. Г. Достоевской от 9 (27) июля 1876 г.; см. также упоминание о Боткине в письме к М. М. Достоевскому от 8 (20) сентября 1863 г.).

Стр. 245. *Остановился же Прудон на праве силы.* — Прудон Пьер Жозеф (1809—1865) — французский мелкобуржуазный экономист и социолог, один из основателей анархизма. Сочинениями Прудона интересовались в кружке В. Г. Белинского и в кружке петрашевцев. В библиотеке М. В. Петрашевского было 15 сочинений Прудона (см.: Философские и общественно-политические произведения петрашевцев, стр. 739—740). Одно из них — «О праздновании воскресения» («De la célébration du dimanche»; 1839) — было найдено у Достоевского при его аресте в 1849 г. (см.: *Бельчиков*, стр. 214 и 224). В данном случае имеется в виду книга Прудона «Война и мир» («La guerre et le paix», 1861; полный русский перевод — 1864; до этого отдельные главы печатались в русских журналах), вызвавшая как в России, так и за рубежом острую полемику. По словам одного из русских рецензентов, в первом томе этого сочинения Прудон оставил далеко за собой «всех хвали-

телей войны, даже самого де Местра». «Право силы, которым руководствуются многие отдельные лица в сношениях между собой, становится также руководством в сношениях между народами», — излагал тот же рецензент один из тезисов Прудона (*ОЗ,* 1861, № 8, Литературное обозрение, стр. 139, 142). Признавая войну «вечным», «божественным» фактором, Прудон призывал перенести антагонизм, будто бы свойственный людям от рождения, а потому неискоренимый, с полей сражений на почву промышленности. В связи с полемикой вокруг книги Прудона журнал братьев Достоевских «Время» поместил посвященную ей статью П. Бибикова «Феноменология войны» (1861, № 12) и очерк Е. Тур «Шесть недель в гостях и дома» (1862, № 4) с описанием заграничной встречи ее автора с Прудоном. В 1865—1868 гг. в связи со смертью Прудона споры о нем и его книге вспыхнули в русской печати с новой силой (см. об этом: Б. Эйхенбаум. Лев Толстой. Кн. I. 50-е годы. Изд. «Прибой», Л., 1928, стр. 383—391; кн. II. 60-е годы. ГИХЛ, Л.—М., 1931, стр. 281—317). С впечатлениями от книги Прудона связаны рассуждения о войне и мире в «Дневнике писателя» (1876, апрель, гл. II, § 2).

Стр. 245. *В американскую войну* ∾ *право силы за белыми...* — Имеется в виду Гражданская война 1861—1865 гг. между Северными и Южными штатами.

Стр. 245. *Консеквентны* (франц. conséquent) — последовательны.

Стр. 246. *А знаете, что мне не восемнадцать лет* ∾ *вы знаете;* см. также стр. 327: *Ну, кто же не сочтет меня за сморчка* ∾ *дожить до седых волос!* — Ср. со словами героя повести Гюго «Последний день приговоренного к смерти», обращенными к пожилому экзекутору: «Молодой человек, — сказал я ему, — я старше вас; каждая четверть часа теперь старит меня на целый год» («Светоч», 1860, кн. III, отд. I, стр. 124; ср.: *Гюго,* т. I, стр. 260)

Стр. 247. *...«мертвому можно всё говорить»...* — Источник цитаты установить не удалось.

Стр. 247. *...княгиня Марья Алексевна не забранит, ха-ха!..* — Намек на заключительные слова последнего монолога Фамусова в «Горе от ума» А. С. Грибоедова (действие IV, явление 15):

Ах! боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

Стр. 247. *...для открытия и для возвещения истины* ∾ *и всех, всех убедить...* — Достоевский наделил Ипполита чертой, которую начиная с 1860-х годов он постоянно приписывал современным «деятелям», особенно «социалистам», в частности Петрашевскому, Чернышевскому и Добролюбову, — верой в то, что можно за «четверть часа» «возвестить истину» и убедить в ней общество (см. об этом подробнее в реальном комментарии к черновикам «Подростка» — наст. изд., т. XV). Интересно отметить также, что начало этого высказывания Ипполита является перефразировкой слов Белинского о таланте автора «Бедных людей». По воспоминаниям Достоевского, критик сказал ему: «Вам правда открыта и возвещена как художнику...» Писатель говорил, что встреча с Белинским была «самой восхитительной минутой» во всей его жизни (*ДП,* 1877, январь, гл. II, § IV).

Стр. 247—248. *И никакого-то воспоминания не сумел оставить! Ни звука, ни следа* ∾ *ни одного убеждения!..* — Эти слова Ипполита явно перекликаются с мотивами «Думы» М. Ю. Лермонтова (1838):

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодовитой,
Ни гением начатого труда.

Стр. 254. *...что «звезда Полынь» в Апокалипсисе* ∾ *Лебедев так толкует...* — В Апокалипсисе говорится, что при приближении конца мира звезда Полынь упадет «на третью часть рек и на источники вод» и третья часть вод «сделается полынью», отчего умрут «многие из людей» (см.: Откровение святого Иоанна Богослова, гл. 8, ст. 10—11). Глубоко своеобразные толкования

апокалипсических образов свойственны были и Достоевскому. Об этом говорят пометы писателя на личном экземпляре Нового завета (см.: наст. изд., т. VII, стр. 399).

Стр. 255. *Живет она где-то в какой-то Матросской улице...* — Матросскими назывались теперешние Краснофлотские улицы.

Стр. 256. *...ему ужасно вдруг захотелось оставить всё это здесь* ∾ *никакого даже и права;* см. также стр. 286—287: *Иногда ему хотелось уйти куда-нибудь* ∾ *в одном только сне.* — Эти строки романа восходят к евангельским ситуациям. Они являются не только своеобразной параллелью эпизоду в Гефсиманском саду (см. стр. 430), но и варьируют идею трагического противостояния личности Христа окружающему «миру». В тексте Евангелия от Иоанна Достоевский отметил знаком N3 и дважды отчеркнул ст. 23 в гл. 8, содержащий этот мотив.

Стр. 258...*из особенного уважения к французскому архиепископу Бурдалу (у Лебедева до трех часов откупоривали);* см. также стр. 259: — *Проповедник Бурдалу, так тот не пощадил бы человека...* — Бурдалу Луи (1632—1704) — иезуит, один из популярнейших проповедников в эпоху Людовика XIV. В первом случае имя Бурдалу употреблено Келлером ради игры слов: «бурда» и «бордо» — сорт французского столового вина. См. также выше, стр. 222 (*$ПМ_2$*): «*Ты мне вина давай, а это, брат, бурдалу*». Во втором случае имеются в виду получившие всемирную известность проповеди Бурдалу, обличавшие человеческие пороки. В 1821—1825 гг. «Избранные слова» Бурдалу в четырех томах вышли в русском переводе.

Стр. 258. *...как бы какой-нибудь «фенезерф под слезами»...* — Достоевский пародирует название блюд французской кухни: фенезерф (искаженное франц. fines herbes) — ароматические травы, служащие приправой.

Стр. 262. *Вивер* (франц. viveur) — любитель утонченных удовольствий, прожигатель жизни.

Стр. 269. *А наши няньки, закачивая детей, спокон веку причитывают и припевают: «Будешь в золоте ходить, генеральский чин носить!»* — «Будешь в золоте ходить...» — распространенный мотив колыбельных — см., например: Русские народные песни, собранные П. В. Шейном, ч. I. М., 1870, стр. 2 (№ 3), 3 (№ 4), 4—5 (№ 7), 7—8 (№ 11), а также запись, хранящуюся в Рукописном отделе *ИРЛИ* (р. 5, к. 69, п. 9, № 100) и близко совпадающую с текстом Достоевского:

А как будешь генералом,
Будешь в золоте ходить,
Будешь нянюшек дарить,
Мамушек у нарядах водить,
Нянюшек, мамушек
Будешь золотом дарить.

(Сообщено А. Н. Мартыновой).

Стр. 272. *...она чрезвычайно уважала суждения Александры Ивановны и любила с нею советоваться;* см. также стр. 274: *И почему Аглая* ∾ *так уважала?* и стр. 421—422: *Давно уже признав* ∾ *требовала ее мнений...* — В связи с этими повторяющимися мотивами интересно отметить, что и само имя Александра (от греч. ἀλέξησις) означает: защита, помощь.

Стр. 272. *...но сны ее* ∾ *семилетнему ребенку впору...* — Свои сны обычно рассказывала писателю жена, и они часто казались ему «детскими» (см.: *Достоевская, Дневник,* стр. 35 и 278).

Стр. 275. *Дача Епанчиных была роскошная дача, во вкусе швейцарской хижины...* — Многочисленные дачи такого типа существовали «в окрестностях северной столицы. На такой даче под Петергофом жил Некрасов с Панаевыми. Достоевский прекрасно понял дух Павловска, когда он героиню своего романа, Аглаю, поселил в Павловске именно в „шале“. Простенькие фермы, швейцарские домики составляли характерную особенность павловского парка» (см.: Н. П. Анциферов. Пригороды Ленинграда, стр. 91—92).

Стр. 275—278. — *Позвольте, — с жаром возражал Евгений Павлович ∾ это никак не может быть для всех справедливо...* — Аналогичные высказывания Достоевского см. в письмах к А. Н. Майкову от 16 (28) августа и 9 (21) октября 1867 г., 18 февраля (1 марта) 1868 г. и др. См. об этом также в комментариях к роману «Бесы» (наст. изд., т. XII).

Стр. 276. *...но и русская литература, по-моему, вся не русская, кроме разве Ломоносова, Пушкина и Гоголя. ∾ то тем самым эти трое и стали тотчас национальными.* — 24 марта (5 апреля) 1870 г. Достоевский писал Н. Н. Страхову: «Пушкин, Ломоносов — гении. Явиться с „Арапом Петра Великого" и с Белки⟨ны⟩м — значит решительно появиться с гениальным *новым словом,* которого до тех пор *совершенно* не было нигде и никогда сказано». А в письме от 12 (24) декабря 1868 г. писатель соглашался с мнением Страхова: «Что совсем было прекратилась литература, так это совершенно верно. ⟨...⟩ По-моему, если иссякло свое, настоящее, русское и оригинальное слово, то и прекратилась ⟨...⟩. Со смертию Гоголя она прекратилась». Как отметил А. С. Долинин (см.: *Д, Письма,* т. II, стр. 473), в «Дневнике писателя» за июль—август 1877 г. (гл. II, § 3) вновь повторяется эта же формула: «Бесспорных гениев с бесспорным „новым словом" во всей литературе нашей было всего только три: Ломоносов, Пушкин и частию Гоголь».

Стр. 290. *...в афишевании знакомства...* — Афишевание (от франц. afficher) — нарочитое подчеркивание.

Стр. 290. *(Он, кажется, был и прежде конфидентом Евгения Павловича.)* — Конфидент (франц. confident) — доверенное лицо, наперсник.

Стр. 299. *Придется заплатить за бутылки, князь.* — Выражение «заплатить за бутылки» является калькой с французской идиомы «payer bouteille», которая обычно (в отличие от данного контекста) употребляется в значении: угостить вином.

Стр. 299. *Если удостоите чести выбрать в секунданты, то за вас готов и под красную шапку...* — В России дуэли были запрещены вплоть до 1894 г., когда их узаконили для офицеров. В Уголовном законодательстве 1845 г. были предусмотрены за участие в дуэли строгие меры наказания. «Подпоручика из юнкеров» Келлера могла ожидать «красная шапка», т. е. разжалование в солдаты.

Стр. 304. *...что ты в Аглаю Епанчину как кошка влюблен.* — В Сибирской тетради под № 384 есть запись: «Влюблен как кошка» (см.: наст изд., т. IV, стр. 245).

Стр. 305. *Помните у Гамлета: «Быть или не быть?»* — Речь идет о начале монолога Гамлета в одноименной трагедии В. Шекспира (акт III, сцена 1). См. также выше, стр. 380.

Стр. 309. *...(кто это сказал в стихах: «на небе солнце зазвучало»?..* — Достоевский имеет в виду слова, которыми открывается в «Фаусте» Гёте «Пролог на небесах»:

Die Sonne tönt nach alter Weise
In Brudersphären Wettgesang...

В библиотеке Достоевского был перевод «Фауста», принадлежащий М. Вронченко (СПб., 1844 — см.: *Библиотека,* стр. 128), где слова, упоминаемые в романе, переданы так:

С несметных хором сфер слиянно
Звуча всевышнему хвалой,
В пространстве солнце непрестанно
Течет заветною стезей...

Стр. 309. *Солнце ведь источник жизни? Что значат «источники жизни» в Апокалипсисе?* — Имеется в виду символика двух последних глав Апокалипсиса (см. гл. 21, ст. 6; гл. 22, ст. 1, 17). В 22-й главе, как и в реплике Ипполита Терентьева, «источники жизни» — точнее «вода жизни» и «древо жизни» — упоминаются рядом со словами о солнце (они сменят солнце в будущей жизни): «И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо господь бог освещает их ⟨...⟩» (ст. 5). При чтении этой главы

писатель выделил упоминание об «источниках жизни» в конце ее: «Жаждущий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни *даром*» (курсив Достоевского).

Стр. 310. *...что они язва, упавшая на землю, чтобы замутить «источники жизни»?* — Имеются в виду мотивы божией кары в Апокалипсисе, впервые появляющиеся в гл. 9 (ст. 18 и 20). При чтении Нового завета Достоевский отчеркнул ст. 6 и 7 гл. 11, где говорится, что бог дает «двум свидетелям» своим «власть» превращать воды «в кровь и поражать землю всякою язвою». Пророчеству о семи язвах, которые прольются на землю, посвящены гл. 15 и 16. В последней Достоевский подчеркнул весь текст ст. 4: «Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод: и сделалась кровь».

Стр. 310. *...тот великосветский шенапан-с!* — Шенапан (франц. chenapan) — бездельник.

Стр. 311. *Да-с. Закон саморазрушения и закон самосохранения одинаково сильны в человечестве!* — Ср. в «Записках из подполья» (1864): «Человек любит созидать и дороги прокладывать, это бесспорно. Но отчего же он до страсти любит тоже разрушение и хаос? ⟨...⟩ я уверен, что человек от настоящего страдания, то есть от разрушения и хаоса, никогда не откажется» (см.: наст. изд., т. V, стр. 118—119).

Стр. 311. *Дьявол одинаково владычествует человечеством до предела времен, еще нам неизвестного.* — Имеется в виду основной мотив 12-й главы Апокалипсиса: «Горе живущим на земле и на море! потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени» (ст. 12; см. также ст. 9).

Стр. 311. *...вы смеетесь над формой его, по примеру Вольтерову* ∾ *великий и грозный дух...* — Ср. со следующим мотивом Апокалипсиса: «И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю...» (гл. 12, ст. 9) — и со словами инквизитора в «Братьях Карамазовых»: «...великий дух говорил с тобой в пустыне...» (см.: наст. изд , т. XVI). В связи с упоминанием имени Вольтера необходимо отметить, что в период завершения романа, зимой 1868—1869 гг., Достоевский его особенно много читал (см. письмо к Н. Н. Страхову от 6 (18) апреля 1869 г.). Об отношении писателя к скептической философии Вольтера см.: Л. П. Гроссман. Русский Кандид. (К вопросу о влиянии Вольтера на Достоевского). *ВЕ*, 1914, № 5; A. Rammelmeyer. Dostojevskij und Voltaire. «Zeitschrift für slavische Philologie», 1958, Bd. XXVI, H. 2, S. 252—278.

Стр. 311—312. *«Слишком шумно и промышленно* ∾ *значительную часть человечества...* — См. выше, стр. 393.

Стр. 312. *...уже был Мальтус, друг человечества.* — Мальтус (Malthus) Томас Роберт (1766—1834) — английский священник, экономист, родоначальник мальтузианства. В работе «Опыт о законе народонаселения» («An Essay on the Principle of Population», 1798 — без имени автора, 2-е изд. — 1803; русский перевод — 1868) он утверждал, что голод и нищета — неизбежное следствие чрезмерной рождаемости, так как народонаселение имеет тенденцию возрастать в геометрической прогрессии, а средства к существованию, при самых благоприятных условиях, — лишь в арифметической. Избыточное население обречено поэтому на гибель, а все социальные реформы — на неудачу. С особенной настойчивостью Мальтус требовал отмены законов, облегчающих положение бедняков, считая эти законы проявлением ложно понятого человеколюбия. Взгляды Мальтуса были предметом обсуждения в кружке петрашевцев. Достоевский присутствовал на выступлениях И. Л. Ястржембского, который говорил, в частности, что «предположения Мальтуса справедливы, но указания, как помочь, чтобы народонаселение не возрастало, сильно бесчеловечны, и что вопрос этот не решен» (см.: Дело петрашевцев, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 399; *Бельчиков*, стр. 210). Несколькими годами ранее взгляды английского экономиста стали известны Достоевскому в художественно-публицистическом изложении В. Ф. Одоевского. Страстного антимальтузианского пафоса исполнены многие страницы его книги «Русские ночи» (1844), хорошо знакомой Достоевскому (см.:

наст. изд., т. II, стр. 487, и ниже, стр. 452). Гневные высказывания Одоевского против «нравственной бухгалтерии» Мальтуса в защиту «счастья *всех и каждого*» по сути своей очень близки рассуждениям Лебедева. Одоевский, подобно герою Достоевского, считает, что «чудовищное создание» английского экономиста показывает, «до чего могут довести простые, опытные знания, не согретые верою в провидение», «*как растлеваются все силы ума, когда инстинкт сердца оставлен в забытьи* 〈...〉 *как мало даже одной любви к человечеству, когда эта любовь не истекает из горнего источника!*» («Насмешка мертвеца» (курсив наш, — *Ред.*); см. также: «Desiderata», «Экономист», «Последнее самоубийство»). Примерно в это же время с большой статьей, посвященной критике мальтузианства, выступил и В. А. Милютин (см.: «Мальтус и его противники» — *С*, 1847, №№ 8 и 9). Полемика с идеями Мальтуса была продолжена Достоевским в «Бесах» (см.: наст. изд., т. XII). Позднее, в записных тетрадях 1875—1877 гг., Достоевский со всей определенностью констатировал, что «идея Мальтуса о геометрической прогрессии населения, без сомнения, неверна», что это «ошибка Мальтуса».

Стр. 312. ...*человек прибегал даже к антропофагии*... — Антропофагия (греч. ἀνθρωποφαγία) — людоедство.

Стр. 313. ...*всякая почти действительность* ∾ *почти всегда невероятна и неправдоподобна. И чем даже действительнее, тем иногда и неправдоподобнее;* см. также стр. 412: *Весьма часто правда кажется невозможною.* — Лебедев высказывает одно из коренных убеждений самого Достоевского. См. также упоминание о фантастической действительности в подготовительных материалах к «Идиоту» и рассуждения на ту же тему в цитированных выше письмах к А. Н. Майкову и Н. Н. Страхову (стр. 276, 412).

Стр. 320. ...«*Après moi le déluge*»... — Это изречение, ставшее крылатым и неоднократно цитируемое Достоевским, приписывается Людовику XV (1710—1774). Впервые оно приводится писателем в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863; см.: наст. изд., т. V, стр. 75).

Стр. 322—323. ...*с неделю назад ко мне приводили студента Кислородова*... — Фамилия имеет иронический смысл: Достоевский намекает на то, что, подобно другим представителям тогдашней «нигилистически» настроенной молодежи, ее обладатель признает вместо «души» один «кислород».

Стр. 323. ...*одна молодая дама* ∾ *в Коломне*... — Коломной назывался район столицы между Мойкой, Большой Невой, Фонтанкой и Крюковым каналом. Большая часть Коломны была «застроена плохо 〈...〉 и населена бедняками» (см.: *Михневич*, стр. 59).

Стр. 324. ...*огромный тернёф, черный и лохматый*...— Терпёф (устар.) — то же самое, что ньюфаундленд (от французского названия острова Новая земля у северо-восточных берегов Америки — Terre neuve).

Стр. 325. ...*настаивал на праве Бурдовского, «моего ближнего»* ∾ *и примут меня в свои объятия*... — Намек на древнюю заповедь: «Люби ближнего твоего, как самого себя» (см.: Левит, гл. 19, ст. 18). Она многократно повторяется в Новом завете как «наибольшая заповедь в законе» (см., например: Евангелие от Матфея, гл. 22, ст. 39; от Марка, гл. 12, ст. 31).

Стр. 326—327. ...*я мог тогда злиться* ∾ *рвал мое одеяло от бешенства.* — Ср. с основной идеей XXIV главы повести Гюго «Последний день приговоренного к смерти»: «Во мне злость кипела. 〈...〉 Я чувствую, как сердце мое переполнено бешенством и горечью. Уж не лопнул ли во мне пузырь с желчью. Смерть делает человека злым» («Светоч», 1860, кн. III, отд. I, стр. 132; ср.: *Гюго,* т. I, стр. 266). Это сопоставление тем более закономерно, что Ипполит по прямой ассоциации с произведением Гюго дважды называет себя «приговоренным к смерти» и тема «приговора» проходит через всю его исповедь. В «Идиоте» мотивы предсмертной злобы героя звучат более настойчиво, чем у Гюго, определяя, по замыслу Достоевского, одну из черт эгоцентричного и «слабого» характера Ипполита (ср. выше, стр. 378—381).

Стр. 327. ...*золотых империалов*... — Империал (лат. imperialis) — чеканившаяся в России золотая монета достоинством в 10 рублей.

Стр. 327. *Дело в жизни, в одной жизни, — в открывании ее, беспрерывном и вечном, а совсем не в открытии!* — Еще в 1861 г., в статье «Г.-бов и

вопрос об искусстве», Достоевский писал: «Бесконечно только одно будущее, вечно зовущее, вечно новое, и там тоже есть свой высший момент, которого нужно искать и вечно искать, и это вечное искание и называется жизнию...» (см.: наст. изд., т. XVIII). К той же идее Достоевский возвращается в «Записках из подполья»: «Но человек ⟨...⟩ может быть, подобно шахматному игроку, любит только один процесс достижения цели, а не самую цель. И, кто знает (поручиться нельзя), может быть, что и вся-то цель на земле, к которой человечество стремится, только и заключается в одной этой беспрерывности процесса достижения, иначе сказать — в самой жизни, а не собственно в цели...» (см. там же, т. V, стр. 118).

Стр. 329. *Раз, в Шестилавочной...* — Так в середине прошлого века называлась улица, проходившая от Кирочной (ныне ул. Салтыкова-Щедрина) до Малой Итальянской (ныне ул. Жуковского). Название свое она получила от находившихся на ней мелочных лавок. В настоящее время является частью ул. Маяковского. На Шестилавочной улице жил Голядкин, герой «Двойника» (1846).

Стр. 333. *... действительный статский советник...* — гражданский чин 4-го класса.

Стр. 334. — *Как Наполеон обратился к Англии!..* — После поражения при Ватерлоо и вторичного отречения от престола Наполеон в 1815 г. собирался бежать в Америку, но вследствие блокады английской эскадрой порта Рошфор был вынужден вступить в переговоры со своими врагами — англичанами — и был отправлен на остров св. Елены.

Стр. 335. *...мы пошли по Николаевскому мосту...* — ныне мост лейтенанта Шмидта.

Стр. 335—336. *...напрасно многие теперь учат и проповедуют, что единичное доброе дело ничего не значит.* ∾ *судеб человечества?* — Проблема личной и общественной благотворительности широко обсуждалась в 1860—1870-е годы. В дискуссии принимал участие и журнал братьев Достоевских (см. об этом также в комментарии к роману «Бесы»: наст. изд., т. XII). Непосредственное отношение к высказыванию Ипполита имеют идеи двух «Писем в редакцию „Времени"» Н. Н. Страхова: «Тяжелое время» и «Нечто об авторитетах» (*Вр*, 1862, №№ 10 и 12; за подписью Н. Косица). Страхов (совпадая с мыслью героя Достоевского) рассматривает благотворительность как «прямое следствие самой природы человека»; подлинной благотворительностью он считает ту, которая совершается свободно и с личным участием, «потому что только в таком случае она ⟨...⟩ будет вполне удовлетворять идее нравственности». Он пишет, что всякая благотворительность тем лучше, чем она ближе к частной благотворительности (*Вр*, 1862, № 10, отд. II, стр. 204—205, № 12, отд. II, стр. 42). Страхов разделяет (и детально передает) точку зрения И. С. Аксакова, полемизируя с «Искрой» (см. передовую статью Аксакова — «День», 1862, 22 сентября, № 38, и «Хронику прогресса» в «Искре», 1862, 7 декабря № 47); он излагает мысль Аксакова (очень созвучную идее монолога Ипполита) о том, что «ручная» благотворительность порождает «процесс нравственных ощущений, переживаемый как дающим, так и принимающим даяния, *благотворных для обоих, очищающих душу...*» (*Вр*, 1862, № 10, отд. II, стр. 209). Страхов подробно рассматривает взгляды «многих политэкономов» (А. Смита, Дж. Ст. Милля и др.), отрицавших, по его мнению, пользу и личной, и общественной благотворительности. Их точке зрения он противопоставляет «неэкономическое» евангельское учение, которое «никогда не разъединяло, а всегда связывало людей» (там же, № 12, отд. II, стр. 40). Этой же идеей, развиваемой Ипполитом, Достоевский первоначально наделял лишь Мышкина — см. запись в $ПМ_2$: «Главное социальное убеждение его ∾ на *личном* и основано» (стр. 227).

Стр. 335. *...каждая пересыльная партия* ∾ *ее посетит «старичок генерал».* — Речь идет о Ф. П. Гаазе (1780—1853), старшем враче московских тюремных больниц (см. подробнее выше, стр. 344). Важно отметить, что в 1867 г. Достоевскому вновь напомнило о нем чтение «Былого и дум». Герцен с огромной симпатией к Гаазу передает несколько эпизодов из жизни этого «преоригинального чудака», который многим казался «юродивым» и «повреж-

денным», и описывает, в частности, его еженедельные поездки «в этап на Воробьевы горы» (см.: *Герцен,* т. VIII, стр. 211—212).

С т р. 335—336. *Какой-нибудь из «несчастных»* ∾ *(такие, говорят, бывали)...* — См. в «Записках из Мертвого дома» о «страшном убийце» Соколове, о «знаменитом своими злодеяниями разбойнике Каменеве» и в особенности о Газине, про которого рассказывали, «что он любил прежде резать маленьких детей, единственно из удовольствия» (см.: наст. изд., т. IV, стр. 40—41). Об употреблении слова «несчастные», впервые встречающегося у Достоевского в «Записках из Мертвого дома», другими русскими писателями см. там же, стр. 291—292. Позднее, в 1873 г., Достоевский писал, что «название преступления несчастием, преступников — несчастными» принадлежит к числу «чисто русских» идей, «идей русского народа»: «Нет, народ не отрицает преступления и знает, что преступник виновен. Народ знает только, что и сам он виновен вместе с каждым преступником» (*ДП,* 1873, гл. III, «Среда»).

С т р. 338. *...les extrêmités se touchent...* — Слова эти принадлежат французскому ученому, философу и писателю Б. Паскалю (1623—1662) — см.: P a s c a l. Pensées sur la réligion et sur quelques autres sujets, vol. II. Paris, 1854, p. 122.

С т р. 338. *...мне вдруг припомнилась картина, которую я видел давеча у Рогожина...* — См. выше, стр. 399.

С т р. 338—339. *...это в полном виде труп человека, вынесшего бесконечные муки еще до креста, раны, истязания, битье от стражи, битье от народа...* — Говоря о муках Христа перед распятием, герой Достоевского объединяет свидетельства всех четырех Евангелий.

С т р. 339. *...когда он нес на себе крест и упал под крестом...*— Осужденные па распятие должны были, по обычаю, сами нести свой крест. Но в Евангелии от Матфея (гл. 27, ст. 32) говорится, что в самом начале пути Христа на Голгофу «встретили одного киринеянина, по имени Симона; сего заставили нести крест его» (см. также: Евангелие от Марка — гл. 15, ст. 21; от Луки — гл. 23, ст. 26). По Евангелию от Иоанна, Христос сам внес крест на Голгофу (гл. 19, ст. 17).

С т р. 339. *...крестную муку в продолжение шести часов (так, по крайней мере, по моему расчету).* — Возможно, что это замечание Ипполита является скрытой полемикой с мнением Ренана, который считал, что Христос умер через 3 часа после распятия (см.: *Renan,* p. 246). Герой Достоевского основывается на сопоставлении свидетельств Нового завета. Иудеи, следуя римскому обычаю, делили ночь на 4 стражи (по 3 часа в каждой) и на такие же по длительности периоды, называемые часами, делился день. По Евангелию от Марка (гл. 15, ст. 25, 34—39), Христос был распят в третьем часу (т. е. около 9 утра по современному счету). А умер он «около девятого часа» (ближе к современным 3 часам дня — см.: Евангелие от Матфея, гл. 27, ст. 46—50; от Луки, гл. 23, ст. 44—46). По Евангелию от Иоанна, на которое, очевидно, и опирался Ренан, Христос был распят в шестом часу (гл. 19, ст. 14).

С т р. 339. *Правда, это лицо человека, только что снятого со креста* ∾ *(это очень хорошо схвачено артистом)...* — По новозаветным свидетельствам, Христос был снят с креста лишь через несколько часов после смерти (см.: Евангелие от Матфея, гл. 27, ст. 57—60; от Марка, гл. 15, ст. 42—46).

С т р. 339. *...христианская церковь установила еще в первые века* ∾ *закону природы вполне и совершенно.* — Имеется в виду опровержение докетизма (от греч. δοκέω — казаться), ранней христианской ереси. Докеты считали, что Христос никак не был связан с материей — источником зла — и не имел действительного тела: его рождение и смерть были только видениями. Опровержение докетизма содержится уже в таких ранних памятниках, как Соборные послания Иоанна Богослова (1-е, гл. 4, ст. 2—3; 2-е, ст. 7), а также апостольский и никейский символы веры (I—IV вв.).

С т р. 339. *...который воскликнул: «Талифа куми», — и девица встала, «Лазарь, гряди вон», — и вышел умерший?* — Слова «Талифа́ куми́» (в переводе с греческого означающие: «Девица, тебе говорю, встань») были произнесены Христом, воскресившим дочь Иаира (см.: Евангелие от Марка, гл. 5,

ст. 41); о воскрешении Лазаря см.: Евангелие от Иоанна, гл. 11, ст. 43—44. К первому из упоминаемых Ипполитом эпизодов Достоевский обращался в «Преступлении и наказании» (1866) и «Братьях Карамазовых» (1879—1880) (см.: наст. изд., т. VII, стр. 408; т. XVII). О роли второго евангельского сюжета в «Преступлении и наказании» см.: наст. изд., т. VII, стр. 386—387.

Стр. 339. *Эти люди, окружавшие умершего, которых тут нет ни одного на картине...* — См.: Евангелие от Матфея, гл. 27, ст. 54—62; от Марка, гл. 15, ст. 39—47; от Луки, гл. 23, ст. 47—56; от Иоанна, гл. 19, ст. 25—42.

Стр. 343. *...весь этот пир, которому нет конца, начал с того, что одного меня счел за лишнего? ∾ а я один выкидыш...*; см. также стр. 351: *Что же это за пир, что ж это за всегдашний великий праздник ∾ к которому он никак не может пристать.* — Размышления Ипполита и Мышкина заставляют вспомнить известные слова Мальтуса, который писал о бедняке: «На великом жизненном пиру нет для него места» (см.: Опыт о законе народонаселения, т. I. СПб., 1868, стр. 12). Как отметил Р. Я. Левит (см.: *Салтыков-Щедрин,* т. IX, стр. 546—547), выражение «не приглашенные на пир жизни» со ссылкой на Мальтуса употреблено А. И. Герценом в книге «С того берега» (1850; русские издания — 1856 и 1858; см.: *Герцен,* т. VI, стр. 55). Знаменитое выражение Мальтуса цитировал в «Русских ночах» и В. Ф. Одоевский. Саркастически излагая его теорию (в форме монолога английского экономиста), он, в частности, писал: «Не обольщайтесь же мечтами о мудрости провидения, о добродетели, о любви к человечеству, о благотворительности; вникните в мои выкладки: кто опоздал родиться, для того нет места на пиру природы; его жизнь есть преступление» («Desiderata»). В записной тетради Достоевского 1863—1864 гг. сделан набросок, предвосхищающий этот мотив «Необходимого объяснения» Ипполита: «Да я жить хочу. 1) Да, но жизнь есть роскошь. Мальтус, Писарев» (см.: наст. изд., т. XIX).

Стр. 343. *...пропел из благонравия и для торжества нравственности знаменитую и классическую строфу Мильвуа...* — Как установил Б. В. Томашевский (*1928,* т. VI, стр. 558), строфа эта принадлежит не Ш. Мильвуа (1782—1816), а Н. Жильберу (1751—1780). С небольшими отступлениями от подлинника Достоевский цитирует «Оду в подражание нескольким псалмам» («Ode imitée de plusieurs psaumes», 1780):

Ah! puissent voir longtemps votre beauté sacrée,
Tant d'amis sourds à mes adieux!
Qu'ils meurent pleins de jours, que leur mort soit pleurée!
Qu'un ami leur ferme les yeux!

Стр. 348. *Я с Человеком прощусь.* — Эта реплика Ипполита по смыслу близка к словам Пилата о Христе: «Се Человек!» (см.: Евангелие от Иоанна, гл. 19, ст. 5). Ср. выше слова Настасьи Филипповны, обращенные к Мышкину в сходной ситуации: «Прощай, князь, в первый раз человека видела!» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 148).

Стр. 350. *Но берегитесь вы этих доморощенных Ласенеров наших! ∾ Сущность та же, хотя, может быть, и разные амплуа.* — Ласенер Пьер-Франсуа (1800—1836) — герой нашумевшего парижского уголовного процесса 1830-х годов; убийца, отличавшийся крайним тщеславием и чудовищной жестокостью; после казни Ласенера были изданы его полуапокрифические «Записки» и «Разговоры» (1836). Изложение процесса Ласенера с примечанием Достоевского было помещено в журнале «Время» (1861, № 2, стр. 1—50). Ласенером писатель интересовался в пору работы над «Преступлением и наказанием» (см.: наст. изд., т. VII, стр. 334). Это имя Достоевский упоминал также в черновых материалах к «Идиоту» (см. выше, стр. 274) и «Подростку» (см.: наст. изд., тт. XIV, XV).

Стр. 354. *...знаете ли, что я сама раз тридцать ∾ что были со мной такие жестокие...* — Эти слова Аглаи перекликаются с отрывком из гл. XV «Отрочества» (1852—1854) Л. Н. Толстого («Мечты»), которую Достоевский высоко ценил. Он упомянул о ней впервые в 1861 г. во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» (см.: наст. изд., т. XVIII), а в «Дневнике писателя» (1877 г., январь, гл. II, § 5) назвал эту главу «чрезвычайно серьезным

психологическим этюдом над детской душой, удивительно написанным». Достоевский так передает «мечты» героя Толстого, близкие отроческим переживаниям Аглаи: «.. вот он умирает, входят в чулан и находят его труп: „Бедный мальчик!" — его все жалеют. „Он добрый мальчик! Это вы его погубили", — говорит отец гувернеру... и вот слезы душат мечтателя...» (ср.: *Толстой*, т. II, стр. 45).

Стр. 354. *Может, фельдмаршалом себя воображаете* ∾ *только я не Наполеона, а всё австрийцев разбиваю.* — А. Г. Достоевская писала по поводу этих строк: «Федор Михайлович имел часто тревожные сновидения: убийства, пожары и, главным образом, кровопролитные битвы. Во сне он составлял планы сражений и почему-то особенно часто разбивал именно австрийцев» (см.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 60).

Стр. 358. *...я хочу все кабинеты ученые осмотреть...* — Ревностной посетительницей «ученых кабинетов» была в 1867 г. (в Дрездене) жена Достоевского: «... в этом случае моя молодая любознательность была вполне удовлетворена, — писала она. — Мне помнится, что я не пропустила ни одного из бесчисленных Sammlung'ов: mineralogische, geologische, botanische и пр. были осмотрены мною с полной добросовестностью» (см.: *Достоевская А. Г., Воспоминания,* стр. 150; см. также: *Достоевская, Дневник,* стр. 50—51 и сл.).

Стр. 358. *...я еще два года назад нарочно два романа Поль де Кока прочла, чтобы про всё узнать.* — Об отношении Достоевского к творчеству французского романиста Шарля Поль де Кока (1794—1871) см.: наст. изд , т. I, стр. 481; т. II, стр. 480—481.

Стр. 359. *Я вспомнил тогда о вас как о каком-то свете...* — Само имя героини (от греч. ἀγλαός — блистающий) означает «сияющая», «светоносная». Мотив света, «новой зари», «новой жизни» постоянно сопутствует Аглае (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 304, 363, 379 и др.; ср. также: М. С. Альтман. Достоевский и роман А. Дюма «Дама с камелиями», стр. 366).

Стр. 360. — *Знаете, для чего я сейчас солгала?* ∾ *я не сумела...*; см. также стр. 281 (*ПМ*$_2$): *...когда лжешь* ∾ *становится гораздо вероятнее.* — Мысль, во многом родственную этой, Достоевский высказал в «Дневнике писателя» (1877, сентябрь, гл. II, § 1). Главка, названная «Ложь ложью спасается», посвящена герою Сервантеса, размышления о котором были так существенны для творческой истории «Идиота». Достоевский писал, что Дон-Кихот, «уверовавший в самую фантастическую мечту, какую лишь можно вообразить», придумывает «для спасения истины другую мечту, но уже вдвое, втрое фантастичнее первой, грубее и нелепее ⟨...⟩. *Реализм,* стало быть, удовлетворен, *правда спасена,* и верить в первую, в главную мечту можно уже без сомнений — и всё опять-таки единственно благодаря второй, уже гораздо нелепейшей мечте, придуманной лишь для спасения *реализма* первой».

Стр. 361. *О, не позорьте ее, не бросайте камня.* — См. выше, стр. 395.

Стр. 367. — *Да, без сомнения, всё равно, мы не масоны!* — Масонство было запрещено в России в 1822 г. Александром I. В реплике Коли Иволгина, вероятно, содержится намек на то, что в масонских ложах всегда придавалось необычайное значение «тайне» и конспирации.

Стр. 368. *Контрекарировать* (франц. contrecarrer) — оспаривать.

Стр. 369. *Подлинно, когда бог восхощет наказать, то прежде всего восхитит разум.* — Ср. со словами городничего в «Ревизоре» Гоголя (1836): «Вот подлинно, если бог хочет наказать, так отнимет прежде разум» (действие V, явление 8) — и русской пословицей, записанной еще в Ипатьевской летописи (1178): «Бог, егда хочет показнити человека, отнимет у него ум». Подобные изречения, возникшие на основе древнегреческих источников, встречаются у многих мыслителей и писателей (см подробнее: М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Т. I. [СПб., 1903], стр. 438; ср.: Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова. Гослитиздат, М., 1966, стр. 326—327).

Стр. 372. *...он тут в Пятой улице-с...* — Имеется в виду Пятая Рождественская (ныне Пятая Советская) улица.

Стр. 374. *...ибо считаю его за великого, но погибшего человека!* См. также стр. 442: *...и что «усопший»* ∾ *Он особенно серьезно настаивал на гени-*

альности... — Настойчивые упоминания Лебедева о том, что генерал Иволгин был «великим» и даже «гениальным», в какой-то мере пародируют «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя (см. об этом ниже, стр. 466).

Стр. 376. *Ибо он и лжет единственно потому, что не может сдержать умиления;* см. также стр. 411: *Иной и лжет-то ∾ удовольствие собеседнику...* — в XV главе «Дневника писателя» за 1873 г. («Нечто о вранье») Достоевский в числе многих причин лганья указывает и черты характера, близкие генералу Иволгину: «Хочется произвесть эстетическое впечатление в слушателе, доставить удовольствие, ну и лгут ⟨...⟩ для усиления радостного впечатления в слушателе ⟨...⟩ мы, русские ⟨...⟩ постоянно считаем истину чем-то слишком уж для нас скучным и прозаичным, недостаточно поэтичным, слишком обыкновенным ⟨...⟩. Второе, на что наше всеобщее русское лганье намекает, это то, что мы все стыдимся самих себя». В романе «Подросток» писатель вернется к типу рассказчика, лгущего «с целью осчастливить своего ближнего» (Петр Ипполитович) — см.: наст. изд., тт. XIII, XIV.

Стр. 377. *Тихими стопами-с, вместе!* — Это любимое выражение Лебедева записано Достоевским в Сибири. В его Сибирской тетради под № 436 читаем: «А сделали мы это, сударь, так сказать, тихими стопами...» (см.: наст. изд., т. IV, стр. 247).

Стр. 377. *...из этих трех кувертов...* — Куверт (франц. couvert) — конверт.

Стр. 383. *Подколесин в своем типическом виде ∾ готовы были признать Подколесиными.* — Речь идет о герое комедии Н. В. Гоголя «Женитьба» (1842).

Стр. 383. «*Tu l'as voulu, George Dandin!*» — Это крылатое выражение восходит к комедии Ж.-Б. Мольера (1622—1673) «Жорж Данден» (1668). У Мольера: «*Vous l'avez voulu, George Dandin*» (акт I, явление 9).

Стр. 385. *Наглость наивности ∾ есть и теперь;* см. также стр. 393: *Если бы ты читала его исповедь ∾ Это поручик Пирогов, это Ноздрев в трагедии...* — О герое повести «Невский проспект» (1835) Достоевский писал еще в 1861 г. как о величайшем создании Гоголя: «Он открыл назначение поручика Пирогова...» (см.: «Введение» к «Ряду статей о русской литературе» — наст. изд., т. XVIII). Мысли о Пирогове, высказанные в «Идиоте», были повторены и развиты в «Дневнике писателя» (1873, гл. XV, «Нечто о вранье»): «Поручик Пирогов, сорок лет тому назад высеченный в Большой Мещанской слесарем Шиллером, — был страшным пророчеством, пророчеством гения, так ужасно угадавшего будущее, — ибо Пироговых оказалось безмерно много, так много, что и не пересечь» (см. подробнее: наст. изд., т. XX). Достоевский прибегнул к оригинальному художественному приему: охарактеризовав Ганю Иволгина как одну из модификаций бессмертного гоголевского типа, он затем заставляет своего героя почти теми же словами говорить об Ипполите Терентьеве, который сопоставляется еще и с Ноздревым («Мертвые души»). Достоевский не раз создавал образы, соотносящиеся с типом Ноздрева (см. фельетон «Петербургские сновидения в стихах и прозе», а также черновики и окончательный текст «Бесов» — наст. изд., тт. X—XII и XVIII). В персонажах «Бесов» получили дальнейшее развитие черты, которые свойственны и Ипполиту и которые Достоевский усматривал в Ноздреве: раздраженное самолюбие, желание «произвести шум вокруг собственного имени», делая «ужасно много штук, и благородных, и пакостных».

Стр. 389. «*Не хочу в ворота, разбирай забор!..*» — Достоевский цитирует запись № 82 из Сибирской тетради, заменив в ней областное слово «заплот» общеупотребительным «забор» (см.: наст. изд., т. IV, стр. 238 и 315).

Стр. 410. *...прочли вы эту статью, генерал? ∾ некоторые вещи прелесть.* — Как видно из дальнейших слов генерала (см. стр. 412), статья, которую князь дал ему для прочтения, была напечатана в «Архиве», т. е. в журнале «Русский архив». Достоевский имеет в виду, вероятно, статью «Московский Новодевичий монастырь в 1812 году. Рассказ очевидца, штатного служителя Семена Климыча» (*РА*, 1864, № 4, стр. 416—434).

Стр. 411. *...имеет дерзость уверять ∾ он лишился левой своей ноги и похоронил ее на Ваганьковском кладбище, в Москве...* — Ср. с записью

в «Дневнике» А. Г. Достоевской от 11 (23) мая 1867 г. о поставленном в Дрездене памятнике генералу Каменскому, «которому здесь оторвало обе ноги»: «Эти-то самые знаменитые ноги и были похоронены здесь, на холме, а самое тело было отвезено в Петербург. Странная судьба этого человека — быть похороненным в разных местах». Из более ранней записи от 4 (16) мая узнаем, что описание похорон Каменского Достоевские читали в газетах (см.: *Достоевская, Дневник,* стр. 75 и 47).

Стр. 411 *...шассёр навел на него пушку и отстрелил ему ногу...* — Шассёр (франц. chasseur) — егерь (солдат особых частей пехоты или легкой кавалерии).

Стр. 411. *«Покойся, милый прах, до радостного утра»...* — См. выше, стр. 385.

Стр. 411. *Фальконет* (итал. falconetto) — старинная мелкокалиберная пушка.

Стр. 411. *...уверяет, что нога черносвитовская...* ∾ *Но черносвитовская нога изобретена несравненно позже...* — Черносвитов Рафаил Александрович (р. 1810), петрашевец. Сослан в 1849 г. в Кексгольмскую крепость. В 1854 г. отправил в Комитет инвалидов рукопись об устройстве изобретенной им искусственной ноги (см.: Дело петрашёвцев, т. III. Изд. АН СССР, М. — Л., 1951, стр. 509); в 1855 г. вышла в Петербурге его книга «Наставление к устройству искусственной ноги»; подробнее о Черносвитове и об отражении некоторых черт его личности в персонажах романа «Бесы» см.: наст. изд. , т. XII.

Стр. 412. *Один из наших автобиографов* ∾ *французские солдаты.* — Имеется в виду А. И. Герцен, писавший об этом в «Былом и думах» (ч. I, гл. 1; см.: *Герцен,* т. VIII, стр. 17).

Стр. 412. *Я знаю одно истинное убийство за часы, оно уже теперь в газетах.* — См. выше, стр. 392.

Стр. 413. *Еще чрез два дня умирает камер-паж Наполеона, барон де Базанкур...* — Ж.-Б. де Базанкур (Bazancourt), барон (1767—1830), — французский генерал, участник походов Наполеона I. Генерал Иволгин вводит это имя в свой фантастический рассказ, желая придать ему историческую достоверность.

Стр. 414. *...«великана в несчастии»...* — Источник цитаты установить не удалось.

Стр. 415. *...я вот тоже очень недавно прочел книгу Шарраса о Ватерлооской кампании.* ∾ *это дух партии.* — Шаррас Жан Батист Адольф (1810—1865) — французский либерально-буржуазный политический деятель и военный историк. Его антибонапартистская книга «Histoire de la campagne de 1815. Waterloo» («История кампании 1815 г. Ватерлоо», 1-е изд. — 1858; 4-е изд. — 1863) была прочитана Достоевским в 1867 г. в Баден-Бадене (см.: *Достоевская, Дневник,* стр. 214). Книга эта имелась и в библиотеке Достоевского, что специально отмечено А. Г. Достоевской в примечаниях к роману (см.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 60).

Стр. 415. *...в свите обыкновенно бывали Даву, я, мамелюк Рустан...* — Даву Луи (1770—1845) — маршал и военный министр Наполеона I; мамелюк Рустан (1780—1845) — его любимец и телохранитель.

Стр. 415. — *Констан* ∾ *он ездил тогда с письмом...* — Речь идет о любимом камердинере Наполеона, который довольно часто упоминается в художественной и мемуарной литературе о нем.

Стр. 415. *...к императрице Жозефине...* — Жозефина (1763—1814) — первая жена Наполеона I, с которой он развелся в 1809 г.

Стр. 416. *...где люнет, где равелин, где ряд блокгаузов...* — Люнет (франц. lunette) — открытое с тыла полевое укрепление, состоящее из валов и рва перед ними; равелин (франц. ravelin) — вспомогательное крепостное сооружение в форме треугольника с обращенной к противнику вершиной, расположенное перед основной крепостной оградой; блокгауз (нем. blockhaus) — фортификационная постройка с бойницами, приспособленная к самостоятельной обороне небольшой части войск.

Стр. 416. *...мой сын, le roi de Rome...* — Своему сыну Жозефу Франсуа Шарлю (1811—1832) Наполеон дал титул короля римского.

С т р. 417. ...*«знойный остров заточенья»...* — Цитата из стихотворения Пушкина «Наполеон» (1826).

С т р. 418. — *Это у Гоголя, в «Мертвых душах»...* — «Где моя юность, где моя свежесть!» — не вполне точно процитированные слова, которыми заканчивается лирическое отступление в начале VI главы первого тома «Мертвых душ» (у Гоголя: «О моя юность! о моя свежесть!» — см.: *Гоголь,* т. VI, стр. 111).

С т р. 418. *Позор преследует меня!* — Источник цитаты установить не удалось.

С т р. 419. *Няня, где твоя могила!* — цитата из третьей части незаконченной поэмы Н. П. Огарева «Юмор» (1840—1877).

Няня, где твоя могила
У стены монастыря?

Третья часть поэмы была впервые опубликована в «Полярной звезде» на 1869 г. (стр. 161—171). Альманах вышел в ноябре 1868 г. (см. письмо А. И. Герцена к Г. Н. Вырубову от 22 октября (3 ноября) 1868 г.: *Герцен,* т. XXIX, кн. 2, стр. 482). IV глава последней части романа «Идиот» появилась в январе 1869 г. — в декабрьском номере «Русского вестника».

С т р. 422. ...*на Каменный остров, чтобы застать Белоконскую...* — Каменный остров как место отдыха сановной знати упоминается Достоевским и в повести «Белые ночи» (1848; см. подробнее: наст. изд., т. II, стр. 104 и 489).

С т р. 423. ...*чтобы купили ему ∞ «Историю» Шлоссера...* — Шлоссер Фридрих Кристоф (1776—1861) — немецкий историк. Его «Всемирная история» (1844—1856) издавалась в русском переводе в 1861—1869 гг. О чтении этого труда Достоевским свидетельствует посланный ему в конце августа 1862 г. счет книжного магазина А. Ф. Базунова, в котором значится: «Шлоссер, „История", 3 части» (см.: *Гроссман, Жизнь и труды,* стр. 116). В библиотеке Достоевского имелся первый том «Всемирной истории» (см.: *Библиотека,* стр. 152). Первый том, очевидно, и зафиксирован в счете Базунова, хотя в нем 4 части. 18 августа 1880 г., рекомендуя Н. Л. Озмидову книги для его дочери, Достоевский писал: «Хорошо прочесть всю „Историю" Шлоссера».

С т р. 432—433. *Читали вы, князь, про одну смерть, одного Степана Глебова ∞ быть таким односоставным человеком, как в тех веках ..* — Глебов Степан Богданович (ок. 1672—1718) — любовник первой жены Петра I Евдокии Лопухиной. Был осужден на «жестокую смертную казнь» по обвинению в заговоре против Петра и за связь с постригшейся в монахини Лопухиной. Об обстоятельствах гибели Глебова Достоевский узнал из VI тома («Царевич Алексей Петрович») «Истории царствования Петра Великого» Н. Г. Устрялова (СПб., 1859). Во включенном историком в этот том официальном донесении о казнях в Москве сообщалось, в частности: «...маиор Степан Глебов, пытанный страшно, кнутом, раскаленным железом, горящими угольями, трое суток привязанный к столбу на доске с деревянными гвоздями и при всем том ни в чем не сознавшийся, 25/16 марта посажен на кол часу в третьем пред вечером и на другой день рано утром кончил жизнь» (стр. 224). Отмечая, что Глебов «просидел на коле пятнадцать часов» и «умер с чрезвычайным великодушием», Достоевский имел в виду и опубликованное Устряловым «объявление» иеромонаха Маркела, присутствовавшего при казни Глебова. В этом «объявлении» (от 16 марта 1718 г.) сообщается, что Глебов не принес «никакого покаяния» бывшим при нем в эти часы священнослужителям и только просил Маркела, чтобы тот «сподобил его св. тайн, как бы он мог принести к нему каким образом тайно; и в том душу свою испроверг, марта против 16 числа, по полуночи, в 8 часу во второй четверти» (стр. 219).

С т р. 433. ...*не те люди были, как мы теперь, не то племя было, какое теперь...* — Перекличка с лермонтовскими строками («Бородино», 1837):

Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя...

С т р. 433. *Сенситивнее* (от лат. sensitivus) — т. е. чувствительнее.

Стр. 433. — *Пройдите мимо нас и простите нам наше счастье!..* — Эти слова князя Мышкина могли быть навеяны стихотворением Н. П. Огарева «Мне снилося, что я в гробу лежу...» (1857—1858; впервые опубликовано в «Полярной звезде» на 1859 г., стр. 296—298; о чтении Достоевским в пору работы над романом «Идиот» многих номеров этого журнала см.: *Достоевская, Дневник*, стр. 17, 36 и далее по указателю). Герой стихотворения, которому снится, что он стоит «у собственного гроба», обращается мысленно к своим близким:

Вы знаете так ясно, наизусть,
Что умереть для всех необходимо,
Как звуку замолчать... К чему же грусть?
Простясь со мной, светло грядите мимо.

(Указано В. Е. Ветловской).

Стр. 440. *Казните сердце, пощадите бороду, как сказал Томас Морус...* — Мор Томас (1478—1535) — великий английский гуманист, один из основоположников утопического социализма. Латинизированная форма его фамилии — Морус — более употребительна. Томас Мор, обвиненный в государственной измене, был казнен английским королем Генрихом VIII, как противник Реформации. Вероятно, еще в юности Достоевскому запомнился подробный и яркий очерк «Томас Морус и его „Утопия“», опубликованный без подписи в «Библиотеке для чтения» — журнале, который постоянно читался братьями Ф. М. и М. М. Достоевскими (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 69). О казни Мора там рассказывается, в частности, следующее: «В девять часов он передан был шерифу и пошел к эшафоту. Борода его была длинна; лицо бледное и худое ⟨...⟩. Взойдя на эшафот, Морус стал на колени и прочел псалом. Палач стал просить у него прощения. Морус обнял его, сказав: „Ты оказываешь мне величайшую услугу, какую только я мог получить от человека. Исполняя свою обязанность, отсторони только мою бороду, потому что она чиста и непорочна; она никогда не изменяла“» (*БдЧт*, 1837, т. XXIV, отд. III, стр. 95). См. также: «Сын отечества и северный архив», 1833, т. 40, отд. I, стр. 269.

Стр. 440. *Mea culpa, mea culpa...* — формула покаяния во время исповеди, принятая у католиков. Выражение это широко употребляется в значении «виноват и раскаиваюсь».

Стр. 445. *...за чистейшее золото, без лигатуры.* — Лигатура (лат. ligatura) — примесь меди или олова к золоту для придания ему большей твердости.

Стр. 449. *Потому что все-таки человек был родовой, с состоянием, камергер...* — Камергер — (нем. Kammerherr) — придворное звание в монархических государствах. В России введено при Екатерине II. Первоначально камергер был должностным лицом при дворе, ведавшим какой-нибудь отраслью дворцового управления. С 1836 г. к званию камергера, которое носило уже характер почетного, представлялись только дворяне, состоявшие на службе в государственном аппарате и имевшие чин не ниже действительного статского советника.

Стр. 450—459. — *Нехристианская вера, во-первых!* ∾ *посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и вас любят...* — Суждения, близкие основной идее речи Мышкина в салоне Епанчиных, имеются в письмах к А. Н. Майкову от 31 декабря (12 января) 1867 г., 18 февраля (1 марта) 1868 г., 15 (27) мая 1869 г., 9 (21) октября 1870 г. В этой речи намечен основной комплекс философско-исторических идей, которые получили впоследствии развитие на страницах «Дневника писателя». Вместе с тем речь Мышкина предваряет позднейшие славянофильские, «почвеннические» рассуждения Шатова (см.: наст. изд., тт. X—XII), а также ряд аналогичных публицистических отступлений в «Братьях Карамазовых» (см. там же, тт. XVI, XVII).

Стр. 450. *...и кричит: «Non possumus!»* — «Non possumus» — слова, по традиции означавшие папский отказ удовлетворить требования светской власти. Восходят к «Деяниям апостолов» (гл. 4, ст. 20). Особенную известность выражение это вновь обрело после того, как в 1860 г. Пий IX запретил Напо-

леону III уступить Романскую область итальянскому королю Виктору Эммануилу и отлучил последнего от церкви за присоединение этой области к Италии.

С т р. 451. *...не смей иметь собственности, не смей иметь личности, fraternité ou la mort...* — Впервые ту же формулу Достоевский употребил в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: «И вот в самом последнем отчаянии социалист провозглашает наконец: „Liberté, égalité, fraternité *ou la mort*"» (см.: наст. изд., т. V, стр. 81). Впоследствии он неоднократно возвращался к ней: в черновиках к роману «Бесы», письмах, «Дневнике писателя» (см., например: наст. изд., тт. XII и XXI). Этот лозунг времен Великой французской революции, ставший крылатым выражением, нередко иронически переосмысливался русскими писателями (см. подробнее: А. М. Бабкин, В. В. Шендецов. Словарь иноязычных выражений и слов, т. II. Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 803—804).

С т р. 451. *...два миллиона голов!»* — Слова эти восходят к эпизоду из XXXVII гл. «Былого и дум» (ч. V). Герцен размышляет об облике публициста-республиканца К.-П. Гейнцена (1809—1880), «этого Собакевича немецкой революции»: «...сангвинический, неуклюжий, он сердито поглядывал исподлобья и был не речист. Он впоследствии писал, что достаточно *избить два миллиона* человек на земном шаре — и дело революции пойдет как по маслу». Эти строки тем более остановили внимание Достоевского, что Герцен, совпадая с его точкой зрения, называет «филантропическую программу» Гейнцена «вредным вздором» и указывает истоки ее, прямо ссылаясь на принципы деятелей Великой французской революции: «...что за Мара⟨т⟩, переложенный на немецкие нравы, да и как требовать два миллиона голов?» (см.: *Герцен*, т. X, стр. 60—61).

С т р. 451. *По делам их вы узнаете их — это сказано!* — Ср. сходные выражения в Ветхом и Новом завете (Книга пророка Иезекииля, гл. 14, ст. 22—23; Евангелие от Матфея, гл. 7, ст. 15—16).

С т р. 456. *...чиновника Швабрина три месяца назад от ссылки спасли?* — Фамилия чиновника заимствована Достоевским из «Капитанской дочки» (1836) А. С. Пушкина. Здесь Алексей Иванович Швабрин — офицер, сосланный за поединок в Белогорскую крепость.

С т р. 458. *Я не имею жеста. Я имею жест всегда противоположный...* — Достоевский писал жене 20 мая н. ст. 1867 г.: «Я и наяву-то, и когда мы вместе, несообщителен, угрюм и совершенно не имею дара выразить себя всего. Формы, жеста не имею. Покойный брат Миша часто с горечью упрекал меня в этом».

С т р. 458. *Станем слугами, чтоб быть старшинами.* — Эти слова Мышкина восходят к завету Христа апостолам: «Кто хочет быть первым, будь ⟨...⟩ всем слугою» (см.: Евангелие от Марка, гл. 9, ст. 35).

С т р. 459. *...услышала дикий крик «духа, сотрясшего и повергшего» несчастного.* — Достоевский пользуется евангельской фразеологией эпизода исцеления бесноватого (см.: Евангелие от Марка, гл. 9, ст. 17—27; Евангелие от Луки, гл. 9, ст. 42). Анна Григорьевна рассказывает о «публичном» припадке, случившемся с Достоевским вскоре после женитьбы на вечере у ее сестры. Подобно Аглае жена писателя впервые услышала «этот „нечеловеческий" вопль, обычный у эпилептика в начале приступа», и столь же мучительно переживала случившееся (см.: *Достоевская А. Г., Воспоминания*, стр. 112—113).

С т р. 463. *...ничему не удивляться, говорят, есть признак большого ума ∾ глупости...* — Скорее всего имеется в виду ставшее крылатым выражение «Nil (Nihil) admirari» ⟨«Ничему не удивляйся»⟩ (лат.), принадлежащее Горацию (68—8г. до н. э.) — см. его «Послания», кн. I, № 6, ст. 1 (Квинт Гораций Флакк. Полное собрание сочинений. Изд. «Academia», М.—Л., 1936, стр. 295):

Сделать, Нумиций, счастливым себя и таким оставаться
Средство, пожалуй, одно только есть — «ничему не дивиться».

С т р. 465. *И может быть, на мой закат печальный...* — цитата из стихотворения Пушкина «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...», 1830).

С т р. 476. *...помешавшийся на современном нигилизме, обнаруженном господином Тургеневым...* — Имеется в виду роман Тургенева «Отцы и дети» (1862), с появлением которого современники связывали применение слова «нигилизм» для характеристики умонастроений тогдашней разночинно-демократической молодежи. В полемике, развернувшейся вокруг романа, позиция того или иного направления критики определялась прежде всего отношением к базаровскому нигилизму (см. об этом: *Тургенев, Сочинения,* т. VIII, стр. 589—611). Достоевский высоко оценивал «Отцов и детей» и в «Зимних заметках о летних впечатлениях» писал о Тургеневе и его герое: «Ну и досталось же ему за Базарова, беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм» (см.: наст. изд., т. V, стр. 59; подробнее об отношении Достоевского к образу Базарова см. в комментарии к роману «Бесы» — наст. изд., т. XII).

С т р. 484. *Я... я скоро умру во сне; я думал, что я нынешнюю ночь умру во сне.* — В дневнике жены Достоевского есть запись о том, что приступы эпилепсии всегда сопровождались у него страхом смерти, и подробный рассказ об одном из ночных припадков, после которого Достоевский боялся умереть во сне (см.: *Достоевская, Дневник,* стр. 311—312).

С т р. 486. *...принцессу де Роган...;* см. также вариант «Русского вестника»: *...или по крайней мере де Шабо.* — Роганы и Шабо — два древнейших и знаменитых княжеских рода Франции; в XVII в. их представители вступили в брак, положив начало ветви Роганов-Шабо. О «благородстве» Роганов упоминает Достоевский в «Подростке» (см.: наст. изд., тт. XIII и XV).

С т р. 487. *Шаривари* (франц. charivari) — обструкция (шум и свист перед домом), которая устраивалась лицу, вызвавшему общественное неудовольствие.

С т р. 487. *...он рожден Талейраном...* — Имя французского дипломата, министра иностранных дел при трех режимах Шарля Мориса Талейрана (1754—1838), стало нарицательным для обозначения человека ловкого и беззастенчивого. Еще в 1856 г. Достоевский писал А. Е. Врангелю, что среди барнаульских жителей множество «доморощенных Талейранов» (письмо от 21 декабря).

С т р. 492. *«Ценою жизни ночь мою!..»* — цитата из поэмы Пушкина о Клеопатре («Чертог сиял, гремели хором...»), вошедшей в состав повести «Египетские ночи» (1835). О роли этой поэмы в творческой истории романа «Идиот» см. выше, стр. 351, 382.

С т р. 494. *«Утаил от премудрых и разумных и открыл младенцам...* — неточная цитата из Евангелия (слова Христа): «...утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (см.: Евангелие от Матфея, гл. 11, ст. 25; от Луки, гл. 10, ст. 21).

С т р. 497. *...съездить в Семеновский полк...* — Так назывался в обиходе район Петербурга, примыкающий к Загородному проспекту (по месту расположения казарм лейб-гвардии Семеновского полка).

С т р. 499. *...французский роман «Madame Bovary»...* — Роман Г. Флобера (1821—1880) «Госпожа Бовари» (1857) Достоевский читал летом 1867 г. по рекомендации Тургенева, который отзывался о нем как о самом лучшем произведении «во всем литературном мире за последние 10 лет» (см.: *Достоевская, Дневник,* стр. 214). По воспоминаниям В. Микулич, Достоевский и в 1880 г. дал этому роману высокую оценку (см.: В. Микулич. Встречи с писателями. Л., 1929, стр. 155).

С т р. 503. *...и на белевших кружевах ∾ и ужасно был неподвижен.* — По мнению Р. Г. Назирова, эта художественная деталь восходит к повести О. Бальзака «Неведомый шедевр» (1831): на загубленной картине Френхофера кончик обнаженной ноги выделялся из хаоса красок, тонов и оттенков как «торс какой-нибудь Венеры из паросского мрамора среди руин сожженного города» (см. об этом подробнее: Р. Г. Назиров. Диккенс, Бодлер, Достоевский. (К истории одного литературного мотива). В кн.: О традициях и новаторстве в литературе и устном народном творчестве. «Ученые записки Башкирского гос. университета», Серия филологических наук, вып. XVII, № 7 (11). Уфа, 1964, стр. 177).

Стр. 504. — *Я ее клеенкой накрыл* ∾ *Это как там... в Москве?* — См. об этом выше, стр. 390—391.

Стр. 510. ...*зиму, как мыши в подвале, мерзнут...* —Жалоба Лизаветы Прокофьевны почти текстуально совпадает со словами Достоевского в письме к С. А. Ивановой от 25 января (6 февраля) 1869 г.: «2 недели было холоду, небольшого, но, по подлому, низкому устройству здешних квартир, мы мерзли эти 2 недели, как мыши в подполье».

Подготовительные материалы

Подготовительные материалы к «Идиоту» представлены в трех записных тетрадях, хранящихся в *ЦГАЛИ* под №№ 3, 4, 5 (по новой архивной нумерации): из них первые две — переплетенные тетради обычного формата, последняя — небольшого размера записная книжка. В них Достоевским занесены наброски и заметки к первой и второй редакциям романа в начальный период творческой работы, до создания его окончательного текста. Задача воспроизведения этих материалов сложна по двум причинам. Во-первых, наброски к «Идиоту» в тетрадях перемежаются с черновыми записями к «Преступлению и наказанию», «Вечному мужу», повести о капитане Картузове и другим замыслам (см. выше, стр. 334, а также: наст. изд., т. XI). Во-вторых, результаты интенсивной работы мысли писатель порою закреплял в самых различных местах — в начале, середине, конце тетради, по-видимому заполняя страницы, оставшиеся свободными к тому или иному моменту его работы (так, в тетради № 3 вслед за с. 25 Достоевский заполнил с. 34, 135, 134, а в тетради № 5 вслед за с. 76 — с. 132, 131 и др., вслед за с. 134 — с. 127 и 128, затем с. 3, после чего, сделав ряд записей в середине тетради, снова вернулся к ее началу — а именно к с. 5, 2, 1). Такая часто довольно неожиданная последовательность заполнения страниц в тетрадях обычно подтверждается датами и смыслом записей.

Предварительные записи к «Идиоту» были впервые подготовлены к печати П. Н. Сакулиным совместно с Н. Ф. Бельчиковым (см.: Из архива Ф. М. Достоевского. Идиот. Неизданные материалы. ГИХЛ, М.—Л., 1931). Сакулин воспроизвел текст черновых материалов полностью, за исключением двух случайно не замеченных среди планов «Преступления и наказания» набросков в тетради № 3 на с. 3 и 9 (см. стр. 164. 167). Ему же принадлежит первый опыт их расположения, по возможности воспроизводящего логическую и хронологическую последовательность творческого процесса. При этом исследователь руководствовался датами и пометами самого Достоевского, содержанием записей, а также внешним видом рукописи и характером почерка.

При подготовке настоящего тома новое обращение к записным тетрадям помогло уточнить ряд неверно разобранных ранее слов и устранить некоторые противоречия в предпринятой Сакулиным компоновке записей Достоевского. Но так как размещение чернового материала в отдельных трудных случаях неизбежно остается проблематичным, остановимся на некоторых, наиболее сложных из них.

Среди заметок к «Преступлению и наказанию» на с. 15, 16 в тетради № 3 есть записи с пометой «Nota bene», варьирующие мотивы скитаний Идиота и Миньоны по Петербургу, кражи портфеля с деньгами отцом семейства, его ухаживаний за кухаркой и смерти. Эти мотивы разрабатывались, по всей вероятности, в конце сентября или начале октября 1867 г. в самом первом плане на с. 37—40. Поэтому мы помещаем указанное «Nota bene» после с. 40, перед с. 41, верхняя часть которой перечеркнута, а в нижней дан список дополняющих этот план «N3» (Сакулин расположил указанные записи после с. 84 и перед с. 19, которая заполнена датированными 17 октября н. ст. «Отметками к главному плану», где отец семейства уже генерал и похищение совершает не он, а Красавец, — ср. стр. 145—146, 157).

Для тетради № 4 принята иная последовательность расположения страниц, завершающих планы первой редакции романа (ноябрь 1867 г.). По Саку-

лину, порядок заполнения страниц был следующий: с. 142, 144, 139, 138, 137, 136, 123, 122, 124, 125, 126, 127, 131, 130, 129, 128, 111, 120, 116, 117, 118, 119, 114. В данном издании фразы, записанные на заключительных страницах тетради (144, 142), сняты как скорее всего не относящиеся к «Идиоту», а далее помещен текст, расположенный на с. 141, 140, 139, 138, 137, 136, 131, 130, 129, 128, 127, 126, 124, 125, 123, 122, 120, 111, 116, 117, 118, 119, 114, т. е. в основном выдержана последовательность, обратная нумерации страниц в тетради. Общее соображение о том, что Достоевский, перевернув тетрадь и начав с конца, продолжал писать на свободных страницах, подтверждается авторскими пометами. В верхнем углу с. 131, которая открывает новый план, значительно отличающийся от всех предшествующих, Достоевским обозначено «1 стр.», а на с. 129 — «4 стр.» (см. стр. 201—204). Указаны самим писателем и его отступления от этого порядка на с. 124, 125 (цифрами «I, II») и па с. 116, 117, 118, 119, 114 (цифрами «1, 2, 3, 4, 5»). Новый план, одним из поворотных моментов которого является предположение о женитьбе Генерала на Воспитаннице, а несколько позднее — на Устинье Умецкой, озаглавлен «Беглый план. Точки» (с. 131). Заметки от 10 ноября н. ст., названные «Еще точки» (с. 123, 122), помещены нами не перед ним, как у Сакулина, а после него. Доводы в пользу принятого размещения материала, основывающиеся на авторских пометах, подкрепляются и логикой развития повествования, которое движется от введения и объяснения отсутствовавших ранее линий сюжета и характеров к их более детальной разработке (см. 201—215).

В тетради № 5 Достоевский оставил свободными несколько страниц, озаглавив их «*Нотабены и словечки*», и затем заполнял их в разное время (с. 16, 17, 18, 15, 19). Отдельные записи этого единого раздела, сохраненного нами, [1] нуждаются в хронологическом соотнесении с определенными моментами работы над романом. Первая из них на с. 16 («Когда Ганя ∾ уход нужен» — см. стр. 221) была сделана, по-видимому, в начале марта 1868 г., скорее всего 12 марта н. ст., после заметки от того же числа на с. 12 о трех типах любви в романе и перед составленным в тот же день на с. 20 «*Подробным планом 3-й части*». Запись по почерку и содержанию сближается с набросками этой поры, совпадая с ними и фразеологически (ср. запись об Аглае, пойманной Ганей «на крючок», на с. 16 и с. 4 — стр. 224—225, 216—221). Следующая заметка на с. 16 («Антропофаг ∾ о Христе»), связанная с предшествующей характеристикой Лебедева как «философа», написана или тогда же, или в апреле 1868 г., когда в тетради была вновь упомянута сцена у Настасьи Филипповны с толкованием Апокалипсиса (ср. с. 60 от 17 апреля н. ст. — стр. 262—263). Заготовки диалогов и «словечек», расположенные в нижней части с. 16 («Остерегаться народа ∾ приду к вам»), соприкасаются с разработкой образа Вельмончека (Евгения Павловича Радомского) в июне 1868 г. В это время Достоевский обдумывал версию о попытке Вельмончека (дядя которого разорился и собирался покончить с собой) жениться сначала на Аглае, а после ее отказа — на дочери Лебедева. Только в этой связи можно понять странную на первый взгляд запись на с. 16: «*Аглая говорит:* „Если исполнит слово, т. е. застрелится, тогда женись“». Застрелиться должен был в конце концов и сам Вельмончек, так что запись эта перекликается с заметками на с. 135, 136: «„Застрелюсь“. Рассчитывает, что Аглая не даст застрелиться или почувствует благородство. Но дала застрелиться и не почувствовала» и др. На с. 135, как и среди «*Слов и словечек*», расшифровывается и запись: «Определение аристократии» (см. стр. 272, 221, 222, 271). Свидетельством того, что нижняя половина с. 16 заполнялась в конце мая—начале июня, служит также фраза: «Если Д⟨урако⟩в сказал, то Урус⟨ов⟩ не скажет, председатель не остановил — не пристыдил». В изда-

[1] Исключение составляет самая поздняя заметка, занесенная, вероятно, на свободное место с. 16, после 11 ноября н. ст. 1868 г., когда уже вся записная книжка была заполнена. Эта заметка примыкает к с. 14, 13, о чем свидетельствует как объединяющая их тема (Рогожин и Мышкин у трупа Настасьи Филипповны), так и специальная помета Достоевского (см. стр. 287).

нии 1931 г. эта фраза была воспроизведена неправильно и было высказано ошибочное предположение, что имеется в виду товарищ прокурора И. И. Дьяков, выступавший вместе с А. И. Урусовым на процессе Ольги Умецкой (см. стр. 341 и *Сакулин*, стр. 102, 209). Но, как следует из данного контекста, скорее всего речь идет об адвокате Дуракове, который защищал гимназиста В. Горского, совершившего убийство (см. выше, стр. 444). О нем, не называя его имени, говорит в романе Евгений Павлович (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 236, 237, 279). Дуракову, оправдывавшему Горского, в заметке противопоставлен талантливый адвокат того времени А. И. Урусов; в соответствии с этим и в окончательном тексте князь Щ. напоминал о замечательных защитниках в «молодых новооткрытых судах». На с. 135, примыкающей к записям от 10 июня, имя адвоката («Дураков») раскрыто полностью. Речь Дуракова была опубликована в «Голосе» от 14 (26) мая 1868 г. (№ 133). Ознакомиться с этим номером Достоевский смог в самых последних числах мая или в начале июня н. ст., когда газета попала за границу. Под свежим впечатлением он и оставил для себя сигналы в тетради № 5. Отличающиеся по почерку от заметок, сделанных в конце с. 16, наброски, которые занимают верхнюю половину с. 17 («Искривлявшийся человек. Звезда *Полынь* ∾ в печати)"»), были, по всей вероятности, внесены вскоре и тоже могут быть датированы июнем 1868 г. Возникший в них апокалипсический образ Достоевский возобновил в своей памяти, перечитав опубликованные в апрельском номере «Русского вестника» несколько глав Апокалипсиса в поэтическом переложении А. Н. Майкова (см. его отклик на этот перевод в письме к Майкову от 18 (30) мая 1868 г.). С другой стороны, входящие в состав набросков реплики Келлера о том, что он в пасквиле на князя «видел один *только* слог», об изумрудах и «*бурдалу*», ведут к VIII и XI главам второй части, напечатанным в июне—июле 1868 г. Дальнейшие заметки раздела «*Нотабены и словечки*» на с. 17, 18, 15, 19 («Князь скажет ∾ не молились бы?») должны быть датированы концом августа—началом сентября 1868 г. н. ст.: они служили материалом для подготовки вышедших в свет в сентябрьском номере «Русского вестника» V и VI глав третьей части с «Необходимым объяснением» Ипполита и непосредственно предваряют заключительный черновой фрагмент той же сцены на с. 66 от 8 сентября н. ст. (см. стр. 222—224 и 277).

Можно более точно приурочить к определенному творческому моменту записи на с. 132, 131 (с пометами Достоевского «1, 2») той же тетради. Записи эти были сделаны между набросками от 24 мая н. ст. и самыми последними числами того же месяца, когда Достоевский дописывал V главу второй части, отосланную в Петербург не позднее первых чисел июня н. ст. (см. ниже). В этой главе были претворены заметки со с. 131: «Князь про картину Гольбейна, про Лебедева и Дюбарри (Аглае)» и «Сострадание — всё христианство». После визита к Рогожину Мышкин здесь думает о сострадании как основе человеческого «бытия», надеясь, что оно «осмыслит и научит самого Рогожина», вспоминает о картине Гольбейна в связи со стремлением его «силой воротить свою потерянную веру» и о Лебедеве, озадачившем его своими высказываниями о Дюбарри (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 192, 190). Вслед за майскими идут июньские записи, расположенные на с. 125, 126, 135, 136, снова на с. 126, 136, 135, а затем на с. 134, после которых были заполнены остававшиеся еще свободными страницы конца тетради — 127, 128.

На иное место попала в нашей компоновке и с. 3 с датой «28 июля», которая у Сакулина помещена среди соседних с нею страниц начала тетради (с. 5, 2, 1), заполненных в октябре.

Предположительно размещены с. 120, 119, 64 в записной тетради № 5 (см. стр. 276—277, 265).

После записи на с. 2, датированной 15 октября, и ранее набросков финальных сцен романа на с. 14 приводятся тексты, озаглавленные «*После венца*» и «*Из главного*» (с. 12, 11). Основанием для этого служит как содержание записей, так и упоминание в них статьи «Всемирная выставка 1867 года», напечатанной в сентябрьском номере «Русского вестника», который мог быть получен Достоевским в конце октября—начале ноября (см. о ней реальный комментарий, стр. 468—469).

При компоновке заметок, относящихся к последним главам романа, допущено небольшое отступление от хронологии: основной текст с. 13, датированный 11 ноября и заключающий вариант «Сцены двух соперниц», дан после остальных записей на той же странице и примыкающей к ней заметки на с. 16, так как эти наброски теснейшим образом связаны с разработкой финала романа на с. 14 и являются непосредственным его дополнением.

Большинство черновых записей к «Идиоту» датировано новым стилем или при датировке их проставлены оба стиля — новый и старый. Единственный спорный случай — первая дата в тетради № 3: «14 сентября 67. Женева». Однако скорее всего и эта открывающая планы романа запись была сделана не 14 (26), а 2 (14) сентября. В пользу такого предположения говорят пометы под первоначальной датой («14 сентября» и «22 октября», вписанные 22 октября определенно нового стиля). Набросками, внесенными в этот день (и теми же чернилами, что и пометы), Достоевский думал закончить записи этой тетради. Но 27 октября он заполнил с. 135, 134, особо озаглавив их «Листик 1», «Листик 2-й». Наиболее вероятно, что последняя дата также проставлена по новому стилю. При этом необходимо учесть, что заметка на полях с. 27 и последняя фраза на с. 29, являющиеся откликом на дело Умецких, в любом случае могли быть приписаны к ранним сентябрьским набросками только после первых корреспонденций об этом процессе 23 и 24 сентября (см. подробнее на стр. 340). Далее в той же тетради на с. 72 перед заголовком «Примечания ко второму плану» встречается дата «4 (16) октяб⟨ря⟩». Отсюда ясно, что следующие сразу же за нею даты 17, 18, 22 и 27 октября даны по новому стилю. Тетрадь № 4 открывают «Заметки» от 29 октября 1867 г., а их непосредственным продолжением являются наброски от 30 октября, 1, 2, 3, 4, 6, 10 и 11 ноября, тоже безусловно нового стиля. Завершающая дата помечена уже двумя стилями, причем как основной фигурирует новый («11 ноября /30X»). Доказательством нового стиля датировок в тетради № 5 выступает не только естественный факт ориентации писателя в результате продолжительного пребывания за границей на европейский календарь, но и то, что, рассчитывая на расхождение старого и нового стиля, Достоевский обычно отсылал рукопись глав для очередного номера «Русского вестника» в самом конце того месяца, когда они публиковались, или даже в начале следующего — по новому стилю. Подготовительная же работа над этими главами в тетради № 5 велась часто до самой их отсылки. Так, например, как указывалось выше, после 24 мая н. ст. Достоевский делал дополнительные заметки для главы, отправленной в майскую книжку журнала. Дополнительное доказательство — письмо Достоевского к А. Н. Майкову от 2 (14) марта, в котором он извещал своего корреспондента о радикальном изменении «в 3-й уж раз» плана романа (см. выше, стр. 359), в черновиках же такая перемена («Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩. Не княгиня, а только борется: быть иль не быть?») произошла 13 марта (см. стр. 228).[1] Еще одним примером такого рода может служить дата на с. 2 тетради № 5, предполагающая в начале ноября 1868 г. работу над третьей частью романа, опубликованной в октябрьской книжке «Русского вестника».

При публикации подготовительных материалов к «Идиоту» в основном сохранены особенности рукописи Достоевского: обозначены существенные графические пометы автора (фигурные скобки, отчеркивания, рамки, выделительные знаки и т. д.), которые, однако, не представлялось возможным оговорить полностью, так как они очень многочисленны. Необходимо особо отметить такую своеобразную черту рукописи, как скобки, которые Достоевский часто использовал не для обособления фразы или слова, а для их выделения, придавая им значение NB; эти скобки, не имеющие ничего общего с традиционным, грамматическим их употреблением, в большинстве случаев сохраняются нами.

---

[1] П. Н. Сакулин высказал обратное предположение о возможности осмысления датировок Достоевского по старому стилю (см.: *Сакулин*, стр. 195); Л. П. Гроссман все даты черновых записей к «Идиоту», кроме первой, считал проставленными по новому стилю (см. *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 173—181).

Все три рабочие тетради пронумерованы А. Г. Достоевской. Пагинация их воспроизводится в ломаных скобках.

С т р. 140.* *Сестра (М⟨аша⟩) ∾ дает уроки на фортепиано...* — У Достоевского была племянница-пианистка Мария Александровна Иванова.

С т р. 141. *...озлобленная Миньона и Клеопатра.* — См. выше, стр.350—351.

С т р. 142. *...история Ольги Умецкой.* — См. выше, стр. 340—341.

С т р. 142. *...но еще многие чрезвычайные долги его поданы наконец за границей из России ко взысканию ∾ Дядя отвечает: «Еще бы»).* — Достоевский и сам опасался в то время, что кредиторы отыщут его за границей. «Ради бога, не болтай много и старайся, чтоб и другие не говорили о том, где я теперь нахожусь, не давай моего адреса никому», — просил он пасынка (см. письмо к П. А. Исаеву от 19 (31) мая 1867 г.). 10 (22) октября 1867 г. в письме к нему же Достоевский вновь заметил: «Я, милый мой, боюсь кредиторов. Заграница от них не спасает». См. также: *Достоевская, Дневник*, стр. 46—47.

С т р. 144. *Брыластый* — т. е. с отвислыми щеками и губами.

С т р. 145—146. *Смерть его. Почти признается. ∾ Признается в покраже.* — Впервые история нравственных мучений героя, совершившего кражу и признавшегося только на смертном одре, была описана Достоевским еще в 1848 г., в рассказе «Честный вор» (см.: наст. изд., т. II, стр. 82—94).

С т р. 148. *...Дядя в разлитии желчи умирает.* — От разлития желчи в июле 1864 г. умер старший брат Достоевского Михаил Михайлович. Писатель говорит об этом в его некрологе «Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском» (см.: наст. изд., т. XIX).

С т р. 151. *Пуантливость* (от франц. pointe) — колкость.

С т р. 154. *...отстав⟨ной⟩ корнет...* — Корнет (от исп. corneta) — младший офицерский чин в кавалерии.

С т р. 157. *Мышьяк, сабур.* — Сабур — противоядие при отравлениях мышьяком.

С т р. 159. *У Идиота тетка замужем за старичком Прыгунчиком?* — «Прыгунчик» — член секты прыгунов, возникшей в 1836 г. и названной так в связи с тем, что во время богослужений члены секты исполняли пляски, возбуждающие религиозный экстаз.

С т р. 163. *...Сын простоват (Федя) и этой простоватостью всё более и более очаровывает Идиота.* — Достоевский упоминает об одной из черт своего племянника, Ф. М. Достоевского «младшего» (1842—1906), которого он очень любил и с которым в это время переписывался (см. о нем: М. В. В о л о ц к о й. Хроника рода Достоевского (1506—1933). М., 1933, стр. 104—105; *Достоевская А. Г., Воспоминания*, стр. 108, 114—115, 335).

С т р. 164. *Костенькиныч, его жена.* — Костенькиныч — искаженное Константинович.

С т р. 167. *«И беси веруют и трепещут».* — Цитата из «Соборного послания апостола Иакова» (гл. 2, ст. 19).

С т р. 167. *Об искушении Христа диаволом в пустыне (рассуждения).* — Имеется в виду один из эпизодов Нового завета (см.: Евангелие от Матфея, гл. 4, ст. 1—11; от Луки, гл. 4, ст. 1—13). Сюжет этот стал предметом постоянных размышлений Достоевского и получил философскую интерпретацию в его романах (например, в «поэме» о Великом инквизиторе из «Братьев Карамазовых») и публицистике. О преломлении этой темы в «Идиоте» см. стр. 398.

С т р. 183. *Письмо (слог Гольбейновой Мадонны);* см. также с т р. 189: *Она тиха, как Гольбейнова Мадонна;* с т р. 192: — *А моя Мадонна Гольбейнова...* — См. выше, стр. 434.

С т р. 184. — *Так это затмение. ∾ крик.* — В первых трех книгах Нового завета говорится о затмении солнца во время распятия Христа: «Было же около шестого часа дня, и сделалась тьма по всей земле до часа девятого: и померкло солнце, и завеса в храме раздралась посредине» (см.: Евангелие

---

* Здесь и ниже указаны страницы наст. тома.

от Луки. гл. 23, ст. 44—45: также: от Матфея, гл. 27, ст. 45; от Марка, гл. 15, ст. 33). Возражая Умецкой, Идиот имеет в виду описание крестной казни у Ренана, который, воссоздавая картину затмения, отмечал еще: «Особенная жестокость распятия состояла в том, что можно было жить три и четыре дня в этом ужасном и мучительном состоянии». Кровотечение из рук скоро останавливалось и не было смертельно. Истинной причиной смерти было противоестественное положение тела, нарушавшее кровообращение и причинявшее сильнейшие головные и сердечные боли, а затем неподвижность членов. «Распятые с сильным телосложением умирали только от голода. ⟨...⟩ Нежное сложение Иисуса предохранило его от этой медленной агонии» (см.: *Renan*, р. 246; см. также выше, стр. 397—399).

Стр. 193. *...выехал из Фрибурга.* — Речь идет о главном городе одноименного швейцарского кантона.

Стр. 194. *Конечно, десять заповед⟨ей⟩ хороши.* ∞ *Не лги, не воруй, ложного не свидетельствуй»* и т. д. — Имеются в виду 10 заповедей, неоднократно изложенных в Ветхом и Новом завете. Достоевский неточно, наиболее близко к Евангелию от Марка (гл. 10, ст. 19), приводит здесь 8-ю и 9-ю заповеди.

Стр. 201. *Аксантированная* (от франц. accent) — сильная, яркая.

Стр. 204. *Но Устинья* ∞ *и засадила его.* — Речь идет о долговой тюрьме (см. о ней выше, стр. 438).

Стр. 205. *Я к Ивану Николаевичу (Идиоту) хочу.* —В этой записи Достоевский называет героя именем друга своей юности Ивана Николаевича Шидловского (см. о его личности и об истории отношений с писателем: М. П. Алексеев. Ранний друг Ф. М. Достоевского. Одесса, 1921).

Стр. 217. *Что похожее на японский кинжал сгнить в борделе, но неведомо и неслышно;* см. также стр. 226: *Птицын говорил чрезвычайно верно о японцах.* — См.: наст. изд., т. VIII, стр. 148.

Стр. 221. *Звезда Полынь.* — См. о ней выше, стр. 445.

Стр. 235. *...(евангельское прощение в церкви блудницы).* — См. об этом выше, стр. 395—396.

Стр. 241. *Цепь и надежда. Сделать немного;* см. также стр. 269—270: *Цепь, говорит о цепи.* ∞ *Звучать звеном. Сделать немного.* — Наброски рассуждений о «цепи» — символе бессмертия добрых дел, вероятно, появились не без влияния «Войны и мира» Л. Н. Толстого. Убеждая Андрея Болконского принять масонство, чтобы служить добру, Пьер Безухов говорит: «...вступите в наше братство ⟨...⟩ и вы сейчас почувствуете себя ⟨...⟩ *частью этой огромной, невидимой цепи,* которой начало скрывается в небесах. ⟨...⟩ Разве я не чувствую ⟨...⟩ что я составляю *одно звено*, одну ступень от низших существ к высшим. ⟨...⟩ Я чувствую, что я не только не могу исчезнуть, как ничто не исчезает в мире, но что я всегда буду и всегда был» (см.: *Толстой*, т. 10, стр. 115—116; курсив наш,— *Ред.*). Записи Достоевского датированы 1 апреля и 24 мая н. ст., а в письме к А. Н. Майкову от 18 февраля (1 марта) 1868 г. он сообщал, что прочел половину романа Толстого (т. е. и упомянутый эпизод). Идея этих набросков отразилась во всей концепции романа, но — непосредственнее всего — в монологе Ипполита о благотворном влиянии «доброго дела» не только па приобщающиеся друг к другу личности, но и на «разрешение судеб человечества» (наст. изд., т. VIII, стр. 335—336). Записи о взаимосвязи всего живого в мире интересно сопоставить со словами старца Зосимы в «Братьях Карамазовых»: «...всё как океан, всё течет и соприкасается, в одном месте тронешь, в другом конце мира отдается» (там же, т. XVI).

Стр. 245. N3) *История с Кавалергардом.* — Кавалергарды — полк гвардейской кавалерии.

Стр. 245. *Констан* — См. выше, стр. 455.

Стр. 248. *...читатель достаточно эклерирован...* — Эклерирован (от франц. éclairer) — осведомлен.

Стр. 249. *(Его турнюр и проч.)* — Турнюр (франц. tournure) — здесь: облик или манера держаться.

Стр. 249. *...предложение журнала* ∞ *Читает журнал Лебедева (в другом пакете).* — Журнал (франц. journal) — здесь: дневник.

С т р. 249. *Восстание острова Крита.* — Восстание против турецкого владычества, начавшееся в 1867 и подавленное в 1869 г.

С т р. 249. *...Смиренный игумен Зосима...* — Вероятно, имеется в виду игумен Соловецкого монастыря, носивший это имя (умер в 1478 г., канонизирован в 1547 г.).

С т р. 249. *...Василий Великий* (329—379), *Григорий Богослов* (329—389), *Иоанн Златоуст* (344—407) — христианские святые. Память их с XI в. отмечается церковью особым праздником — Собор вселенских учителей и святителей (30 января).

С т р. 250. *...вроде княжны Кати...* — См. выше, стр. 373.

С т р. 252. «Утаил от премудрых и разумных и открыл еси то младенцам». — См. выше, стр. 459.

С т р. 253. *...всё о любовишках говорили, а вы о столпотворении...* — В этой записи намечена не вошедшая в текст романа интерпретация библейского сюжета о столпотворении вавилонском (Бытие, гл. 11, ст. 1—9). Ассоциации с вавилонским столпотворением обычно возникали у Достоевского при размышлениях об атеистической «гордыне» и разобщенности современного человечества (см., например, комментарий к подготовительным материалам к романам «Подросток» и «Братья Карамазовы»: наст. изд., тт. XV и XVII).

С т р. 254. *Лебедев в своем плаче о Генерале: «Великий был человек... А даже и на смертном одре солгал».* — Запись эта — пародийный отклик на «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя. В своем «Завещании» (см.: *Гоголь,* т. VIII, стр. 220, 221) писатель патетически говорит о написанной им «Прощальной повести» — лучшем своем произведении, которое он оставляет потомству. Но ее, по выражению Достоевского, «совсем и не оказалось в действительности». Достоевский пародировал этот же факт в «Селе Степанчикове и его обитателях» (см.: наст. изд., т. III, стр. 508), в романе «Бесы» (см.: наст. изд., т. XII), а в подготовительных материалах к роману «Подросток» очень своеобразно его интерпретировал. По его предположению, не существовало даже замысла «Прощальной повести», но «подполье» заставило Гоголя «так врать и паясничать, да еще в своем завещании» (см.: наст. изд., т. XV).

С т р. 257. (*Описание сцены в воксале Екатерин⟨гофском⟩*). — См. выше, стр. 437.

С т р. 260. *В 5-й части ∾ (жена Ч⟨ернышевско⟩го). ∾ почти дуэль.* — См. выше, стр. 388.

С т р. 263. *«Рыцарь бедный».* — См. об этом выше, стр. 401—404.

С т р. 263. *Полон чистою любовью, Н. Ф. Б. своею кровью...* — См. выше, стр. 402.

С т р. 265. *Черная женщина ходит. Героиня из романа Греча.* — Достоевский упомянул здесь, а затем в своеобразной интерпретации перенес в окончательный текст «Идиота» лейтмотив «Черной женщины» Н. И. Греча (1834). Герою этого романа, князю Кемскому, всю жизнь сопутствует видение. В детстве он стал свидетелем того, как во время эпидемии чумы женщина, одетая в черное, с распущенными черными волосами, кинулась с балкона в чумную повозку на труп своего жениха. С тех пор в ответственные минуты жизни (во сне или наяву) видение этой женщины появлялось перед ним, и по выражению ее лица Кемский угадывал, что предстоит ему вскоре: успех или неудача, счастье или беда. Роман заканчивается реализацией первого, детского видения князя: с балкона того же здания в объятия Кемского бросается горячо любимая им жена, которую он считал давно умершей. Отметим попутно, что в Кемском есть черты, родственные Мышкину. Потомок старинного рода, идеалист и мечтатель, он добр, кроток, чист душой, деликатен и благороден. Один из персонажей называет Кемского «князем из людей, человеком из князей» (см.: Н. Г р е ч. Черная женщина, ч. III. СПб., 1834, стр. 186). Окружающие часто смеются над князем или жестоко обманывают его. Упоминание о романе Греча появилось в $ПМ_2$ во второй половине апреля 1868 г. С ним перекликается и более поздняя запись: «?N3. В зале привидение» (см. стр. 287); ср. с финальной сценой «Идиота»: «Стой, слышишь? ∾ оба опять улеглись» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 506). Отзвуки «Черной женщины»

явственны не только в финале романа. Перед свиданием с Аглаей на зеленой скамейке Мышкин видит тревожный сон, который повторяется и в день прочтения им писем Настасьи Филипповны к Аглае, чтобы потом до буквальности воплотиться при встрече князя с Настасьей Филипповной: «...всё кругом него как бы походило на сон. И вдруг, так же как и давеча, когда он оба раза проснулся на одном и том же *видении,* то же *видение* опять предстало ему. Та же женщина вышла из парка и стала пред ним ⟨...⟩ и точно так же, как и давеча в его сне, слезы блистали теперь на ее длинных ресницах» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 381—382. Курсив наш, — *Ред.*). Прием отождествления сна и реальности, видений и действительности — один из главных в романе Греча. Запись о Мышкине в $ПМ_2$: «Ходил день по Петербургу, *видения*» — вероятно, в значительной мере навеяна этим романом (см. стр. 285; ср. со сценой в Павловском вокзале, где перед Мышкиным предстает «видение» Рогожина и «чрезвычайное видение» Настасьи Филипповны — см.: наст. изд., т. VIII, стр. 287—290).

Стр. 268. *После бегства Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩ начинаются разные истории (иные возбужденные Аглаей. Соломонова суда и проч.).* — Судя по характеру заметок на ближайших страницах (с. 79 и 80), которые Достоевский несомненно перечитал, а также по смыслу последней строки на с. 77: «*Смерть Н⟨астасьи⟩ Ф⟨илипповны⟩*», — имеется в виду бегство героини из-под венца в финале романа. В таком случае «история» Соломонова суда, «возбужденная Аглаей», представляется неосуществленной вариацией сцены соперниц, где князь должен был избрать одну из любящих его женщин. Соломонов суд — ветхозаветный эпизод, рассказ о мудром судии, к которому однажды пришли две женщины с просьбой найти выход из труднейшей ситуации (см.: Третья книга царств, гл. 3, ст. 16—28).

Стр. 269. — *Горского видел.* — См. выше, стр. 391, 444 и др.

Стр. 269. *Видел одного священника* ∞ *Купил поле.* — Сходные темы, по неосуществленному замыслу Достоевского, должны были войти в ⟨Роман о помещике⟩ (см. выше, стр. 115, 491—492).

Стр. 269. — *Голодный год.* — Голодными были 1867 и 1868 годы, когда особенно пострадали нечерноземные северные, а также западные губернии России, в частности Смоленская.

Стр. 270. «*Ведь у него 12 спящих дев*». — «Двенадцать спящих дев» — название поэмы В. А. Жуковского (1817), состоящей из двух баллад: «Громобой» (1811) и «Вадим» (1817). Фрагментарность записи Достоевского не позволяет судить о том, как он намеревался интерпретировать мотивы этого произведения.

Стр. 270. *Высочайшее лакейство (St. Louis, Дюбарри).* — Смысл этой лаконичной записи не вполне ясен. По предположению Р. Г. Назирова, Достоевский наряду с Ж.-М. Дюбарри (см. о ней выше, стр. 439) упоминает здесь не французского короля Людовика IX (1226—1270; канонизирован католической церковью в 1297 г.), а Людовика XVI (1754—1793). Он, как и Дюбарри, был гильотинирован по приговору революционного трибунала. Канонизирован он не был, но и в исторической, и в художественной литературе (особенно роялистской) его нередко называли святым, а его смерть на гильотине сопоставляли с распятием Христа (ср. также роман «Отверженные»: *Гюго,* т. VI, стр. 607). Такое предположение подтверждается еще и тем, что в хорошо знакомой Достоевскому «Истории французской революции» Тьера приведены последние слова духовника, обращенные к казнимому: «Fils de saint Louis, montez au ciel!» ⟨«Сын Людовика святого, восходи́те на небо!»⟩ (см.: M.-A. Thiers. Histoire de la révolution française, v. II. Francfort s/M., 1854, p. 273). О глубоком интересе Достоевского к эпохе Великой французской революции и, в частности, к процессу Людовика см. также: наст. изд., т. VII, стр. 404, 410.

Стр. 271. «*Колпак*». — Здесь: болван, глупец (просторечное, бранное). В рассказе «Чужая жена и муж под кроватью» (1848) Достоевский не только употребляет это выражение, но и своеобразно «толкует» его (см.: наст. изд., т. II, стр. 58).

Стр. 271. *Дураков.* — См. выше, стр. 462, 444.

С т р. 271. *Родной дядя Вельмончек⟨а⟩* — Политк⟨овский⟩. — См. выше, стр. 388.

С т р. 274. (*Часть Lacenaіровского тщеславия*). — В редакционном примечании к «Процессу Ласенера» (см. выше, стр. 452), написанном Достоевским, отмечалось: «...дело идет о личности человека, феноменальной, загадочной, страшной и интересной. ⟨...⟩ И всё это при безграничном тщеславии. Это тип тщеславия, доведенного до последней степени» (*Вр*, 1861, № 2, стр. 1; наст. изд., т. XVIII).

С т р. 276. *...1000 душ, пророчества — фантасти⟨ческая⟩ действит⟨ельность⟩*. — Скорее всего речь идет о романе А. Ф. Писемского «Тысяча душ», который вызвал критику Достоевского сразу же после выхода в свет. 31 мая 1858 г. он писал М. М. Достоевскому: «Это только посредственность, и хотя *золотая,* но все-таки посредственность. Есть ли хоть один новый характер, *созданный,* никогда не являвшийся? Всё это уже было и явилось давно у наших писателей-новаторов, особенно у Гоголя. Это всё старые темы на новый лад. Превосходная клейка по чужим образцам...»

С т р. 277. *Согласны вы, Князь ∾ Дон-Кихот и желудь*). «*За здоровье солнца*». — Достоевский имеет в виду эпизод гл. XI первой части романа Сервантеса: Дон-Кихот, взяв «пригоршню желудей и внимательно их разглядывая», произносит перед козопасами речь о золотом веке (см.: Мигель де С е р в а н т е с С а а в е д р а. Собрание сочинений в пяти томах, т. I. Изд. «Правда», М., 1961, стр. 127—129). Размышления о золотом веке человечества (в его прошлом и будущем) занимали писателя уже в 1840-е годы и постоянны в его творчестве послекаторжного периода (см. об этом подробно в комментариях к «Преступлению и наказанию», «Бесам», «Подростку» — наст. изд., тт. VII, XII, XV). Упоминаемая выше речь Дон-Кихота стала одним из отдаленных литературных источников рассказа «Сон смешного человека» (см. там же, т. XXIII). Главный мотив речи князя, намеченный в этой записи, встречаем в подготовительных материалах к «Подростку» в качестве одного из вариантов его предполагаемого финала: «Гимн всякой травке и солнцу» (см. там же, т. XIV) — и в романе «Братья Карамазовы»: «Всякая-то травка, всякая-то букашка, муравей, пчелка золотая, все-то до изумления знают путь свой...» (см. там же, т. XVI; ср. с окончательным текстом «Идиота»: там же, т. VIII, стр. 343, 351—352). В разделе «*Нотабены и словечки*» зафиксирован еще один фрагмент речи Мышкина, начинающийся восклицанием: «Да здравствует солнце...» (см. стр. 223). Эти слова, как и тост «За здоровье солнца», возможно, навеяны строкой «Вакхической песни» Пушкина (1825): «Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

С т р. 280. «*Одни блудники и прелюбодеи никогда не войдут в царствие небесное*». — Эти слова восходят к посланиям апостола Павла: «Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи ⟨...⟩ царства божия не наследуют» (Первое послание к коринфянам, гл. 6, ст. 9—10; см. также: Послание к галатам, гл. 5, ст. 19—21).

С т р. 284. *Лекция об образовании ∾ и придет к Христу*. — Достоевский ссылается на статью Г. де Молинари «Всемирная выставка 1867 года» (*РВ*, 1868, т. 77, сентябрь, стр. 164—194). Статья посвящена анализу предисловия, написанного М. Шевалье к тринадцатитомному Собранию докладов международного жюри этой выставки. Пересказывая Шевалье, Молинари сообщает о продемонстрированных «в галерее машин» успехах механики, химии и других наук, примененных к промышленности и земледелию, о введении в действие «мощных орудий, тонких инструментов, остроумных способов производства», благодаря которым «развитие производительной силы человека представится с поразительною ясностью и с новым блеском» (стр. 168; ср. с записью в *ПМ*$_2$: «Говорит об машинах, говорит об машинах»). Он много пишет также «об открытии и разработке петролея» (т. е. нефти; франц. pétrole), разнообразных возможностях его использования и — что особенно важно для Достоевского — указывает на пример России, где запасы нефти велики и опыты по ее добыче «наиболее замечательны» (стр. 174). Благодаря развитию хлопчатобумажной и «шерстяной» промышленности, улучшению всех видов одежды (с введением «машинной работы»), продолжает Моли-

нари. изменится бытовая сторона жизни и люди освободятся от борьбы за существование. Особенно импонировали Достоевскому призывы к широкому распространению образования, к улучшению не только материального, но — прежде всего — «нравственного» быта людей (стр. 189). Молинари касался и вопросов, уже затронутых в романе «Идиот», — о путях борьбы с голодом и бедностью, о сети железных дорог, которая, даже «в чрезвычайных обстоятельствах», избавит людей от многих страданий. Он писал о промышленном прогрессе с глубоким убеждением в том, что «будущее гораздо ближе к настоящему, чем вообще предполагают» (стр. 182). Вероятно, Достоевский был с этим согласен и потому намеревался включить в роман «злободневное» выступление князя. Излагая мысли Шевалье о том, что «лет через тридцать» две могучие державы — США и Россия — смогут подчинить себе европейские страны, нанести им удар, «которому суждено прогреметь от одного полюса до другого» (стр. 192), Молинари не разделяет этих опасений и пишет о возможности мирного, глубоко человечного разрешения всех проблем: «Если русским и американцам суждено когда-нибудь перегнать нас, людей Запада, то не совершится ли это благодаря превосходству их просвещения, нравственности и цивилизации? ⟨...⟩ различие национальностей и племен будет только средством к побуждению их перегонять друг друга на пути материальной и нравственной цивилизации, к общей выгоде для человечества...» (стр. 193—194; ср. с заключением Достоевского, что всё «придет к Христу», и с записью в *ПМ*$_2$: «...вечер, будущий мир России и человечества и экономические разговоры» — стр. 285).

Стр. 284—285. *Князь просто и ясно (Отелло)* ∾ *(и тут Отелло)...* — См. выше, стр. 381—382.

Стр. 285. «*Как я подошел колоть* ∾ *Черный глаз смотрит*». — По наблюдению Р. Г. Назирова, эта художественная деталь близка к новелле П. Мериме «Кармен» (1845). Первый русский анонимный ее перевод был напечатан в 1846 г. в «Отечественных записках». Он не был полным и заканчивался именно гибелью героини; приводим запомнившийся писателю отрывок из него: «Два раза ударил я ее ножом. То был нож Кривого, взятый мною, когда мой изломался в его горле. При втором ударе Кармен упала не вскрикнув. Еще и теперь я как будто вижу большой черный глаз ее, пристально смотрящий на меня; мало-помалу он стал мутен и закрылся» (*ОЗ*, 1846, № 1, отд. VIII, стр. 38; ср.: П. Мериме. Собрание сочинений в шести томах, т. II. Изд. «Правда», М., 1963, стр. 383).

Стр. 288. — *Зелен виноград.* — Эти слова, означающие напускное презрение к чему-нибудь недостижимому, восходят к пословице «Зелен виноград не сладок». Они стали особенно популярными после выхода в свет басни И. А. Крылова «Лисица и виноград» (1808).

ВЕЧНЫЙ МУЖ

(Стр. 5)

Источники текста

ПМ — Подготовительные материалы (планы и наброски). 26 стр. 1869 г. Хранятся в *ЦГАЛИ*, ф. 212. 1. 6, с. 51—57, 59—64, 72—81; ф. 212. 1 8, с. 12—13 (в двух рабочих тетрадях, содержащих также черновые записи к «Идиоту» и «Бесам»); см.: *Описание*, стр. 52—53. Публикуется впервые.
З, 1870, № 1, отд. I, стр. 1—79 (гл. I—IX); № 2, отд. I, стр. 3—82 (гл. X—XVII).
1871 — «Вечный муж». Рассказ Федора Достоевского. Изд. А. Ф. Базунова. СПб., 1871
1882, том V, стр. 337—468.

Впервые напечатано: *З*, 1870, №№ 1, 2, с подписями: Ф. Достоевский, Федор Достоевский.

Печатается по тексту *1871* с устранением явных опечаток и со следующими исправлениями по *З* и *1882*:

Стр. 6, строка 31: «Но и тщеславие» вместо «Но тщеславие» (по *З*).
Стр. 15, строка 23: «этого не бывало» вместо «это не бывало» (по *З*).
Стр. 16, строка 40: «всегда было тяжело сознаваться» вместо «всегда было тяжело сознаться» (по *З*).
Стр. 28, строка 39: «не находила его ни смешным» вместо «не находила его смешным» (по *З*).
Стр. 32, строка 12: «не шутка» вместо «не штука» (по *З*).
Стр. 35, строка 17: «намерением» вместо «нетерпением» (по смыслу).
Стр. 35, строка 33: «Да как же-с» вместо «Да так же-с» (по *З*).
Стр. 37, строка 4: «робеночку с понятием» вместо «ребеночку с понятием» (по *З*).
Стр. 50, строка 22: «робеночка» вместо «ребеночка» (по *З* и по другим аналогичным случаям).
Стр. 54, строки 31—32: «кривляний ваших больше не потерплю, пьяных вчерашних поцелуев не потерплю» вместо «кривляний ваших больше не потерплю» (по *З*).
Стр. 56, строки 29—30: «помолчав и в мрачном раздумье» вместо «помолчав в мрачном раздумье» (по *З*).
Стр. 65, строка 14: «странную и неприятную мысль» вместо «странную и непонятную мысль» (по *З*).
Стр. 78, строка 10: «перемигивалась в волнении с девицами» вместо «перемигивались в волнении с девицами» (по *1882*).
Стр. 98, строка 18: «ведь вот он спит же, вот тут на диване» вместо «ведь вот он стоит же, вот тут на диване» (но *1882*).
Стр. 99, строка 7: «удивлялся» вместо «удивился» (по *З*).

17 сентября 1868 г. А. Н. Майков писал Достоевскому: «В Петербурге давно уж чувствовалась потребность нового журнала, *русского*. Таковой наконец является; издатель, положим, человек неизвестный (я-то его знаю) Кашпирев..., но редактор вам известный Страхов ⟨...⟩. А пока мне поручено просить Вас быть сотрудником...» (см.: *Д, Письма,* т. II, стр. 429). Майков просил у Достоевского разрешения дать его имя в списке сотрудников журнала. 26 октября (7 ноября) Достоевский отвечал: «Ужасно я порадовался известию о новом журнале. Я никогда не слыхал ничего о Кашпиреве, но я очень рад, что наконец-то Николай Николаевич находит достойное его занятие; именно ему надо быть редактором ⟨...⟩ стать душой всего журнала ⟨...⟩. Желательно бы очень, чтоб журнал был непременно *русского духа,* как мы с Вами это понимаем, хотя, положим, и не чисто славянофильский». Далее Достоевский пишет, что «быть участником журнала, разумеется, согласен от всей души». И хотя его беспокоит, что в числе будущих сотрудников названа Н. С. Кохановская-Соханская, последнюю повесть которой он характеризует как «аллилую с маслом», самый факт появления журнала, в котором развивались бы идеи, близкие к программе «Времени» и «Эпохи», был им воспринят с надеждами и одобрением. В тот же день в письме к С. А. Ивановой Достоевский сообщал о «Заре»: «Предприятие, кажется, серьезное и прекрасное». Как выяснилось впоследствии, «Заря» только частично ответила ожиданиям Достоевского; журнал, по его мнению, слишком мало считался с интересами читателей, был слишком академичен, далек от злободневных общественных и литературных вопросов.

Несмотря на согласие Достоевского участвовать в «Заре», переданное через Майкова, его имя не попало в список сотрудников, перечисленных в первых объявлениях об издании журнала. В связи с этим Н. Н. Страхов писал ему 24 ноября 1868 г.: «Без Вашего разрешения я не мог поставить Вашего имени; всё собирался писать к Вам и догнал до того, что уже некогда было дожидаться. Но мы непременно воспользуемся Вашим дозволением (в письме к Майкову) и выставим при следующем объявлении в газетах» (см.: *Шестидесятые годы,* стр. 260).

В начале 1869 г. Страхов от имени редакции обратился к Достоевскому: «Напишите Вы нам что-нибудь — покорно просим и Кашпирев, и Данилевский ⟨...⟩ и Градовский, и я. Нужно ли Вам говорить, что в „Заре" Вам так же развязаны руки, как во „Времени"?» (см. там же, стр. 261).

В ответном письме от 26 февраля (10 марта) 1869 г. Достоевский обещал «к 1-му сентября нынешнего года, т. е. через полгода, доставить в редакцию „Зари" повесть, т. е. роман». «Он будет, — писал Достоевский, — величиною в „Бедных людей" или в 10 печатных листов; не думаю, чтобы меньше; может быть, несколько больше. ⟨...⟩ Идея романа меня сильно увлекает ⟨...⟩ мне хочется произвести опять эффект; а обратить на себя внимание в „Заре" мне еще выгоднее, чем в „Русском вестнике"». В письме к С. А. Ивановой от 8 (20) марта 1869 г. Достоевский объяснял, что для создания повести в «Зарю» он хочет использовать свободное время, которое у него остается до начала работы над романом, обещанным «Русскому вестнику»: повесть «будет готова в четыре месяца и возьмет у меня именно то́ только время, которое я и назначил себе для гулянья, для отдыха после 14 месяцев работы». Называя будущую вещь то романом, то повестью, Достоевский просил Страхова в упомянутом выше письме, чтобы редакция «Зари» немедленно выслала ему тысячу рублей. Достоевский хотел, чтобы роман «был напечатан в осенних номерах журнала этого года». Но «Заря» не могла выслать деньги немедленно, и соглашение не состоялось. Поэтому работу над повестью (или романом) для «Зари» Достоевский не начинал. В письме к Н. Н. Страхову от 18 (30) марта 1869 г. он выдвинул другое предложение: «...представить „Заре" *вместо прежних* условий» «небольшой» рассказ «листа в 2 печатных», который он задумал написать еще «четыре года назад» (подробнее о замысле «План для рассказа (в «Зарю»)» см. ниже, стр. 492—494). За будущий рассказ Достоевский просил вперед 300 рублей; из них 125 немедленно, а остальные 175 рублей — через месяц. Новые условия были «Зарей» приняты. Отвечая Достоевскому, Страхов просил его 27 марта 1869 г.: «Когда определите заглавие Вашей повести, то напишите — мы заранее объявим об этой радости» (см.: *Шестидесятые годы,* стр. 263).

Длительный переезд из Флоренции в Дрезден, жаркое лето и другие обстоятельства помешали Достоевскому написать «рассказ» до первого сентября; не было определено и название. Поэтому редакция, перечисляя в «Заре» (1869, № 10) произведения, «уже приобретенные для журнала», включила «повесть Ф. М. Достоевского», не указывая ее заглавия. К работе над повестью Достоевский, вероятно, приступил в Дрездене в конце августа. Во всяком случае он сообщает об этом 14 (26) августа Страхову. Но в письме к Майкову, написанном в тот же день, говорится лишь, что «надо садиться писать — в „Зарю"». При этом Достоевский предполагает, что «через месяц или недель через пять» отправит повесть. Но работа не была начата ни тогда, ни позднее, когда Достоевский писал С. А. Ивановой 29 августа (10 сентября) 1869 г.: «...я взял 300 рублей весной из „Зари" с тем, чтобы нынешнего года выслать туда повесть, не менее как в два листа. Между тем я еще ничего не начинал ⟨...⟩ во Флоренции нельзя было работать в такую жару; контрактуя же себя, я именно рассчитывал, что еще весной выеду из Флоренции в Германию, где и примусь сейчас за работу».

В письме к Майкову от 17 (29) сентября Достоевский снова уведомлял: «...сижу в настоящую минуту за повестью в „Зарю" и довел работу до половины ⟨...⟩ повесть будет объемом в $3^1/_2$ листа „Русского вестника" (т. е. чуть ли не в 5 листов „Зари"). Это *minimum*». К 27 октября (8 ноября) «две трети повести уже написано и переписано окончательно». Объем ее становился все больше: «... будет не в $3^1/_2$ листа, как я первоначально писал Кашпиреву (впрочем, назначая только *minimum* числа листов, а не *maximum*), — будет, может быть, листов в шесть или в 7 печати „Русского вестника"».

В том же письме Достоевский просил Майкова убедить Кашпирева напечатать повесть в ноябрьской или декабрьской книжке 1869 г. Майков эту просьбу Достоевского выполнил: «В „Зарю" я передавал Ваше желание о печатании повести в декабре и там с повиновением принято; но — повести еще нет, а обе книги, ноябрьская и декабрьская, уже печатаются, чтобы

наверстать сроки; посему Вы не должны обвинять редакцию, если она принуждена будет поместить что-либо иное, а Вас приберечь к январю — ибо выйти в срок к Новому году для нее существенный вопрос» (см.: *Д, Письма,* т. II, стр. 461).

Отвечая Майкову на это неприятное известие, Достоевский писал 23 ноября (5 декабря) 1869 г.: «Вы пишете в Вашей последней приписке ко мне ⟨...⟩ что „*повести от меня еще нет*", а что ноябрьский и декабрьский номера набираются в типографии. Я писал к Каширеву больше 2-х недель назад и очень просил его меня уведомить насчет того, можно ли успеть напечатать в ноябре и декабре? Я ответа не получил никакого, ни одной строчки, так что не знаю, дошло ли мое письмо?» Примирившись с неизбежностью, Достоевский в том же письме сообщал о своем согласии: «Я решил наконец, что пусть печатают как им угодно». Выслать уже готовую повесть Достоевский не мог из-за безденежья. Он объяснял Майкову свое положение: «Денег у меня ни малейшей сломанной копейки. (Деньги, присланные Вами и из «Зари», были прожиты еще раньше их получения почти все и пошли на уплату долгов.) ⟨...⟩ И потому (поверьте *буквально*) не имею и *не могу достать денег* для отправки рукописи в редакцию. Рукопись толстая и спросят 5 талеров. И потому вот чего я прошу у Вас: с получением этого письма, ради бога, прочтите его по возможности немедленнее В. В. Каширеву. ⟨...⟩ Прошу я его мне выслать, если может, *пятьдесят* рублей, ибо очень мне тяжело. На рукопись надо 5 талеров, но и нам тоже надо. Ух, трудно. Если же нет пятидесяти, то хоть сколько-нибудь, хоть *двадцать пять* (но, если возможно, то *пятьдесят!*). Но *главнее всего:* пусть вышлет *тотчас же,* на другой же день». Время до получения денег от Каширева Достоевский хотел использовать для того, чтобы «последний раз перечитать, с пером в руках», повесть. Майков выполнил просьбу Достоевского немедленно. 29 ноября он писал: «Препровождаю при сем ⟨...⟩ 50 рублей от Каширева, я уж взял на себя их отправить, чтобы быть спокойнее ⟨...⟩. Повесть Ваша всеми друзьями Вашими ожидается с нетерпением. Я рад, что Вы могли ее просмотреть *конченную,* с пером в руках. Это Вам удается редко» (см.: *Сб. Достоевский, II,* стр. 353) Но отослан «Вечный муж» был только двенадцать дней спустя — 5 (17) декабря. В декабре же Достоевский получил письмо Каширева с благодарностью за повесть (см.: *Гроссман, Жизнь и труды,* стр. 186). В письме к С. А. Ивановой уже после отправки рукописи, 14 (26) декабря 1869 г., Достоевский подвел итоги этой своей работе: «Я был занят, писал мою проклятую повесть в „Зарю". Начал поздно, а кончил всего неделю назад. Писал, кажется, ровно три месяца и написал одиннадцать печатных листов minimum. Можете себе представить, какая это была каторжная работа! тем более что я возненавидел эту мерзкую повесть с самого начала. Думал написать, самое большее, листа три, но представились сами собой подробности и вышло одиннадцать».

В работе над «Вечным мужем» Достоевский воспользовался для исходной ситуации своими старыми, сибирскими воспоминаниями. Его тогдашняя переписка с А. Е. Врангелем рисует положение, в котором тот оказался в Семипалатинске с ноября 1854 г. по апрель 1856 г. По ней (и отчасти по воспоминаниям самого Врангеля) восстанавливается психологический облик героини его романа, имя которой установил А. С. Долинин, — Екатерины Иосифовны Гернгросс (см.: *Д, Письма,* т. I, стр. 530, 533, 534), жены начальника Алтайского горного округа, жившей со своим мужем, А. Р. Гернгроссом, в Барнауле. Разумеется, в «Вечном муже» Достоевский не воспроизвел буквально всех обстоятельств романа своего друга с Е. И. Гернгросс, которую он обозначал в письмах криптонимом «Х» (о романе Врангеля и Е. И. Гернгросс см. также: наст. изд., т. III, стр. 494—495).

Круг, к которому принадлежали супруги Гернгроссы, — общество «горных», как называли их, — по словам Врангеля, резко отличался тогда от всего сибирского общества. «Это были всё люди науки, образованные и культурные. Большая часть из них, кончив Горный корпус, ныне институт в Петербурге, отправлялись доканчивать свое образование за границу в знаменитую Горную академию в Фрейберге, близ Дрездена. Жены „горных"

были или из Петербурга, или иностранки. Получая громадные деньги, они жили чрезвычайно широко. Наездная театральная труппа из Барнаула летом перебиралась в Змиев, так как сюда на дачи переселялось летом ⟨...⟩ главное начальство на 3—4 месяца. Дамы щеголяли туалетами из Парижа, повара, экипажи, шампанское лилось рекою, — просто не верилось, что находишься в дебрях Сибири. В особенности выделялись своей любезностью и красотой две дамы: умница Е. И. Гернгросс и красавица Ольга Абаза...» (см.: *Врангель,* стр. 88—89).

После отъезда Врангеля в Петербург, куда вскоре выехала и Е. И. Гернгросс, Достоевский с большим сочувствием писал ему о ней. Узнав из письма Врангеля о его разрыве с Е. И. Гернгросс, Достоевский отвечал ему 9 ноября 1856 г.: «Наконец пришло Ваше письмо и разрешило многие недоразумения ⟨...⟩. Друг мой, я даже рад, хоть и горько мне затрагивать больное место в Вашем сердце, рад, что бог привел Вас разойтись наконец с Х. Отношения с нею принимали, наконец, вид самый беспокойный для Вас. Вы бы погубили, может быть, себя». И так как Достоевский предполагал поехать в Барнаул, где ему предстояло познакомиться с Е. И. Гернгросс, то он обещал Врангелю: «...будьте уверены, что до последнего оттенка передам Вам, мой бесценный, все впечатления мои при свиданье с нею». Свои впечатления от встречи с Е. И. Гернгросс Достоевский сообщил Врангелю в письме от 21 декабря 1856 г.: «В Барнаул мы приехали 24 ноября (в день именин Х.), и Гернгросс, не видав еще нас, прямо пригласил нас ⟨...⟩ на бал ⟨...⟩. Она мне очень понравилась, *всем,* но напрасно она видимо отдалялась от меня. Она была со мной вежлива, мила, всё было, по-видимому, хорошо, но она, очевидно, не доверяла мне. Но если б даже она и подозревала, что я знаю ... неужели она считала меня неблагородным человеком? Надо заметить, что она об Вас видимо старалась говорить как можно суше, даже с легонькой насмешкой. Не знаю почему мне это очень понравилось — т. е. не насмешка, а *тактика.* Она очень умна. Я уверен, что она, когда захочет, — обольстительна. Я желал всеми силами души, чтоб и сердце ее своими качествами соответствовало остальному. Но она его далеко припрятала от любопытных». И только через два с половиною месяца, уже из Семипалатинска, 9 марта 1857 г. Достоевский написал Врангелю то, что должно было занимать адресата не менее, чем сообщения о настроениях мужа и толках барнаульского общества, свое «мнение» о Е. И. Гернгросс, — «мнение», в котором содержится зерно воплощенного в «Вечном муже» особого типа женщины: «...Вы думали искать в ней постоянства, верности и всего того, что есть в *правильной* и полной любви. А мне кажется, что она на это неспособна. Она способна только подарить одну минуту наслаждения и полного счастья, но только одну минуту ⟨...⟩. Она любит наслажденье больше всего, любит саму *минуту,* и кто знает, может быть, сама заранее рассчитывает, когда эта минута кончится». В этом анализе характера заметен чисто литературный интерес, с которым Достоевский подытоживает и свои собственные впечатления, и то, что ему было известно раньше от Врангеля.

Достоевский снова встревожился за Врангеля в 1859 г., когда тот, вернувшись из двухлетнего путешествия, написал ему в Тверь, что встретился с Х. В ответном письме от 22 сентября 1859 г. Достоевский так высказал свое беспокойство: «Беда, если Х. в Петербурге и имеет на Вас влияние. Но это вздор, и я дурак, что это заподозрил:

Не цвести цветам после осени».

Эта тревога за сердце молодого человека еще больше усилилась, когда Врангель написал ему 29 сентября 1859 г.: «Мы с Х.. сошлись, холодная дружба, по крайней мере, с моей стороны, хотя она, кажется, и не прочь начать прошедшее, — может быть, и ошибаюсь». Достоевский ответил ему 4 октября 1859 г., предостерегая от возобновления прежних отношений: «Известие, что Х. готова *опять начать,* меня несколько беспокоит. Ради бога, будьте осторожнее. Кроме худого, кроме новых *цепей,* ничего быть не может. Да и не возвратится то, что уже давно прошло». Врангелю пришлось объяснять Достоевскому истинное положение своих сердечных дел: «С Х... я сошелся,

как сходятся всегда старые друзья, но задушевного, пережитого ничего нет, что прошло — не возвратится; душа моя слишком пуста, святой огонь угас в ней, кажется, навсегда, и *серьезных* привязанностей (увы) я уже не в состоянии больше чувствовать» (*ЦГАЛИ,* ф. 212.1.63, л. 8). Сообщение Врангеля, по-видимому, успокоило Достоевского, и больше к этой теме он не возвращался, хотя интересовала его она не только человечески, но и литературно. По крайней мере в письме от 25 октября 1859 г. Врангель напомнил Достоевскому о его семипалатинских литературных планах: «С нетерпением жду появления Вашего романа. Помнится, хотели Вы еще в Семипалатинске описать наши сибирские мучения ⟨имеются в виду романы Достоевского с М. Д. Исаевой и Врангеля с Гернгросс, — *Ред.*⟩ и выставить мне напоказ мой характер». Тот же вопрос, не получив на него ответа, Врангель повторил в письме от 9 ноября 1859 г.: «Жду с нетерпением появления Вашего романа; не узнаю ли в нем знакомые личности; помните, как в Сибири Вы собирались всё описать и себя, и X., и меня — да жду наших портретов» (там же, л. 11). И уже через несколько лет, прочитав «Записки из Мертвого дома», Врангель снова спрашивал Достоевского: «Описали ли Вы в Ваших романах нашу семипалатинскую жизнь? Вы ведь собирались это исполнить» (письмо из Копенгагена от 23 апреля (5 мая) 1865 г. — там же, л. 21 об.). «Семипалатинская жизнь» в части ее, касающейся сердечных страданий молодого друга Достоевского, долго хранилась в памяти писателя, пока не получила литературного воплощения.

«Провинциалка» И. С. Тургенева и «Госпожа Бовари» Г. Флобера (см. об этом далее) подсказали ему, с каким типом мужа следует соединить подобный женский характер. По замыслу Достоевского, требовался муж-ревнивец, муж смешной и третируемый, излюбленный персонаж европейской комедии еще со времен Мольера, упоминаемого в черновых материалах к «Вечному мужу». А. Р. Гернгросс к этому типу, очевидно, не подходил (см. о нем в письмах Достоевского к Врангелю от 21 декабря 1856 г. и 9 марта 1857 г.).

Образ Трусоцкого Достоевский стал строить на основании иных жизненных наблюдений. А. Н. Майков, прочитав уже напечатанного в журнале «Вечного мужа», написал Достоевскому, что «узнал историю Яновского и его характер» (см.: *Д, Письма,* т. II, стр. 476). В ответном письме от 25 марта (6 апреля) 1870 г. Достоевский категорически возражал Майкову по поводу Яновского: «Кстати, дорогой Аполлон Николаевич, откуда могла к Вам зайти идея о Яновском? И в мысли не было у меня ни разу, ни одного мгновения! Я так удивился, прочтя у Вас. Да и истории Яновского, в этом отношении, я совсем не знаю. Разве у него было что-нибудь подобное?»

Опровержению Достоевского можно было бы поверить, если бы нам не было известно, что он принимал близкое участие в семейной истории С. Д. Яновского — его разладе с женой, известной артисткой столичных и провинциальных театров А. И. Шуберт. Об этом подробно говорится в письмах Достоевского к Шуберт за 1860 г. В одном из них содержится рассуждение о поведении С. Д. Яновского, подтверждающем правильность впечатления Майкова. Передавая Шуберт свой разговор о ней с Яновским, Достоевский рисует такую картину поведения ее мужа: «Мне кажется, он тоже и ревнует немного, он, может быть, думает, что я в Вас влюблен. Увидя Ваш портрет у него на столе, я посмотрел на него. Потом, когда я другой раз подошел к столу и искал спичку, он, говоря со мной, вдруг перевернул Ваш портрет, так чтоб я его не видал. ⟨...⟩ Он Вас любит; но он самолюбив, раздражителен очень и, кажется, очень ревнив. Мне кажется, он из ревности не может перенести разлуки с Вами. ⟨...⟩ Знаете, ведь есть две ревности: ревность любви и самолюбия; в нем обе. Приготовьтесь его видеть, отстаивайте твердо свои права, но не раздражайте его напрасно; главное: щадите его самолюбие. Вспомните ту истину, что мелочи самолюбия почти так же мучительны, как и крупное страдание, особенно при ревности и мнительности». В воспоминаниях А. И. Шуберт «Моя жизнь» (СПб., 1913) выкинуты «все подробности, касавшиеся семейной жизни», и потому у нас нет возможности более обстоятельно сравнить Трусоцкого с С. Д. Яновским. Но в стилистике высказываний Трусоцкого и писем Яновского есть несом-

нейное сходство. В письме от 16 декабря 1867 г. Яновский так выражал свое беспокойство за состояние здоровья Достоевского за границей: «Неужели в самом деле беспримерно лучший климат; не подходящая ни к какому сравнению с нашею прелестная природа; наибольшая нравственная развитость массы народа (по крайней мере, так мне показалось) — всё это не уничтожает в Вас, дорогой нам Федор Михайлович, того грустного и вечно тревожного состояния духа, который постоянно беспокоил нас всех, любящих Вас искренно и нежно? Господи боже праведный! да я на Вашем месте просто считал бы себя превыше всех царей — только не европейских, против которых я и теперь счастливее в мильон разов, а против тех абиссинских или еще каких-нибудь более хитро-диких, которым только и есть житье отличное» (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 372). Привычка к подобной витиеватости, очевидно, была свойственна Яновскому и хорошо известна в кругу его знакомых. А. Н. Плещеев писал Достоевскому 25 марта 1860 г. в ответ на сообщение о том, что А. И. Шуберт хочет разъехаться с мужем: «Я думаю, жить с Яновским скука мучинская, слушать всю жизнь одни фразы — ведь это всё равно, что если бы кого-нибудь осудили всю жизнь не есть ничего, кроме клубничного варенья!» (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 453).

Материалом для «Вечного мужа» послужили в какой-то мере и собственные впечатления писателя. Как указывает А. Г. Достоевская, «в лице семейства Захлебининых Федор Михайлович изобразил семью своей родной сестры Веры Михайловны Ивановой. В этой семье, когда я с нею познакомилась, было три взрослых барышни, а у тех было много подруг» (см.: *Творчество Достоевского, 1921*, стр. 31). Об этом же пишут в своих воспоминаниях Н. Фон-Фохт и М. А. Иванова (см.: *Воспоминания современников*, т. I, стр. 362—366, 371—379, 435). Достоевский жил вместе с семьей Ивановых летом 1866 г. в Люблине под Москвой, где был занят работой над «Преступлением и наказанием».

Как вспоминает Н. Фон-Фохт, в 1866 г. студент Константиновского межевого института, где А. П. Иванов служил врачом, «по счастливому стечению обстоятельств, в описываемое лето в Люблине поселилось несколько семейств, которые быстро перезнакомились между собою. Было много молодежи, несколько очень хорошеньких и взрослых барышень, так что по вечерам на прогулку нас собиралось со взрослыми до двадцати человек ⟨...⟩. Прогулки обыкновенно заканчивались разными играми в парке, которые затягивались иногда до полуночи, если дождь ранее не разгонит всех по домам. Ф. М. Достоевский принимал самое деятельное участие в этих играх и в этом отношении проявлял большую изобретательность» (там же, стр. 376—377). М. А. Иванова пишет: «После ужина бывало самое веселое время. Играли и гуляли часов до двух-трех ночи ⟨...⟩. К компании Ивановых присоединялись знакомые дачники, жившие в Люблине по соседству. Во всех играх и прогулках первое место принадлежало Федору Михайловичу» (там же, стр. 364).

Как отметила Н. Н. Соломина, есть «в образе Трусоцкого сходство с А. П. Карениным» (там же, стр. 435). А. П. Каренин, племянник Ивановых и Достоевских, молодой врач, по воспоминаниям М. А. Ивановой, «отличался многими странностями ⟨...⟩. Каренин не был женат, но все время мечтал об идеальной невесте, которой должно быть не больше шестнадцати-семнадцати лет и которую он заранее ревновал ко всем. Он ⟨...⟩ говорил о том, что его жена будет далека от всех современных идей о женском равноправии и труде» (там же, стр. 365—367). В «Вечном муже» мечты Каренина о женитьбе на шестнадцатилетней девушке воспроизведены в эпизоде сватовства Трусоцкого к Наде. Участие Вельчанинова в играх молодежи и «заговор» против Трусоцкого напоминают высмеивание Каренина молодыми Ивановыми во главе с Достоевским: «Достоевский заявил ему ⟨Каренину, — *Ред.*⟩ однажды, что правительство поощряет бегство жен от мужей в Петербург для обучения шитью на швейных машинках и для жен-беглянок организованы особые поезда. Каренин верил, сердился, выходил из себя и готов был чуть ли не драться за будущую невесту» (там же, стр. 367).

Прототипом Александра Лобова, счастливого соперника Трусоцкого в борьбе за руку и сердце Нади, послужил, по словам А. Г. Достоевской, пасынок писателя Павел Александрович Исаев, или Паша, как обычно называл его Достоевский в письмах. П. А. Исаев (1848—1900) был предметом постоянных забот и тревог Достоевского. «Паша мальчик добрый, мальчик милый и которого некому любить» (письмо к А. Н. Майкову от 9(21) октября 1867 г.), Паша очень тревожил Достоевского своим нежеланием учиться и заняться чем-либо серьезно. В письмах к нему эта тревога за будущее пасынка соединяется с доброжелательной и теплой оценкой его душевных свойств: «Я тебя всегда считал и считаю добрейшим и честнейшим малым. Дай бог, чтоб эти два качества всегда в тебе остались. С ними счастлив человек, *что бы с ним ни случилось*. Считаю тебя тоже малым очень неглупым. Одно плохо: необразование. Но если ты не хотел учиться, то по крайней мере в одном меня послушайся: надобно не пренебрегать своим нравственным развитием, насколько это возможно без образования» (письмо к П. А. Исаеву от 10(22) октября 1867 г.). В более поздних письмах Достоевский жалуется на Пашу за «легкомыслие», проявившееся в неаккуратном выполнении поручений отчима, в основном денежного характера (письмо к А. Н. Майкову от 31 декабря 1867 г. (12 января 1868 г.)); негодование Достоевского на Пашу особенно усилилось после письма А. Н. Сниткиной (матери А. Г. Достоевской), которая сообщила, что Паша поехал в Москву просить денег у М. Н. Каткова в счет обязательств журнала Достоевскому. Письмо Достоевского Каткову от 3(15) марта 1868 г., сразу вслед за получением письма А. Н. Сниткиной с сообщением о поездке Паши в Москву (как скоро выяснилось — ложным), содержит строгую оценку характера Паши: «Этот пасынок мой добрый, честный мальчик, и это *действительно*; но, к несчастию, с характером удивительным: он положительно дал себе слово, с детства, *ничего не делать,* не имея при этом ни малейшего состояния и имея при этом самые нелепые понятия о жизни. Из гимназии он выключен еще в детстве, за детскую шалость. После того у него перебывало человек пять учителей; но он *ничего* не хотел делать, несмотря на все просьбы мои, и до сих пор не знает таблицы умножения. Он, однако, уверен и год назад спорил с Аполлоном Николаевичем Майковым, что если он захочет, то сейчас же найдет себе место управляющего богатым поместьем. Тем не менее, повторяю, до сих пор, лично, он — мил, добр, услужлив, при истинном благородстве, немного заносчив и нетерпелив, но совершенно честен». Из этой характеристики Паши многое перешло в образ Александра Лобова, вплоть до его уверенности в том, что он «вскорости» будет управлять имениями графа Завилейского «прямо на три тысячи». Совпадает в биографии Паши и Лобова частая смена мест службы: за четыре месяца Лобов сменил три места; за тот же срок Паша сменил две службы, а на третью его устроили уже через восемь месяцев.

При всей ироничности отношения Достоевского к молодежи в доме Захлебининых, в нем нет враждебности; в обрисовке поведения Лобова и в его разговорах с Вельчаниновым отразились, видимо, и письма Паши к Достоевскому, очень искренние и откровенные. Так, оправдываясь перед Достоевским в небрежном отношении к деловым поручениям отчима, Паша писал ему 3 сентября 1869 г.: «Я сознаюсь, что, по прежней своей глупой манере относиться к каждому делу как-то легко и небрежно, я сделал Вам много огорчений и заставил Вас, может быть, против Вашей же воли злиться на меня, в чем, конечно, чистосердечно винюсь. Надеюсь, что больше этого повторяться не будет. Я очень хорошо понимаю, как дело ни будь пусто, к нему следует относиться толково, не небрежно, в этом только можно видеть всю порядочность человека. Говорю, понимаю *теперь,* потому что прежде в жизни ничего не смыслил, ко всему относился легко; теперь, по крайней мере, понял жизнь, понял отношения людей. Но недешево мне это стоило, нахлебался всякой гадости достаточно. Благодарю бога, что нравственно-то вышел чист» (см.: *Сб. Достоевский, II,* стр. 408—409).

Теме переживаний обманутого мужа был посвящен ранний рассказ Достоевского «Чужая жена и муж под кроватью» (1848; наст. изд., т. II). Но в то время Достоевский, следуя господствующей литературной традиции,

изобразил фигуру обманутого мужа в полуводевильном, комическом освещении. В повести же «Вечный муж», возвращаясь к некоторым приемам своих ранних петербургских повестей (ср. фамилии героев со «значением» — Трусоцкий, Вельчанинов, Лобов), Достоевский дает новый, сложный и неожиданный поворот развития темы, благодаря чему становится возможным принципиальное переосмысление традиционного комического типа.

Опыт работы над «Идиотом», законченным в начале 1869 г., мог убедить Достоевского, что он располагает достаточными средствами для оригинальной, углубленно-психологической разработки вечных типов мировой литературы. Если в «Идиоте» автор поставил перед собой задачу создать образ положительно прекрасного человека без традиционного комического освещения, то в «Вечном муже» прием превращения комического персонажа в трагическую и зловещую фигуру был им применен к типу рогоносца, увековеченного Мольером, а позднее ставшего постоянным предметом осмеяния европейской комедии и романистики, особенно французской.

В разработке темы ревности и характера обманутого мужа Достоевский мог отталкиваться от некоторых сюжетных положений и психологических ходов мольеровских комедий «Школа жен» (1665) и «Школа мужей» (1666). «Школу жен» Достоевский имел возможность видеть в Петербурге на сцене Александринского театра в 1842 г. (бенефис А. Е. Мартынова). В этой комедии ревнивец Сганарель становится невольным посредником между своей воспитанницей Изабеллой, на которой он хочет жениться, и ее возлюбленным Валером и, сам того не понимая, помогает им договориться и обмануть ... себя. В сцене, где Изабелла при Сганареле объясняется Валеру в любви, ослепленный Сганарель принимает ее слова на свой счет и, жалея Валера, целует его. Этот поцелуй получает в «Вечном муже» иное сюжетное значение: здесь обманутый муж Трусоцкий хочет заставить себя простить своего оскорбителя Вельчанинова и потому целуется с ним.

Основная ситуация «Школы мужей» — намерение Арнольфа, опекуна Агнесы, жениться на ней, несмотря на очень значительную разницу в возрасте, — в ином ракурсе повторяется в «Вечном муже» в эпизоде сватовства Трусоцкого к Наде Захлебининой; некоторые черты облика Агнесы вызывает в памяти и образ второй жены Трусоцкого. Сватовство Трусоцкого к Наде оказывается неудачным из-за ее бунта и любви к «молодому человеку»; сходная ситуация разработана в «Школе мужей», где влюбленная в молодого Ораса Агнеса восстает против Арнольфа.

Комические положения, в которые попадают ревнивцы у Мольера, имеют свою оборотную сторону. В них содержится потенциально тот элемент трагизма, который Достоевский придал своему рогоносцу — Трусоцкому.

В работе над «Вечным мужем» Достоевский проследил смешение трагического и комического, пошлости и высокого в сознании и поступках Трусоцкого, сложную диалектику тирана и жертвы, которую писатель связывал с «подпольем» и «подпольной темой».

Тему обманутого мужа в традиционном для французской литературы XIX в. варианте Достоевский воспроизвел в названии одной из глав «Вечного мужа» («Жена, муж и любовник»). Этой триединой формулой пользовался, в частности, очень популярный в России в 1830—1860-х годах Поль де Кок, автор романа «Жена, муж и любовник» («La femme, le mari et l'amant», 1830), вышедшего в русском «вольном» переводе в 1833—1834 гг. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) Достоевский воспользовался названием этого романа Поль де Кока для иронической характеристики современной французской буржуазной семьи: «...заглавия романов, как например „Жена, муж и любовник", уже невозможны при теперешних обстоятельствах, потому что любовников нет и не может быть. И будь их в Париже так же много, как песку морского (а их там, может, и больше), все-таки их там нет и не может быть, потому что так решено и подписано, потому что всё блестит добродетелями» (см.: наст. изд., т. V, стр. 75).

У многих популярных французских романистов конца 1860-х годов, которых Достоевский, вероятно, читал за границей, тема адюльтера разра-

батывалась в характерном для буржуазной литературы того времени варианте — «защиты» мужа от развратной по своей природе жены. Много шума наделал написанный в таком духе роман А. Дюма-сына «Дело Клемансо» (1866); тем же пафосом проникнут роман Э. Фейдо «Графиня де Шалис» (1867). Однако у названных романистов с самого начала жертва обмана, муж, изображался как воплощение идеала буржуазной добропорядочности и начисто отрицалась какая-либо связь этого типа с комическим рогоносцем предшествующей литературной традиции.

Идея новой художественно-психологической трактовки образа рогоносца отчасти могла быть подсказана Достоевскому романом Флобера «Госпожа Бовари» (1857), который он, по совету Тургенева, прочел в 1867 г. (см.: *Достоевская, Дневник,* стр. 214). В нем писатель мог найти тот мотив, которым он воспользовался как исходным сюжетным пунктом для своей повести. Шарль Бовари после смерти жены узнает из сохраненных ею писем о ее изменах, спивается и гибнет. Трусоцкий после смерти Натальи Васильевны из ее переписки узнает, что был обманутым мужем и считал своим ребенком чужую дочь.

Как это часто бывало у Достоевского, художественная идея, изложенная в письме к Н. Н. Страхову (см. выше, стр. 471), осложнилась при работе над «Вечным мужем» дополнительными литературно-полемическими заданиями.

Особое место среди произведений, повлиявших на разработку отдельных звеньев фабулы «Вечного мужа», принадлежит одноактной комедии И. С. Тургенева «Провинциалка» (1851).

Достоевский познакомился с «Провинциалкой», вероятно, еще в Сибири, в 1850-х годах. Высказывалась гипотеза об отголосках ряда положений этой комедии, изображающей победу находчивой и ловкой жены провинциального чиновника Ступендьева над столичным фатом графом Любиным, в разработке интриги повести Достоевского «Дядюшкин сон» (1859; см. об этом: наст. изд., т. II, стр. 513). По-иному фабула «Провинциалки» отозвалась в «Вечном муже».

После разрыва с Тургеневым в 1867 г. Достоевский внимательно и пристрастно следил за его новыми произведениями, появлявшимися в «Русском вестнике», который Достоевский получал за границей регулярно. Он нашел «весьма слабою» повесть Тургенева «История лейтенанта Ергунова» (*РВ*, 1868, № 1), а появление повести «Несчастная» (*РВ*, 1869, № 1), которую Достоевский расценил как «ничтожность», дало ему повод высказать известное общее суждение о задачах современного искусства: «У меня свой особенный взгляд на действительность (в искусстве), и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного. ⟨...⟩ В каждом нумере газет Вы встречаете отчет о самых действительных фактах и о самых мудреных. Для писателей наших они фантастичны; да они и не занимаются ими; а между тем они действительность, потому что они *факты*. Кто же будет их замечать, их разъяснять и записывать? ⟨...⟩ Мы всю действительность пропустим этак мимо носу. Кто ж будет отмечать факты и углубляться в них? Про повесть Тургенева я уж не говорю: это черт знает что такое!» (письмо к Страхову от 26 февраля (10 марта) 1869 г.). Прочитав в «Голосе» (1869, 19 февраля, № 50) отзыв о «Несчастной», в котором говорилось, что в характере героини повести Тургенева и во всех ее несчастиях отмечается «полное отсутствие каких бы то ни было местных, национально-русских черт», Достоевский в письме к С. А. Ивановой от 8 (20) марта 1869 г. выразил свое полное согласие с рецензентом: «Тургенев за границей выдохся и талант потерял весь, об чем ему даже газета „Голос“ заметила».

В том же году неприязнь к Тургеневу у Достоевского еще больше обострилась из-за примечания о «Бедных людях» к «Воспоминаниям о Белинском» в «Вестнике Европы». Тургенев писал здесь: «...прославление свыше меры „Бедных людей“ было одним из первых промахов Белинского и служило доказательством уже начинавшегося ослабления его организма. Впрочем, тут его подкупила теплая демократическая струйка» (*ВЕ*, 1869, № 4, стр. 721).

При перечитывании «Провинциалки», переизданной в седьмой части сочинений Тургенева (1869), Достоевского вновь заинтересовала, по-видимому, основная ситуация и два главных характера комедии — Ступендьев, покорный обманутый муж, и жена его, двадцативосьмилетняя Дарья Ивановна, командующая мужем и искусно покоряющая стареющего столичного ловеласа. Передвинув исходную ситуацию в прошлое (как он это сделал еще раньше в «Селе Степанчикове и его обитателях»), Достоевский в «Вечном муже» передал Трусоцкому черты тургеневского Ступендьева — его робость перед женой, соединенную со стремлением показать окружающим, что, подчиняясь ей, он действует по собственной воле. Однако «своего» обманутого мужа Достоевский делает жертвой ревности к прошлому, к уже умершей жене, переписку которой с любовниками он обнаружил лишь после ее смерти. То, что в «Идиоте» проявляется в характере и поведении трагического, сильного и страстного персонажа, в «Вечном муже» выпадает на долю слабого и «смирного» человека и тем самым становится трагикомическим.

Рогожин, побратавшийся с Мышкиным, пытается его убить. Трусоцкий, недавно обнимавшийся и целовавшийся с Вельчаниновым, даже поцеловавший ему руку, пытается зарезать его бритвой. Ревность, оскорбленное доверие преображают добродушного и покорного «вечного мужа», как в насмешку называл его Вельчанинов, превращают его в мстителя. Но и до попытки убийства «хищник» Вельчанинов и «жертва» Трусоцкий как бы меняются местами. Вельчанинов, который привык всегда снисходительно и свысока относиться к Трусоцкому, неожиданно встретившись с ним после смерти Натальи Васильевны, чувствует, что Трусоцкий играет им: постепенно муж «выбалтывает», что именно известно ему о любовных связях покойной жены и об ее отношениях с Вельчаниновым. Так Трусоцкий, мстя, устраивает для Вельчанинова изощренную нравственную пытку, чувствуя свое превосходство над человеком, когда-то его грубо обманувшим. Вельчанинов, всю жизнь подчинивший удовлетворению своих эгоистических страстей, оказывается нравственно униженным и опозоренным.

Разработанную в «Вечном муже» диалектику хищника и жертвы, смирения и гордости можно рассматривать как своеобразную художественную полемику с одной из излюбленных идей Н. Н. Страхова. В «Вечном муже» проблема «хищного» типа становится предметом обсуждения героев повести. Трусоцкий говорит Вельчанинову, что он читал в «журнале», в «отделении критики», о «хищном» и «смирном», но «тогда и не понял». Далее между ними возникает спор на тему — кого же можно считать «хищным типом». Совершенно очевидно, что здесь имеется в виду «Статья вторая и последняя» Страхова о «Войне и мире» Л. Н. Толстого («Заря», 1869, № 2, отд. IV, стр. 207—252). Излагая в ней взгляды А. А. Григорьева на Пушкина и на значение пушкинского образа Ивана Петровича Белкина для русской литературы, Страхов писал: «Григорьев показал, что к чужим типам, господствовавшим в нашей литературе, принадлежит почти всё то, что носит на себе печать *героического,* — типы блестящие или мрачные, но во всяком случае сильные, страстные, или, как выражался наш критик, *хищные*. Русская же натура, наш душевный тип явился в искусстве прежде всего в типах *простых и смирных,* по-видимому чуждых всего героического, как Иван Петрович Белкин, Максим Максимыч у Лермонтова и пр. Наша художественная литература представляет непрерывную борьбу между этими типами, стремление найти между ними правильные отношения, — то развенчивание, то превознесение одного из двух типов, хищного или смирного» (там же, стр. 232; см. также: *Страхов,* стр. 309—310).[1]

[1] См. подробнее о связи «Провинциалки» и «Вечного мужа» и о проблеме «хищного» и «смирного» типа в этой повести в соотношении с идеями А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова в статьях: И. З. Серман. 1) «Провинциалка» Тургенева и «Вечный муж» Достоевского. В кн.: Тургеневский сборник, вып. II. Изд. «Наука», М. — Л., 1966, стр. 109—111; 2) Достоевский и Ап. Григорьев. В кн.: *Достоевский и его время,* стр. 140—142.

Страхов писал Достоевскому по поводу своей второй статьи о Толстом, что «сходится» с ним «в мыслях» (см.: *Шестидесятые годы,* стр. 261). Достоевский же, как видно из реплики на его статью о «Вечном муже», этого сказать о себе не мог. Он настаивает здесь на том, что между «хищным» и «смирным» типом нет жестких границ и что возможно превращение «смирного» типа в «хищный».

В главах повести, посвященных визиту Трусоцкого и Вельчанинова к Захлебининым, в какой-то мере психологически переосмыслен один из рассказов М. Е. Салтыкова-Щедрина «Для детского возраста», напечатанный в «Современнике» (1863, № 1—2) и перепечатанный в сборнике «Невинные рассказы» (1863). Возраст Нади Захлебининой и Нади Лопатниковой, героини рассказа Щедрина, одинаков — обеим по пятнадцати лет. Против Трусоцкого молодежь создает «заговор» и отваживает его от общих игр; у Щедрина, по предложению обиженной Нади, все девицы, собравшиеся на елку, отказываются «принимать сегодня» Кобыльникова в свое «общество». Один из юных гостей распускает слух, что у Кобыльникова «живот болит»: «Кобыльников слышит эту клевету и останавливается; он бодро стоит у стены и бравирует; но, несмотря на это, уничтожить действие клеветы уже невозможно. Между девицами ходит шепот: „Бедняжка!“ Наденька краснеет и отворачивается; очевидно, ей стыдно и больно до слез» (см.: *Салтыков-Щедрин,* т. III, стр. 75—87). В «Вечном муже» сходный мотив появляется в измененном виде. Гости решают, что Павел Павлович забыл носовой платок и что у него насморк: «Платок забыл! 〈...〉 Maman, Павел Павлович опять платок носовой забыл, maman, у Павла Павловича опять насморк! — раздавались голоса» (см стр. 77). Трусоцкому, так же как Кобыльникову у Щедрина, никак не удается убедить хозяев и гостей, что он совершенно здоров.

Рассказ Щедрина был напечатан в том же номере «Современника», который послужил поводом для статьи Достоевского «Опять „Молодое перо“» (*Вр,*1863, № 3, отд. II, стр. 148—163), также направленной против сатирика. Вполне вероятно, что рассказ этот Достоевский запомнил тогда же. Позднее, в 1864 г., в полемике между «Русским словом» и «Современником» «Невинные рассказы» получили резко отрицательную оценку в статье Д. И. Писарева «Цветы невинного юмора» (*РСл,* 1864, № 2, отд. II, стр. 1—42), на которую Достоевский откликнулся статьей «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» («Эпоха», 1864, № 5, стр. 274—294; о смысле и содержании этой полемики см.: *Борщевский,* стр. 29—158).

Мотивами щедринского рассказа, как и основной ситуацией «Провинциалки», Достоевский воспользовался, усложнив их психологически. Комическое положение Трусоцкого в обществе молодежи подготавливает трагический эпизод его покушения на убийство Вельчанинова; у Щедрина же комическая ситуация остается комической до конца рассказа.

Сохранившиеся подготовительные материалы к «Вечному мужу» содержат первоначальный план повести (*ПМ,* с. 52—53). По-видимому, он относится к тому этапу работы, когда Достоевский предполагал ограничиться объемом в $3^1/_2$ печатных листа «Русского вестника» (или соответственно 5 печатных листов «Зари»). По этому плану Трусоцкий в первый приход к Вельчанинову рассказывает о беременности жены «8 лет назад в Твери», когда Вельчанинов оттуда уехал, и о своей дочери, в действительности дочери Вельчанинова. Далее действие должно было развиваться очень быстро. Трусоцкий говорит Вельчанинову о другом любовнике своей жены (здесь она названа Анной Ивановной), умершем только что, и об оставленных ею письмах, из которых он узнал об изменах и о настоящем отце ее дочери. Вельчанинов идет смотреть дочь, поселяет ее и Трусоцкого у себя, затем отвозит ее к «знакомым». Дочь заболевает и умирает. Трусоцкий объявляет о своем намерении жениться, ночью хочет зарезать Вельчанинова, но тот его связывает. Трусоцкий уходит, заявляя, что решил «повеситься в номере». Однако, встретив «молодого человека» (роль которого в этом плане неясна), Вельчанинов узнает, что Трусоцкий уехал. Через «два года», как и в окончательном тексте повести, происходит встреча «в вагоне», у Трусоцкого новая жена, «великолепная дама», и при ней «гусар».

В окончательном тексте название города (Тверь) было заменено начальной буквой; Анна Ивановна стала Натальей Васильевной. Сохранена хронология событий жизни автора в Твери в 1859 г. Приурочение событий, составивших предысторию взаимоотношений мужа и любовника, к этому городу, очевидно, было вызвано желанием Достоевского сделать менее явной «сибирскую» фактическую ее основу — историю Врангеля и Х. (см. о ней выше, стр. 472—474). *ПМ* не дают возможности расчленить дальнейшую работу над «Вечным мужем» на определенные стадии, поскольку написана повесть была сравнительно быстро и у автора в ходе работы возникали одновременно различные варианты сюжетного развития и последовательности эпизодов.

При разработке плана повести и особенно в процессе ее писания «представились сами собой подробности» (как выразился Достоевский в письме к С. А. Ивановой от 14 (26) декабря 1869 г., вспомнив слова Ноздрева из X главы I тома «Мертвых душ»; ср.: *Гоголь,* т. VI, стр. 209). Это привело к усложнению сюжета и, главное, к необходимости иначе расположить эпизоды, установить другую их последовательность, связанную с менявшимся отношением автора к персонажам и к основному психологическому конфликту произведения.

Параллельно шли и поиски повествовательной формы. Ряд набросков связного текста (с. 51, 57), в том числе и начало, сделаны от первого лица. Постепенно начинает преобладать другая форма — сочетание авторского рассказа с несобственно-прямой речью. В связи с этим меняется функция мужа, Трусоцкого, в развитии основного конфликта и содержания повести в целом. Трусоцкий, который в *ПМ* высказывался пространно на самые различные темы, в окончательной редакции лишился многих своих тем и реплик. Он стал персонажем по преимуществу действующим, а большая часть рассуждений, вначале приписанных ему, была передана Вельчанинову.

В окончательный текст не вошли некоторые из литературных реминисценций, принадлежавших в *ПМ* Трусоцкому. Так, в одной из реплик Трусоцкого в связи с рассуждением о «неприличности» несчастья назван Гончаров (с. 63); в не включенном в окончательный текст разговоре Трусоцкого с Вельчаниновым, в котором «убийца» объясняет потерпевшему, почему тот не пойдет на него жаловаться, упоминается «слог» Кузьмы Пруткова (с. 73). Следует отметить и ассоциацию с героиней Карамзина: «Бедная Лиза, грустный образ» (с. 74). Все эти литературные ассоциации в речах Трусоцкого Достоевский отбросил, сохранив в окончательном тексте лишь разговор по поводу статьи о «хищном» типе. Вообще Трусоцкий в *ПМ* в отдельных репликах и конспектах диалогов высказывается более откровенно и прямолинейно, чем в окончательном тексте «Вечного мужа». Так, он прямо говорит о том, что приехал «или отомстить, или повеситься» (с. 54, 55). Тема самоубийства Трусоцкого, в окончательном тексте возникающая только в рассказе Лизы, в *ПМ* варьируется многократно, она возникает вновь в тот момент, когда Трусоцкий узнает о внезапной смерти одного из любовников своей жены, «сановника», месть которому была целью его приезда в Петербург. Он говорит Вельчанинову: «Эта цель меня от веревки отвлекла. А теперь не отвлекает» (с. 61).

В *ПМ* Трусоцкому принадлежало определение «вечный муж» (с. 75), в окончательном тексте переданное Вельчанинову (которому здесь Достоевский преимущественно приписал способность к самоанализу и рефлексии). В первоначальной редакции последнего эпизода Достоевский передал Вельчанинову и некоторые дорогие ему мысли, близкие его философии жизни (с. 74). Как символ ее в памяти Вельчанинова возникают начальные строки любимого Достоевским стихотворения Ф. И. Тютчева («Эти бедные селенья...», 1855 — см.: *Д, Письма,* т. I, стр. 524, ср. т. IV, стр. 162). В дефинитивный текст эта цитата и рассуждения Вельчанинова не вошли; очевидно, высокий лиризм отрывка не совмещался с образом светского фата и жуира.

Окончательный вид композиция произведения получила тогда, когда было найдено место для эпизода, составившего содержание главы «У Захлебининых», и отброшено самоубийство Трусоцкого, сохранившееся только в виде угроз Лизе. Кольцевое построение повести (Трусоцкий опять женат

и опять в рабстве у жены) получилось, когда Достоевский решил, что новый брак будет через два года после основной драмы, а не в ее середине, как намечалось в некоторых вариантах плана.

Появление семейства Захлебининых в повести позволило ввести в действие мотив юношеской фронды, «заговора» молодежи против Трусоцкого, противопоставить иронически изображенную легкость решения проблем любви и брака у «нигилистов» трагической неразрешимости их в действительной жизни.

Когда повесть получила свое название — неизвестно. Еще в объявлении, помещенном в октябрьском номере «Зари» 1869 г., оно не было приведено. Очевидно, Достоевский остановился на нем уже перед самой отправкой повести в Петербург. Впервые в печати название повести появилось в объявлении «Зари» в газете «Московские ведомости», 1870, 24 января, № 19: «Назовем главнейшие из произведений, приобретенных редакциею для первых книжек 1870 года: „Вечный муж", повесть Ф. М. Достоевского...».

Первым откликнулся на «Вечного мужа» Н. Н. Страхов. 14 февраля 1870 г. он сообщал: «Ваша повесть производит весьма живое впечатление и будет иметь несомненный успех. По-моему, это одна из самых обработанных Ваших вещей, — а по теме — одна из интереснейших и глубочайших, какие только Вы писали: я говорю о характере Трусоцкого; большинство едва ли поймет, но читают и будут читать с жадностью» (см.: *Шестидесятые годы,* стр. 265). Достоевский отвечал ему 26 февраля (10 марта) 1870 г.: «С жадностию прочел тоже Ваши несколько строк одобрения о моем рассказе. Это мне и лестно и приятно; читателям как Вы я бы и всегда желал угодить, или, лучше — только им-то и желаю угодить». Через месяц, 17 марта 1870 г , Страхов с удовлетворением сообщал Достоевскому: «Предсказание мое сбылось. Ваш „Вечный муж" пользуется великим вниманием и читается нарасхват» (там же, стр. 266), а 16 апреля он высказал свое окончательное суждение о повести Достоевского: «Ваш „Вечный муж", конечно, лучше всего явившегося в нынешнем году...» (там же, стр. 267). Несмотря на отрицательный отзыв А. Н. Майкова, написавшего Достоевскому по поводу «Вечного мужа», что «во всем создании есть раздвоенность интереса трагического и комического; всего рельефнее это выражается в сцене с урыльником: не знаешь, какому впечатлению отдаться» (см.: *Д, Письма,* т. II, стр. 474), он остался доволен приемом, который получила повесть. С. А. Ивановой он писал 7 (19) мая 1870 г.: «Я получил чрезвычайные похвалы из „Зари" за повестушку, которую у них напечатал. В журнальных разборах («Голос», «Петербург⟨ские⟩ ведомости» и проч.) — тоже были ко мне вежливы». «Журнальными разборами» Достоевский назвал критические отзывы газет, из которых полностью положительной можно считать только рецензию в «Голосе»: «Что может быть обыкновеннее истории человека, который женится; женившись, он становится совершенным рабом своей жены и добродушно, сам того не замечая, носит длинные рога; овдовев же, спешит вновь жениться, на новое рабство и новые рога; что может быть, повторяем, обыкновеннее этой истории? А между тем — такова уже особенность таланта г. Достоевского — он рассказывает эту обыкновенную историю со всеми ее реальными и вседневными, по-видимому, ничтожнейшими подробностями таким образом, что воображение читателя постоянно возбуждено, и какая-то таинственность, какая-то тайна кроется во всех этих кажущихся пошлостях жизни» (1870, 20 марта, № 79).

Рецензент «С.-Петербургских ведомостей» В. П. Буренин высказал противоположное мнение: «В наше время повести этого рода потеряли всякий кредит и нравятся разве только особенным любителям болезненной „фальшивой психологии". „Вечный муж" начат очень ловко, хотя по всем правилам рутины; таинственностью, которая, потомив воображение читателя на двадцати страницах, благополучно разъясняется на двадцать первой. После таинственности следуют „нервические" диалоги двух главных действующих лиц, в которых автор играет психологическими мотивами с искусством, хорошо изученным не только им самим, но даже и читателями его прежних произведений. Затем выступает на сцену одно из любимейших лиц

г. Достоевского — преждевременно развитый болезненный ребенок-девочка, и вокруг этого лица устраивается драма по обычному рецепту»; только «местами», по мнению Буренина, Достоевский обнаруживает «свое, конечно, немалое дарование в полной силе» (1870, 31 января, № 31).

Рецензент «С.-Петербургских ведомостей», так же как Майков в цитированном выше письме к Достоевскому, выразил характерную черту отношения тогдашней русской критики к Достоевскому — непонимание сложных художественно-психологических мотивировок поведения его персонажей. Только Страхов остался верен своему отношению к «Вечному мужу» и через год («Заря», 1871, № 2, отд. II, стр. 1—2) привел эту повесть в числе доказательств художественного прогресса русской литературы: «Наша литература ведь не пустяк. Она нынче *процветает* в полном смысле этого слова; она процветает, ширится и развертывается, тогда как, например, литература французская, немецкая, английская — или падают, или находятся в застое 〈...〉. Большею частию наши писатели даже не останавливаются в своем развитии, а продолжают делать всё новые и новые шаги до тех пор, пока пишут. Так Тургенев вырос безмерно в сравнении с тем, чего ожидал от него Белинский. Так Лев Толстой поднимался еще правильнее и неуклоннее и взошел еще выше. Так Достоевский, несмотря на колебания, всё еще продолжает подыматься, и для русского критика ясно, что, например, в повести „Вечный муж“ этот писатель, работающий так давно, сделал новый шаг в развитии своих идей».

Стр. 5. *Квартира его была где-то у Большого театра...* — См. выше, стр. 428.

Стр. 7. *...давно уже, например, жаловался на потерю памяти* ∾ *при встречах, за это на него обижались...* — По воспоминаниям А. Г. Достоевской, «всё это случалось с Федором Михайловичем: он до того забывал лица знакомых ему людей, что иногда не узнавал даже моего брата, которого искренне любил. Его беспамятство создало ему много врагов, принимавших за личную обиду то, что он их не узнавал. Самые недавние события совершенно им забывались, между тем он отлично помнил давно прошедшее и изумлял своих родных яркостью своих воспоминаний» (см.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 60).

Стр. 12. *...отправляясь к Смольному монастырю.* — Имеется в виду Смольный (Воскресенский) монастырь на берегу Невы, недалеко от Смольного института благородных девиц.

Стр. 16. *...штофную гардину...* — Штоф — плотная шелковая ткань, обычно с разводами.

Стр. 24. *...в Покровской гостинице...* — Имеется в виду постоялый двор Новикова близ Покровской площади (ныне площадь Тургенева).

Стр. 27. *...«хлыстовская богородица»...* — Члены религиозной секты хлыстов на так называемых радениях доводили себя до состояния экстаза хороводной пляской и пением. Пророчествовавшие на этих радениях женщины назывались «богородицами». Об интересе Достоевского к хлыстам см. ниже, стр. 515—516.

Стр. 43. *...цвету масака...* — Цвет масака — темно-красный цвет. А. Г. Достоевская писала: «Федор Михайлович часто упоминал о цвете „масака“, но, на мои вопросы, никогда не мог определить, какой это цвет. По всей вероятности — темно-лиловый, так как гробы обивались тогда преимущественно темно-лиловым бархатом» (см.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 60).

Стр. 44. *Нет великого Патрокла, Жив презрительный Ферсит!* — цитата из баллады Ф. Шиллера «Торжество победителей» (1803) в переводе В. А. Жуковского (1828).

Стр. 45. *...выбрали своим конфидентом?..* — См. стр. 447.

Стр. 55. *...хотя нынче, в судах, много облегчающих обстоятельств подводят* — См. об этом выше, стр. 429.

Стр. 63 *«Эта Лиза послала мне, это она говорит со мной», — подумалось ему* — По свидетельству А. Г. Достоевской, «подобное ощущение испытал Федор Михайлович, когда в 1868 году пришел в первый раз после

похорон своей дочери Сони на ее могилку. „Соня послала мне это спокойствие“, — сказал он мне» (см.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 60—61).

Стр. 70. *Так тут ведь свежим яблочком пахнет-с!* — Эти слова повторяет старый князь Сокольский в «Подростке» (см.: наст. изд., т. XIII).

Стр. 80. *...и гриб съел.* — Т. е. попал в глупое положение. Об этом выражении см.: наст. изд., т. I, стр. 506.

Стр. 81. *...будущий двигатель»...* — «Двигателями» прогресса в радикальной публицистике 1860-х годов именовались передовые деятели, революционеры.

Стр. 81—82. — *Когда в час веселый откроешь ты губки ∾ Хочу целовать, целовать, целовать!* — Имеется в виду романс М. И. Глинки на слова А. Мицкевича (в переводе С. Голицына). Перевод этот был опубликован в альманахе «Новоселье» (ч. 2, СПб., 1834). О том, как Глинка исполнял этот романс, рассказано в повести П. М. Ковалевского «Итоги жизни» (*ВЕ*, 1883, № 2, стр. 585—586); тот же текст повторен с незначительными изменениями в сборнике Ковалевского «Стихи и воспоминания» (СПб., 1912, стр. 216—217; см. перепечатку в кн.: Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. С прилож. полного текста воспоминаний П. М. Ковалевского. Изд. «Academia», Л., 1928, стр. 339). Достоевский слышал пение Глинки на литературно-музыкальном вечере у С. Ф. Дурова и А. И. Пальма 21 апреля 1849 г. Об этом вечере композитор упоминает в своих «Записках» (см.: М. Глинка. Записки. Л., 1953, стр. 207—208). А. Г. Достоевская вспоминала: «Федор Михайлович несколько раз рассказывал при мне о том поразительном впечатлении, которое произвел на него этот романс в исполнении самого Глинки, которого он встретил в молодости» (см.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 61). См. также: Р. Крюков. Ф. М. Достоевский и музыка. «Советская музыка», 1971, № 11, стр. 87—94.

Стр. 87. — *«Великие мысли происходят не столько от великого ума, сколько от великого чувства-с»* — перефразированный афоризм французского моралиста Л. Вовенарга (1715—1747): «Les grandes pensées viennent du coeur» (см. Oeuvres de Vauvenargues. Paris, 1857, p. 123).

Стр. 92. *...под сюркуп!* — Сюркуп (франц. surcoupe) — термин карточной игры; здесь: привлечь к ответственности, арестовать.

Стр. 96—97. *Припадки эти ∾ «еще тарелочку-с».* — Описание припадка Вельчанинова совпадает со следующей записью Достоевского от 4 сентября 1869 г.: «Припадок в Дрездене. Очень скоро после припадка, еще в постели, мучительное, буквально невыносимое давление в груди. Чувствуется, что можно умереть от него. Прошло от припарок (сухих, гретые тарелки и полотенца с горячей золой) в полчаса».

Стр. 102. *Квазимодо* — персонаж романа В. Гюго «Собор Парижской богоматери» (1830), имя которого стало нарицательным для обозначения уродства. Ср. стр. 103: *Только у такого Квазимодо и могла зародиться мысль о «воскресении в новую жизнь» — посредством невинности мадемуазель Захлебининой!* — В последнем случае Достоевский, возможно, пародирует основную мысль собственного предисловия к публикации перевода «Собора Парижской богоматери» (*Вр*, 1862, № 9, стр. 44), где говорилось, что «основная мысль всего искусства девятнадцатого столетия» — «восстановление погибшего человека» (см.: наст. изд., т. XIX).

Стр. 105. *...какой он моветон...* — Моветон (франц. mauvais ton) — здесь: невоспитанный человек.

Стр. 105. *...в наш век в России не знаешь, кого уважать.* — Аналогичную мысль высказывает Коля Иволгин в романе «Идиот» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 113).

Стр. 106. *...в вагоне одной из вновь открывшихся наших железных дорог.*— Железная дорога от Кременчуга до Одессы была построена в 1865—1869 гг.

Стр. 110. — *Под кроватью... любовников ищет...* — См. выше, стр. 438—439.

Стр. 111. — *У нашего благочинного взял-с...* — Благочинный — должностное лицо православной церкви, осуществлявшее надзор над деятельностью определенного количества церковных приходов.

Стр. 289. *На углу Подьяческой и Мещанской.* — Мещанская ул. — ныне Гражданская.

Стр. 289. *Никогда не забуду ∾ какое ужасное положение.* — Об этом рассказано у А. Г. Достоевской: «...раз, посещая Майковых, мы встретились на их лестнице с писателем Ф. Н. Бергом, который когда-то работал во „Времени", но которого мой муж успел позабыть. Берг очень приветливо приветствовал Федора Михайловича и, видя, что его не узнают, сказал:

— Федор Михайлович, вы меня не узнаете?

— Извините, не могу признать.

— Я — Берг.

— Берг? — вопросительно посмотрел на него Федор Михайлович (которому, по его словам, пришел на ум в эту минуту «Берг», типичный немец, зять Ростовых из «Войны и мира»).

— Поэт Берг, — пояснил поэт, — неужели вы меня не помните?

— Поэт Берг? — повторил мой муж. — Очень рад, очень рад!

Но Берг, принужденный так усиленно выяснять свою личность, остался глубоко убежденным, что Федор Михайлович не узнавал его нарочно, и всю жизнь помнил эту обиду» (см.: *Достоевская А. Г., Воспоминания,* стр. 343—344).

Посещение Майковых, о котором вспоминает А. Г. Достоевская, могло происходить скорее всего в 1867 г., после женитьбы и до отъезда Достоевских за границу.

Стр. 292 *...это только до Р⟨анен⟩бурга.* — Раненбург — станция на Грязи-Царицынской железной дороге (Рязанская губ.), ныне — г. Чаплыгин Липецкой обл.

Стр 294. *...за нее по крайней мере Нерчинск в придачу дают.* — В Нерчинске и Нерчинском округе в Забайкалье находилось одно из основных мест ссылки на каторжные работы.

Стр. 294. *И в Омск довольно.* — В Омске отбывал свой срок каторжных работ в 1850—1854 гг. Достоевский.

Стр. 294. *...он настоящий Ступендьев*»; см. также стр. 314: ... *о Ступендьеве.* — См. выше, стр. 478—479.

Стр. 298. *А наши, наши психологи писатели, да и Мольер тоже очень ошибаются ∾ может обратиться вспять.* — Имеется в виду комедия Мольера «Сганарель, или Мнимый рогоносец» («Sganarello, ou le Cocu imaginaire»; 1660), в которой вооруженный с ног до головы Сганарель собирается убить Лелия, предполагаемого любовника своей жены, но при встрече трусит и отказывается от своего намерения.

Стр. 300. *(У Гончарова: деньги потерял.)* — Вероятно, автобиографический эпизод.

Стр. 306. *Бедная Лиза...* — См. выше, стр. 481.

Стр. 306. *Эти бедные селения ∾ этой скудной природы).* — См. выше, стр. 481.

Стр. 313. *...у К⟨обыльников⟩а живот болит, у Салтыкова?* — См. выше, стр. 480.

НАБРОСКИ И ПЛАНЫ

(Стр. 113—139)

ОДНА МЫСЛЬ (ПОЭМА)
ТЕМА ПОД НАЗВАНИЕМ «*ИМПЕРАТОР*»

(Стр. 113)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста.

Черновой автограф хранится в *ЦГАЛИ,* ф. 212. 1. 6, с. 85—86; см.: *Описание,* стр. 125.

Впервые напечатано: «Недра», кн. II, М., 1923, стр. 279—280 (Н. Л. Бродским).

В собрание сочинений включается впервые.

Датируется октябрем—ноябрем 1867 г., так как к этому времени относятся записанные в той же рабочей тетради подготовительные материалы к «Идиоту» (среди черновых заметок к которому находятся данные наброски).

Заметки к «поэме» «Император» сделаны Достоевским в несколько приемов. Сначала возник, по-видимому, основной план «поэмы» (до слов «...умирает величаво и грустно»). Здесь развитие сюжета доведено до трагической развязки. Затем возникли две приписки: 1) до слов: «Тот воспламенен»; 2) дальнейшая часть записей. Они дополняют и конкретизируют отдельные пункты первоначального плана — без изменения намеченного в нем общего замысла.

Как справедливо указал при первой публикации плана «поэмы» Н. Л. Бродский, замысел ее не случайно возник у Достоевского в процессе работы над «Идиотом»: биография героя этой «поэмы» — юноши, который почти до 20 лет воспитывается во «мраке», в темнице, и, изолированный от других людей, «не умеет говорить», а затем. впервые столкнувшись с ними, умирает, познав человеческие страсти и страдания, по своему внутреннему трагическому смыслу близка биографии Мышкина (ср.: *Мочульский*, стр. 539).

Главный исторический источник, из которого Достоевский почерпнул фактические сведения для замысла «поэмы», установлен Л. П. Гроссманом.[1] Это статья издателя «Русской старины», историка М. И. Семевского, «Иоанн VI Антонович. 1740—1764 гг. Очерк из русской истории», опубликованная в 1866 г. в журнале «Отечественные записки» (№ 4, стр. 530—558). Ознакомился ли Достоевский впервые с названной статьей Семевского уже вскоре после ее выхода в свет, т. е. еще в 1866 г., до отъезда из России, или она обратила на себя его внимание лишь в Женеве, где он находился в октябре—ноябре 1867 г., неизвестно. Однако очевидно, что в 1867 г. статья Семевского находилась у писателя в руках и была им внимательно изучена.

Статья Семевского была в значительной своей части основана на новых для того времени архивных материалах. Автор ее поставил перед собой задачу более обстоятельно, чем это делалось его предшественниками, проанализировать дошедшие до нас разноречивые источники и свидетельства, рассказывающие о личности и судьбе претендента на русский престол Ивана (Иоанна) VI Антоновича (1740—1764). Провозглашенный в младенческом возрасте после смерти императрицы Анны Ивановны русским императором он был свергнут при вступлении на престол Елизаветы Петровны в 1741 г. провел последующую жизнь в одиночном заключении и был убит стражей в царствование Екатерины II, в ночь с 4 на 5 июля 1764 г., при неудачной попытке освобождения его из Шлиссельбургской крепости, предпринятой поручиком В. Я. Мировичем (1740—1764), который намеревался снова провозгласить его императором.

Следует отметить, что в 1861 г. во «Времени» была помещена обширная публикация М. Хмырова «Обстоятельства, подготовившие опалу Эрнста-Иоанна Бирена, герцога Курляндского», включавшая перевод собственноруч-

---

[1] См.: *Творчество Достоевского*, стр. 368—371. — Высказанное ранее предположение Н. Л. Бродского («Недра», кн. II, стр. 282). что источником для Достоевского служила историческая записка Д. Н. Блудова «Заговор и казнь Мировича», напечатанная в качестве приложения к книге Ег. Ковалевского «Граф Блудов и его время» (СПб., 1866), ошибочно: в этой записке, составленной, по-видимому, в 1826 г. для Николая I и посвященной Мировичу, а не Иоанну Антоновичу, нет почти никаких сведений о личности последнего, да и весь исторический материал, который излагал Блудов, в 1866 г. уже не был новым: еще в 1860 г. в «Чтениях в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» (кн. 3, отд. V, стр. 149—154) был напечатан более подробный рассказ о тех же лицах и событиях из записок канцлера В. П. Кочубея.

ной «Записки» Бирена (т. е. известного фаворита императрицы Анны Ивановны Бирона), вступление и примечания переводчика (№ 11, стр. 522—622). Одно из этих примечаний (№ 31) посвящено Ивану Антоновичу и Мировичу. Оно содержит краткие фактические сведения о них обоих, сопровождаемые сводкой важнейших исторических источников (стр. 566—568). Возможно, что Достоевский тогда же ознакомился с этой публикацией и заинтересовался личностью Ивана Антоновича. Однако из примечания Хмырова он мог извлечь лишь самые общие сведения о царевиче, в то время как статья Семевского и упоминаемые ниже заметки Г. Ф. Квитки повлияли на самое зерно его замысла.

В своей статье Семевский критически сопоставил разные версии, дошедшие до нас об Иване Антоновиче и о его освободителе Мировиче: с одной стороны, версию, опирающуюся на официальные документы и архивные свидетельства о каждом из них, а с другой — иную, легендарную, не находящую себе опоры в исторических источниках и обязанную своим происхождением политическим противникам Екатерины II и народной молве. Именно эта вторая, легендарная версия по преимуществу заинтересовала писателя и, как это видно из плана его «поэмы», была положена им в творчески переработанном виде в ее основу.

В то время как архивные материалы и официальные правительственные бумаги рисовали Ивана Антоновича, насильственно вырванного младенцем из общества людей и выросшего в заключении, слабоумным, косноязычным «идиотом», в сочинениях, вышедших из лагеря врагов Екатерины II, образ его подвергся идеализации, а народная молва приписала ему черты своеобразного праведничества. Особенное внимание Достоевского должны были привлечь следующие подробности исторической легенды об Иване Антоновиче, приводимые Семевским (с целью их опровержения): «Вопреки всем предосторожностям Иоанн Антонович на двенадцатом году узнал тайну своего рождения от одного из солдат, охранявших его темницу» (стр. 533); «Любопытно, что автор „Histoire d'Iwan VI“[1] посвящает две странички на рассуждения „о природных и личных свойствах *принца*“. Он уверяет, что душевные доблести и счастливые таланты ⟨...⟩ были присущи душе молодого Иоанна. Автор, основываясь на предположениях и догадках, опровергает мнение, высказанное другими писателями, будто бы Иоанн был идиот (в чем, однако, кажется, и не может быть сомнения). „Хотя злополучный государь, — восклицает его историк, — содержался под таким строгим надзором, что весьма немногие могли его видеть, тем не менее истина прошла сквозь стены и валы; и молва народа гласит, что ум и благородные чувства Иоанна делали его вполне достойным той короны, которую носили другие. Постоянное уединение спасло его от недостатков, присущих всем молодым принцам, вырастающим среди соблазнов всякого рода... Уединение и постоянное умосозерцание, постоянное размышление о самом себе, постоянная беседа с своим собственным сердцем развили принца, по уверению его историка, гораздо более, нежели развили бы его многие учители Европы“» (стр. 537); «Об Иване Антоновиче, — писал лорд Букингам 25 августа 1763 года, — толки здесь идут разные: одни уверяют, что это полнейший идиот; если верить другим, этот человек лишен воспитания, но скрывает свои способности» (стр. 545); «Государь этот ⟨...⟩ был необыкновенной красоты, высок ростом, статен, имел белокурые волосы, русую густую бороду, черты лица правильные, кожу белизны чрезвычайной» (стр. 547).

В приведенных цитатах Иван Антонович дважды называется «идиотом», причем оба раза версия о слабоумии его берется под сомнение — обстоятельство, которое не могло не поразить Достоевского, лихорадочно разрабатывавшего в это время роман, центральный герой которого уже в первоначальных планах носил имя Идиота.

---

[1] Имеется в виду французская апологетическая брошюра об Иване Антоновиче (1765), вышедшая из-под пера сторонника Брауншвейгской династии, к которой он принадлежал.

Заинтересовать писателя должны были и некоторые приводимые Семевским факты биографии Мировича, а также рассказы о нем современников: «Этот человек был очень набожен, даже суеверен, все свои намерения записывал с наложением на себя духовных обещаний ⟨...⟩. Когда же не исполнились его моления, он с удивительным благоговением принял смерть» (стр. 553); Мирович, «обще с поручиком великолуцкого полка, Аполлоном Ушаковым, давал в церквах разные обеты, призывая бога и богородицу к себе на помощь» (стр. 549). Прозрачная для читателя (хотя и прикрытая налетом официозной фразеологии) трактовка процесса Мировича в статье Семевского как одного из первых в ряду процессов над политическими заговорщиками в России XVIII—XIX вв., некоторые изложенные в ней обстоятельства этого процесса (в частности, мотивированное «человеколюбием» государыни изменение смертного приговора: замена четвертования отсечением головы, о чем приговоренному было объявлено на эшафоте), описание смертной казни Мировича и наказания его товарищей (стр. 548—553) легко вызывали ассоциации с делом петрашевцев, напоминая о собственных переживаниях Достоевского.

Наряду с очерком Семевского на формирование замысла «поэмы» «Император» оказал воздействие, как установил А. В. Алпатов, и другой — уже не исторический, а литературный — источник. Это опубликованный в 1863 г. М. П. Погодиным набросок плана неосуществленного романа о Мировиче, задуманного (в конце 1830—начале 1840-х годов) украинским романистом и драматургом Г. Ф. Квиткой-Основьяненко. Вот часть заметок Квитки:

«Можно бы интересный составить исторический роман из горестной жизни несчастного принца, бывшего в России под именем императора Иоанна VI-го Антоновича.

Из двух приставов, находившихся при нем (кто они, известно из манифеста о Мировиче), можно одному придать характер честолюбивый, скрытный, коварный. Или дать ему дочь с самым необыкновенным для девицы характером: скрытным, предприимчивым, сильным, смелым, честолюбивым без меры, твердым, решительным и на всё готовым для достижения цели своей. Она, возвратясь из чужих краев, где получила образование с семейством князя **, нашла отца при сем принце. Основала план освободить его, возвести на престол и быть его женой, а смотря по обстоятельствам, и царствовать ⟨...⟩. Дочь скоро овладела умом отца и склонила его на свою сторону ⟨...⟩. Принц, который вовсе не был таков, каким его по необходимости изобразили в манифесте, поражается наружностию девицы (к чему много способствовали лета и уединение, в котором он был содержан) ⟨...⟩. Хитрая скоро проникла принца; говорила с ним, читала, рисовала, день от дня далее и далее довела его до сознания в любви и заключила с ним условие, что б ни последовало с ним в лучшем обстоятельстве, он женится на ней⟨...⟩. Случай сводит ее с Мировичем, человеком подобного же характера, как и она, но вдобавок озлобленного первыми вельможами. Они знакомятся, сближаются. Девица влюбляет его в себя, дает ему мысль о возведении Иоанна на престол и поселяет в него надежду стать при нем генералиссимусом, светлейшим князем и пр. и пр. ⟨...⟩. Мирович ⟨...⟩ не подозревал никакой связи у его возлюбленной с принцем, а полагал, что она действует для пользы его (Мировича) и из любви к нему».[1]

Заметки Квитки могли дать Достоевскому мысль ввести в число действующих лиц дочь коменданта и основать фабулу романа на мотиве любовного соперничества между Иваном Антоновичем и Мировичем. Однако в соответствии с философским замыслом Достоевского и требованиями его «фантастического» реализма характеры всех трех героев трактованы Достоевским более сложно. Иван Антонович и Мирович в его набросках не только соперники в любви, но и возвышенные мечтатели, близкие по своему психологическому

---

[1] См.: План романа из жизни Мировича и записка о нем Г. Ф. Квитки (Основьяненка). *РА*, 1863, № 2, стлб. 160—170; Ср.: А. В. Алпатов. Один из неизученных творческих замыслов Ф. М. Достоевского («Император»). «Вестник Московского университета. Филология», 1971, № 5, стр. 13—21.

складу другим молодым «мечтателям» Достоевского. В то время как исторический Мирович впервые увидел Ивана Антоновича мертвым, после неудачи заговора, Достоевский заставляет обоих главных героев пережить длительную и сложную психологическую борьбу, в которой — как и в отношениях Мышкина и Рогожина — взаимное доверие и дружба осложняются «ревностью» и ощущением «неравенства», переходящими у одного из соперников в «ненависть».

Для главного героя «поэмы» «Император», отвергнутого обществом и выросшего в заточении, час освобождения становится моментом познания добра и зла окружающего мира, нравственного испытания самого себя. Этот мотив, как отметил А. Л. Григорьев, [1] близко соприкасается с сюжетом философской трагедии великого испанского драматурга П. Кальдерона де ла Барка (1600—1681) «Жизнь есть сон» (1636). В переводе на русский язык — С. Костарева — она вышла в Москве в 1861 г. в качестве второго выпуска «Избранных драм» Кальдерона, а в 1866—1867 гг. с большим успехом шла там же в Большом театре (см. об этом: Кальдерон. Сочинения, вып. 2. Пер. К. Д. Бальмонта. М., 1902, стр. 763). Таким образом, знакомство с нею Достоевского не вызывает сомнений, хотя в его сочинениях и письмах нет упоминаний имени Кальдерона. Герой драмы «Жизнь есть сон» принц Сехисмундо, освобожденный из темницы, обнаруживает в минуту нравственного испытания свой жестокий нрав. Но после вторичного заключения Сехисмундо духовно просветляется, убедившись на личном опыте, что «жизнь есть сон». «Поэма» Достоевского развивает близкую тему: в душе Ивана Антоновича (как и в душе героев многих других произведений писателя) борются стремление к самоутверждению, к власти над миром и сознание необходимости для этого приобщиться ко злу и несправедливости. Опьяненный вначале открывшейся ему под влиянием речей Мировича «картиной могущества», мечтами об императорской власти, при которой ему станет «все возможно», герой готов отказаться от императорской короны, так как для этого он должен стать «неравен» другому, «потерять его дружбу». Кровь убитой Мировичем кошки производит на него «страшное впечатление» и побуждает Ивана Антоновича отвернуться от власти, раз она может быть завоевана лишь ценой кровопролития. И хотя убеждения Мировича в том, что, став императором, он сможет много «сделать добра», и любовь к дочери коменданта снова на время воспламеняют героя, трагическая гибель его и Мировича свидетельствуют о том, что сомнения его были обоснованы — поэтому он умирает «величаво и грустно».

Обе главные идеи «поэмы» «Император» — горячее сочувствие автора самоутверждению обиженной обществом личности и осуждение жизни, купленной одним человеком ценой крови и страданий других («Я не хочу жить»; «Коли так, если за меня кто умрет, если ты умрешь, она умрет...») — связывают этот замысел с этической проблематикой романов Достоевского 1860—1870-х годов — от «Преступления и наказания» до «Братьев Карамазовых». В главе «Бунт» последнего из названных романов (см.: наст. изд., т. XVI) и в Пушкинской речи Достоевского мысль о невозможности для человека принять мир ценою чужого страдания, сформулированная в плане «поэмы» «Император», получила дальнейшее развитие.

Время работы Достоевского над планом «поэмы» «Император», определяемое местом, которое занимает этот план в рабочей тетради, позволяет сделать вывод, что чтение статьи Семевского и психологическая разработка под влиянием прочитанного образа Ивана Антоновича явились важным моментом в творческой истории романа «Идиот». Неудовлетворенный гордым и страстным Идиотом первых редакций и обдумывая образ нового, кроткого героя, Достоевский наталкивается на статью Семевского — и здесь находит один из исторических прообразов своего будущего героя. В резуль-

---

[1] См.: А. Л. Григорьев. Достоевский и Кальдерон (к вопросу о замысле «поэмы» Достоевского «Император»). В кн.: XXI Герценовские чтения, Филологические науки, Л., 1968, стр. 130—131 (Ленинградский гос. педагогический институт им. А. И. Герцена).

тате писатель задумывает историческую «поэму» о духовном преображении брошенного в темницу ребенком императора — «идиота», которого перенесенные им в детстве личные страдания заставили горячо полюбить все живое, сделали предельно совестливым и чутким к страданиям мира. Этот исторический замысел остался неосуществленным. Но он оказал определяющее влияние на ряд черт образа Мышкина в окончательной редакции романа. Подобно Ивану Антоновичу в плане «поэмы» «Император» Мышкин с детства изолирован от других людей (хотя он и вырос не в темнице, а в швейцарской лечебнице). Так же как Мышкин, Иван Антонович долгое время оставался косноязычным, «идиотом», пока дружба и духовное общение с Мировичем не способствовали его пробуждению к новой, духовной жизни. Но этого мало. Разработав в плане «поэмы» «Император» мотив соперничества двух названных братьев из-за «девы», невесты одного из них, Достоевский перенес его из исторической «поэмы» в роман о современности, основав на мотиве соперничества отношения Мышкина, Рогожина и Настасьи Филипповны в романе. Так «поэма» «Император», замысел которой возник в 1867 г. в процессе обдумывания образа Идиота и которая явилась своеобразным — историческим — ответвлением основной работы, вновь влилась в русло породившего ее замысла, растворившись в нем и в то же время сообщив ему новые психологические краски, новую художественную сложность и углубленность.

Через 11 лет после возникновения у Достоевского замысла «поэмы» о Мировиче исторический романист Г. П. Данилевский разработал тот же сюжет в своем романе «Мирович» (*ВЕ,* 1879, №№ 6—8). Как отметил Л. П. Гроссман (см.: *Творчество Достоевского,* стр. 370), Достоевский мог познакомиться с этим романом (не имеющим, кроме исторической основы, никаких точек соприкосновения с его замыслом) по подробному изложению романа Данилевского в той же книжке журнала «Русский вестник», где была напечатана седьмая книга третьей части «Братьев Карамазовых» (*РВ,* 1879, № 9, стр. 398—423).

Стр. 114. *При виде Коменданта Иван Антонович смущается: «Я его видел в детстве!»* — Эпизод этот навеян историческим анекдотом о том, что в разговоре с Петром III, который, по своему желанию, тайно в марте 1762 г. встретился с Иваном Антоновичем, последний, жалуясь на строгость шлиссельбургского коменданта Бередихина, вспомнил о доброте к нему присутствовавшего при разговоре барона Н. А. Корфа, который присматривал за ним в первые годы заточения: «„Да, — отвечал Иоанн, — это был человек, который меня любил, он позволял мне иногда прогуливаться; но этот (указывая на коменданта) не позволяет никогда выходить и не говорит со мною“. Слова эти тронули Петра и вызвали слезы на глазах Корфа, признательного за добрую память о нем заключенного» (см.: М. И. Семевский. Иоанн VI Антонович. *ОЗ,* 1866, № 4, кн. 1, стр. 536).

ИДЕЯ
ЮРОДИВЫЙ (ПРИСЯЖНЫЙ ПОВЕРЕННЫЙ)

(Стр. 114)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста. Черновой автограф хранится в *ЦГАЛИ,* ф. 212.1.7, с. 76; см.: *Описание,* стр. 124.

Впервые напечатано: «Недра», кн. II. М., 1923, стр. 281 (Н. Л. Бродским); перепечатано: *Гроссман, Жизнь и труды,* стр. 343; *Коншина,* стр. 355. В собрание сочинений включается впервые.

Датируется концом мая—началом сентября 1868 г. на основании следующих соображений: запись сделана в направлении, обратном тексту заметки к «Идиоту», являющейся продолжением наброска от 24 мая н. ст. 1868 г. на с. 77, с. 74—75 остались незаполненными, а с. 66—73 заняты сентябрь-

скими записями к роману. По почерку она напоминает майские-июньские наброски к «Идиоту».

По содержанию замысел связан с восьмым и промежуточным планами первой редакции «Идиота», где в результате эволюции и преображения центрального героя за ним закрепляется эпитет «юродивый». Идиота этих планов с Юродивым в данном наброске сближают доброта, принимающая необычные, удивляющие окружающих формы, и особенно любовь к детям. Об Идиоте в последних планах первой редакции говорилось, что он «тих», всех стремится примирить, «чудак», имеет «странности», «весь в детях» (см. стр. 201—202). Те же черты отличают и Юродивого. Он принимает «в дом сирот», у него собралась «полная квартира детей, кормилиц и нянек», он «ходит к ним просить прощения и их мирить».

После окончательного перелома в развитии замысла романа, когда Достоевский уже приступил к реализации своей любимой идеи — созданию образа «вполне прекрасного человека», характер Юродивого продолжает еще некоторое время жить в творческом воображении писателя. В новом замысле характер этот получает своеобразное, «гоголевское» обличие. Это чиновник, «присяжный поверенный». Как в гоголевской «Шинели», в повести должен был возникнуть конфликт из-за одежды: Юродивый оскорблен насмешками над его старым платьем. Но разработка этой темы намечалась иная, чем у Гоголя. Планировались дуэль из-за платья, во время которой Юродивый «одумался на шаге расстояния» и не выстрелил, а после дуэли — «примирение» и печально-ироническая концовка.

Мотивы дуэли без выстрела, рыцарских поступков героя по отношению к изменившей ему жене перейдут в планы романа «Бесы».

⟨РОМАН О ПОМЕЩИКЕ⟩

(Стр. 115)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста.

Черновой автограф хранится в *ЦГАЛИ*, ф. 212. 1. 7, с. 45; см.: *Описание*, стр. 124.

Впервые напечатано: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 343.

В собрание сочинений включается впервые.

Датируется маем-июнем 1868 г. Запись сделана в направлении, обратном основному тексту набросков к «Идиоту» от 20 марта н. ст. 1868 г. Здесь столь же сжато зафиксированы и другие — публицистические — проекты: «Сцена и брошюры. Дневник». Однако запись скорее всего относится к позднейшим месяцам, так как среди заметок к «Идиоту», датируемых концом мая—началом июня, на с. 132 той же записной тетради встречается близкая по содержанию запись: «Видел одного священника. Толковал Апокалипсис. Купил поле» (см. стр. 269). В романе эта заметка была использована в преобразованном виде (об известном толкователе Апокалипсиса упоминает во 2-й части главы VI «Идиота» Лебедев, а в 3-й части главы IV генерал Иволгин рассказывает о «настоящем» толкователе Григории Семеновиче Бурмистрове).

В наброске ⟨Роман о помещике⟩ мотивы черновой заметки из подготовительных материалов к «Идиоту» развиты и выделены в тему особого произведения. В нем должны были, по-видимому, отразиться и некоторые юношеские воспоминания. Автобиографический характер имеют мотивы убийства отца — помещика — крестьянами и покупки поля, которое стало затем предметом спора. Первый из них связан с насильственной смертью отца писателя,[1]

[1] Запись рассказа крестьян с. Даровое Данилы Макарова и Андрея Саввушкина об убийстве М. А. Достоевского см.: В. Нечаева. Из литературы о Достоевском. (Поездка в Даровое). «Новый мир», 1926, № 3, стр. 132.

второй — с приобретением его родителями в 1831 г. у помещика И. П. Хотяинцева сельца Даровое в Тульской губернии Каширского уезда и с возникновением тяжбы между старым и новыми владельцами по поводу спорной земли и ее оценки.[1] Упоминание об аягузском священнике связано с впечатлениями поры пребывания Достоевского в Семипалатинске, недалеко от которого находился г. Аягуз (на реке Аягуз).

⟨РОМАН О ХРИСТИАНИНЕ⟩

(Стр. 115)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста.

Черновой автограф хранится в *ЦГАЛИ*, ф. 212. 1. 7, с. 45.

Впервые напечатано: *Описание*, стр. 124 (ошибочно прочитано: «Россия христианская»).

В собрание сочинений включается впервые.

Датируется маем-июнем 1868 г.

В замысле ⟨Романа о христиани́не⟩ угадываются мотивы, близкие «Идиоту» и «Житию великого грешника».

ПЛАН ДЛЯ РАССКАЗА (В «ЗАРЮ»)

(Стр. 115)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста.

Черновой автограф хранится в *ЦГАЛИ*, ф. 212. 1. 6, с. 65—70; см.: *Описание*, стр. 125.

Впервые напечатано: «Красный архив», 1926, т. III (XVI), стр. 225—228; перепечатано: *Коншина*, стр. 369—373.

В собрание сочинений включается впервые.

Датируется, по всей вероятности, февралем — первой половиной марта 1869 г. Но возникновение этого замысла должно быть отнесено, по свидетельству Достоевского, еще к 1864 г. (см. ниже).

После завершения в последних числах января 1869 г. романа «Идиот» Достоевский через Н. Н. Страхова вступил в переписку с редакцией журнала «Заря», который в конце 1868 г. он обещал поддержать своим участием. Переписка эта (см. о ней в комментарии к «Вечному мужу», стр. 470—472) заключает в себе некоторые противоречия, в результате чего исследователи приходили к различным выводам о том, какое именно произведение Достоевский первоначально предназначал для «Зари». В письме к Страхову от 26 февраля (10 марта) 1869 г. писатель сообщал, что он собирается доставить в «Зарю» к сентябрю «повесть, т. е. роман», «величиною в „Бедных людей“ или в 10 печатных листов», и просил редактора журнала В. В. Кашпирева выслать ему во Флоренцию аванс. Когда же Страхов написал, что Кашпирев в денежном отношении «в настоящую минуту ⟨...⟩ ничего сделать не может» и предлагает рассрочить уплату, у Достоевского возникла новая идея. 18 (30) марта 1869 г. он писал Страхову, что «*вместо прежних* условий» может выслать «Заре» «один рассказ, весьма небольшой, листа в 2 печатных, может быть несколько более (в «Заре», может быть, займет листа 3 или даже 3 $^{1}/_{2}$)». «Этот рассказ, — продолжал Достоевский в том же письме, — я еще думал написать четыре года назад в год смерти брата, в ответ на слова Ап. Григорьева,

[1] См. переписку М. Ф. и М. А. Достоевских: В. С. Нечаева. В семье и усадьбе Достоевских. Соцэкгиз, М., 1939, стр. 73, 78, 127, 134 и др.

похвалившего мои „Записки из подполья“ и сказавшего мне тогда: „ты в этом роде и пиши“. Но это не „Записки из подполья“; это совершенно другое по форме, хотя сущность — та же, моя всегдашняя сущность, если только Вы, Николай Николаевич, признаете и во мне как у писателя некоторую свою, особую сущность. Этот рассказ я могу написать очень скоро, — так как нет ни одной строчки и ни единого слова, не ясного для меня в этом рассказе. При том же много уже и *записано* (хотя еще ничего не написано). Этот рассказ я могу кончить и выслать в редакцию гораздо раньше первого сентября (хотя, впрочем, думаю, вам раньше и не надо; не в летних же месяцах будете вы меня печатать!). Одним словом, я могу его выслать даже через *два* месяца». Сопоставление двух цитируемых писем Достоевского к Страхову вызвало в свое время недоумение А. С. Долинина: «Относительно повести остается ⟨...⟩ не ясным, что он разумеет под нею. Меньше чем через месяц (в письме от 18/III-69 г.) Достоевский снова пишет Страхову, что решил сесть как можно скорее за роман на будущий год для „Русского вестника“, повести в 10—12 печатных листов писать не будет, а что касается „Зари“, то ей он может предложить небольшой рассказ в 2—3 печатных листа; разумеется, конечно, „Вечный муж“, который, оказывается, был задуман еще в год смерти брата...» (см. *Д, Письма,* т. I, стр. 17). Е. Н. Коншина, опубликовавшая в 1935 г. «План для рассказа (в «Зарю»)», исходя из того, что первым произведением, подготовленным для «Зари», стал «Вечный муж», полагала, что «повесть о воспитаннице возникла после него ⟨«Вечного мужа», — *Ред.*⟩, когда Достоевский подыскивал темы для дальнейшего участия в журнале, т. е. опять-таки в конце 1869 года и в 1870 году» (см. *Коншина,* стр. 448). Однако, как видно из писем Достоевского к Страхову, в первом из них речь идет о большой повести (возможно, в это время уже начал формироваться замысел «Вечного мужа»). В следующем же письме Достоевский обещает не повесть, а рассказ в 2 печатных листа, в основу которого и должен был быть положен настоящий план. К этому выводу пришел первый публикатор его Н. Ф. Бельчиков (см.: Н. Б е л ь ч и к о в. Один из замыслов Ф. М. Достоевского. «Красный архив», 1926, т. III (XVI), стр. 224—225), а затем и Л. П. Гроссман (см.: *Гроссман, Жизнь и труды,* стр. 142, 183).

Подтверждением того, что «План для рассказа (в «Зарю»)» к середине марта 1869 г. был письменно зафиксирован, служит признание Достоевского в письме от 18 (30) марта 1869 г. о том, что «много уже и *записано* (хотя еще ничего не написано)». Что касается «Вечного мужа», то в августовских письмах 1869 г. к А. Н. Майкову и С. А. Ивановой Достоевский сообщал, что повесть для «Зари» он писать не начинал (см. стр. 471).

В приведенном выше письме к Страхову Достоевский вспоминал, что замысел рассказа явился как бы «в ответ» на отзыв А. А. Григорьева о «Записках из подполья». Но, как писатель тут же подчеркивал, он задумал произведение, сильно отличающееся от «Записок» по форме. С этими словами перекликается характеристика в плане племянника умершей Барыни — центрального героя рассказа: «Вообще это тип. Главная черта — мизантроп, но с подпольем. Это сущность, но главная черта: потребность довериться, выглядывающая из страшной мизантропии и из-за враждебной оскорбительной недоверчивости». Изображение ухода героя в «подполье», мучающего его сознания одиночества и одновременно тяготения его к людям, борьбы в его душе взаимоисключающих чувств — все эти мотивы определились в «Записках из подполья». Но теперь Достоевский стремится вставить характер героя в рамки «краткого» рассказа, «вроде пушкинского», дать его в действии, «без объяснений», тон повествования выдержать «откровенный и простодушный», вероятно, по образцу пушкинских же «Повестей Белкина». Возможно, что «пушкинские» ассоциации, которые вызывал у Достоевского задуманный рассказ, в какой-то мере поддерживались образом героини, положение которой как «воспитанницы» «богатой барыни» сближало ее с Лизой из «Пиковой дамы».

Ряд образов и ситуаций данного плана (герой — Племянник, о котором до конца не известно, кто он — «милый тип à la O-ff или убийца серьезный из подполья»; доверительные взаимоотношения его с Воспитанницей;

положение его между Воспитанницей и Княжной; любовная история с хроменькой девочкой, которая «из злобы сама себя довела до смерти», а он, «может быть, застрелился»; наконец, переходящие из одного замысла этого времени в другой мотивы пощечины без ответа и дуэли без выстрела) получили в дальнейшем оригинальное претворение в других, позднейших набросках, печатаемых в данном томе, а также в подготовительных материалах к роману «Бесы» («Зависть» и др.) и в самом этом романе.

Стр. 116. *Дуров,* Сергей Федорович (1816—1869), поэт, петрашевец. Вместе с Достоевским отбывал каторгу в омской крепости. Последние годы жил в семье своего друга (также бывшего петрашевца), романиста и драматурга А. И. Пальма. О неприязненных отношениях между Достоевским и Дуровым, которыми обусловлена ироническая характеристика его в плане рассказа в «Зарю» как «приживальщика» и «эстетика», см.: наст. изд., т. IV, стр. 287

Стр. 118 *...милый тип à la O-ff...* — Имеется в виду, очевидно, Н. П. Огарев, с которым писатель сблизился в Женеве в 1867—1868 гг. (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания,* стр. 167).

⟨N3. ПОСЛЕ БИБЛИИ ЗАРЕЗАЛ⟩

(Стр. 119)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста.

Черновой автограф хранится в *ЦГАЛИ,* ф. 212.1.6, с. 58; см.: *Описание,* стр. 124.

Впервые напечатано: *Гроссман, Жизнь и труды,* стр. 344.

В собрание сочинений включается впервые.

Датируется предположительно сентябрем—октябрем 1869 г., периодом самой интенсивной работы Достоевского над повестью «Вечный муж», среди подготовительных материалов к которой и находится данный отрывок.

Мотив убийства из ревности восходит к «Идиоту», законченному в начале 1869 г., но в данном замысле главный персонаж («муж») варьирует тот характер, который в «Вечном муже» воплощен в Трусоцком.

Появление этого замысла среди записей к «Вечному мужу», предназначенному для «Зари», объясняется тем, что Достоевский обдумывал в это время новую работу для «Русского вестника», с которым он был связан финансовыми обязательствами (см. стр. 497, 502—503).

Не осуществленный в ближайшие годы, этот замысел был реализован в повести «Кроткая» (см.: наст. изд., т. XXII).

В замысле отразились некоторые впечатления от новейшей французской романистики: в частности, эпизод «Любовник, в доме на дворе, из окна в окошко, выследил. Подслушивает свидание» напоминает гл. LXVII из романа Э. Фейдо «Фанни» (1859), где любовник, подсматривая с балкона в окно, убеждается в неверности своей любовницы.

⟨ПОИСКИ, ПОВЕСТЬ⟩

(Стр. 120)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста.

Черновой автограф хранится в *ЦГАЛИ;* ф. 212. 1. 8, с. 58; см.: *Описание*, стр. 126.

Впервые напечатано: *Коншина,* стр. 83.

В собрание сочинений включается впервые.

Датируется по автографу 9(21) ноября 1869 г.

ИЗ ПОВЕСТИ О МОЛОДОМ ЧЕЛОВЕКЕ

(Стр. 120)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста.

Черновой автограф хранится в *ЦГАЛИ,* ф. 212. 1. 8, с. 19; см.: *Описание,* стр. 125.

Впервые напечатано: *Коншина,* стр. 46.

В собрание сочинений включается впервые.

Датируется предположительно концом 1869—началом 1870 г., периодом подготовительной работы над романом «Зависть» (см.: наст. изд., т. XI). Запись сделана на отдельной странице, предшествующей наброскам «Зависти», которые она напоминает по почерку; от более поздних заметок к «Бесам» — в этой же тетради — она отделена тремя чистыми страницами.

Мотив оскорбленного самолюбия, близкий реакции героя данного наброска — бедного «молодого человека» — на нравственное унижение, разрабатывался Достоевским ранее в «Преступлении и наказании» и «Идиоте», в образах Раскольникова и Ипполита; позднее он получил развитие в образе капитана Снегирева в «Братьях Карамазовых».

СМЕРТЬ ПОЭТА (ИДЕЯ)

(Стр. 120)

Печатается по черновым автографам, единственным источникам текста.

Черновые автографы хранятся: №№ 1 и 2 — *ЦГАЛИ,* ф. 212. 1. 6, с. 103—104; № 3 — *ГБЛ,* ф. 93. I. 1. 4, с. 59; см.: *Описание,* стр. 125.

Впервые напечатано: №№ 1 и 2 — *Коншина,* стр. 387—389; № 3 — там же, стр. 149—150.

В собрание сочинений включается впервые.

Датируется временем с 9 сентября н. ст. 1869 г. (дата, проставленная автором под планом № 1) по декабрь 1869 г.—январь 1870 г.

План повести «Смерть поэта» (№ 1) записан Достоевским в той же рабочей тетради, где содержатся часть подготовительных материалов к «Идиоту», планы рассказа (о Воспитаннице) в «Зарю» и «поэмы» «Император», а также черновые записи к повести о Картузове.

Заметки, печатаемые под № 2, представляют собой ряд приписок, сделанных, по-видимому, позднее — в конце 1869—начале 1870 г., в момент, когда Достоевский, закончив и отослав в Петербург повесть «Вечный муж», вернулся к обдумыванию темы романа для «Русского вестника» (см. об этом стр. 502) и колебался между накопившимися у него различными замыслами и заготовками. Поскольку в этих записях, являющихся дальнейшейтрансформацией прежнего замысла, упоминается в качестве действующего лица С. Г. Нечаев, они вряд ли могли быть сделаны ранее того времени, когда Достоевский в Дрездене, узнав из газет о совершенном в Москве 21 ноября 1869 г. по указанию С. Г. Нечаева убийстве студента Петровской академии И. И. Иванова (оказавшего Нечаеву неповиновение), заинтересовался личностью Нечаева. Психологический анализ этого убийства писатель вскоре положил в основу романа «Бесы»; в комментарии к последнему (наст. изд., т. XII) см. характеристику Нечаева и анализ истории знакомства Достоевского с различными материалами о нем. Убийство Иванова было обнаружено 26 ноября 1869 г. («Голос», 1873, № 13, 13 января, стр. 3). Но заметки Достоевского скорее всего относятся не к декабрю 1869 г., а к январю 1870 г.: упоминаемый в них Кулишов, фигурирующий в планах «Жития великого грешника» сначала под именем Куликова, во второй половине января в заметках «Мысль» превращается в Кулишова (см. стр. 127—132, 135, а также стр. 500—503).

В диалоге, печатаемом под № 3 и предположительно отнесенном к «Смерти поэта», обыгрывается фамилия «Дырочкин», которой завершается план № 2. Таким образом, диалог этот либо написан до плана № 2 и Достоевский позднее предполагал связать его с замыслом «Смерть поэта», либо представляет собой дальнейшее развитие последнего пункта названного плана.

Вернувшись в декабре 1869—январе 1870 г. к «Смерти поэта», автор попытался в это время видоизменить и конкретизировать первоначальный план повести, записанный в сентябре предыдущего года. Но уже вскоре, в начале февраля, у него возникает новый план. Поэт, который ранее был задуман как главный герой особой, самостоятельной повести, теперь становится действующим лицом одного из эпизодов («блестящей главы») ⟨Романа о Князе и Ростовщике⟩ (см. стр. 124) — вторичного ответвления «Жития великого грешника». В свою очередь из этого плана в процессе дальнейшего обдумывания рождается один из первоначальных планов «Бесов» (озаглавленный «Зависть»). После февраля 1870 г. Достоевский, занятый работой над «Бесами», к плану «Смерти поэта», по-видимому, уже не возвращался, по крайней мере, в дошедших до нас его рабочих тетрадях не сохранилось позднейших записей, которые можно было бы сколько-нибудь уверенно связать с разработкой этого сюжета.

Как видно из планов «Смерти поэта», первоначальный замысел повести возник в тесной связи с вынашивавшимися Достоевским в 1869—1870 гг. планами романа «Атеизм» (см. о них ниже, стр. 500—503). На первом этапе (ему соответствует план № 1) сердцевиной повести и должен был стать спор между Атеистом, Попиком — горячим ревнителем православия, по чистоте сердца и темпераменту родственным Аввакуму, Раскольником и Поэтом — «язычником», обоготворяющим природу, «о свободе и о свободном человеке». Лишь охарактеризовав это основное философско-идеологическое зерно повести и очертив характеры четырех участников спора, автор начинает размышлять о сюжете: «*Подсочинить повесть* ⟨...⟩ в углах совершилась кража, или преступление, или что-нибудь...» Как место действия обозначены «углы», герой — бедняк-энтузиаст, умирающий в 26 лет и оставляющий после себя без средств двух детей и беременную жену; это вызывает у писателя ассоциации с «Бедными людьми» — с судьбой Покровского, Горшкова, Девушкина.

В плане № 2 автор приступает к «сочинению» «повести», т. е. разработке фабулы. Вводится новый персонаж, от лица которого, по-видимому, романист теперь хочет вести повествование — возвратившийся в Россию из-за границы после 6 лет отсутствия Господин. Племянник приводит его в углы; к содержателю их у приезжего есть поручение от Нечаева (или от кого-то из эмигрантов, связанных с Нечаевым). Здесь же живут Поэт с женой, любящей Племянника и преследуемой хозяином углов, а также Попик и Доктор-нигилист. Раскольник исчезает, зато автором намечены новые, по-видимому, гротескно-комические персонажи — пан Пшепярдовский, Б-нов (под последним мог иметься в виду петербургский книгопродавец и владелец типографии А. Ф. Базунов, с которым Достоевский поддерживал деловые связи с начала 1860-х годов) и Дырочкин. Перед всеми этими лицами «надорвавшийся» Поэт должен произнести вслух «последнюю исповедь» и застрелиться (как пытался поступить после чтения своей исповеди Ипполит в «Идиоте»). После самоубийства Поэта в углы врывается полиция. Фамилия «Никчорыдов» в наброске № 3 завершает перечисление гротескных фамилий обитателей углов, которое начато в плане № 2. Отрывки сатирического диалога между Дырочкиным и его собеседником стилистически близки к позднейшим аналогичным по характеру записям в подготовительных материалах к «Дневнику писателя» за 1876 г. (см.: наст. изд., т. XXIII).

В последующих заметках Поэт, Ростовщик и Князь стали персонажами одного большого произведения (см. стр. 122—125). Теперь жена Поэта — подруга невесты Князя. Последняя, оказавшись в одном из эпизодов в углах, куда пришла навестить прежнюю подругу, становится свидетельницей «прощания Поэта с жизнию», его предсмертного отречения от веры («не верю») и смерти.

Персонаж, обозначенный в планах «Смерти поэта» как Попик, фигурирует позднее в подготовительных материалах к «Бесам» (см. наст. изд., т. XI, и примеч. — т. XII).

Стр. 120. ...*о свободе и о свободном человеке (NB по апостолу Павлу)*... Имеются в виду следующие слова из новозаветного «Первого послания к коринфянам» апостола Павла: «...раб, призванный в господе, есть свободный господа; равно и призванный свободным, есть раб Христов» (гл. 7. ст. 22). В подготовительных материалах к «Бесам» Достоевский несколько раз обращается к тем же словам из послания Павла, выражая их смысл в формуле «Будь и раб яко свободный» (см.: наст. изд., т. XI).

Стр. 120. «Götter Griechenlands» («Боги Греции», 1788) — философское стихотворение Ф. Шиллера, переведенное М. М. Достоевским («Светоч», 1861, № 1).

⟨РОМАН О КНЯЗЕ И РОСТОВЩИКЕ⟩

(Стр. 122)

Печатается по черновому автографу, единственному источнику текста.

Черновой автограф хранится в *ЦГАЛИ;* ф. 212. 1. 8, с. 1, 2, 5, 7, 8; см.: *Описание,* стр. 125.

Впервые напечатано: *Коншина,* стр. 37—42 (с неправильным отнесением к замыслу романа «Атеизм» и датировкой февралем 1869 г.).

В собрание сочинений включается впервые.

Датируется концом 1869—февралем 1870 г. на основании авторской даты и по связи с набросками повести «Смерть поэта», а также планами «Жития великого грешника» и «Зависти» — одного из первоначальных набросков к «Бесам» (см. стр. 499).

Три фрагмента, условно объединенные под названием ⟨Роман о Князе и Ростовщике⟩, представляют собой промежуточное звено между планом «Жития великого грешника» и замыслом романа «Бесы» (вторая половина января—февраль 1870 г.). Начав 8(20) декабря 1869 г. разрабатывать план «Жития великого грешника», Достоевский продолжал заниматься им в январе—феврале 1870 г. Но работа эта, как постепенно убеждался автор, затягивалась; между тем Достоевского мучила мысль о взятом им на себя обязательстве доставить в начале 1870 г. в «Русский вестник» начало романа, тем более что часть денег была взята вперед (см. об этом на стр. 502—503). В результате у Достоевского возникла мысль, прежде чем ему удастся приступить к писанию задуманного романа о детстве героя-атеиста («Великого грешника»), попробовать написать роман из жизни того же или психологически близкого героя, взятого на одной из более поздних стадий его жизненного пути. Отражением этого замысла являются заметки «Мысль» (№ 1) и «Последняя попытка мысли» (№ 3). К ним по содержанию тесно примыкает ряд записей (№ 2) в той же тетради, заключительная часть которых подготавливает видоизменение замысла, зафиксированного во фрагменте № 1, и связывает его с планом № 3.

В заметке «Мысль» содержится первый вариант сюжетной коллизии будущего романа. Герой его — Атеист, как и в задумывавшемся в 1868—1869 гг. «Атеизме» и продолжающем его «Житии великого грешника». Но он сразу же является перед читателем взрослым: «предварительная» его жизнь отнесена в экспозицию, кратко излагаемую на первых страницах. У Атеиста «молоденькая» и «невинная» жена. Сюда же из планов «Жития великого грешника» перенесена Хроменькая, получившая теперь имя Хромоножки (прообраз будущей Марьи Тимофеевны Лебядкиной в «Бесах» и в то же время девочки Матреши из «Исповеди Ставрогина»). Влюбленная в Князя Хромоножка, изнасилованная и брошенная им (ср. близкие мотивы в плане рассказа о Вос-

питаннице — стр. 115—119), становится жертвой беглого каторжника Кулишова (упоминается в планах «Жития великого грешника»; он же — прообраз Федьки-каторжного в «Бесах»; ср. упоминания этой фамилии в набросках «Смерть поэта» — стр. 121). Постепенно формируется сложный психологический портрет, кое в чем напоминающий, с одной стороны, будущего Ставрогина («думал спастись от отчаяния женитьбой», «не было страсти», «Так жить нельзя, но куда пойти?» и т. д.), а с другой — героя «Жития» (мечты о «самосовершенствовании», испытание себя «подвигами святых»). В плане и приписках к нему фигурирует и Князь, пока еще только как лицо, запутанное в темные махинации и связанное с каторжником-убийцей Кулишовым.

Заметки, печатаемые под № 2, сделаны не в один, а в несколько приемов и относятся, как верно отметила Е. Н. Коншина, одновременно к ряду замыслов, обдумывавшихся Достоевским параллельно в конце 1869—начале 1870 г. (см.: *Коншина*, стр. 396—397). Но большая их часть продолжает план романа, зафиксированный в наброске № 1.

Заметки открываются фразой «Переменить роман мальчика...» Слова эти, по-видимому, связаны с обдумыванием плана «Жития великого грешника». Но вслед за этим автор сразу же возвращается мысленно к занимающему его новому замыслу. Теперь его герой — Князь. Намечается и второй главный персонаж — Ростовщик — образ, возникающий в более раннем наброске 1869 г. (см. стр. 115) и получающий дальнейшее развитие в «Подростке» (1874—1875) и «Кроткой» (1876). Ростовщик (как и «мальчик» в упомянутой выше первой записи) — «побочный сын». От него зависят Князь — его бывший товарищ по университету — и Невеста, «усталая,тоскующая ⟨...⟩ страдалица», жаждущая «живой жизни». Тут же у автора возникает, по-видимому, новая мысль — объединить замысел ⟨Романа о Князе и Ростовщике⟩ с другими своими замыслами — повестью о Картузове (см.: наст. изд., т. XI) и «Смертью поэта» (см. выше, стр. 120—122). В пользу первого предположения говорит заметка «Пересочинить Картузова, графа выгнали (скандальная дуэль)» и последующее, вторичное, упоминание имени Картузова.[1] В дальнейшем повесть о Картузове (трансформировавшемся в капитана Лебядкина) стала эпизодом «Бесов». Что же касается намерения автора объединить сюжетные коллизии ⟨Романа о Князе и Ростовщике⟩ со «Смертью поэта», то оно не вызывает сомнений (см. намеченную в плане «блестящую главу»). Для философского монолога Поэта (а может быть, и Ростовщика) заготовляется «ключевая» фраза, предполагаемый лейтмотив: «Я признаю существование матерьи, но я совершенно не знаю, материальна ли матерья?» Намечается развязка, предвосхищающая «Братьев Карамазовых»: второй герой — не Ростовщик, а сын Ростовщика, в дальнейшем обвиненный в отцеубийстве. Затем эта мысль видоизменяется: «убит не Отец, а Жена»; «суд за Жену спасает его, и он идет на страдание, в Сибирь, с радостию» (N3. «Даже знал, что другой виноват, а не он»). Здесь в какой-то мере предвосхищено также психологическое состояние Мити Карамазова после обвинения в убийстве отца. Ростовщика в Сибирь сопровождает Невеста, увлеченная его отказом от атеизма, жаждой веры и желанием очиститься страданием и искупить свой грех. Попутно в набросках возникает еще один мотив, отдаленно напоминающий сцены в Мокром в «Братьях Карамазовых»: «После объяснений с Невестой и после искренней и глубокой мысли идет на ночь к Максиму Иванову — оргия и убийство». Упоминаемый здесь Максим Иванов — глава шайки убийц, содержатель притона в Москве, убивший 8 ноября 1869 г. вместе со своими сообщниками чиновника фон Зона (об этом убийстве упоминается также в «Подростке» и «Братьях Карамазовых»; в последнем романе имя фон Зона получило в устах Федора Павловича Карамазова нарицательное значение). Убийство фон Зона широко обсуждалось русскими газетами в конце 1869—начале 1870 г.

---

[1] Граф — персонаж повести о Картузове, соперник главного героя. Мотив «скандальной дуэли» («дуэли без выстрела») перенесен в наброски к «Бесам», а затем получил видоизмененное отражение в эпизоде дуэли Ставрогина с Гагановым («Бесы», ч. II, гл. III, § 2, «Поединок»).

Последнее лицо, возникающее в конце заметок, — Учитель (характеристика его подготовлена рядом более ранних замыслов, вошедших в данный том) — отдаленный прообраз Шатова в «Бесах». Под тем же наименованием «Учитель» лицо это переходит в набросок «Зависть», а затем в позднейшие заметки к «Бесам», где оно приобретает сперва имя Голубева, а затем Шатова (см. об этом: наст. изд., т. XI).

Упоминание имени Максима Иванова, как и введение материала «Смерти поэта», подтверждает дополнительно, что ⟨Роман о Князе и Ростовщике⟩ обдумывался не ранее конца 1869 г.

Заметка, озаглавленная автором «Последняя попытка мысли» (№ 3), является наиболее поздней по времени из трех, относящихся к ⟨Роману о Князе и Ростовщике⟩, хотя отдельные записи в них могли делаться параллельно: здесь Ростовщик — товарищ Князя по университету (как и было намечено во фрагменте, печатаемом под № 2). Заметка датирована «2 февраля/21 генваря». Эта дата относится к 1870 г., что подтверждается расположенной над ней на той же странице автографа записью дрезденского адреса: «Badergasse, 19» (зиму 1868—1869 гг. Достоевский провел во Флоренции).

В новом плане романа те же три, что и в записях, напечатанных под № 2, главных персонажа — Князь, Ростовщик и Красавица. Рядом с ними появляется четвертый — Воспитанница («брюхатая Невеста»), ждущая ребенка от Князя (образ, расщепившийся в дальнейшем на Дарью и Марию Шатовых в «Бесах»; ср. более ранний план рассказа для журнала «Заря» на стр. 115—119). Характер Ростовщика психологически углублен: он — «страстный ростовщик и сребролюбец», но в душе лелеет мысль об «упорном труде для самовоспитания» — труде, в результате которого «полюбишь природу и найдешь бога». Его характер и поступки противоречивы: «Пост — и вдруг у Максима Иванова» (т. е. в публичном доме). Заинтригованная загадочностью поведения Ростовщика, Красавица следит за ним; при этом она узнает, «что он делает добрые дела втайне», но он же «выпихнул Отца» из вагона (или это «ей померещилось»). Изложение оборвано: дальнейший план развития действия остается неясным, как и развязка романа, мыслившаяся автором на данной стадии формирования замысла.

Основные действующие лица планов №№ 2 и 3 — Князь, Красавица, Воспитанница, Учитель — были в январе-феврале 1870 г. перенесены Достоевским в разрабатывавшийся параллельно план «Зависть», непосредственно предваряющий замысел «Бесов». Из персонажей, намеченных ранее, сюда не был введен лишь Ростовщик — образ, получивший художественную реализацию не в «Бесах», но в «Подростке» и «Кроткой». В том же плане «Зависть», а затем в «Бесах» была осуществлена и мысль о сюжетном объединении мотивов ⟨Романа о Князе и Ростовщике⟩ и повести о Картузове, отраженная в заметках № 2, образ же умирающего Поэта, намеченный первоначально в планах повести «Смерть поэта» и затем вошедший в ⟨Роман о Князе и Ростовщике⟩, слился в процессе работы над «Бесами» с образом Грановского, сыграв определенную роль в подготовке глав, посвященных последним дням жизни Степана Трофимовича Верховенского.

ЖИТИЕ ВЕЛИКОГО ГРЕШНИКА

(Стр. 125)

Печатается по черновым автографам, единственным источникам текста.

Черновые автографы хранятся: № 1 — *ЦГАЛИ*, ф. 212. 1. 7, с. 131; № 2 — там же, ф. 212. 1. 8, с. 3; №№ 3—5 — *ГБЛ*, ф. 93. I. 1. 4, с. 6—9, 11—20, 22—23, 70—71 (в трех рабочих тетрадях, содержащих также черновые записи к «Идиоту», «Вечному мужу», «Бесам»); см.: *Описание*, стр. 30, 124, 126—127.

Впервые напечатано: № 1 — *Описание*, стр. 124; № 2 — *Коншина*, стр. 39; №№ 3—5 — *Творчество Достоевского, 1921*, стр. 7—11 (с пропусками,

Л. П. Гроссманом); Документы по истории литературы и общественности. Вып. 1. Ф. М. Достоевский. Изд. Центрархива РСФСР, М., 1922, стр. 63—77 (более полно, Н. Л. Бродским); *Коншина,* стр. 96—108, 160—161 (полностью).

В собрание сочинений включается впервые.

Датируется периодом с 19(31) июля 1869 г. по 3(15) мая 1870 г. на основании имеющихся в рукописи авторских дат.

1

Еще не успев завершить работу над четвертой частью «Идиота», 11(23) декабря 1868 г. Достоевский писал из Флоренции поэту А. Н. Майкову: «Здесь же у меня на уме теперь: 1) огромный роман, название ему „Атеизм" (ради бога, между нами), но прежде чем приняться за который мне нужно прочесть чуть не целую библиотеку атеистов, католиков и православных. Он поспеет, даже при полном обеспечении в работе, не раньше как через два года. Лицо есть: русский человек нашего общества, и *в летах,* не очень образованный, но и не необразованный, не без чинов, — *вдруг*, уже в летах, теряет веру в бога. Всю жизнь он занимался одной только службой, из колеи не выходил и до 45 лет ничем не отличался. (Разгадка психологическая: глубокое чувство, человек и русский народ.) Потеря веры в бога действует на него колоссально. (Собственно — действие в романе, обстановка — очень большие.) Он шныряет по новым поколениям, по атеистам, по славянам и европейцам, по русским изуверам и пустынножителям, по священникам; сильно, между прочим, попадается на крючок иезуиту, пропагатору, поляку; спускается от него в глубину хлыстовщины — и под конец обретает и Христа и русскую землю, русского Христа и русского бога. (Ради бога, не говорите никому; а для меня так: написать этот последний роман, да хоть бы и умереть — весь выскажусь...)».

Сообщая Майкову о новом своем «огромном» замысле, писатель тут же оговаривался, что приступить к осуществлению его сможет лишь после того, как освободится от долгов и будет иметь хотя бы необходимые средства для жизни. «„Атеизм" на продажу не потащу (а о католицизме и об иезуите у меня есть что сказать сравнительно с православием)», — замечал он. До того как углубиться в работу над «Атеизмом», Достоевский считал нужным осуществить отдельное издание «Идиота» и написать «большую повесть», «идея» которой, как он писал Майкову, была у него готова (Достоевский мог иметь в виду роман «Брак» — см.: наст. изд., т. V, стр. 319, 404, или, что более вероятно, один из замыслов, отраженных в его заметках, которые напечатаны выше, на стр. 122—125). Лишь подготовив таким образом на время необходимые условия для спокойного, сосредоточенного труда, Достоевский рассчитывал взяться за писание «Атеизма».

К изложению того же проекта — и в связи с этим к теме финансовых затруднений — Достоевский вернулся в письме к С. А. Ивановой из Флоренции от 25 января (6 февраля) 1869 г., через неделю после окончания и отсылки в Россию последних двух глав «Идиота»: «Теперь у меня в голове мысль огромного романа, который во всяком случае, даже и при *неудаче* моей, должен иметь эффект, — собственно по своей теме. Тема — *Атеизм.* (Это не обличение современных убеждений, это другое и — поэма настоящая.) Это *поневоле* должно завлечь читателя. Требует большого изучения предварительно. Два-три лица ужасно хорошо сложились у меня в голове, между прочим, католического энтузиаста-священника (вроде St François Xavier)». [1]

Но — указывает здесь же Достоевский — мысль его могла быть осуществлена только после возвращения в Россию, так как для этого были нужны

---

[1] Имеется в виду миссионер, ревностный проповедник католицизма на Дальнем Востоке, один из сотрудников основателя ордена иезуитов Игнатия Лойолы Франциск Ксаверий (1506—1552), канонизированный католической церковью.

свежие впечатления русской жизни. Между тем долги и запутанные денежные обстоятельства приковывали писателя к заграничному существованию и заставляли искать другой, срочной, работы: «Но написать его ⟨«Атеизм», — *Ред.*⟩ здесь нет возможности. Вот это я продам 2-м изданием и выручу много; но когда? Через 2 года. (Впрочем, не передавайте тему никому.) Придется писать другое покамест, чтоб существовать. Всё это скверно. Надо, чтоб обернулись обстоятельства иначе. А как они обернутся?» Излагая другие свои литературные идеи (проекты журнала типа будущего «Дневника писателя», ежегодной «настольной книги» для чтения и т. д.), Достоевский в заключение писал: «Но все-таки главная из них — мой будущий большой роман. Если я не напишу его, то он меня замучает. Но здесь писать невозможно. А возвратиться, не уплатив по крайней мере 4000 и не имея 3000 для себя на первый год (итого 7000), невозможно».

Писатель вернулся к характеристике «Атеизма» еще раз в письме к С. А. Ивановой от 8(20) марта 1869 г. [1] Декларируя здесь, что его цель «не в достижении славы и денег, а в достижении выполнения синтеза моей художественной и поэтической идеи, т. е. в желании высказаться в чем-нибудь по возможности вполне, прежде чем умру», Достоевский писал: «Ну вот я и задумал теперь одну мысль, в форме романа. Роман этот называется „Атеизм“; мне кажется, я весь выскажусь в нем. И представьте же, друг мой: писать его здесь я не могу; для этого мне нужно быть в России непременно, видеть, слышать и в русской жизни участвовать непосредственно; надо, наконец, писать его два года. Здесь же я этого не могу и потому должен писать другое». В последний раз об «Атеизме» из дошедших до нас писем говорится в письме Достоевского к А. Н. Майкову из Флоренции от 15 (27) мая 1869 г.: «Писал я Вам или нет о том, что у меня есть одна литературная мысль (роман, *притча об атеизме*), пред которой вся моя прежняя литературная карьера — была только дрянь и введение и которой я всю мою жизнь будущую посвящаю? Ну так мне ведь нельзя писать ее здесь; никак; непременно надо быть в России. Без России не напишешь».

Около 5 августа н. ст. 1869 г. Достоевский с женой выехали из Флоренции в Прагу. Невыносимая жара, стоявшая в это время во Флоренции, на которую писатель жаловался в письмах к Н. Н. Страхову от 14(26) августа и к С. А. Ивановой от 29 августа (10 сентября) 1869 г., и хлопоты, связанные с беременностью жены, мешали Достоевскому в это время приняться за новую литературную работу. Однако заметка, публикуемая на стр. 125 под № 1, свидетельствует, что еще до отъезда из Флоренции замысел, изложенный в цитированных письмах Достоевского, претерпел известную метаморфозу.

Названная заметка находится в тетради Достоевского с записями к «Идиоту» и датирована «31 июля. Флоренция». Ввиду нахождения ее среди подготовительных материалов к «Идиоту» в *Описании* (стр. 124) она датирована, как и вся эта тетрадь, 1868 г. Но в июле 1868 г. Достоевский жил в Швейцарии, в Веве, а не во Флоренции. 31 же июля ст. ст. 1869 г. (т. е. 12 августа н. ст.) он находился уже в Дрездене. Таким образом, интересующая нас запись могла быть сделана лишь 19(31) июля 1869 г. Возможно, что другие рабочие тетради, которыми писатель пользовался в 1869 г., к этому времени были, в связи с подготовкой к переезду из Флоренции, упакованы, и это заставило его воспользоваться для работы более ранней тетрадью.

Содержание записи № 1 («Детство. Дети и отцы, интрига, заговоры детей, поступление в пансион и проч.») дает основание полагать, что к июлю 1869 г. у Достоевского возникла мысль осуществить замысел, изложенный им зимой 1868 и весной 1869 г. в письмах к А. Н. Майкову и С. А. Ивановой под названием «Атеизм», не в одном романе, а в цикле из нескольких романов или по-

---

[1] Несколько раньше, в письме к Н. Н. Страхову от 26 февраля (10 марта) 1869 г., Достоевский упоминал, что у него есть «три идеи», в том числе «большой роман», который он собирается предложить редакции «Русского вестника».

вестей. Планом первого из них, который писатель на этой стадии обозначил для себя как «Детство»,[1] и является, по-видимому, заметка № 1.

Причины и существо тех изменений, которые планы Достоевского претерпели к лету 1869 г., помогает понять письмо к Н. Н. Страхову от 18(30) марта. Писатель сообщает здесь, что, поскольку он не получил денег от редакции «Зари», с которой при посредстве Страхова вел переговоры, ему «теперь» выгоднее «сесть, и сесть как можно скорее, за роман на будущий год в „Русский вестник" ...» Так как замысла романа «Бесы», который в конце концов и был отдан Достоевским М. Н. Каткову, еще не существовало, приходится предположить, что роман о детстве героя-«атеиста», выделившийся из прежнего, более обширного замысла и являвшийся в это время, в глазах автора, первым подступом к нему, как раз и предназначался в это время Достоевским для «Русского вестника». Это предположение подтверждают последующие письма романиста, относящиеся к осенним и зимним месяцам 1869 г., а также набросок, печатаемый под № 2 и по содержанию являющийся осложненным развитием плана № 1.

После переезда Достоевского в Дрезден название «Атеизм» исчезает из его писем. До рождения дочери 14(26) сентября 1869 г. у писателя не было времени для работы, после же этого он был вынужден заняться писанием «Вечного мужа» (см. выше, стр. 471). Лишь один раз в осенних письмах 1869 г., а именно в письме к С. А. Ивановой от 29 августа (10 сентября), Достоевский упоминает о прежнем, дорогом ему замысле («Есть у меня идея, которой я предан всецело; но я не могу, не должен приниматься за нее, потому что еще к ней не готов: не обдумал и нужны матерьялы. Надобно, стало быть, натуживаться, чтоб изобретать новые рассказы; это омерзительно. Что со мной будет теперь и как я улажу дела свои — понять не могу!»). Но характерно, что заглавия «Атеизм» в этом письме уже нет. Это дает основание полагать, что к июлю-августу 1869 г. автор уже не называл так задуманный им роман (или цикл романов).

Через три дня после рождения дочери, 17(29) сентября, Достоевский сообщил Майкову, что, всецело занятый пока повестью в «Зарю» (т. е. «Вечным мужем»), он все же «замыслил вещь в „Русский вестник", которая очень волнует меня, но боюсь усиленной работы».[2] Под задуманной «вещью» и следует понимать, по-видимому, роман о детстве героя-«атеиста», первое обращение к которому документируется записью № 1. Следующие приводимые далее упоминания о романе для «Русского вестника» в письмах относятся к декабрю.[3] Но еще раньше, 2(14) ноября 1869 г., до окончания затянувшейся работы над «Вечным мужем», Достоевский заносит в рабочую тетрадь заметку, которая публикуется выше, на стр. 125—126, под № 2. Старое название («Атеизм») на этой стадии отброшено, другого еще не появилось. Отсюда условное обозначение заметки — «Подпольная идея для „Русского вестника"».[4]

[1] По примеру Л. Н. Толстого, своеобразная полемика с которым входила, как видно из позднейших записей, в замысел нового произведения Достоевского.

[2] Что надо «начинать большую вещь в „Р⟨усский⟩ вестник"», Достоевский писал Майкову и 14(26) августа, жалуясь: «8 месяцев уже не писал ничего».

[3] В письме к С. А. Ивановой от 29 августа (10 сентября) 1869 г. читаем «В „Русский вестник", к январской книжке, непременно нужно доставить хоть начало романа ⟨...⟩ Между тем я еще ничего не начинал...»

[4] А. С. Долинин в 1928 г. в предисловии к первому тому «Писем» Достоевского высказал предположение, что под «вещью», предназначавшейся Достоевским в сентябре 1869 г. в «Русский вестник», имелись в виду «Бесы» и что «в конце 69-го года оба замысла: „Жития" и будущих „Бесов"» у автора «существуют одновременно» (см.: *Д, Письма*, т. I, стр. 18—24). Предположение это было высказано до опубликования рабочих тетрадей Достоевского с подготовительными материалами к «Бесам» (1935), опровергающими гипотезу А. С. Долинина. Тем не менее первый публикатор этих материалов и позднейшие исследователи, хотя и не без колебаний, вслед за Долининым безосновательно продолжали связывать заметку № 2 с «Бесами» (см.: *Кон-*

Обозначение это связывает замысел романа о детстве героя-«атеиста» с «Вечным мужем» и рядом других замыслов 1869 г., печатаемых в данном томе, где Достоевский возвращается к занимавшей его еще в 1860-е годы теме психологического «подполья», стремясь дать ряд новых вариаций типа озлобленного и внутренне раздвоенного героя-неудачника, мучающегося этой раздвоенностью.

О том, что в конце 1869 г. Достоевский предполагал дать в «Русский вестник» именно первую часть того обширного замысла, который в письмах конца 1868—первой половины 1869 г. именовался «Атеизм», с полной очевидностью свидетельствуют декабрьские письма. «...через три дня сажусь за роман в „Русский вестник“, — писал Достоевский А. Н. Майкову 7(19) декабря. — И не думайте, что я блины пеку: как бы не вышло скверно и гадко то, что я напишу, но мысль романа и работа его—все-таки мне-то, бедному, то есть автору, дороже всего на свете! Это не блин, а самая дорогая для меня идея и давнишняя. Разумеется, испакощу, но что же делать!» А в письме к С. А. Ивановой от 14(26) декабря 1869 г., сообщая, что, занятый работой над «Вечным мужем», не смог, как предполагал, написать и выслать редакции «Русского вестника» для январской книжки 1870 г. начало обещанного романа, и выражая надежду выполнить это обязательство к февралю, Достоевский говорил: «Я думаю, в „Русском вестнике“ рассердятся на меня за это и будут отчасти правы. Но что же мне было делать? Я не знал, что так обернется, а написанную в „Зарю“ повесть не мог переслать в „Русский вестник“; я ему назначаю нечто поважнее. Это — роман, которого первый отдел только будет напечатан в „Русском вестнике“. Весь он кончится разве через 5 лет и разобьется на три, отдельные друг от друга, повести. Этот роман — всё упование мое и вся надежда моей жизни — не в денежном одном отношении. Это главная идея моя, которая только теперь в последние два года во мне высказалась. Но чтоб писать — не надо бы спешить. Не хочу портить. Эта идея — всё, для чего я жил. Между тем, с другой стороны, чтоб писать этот роман — мне надо бы быть в России. Например, вторая половина моей первой повести происходит в монастыре. Мне надобно не только видеть (видел много), но и пожить в монастыре. Тяжело мне поэтому за границей, невозможно не вернуться».

Из цитированных писем видно, что, отказавшись от первоначального намерения отложить осуществление своей «главной» идеи (т. е. обширного романа, в более ранних письмах носившего название «Атеизм») на два года, Достоевский, вынужденный к этому изменившимися обстоятельствами (важнейшими из которых были невозможность из-за материальных затруднений вернуться весной в Россию и необходимость погасить долг в «Русский вестник»), решил теперь же приступить к написанию произведения, соответствующего «первому отделу» его замысла и посвященного детским годам героя, отдав это произведение в «Русский вестник». Так выясняется единство «Атеизма», планов, обозначенных нами №№ 1 и 2, и ряда последующих этапов развития того же замысла, получившего вскоре другое название — «Житие великого грешника».

Следующим звеном в развитии интересующей нас авторской идеи и является начало подробного плана «Жития великого грешника» (№ 3). Оно набросано в рабочей тетради Достоевского, в основной своей части занятой подготовительными материалами к роману «Бесы» и относящейся к декабрю 1869—маю 1870 г. Большинство записей в ней датировано автором. Первая из них — от 8(20) декабря 1869 г. — сразу дает новое название «Житие великого грешника». Последующие заметки датированы 1, 2 и 12(24) января 1870 г. К ним примыкает ряд дальнейших записей, первая из которых имеет авторскую дату 27 января. Указания на то, какому стилю, старому или новому, соответствуют даты 1, 2 и 27 января, в автографе отсутствуют. Но,

---

шина, стр. 398, где высказано, однако, справедливое сомнение по этому поводу и верно указано на связь заметки с «Житием»; ср.: *Описание*, стр. 30). В действительности, замысел «Бесов» сложился в феврале 1870 г. (см. об этом: наст. изд., т. XII).

по-видимому, они проставлены по новому стилю и их следует соответственно интерпретировать как 20 декабря (1 января), 21 декабря (2 января) 1869 г. и 15 (27) января 1870 г.

На стр. 14 автографа есть запись с перечнем дат: «27 января, 10 февраля; 15 ⟨февраля⟩, 22 февр⟨аля⟩, 22 февраля начать высылать». По-видимому, она отражает очень недолгую уверенность Достоевского в том, что работа над «Житием» пойдет быстро и уже 10(22) февраля он сможет отправить какую-то часть рукописи в редакцию «Русского вестника».

Несмотря на очевидную преемственность между замыслом «Атеизма», изложенным Достоевским в цитированных письмах к А. Н. Майкову от 11(23) декабря 1868 г. и к С. А. Ивановой от 25 января (6 февраля) 1869 г., и планом «Жития великого грешника», сложившимся к январю 1870 г., между ними есть и существенное различие. Перед нами не один, а, скорее, два замысла, связанные друг с другом, но в то же время и во многом несходные.

Как уже говорилось выше, замысел «Атеизма» сформировался во время работы над последней частью «Идиота». И как нетрудно видеть из обоих названных писем, замысел возник как непосредственное продолжение той дискуссии о русском человеке и его метаниях, об атеизме и католицизме, которая вспыхивает в главе VII четвертой части романа.

«...католичество римское, — восклицает здесь князь в ответ на возражение одного из гостей, собравшихся у Епанчиных, — даже хуже самого атеизма, таково мое мнение! ⟨...⟩ Атеизм только проповедует нуль, а католицизм идет дальше: он искаженного Христа проповедует, им же оболганного и поруганного, Христа противоположного! Он антихриста проповедует, клянусь вам, уверяю вас! ⟨...⟩ Папа захватил землю, земной престол и взял меч; с тех пор всё так и идет, только к мечу прибавили ложь, пронырство, обман, фанатизм, суеверие, злодейство, играли самыми святыми, правдивыми, простодушными, пламенными чувствами народа, всё, всё променяли за деньги, за низкую земную власть. И это не учение антихристово?! Как же было не выйти от них атеизму?» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 450—451).

Далее Мышкин заявляет: «Вы вот дивитесь на Павлищева, вы всё приписываете его сумасшествию или доброте, но это не так! И не нас одних, а всю Европу дивит в таких случаях русская страстность наша: у нас коль в католичество перейдет, то уж непременно иезуитом станет, да еще из самых подземных; коль атеистом станет, то непременно начнет требовать искоренения веры в бога насилием, то есть, стало быть, и мечом! ⟨...⟩ Не из одного ведь тщеславия, не всё ведь от одних скверных тщеславных чувств происходят русские атеисты и русские иезуиты, а и из боли духовной, из жажды духовной, из тоски по высшему делу, по крепкому берегу, по родине, в которую веровать перестали, потому что никогда ее и не знали! Атеистом же так легко сделаться русскому человеку, легче чем всем остальным во всем мире! И наши не просто становятся атеистами, а непременно *уверуют* в атеизм, как бы в новую веру, никак и не замечая, что уверовали в нуль. Такова наша жажда! ⟨...⟩ Ведь подумать только, что у нас образованнейшие люди в хлыстовщину даже пускались...» (см. там же, стр. 452—453).

В этих словах намечена основная проблематика «Атеизма» на той первой ступени развития замысла, который отражен в письмах к Майкову и Ивановой от конца 1868—начала 1869 г. В центре их — тип охарактеризованного Мышкиным русского «атеиста», «шныряющего» по России и Европе, томимого духовным голодом и колеблющегося между неуемным отрицанием и столь же горячей жаждой веры. В качестве главного его идейного антагониста воображение автора в это время рисует образ непоколебимо твердого в своем фанатизме, готового насаждать веру огнем и мечом католического священника-иезуита, представителя того западного догматического христианства, которое, по словам Мышкина, «хуже самого атеизма» и проповедует «оболганного и поруганного» Христа (это верно отмечено Долининым — см.: *Д, Письма*, т. I, стр. 17).

Иное мы видим в планах «Жития великого грешника». Здесь уже нет «поляка» — «иезуита, пропагатора», к которому герой «попадается на крю-

чок», как нет и фанатического «энтузиаста-священника», близкого по умонастроению к основателям иезуитского ордена. Оставлено первоначальное намерение изобразить героя уже на первых страницах романа человеком «в летах» и начать рассказ о нем с момента духовного кризиса, в результате которого он «вдруг» «теряет веру в бога». Вместо этого автор решил начать повествование о Великом грешнике с детства и последовательно изобразить в цикле связанных между собой романов всю историю его духовного развития от рождения до смерти. Ее стержень — постоянно углубляющаяся, принимающая на каждом новом этапе жизни героя новые формы борьба добра и зла, веры и безверия в его душе. Различные внешние влияния, люди, с которыми сталкивается Великий грешник, снова и снова обостряют эту борьбу. В результате каждый новый фазис его жизни, по замыслу автора, приводит героя к новому «падению», но в то же время приближает и к диалектически связанному с этими «падениями» конечному духовному возрождению.

Набросав в декабре 1869—январе 1870 г. подробный план первой части, которая должна повествовать о детских годах жизни героя — до того как его за совершенные проступки отдают на воспитание в монастырь, — Достоевский прервал работу над «Житием». Вернулся к ней он лишь в мае 1870 г. (уже после длительного периода работы над «Бесами»). В это время возникли два последних наброска к «Житию». В первом из них (№ 4) очерчена жизнь Великого грешника в монастыре, куда он поступает в качестве послушника, охарактеризованы его беседы с Тихоном Задонским, сжато обрисованы образ самого Тихона и влияние его на героя. Эта часть плана не датирована, но тесная связь ее с наброском № 5, представляющим по содержанию ее прямое продолжение и датированным 3(15) мая, позволяет предположить, что она набросана в тетради незадолго до указанной даты. Последняя заметка к «Житию» (№ 5), озаглавленная «Главная мысль», намечает общие контуры последующей жизни Великого грешника «после монастыря и Тихона». В ней намечается новое лицо — Ростовщик, злой гений героя, перенесенный в планы «Жития» из планов ⟨Романа о Князе и Ростовщике⟩ (см. стр. 124—125). Под влиянием Ростовщика герой отдается «накоплению», его кумиром становится «золото». В борьбе живущих в нем противоположных побуждений он совершает «подвиг и страшные злодейства», «идет в схимники и в странники», но и теперь гордыня не оставляет его: живя внешне для других, Грешник по-прежнему испытывает «безмерную надменность к людям». В конце концов он становится филантропом, «Гасом», и «умирает, признаваясь в преступлении».

Данные рабочей тетради дополняются эпистолярными свидетельствами. 12(24) февраля Достоевский сообщает А. Н. Майкову, что «сел» за новую «богатую идею» («Бесы») и занят ее разработкой. Но начав роман «Бесы», писатель, как нам уже известно, не отказался от мысли вернуться к «Житию великого грешника». Как видно из только что упомянутого письма к А. Н. Майкову, из письма к Н. Н. Страхову от 24 марта (5 апреля), а также из написанного на следующий день нового обширного письма к Майкову, писатель первоначально полагал, что уже к осени сможет закончить роман «Бесы» и затем погрузиться в работу над «Житием», замысел которого продолжал считать важнейшим из всего, им задуманного. Предназначая роман «Бесы» (на который он надеялся, по его словам, «не с художественной, а с тенденциозной стороны») для «Русского вестника», Достоевский первую часть «Жития», которую он продолжал обдумывать, теперь хочет отдать в «Зарю»: «...я работаю одну вещь в „Русский вестник", — пишет он по этому поводу Страхову 24 марта (5 апреля) 1870 г., ⟨...⟩ кончу скоро и за роман сяду с наслаждением. Идея этого романа существует во мне уже три года, но прежде я боялся сесть за него за границей, я хотел для этого быть в России. Но за три года созрело много, весь план романа, и думаю, что за первый отдел его (т. е. тот, который назначаю в «Зарю») могу сесть и здесь, ибо действие начинается много лет назад. Не беспокойтесь о том, что я говорю о „*первом отделе*". Вся идея потребует большого размера объемом, по крайней мере такого же, как роман Толстого ⟨«Война и мир», — *Ред.*⟩. Но это будет составлять пять отдельных романов, и до того отдельных, что

некоторые из них (кроме двух средних) могут появляться даже в разных журналах, как совсем отдельные повести, или быть изданы отдельно как совершенно законченные вещи. Общее название, впрочем, будет: „Житие великого грешника", при особом названии отдела. Каждый отдел (т. е. роман) будет не более 15 листов. Для второго романа я уже должен быть в России; действие во втором романе будет происходить в монастыре, и хотя я знаю русский монастырь превосходно, но все-таки хочу быть в России⟨...⟩ из этой идеи я сделал цель всей моей будущей литературной карьеры, ибо нечего рассчитывать жить и писать далее как лет 6 или 7».

Цитированное письмо к Страхову можно рассматривать как отражение следующей по сравнению с январскими планами и наметками ступени в развитии замысла «Жития великого грешника». Письмо к А. Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г. дает наиболее подробное, целостное изложение всего замысла «Жития», как он вырисовывался перед Достоевским в это время: «... в „Зарю" я обещаю вещь хорошую и хочу сделать хорошо. Эта вещь в „Зарю" уже два года как зреет в моей голове. Эта та самая идея, об которой я Вам уже писал. Это будет мой последний роман. Объемом в „Войну и мир" и идею Вы бы похвалили — сколько я по крайней мере соображаюсь с нашими прежними разговорами с Вами. Этот роман будет состоять из пяти больших повестей (листов 15 в каждой; в 2 года план у меня весь созрел). Повести совершенно отдельны одна от другой, так что их можно даже пускать в продажу отдельно. Первую повесть я и назначаю Кашпиреву. Тут действие еще в сороковых годах. (Общее название романа есть: *Житие великого грешника*, но каждая повесть будет носить название отдельно.) Главный вопрос, который проведется во всех частях, — тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, — существование божие. Герой в продолжение жизни то атеист, то верующий, то фанатик и сектатор, то опять атеист. 2-я повесть будет происходить в монастыре. На эту 2-ю повесть я возложил все мои надежды. Может быть, скажут наконец, что не всё писал пустяки. Вам одному исповедуюсь, Аполлон Николаевич: хочу выставить во 2-й повести главной фигурой Тихона Задонского, [1] конечно под другим именем, но тоже архиерей, будет проживать в монастыре, на спокое. 13-летний мальчик, участвовавший в совершении уголовного преступления, развитый и развращенный (я этот тип знаю) ⟨...⟩ будущий герой всего романа, посажен в монастырь родителями и для обучения. Волчонок и нигилист-ребенок сходится с Тихоном (Вы ведь знаете характер и всё лицо Тихона). Тут же в монастыре посажу Чаадаева (конечно, под другим тоже именем). Почему Чаадаеву не просидеть года в монастыре?⟨...⟩ К Чаадаеву могут приехать в гости и другие, Белинский, например, Грановский, Пушкин даже. (Ведь у меня же не Чаадаев, я только в роман беру этот тип.) В монастыре есть и Павел Прусский, есть и Голубов, и инок Парфений. [2] (В этом мире я знаток и монастырь

---

[1] О епископе Тихоне Задонском и причинах, вызвавших интерес к нему Достоевского, см. ниже, стр. 511—513.

[2] Об отношении Достоевского к П. Я. Чаадаеву см.: *ЛН*, т. 77, стр. 455—460. В 1861 г. в журнале «Время» (№ 3) была напечатана статья А. А. Григорьева «Западничество в русской литературе», где критик оценивал как заслугу «безукоризненно честного мыслителя» Чаадаева «отрицание фальшивых представлений о нашей народности». В 1863 г. и сам Достоевский высказался о Чаадаеве в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (см.: наст. изд., т. V, стр. 50). В 1869—1870 гг. интерес его к Чаадаеву был возбужден вновь упоминаниями о нем в статьях Н. Н. Страхова в «Заре», которые Достоевский, как видно из его писем к Страхову этих лет, внимательно читал сразу же после их выхода. Об историке-западнике Т. Н. Грановском, обратившемся в православие раскольнике К. Е. Голубове и причинах интереса к ним Достоевского см. в подготовительных материалах к «Бесам» и комментариях к этому роману — наст. изд., тт. XI и XII. В начале 1870 г. писатель прочел биографический очерк А. В. Станкевича «Т. Н. Грановский» (М., 1869), а еще раньше — рецензию на него в «Заре» (1869, № 7); очерк Станкевича Достоевский использовал в работе над «Бе-

русский знаю с детства.) Но главное, Тихон и мальчик ⟨...⟩ Авось выведу величавую, *положительную*, святую фигуру. Это уж не Костанжогло-с и не немец (забыл фамилию) в „Обломове" ⟨...⟩ я ничего не создам, я только выставлю действительного Тихона, которого я принял в свое сердце давно с восторгом. Но я сочту, если удастся, и это для себя уже важным подвигом. Не сообщайте же никому. Но для 2-го романа, для монастыря, я должен быть в России. Ах, кабы удалось! Первая же повесть — детство героя: разумеется, не дети на сцене; роман есть. И вот, благо я могу написать это за границей, предлагаю „Заре"».

В письмах к Страхову и Майкову замысел «Жития» существенно обогащен по сравнению с более ранними наметками. Биография Великого грешника, история его душевной борьбы и исканий, которая до сих пор излагалась автором как история отдельной личности, вводятся теперь в определенную историко-культурную перспективу: действие первой части романа начинается, по новому замыслу, в 1840-х годах; в последующих же частях жизнь героя должна быть доведена до современного момента, — план, непосредственно предвосхищающий более поздний замысел «Братьев Карамазовых». Но дело не только в желании романиста попытаться исторически распределить этапы формирования личности героя во времени, связав их более или менее отчетливо с различными моментами исторической жизни русского общества. Важнее другое. До начала работы над «Бесами», т. е. до января—февраля 1870 г., замысел «Атеизма», а затем обдумывание «Жития» в определенной мере подготовляли Достоевского к работе над этим романом. После же оформления замысла «Бесов», как свидетельствует письмо к Майкову, по-видимому, начинается воздействие того нового творческого метода, который сложился у автора в работе над «Бесами», на замысел «Жития». Задумав художественно воссоздать в «Бесах» черты Т. Н. Грановского, С. Г. Нечаева и других исторических лиц в качестве обобщенных олицетворений определенных широких исторических явлений русской жизни, Достоевский теперь распространяет это новое художественное решение также на «Житие». Так рядом с фигурами вымышленных героев или лиц, имена и характеры которых родились в воображении романиста в результате творческого переосмысления реальных образов его биографии (брат Миша, Сушар, Альфонский, Чермак, Ламберт, Куликов и др. — см. об этом ниже, стр. 518—524), в замыслах «Жития» появляются исторические образы-обобщения: Чаадаев, Белинский, Грановский, Пушкин, инок Парфений, Тихон Задонский и др. Возникает идея превратить монастырь, куда действие должно перенестись во второй части эпопеи, в обобщенное, условное место действия, где должны собраться — под другими именами — несходные по своим взглядам деятели русской истории и культуры, действовавшие в разные времена и на различном поприще — литературном, университетском, религиозном и т. д., — для того чтобы помериться силами в споре по важнейшим вопросам русской жизни и человеческого бытия вообще. Идея подобного своеобразного «собора» различных русских мыслителей XVIII—XIX веков поражает своей оригинальностью даже в творчестве Достоевского, — определенные аналогии ей могут быть отысканы скорее у Данте в «Божественной комедии», а также в средне-

---

сами». Павел Прусский (1821—1885) — религиозный писатель, деятель раскола; в 1868 г. присоединился к православию и в связи с этим вернулся из Пруссии, где он стоял во главе раскольничьего монастыря, в Москву. Еще раньше Достоевский писал о Голубове и Павле Прусском А. Н. Майкову 11(23) декабря 1868 г. из Флоренции (в том самом письме, где впервые излагал ему замысел «Атеизма») в связи с прочитанной статьей о них в «Русском вестнике» (1868, № 7—8). Инок Парфений (ум. в 1868 г.) — автор книги «Сказания о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и святой земле» (изд. 2-е, М., 1856), высоко ценимой Достоевским и использованной им в работе над «Братьями Карамазовыми» (см.: *Д, Письма,* т. II, стр. 476; наст. изд., т. XVII). Уезжая в 1867 г. за границу, Достоевский, по свидетельству Страхова, взял с собой в числе других книгу Парфения (см.: *Биография,* стр. 298).

вековой литературе и живописи или на фресках мастеров эпохи Возрождения («Диспут» и «Афинская школа» Рафаэля), чем в реалистическом романе XIX в. С другой стороны, идея эта предвосхищает самые смелые опыты жанра философского романа XX в.

Достоевский сообщал Майкову, что собирается построить задуманный роман «из пяти больших повестей». Попытка реконструкции содержания каждой из них на основе письма к Майкову и планов «Жития» была предложена Л. П. Гроссманом (1. Детство; 2. Монастырь, встреча с Тихоном; 3. Молодость (атеизм, влияние ростовщика и накопление золота, кульминация греховности); 4. Кризис (схимничество, странствия, жажда смирения); 5. Духовное перерождение, признание в преступлении и смерть — см.: *Гроссман, Биография,* стр. 443). Однако реконструкция эта в отношении 3—5-й частей спорна, так как планы «Жития» и письмо к Майкову отражают не одну и ту же, но во многом различные, идеологически и сюжетно не вполне сходные стадии развития замысла.

Первоначальное намерение Достоевского, быстро закончив роман «Бесы», освободиться от него к осени 1870 г. для работы над «Житием» не осуществилось. Тем самым писание «Жития» постепенно отодвигалось в более или менее отдаленное будущее. Все больше уходя в работу над «Бесами», автор осознает, что ему не удастся в ближайшее время вернуться к «Житию», и спешит хотя бы кратко закрепить для памяти в тетради основные линии задуманной эпопеи. Записав 3 (15) мая 1870 г. последний план «Жития», формулирующий его сквозную, «главную мысль», Достоевский несколько дней спустя, 7 (19) мая 1870 г., сообщает С. А. Ивановой: «У меня, например, и задуман роман (в успех которого я верую вполне); но писать его здесь я совершенно не решаюсь и отложил». Через несколько дней, 2 (14) июля 1870 г., писатель сообщал ей же, что в этом году ему не кончить «Бесов» и он раскаивается, что взялся за этот роман. «Я бы не о том хотел писать», — замечает он тут же, имея в виду «Житие». Не представляя себе пока сколько-нибудь определенно, когда он сможет приняться за «Житие», Достоевский в течение лета и осени 1870 г., вплоть до конца декабря, все-таки не оставлял мысли о работе над ним с будущего года (см. письма к В. В. Кашпиреву от первой половины августа ст. ст. и Н. Н. Страхову от 2 (14) декабря 1870 г.). В последнем из указанных писем романист с горечью писал: «Повестей задуманных и хорошо записанных у меня есть до шести⟨...⟩ Но если б я был свободен, т. е. если б не нуждался поминутно в деньгах, то ни одну бы не написал из всех шести, а сел бы прямо за мой будущий роман. Этот будущий роман уже более трех лет как мучит меня, но я за него не сажусь, ибо хочется писать его не на срок, а так, как пишут Толстые, Тургеневы и Гончаровы. Пусть хоть одна вещь у меня свободно и не на срок напишется. Этот роман я считаю последним словом в литературной карьере моей. Писать его буду во всяком случае несколько лет. Название его: *Житие великого грешника*. Он дробится *естественно* на целый ряд повестей. И не знаю, смогу ли начать его в этом году, если даже к июлю кончу в „Р⟨усский⟩ вестник“». А в письме к А. Н. Майкову от 15 (27) декабря 1870 г. Достоевский признавался: «Оторваться от „Русского вестника“ до срока не могу. Да и, начав одно, нельзя перейти к другому». На этом упоминания о «Житии» в письмах Достоевского обрываются; этот замысел воскресает в сознании романиста в новой, преображенной форме лишь в 1874 г. при обращении к работе над «Подростком», вобравшим в себя ряд мотивов первой части «Жития».

2

«Житие великого грешника» мыслилось автором как величественная художественная композиция, состоящая из ряда драматических фресок, как своеобразная грандиозная эпопея, по значению и объему равная «Войне и миру» (см. цитированные выше письма к Н. Н. Страхову от 24 марта (5 апреля) и А. Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г.).

Сопоставление в письмах Достоевского замысла «Жития великого грешника» с «Войной и миром» нельзя признать случайным. Писатель лучше, чем

кто-нибудь из его современников, понял, что с выходом «Войны и мира» русская литература обрела новые масштабы, неизвестные ей в 1850-х годах. Правда, в указанном письме к Страхову, споря с его оценкой «Войны и мира», Достоевский настаивал: «явиться 〈...〉 с „Войной и миром“ — значит явиться после 〈...〉 *нового слова,* уже высказанного Пушкиным, и это во *всяком случае,* как бы далеко и высоко ни пошел Толстой в развитии уже сказанного в первый раз, до него, гением нового слова». И всё же эпопея Л. Н. Толстого явно побуждала Достоевского к творческому соревнованию с ним.[1] «Житием» писатель и надеялся сказать свое новое слово (см. письмо к Н. Н. Страхову от 12 (24) декабря 1868 г.: «Мне хочется поскорее своего»), одержать художественную победу над Толстым и Тургеневым, которых, несмотря на постоянную полемику с ними, он тем не менее признавал авторами «первых вещей» в тогдашней русской литературе (см. письмо к С. А. Ивановой от 8 (20) марта 1869 г.).

Исторической эпопее Толстого Достоевский в «Житии великого грешника» намеревался противопоставить эпопею внутренней борьбы и духовных исканий современного русского человека, а излюбленному толстовскому герою, молодому человеку из среды «русского родового дворянства» с «законченными формами чести и долга», — члена «случайного семейства», одного из представителей того «беспорядка» и «хаоса», в котором, по диагнозу Достоевского, пребывала жизнь огромного большинства уголков русской действительности после реформы (см. об этом заключительную главу романа «Подросток» — наст. изд., т. XIII; *ДП*, 1876, январь, гл. I, § 2).

Достоевский отдавал себе отчет в трудности поставленной задачи. Отсюда особая забота о стилистическом выражении своего нового замысла, отразившаяся в планах «Жития»: «Чтоб в каждой строчке было слышно: я знаю, что́ я пишу, и не напрасно пишу». Романист видел свою цель в том, чтобы «втиснуть» мысли «художественно и сжато», т. е. пронизать всё изложение одной «владычествующей идеей», сделав его кратким, порою даже сухим, но, при необходимости, «не скупясь на изъяснения».

Достоевский не случайно дал новому произведению на заключительном этапе обдумывания замысла название «Жития». Писатель стремился подчеркнуть этим глубоко национальный характер избранного им жанра и его основной этической проблематики, органическую связь своего замысла с определившимися в русской литературе еще со времен средневековья поэтическими традициями и моральными исканиями.

Обращению Достоевского к жанру жития, излюбленному в русской литературе XI—XVII вв., по-видимому, способствовала начавшаяся в России в 1850—1860-х годах усиленная деятельность по изданию памятников и разработке истории древнерусской литературы. В это время появляются многочисленные труды Ф. И. Буслаева, А. Н. Пыпина, Н. С. Тихонравова и других ученых, посвященные культуре, литературе, искусству Древней Руси. В 1862 г. было издано «Житие протопопа Аввакума», поразившее современников и оказавшее глубокое влияние на умы. Но и более старинная агиографическая и учительная литература Древней Руси не могла не волновать писателя,[2] которому она была близка своим этическим пафосом, высокой требовательностью к человеку, живым ощущением красоты окружающего мира, активным

---

[1] О значении эпопеи Толстого в творческой истории «Жития великого грешника» см. в кн.: Н. Н. Апостолов. Лев Толстой и его спутники. М., 1928, стр. 144—146.

[2] В 1877 г. он писал, что в «рассказах про святые места», в историях мучеников, отшельников и подвижников, знакомых русскому человеку с детства, по его твердому убеждению, «заключается для русского народа 〈...〉 нечто покаянное и очистительное»: слушая их, «даже худые, дрянные люди, барышники и притеснители, получали нередко странное и неудержимое желание идти странствовать, очиститься трудом, подвигом...» (*ДП*, 1877, июль—август, гл. III, § 3).

отношением к добру и злу.[1] В «Житии великого грешника» Достоевский воспользовался традиционной канвой «жития», в центре которого неизменно находилась столь остро занимавшая его проблема добра и зла, для того чтобы насытить его глубоко современным психологическим и философским содержанием.[2]

Возникновение нового замысла было подготовлено всем предшествующим творчеством Достоевского. Рукопись «Жития» позволяет с достаточной определенностью говорить о связи этого произведения с «Записками из Мертвого дома», «Игроком», «Преступлением и наказанием», «Идиотом».

Герой «Жития» — человек горячий и страстный, он «не прощает ничего ложного и фальшивого» в людях. Обстоятельства же, в которых протекает его детство, очень скоро доказывают ему грязь и безобразие «больших», учат презрению к ним. Он рано понял, что взрослые гораздо «глупее и ничтожнее, чем кажутся снаружи»: пьянство и «падение» старичков, гостей, учителя; несправедливое обращение с ним развратного отца, его жестокость по отношению к крестьянам; любовные дела мачехи, о которых мальчик узнает случайно и в которые как-то оказывается «ввязап». В этой обстановке у него крепнет «инстинктивное сознание превосходства, власти и силы», своей «необыкновенности», просыпается «чувство разрушения». Всё чаще он находит наслаждение в том, чтобы преступать принятые нормы морали. Краткое указание на чувства, испытываемые им при этом («Сам дивится себе, сам испытывает себя и любит опускаться в бездну»), может быть прокомментировано более подробным авторским рассуждением из «Записок из Мертвого дома»: «Точно опьянеет человек, точно в горячечном бреду. Точно, перескочив раз через заветную для него черту, он уже начинает любоваться на то, что нет для него больше ничего святого; точно подмывает его перескочить разом через всякую законность и власть и насладиться самой разнузданной и беспредельной свободой, насладиться этим замиранием сердца от ужаса, которого невозможно, чтоб он сам к себе не чувствовал» (см.: наст. изд., т. IV, стр. 88). Герой «Жития» еще мальчиком проходит через разврат, святотатство; наконец, через убийство. «Гордая и владычествующая натура» — так определяет его автор. Великий грешник «с детства» твердо верит в то, что он «человек необыкновенный», лелеет «мечты о власти и непомерной высоте над всем». Его, как и Раскольникова в «Преступлении и наказании», мучает кровь, он тоже признается в убийстве, но выдерживает дольше («молчание кончается через полтора года признанием о Куликове»); после же монастыря, куда его отдают на исправление, по замыслу автора, он совершает еще много «страшных злодейств».

«Огромный замысел владычества» после долгих колебаний приобретает конкретную форму: герой «устанавливается ⟨...⟩ па деньгах», на «накоплении богатств». Тема денег в «Житии» в значительной мере подготовлена романом «Игрок». Но в отличие от героя «Игрока» великий грешник хладнокровно обдумывает, способны ли деньги быть «точкой твердой опоры», начинает с воспитания «воли и внутренней силы» («Сила воли — главное себе поставил»), ибо понимает всю трудность задачи «вынести» деньги, «выдержать себя» в роли накопителя. Идея утверждения себя через богатство присутствует и в романе «Идиот» (Ганя Иволгин, Птицын). Но в «Житии» тема денег получает более широкую социально-психологическую разработку (см.: *Бем,* стр. 99—102). В том же аспекте она затем развивается в «Подростке» и формулируется в «Дневнике писателя»: «...человек всегда и во все времена боготворил материализм и наклонен был видеть и понимать свободу лишь в обеспечении себя ⟨...⟩ деньгами. Но никогда эти стремления не возводились так откровенно

---

[1] О максимализме требований к человеческой личности и к отношениям между людьми, привлекавшем Достоевского в житийной литературе, см.: Б. Бурсов. Национальное своеобразие русской литературы. Изд. 2-е. Л., 1967, стр. 51.

[2] Жанрово-композиционным особенностям «Жития» посвящена статья Г. Б. Пономаревой «„Житие великого грешника“ Достоевского. (Структура и жанр)» в кн.: Исследования по поэтике и стилистике. Л., 1972, стр. 66—86.

и так поучительно в высший принцип, как в нашем девятнадцатом веке» (*ДП*, 1877, март, гл. II, § 3).

Гордый, своевольный герой-разрушитель, одержимый идеей денежного могущества, «кончает воспитательным домом у себя и Гасом становится».[1] Мысль о том, чтобы привести к сознанию необходимости полюбить людей гордеца, воплощающего крайнюю степень презрения к ним, перешла в «Житие» из первоначальных набросков к «Идиоту» (см. об этом подробно в статье: А. Л. Б е м. Эволюция образа Ставрогина. (К спору об «Исповеди Ставрогина»). В кн.: Труды V съезда русских академических организаций за границей, т. I. София, 1931, стр. 177—213; перепечатано в кн.: O Dostojewském. Sborník statí a materiálů. Praha, 1972, стр. 84—130). В главном персонаже их соединялись «гордость непомерная» и «потребность любви жгучая». «До бесконечности гордый характер, всеми овладевающий, чтоб насладиться своей высотою, а их ничтожеством ⟨...⟩ вдруг увидевший исход в любви», — писал о нем романист (см. выше, стр. 171). Герой «Жития», в котором акцентированы сознание своей исключительности, гордость, «гадливость» к людям, стремление господствовать над ними,[2] тоже не всегда находится во власти разрушительных сторон своей натуры. «Многое его иногда *трогает* сердечно: сострадание к Хроменькой, «друг, смирный, добрый и чистый, перед которым он краснеет». Он «кается и мучается совестью в том, что ему так *низко* хочется быть необыкновенным». Тяжелое и некрасивое детство все-таки оставляет в нем теплые воспоминания («поэзия детских лет», «первые идеалы», «страстная вера»). Все это — залог его будущего духовного перерождения.

В «Житии» Достоевский вернулся к задаче, намеченной в «Преступлении и наказании» и прямо поставленной в первоначальных планах «Идиота», — показать, как «самоотвержение» одерживает в душе человека победу над «безумной гордостью». При этом тема любви к людям, побеждающей высокомерие и ненависть, сопрягается, скрещивается с темой религиозных сомнений. «Главный вопрос, который проведется во всех частях, — писал Достоевский А. Н. Майкову 25 марта (6 апреля) 1870 г., — тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, — существование божие». С этим связано намерение автора ввести в роман «величавую, *положительную*, святую фигуру» Тихона Задонского (см. указанное письмо к А. Н. Майкову). Писатель намеревался сделать Тихона живым и убедительным воплощением одного из двух противоборствующих начал души героя; второе, антихристианское, начало должен был символизировать «антитез Тихону» — Ростовщик, «человек ужасный», внушивший герою идею накопления. Процесс религиозно-нравственной борьбы, совершающейся в герое, Достоевский рассматривал как черту типично национальную. Об этом свидетельствует запись от 1 января 1870 г. о типе из коренника. С «Житием», таким образом, было тесно связано развитие представлений писателя о русском человеке и его характере.

Личность и сочинения Тихона Задонского (в миру Тимофея Саввича Кириллова; 1724—1783), воронежского и елецкого епископа, с 1769 г. удалившегося в Задонский монастырь, могли заинтересовать Достоевского еще в Сибири или, что более вероятно, в начале 1860-х годов,[3] когда вышло в свет пятнадцатитомное собрание его произведений, а затем несколько его жизнеописаний (например, «Жизнь святителя Христова, Тихона I, епископа воронежского и елецкого...». М., 1861; «Житие святителя Тихона, епископа воронежского...». СПб., 1862). В письме к А. Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г. Достоевский говорил: «Вы ведь знаете характер и всё лицо Тихона», «...я ничего не создам, я только выставлю действительного Тихона, которого я принял

[1] Вопрос: «Почему я не могу сделаться Гасом?» — неоднократно повторяет и Раскольников в черновиках романа (см.: наст. изд., т. VII, стр. 80). Судя по окончательному тексту, он сознает, что цель стать «благодетелем человечества» была для него второстепенной.

[2] Даже если он становится «до всех кроток и милостив» (после монастыря и общения с Тихоном), то «именно потому, что уже безмерно выше всех».

[3] См.: Р. П л е т н е в. Сердцем мудрые. (О «старцах» у Достоевского). В кн.: *О Достоевском*, вып. II, стр. 75.

в свое сердце давно с восторгом». Об устойчивости интереса писателя к Тихону свидетельствуют и его более поздние высказывания: «А кстати: многие ли знают про Тихона Задонского? Зачем это так совсем не знать и совсем дать себе слово не читать? Некогда, что ли? Поверьте, господа, что вы, к удивлению вашему, узнали бы прекрасные вещи» (*ДП*, 1876, февраль, гл. I, § 2).

Жизнеописанием Тихона подсказан выбор для второй части «Жития» ситуации: Тихон и ребенок. Тихон преподавал в новгородском духовном училище и в тверской семинарии. Став воронежским епископом, он основал ряд школ, которые нередко посещал. В Задонском монастыре, по утверждению биографов, его много раз видели окруженным детьми, которых он стремился приохотить к посещению церковных служб. Христианское воспитание детей было частой темой проповедей Тихона (см., например: Сочинения преосвященного Тихона, епископа воронежского и елецкого. Изд. 2-е. Т. III. М., 1860, стр. 157—160; т. V, стр. 157—158). Переживания ребенка, «волчонка и нигилиста» (см. письмо к А. Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г.), не случайно оказались близки и понятны ему. Во всех жизнеописаниях Тихона говорится, что он знал приступы тоски, отчаяния, сомневался в своем религиозном подвиге, боролся с природными вспыльчивостью и гордостью. В планах «Жития» получил также отражение факт, относящийся к последнему периоду жизни Тихона и отмечаемый во всех его биографиях: выйдя из себя, его противник в споре, богатый дворянин, знаток французской и английской философии, дал Тихону пощечину, тот в ответ низко поклонился и попросил прощения у своего врага (см.: Архимандрит И г н а т и й. Краткие жизнеописания русских святых. СПб., 1875, раздел «XVIII век», стр. 70). В «Житие» вошел и еще один характерный для легендарной биографии Тихона эпизод: «Тихон говорит одной барыне, что она и России изменница и детям злодейка». По преданию, Тихон очень часто не допускал к себе разрумяненных и напудренных дам, говоря: «Смертное свое тело убирают и украшают, а о доброте душ своих едва ли когда вспомнят» (см. там же, стр. 68).

Сочинения Тихона представляют собой своеобразное, интересное продолжение жанровых и поэтических традиций древнерусской литературы. Автор их не был суровым ревнителем религиозной ортодоксии. В его сочинениях ощутимо влияние религиозного вольнодумства, воздействие живой народной мысли и народной поэзии. Этим объясняется мягкость отношения Тихона к человеку, свойственное ему чувство природы и ее красоты. Все это, включая и стиль писаний Тихона, не чуждый поэтического начала, должно было привлечь к нему внимание Достоевского.

По учению Тихона, зло необходимо, неизбежно для рождения добра, истинного и неподдельного. Победи себя, призывал он, победи «смирением гордость, гнев кротостию и терпением, ненависть любовию» (см.: Сочинения преосвященного Тихона..., т. I, стр. 188). Суть дальнейших рассуждений этого церковного писателя такова: ставя перед собой задачу победить себя, человек должен быть признателен судьбе за искушения, беды и страдания; благодаря им он может познать себя и узнать зло, которое кроется в его сердце. Не легкого пути следует просить у бога, но трудного и горестного: лишь на таком пути открываются цели упорной работы над собой, которая дает ценность и смысл человеческому существованию (ср. слова Зосимы в «Братьях Карамазовых»: «Вот тебе завет: в горе счастья ищи»; «Много несчастий принесет тебе жизнь, но ими-то ты и счастлив будешь...» — см. наст. изд., т. XVI). Не только через горе и страдание, но и через преступление идут нередко люди к достижению евангельской истины. Возможность просветления и очищения в принципе открыта любому человеку, какие бы преступные деяния ни отягощали его совесть. Одну из глав своего большого произведения «Сокровище духовное, от мира собираемое» Тихон озаглавил «Преступники и радостная им весть». «Прииде сын божий грешники спасти, не такие и такие, но всякие, какие бы они ни были...», — писал он здесь (см.: Сочинения преосвященного Тихона..., т. X, стр. 36; ср. в поучениях Зосимы: «Да и греха такого нет и не может быть на всей земле, какого бы не простил господь воистину кающемуся», — наст. изд., т. XVI). Тихон не раз говорил о прощении и обращении *великого грешника,* о *житии* нераскаянном и *житии* новом ⟨курсив

наш, — *Ред.*⟩: «Никого да не смущает множество и величество грехов! Всех он, малых и великих грешников, призывает и обещает вечный душам покой...» (см.: Сочинения преосвященного Тихона..., т. VI, стр. 306) — или: «И уже прежнее твое житие скаредное и скверное не повредит тебе, как тьма вышедшему на свет. Тьма — нераскаянное житие и заблуждение; свет — покаяние и исправление. Ты, отрекшися прежнего своего жития и начении новое, как из тьмы на свет вышел...» (см. там же, т. XII, стр. 73); «...к покаянию всякого грешника малого и великого призывает, да вси покаются ⟨...⟩ На сие имеем много примеров: кто был Манассия? великий грешник; Петр отрекся трижды Христа; Давид тяжко согрешил прелюбодеянием и убийством ⟨...⟩ Не величество убо, не множество грехов погубляет грешника, но нераскаянное житие. ⟨...⟩ Сего ради никому, ни малому, ни великому грешнику не должно отчаяватися и ожесточатися...» (см. там же, т. XV, стр. 47—48).

В своих сочинениях Тихон настойчиво и многократно возвращается к мысли о победе над собой, как бы опасаясь возможности ее ложного истолкования. Тезис этот у Тихона направлен против гордости и самолюбия. Великий же грешник находит в нем опору своей мечте «быть *величайшим из людей*». Герой «Жития» стремится одолеть страсти и победить слабости, которые могут отвлечь его от главной цели—подчинить себе людей и владычествовать над ними. Он очень далек от истинного, искреннего смирения («смирения в сердце»). [1]

По мысли Тихона, напрасно считает, что победил себя, и тот, кто, отвергая чины и титулы мирские, хочет, чтобы его почитали за святость, и тот, кто, называя себя «паче всех грешником», не позволяет другим сказать о себе что-нибудь подобное: «...как серп, сляченную выю носят, но внутрь ум возносят», — пишет он (см. там же, т. VI, стр. 91). Подлинное смирение означает высшую духовную свободу. Этот пункт учения Тихона привлек внимание Достоевского своей созвучностью его идеям. «Всё о смирении и о свободной воле» — одна из тем бесед героя и Тихона, указанных в рукописи «Жития» (ср. там же, т. IX, стр. 115—120; т. XII, стр. 152—153). Интерес к теме смирения и свободы, как она разработана у Тихона, не ослабел у Достоевского и впоследствии. Это подтверждает роман «Братья Карамазовы» («Смирение любовное — страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего» — см.: наст. изд, т. XVI).

Победив себя и обретя через смирение духовную свободу, человек, по Тихону, получает способность полного, светлого, яркого восприятия природы. Человека и мир он рассматривал рожденными не для враждебного противостояния, но для радостного слияния друг с другом. Чувство единства вещей и явлений в боге (в качестве источников своего настроения Тихон указывает на псалмы царя Давида) пронизывает его вдохновенные гимны красоте природы и счастью, которое она дарует человеку. В «Житии» Достоевский находит очень точное определение («вселенская радость *живой жизни*») для обозначения этого глубоко импонировавшего ему чувства, которое уже после «Жития» в полную силу прозвучало в «Подростке» (см. там же, т. XIII) и особенно в «Братьях Карамазовых» («...всё как океан, всё течет и соприкасается, в одном месте тронешь, в другом конце мира отдается»; «Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, „соприкасаясь мирам иным“», — см. там же, т. XVI).

Среди «противоречий» влиянию старца, с которыми Великому грешнику предстоит справиться, названы идеи О. Конта («...образование (Конт. Атеизм. Товарищи). Образование мучит его, и идеи, и философия, но он овладевает тем, в чем главное дело»). Запись эту от 3 (15) мая 1870 г. дополняет и поясняет заметка в черновых материалах к «Бесам»: «Все эти философские системы и учения (позитивизм и Конт и проч.) являлись не раз (новый факт и возрожде-

---

[1] Ср. в подготовительных материалах ($ПМ_1$) к «Идиоту»: «...самовладение от гордости (а не от нравственности)» (см. выше, стр. 146), а также в главе «У Тихона»: «Всегда кончалось тем, что наипозорнейший крест становился великою славою и величайшею силою, если искренне было смирение подвига. Но есть ли, есть ли смирение подвига?» (см.: наст. изд., т. XI).

ние) и ужасно скоро, бесследно и почти неприметно ни для кого вдруг исчезали. И не потому, что их опровергали, о, нет, — просто потому, что они никого не удовлетворяли... Тогда как другие идеи (христианство и пр.) вдруг расходились по всей земле, овладевали миром, и вовсе не потому, что были доказаны, а просто потому, что всех удовлетворяли...» (см.: наст. изд., т. XI).

Имя ученика Сен-Симона, О. Конта, основоположника позитивизма, стало известно Достоевскому, вероятно, еще в 1840-х годах.[1] Его сочинения были в библиотеке петрашевцев (см.: В. И. Семевский. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы, ч. I. М., 1922, стр. 169—170); на собрании зимою 1848 г. Н. С. Кашкиным была прочитана «Речь о задачах общественных наук», учитывавшая и точку зрения Конта (см.: Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953, стр. 653—660, 792). Контом увлекался, в пору своего пребывания во Франции, Н. А. Спешнев (см.: Из воспоминаний П. П. Семенова-Тян-Шанского. В кн.: Петрашевцы в воспоминаниях современников. Сб. материалов. Сост. П. Е. Щеголев. ГИЗ, М.—Л., 1926, стр. 49). В 1857 г. Конт умер, но влияние позитивизма на Западе продолжало расти. В 1864 г. началось новое издание главного сочинения Конта — «Cours de philosophie positive», а с 1867 г. Э. Литтре (совместно с Г. Н. Вырубовым) стал выпускать обозрение «La philosophie positive». К концу 1860-х годов «положительная философия вышла из ⟨...⟩ состояния неизвестности», характерного для нее при жизни Конта, который не мог рассчитывать «более чем на пятьдесят читателей во всей образованной Европе» (*ОЗ*, 1869, № 4, стр. 365, 367). Во Франции и Англии печатались биографические материалы о Конте и исследования о позитивной философии. В России ведущие журналы писали о нем начиная с 1865 г. (см.: Э. Ватсон. Огюст Конт и позитивная философия. *С*, 1865, №№ 8, 11 и 12; Д. И. Писарев. Исторические идеи Огюста Конта. *РСл*, 1865, №№9—11; Е. Б-в. 1) Мысли Джона-Стюарта Милля о позитивной философии Огюста Конта. *ОЗ*, 1865, № 7; 2) Мысли Джона-Стюарта Милля о позитивной философии. Позднейшие умозрения Огюста Конта. Там же, 1865, № 9). В 1867 г. в Петербурге вышла книга «Огюст Конт и положительная философия. Изложение и исследование Г.-Г. Льюиса и Дж.-С. Милля. Пер. под ред. Н. Неклюдова и Н. Тиблена», и П. Л. Лавров напечатал пространную рецензию на нее («Современное обозрение», 1868, № 5). Ряд публикаций, посвященных Конту, появился и в 1869 г. (см.: Р. Конгрев. Позитивизм и современная наука. Огюст Конт и Гёксли. «Космос», 1869, № 4; Гёксли. Позитивизм и современная наука. Научная сторона позитивизма. (Ответ Конгреву). Там же, 1869, № 5; Вл. Лесевич. Позитивизм после Конта. *ОЗ*, 1869, № 4). Часть этих журнальных материалов могла быть известна Достоевскому. Они знакомили со вторым этапом деятельности философа, когда Конт писал свою «Système de politique positive», посвященную вопросам социального и политического переустройства общества. В связи с этической проблематикой «Жития великого грешника» писателя прежде всего должна была заинтересовать контовская постановка проблемы любви к человеку и деятельности во имя его счастья. В своей «*теории счастия на земле*» (см. выше, стр. 158) Конт руководствовался «мыслью об общем интересе всего человечества», «всё величие» которой он, по словам его ученика Дж.-С. Милля, «выставил так полно», как никто (см.: Огюст Конт и положительная философия, стр. 123). Он изобрел слово «альтруизм», считая недостаточным евангельский принцип «возлюби ближнего, как самого себя». Провозглашая принцип «Люблю тебя больше, чем себя, и себя люблю только ради тебя», Конт объявлял постыдной и преступной всякую заботу о себе. Успешного искоренения эгоистических инстинктов, подчинения их социальным чувствам Конт мечтал добиться путем позитивного воспитания, основанного на принципах строжайшей регламентации. «Неистощимая любовь» Конта к «дисциплине и субординации» вызвала критические замечания у

[1] О широком распространении в России второй половины 1840-х годов учения О. Конта, об отношении к нему Белинского, Герцена, В. Майкова см. в кн.: Т. Усакина. Петрашевцы и литературно-общественное движение сороковых годов XIX века. Саратов, 1965, стр 26—27, 43, 80, 92, 122.

его русских читателей. Так, Д. И. Писарев отмечал, что Конт недооценивает «неугомонную горилловскую страстность» и «неутолимую жажду личного наслаждения» — следствия той «богатой закваски эгоистической силы», которую «оставили нам» «наши косматые предки» (*РСл*, 1865, № 11, стр. 207). Конт не просто сбрасывал со счетов эгоистическое, своевольное начало в человеке, — говоря словами Достоевского, в его системе «натура» вообще не бралась «в расчет» (см.: наст. изд., т. VI, стр. 197). Французский мыслитель исходил из идеи о бесцветности, ничтожности людского большинства, которое для его же блага следует заставить жить по программе (надо, чтобы масса «не имела знаний больше, чем сколько нужно, и не рассуждала бы слишком много» — см.: *С*, 1865, № 11 и 12, стр. 335). «...Систематически, с самой колыбели, превращать человека в автомат, который будет не только поступать, но даже чувствовать и думать исключительно так, как того требуют законы и обычаи данного общества» (позитивное воспитание в действии), — до такого уровня не поднимался, замечал, полемизируя с Контом, Писарев, «ни один теоретик деспотизма в целом мире» (*РСл*, 1865, № 11, стр. 213—214). [1] Контовский способ осчастливить человечество не мог не вызвать неприятие Достоевского. Писателю могли показаться любопытными и представления Конта о так называемой духовной власти в обществе, устроенном на началах позитивизма (власти, направляющей духовное развитие, в отличие от светской, занимающейся, по Конту, производством и распределением). Конт много и дифирамбически писал об устройстве католической церкви. Он считал, что усовершенствование ее с помощью позитивных принципов даст образцовую организацию власти в будущем обществе. Пытаясь практически решить вопрос, Конт обращался к ордену иезуитов с предложением создать религиозно-политический союз для совместных действий. Эту сторону доктрины Конта Гёксли называл «католичеством без христианства», «чистым папизмом с Контом на престоле св. Петра» (см.: «Космос», 1869, № 5, стр. 78, 82—85, 105—108). В указанных взглядах Конта Достоевский мог найти подтверждение своей мысли о возможности объединения клерикалов и «обладателей» рационалистических рецептов облагодетельствования общества, в первом приближении сформулированной в «Идиоте» («Ведь и социализм — порождение католичества и католической сущности!» — см.: наст. изд., т. VIII, стр. 451). Конт не был утопическим социалистом, но был учеником Сен-Симона и сам выступал в качестве автора проекта социального переустройства общества. Именно с этой стороны он и мог заинтересовать Достоевского.

Одним из эпизодов биографии героя «Жития» должен был, судя по его планам, стать эпизод увлечения хлыстовщиной. У Достоевского были серьезные причины для того, чтобы заставить Великого грешника, в поисках подлинной веры, преодолеть соблазн именно этого учения. Писатель, вообще следивший за изданиями по истории раскола (см. об этом: наст. изд., т. VII, стр. 393—395), по-видимому, знал литературу, посвященную хлыстам и скопцам. Его интерес к ней мог зародиться еще в юношестве, в пору обучения в Инженерном училище, когда он слышал рассказы старшего писаря Игумнова об «Инженерном замке, о жительстве в нем в 20-х годах секты „людей божиих“, об их курьезных радениях...» (см.: А. И. Савельев. Воспоминания о Ф. М. Достоевском. В кн.: *Воспоминания современников*, т. I, стр. 102). В поле зрения Достоевского должна была попасть часть публиковавшихся во второй половине 1860-х годов газетных и журнальных материалов о хлыстах, которые иногда носили информационный характер (см. корреспонденции в «Голосе», 1867, 13 (25) сентября, № 253, «Русских ведомостях», 1868, 3 декабря, № 262, «Северной пчеле», 1869, 26 июля, № 34), но нередко заключали в себе и попыт-

---

[1] Ср. у Гёксли: «...общественная организация ⟨...⟩ которая, в случае своего осуществления, повела бы к такому деспотизму, каким никогда не обладал ни один султан» («Космос», 1869, № 5, стр. 77) — или у анонимного автора «Отечественных записок»: «Человечество представляется ему чем-то вроде гарнизона, заключенного в осажденной крепости, где все солдаты должны исполнять с буквальной точностью приказания, направленные к одной главной цели» (*ОЗ*, 1865, № 9, стр. 159).

ки осмыслить причины их успешной деятельности или давали обстоятельный анализ их учения (см.: В. И. Кельсиев. Святорусские двоеверы. *ОЗ*, 1867, № 10; С. В. Максимов. 1) За Кавказом. *ОЗ*, 1867, № 6; 2) Народные преступления и несчастия. Там же, 1869, № 4; П. И. Мельников. 1) Тайные секты. *РВ*, 1868, № 5; 2) Белые голуби. Там же, 1869, №№ 3, 5; Н. Барсов. Русский простонародный мистицизм. СПб., 1869; И. Добротворский. Люди божии. Русская секта так называемых духовных христиан. Казань, 1869, и рецензии на эту книгу в «Современных известиях», 1869, 19 марта, № 76, «Сыне отечества», 1869, 22 августа, № 193, «Вестнике Европы», 1869, № 8, стр. 741—758). Не прошло, вероятно, мимо Достоевского и нашумевшее «плотицынское дело». Об аресте в Моршанске в январе 1869 г. богатейшего купца М. К. Плотицына — главы тамбовских скопцов, хранителя общественного скопческого капитала — первой сообщила газета «Современные известия» (1869, 30 января, № 28), регулярно извещавшая затем читателей о ходе расследования. В феврале—апреле 1869 г. много писали о деле Плотицына также «Голос», «С.-Петербургские ведомости» и другие газеты. Официальная точка зрения на этот процесс была высказана в «Правительственном вестнике» (1869, 16 (28) марта, № 59). События в Моршанске привлекли внимание общественности к скопцам и хлыстам, отличавшимся чрезвычайной настойчивостью и размахом своей пропаганды (см., например: Н. Б. Скопцы. Образчик совращения в скопчество. (*С подлинных слов совращенного*). *БВ*, 1869, 25, 26 февраля и 2 марта, №№ 55, 56, 60). Подтверждением того, что Достоевский читал какие-то из названных статей, книг, корреспонденций, является упоминание в повести «Вечный муж» «хлыстовской богородицы», которая «в высшей степени сама верует в то, что она и в самом деле богородица» (по поводу характеристики Натальи Васильевны Трусоцкой — см. выше, стр. 27). Рассуждения о хлыстовщине в связи с осмыслением проблемы национального характера оставили след и на страницах «Идиота». Исступленная духовная жажда, страстность поисков нравственной истины приводили к тому, что «...у нас образованнейшие люди в хлыстовщину даже пускались... — говорит здесь Достоевский устами князя Мышкина. — Да и чем, впрочем, в таком случае хлыстовщина хуже, чем нигилизм, иезуитизм, атеизм? Даже, может, и поглубже еще!» (см.: наст. изд., т. VIII, стр. 453). В том же направлении работала мысль писателя и при обдумывании планов «Атеизма», а затем «Жития».[1] В последней рукописи его мысли приняли уже форму выводов: «Это просто тип из коренника, бессознательно беспокойный собственною типическою своею силою, совершенно непосредственною и не знающею, на чем основаться. Такие типы из коренника бывают часто или Стеньки Разины, или Данилы Филипповичи или доходят до всей хлыстовщины и скопчества».

Обращает на себя внимание то, что в процитированном рассуждении Достоевского (см. выше, стр. 128) подведены под общий знаменатель народ, выставляющий из гущи своей подобные типы, и представители образованных классов. Это могло быть определено знакомством писателя со сведениями о том, что хлыстовская секта в разное время числила среди своих приверженцев не только крестьян и беглых солдат. Достоевский мог знать об этом, например, из указанных выше очерков П. И. Мельникова, где говорилось о многих образованных людях, проявлявших к хлыстовству интерес и усвоивших в значительной мере его учение и обряды: Е. В. Мещерском, членах общества Татариновой (в строгом смысле не являвшегося хлыстовским кораблем), А. Н. Голицыне, В. М. Попове, А. П. Дубовицком. Особенно любопытен и подробен рассказ П. И. Мельникова о А. М. Еленском, католике, камергере Станислава Понятовского, перешедшем затем в православие и в итоге ставшем почетным членом петербургского корабля, скопцом и оскопителем. В марте 1804 г. он отправил Александру I проект об учреждении в России

[1] На факт существования «тесной органической связи секты со складом духовных сил русского простолюдина, с нашим народным характером, наконец, с историческими и бытовыми условиями русской жизни» в это время указывалось и в печати (см., например, в кн. Н. Барсова «Русский простонародный мистицизм», стр. 51).

теократического правления («божественной канцелярии») и рукопись, озаглавленную «Известие, на чем скопчество утверждается». В хлыстовском учении внимание Достоевского несомненно должны были привлечь идеи обожествления человека, абсолютной власти «Христов» и «пророков» хлыстовского корабля над рядовыми его членами. По учению хлыстов, Христом может объявить себя каждый (если он достиг высшей, по хлыстовским понятиям, ступени нравственного совершенства — так называемого таинственного воскресения). Дерзко объявляли себя богами и внушали фанатическую веру в себя хлыстовский Саваоф Данила Филиппович, «Христос» Иван Тимофеевич Суслов (при котором состояли 12 апостолов и богородица) и их последователи — Прокофий Лупкин, Андрей Селиванов, Василий Радаев. «Я сам бог», — заявляет в духе хлыстов герой «Жития» Хроменькой. Он подвергает ее кротость и терпение бесконечным испытаниям, не в силах преодолеть соблазна полной власти над душой и телом жертвы: «Тогда полюблю, когда всё сделаешь». «В отклонениях фантазии» его — «мечты бесконечные, до ниспровержения бога и постановления себя на место его». Почва для таких «отклонений» подготовлена рассказами лакея Осипа («Подружился с Осипом, о хлыстах, вместе чуть не спят»). Психологическая загадка власти двух родственных сект — хлыстовской и скопческой — над русскими умами продолжала волновать Достоевского и в «Бесах» (см. многозначительную фразу Петра Верховенского: «...здесь скопцы есть в уезде, любопытный народ...», а затем его же тираду: «Мы пустим легенду получше, чем у скопцов. Он ⟨как и скопческий Христос, который живет в стране Иркутской и явится в день страшного суда, — *Ред.*⟩ есть, но никто не видал его ⟨...⟩ И Ивана Филипповича ⟨у Достоевского явная контаминация имен двух первых из упомянутых выше сектантских богов, — *Ред.*⟩, бога Саваофа, видели, как он в колеснице на небо вознесся пред людьми, „собственными" глазами видели» — наст. изд., т. X), и в «Братьях Карамазовых» (где Федор Павлович кричит монахам: «Нет, отцы, с вами тут, пожалуй, в хлыстовщину втянешься...», а о его слуге Григории сказано: «В самое последнее время стал прислушиваться и вникать в хлыстовщину, на что по соседству оказался случай, видимо был потрясен, но переходить в новую веру не заблагорассудил» — там же, т. XVI).

Идейная насыщенность замысла «Жития великого грешника» объясняет его особое место в творчестве Достоевского. «Житие» явилось своеобразным арсеналом идей и образов для последующих трех романов писателя. Так, углубление, обогащение замысла романа «Бесы», задуманного как тенденциозное, памфлетное произведение, было определено тем, что некоторые черты Великого грешника Достоевский передал Князю — Ставрогину, занявшему в романе подобающее ему центральное место.[1] Записи, публикуемые под № 4, послужили материалом для создания образа Тихона в этом же романе (см. не вошедшую в окончательный текст главу «У Тихона» — наст. изд т. XI). Из «Жития» перешла в «Бесы» и Хроменькая, преобразившаяся в Марью Тимофеевну Лебядкину.

Заглавием своего неосуществленного замысла, в несколько измененном, правда, виде («Подросток. Исповедь великого грешника, писанная для себя»), писатель предполагал воспользоваться в один из начальных моментов работы над следующим романом, который он в конце концов назвал «Подросток» (см.: наст. изд., т. XIV). Главный персонаж этого произведения тоже в зна-

---

[1] См.: В. Комарович. 1) Ненаписанная поэма Достоевского. *Сб. Достоевский, I,* стр. 203—207; 2) «Бесы» Достоевского и Бакунин. «Былое», 1924, № 27—28, стр. 36—49; В. Полонский. Николай Ставрогин и роман «Бесы». «Печать и революция», 1925, кн. II, стр. 92—95; Г. Б. Пономарева. Замысел «Жития великого грешника» и Ставрогин в «Бесах». (В творческой лаборатории Достоевского конца 1860-х — начала 70-х годов). «Ученые записки Московского обл. педагогического института им. Н. К. Крупской», 1967, т. 186, вып. 11, стр. 264—281. В последней из названных статей сделана попытка уяснить различие характеров Ставрогина и героя «Жития» при их несомненном духовном родстве.

чительной мере является сколком с Великого грешника: он горд, ожесточен унижениями, перенесенными в пансионе, страстен. Выстраданная им идея накопления не может целиком завладеть его сознанием. История отклонений от нее, колебаний, которая некогда должна была составить в основном первую часть романа, посвященного детским и юношеским годам Великого грешника (см. выше, стр. 129), нашла свое воплощение в «Подростке». Тем самым частично была решена поставленная в «Житии» задача — написать историю души, изобразить становление личности (см.: *Долинин*, стр. 33—34). О некоторых действующих лицах и сценах, которыми роман «Подросток» обязан «Житию», см. ниже, в реальном комментарии (стр. 519, 520, 524).

С образом Великого грешника генетически связаны главные герои последнего романа писателя. К Дмитрию Карамазову ведут записи: «начало широкости», «сладострастие», «разгул»; в характере Ивана отражена богоборческая линия «Жития»; в характере Алексея — мотив послушничества. Тема монастыря и старчества, намеченная в «Житии» как одна из самых главных, получила в «Братьях Карамазовых» углубленное развитие. Тихон Задонский стал одним из прототипов Зосимы. «Монастырскими» записями «Жития» в какой-то степени предопределена композиция шестой книги второй части романа (см. два раздела книги «Русский инок»: «Из Жития в бозе преставившегося иеросхимонаха старца Зосимы...», «Из бесед и поучений старца Зосимы...» — и две группы заметок о монастыре в рукописи «Жития»: с одной стороны, заметки биографические — «О семье, отце, матери, братьях», «Рассказ Тихона о своей первой любви, о детях»; с другой — заметки, заключающие в себе темы наставлений, — «Дай бог доброй ночи нам и всем диким зверям», «О том, что такое сатана?», «О смирении...»). Соотносится с «Житием» и тема детей и детской психологии в «Братьях Карамазовых»: образы Коли Красоткина — «прелестной натуры, хотя и извращенной», и Лизы Хохлаковой, в которой есть «что-то злобное и в то же время что-то простодушное» (см.: наст. изд., т. XVI). Детская дружба прикованной к креслу Лизы и Алеши Карамазова — новый вариант отношений героя «Жития» и Хроменькой. [1]

Цитированные выше письма Достоевского (см. стр. 500—503) показывают, как дорог был писателю замысел «Жития». Однако роман этот, как известно, так и не был написан. Рукопись «Жития» помогает уяснить причины «обреченности» замысла. Внимательный анализ ее свидетельствует о том, что писателю упорно не давалась идея «преодоления греховности». По справедливому наблюдению А. Л. Бема, в планах «Жития» «преступный лик героя вырисован четко и психологически убедительно, лик просветленный рисуется смутно»; даже встреча с Тихоном «скорее укрепляет грешника в его ложном пути, чем ведет его на путь просветления», а в одной из заключительных записей о «не побежденном в своей гордости, не способном на подлинный акт смирения и раскаяния» герое говорится: «Застрелиться хотел...». Таким образом, «почти до конца герой „Жития“ пребывает в своей гордыне, пути преодоления которой в сохранившемся плане не даны» (см.: А. Л. Б е м. Эволюция образа Ставрогина. (К спору об «Исповеди Ставрогина»), стр. 190, 187—188). Достоевскому не удавалось в соответствии со своим замыслом убедительно изобразить духовный переворот, эволюцию от мрачного преступления к подвигу и деятельности на благо людей.

С т р. 126. *Брат Миша.* — Об отношениях Достоевского и его старшего брата Михаила в детские годы А. М. Достоевский вспоминает: «Оба старшие брата были погодки, росли вместе и были чрезвычайно дружны между собою. Дружба эта сохранилась и впоследствии, до конца жизни старшего брата. Но, несмотря на эту дружбу, они были совершенно различных характеров» (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 43).

---

[1] О мотивах и темах «Жития» в «Братьях Карамазовых» см.: *Чулков,* стр. 195—197, 208; В. К о м а р о в и ч. Ненаписанная поэма Достоевского. *Сб. Достоевский, I,* стр, 203—207.

С т р. 126. *Любовь к Куликову.* — Куликов (подлинная фамилия Кулишов) — один из персонажей «Записок из Мертвого дома», арестант особого отделения, человек «живучий, сильный, с чрезвычайными и разнообразными способностями» (см.: наст. изд., т. IV, стр. 221, 286). Куликов-Кулишов встречается также в набросках «Смерти поэта», ⟨Романа о Князе и Ростовщике⟩ (см. выше, стр. 120—125) и в черновых материалах к роману «Бесы» (см.: наст. изд., т. XI).

С т р. 126. *«Thérèse-philosophe».* — Полное название данной книги: Thérèse-philosophe, ou Mémoires pour servir à l'histoire du P. Dirrag et de Mademoiselle Eradice. La Haye, [1748]. Эта книга эротического содержания приписывается Ж.-Б. Аржану (1704—1771). Достоевский упоминает ее в романе «Игрок» (см.: наст. изд., т. V, стр. 306).

С т р. 126. *Брин* — возможно, имеется в виду С. Ф. фон Брин (1806—1876), генерал-лейтенант Семеновского полка (с 1849 г.), состоявший в свите императора.

С т р. 126. *Humboldt.* — Речь идет об Александре фон Гумбольдте (1769—1859), знаменитом немецком естествоиспытателе, путешественнике и ученом. Достоевский высоко ценил Гумбольдта, уважая в нем «универсальную мысль», «огромное образование», «*знание*, не по одной своей специальности» (см. письмо к А. Ф. Герасимовой от 7 марта 1877 г.). О герое «Жития» в рукописи говорится: «Сколько надо знать наук...»; «надо ⟨...⟩ чтоб и в этом ⟨в науке, — *Ред.*⟩ он был выше и лучше». Отсюда его интерес к личности Гумбольдта. Упоминание в «Житии» имени этого ученого связано также с темой человека и природы. Ее решение у Гумбольдта сходно со взглядами на этот счет Тихона Задонского (см. выше, стр. 513). Работая над своим основным трудом, «Космосом», делом всей его жизни, ученый стремился дать опыт «физического мироописания», т. е. «созерцания всего созданного, всего сущего в пространстве ⟨...⟩ как в одно время существующего *целого природы*» (см.: А. фон Гумбольдт. Космос. Опыт физического мироописания. Пер. с нем. Н. Фролова. Ч. I. СПб., 1848, стр. 34). Он находился под обаянием «величавого воззрения на природу», которое с таким блеском выразилось в 103-м псалме царя Давида и 37-й главе Книги Иова. С восхищением писал Гумбольдт о том, как переданы в них и разнообразие явлений внешнего мира, и их общая связь: «Столь же живописно изображение отдельных явлений, сколь искусно расположение плана целого дидактического творения» (см. там же, ч. II. М., 1851, стр. 39—40). Всё это не могло не привлечь внимания Достоевского.

С т р. 127. *Ем виноград.* — Общий смысл записи неясен. Она может быть сопоставлена со следующим мотивом в подготовительных материалах к роману «Идиот»: «уединил себя от семейства (груши и виноград)» — см. выше, стр. 140.

С т р. 127. *...mon мушвар.* — Мушвар (франц. mouchoir) — платок.

С т р. 127. *Матушкины дети у Сушара и у Чермака...* — Николай Иванович Сушард (Драшусов) — француз, готовивший братьев Достоевских к поступлению в пансион Чермака (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 64—66). Фигурирует также в черновиках романа «Подросток» (см.: наст. изд., т. XIV; в окончательном тексте — Тушар). Леонтий Иванович Чермак — содержатель частного пансиона в Москве, в котором старшие мальчики Достоевские учились в 1834—1837 гг. (подробно о Л. И. Чермаке см. в статье Г. А. Федорова «Пансион Л. И. Чермака в 1834—1837 гг. (по новым материалам)» в кн.: *Материалы и исследования*, стр. 241—245). О Достоевском-пансионере его соученик В. М. Каченовский рассказывал: «...это был сериозный, задумчивый мальчик, белокурый, с бледным лицом. Его мало занимали игры: во время рекреаций он не оставлял почти книг, проводя остальную часть свободного времени в разговорах со старшими воспитанниками пансиона...» (*МВед,* 1881, 31 января, № 31). Вспоминая о времени своего учения у Чермака и о товарищах по пансиону, Достоевский писал: «Бывая в Москве, мимо дома в Басманной ⟨в котором находился пансион Чермака, — *Ред.*⟩ всегда проезжаю с волнением» (см. письмо к В. М. Каченовскому от 16 октября 1880 г.).

С т р. 127. *Lambert.* — Впервые имя Ламбер (Ламберт) появляется у Достоевского в повести «Крокодил». В качестве эпиграфа к ней взята фраза:

«Ohé, Lambert! Où est Lambert? As-tu vu Lambert?» («Эй, Ламбер! Где Ламбер? Видел ли ты Ламбера?») — см.: М. П. Алексеев. Об одном эпиграфе у Достоевского. В кн.: Проблемы теории и истории литературы. М., 1971, стр. 367—372. Евгений Ламберт, «иностранец», поступивший 23 ноября 1832 г., фигурирует в списке пансионеров Л. И. Чермака за 1833 г. Братья Достоевские учились с ним по меньшей мере год (см.: *Материалы и исследования*, стр. 248—249). В «Житии» Ламберт изображен как воплощение злобного, разрушительного начала, которое герой ощущает в самом себе. В той же роли переходит затем в роман «Подросток» (см. черновые записи: «Ламберт волнует его»; «Что же хорошего в Ламберте? *Цельная идея*»; «Ламберт — мясо, материя, ужас...»; «спаси себя от Ламберта» — наст. изд., т. XIV). См. также: наст. изд., т. XV.

Стр. 127. ...*Альфонский*... — А. А. Альфонский (1796—1869) — известный московский ученый-медик; с 1817 г. служил вместе с отцом Достоевского ординатором и консультантом в Мариинской больнице для бедных, с 1830 г. — главным врачом в Воспитательном доме; с 1819 г. преподавал в Московском университете хирургию, впоследствии был деканом медицинского факультета, проректором и ректором университета (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета..., ч. I, М., 1855, стр. X, XIX, 1—3). Его первая жена была близким другом М. Ф. Достоевской; вторым браком Альфонский был женат, как пишет брат писателя, на «знатной барыне» (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 31), Е. А. Мухановой (1800—1876), сестре декабриста П. А. Муханова и историка П. А. Муханова. Газетное сообщение о смерти Альфонского 4 января 1869 г. (см., например, некролог в «Современных известиях», 1869, 2 февраля, № 31) могло оживить детские воспоминания Достоевского об этом человеке. В «Житии» отражен, например, такой факт биографии Альфонского, как его вторая женитьба (см. запись: «У великосветской жены А⟨льфонско⟩го (мачехи героя)...»). Семья Альфонских упоминается также в черновых рукописях романа «Бесы» (см.: наст. изд., т. XI).

Стр. 127. ...*чтение Карамзина. Арабские сказки.* — Достоевский, по собственному признанию в письме к Н. Н. Страхову от 2 (14) декабря 1870 г., «возрос на Карамзине». «Бедная Лиза», «Письма русского путешественника», «История государства Российского» входили в круг семейного чтения в доме его родителей. В частности, «История», как отмечает А. М. Достоевский, была для писателя в детстве «настольною книгою, и он читал ее всегда, когда не было чего-либо новенького», тем более что в доме был «свой экземпляр» этого сочинения (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 68—69). По рекомендации Достоевского, «Историю» читали и его дети (см.: Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. М.—Пгр., 1922, стр. 91). О любви Достоевского к «Истории» Карамзина и о превосходном знании им этой книги см. также выше, стр. 385. Сказки из «Тысячи и одной ночи» (выходили в России с конца 60-х годов XVIII в. в переводах с французского) рассказывала детям Достоевским «часто гостившая» в доме «старушка Александра Николаевна» (см.: *Биография*, стр. 9).

Стр. 127. *О Суворове*... — Трудно сказать, какую именно из вышедших в первой трети XIX в. книг о Суворове могли читать в доме Достоевских. Может быть, это были издания типа: ⟨Ф. Антинг⟩. Победы графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского, или Жизнь его и военные деяния..., чч. 1—4. Пер. с франц. Ф. Бунакова. М., 1809; История генералиссимуса, князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, от самого начала вступления его в службу до его кончины..., чч. 1—2. М., 1812; Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни Александра Васильевича, князя Италийского, графа Суворова-Рымникского... Изд. 2-е. М., 1811; Анекдоты князя Италийского, графа Суворова-Рымникского. Изданные Е. Фуксом. СПб., 1827. Впрочем, Достоевскому могли быть известны некоторые посвященные Суворову публикации и труды, относящиеся ко времени его работы над «Житием» (письма полководца и воспоминания о нем — «Русская беседа», 1860, кн. I, отд. IV, стр. 77—80; *РА*, 1866, № 7, стлб. 929—1030; 1867, стлб. 487—489, 525—538, 1225, 1226, 1238—1250, 1290, 1539, 1540, 1545, 1549—1551; 1868, стлб. 1865—

1866; 1869, № 2; книги — В. Новаковский. Биографические очерки. II. А. В. Суворов. Изд. 2-е, испр. СПб., 1863; Русские люди. Жизнеописания соотечественников, прославившихся своими деяниями, т. I. СПб.—М., 1866, стр. 173—296; Фр. фон Смитт. Суворов и падение Польши. Пер. с нем. Чч. 1—2. СПб., 1866—1867) и ко временам его молодости (письма и воспоминания — *РВ*, 1842, № 1—6; *М*, 1842, №№ 4—6, 12, 1843, №№ 1—3, 8, 1844, №№ 1, 5—10, 1845, №№ 1,5 и 6; книги — Н. А. Полевой. История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск. СПб., 1843; Биография Александра Васильевича Суворова, им самим писанная в 1786 году, сообщенная Д. П. Голохвастовым. М., 1848; Д. В. Давыдов. Встреча с великим Суворовым. В кн.: Сочинения Д. В. Давыдова. СПб., 1848, стр. 85—109). Великого грешника, «упражнявшего» волю («...раны и сожигания...», «порезал себя для пробы»), фигура Суворова могла особенно привлечь потому, что этот от природы слабый здоровьем человек обладал несгибаемой волей, огромной силой духа и поразительной, казавшейся современникам таинственной способностью воздействия на людские массы.

Стр. 127—128. *Анна и Василиса бежали.* — Анна (кухарка) и Василиса (прачка) — крепостные, принадлежавшие родителям Достоевского еще до покупки ими села Дарового. Достоевский-отец считал Василису «подозрительной», обвинял в кражах и пьянстве. Мария Федоровна соглашалась с мужем и хотела поскорее отделаться от неугодной прислуги: «Ах! ежели бы мне можно было, шелепами бы прогнала ее» (см.: В. С. Нечаева. В семье и усадьбе Достоевских. (Письма М. А. и М. Ф. Достоевских). М., 1939, стр. 96—99, 100, 139). Тем не менее побег Василисы очень огорчил Достоевских, ибо «бросал тень на худое житье» у них «крепостным людям» (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 29).

Стр. 128. *Такие типы из коренника бывают часто или Стеньки Разины, или Данилы Филипповичи...* — В «Записках из подполья» Достоевский, вероятно находясь под впечатлением книги Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» (изд. 2-е, доп. СПб., 1859), писал о Разине как о «кровопроливце» (см.: наст. изд., т. V, стр. 112; ср. близкую трактовку Разина в «Бесах» — т X). Упоминание имени Разина в связи с размышлением о типе из «коренника» («коренник» — коренной, исконный: устар. и простореч.) позволяет предположить, что не менее существенной, чем книга Костомарова, была для Достоевского в данном случае статья Н. В. Шелгунова «Русские идеалы, герои и типы» («Дело», 1868, № 6). Полемизируя с автором «Бунта Стеньки Разина», Шелгунов утверждал: «Разин был ⟨...⟩ органический продукт страны, в этом и секрет его изумительной нравственной силы» (стр. 90). Данила Филиппович — хлыстовский Саваоф, крестьянин Юрьевецкого уезда Костромской губернии; по преданию, «явился» в 1631 г. во Владимирской губернии, Муромском уезде, Стародубской волости, на горе Городине; проповедовал во Владимирской, Костромской, Нижегородской и Московской губерниях свое учение, заключавшееся в 12 заповедях; в 1700 г. умер («вознесся») в Москве (см.: П. И. Мельников (Андрей Печерский). Собр. соч., т. VI. Изд. «Правда», М., 1963, стр. 261—266).

Стр. 129. *(Увлекается чем-нибудь ужасно, «Гамлетом» н⟨а⟩прим.).* — Восхищение «Гамлетом» героя «Жития» — замысла, в котором отражены религиозные сомнения Достоевского, связано с интересом Великого грешника к волновавшим писателя темам жизни и смерти, размышлениям его о загробном мире (ср.: Шекспир и русская культура. Под ред. М. П. Алексеева. М.—Л., 1965, стр. 590—597).

Стр. 129. *«Жители луны».* — Имеется в виду популярная в 1830-х годах в Европе и России книга «О жителях Луны и о других достопримечательных открытиях, сделанных астрономом сир Джоном Гершелем во время пребывания его на мысе Доброй Надежды» (Пер. с нем. СПб., 1836). Книга эта содержит фантастические сведения о мнимых открытиях Дж. Гершеля, сообщенные его помощником А. Грантом (см. рецензию В. Г. Белинского в «Молве», 1836, № 11 — *Белинский*, т. II, стр. 226). Историю этой мистификации см.: *БдЧт*, 1836, т. XVI, ч. 2, отд. VI, стр. 66—79.

Стр. 130. *(Манго).* — Француз Манго, «мужчина лет 45-ти, очень

добродушный ⟨...⟩ всегда хладнокровный и обходчивый», был надзирателем в пансионе Л. И. Чермака (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 99). Упоминается также в «Преступлении и наказании» (см.: наст. изд., т. VI, стр. 298).

Стр. 130. *Albert и он срывают звезду с венца...* — Достоевский имел возможность наблюдать лично (см. запись № 76 в Сибирской тетради — наст. изд., т. IV, стр. 238), что «грех святотатства», «в сибирских табелях ссыльных, сделался ⟨...⟩ каким-то видом неизлечимой и постоянной болезни» (ср. статью С. В. Максимова «Народные преступления и несчастия» (*ОЗ*, 1869, № 4, стр. 329), с которой Достоевский, возможно, был знаком).

Стр. 131. *Один, но подробный психологический анализ, как действуют на ребенка произведения писателей, н⟨а⟩п⟨ример⟩ «Герой нашего времени».* — О воздействии творчества Лермонтова на Достоевского см.: *Библиотека*, стр. 79—82; *Кирпотин*, стр. 98—105.

Стр. 132. *Театр. «Сядь ко мне на колени».* — По-видимому, в этой записи намечен эпизод, напоминающий сцену из рассказа «Маленький герой» между одиннадцатилетним мальчиком и блондинкой-насмешницей (см.: наст. изд., т. II, стр. 270—272).

Стр. 132. *Он ужасно много читал (Вальтер Скотт и проч.).* — Упоминание В. Скотта автобиографично. Достоевский очень ценил творчество шотландского романиста. В журнальной редакции «Неточки Незвановой» он писал о нем как о поэте «чувства семейственности», доведенного «до высочайшего исторического значения» и представленного «как условие сохранения всего человечества» (см.: наст. изд., т. II, стр. 451). В письме к Н. Л. Озмидову от 18 августа 1880 г. он подчеркивал: «Вальтер Скотт ⟨...⟩ имеет высокое воспитательное значение» — и вспоминал: «...12-ти лет я в деревне во время вакаций прочел всего Вальтер-Скотта и ⟨...⟩ захватил с собой в жизнь из этого чтения столько прекрасных и высоких впечатлений, что ⟨...⟩ они составили в душе моей большую силу для борьбы с впечатлениями соблазнительными, страстными и растлевающими». См. также: наст. изд., т. II, стр. 504—505.

Стр. 132. *О классическом образовании у Чермака (Гер Тайдер.)* — Карл Тайдер — гувернер в пансионе Л. И. Чермака; значится в списке педагогов пансиона за 1834 г. Как и Манго, занимался с воспитанниками своим родным языком (см.: *Материалы и исследования*, стр. 248).

Стр. 132. *Сухость рассказа, иногда до «Жиль Блаза».* — «Любимым писателем Достоевского был Диккенс, но еще любил он и не раз рекомендовал мне прочесть „Жиль Блаза“...», — писала Е. А. Штакеншнейдер (см.: *Воспоминания современников*, т. II, стр. 320). В особенности Достоевского восхищала в «Истории Жиль Блаза из Сантильяны» (1717—1735) сцена между героем и архиепископом Гренадским (см.: наст. изд., т. XXII). В вышеуказанном письме к Н. Л. Озмидову Достоевский советовал включить в чтение для подростка это произведение А.-Р. Лесажа (1668—1747). Приступая к «Житию», Достоевский в какой-то мере ориентировался на характеризующуюся «наивной четкостью» манеру Лесажа (см.: В. Комарович. Ненаписанная поэма Достоевского. *Сб. Достоевский, I*, стр. 199). Ср.: наст. изд., т. XVIII.

Стр. 133. *Умнов и Гоголь...* — Гимназист Ванечка (Иван Гаврилович) Умнов, сын Ольги Дмитриевны Умновой, был дружен с братьями Достоевскими в их детские годы. Он знакомил их со многими новинками литературы: «Домом сумасшедших» А. Ф. Воейкова, «Коньком-Горбунком» П. П. Ершова (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 43, 70—71) и, как свидетельствует эта запись, произведениями Н. В. Гоголя.

Стр. 134. *(Мечты о путешествиях, Кук с Хромой.)* — Достоевский рассказывал, что он «очень любил читать путешествия, и, под влиянием такого чтения, пламенною мечтою его сделалось посетить Венецию, Константинополь и вообще Восток, сильно занимавший его воображение» (см.: *Биография*, стр. 23). Кук Джемс (1728—1779) — английский мореплаватель, открывший Новую Зеландию и ряд островов в Тихом океане (см.: наст. изд., т. III, стр. 509; т. IV, стр. 319).

Стр. 134. *...Гоголя знает и Пушкина.)* — Герой Достоевского, как и он сам, «воспитывался на Пушкине и Гоголе» (см.: *Биография*, стр. 276; *Досто-*

евский, А. М., стр. 69—70, 78—79). К этой записи восходит и ее развивает один из набросков к роману «Подросток»: «...Описание эффекта чтений Гоголя, „Тараса Бульбы“» (см.: наст. изд., т. XIV).

Стр. 135. *Иаков поклонился три раза.* — В Библии Иаков поклонился своему брату Исаву семь раз (см.: Бытие, гл. 33, ст. 3). Незадолго до смерти он поклонился «на возглавие постели», взяв с Иосифа клятву, что тот не похоронит его в Египте (там же, гл. 47, ст. 29—31).

Стр. 135. *Лакей Осип...* — Это имя, как и многие другие имена в «Житии», связано с детскими годами Достоевского. Денщик Осип служил в семье Масловичей — дальних родственников Достоевских, и часто бывал в доме родителей писателя (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 100—101).

Стр. 135. *Убили Орлова;* см. также стр. 131: *С Куликовым силу духа выказывает* ⟨...⟩ *беглого солдата, разбойника, зарезали вместе.* — «Знаменитый разбойник Орлов, из беглых солдат», — один из арестантов в «Записках из Мертвого дома». Он описан Достоевским как «железный характером человек», «с страшной силой воли и с гордым сознанием своей силы», который «мог повелевать собою безгранично, презирал всякие муки и наказания и не боялся ничего на свете» (см.: наст. изд., т. IV, стр. 46—47).

Стр. 135. *Через $1^1/_2$ года* ∾ *А⟨льфонско⟩го убивают крестьяне. (?);* см. также стр. 136: *(А ⟨льфонско⟩го, задурившего в деревне, могли убить крестьяне...* — Эти строки навеяны обстоятельствами гибели отца писателя. Одним из убийц его был Ефим Максимов — дядя сироты Екатерины Александровой, которая девочкой была взята М. Ф. Достоевской из деревни, выполняла в доме обязанности горничной и которую отец писателя после смерти жены сделал своей наложницей (см.: В. С. Нечаева. В семье и усадьбе Достоевских, стр. 56—59).

Стр. 136. (NЗ. *Хорошенько прочесть описания зверей: Гумбольдта, Бюффона, русских.*) — В «Картинах природы с научными объяснениями» (Пер. с нем. Чч. I, II. М., 1855) А. фон Гумбольдт, преследуя одновременно «литературную и чисто научную» цели, пытался дать «изящную обработку предметов естественной истории» (ч. I, стр. VII, IX), в частности «живые» описания животных Южной Америки (ч. I, стр. 54—57, 86—90, 141—142, 206—214; ч. II, стр. 28—32, 46—57). В многотомном курсе естественной истории Ж. Бюффона («Histoire naturelle générale et particulière ...») описания животных занимают тома IV—XV (Paris, 1753—1768); см. также русские переводы: 1) Всеобщая и частная естественная история графа де Бюффона ..., чч. I—X. СПб., 1789—1808 (животному миру здесь посвящены чч. VI—X), 2) Бюффон для юношества, или Сокращенная история трех царств природы, сочиненная Петром Бланшардом..., тт. I—V. М., 1814 (описания животных находятся в тт. I—IV). Из русских «описаний зверей» Достоевский, вероятно, мог иметь в виду сочинения И. А. Двигубского (Изображения и описания животных Российской империи, чч. I—XI. М., 1817; Опыт естественной истории всех животных Российской империи..., чч. I—IV. М., 1829—1831) и А. Л. Ловецкого (Краткое начертание естественной истории животных..., чч. I—II. М., 1825—1827).

Стр. 138. *О медведе.* — Эта запись (так же как и несколько более ранняя: «Дай бог доброй ночи нам и всем диким зверям») предвосхищает тему одного из поучений старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы». Внушая слушателям мысль о безгрешности, незлобивости, доверчивости животных и о том, что «с ними Христос еще раньше нашего», Зосима приводит случай с «великим святым» Сергием Радонежским (ср.: Избранные жития святых, кратко изложенные по руководству Четиих Миней. Сентябрь. М., 1860, стр. 136), который в лесной глуши «бесстрашно» вышел навстречу свирепому медведю: зверь взял из его рук кусок хлеба и «отошел» «послушно и кротко» (см.: наст. изд., т. XVI).

Стр. 138. *О том, что такое сатана?* — Ср.: Сочинения преосвященного Тихона..., т. XV, стр. 190—191 (письмо 80, «Успел ли в своем намерении сатана?»).

Стр. 138. *Аникита идет к Чаадаеву усовещевать.* — Достоевский предполагал отвести Чаадаеву в «Житии» довольно значительное место, сделав

его идейным антиподом Тихона (см. об этом в цитированном выше письме его к А. Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г., стр. 506).

С т р. 138. *Благословляет на падение и на восстание;* см. также с т р. 139: *Падание и восставание.* — Имеется в виду формула, весьма распространенная в поучениях отцов церкви (например, у Антония Великого: «Если случится кому, по наущению диавола, подвергнуться падению: тот да восстанет покаянием...»; у аввы Сисоя Великого: «Брат сказал авве Сисою: „Авва! Что делать мне? Я пал". Старец отвечал: „Встань". Брат сказал: „Я встал и опять пал". Старец отвечал: „Снова встань". Брат: „Доколе же мне вставать и падать?" Старец: „До кончины твоей"» — см.: Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные епископом Игнатием. СПб., 1870, стр. 10, 433). Ср. духовное завещание Тихона Задонского: «Слава богу, яко мене лежащего восставлял!» (см.: Сочинения преосвященного Тихона..., т. I, Приложение, стр. 51) и гл. 13, названную «Восстани», из его «Сокровища духовного, от мира собираемого» (см. там же, т. XI, стр. 39—43). Любопытно отметить несколько иное словоупотребление, характерное для Белинского и Бакунина. Термины «падение» и «восстание» часто встречались в их переписке (см., например, письма В. Г. Белинского к М. А. Бакунину от 16 августа, 1 ноября, 15—20 ноября, 21 ноября 1837 г . — *Белинский,* т. XI, стр. 160, 191, 206, 209, 217, 219, 220). При этом «падение» понималось как умственное бездействие, уныние, погружение в сферу пошлой, обыденной жизни, а «восстание» как обретение душевного равновесия и умственный подъем (см.: В. Г. Б е р е з и н а. Белинский и Бакунин в 1830-е годы. «Ученые записки Ленинградского гос. университета», 1952, т. 158, вып. 17, стр. 45—46). В более широком смысле слова эти см. в статье «Опыт системы нравственной философии. Сочинение магистра Алексея Дроздова», отразившей фихтеанские увлечения Белинского (*РЛ*, 1969, № 3, стр. 146).

С т р. 138. *Один Пушкин настоящий русский.* — Впервые о Пушкине как о национальном поэте Достоевский писал в журнале «Время» в 1861 г.: «Дух русский, мысль русская выражались и не в одном Пушкине, но только в нем они явились нам во всей полноте ⟨...⟩ как факт законченный и целый.. » (см.: Ряд статей о русской литературе. I. Введение — наст. изд., т. XVIII). В «Житии» он вернулся к этой мысли, подготовив тем самым содержащееся в «Дневнике писателя» (1877, июль—август, гл. II, § 3), и главным образом в Пушкинской речи 1881 г., обоснование особого места Пушкина в русской литературе.

С т р. 139. ...(*подкинули младенца*). — Эпизод этот развит в романе «Подросток» (см.: наст. изд., т. XIII).

С т р. 139. *Кончает воспитательным домом у себя и Гасом становится.* — О Ф. П. Гаазе см. в подготовительных материалах к «Преступлению и наказанию» (наст. изд., т. VII, стр. 77, 80 и др.), в тексте романа «Идиот» (там же, т. VIII, стр. 335—336) и в комментариях к нему (выше, стр. 344).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ [1]

Места хранения рукописей

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград).
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

Печатные источники

БВ — «Биржевые ведомости» (газета).
БдЧт — «Библиотека для чтения» (журнал).
Белинский — В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIII. Изд. АН СССР, М., 1953—1959.
Бельчиков — Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев. Изд. «Наука», М., 1971.
Бем — А. Л. Бем. У истоков творчества Достоевского. Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский. Изд. «Петрополис», Прага, 1936.
Библиотека — Л. Гроссман. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. С прилож. каталога библиотеки Достоевского. Одесса, 1919.
Биография — Биография, письма и заметки из записной книжки. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб., 1883 (Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, т. I).
Блок — А. Блок. Собрание сочинений, тт. I—VIII. Гослитиздат, М.—Л., 1960—1963.
Борщевский — С. Борщевский. Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы. Гослитиздат, М., 1956.
ВЕ — «Вестник Европы» (журнал).
Вольф, Хроника — ⟨А. И. Вольф.⟩ Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1881 года, чч. I—III. СПб., 1877—1884.
Воспоминания современников — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, тт. I—II. Гослитиздат, М., 1964.
Вр — «Время» (журнал).
Врангель — А. Е. Врангель. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854—1856 гг. СПб., 1912.
Г — «Голос» (газета).

---

[1] В список не включены сокращения, совпадающие с сиглами, указанными в перечне источников текста к каждому произведению.

Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений, тт. I—XXX. Изд. АН СССР—«Наука», М., 1954—1966.
Гоголь — Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, тт. I—XIV. Изд. АН СССР, М., 1937—1952.
Горький — М. Горький. Собрание сочинений, тт. I—XXX. Гослитиздат, М., 1949—1955.
Гроссман, Биография — Л. П. Гроссман. Достоевский. Изд. 2-е, испр. и доп. Изд. «Молодая гвардия», М., 1965.
Гроссман, Жизнь и труды — Л. П. Гроссман. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. Изд. «Academia», М.—Л., 1935.
Гроссман, Семинарий — Л. П. Гроссман. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. ГИЗ, М.—Пгр., 1922.
Гюго — Виктор Гюго. Собрание сочинений, тт. I—XV. Гослитиздат, М., 1953—1956.
Даль — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I—IV. Гос. изд. иностр. и нац. словарей, М., 1955.
Д, Материалы и исследования — Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Под ред. А. С. Долинина. Изд. АН СССР, Л., 1935.
Долинин — А. С. Долинин. Последние романы Достоевского. Изд. «Сов. писатель», М.—Л., 1963.
Дороватовская-Любимова — В. С. Дороватовская-Любимова. «Идиот» Достоевского и уголовная хроника его времени. «Печать и революция», 1928, № 3, стр. 31—53.
Достоевская, А. Г., Воспоминания — А. Г. Достоевская. Воспоминания. Гослитиздат, М., 1971.
Достоевская, Дневник — А. Г. Достоевская. Дневник. 1867. Изд. «Новая Москва», М., 1923.
Достоевский, А. М. — А. М. Достоевский. Воспоминания. Ред. и вступ. статья А. А. Достоевского. «Изд. писателей в Ленинграде», 1930.
Достоевский и его время — Достоевский и его время. Под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридлендера. Изд. «Наука», Л., 1971 (Академия Наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом)).
Достоевский и шестидесятники — В. С. Дороватовская-Любимова. Достоевский и шестидесятники. В кн.: Достоевский. Труды Гос. академии художественных наук. Литературная секция. Вып. 3. М., 1928.
ДП — «Дневник писателя».
Д, Письма — Ф. М. Достоевский. Письма, тт. I—IV. Под ред. А. С. Долинина. Изд. «Academia»—Гослитиздат, М.—Л., 1928—1959.
З — «Заря» (журнал).
Звенья — Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV—XX вв. Тт. I—IX. Изд. «Academia»—Госкультпросветиздат, М.—Л., 1932—1951.
ИВ — «Исторический вестник» (журнал).
Кирпотин — В. Я. Кирпотин. Ф. М. Достоевский. Творческий путь (1821—1859). Гослитиздат, М., 1960.
Ковалевская — С. В. Ковалевская. Воспоминания и письма. Изд. АН СССР, М., 1961.
Коншина — Записные тетради Ф. М. Достоевского. Подг. к печати Е. Н. Коншиной. Комм. Н. И. Игнатовой и Е. Н. Коншиной. Изд. «Academia», М.—Л., 1935.
ЛГ — «Литературная газета».
ЛН — «Литературное наследство», тт. 1—86. Изд. АН СССР—«Наука», М., 1931—1973. Издание продолжается.
М — «Москвитянин» (журнал).
Материалы и исследования — Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования, т. 1. Изд. «Наука», Л., 1974.
МВед — «Московские ведомости» (газета).
Минхевич — Вл. Минхевич. Петербург весь на ладони. СПб., 1874.
Мочульский — К. Мочульский. Достоевский. Жизнь и творчество. Париж, 1947.

Назиров — Р. Г. Назиров. Герои романа «Идиот» и их прототипы. «Русская литература», 1970, № 2, стр. 114—123.

НВр — «Новое время» (газета).

О Достоевском — О Достоевском. Сборник статей, I—II. Под ред. А. Л. Бема. Прага, 1929, 1933.

ОЗ — «Отечественные записки» (журнал).

Описание — Описание рукописей Ф. М. Достоевского. Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957 (Библиотека СССР им. В. И. Ленина — Центр. гос. архив литературы и искусства СССР — Институт русской литературы АН СССР).

РА — «Русский архив» (журнал).

РВ — «Русский вестник» (журнал).

РИ — «Русский инвалид» (газета).

РЛ — «Русская литература» (журнал).

Роллан — Р. Роллан. Собрание сочинений, тт. I—XIV. Гослитиздат, М., 1954—1958.

РР — «Русская речь» (газета).

РС — «Русская старина» (журнал).

РСл — «Русское слово» (журнал).

С — «Современник» (журнал).

Сакулин — Из архива Ф. М. Достоевского. «Идиот». Неизданные материалы. Ред. П. Н. Сакулина и Н. Ф. Бельчикова. ГИХЛ, М.—Л., 1931.

Салтыков-Щедрин — М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в двадцати томах, тт. I—XV. Гослитиздат, М., 1965—1973. Издание продолжается.

Сб. Достоевский, I — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник I. Под. ред. А. С. Долинина. Изд. «Мысль», Пб., 1922.

Сб. Достоевский, II — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник II. Под ред. А. С. Долинина. Изд. «Мысль», Л.—М., 1924.

СПбВед — «С.-Петербургские ведомости» (газета).

Страхов — Н. Н. Страхов. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862—1885). СПб., 1885.

Творчество Достоевского — Творчество Ф. М. Достоевского. Изд. АН СССР, М., 1959 (АН СССР. Институт мировой литературы).

Творчество Достоевского, 1921 — Творчество Достоевского. 1821—1881—1921. Сборник статей и материалов. Всеукргиз, Одесса, 1921.

Толстой — Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, тт. 1—90. Гослитиздат, М.—Л., 1928—1964.

Тургенев, Сочинения — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения, тт. I—XV. Изд. АН СССР—«Наука», М.—Л., 1960—1968.

Фридлендер — Г. М. Фридлендер. Реализм Достоевского. Изд. «Наука», М.—Л., 1964.

Харьк. губ. вед. — «Харьковские губернские ведомости» (газета).

Чернышевский — Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, тт. I—XVI. Гослитиздат, М., 1939—1953.

Чирков, 1963 — Н. М. Чирков. О стиле Достоевского. Изд. АН СССР, М., 1963.

Чирков, 1967 — Н. М. Чирков. О стиле Достоевского. Проблематика, идеи, образы. Изд. «Наука», М., 1967.

Чулков — Г. Чулков. Как работал Достоевский. Изд. «Сов. писатель», М., 1939.

Шестидесятые годы — Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940.

1882 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIV. СПб., 1882—1883.

1928 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание художественных произведений, тт. I—XIII. Под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. ГИЗ, Л., 1926—1930.

Renan — Renan. Jésus, Paris, 1864.

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том IX

Редактор издательства *Т. А. Лапицкая*

Оформление художников *С. Н. Тарасова* и *Л. А. Яценко*

Технический редактор *М. Н. Кондратьева*

Корректоры *З. В. Гришина* и *Э. В. Коваленко*

Сдано в набор 7/IX 1973 г. Подписано к печати 21/III 1974 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага № 1. Печ. л. 33=33 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 41,47. Изд. № 4821. Тип. зак. № 1018. Тираж 200 000. *Цена 2 р. 30 к.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26.